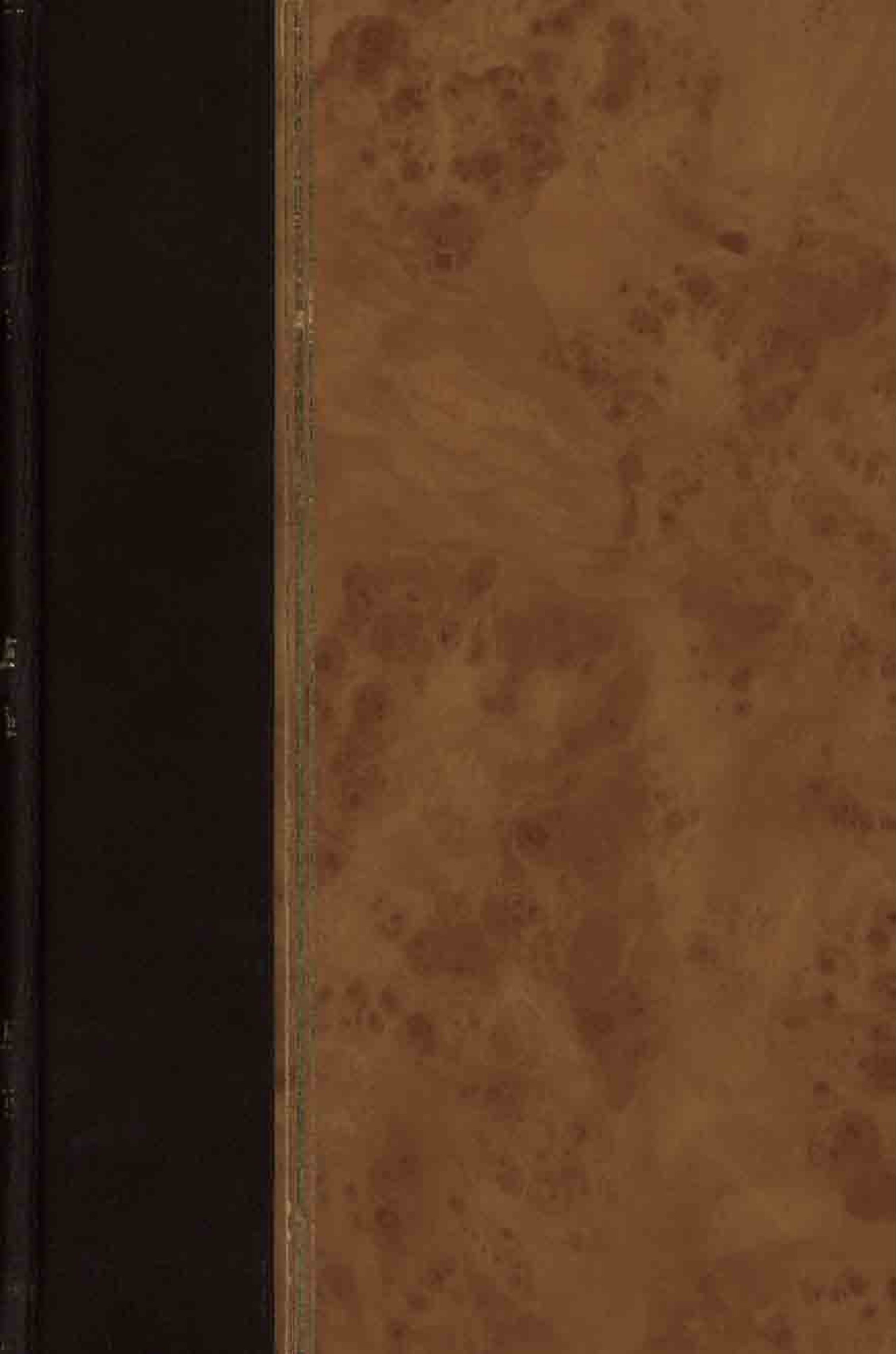

189

Г. ГЕЗЕРЪ,
Профессоръ Бреславльскаго Университета.

ОСНОВЫ
ИСТОРІИ МЕДИЦИНЫ.

Перевелъ съ нѣмецкаго врачъ Цуккерманъ,
подъ редакціей Привать-Доцента Казанскаго Университета
Александра Дохмана.
Съ добавленіями и примѣчаніями редактора.

КАЗАНЬ.
Изданіе Н. А. Ильяшенко.
1890.

Дозволено цензурою. Казань, 20 Января 1890 года.

Типографія Н. А. Ильяшенко.
Покровская улица, домъ Свіяжскаго подворья, противъ новой церкви Покрова.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Иниціатива обработки предлагаемаго сочиненія исходитъ отъ издателя. Ему стало извѣстно, что студенты и молодые врачи, напуганные объемомъ моего „Lehrbuch der Geschichte der Medicin,“ высказывали неоднократно желаніе — получить книгу, которая бы въ возможно краткой формѣ передавала все существенное содержаніе упомянутаго труда. Я не отрицалъ справедливости этого желанія. Но какъ я ни стремился удовлетворить интересъ моихъ молодыхъ товарищей къ исторіи нашей науки, однако лично меня касающіяся и уважительныя причины заставили отложить разработку этого (краткаго) сочиненія. Въ концѣ концовъ убѣдительный голосъ друзей и товарищей устранилъ эти колебанія, и мнѣ остается только пожелать, чтобы это сочиненіе, обязанное своимъ появленіемъ доброму мнѣнію моихъ коллегъ, не оказалось бы излишнимъ для болѣе обширнаго круга читателей.

Г. Гезеръ.

Бреславль,
5 апрѣля 1884.

ПРЕДИСЛОВІЕ РЕДАКТОРА.

Источниками сдѣланныхъ въ книгѣ Гезера добавленій и примѣчаній служили для редактора труды Шпренгеля Гуардіа, Пушмана, Литтрэ, Гиршеля, Лабульбена, Обера, Ковнера, Чистовича, Ланге, Льюиса, Уэвелля, энциклопедія Эйленбурга; кромѣ того для справокъ я имѣлъ въ своемъ распоряженіи нѣкоторыя сочиненія Гиппократа, Цельса, Бёргавэ, Сиденгэма, Галлера, Гуфеланда, Ганнемана, Миллера, Биша, Клодъ-Бернара.

Добавленія въ отличіе отъ текста сдѣланы:

1) въ видѣ подстрочныхъ примѣчаній редактора,
2) въ текстѣ, гдѣ онѣ или заключены въ скобки [ ], или напечатаны нѣсколько отступя отъ края страницы.

Редакторъ.

Казань,
12 января 1890.

СОДЕРЖАНІЕ.

Вторая книга. Средніе вѣка.

Медицина у византійцевъ.

Медицина у арабовъ.

Исторія медицины на западѣ въ средніе вѣка.

Семнадцатый вѣкъ.

Восемнадцатый вѣкъ.

Девятнадцатый вѣкъ.

ОСНОВЫ
ИСТОРІИ МЕДИЦИНЫ.

Книга первая.

ДРЕВНІЙ ПЕРІОДЪ.

Начало медицины.

1. Начало медицины совпадаетъ, безъ сомнѣнія, съ появленіемъ человѣческаго рода. Раньше всего должны были появиться простѣйшіе способы подачи помощи при родахъ, при кровавыхъ и некровавыхъ поврежденіяхъ. Несравненно позднее происхожденіе имѣетъ лѣченіе внутреннихъ болѣзней; причины послѣднихъ большею частію скрыты; поэтому онѣ приписываются вліянію нечеловѣческихъ силъ. Опустошительныя эпидеміи всего чаще считаются послѣдствіемъ гнѣва боговъ; молитва и жертвоприношеніе—цѣлительнымъ средствомъ. Этой точки зрѣнія очень долгое время держались даже высокообразованные народы; въ полной силѣ этотъ взглядъ живетъ во многихъ слояхъ общества и понынѣ.

Появленіе жрецовъ,—которыхъ встрѣчаемъ всюду при возникновеніи цивилизаціи,—есть естественное, логическое послѣдствіе такого вѣрованія. Они-то и создали эту медицину храмовъ, *теургическую* медицину, основанную на суевѣріи.

Медицина древнихъ Египтянъ.

2. Самые древніе памятники медицины оставлены египетскимъ народомъ. Они принадлежатъ къ тому періоду человѣческой культуры, о которомъ намъ свидѣтельствуютъ

обелиски и пирамиды, и состоятъ въ надписяхъ и изображеніяхъ на стѣнахъ храмовъ, гробницахъ, въ различныхъ предметахъ медицинскаго обихода, хирургическихъ инструментахъ, врачебныхъ приборахъ и т. п.

Недавнее открытіе обширныхъ древнихъ рукописей пролило неожиданный свѣтъ на самый ранній періодъ египетской медицины.

Врачебное искусство въ древнѣйшее время и у Египтянъ было тѣсно связано съ служеніемъ богамъ. Жертвы, молитвы и сновидѣнія (инкубація) были важнѣйшими врачебными средствами.

Египетскимъ Эскулапомъ считался Imhotep, сынъ Ptah'а. Его главный храмъ былъ въ Мемфисѣ, гдѣ находилась также и знаменитая медицинская школа. Большой храмъ другого врачебнаго бога Chumsa въ Карнакѣ, сохранился еще и до сихъ поръ. Отъ Менеса [собственно отъ Thot'а, сына Менеса —египетскаго Гермеса], изобрѣтателя наукъ и искусствъ, берутъ начало 42 священныя книги, *Embre* (испорченное древнеегипетское слово); изъ нихъ 16 (6?) касаются медицины.—Медицина, подобно наукѣ о правѣ, математикѣ и т д, преподавалась въ школахъ, назначенныхъ для жрецовъ. Способнѣйшіе юноши посылались отсюда въ Мемфисъ. Каждый врачъ принадлежалъ извѣстной коллегіи жрецовъ, но жилъ съ своимъ семействомъ въ собственномъ домѣ. Больные прежде всего обращались въ храмъ, откуда они получали подходящаго случаю врача. Гонораръ состоялъ въ подаркахъ храму, на доходы котораго и содержались врачи.

Важнѣйшую часть египетской медицины составляетъ діэтетика: ванны, гимнастическія упражненія, регулярность выдѣленій и т. д.

Объ анатомическихъ свѣдѣніяхъ въ собственномъ смыслѣ въ дошедшихъ до насъ извѣстіяхъ и документахъ ничего неимѣется. Даже практиковавшееся у египтянъ бальзамированіе труповъ, основанное на вѣрѣ въ переселеніе душъ, не могло дать имъ болѣе точныхъ свѣдѣній о строеніи человѣка.

Важнѣйшими источниками для сужденія о древнѣйшемъ періодѣ египетской медицины служатъ нѣсколько папирусовъ,

особенно хранящійся въ Лейпцигѣ — Эберсъ, названный такъ по имени открывшаго его ученаго. Папирусъ этотъ, какъ гласитъ заявленіе о его происхожденіи, написанъ при царѣ Re—ser—ka (Аменофисъ), т. е. за 3500 л. до Р. Х. Но прибавляется, и, можетъ быть, правдоподобно, что этотъ папирусъ неподлинный, а копія гораздо болѣе древней рукописи. Онъ носитъ заглавіе: ***Книга приготовленія лекарствъ для всѣхъ частей (человѣческаго) тѣла.*** За изложеніемъ молитвословій при приготовленіи и употребленіи лекарствъ — слѣдуютъ рецепты и названія соотвѣтствующихъ болѣзней: нарушенія испражненій, кишечные глисты, болѣзни глазъ, кожи, жилъ и нервовъ („Metu“), головы и т. д., женскія болѣзни. Главную роль играетъ „Uchet“, какая то загадочная изнурительная лихорадочная болѣзнь

Большій изъ 2-хъ давно извѣстныхъ папирусовъ берлинскаго музея начинается также заявленіемъ о древности его происхожденія. Затѣмъ слѣдуетъ перечисленіе лекарствъ: плоды, уксусъ, пиво, медъ, молоко женщинъ и животныхъ, желчь, животныя и человѣческія испражненія и т. д. И здѣсь „ухэтъ“ играетъ главную роль. Далѣе излагаются женскія болѣзни, способствованіе зачатію, распознаваніе беременности и т. д.

Но гораздо выше, чѣмъ внутренняя медицина, стояла у Египтянъ, какъ у всѣхъ народовъ древности, хирургія. На изображеніяхъ, покрывающихъ обелиски и храмы, находятся картины, показывающія приставленіе банокъ и, повидимому, также операцію ампутаціи. Извѣстно далѣе, что кастрація (евнуховъ для гаремовъ царей) принадлежала къ обыкновеннѣйшимъ операціямъ. Вѣрнѣе всего можно судить о состояніи египетской хирургіи по сохраняющимся во многихъ музеяхъ, особенно въ Берлинѣ, рядомъ съ приношеніями жертвователей, древнеегипетскимъ хирургическимъ инструментамъ: ланцетамъ, пинцетамъ, катетерамъ, маточнымъ зеркаламъ, желѣзнымъ прутьямъ для прижиганій, инструментамъ, похожимъ на козью ножку и т. д.

На сравнительно высокой степени стояла, повидимому, въ Египтѣ, гдѣ еще и теперь вообще очень часты упорныя глазныя болѣзни, офтальмологія. Египетскіе глазные врачи

приглашались ко дворамъ персидскихъ царей Кира и Дарія. Одно мѣсто въ папирусѣ Эберса дѣлаетъ даже весьма вѣроятнымъ, что египтянамъ была извѣстна операція катаракты*.

Все, что касается гинекологіи, ограничивается распознаваніемъ беременности и проч. Фактъ, извѣстный изъ библіи что у Египтянъ были акушерки, и что еврейки легче рожали, чѣмъ египетскія женщины.

Наконецъ, древнія изображенія доказываютъ, что египтяне разрабатывали также и ветеринарію.

Изъ сказаннаго вытекаетъ, что древняя египетская медицина носитъ исключительно эмпирическій характеръ, и что Галенъ, которому священныя египетскія книги были извѣстны, произнесъ не очень суровый приговоръ, считая ихъ содержаніе вздоромъ (πάσαι λῆραι εἰσίν).

Самыя раннія свѣдѣнія, имѣвшіяся у греческихъ писателей о египетской медицинѣ, находимъ у Гомера. Онъ говоритъ о Египтянахъ: „они Пеонова рода и каждый изъ нихъ —врачъ.“ До Гиппократа египетскіе врачи были самыми знаменитыми врачами древности. Болѣе позднія извѣстія о Египтѣ, гавани котораго открыты были чужестранцамъ только Псамметихомъ (около 650 г.), находимъ мы у Геродота. Изъ его сообщенія, отдаленнаго отъ надписей древнѣйшаго періода больше чѣмъ на 1000 лѣтъ, вытекаетъ, что въ то время раздѣленіе народа на касты (введенное послѣ Моисея) касалось также и врачей, но что въ остальномъ состояніе древнѣйшаго періода осталось почти неизмѣненнымъ

Съ покореніемъ Египта Александромъ Великимъ и правленіемъ Птоломеевъ древне-египетская медицина отступаетъ совершенно на задній планъ—сравнительно съ греческой которая избираетъ Александрію, какъ важнѣйшій пунктъ для своего развитія въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ.

Медицина Евреевъ.

3. Наши свѣдѣнія о древнѣйшемъ періодѣ врачебнаго искусства у евреевъ ограничиваются почти исключительно дан-

* „Открытіе зрѣнія въ зрачкахъ позади глазъ“.—Ред.

ными книгъ Моисея. Они ясно указываютъ на египетское происхожденіе* и стоятъ также въ тѣснѣйшей связи съ религіозными законами: обрѣзаніе, чистота и опрятность, особенно въ половомъ отношеніи, изоляція одержимыхъ заразительными болѣзнями, особенно проказой и т. д. Изъ этого уже видно, что занятіе медицпной принадлежало жрецамъ, главнымъ образомъ левитамъ, хотя и у евреевъ были спеціальные врачи, напр. для служащихъ въ храмѣ священниковъ. Большую роль особенно въ *Талмудѣ*,—сборникѣ комментаріевъ моисеевыхъ книгъ, составлявшемся, начиная съ 1-го вѣка по Р. Х.,—играетъ ученіе о половыхъ отправленіяхъ и именно женскихъ: зрѣлости, зачатіи, беременности, родахъ.** Нельзя сомнѣваться, что еврейскіе врачи ужъ очень давно практиковали кесарское сѣченіе („Iotze Doffan") на мертвыхъ и живыхъ беременныхъ

Медицинскіе отдѣлы *Талмуда* указываютъ на вліяніе греческой медицины, съ которой евреи познакомились еще до Р. Х., главнымъ же образомъ чрезъ христіанскія школы, основанныя, начиная съ 3 го вѣка по Р. Х., въ Персіи, Месопотаміи, Сиріи и т. д.*** Позднѣе медицина и медицинская литература евреевъ сливается съ арабской.

Медицина Индусовъ.

4. Безъ сомнѣнія, тѣ священныя книги индусовъ, въ которыхъ находятся самыя раннія указанія на врачебную

* Пушманъ говоритъ, что Моисей былъ воспитанникъ египетской школы жрецовъ—и среди разныхъ наукъ и искусствъ занимался также изученіемъ медицины.—Ред

** Познанія въ анатоміи талмудистовъ были очень слабы, хотя, по словамъ Ковнера, послѣдніе занимались много этимъ предметомъ и для различныхъ частей придумывали оригинальныя названія. Наприм., женское тѣло они сравнивали съ чуланомъ, а матку называли спальней, клиторъ—ключемъ и т. п.—Ред.

*** См. ниже § 55.

науку, ***Ригъ-Веда,*** написаны въ очень раннюю пору, приблизительно за 1500 л. до Р. Х. То, что въ послѣднихъ касается медицины, почти исключительно теургическаго характера. Болѣзни—дѣло враждебныхъ, выздоровленіе—награда дружественныхъ божествъ; очистительныя жертвы, молитвы и священный жертвенный напитокъ („сома"), состоящій главнымъ образомъ изъ молока и меда, преимущественныя врачебныя средства. Но и въ эту раннюю эпоху упоминаются также врачи, которые занимались спеціальностью своей, какъ (единственнымъ) средствомъ для существованія*.

Второй періодъ индусской исторіи—браминскій, [въ отличіе отъ перваго—*ведскаго*], въ которомъ народъ достигаетъ верха могущества и культуры, начинается переселеніемъ въ равнины, орошаемыя большими рѣками. Значительную часть этого періода занимаетъ основаніе буддизма, явившагося по существу протестомъ противъ деспотіи браминизма. Буддисты требовали отъ своихъ приверженцевъ благочестія и дѣятельной любви къ ближнему; они основывали больницы для людей и животныхъ, переводили священныя книги индусовъ на языки сосѣднихъ народовъ.

Третій періодъ индійской исторіи начинается завоеваніемъ страны арабами, съ которымъ исламъ достигаетъ господства, старая же культура погибаетъ.

Къ браминскому періоду относится—рядомъ съ другими многочисленными произведеніями—значительное количество медицинскихъ сочиненій. Болѣе всего ихъ хранится въ собраніяхъ рукописей Лондонской и Лейденской библіотекъ. Знаменитѣйшія изъ рукописей называютъ своими авторами Харака и Сусруту. Нѣкоторыя части сочиненія перваго опубликованы на ихъ первоначальномъ языкѣ; произведеніе Сусруты извѣстно вполнѣ въ оригиналѣ и въ очень недостаточномъ латинскомъ переводѣ Гесслера. Эти рукописи, особенно ***Аиръ-Веда*** (***Книга жизни***) Сусруты приписываютъ себѣ

---

* „Которые нуждаются въ болѣзняхъ, какъ жрецъ въ жертвенныхъ возліяніяхъ, телѣжникъ въ дровахъ". Ригъ-Веда, гимнъ VII, V, 12.—Ред.

очень древнее происхожденіе. Послѣдній говоритъ даже, что самъ Брама былъ авторомъ этого сочиненія за 10000 лѣтъ до сотворенія человѣка; позднѣе содержаніе этого произведенія открыто было полубогу Dhanwantare'у, врачу боговъ; а послѣдній оставилъ его уже своему ученику Сусрутѣ. О цѣляхъ такихъ росказней не можетъ быть сомнѣнія. Но почти невозможно, даже съ нѣкоторой точностью, опредѣлить ни времени сочиненія, ни источника этихъ произведеній. Нѣкоторые санскритологи помѣщаютъ *Ayur-Veda* Сусруты въ ранній, до-христіанскій періодъ, другіе—въ 8-й 9-й вѣкъ по Р. Х. Это разногласіе объясняется большею частью тѣмъ, что отдѣльныя главы Сусруты весьма различной древности; вѣроятно, главы, изложенныя въ поэтической формѣ, гораздо древнѣе прозаическихъ, служащихъ скорѣе комментаріями. Точно также трудно отвѣтить на вопросъ, есть-ли индусская медицина самобытный продуктъ или она, по крайней мѣрѣ отчасти, имѣетъ чужіе источники. Большая часть извѣстной до настоящаго времени медицинской санскритской литературы вѣроятно очень глубокой древности; другіе отдѣлы могутъ принадлежать первымъ вѣкамъ христіанства, когда греческая наука была уже занесена въ Персію, а оттуда въ Индію. Новѣйшій изслѣдователь въ этой области—Haas даже ведетъ начало большей части индусской медицинской литературы изъ Греціи. Онъ ссылается между прочимъ на сходство многихъ, встрѣчающихся у Сусруты именъ, съ греческими. Самое имя „Сусрута" по мнѣнію этого автора, указываетъ на Гиппократа, „Bukrat". Divodasi—онъ производитъ отъ θεοείδης, „Kasi" отъ Kos и т. д.

Уэйзъ (Wise)—держится совершенно обратнаго, чѣмъ Гаасъ, мнѣнія: онъ думаетъ, что Гиппократъ, познакомившійся во время путешествій съ твореніями индусовъ, много заимствовалъ изъ послѣднихъ.

Ковнеръ—допускаетъ, что по меньшей мѣрѣ и греки и индусы черпали изъ одного общаго, болѣе древняго источника. За такое предположеніе говоритъ и Делоне.

Изъ указанныхъ сочиненій мы узнаемъ, что индусскіе врачи, составляя отдѣльный классъ, пользовались глубокимъ уваженіемъ. Обученіе воспитанниковъ—въ возрастѣ 12—18 лѣтъ, принадлежавшихъ, вѣроятно, къ высшимъ кастамъ, происходило подъ открытымъ небомъ, въ рощахъ и т. д. Ученикамъ вмѣнялись въ обязанность скромность, набожность, человѣколюбіе и безкорыстіе. По окончаніи ученья они давали клятву, весьма напоминавшую гиппократовскую.

5. О состояніи анатомическихъ свѣдѣній индусскихъ врачей можно судить по тому, какъ оно пріобрѣталось: трупъ клался на 7 дней въ ручей и затѣмъ, чтобы открыть и изслѣдовать внутренніе органы, наружные покровы снимались древесной корой и т. д. Вмѣсто описанія частей тѣла мы находимъ ихъ имена, числа и т. п.—Вещества, дающія жизнь тѣлу, суть кровь слизь и воздухъ; отъ ненормальнаго ихъ состоянія (порчи) происходятъ всѣ болѣзни.

Именно появляется прежде всего скопленіе испорченныхъ соковъ—то въ нижнихъ (при порчѣ воздуха), то въ верхнихъ (при измѣненіи слизи), то въ среднихъ (при порчѣ желчи)—отдѣлахъ кишекъ. Въ дальнѣйшей фазѣ эти испорченные соки выступаютъ изъ первоначальныхъ вмѣстилищъ и переходятъ въ другіе органы, отчего наступаетъ растройство отправленій и строенія органовъ.

Основными элементами признавались желчь (а не кровь), слизь и воздухъ. Кровь же считалась продуктомъ хилуса (составляющаго результатъ пищеваренія) и превращалась въ мясо; изъ мяса образуются кости, изъ костей—мозгъ, а изъ послѣдняго происходитъ уже сѣмя —источникъ жизни и наслажденія.

Въ основѣ же всѣхъ этихъ органическихъ продуктовъ—въ совокупности выражающихъ собой ***жизненную силу***—лежатъ слѣдующія (основныя) міровыя начала: земля, вода, огонь, воздухъ и эфиръ (свѣтъ).

Весьма важную роль въ терапіи индусовъ играютъ діэтетическія предписанія, и преимущественно тѣ, которыя касаются чистоты тѣла.

Тѣло очищается водою, духъ благочестіемъ, разумъ знаніемъ, говоритъ Ману.

Патологія состоитъ главнымъ образомъ въ перечисленіи большаго числа названій болѣзней.

Такъ, воздухъ производитъ 80, желчь—40, а слизь 20 различныхъ видовъ болѣзней.

Изъ болѣе точно описанныхъ болѣзней можно указать на эндемическія, интермиттирующія и ремиттирующія лихорадки, проказу, холеру, одну неизлечимую болѣзнь, выражающуюся сладкимъ вкусомъ мочи (діабетъ), и пораженія половыхъ органовъ, которыя могутъ быть отнесены только къ сифилису.

Индусское ученіе о лекарственныхъ веществахъ обнаруживаетъ огромное богатство исключительно туземныхъ растительныхъ средствъ, животныхъ веществъ всякаго рода (молоко, медъ и т. д.) и минераловъ.—Также обширно ученіе объ отравленіяхъ и противоядіяхъ, особенно противъ ужаленія ядовитыхъ змѣй, въ леченіи котораго, какъ свидѣтельствуетъ Мегастенъ (327 г. до Р. Х.), индусскіе врачи были весьма свѣдущи —Извлеченіе крови производилось или чрезъ вскрытіе вены, или посредствомъ банокъ и піявокъ; послѣднія были извѣстны въ Индіи съ древнѣйшихъ временъ.

По отношенію къ этому сравнительно начальному положенію внутренней медицины, хирургія, наоборотъ, обнаруживаетъ такое высокое развитіе, которое во всякомъ случаѣ можетъ возбудить подозрѣніе, что многое изъ индусской медицины основывается на греческихъ источникахъ. Хирургія считается индусскими врачами необходимымъ искусствомъ для каждаго. „Врачъ, не знающій хирургіи, похожъ на птицу съ однимъ крыломъ". Въ распоряженіи хирургіи находится чрезвычайно богатый наборъ (свыше 127), состоящій изъ инструментовъ, тщательно приготовленныхъ изъ стали, желѣзныхъ и другихъ прижигателей. Здѣсь мы находимъ выраженіе, весьма напоминающее афоризмъ Гиппократа: „что неизлѣчивается лекарствами и ножомъ, излѣчивается огнемъ". Упражненія въ операціяхъ производились, конечно, не на жи-

вотныхъ или трупахъ, а на доскахъ, покрытыхъ воскомъ, кожахъ животныхъ, сочныхъ растеніяхъ и плодахъ. Довольно точно указаны области тѣла, поврежденія которыхъ опасны. Кровотеченія останавливались холодомъ, прижатіемъ и вяжущими (styptica). О перевязкѣ сосудовъ не упоминается. Ампутаціи примѣнялись только на рукѣ при неостанавливавшемся кровотеченіи изъ ладони. Объ аневризмахъ упоминается, но о леченіи ихъ свѣдѣній нѣтъ.—Ново-образованія вырѣзывались; поверхность раны, во избѣжаніе рецидивовъ, покрывалась мышьяковыми мазями. Блестящими точками индусской хирургіи служатъ лапаротоміи для устраненія внѣдренія, заворота кишекъ и проч., и кишечный швъ, для котораго пользовались „муравьями", своими укусами способствовавшими соединенію краевъ раны. При фистулахъ прямой кишки примѣнялись speculum ani, ножъ и прижигающія вещества.—Камнесѣченіе, для каждаго отдѣльнаго случая котораго требовалось позволеніе раджи (Rajah), производилось по методу, описанному Цельзомъ (sectio lateralis).

Интереснѣйшую главу Сусруты (которая въ одной берлинской рукописи называется „подложнымъ прибавленіемъ") составляетъ описаніе ринопластики. Трудно рѣшить, есть-ли эта операція самостоятельное изобрѣтеніе Индусовъ, или они позаимствовали ее у Грековъ послѣ Р. X. Для возстановленія дефекта носа служила сосѣдняя кожа щеки. Какъ извѣстно, этотъ методъ былъ только въ нынѣшнемъ столѣтіи снова введенъ Грефе—отцомъ, можетъ быть, послѣ болѣе чѣмъ 2000-лѣтняго забвенія.

Точно также трудно рѣшить вопросъ, откуда индусскіе врачи черпали свои свѣдѣнія объ операціи катаракты. Они, какъ кажется, строго отдѣляли потемнѣніе линзы отъ сходныхъ (по виду) состояній, именно отъ hypopion. Описанная операція, безъ всякаго сомнѣнія, есть *scleroticonyxis*. Важнѣйшій моментъ операціи, удаленіе линзы со зрительной оси, не описывается.

Гинекологическія познанія индусовъ соотвѣтствуютъ хирургическимъ. Обстоятельно трактуютъ они о половой зрѣлости, зачатіи и т. д.; 8-ми мѣсячные плоды считаются,

какъ и у Гиппократа, не жизне-способными. Для родовъ женщина изъ высшихъ кастъ отправлялась въ особое помѣщеніе, гдѣ при помощи четырехъ „смѣлыхъ женщинъ" совершались роды. Удаленію задержанной плаценты способствовали давленіемъ на роженицу и встряской ея, вызываніемъ рвоты и т. д. Родильница оставляла родильный домъ послѣ 1½ мѣсяцевъ Уходъ за ребенкомъ и питаніе его служили предметомъ тщательнѣйшихъ заботъ. Въ продолженіи 6-ти мѣсяцевъ онъ питался грудью кормилицы, затѣмъ до конца 1-го года коровьимъ или козьимъ молокомъ, позднѣе, до 15-го года, только молокомъ и рисомъ.—Важнѣйшими причинами тяжелыхъ родовъ считались уродства дѣтской головки, таза и неправильныя положенія плода. Единственно правильнымъ положеніемъ считалось головное. При всѣхъ остальныхъ положеніяхъ примѣнялся поворотъ на головку или на ножки. Мертвый плодъ, смотря по положенію, вынимался либо кусками (эмбріотомія), либо весь, послѣ предварительнаго вынутія внутренностей (exenteratio). На умершихъ беременныхъ обязательно производилось кесарское сѣченіе.

Индусская литература обладаетъ также нѣкоторыми произведеніями по ветеринаріи.—Еще и нынѣ встрѣчаются въ различныхъ провинціяхъ медицинскія сочиненія на мѣстныхъ нарѣчіяхъ.

Медицина Персовъ, Китайцевъ и проч.

6. Особенно темны и сказочны свѣдѣнія о медицинѣ у многихъ другихъ восточныхъ народовъ, уже рано достигшихъ высокой культуры. Главнымъ источникомъ для сужденія о древне-персидской медицинѣ служитъ *Зендъ-Авеста* Зороастра. Врачебная наука и у Персовъ стояла въ тѣснѣйшей связи съ религіей. Но уже во времена Камбиза въ Персіи жили греческіе врачи, пользовавшіеся глубокимъ уваженіемъ. Позднѣе, учрежденныя несторіанцами школы пріобрѣли огромное значеніе для распространенія греческой медицины.

Китайцы приписываютъ своей медицинской наукѣ, какъ

и своей культурѣ вообще, очень сказочную древность. Ясныя свѣдѣнія о медицинѣ ихъ мы, однако, находимъ только въ послѣдніе вѣка до Р. Х. Всѣ новѣйшіе европейскіе писатели, ближе познакомившіеся съ китайской медициной, указываютъ на застой, ужъ много вѣковъ господствующій и въ этой отрасли знанія.

Китайская медицина состоитъ главнымъ образомъ въ головоломномъ ученіи о пульсѣ и необъятной по размѣрамъ фармакологіи. Знаменитѣйшее цѣлебное средство—растущій въ Монголіи корень джень-шень (Panax quinquefolia),—какъ говорятъ, очень сильное aphrodisiacum.—Въ особенно жалкомъ положеніи находится у китайцевъ хирургія. Кастрація еще и теперь производится по варварскому методу (отрѣзываніе всѣхъ наружныхъ половыхъ частей). Кровопусканіе предпринимается очень рѣдко. За то акупунктура и моксы играютъ видную роль.—Еще и теперь въ Китаѣ выходятъ медицинскія сочиненія на мѣстномъ языкѣ.—Въ новѣйшее время поликлиники, основанныя получившими медицинское образованіе миссіонерами, встрѣчаютъ большое сочувствіе во всѣхъ сословіяхъ.—Японская медицина, подобно культурѣ этого народа, заимствована у Китайцевъ, но уже давно достигла извѣстной самостоятельности. Какъ извѣстно, въ настоящее время въ Японіи существуютъ многія медицинскія школы, руководимыя европейцами.

Разработка медицины у Грековъ.

Врачебное искусство у Гомера.

7. Основаніе научной медицины положилъ тотъ же народъ, который сдѣлался виновникомъ высшей духовной, художественной и нравственной культуры. Не подлежитъ сомнѣнію тотъ фактъ, что талантливый греческій народъ, въ маленькихъ, но связанныхъ воодушевленной любовью къ родинѣ, государствахъ, считавшихъ своей важной задачей гармоническое духовное и физическое развитіе своихъ гражданъ, собственными силами пріобрѣлъ и развилъ лучшую часть своего

духовнаго достоянія. Развитіе это совершилось въ такомъ климатѣ и на такой почвѣ, которые не располагаютъ къ нѣгѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, не доводятъ до истощающаго переутомленія.

Достовѣрныя свѣдѣнія о примѣненіи врачебнаго искусства Грековъ мы впервые находимъ у Гомера. Герои *Иліады* оказываются свѣдущими въ хирургіи. Они помогаютъ другъ другу при извлеченіи и вырѣзываніи остріевъ стрѣлъ и копьевъ, при другихъ раненіяхъ, кровотеченіяхъ и т. д., постоянно связывая эту помощь съ „облегчающими пѣснями" (μαλακαὶ ἐπῳδαί). Machaon и Podalirius, сыновья Asklepios'a, Өессалійскаго царя, преимущественно предъ другими—мастера врачебнаго искусства. Рядомъ съ героями являются женщины, свѣдущія въ уходѣ за больными и приготовленіи цѣлебныхъ напитковъ: волшебница Киркея, Агамеда, Полидамна, Елена.—Что въ Греціи во времена Гомера были настоящіе врачи, занимавшіеся своимъ искуствомъ за извѣстное вознагражденіе, доказывается однимъ мѣстомъ *Одиссеи*, гдѣ они, рядомъ со „строительными мастерами" и „пѣвцами"—названы δημιοὐργοι, которые приглашались на домъ для подачи помощи.

Божества, которыхъ Греки почитали, какъ избавителей отъ жизненныхъ невзгодъ и страданій, суть: Аполлонъ (врачъ боговъ и богъ врачей) Артемида (какъ цѣлительница женщинъ —Eileithyia) и Паллада-Аөина. Почитаніе особыхъ врачебныхъ боговъ, Asklepios'a и его дочери Hygieia, сохранительницы здоровья, мы встрѣчаемъ только послѣ гомеровскаго періода. Храмы, воздвигнутые Асклепію (Эскулапу), были многочисленнѣе, чѣмъ другому какому-либо богу. Къ нимъ направлялись больные и ихъ посланцы, чтобы постомъ, ваннами молитвами и очистительными жертвами приготовиться къ важнѣйшему цѣлебному средству—храмовому сну („инкубаціи"). По сновидѣніямъ во время этого сна жрецы заключали о природѣ болѣзни и соотвѣтствующихъ врачебныхъ средствахъ Послѣднія состояли преимущественно въ жертвоприношеніяхъ, особенно посвященнаго Эскулапу пѣтуха, употребленіи винныхъ ягодъ, меда и т. п. наружномъ примѣненіи или питьѣ жертвенной кро-

ви, гимнастическихъ упражненіяхъ и т. д. Знаменитѣйшій изъ храмовъ Эскулапа находился въ Эпидаврѣ; онъ былъ окруженъ просторными зданіями, для помѣщенія огромной массы искавшихъ помощи (ἱκέται). Въ предѣлахъ святилища не должны были пребывать умирающіе и роженицы. Выздоровѣвшіе свидѣтельствовали богу свою благодарность подарками (ἀναθήματα): снимками пораженныхъ частей—рукъ, ногъ, глазъ и т. д. Снимки дѣлались изъ мѣди, слоновой кости или благородныхъ металловъ и вывѣшивались на стѣнахъ. Сверхъ того, надписями на колонахъ и стѣнахъ отмѣчалась исторія болѣзни и ея леченіе.

Вотъ для примѣра переводъ одной изъ такихъ таблицъ (tabulae votivae)—по Шпренгелю:

Сынъ Луціуса былъ боленъ плевритомъ, и на спасеніе его была потеряна всякая надежда. Богъ, который ему явился во снѣ, приказалъ ему взять золы съ жертвенника, смѣшать съ виномъ и прикладывать на больную сторону. Онъ былъ спасенъ, и благодаритъ бога....

Несомнѣнно доказано, что служеніе Эскулапу и дѣятельность жрецовъ не имѣли ничего общаго съ дѣятельностью врачей, что, по крайней мѣрѣ, связь между ними, если она когда-либо и существовала, была порвана задолго до Гиппократа, что лечебныя священныя мѣста посѣщались только низшими классами и особо набожными. Культъ Эскулапа при Гиппократѣ такъ мало уважался интеллигенціей, что Аристофанъ, напр., могъ смѣло выставить его въ своихъ комедіяхъ въ смѣшномъ видѣ предъ всѣмъ народомъ. Въ сочиненіяхъ греческихъ врачей нигдѣ не говорится о поклоненіи Эскулапу. Но и у Римлянъ, къ которымъ этотъ культъ былъ занесенъ очень рано, святилище на островѣ Тибра пользовалось такой дурной славой, что императоръ Клавдій постановилъ считать свободными рабовъ, посланныхъ своими господами на этотъ островъ, вслѣдствіе болѣзни или отталкивающаго уродства.

Поклоненіе Эскулапу сохранилось до V вѣка по Р. Х. Его мѣсто въ христіанскихъ странахъ заняло почитаніе святыхъ чудотворцевъ.

Греческая медицина ко времени Гиппократа.

Внѣшній бытъ врачебнаго сословія.

8. Начало медицины въ собственномъ смыслѣ и у Грековъ покрыто мракомъ неизвѣстности. Естественно-историческія и медицинскія познанія, понятно, уже въ раннюю пору входили въ составъ высшаго образованія вообще; поэтому, мы встрѣчаемъ ихъ тѣсно связанными съ теоріями о происхожденіи природы и управляющихъ ею законахъ у древнѣйшихъ натурфилософовъ—Ѳалеса, Анаксимандра, Пиѳагора, Эмпедокла, Демокрита и др. Но и медицинскія школы упоминаются уже очень рано, именно въ Киренѣ, на сѣверномъ берегу Африки, Родосѣ, Косѣ и Книдосѣ.

Выборъ врачебной профессіи составлялъ право каждаго свободнаго человѣка. Сочлены врачебнаго сословія распадались на два, не очень рѣзко раздѣленныхъ, класса: на врачей съ общимъ образованіемъ и безъ онаго. Послѣдніе занимались главнымъ образомъ леченіемъ переломовъ, вывиховъ и т. п., также тѣми операціями, производство которыхъ врачи высшаго разряда считали для себя унизительнымъ (потому, отчасти, что операціи эти влекли за собой безплодіе): камнесѣченіемъ и радикальной операціей грыжи. Еще и теперь живутъ въ отдаленныхъ равнинахъ Эпира семейства, которыя передаютъ другъ другу по наслѣдству познанія о леченіи переломовъ и вывиховъ, камне - и грыжесѣченіе, и члены которыхъ путешествуютъ по востоку для производства упомянутыхъ операцій.

Время ученія настоящихъ врачей начиналось обыкновенно уже въ поздніе юношескіе годы и продолжалось, вѣроятно, очень долго. Обученіе обнимало всю врачебную науку и производилось обыкновенно однимъ учителемъ за предварительно взимаемую плату (μίσθος) или по письменному обязательству объ уплатѣ (σύγγραφη). Число воспитанниковъ, внесенныхъ въ списокъ учителя, было ограничено. Обученіе начиналось указаніемъ на лекарственныя растенія, приготовленіемъ лекарственныхъ напитковъ, мазей, пластырей и т д., изученіемъ малыхъ хирургическихъ операцій: кровопусканья, под-

рѣзыванія язычка. Позднѣе слѣдовало обученіе у постели больного. По окончаніи ученья врачъ избиралъ себѣ опредѣленное мѣстожительство. Онъ посѣщалъ больныхъ или на дому или принималъ ихъ у себя, именно въ нарочно съ этой цѣлью устроенныхъ, болѣе или менѣе обширныхъ „Iatreion“. Послѣднія обыкновенно помѣщались на свѣтлой, оживленной улицѣ и были устроены, смотря по состоянію владѣльца, просто или же роскошно, съ приборами, инструментами, койками, ваннами и т. д., нерѣдко также украшены художественными и рѣдкими предметами. Врачи, обладавшіе обширной практикой, врачи держали помощниковъ (ὑπερῆται), которые присутствовали при операціяхъ и пользовали иныхъ, особенно бѣднѣйшихъ, больныхъ самостоятельно. Многіе врачи занимались своей профессіей преимущественно путешествуя („періодевты“), останавливаясь то здѣсь, то тамъ на болѣе долгое время. Съ этой цѣлью они имѣли при себѣ переносныя аптечки. Три такихъ ящика отъ лекарствъ существуютъ еще и теперь. Болѣе мелкіе врачи требовали впередъ уплаты гонорара (μίσθος), заключавшаго въ себѣ и плату за лекарство. Знатныя особы держали у себя лейбъ-медиковъ; въ отдѣльныхъ случаяхъ греки—въ качествѣ врачей—поступали на службу даже къ варварамъ. Нѣкоторые города приглашали общественныхъ врачей, иногда съ очень большимъ жалованьемъ. Такъ напр., Demokedes изъ Кротона былъ сначала городскимъ врачемъ въ Эгинѣ съ жалованьемъ въ 4500 марокъ, затѣмъ въ Аѳинахъ—въ 7500 мар., наконецъ, служилъ у извѣстнаго Поликрата Самосскаго за 9000 м. Во всякомъ случаѣ, въ обязанность общественныхъ врачей входило безвозмездное пользованіе бѣдныхъ гражданъ, можетъ быть и изслѣдованіе судебномедицинскихъ случаевъ и наблюденіе за санитарной полиціей.—Врачи, оказавшіе особыя услуги государству, награждались дипломами и почетными знаками, напр., золотыми вѣнками, статуями, чествовались юбилейными торжествами.— У Грековъ, точно также, какъ и у Персовъ при Кирѣ, не было недостатка во врачахъ для арміи и флота. У Спартанцевъ военно-полевые врачи имѣли свое мѣсто около музыкантовъ. Какъ извѣстно, и „десять тысячъ“ Ксенофонта со-

провождались врачами. Тѣмъ, которые хотѣли спеціализироваться въ хирургіи, Гиппократъ совѣтуетъ ѣхать на войну. Упоминается даже объ особомъ сочиненіи по врачебной военно-полевой службѣ.

Уже въ сочиненіяхъ Гиппократа мы находимъ горькія жалобы на недостатокъ уваженія, съ которымъ относились къ врачебному сословію, благодаря винѣ самихъ его членовъ. „Ибо многіе, говоритъ авторъ Νόμος, — врачи только по имени, но не по дѣламъ“.

Вотъ одно мѣсто изъ *De victu*:... отъ подобныхъ споровъ все искусство навлекло на себя негодованіе профановъ так что они не вѣрятъ въ существованіе медицины. Ибо у постели больнаго врачи такъ разногласятъ между собою, что принимаемое однимъ за лучшее, —другимъ считается за самое дурное. Какъ будто медицина есть искусство прорицателей, которые появленіе птицы на той или другой сторонѣ считаютъ то счастливымъ, то грознымъ предзнаменованіемъ. И у нихъ—какъ и у врачей о болѣзни—относительно значенія направленія полета птицъ существуютъ различныя (спорныя) мнѣнія.

Немаловажную роль для врачебной науки играли въ Греціи гимназіи, которыя, какъ извѣстно, посѣщались мальчиками и юношами до наступленія совершеннолѣтія. Физическими упражненіями въ нихъ руководили, подъ наблюденіемъ гимназіарховъ, гимнасты, которые соотвѣтствуютъ нашимъ учителямъ гимнастики. Послѣдніе уже во времена Гиппократа занимались леченіемъ вывиховъ, переломовъ и хроническихъ (излечимыхъ) болѣзней—діэтетическими средствами и тѣлесными упражненіями, особенно продолжительнымъ бѣгомъ и усиленными прогулками (маршами). Понятно, что между врачами и гимнастами часто происходили споры (см. выше). Philostratus, авторъ недавно открытаго сочиненія по гимнастикѣ, перечисляетъ болѣзни, которыя съ одной стороны принадлежатъ вѣдѣнію врачей, съ другой—гимнастовъ.

Кромѣ того слѣдуетъ упомянуть о лицахъ, занимавшихся отыскиваніемъ и продажей лекарственныхъ растеній. Одни назывались „ризотомами“, другіе, которые торговали въ одно и тоже

время всевозможными рѣдкостями, напр., зажигательными стеклами и много шарлатанили, „фармокополистами“ — Само собой разумѣется, что не было недостатка въ повивальныхъ бабкахъ; въ Аөинахъ онѣ образовали замкнутый цѣхъ къ которому принадлежала, напр., мать Сократа. Ими могли быть только женщины рожавшія, но перешедшія возрастъ, способный къ рожденію. Уже и тогда акушерки стремились перешагнуть чрезъ начертанный имъ кругъ дѣйствія: онѣ лечили больныхъ женщинъ, производили выкидыши и устраивали свадьбы.

Асклепіады.

9. Нѣкоторые врачи хвастались тѣмъ, что происходятъ отъ Асклепія (Эскулапа) и называли себя поэтому Асклепіадами. Ихъ часто смѣшивали съ жрецами Эскулапа, хотя послѣдніе никогда не назывались этимъ именемъ. Во всякомъ случаѣ, связь врачей рода Асклепія съ жрецами бога того-же имени, если она вообще когда либо существовала, была порвана задолго до Гиппократа. Уже въ очень раннюю пору принимались, кажется, въ общество Асклепіадовъ и такія лица, которыя по своему происхожденію никогда не имѣли съ нимъ ничего общаго. Врачи, принадлежавшие къ братству Асклепіадовъ, старались солидарностью въ своихъ дѣйствіяхъ поддерживать сословную честь Прекраснымъ свидѣтельствомъ основной идеи ихъ школы служитъ дошедшая до насъ (во всякомъ случаѣ очень древняя) клятва (присяга):

„Клянусь Аполлономъ врачемъ Эскулапомъ Гигіеей и Панакеей, всѣми богами и богинями и беру ихъ во свидѣтели, что буду исполнять по силамъ и согласно совѣсти, эту клятву и это письменное обязательство. Буду уважать моего наставника въ этомъ искусствѣ наравнѣ съ моими родителями, дѣлать его участникомъ въ моихъ средствахъ къ существованію и доставлять ему все, въ чемъ бы онъ ни нуждался. Буду смотрѣть на его дѣтей, какъ на родныхъ братьевъ и учить ихъ этому искусству, если бы они этого захотѣли, безвозмездно и безъ письменнаго условія. Клянусь, что буду допускать къ участію въ ученіи, чтеніи и остальномъ обученіи моихъ сыновей, сыновей моего учителя и

всѣхъ, внесенныхъ въ списокъ и связанныхъ врачебной клятвой учениковъ, кромѣ же ихъ никого. Образъ жизни больныхъ постараюсь устроить, по мѣрѣ силъ и согласно совѣсти, возможно лучше для нихъ и охраню ихъ отъ всякаго вреда и порока. Никогда не дамъ желающему смертельной отравы, ниже поддержу такое намѣреніе (объ отравѣ); равнымъ образомъ, не дамъ никакой женщинѣ, съ цѣлью умерщвленія плода, пессарій Цѣломудренно и благочестиво буду я охранять мою жизнь и мое искусство. Никогда не буду производить камнесѣченія*, но предоставлю его производство лицамъ, спеціально занимающимся этимъ дѣломъ. Въ какой бы домъ я ни входилъ, я войду туда только для блага больныхъ, свободный отъ всякаго произвола и несправедливости, какъ отъ всякаго другого порока, такъ и отъ плотской страсти къ женщинамъ и мужчинамъ, свободнымъ и рабамъ. Обо всемъ, что бы я не увидѣлъ или не услышалъ, при исполненіи своихъ обязанностей или также внѣ врачебной дѣятельности, изъ жизни людей,—если это не должно быть разглашаемо—я умолчу, считая все это тайной. Если я эту клятву сдержу добросовѣстно и не нарушу ее, то пусть мнѣ суждено будетъ наслаждаться во вѣки вѣковъ жизнію и искусствомъ и пользоваться уваженіемъ людей. Если же ее нарушу, то да будетъ удѣломъ клятвопреступника все противоположное.“

Сравнительно болѣе точныя свѣдѣнія мы имѣемъ только о Косской и Книдской школахъ Асклепіадовъ.

Одинъ изъ островов Спорадскаго архипелага, маленькій Косъ, нынѣшній Станхо, отстоявшій недалеко отъ малоазіатскаго берега, считался въ древности раемъ природы и искусства. Вино, шелковыя ткани, благовонныя вещества Коса наиболѣе другихъ цѣнились въ Греціи; гавань главнаго города представлялась оживленнѣйшей. Больше же всего островъ славился святилищемъ Эскулапа, къ которому стекались со всѣхъ концевъ. Отъ всего этого великолѣпія уже давно ничего не осталось!

Недалеко отъ Коса, на косѣ малоазійскаго берега, лежалъ Книдосъ. Находилось ли тамъ также святилище Эскулапа, неиз-

---

* Пушманъ эту цитату (οὐ τεμέω δὲ οὐδὲ μὴν λιθιῶντας) передаетъ такъ: я никогда не буду производить кастраціи у тѣхъ, которые страдаютъ каменной болѣзнію, но оставлю это и т. д.... Ред

вѣстно; за то городъ обладалъ самой знаменитой статуей Афродиты, покровительницы Асклепіадовъ, работы Праксителя.— Къ извѣстнѣйшимъ членамъ книдской школы принадлежали Euryphon и Ktesias, оба современники Гиппократа. Еврифонъ былъ въ продолженіе 7 лѣтъ въ плѣну у Персовъ, сталъ потомъ любимцемъ Артаксеркса Мнемона и былъ посланъ имъ въ качествѣ посла къ Грекамъ. Ктезій, родственникъ Гиппократа, точно также жилъ при персидскомъ дворѣ и извѣстенъ особенно своей исторіей Персіи и Индіи, отрывки которой мы находимъ у Фотіуса.

Объ основныхъ положеніяхъ книдской школы извѣстно очень мало. Тѣ сочиненія „гиппократовскаго сборника", которыя, какъ кажется, составлены книдскими врачами, большею частью позднѣйшаго происхожденія. Въ одномъ изъ сочиненій сборника—книдскихъ врачей упрекаютъ за то, что они придаютъ слишкомъ большое значеніе объясненіямъ и субъективнымъ ощущеніямъ больныхъ, пренебрегая объективными данными. Что эти упреки отчасти были основательны, вытекаетъ изъ того, что послѣдователи книдской школы слишкомъ тщательно различали отдѣльныя болѣзненныя формы органовъ. Они описали, напр., семь различныхъ болѣзней желчи, двѣнадцать—мочевого пузыря и три рода сухотки,— между которыми отличали такіе, которые производились стекающей съ головы слизью, отъ тѣхъ, которые обусловливались болѣзнями спинного мозга и потерями сѣмени. Насколько, сравнительно высоко, стояли познанія врачей этой школы, явствуетъ изъ того, что они примѣняли выслушиваніе, оперировали почечные нарывы и производили резекцію реберъ при эмпіемѣ. Вообще они повидимому, склонялись къ энергической терапіи.

При внутреннихъ болѣзняхъ они назначали молоко, сыворотку; изъ лѣкарствъ—различныя растительныя вещества (скаммоній, колоквинты, молочай, чемерицу). Леченіемъ движеніемъ даже злоупотребляли: прогулки до утомленія предписывались даже въ острыхъ болѣзняхъ Геродикосомъ, однимъ изъ наставниковъ Гиппократа—въ V в. до Р. X.

Гораздо болѣе извѣстно о косской школѣ, изъ которой вышелъ, знаменитѣйшій изъ всѣхъ врачей, Гиппократъ. Сочиненія послѣдняго составляютъ самую цѣнную часть сборника, дошедшаго до насъ подъ его именемъ.

Гиппократъ.

Его жизнь и сочиненія.

10. Гиппократъ сынъ Гераклида и Фенареты,* родился въ 459 или 460 г. до Р. X. Послѣ смерти отца, бывшаго, по всей вѣроятности, также и его учителемъ, и сильнаго землетрясенія, разрушившаго Косъ, Гиппократъ отправился въ Аѳины, гдѣ онъ, какъ кажется, учился у философа Горгія (Gorgias) Леонтинскаго и брата послѣдняго, гимнаста Геродикоса. Позднѣе онъ большею частью жилъ въ различныхъ мѣстахъ Ѳессаліи, особенно на о. Thasos'ѣ, откуда предпринималъ путешествія по Малой Азіи. прибрежнымъ странамъ Чернаго моря даже, можетъ быть по Египту. Смерть его послѣдовала вѣроятно въ 377 г. до Р. X. въ Ларисcѣ, въ Ѳессаліи Впрочемъ, судьба великаго косскаго врача, давно уже разукрашенная на всевозможные лады, тѣмъ менѣе можетъ быть извѣстна во всей подробности, что онъ еще при жизни достигъ огромныхъ почестей и славы. Его сыновья Ѳессалъ и Драконъ также были знаменитыми врачами. Первый былъ лейбъ-медикомъ у царя Архелая Македонскаго, его сынъ Гиппократъ III — лейбъ-медикомъ Роксаны, жены Александра. Нѣкоторыя сочиненія гиппократовскаго сборника, вѣроятно, составлены зятемъ Гиппократа—Полибіемъ.

Сочиненія, носящія имя Гиппократа, приблизительно чрезъ сто лѣтъ послѣ его смерти были сгруппированы александрійскими учеными въ дошедшій до насъ сборникъ. Недостатокъ критики при составленіи послѣдняго дѣлаетъ понятнымъ, какимъ образомъ въ собраніе сочиненій, современныхъ Гиппократу, попали такія, которыя, вѣроятно, древнѣе (напр.

* Акушерки; по Sprengel'ю имя ея было Праксителя; а Фенарета, также акушерка, была мать Сократа. Ред.

„присяга“) и такія, которыя составлены позже. Не мало сочиненій происходитъ, какъ въ высшей степени вѣроятно, отъ самого великаго косеца; съ положительной же увѣренностью нельзя этого утверждать ни объ одномъ изъ нихъ.

Убѣжденіе, что всѣ книги, такъ называемаго, „Гиппократова Собранія“ не могутъ быть писаны однимъ человѣкомъ, родилось еще въ древней Александріи. Со временъ Галена установилось стремленіе приписывать Гиппократу каждую книгу „собранія“, которая либо по возвышенности общихъ воззрѣній, либо по богатству спеціальныхъ свѣдѣній, казалась особенно выдающеюся. Къ числу представителей Галенова направленія принадлежитъ и Грунеръ, взглядовъ котораго придерживается Ш п р е н г е л ь. Но это мнимое величіе Гиппократа должно было уступить критикѣ XIX в. Мы знаемъ теперь, благодаря работамъ Линка, Петерсена, Литтрэ, Дарамбера, Эрмеринса, что безъимянные авторы многихъ подложныхъ книгъ знали больше анатоміи и хирургіи, нежели Гиппократъ, тщательнѣе изслѣдовали своихъ больныхъ, смотрѣли съ такимъ-же достоинствомъ на свое призваніе и т. д.... По невозможности представить по уцѣлѣвшимъ отрывкамъ обзоръ ученій и взглядовъ Гиппократа, вошло въ обычай ограничиваться обзоромъ медицины „Гиппократиковъ“, чѣмъ, впрочемъ, затрудненіе нисколько не уменьшается, такъ какъ невозможно указать съ достовѣрностью ту школу, изъ которой вышла большая часть книгъ собранія (проф. Ѳ. Ѳ. Э й х в а л ь д ъ. Общая терапія, Спб. 1882).

Къ счастію въ сборникъ попали также и сочиненія книдской школы.

Важнѣйшія изъ сочиненій, заключающихся въ сборникѣ, слѣдующія:

1. Сочиненія общаго содержанія: Ὅρκος (*jusjurandum*)—Περὶ ἀρχαίης ἰητρικῆς (*De prisca medicina*)—Περὶ εὐσχημοσύνης (*De habitu decenti*)—Ἀφορισμοί (Aphorismi).

2. По анатоміи: Περὶ καρδίης (*De corde*).

3. По физіологіи: Περὶ γόνης (*De genitura*)—Περὶ φύσεως παιδίου (*De natura pueri*).

4. По этіологіи: Περὶ ἀέρων, ὑδάτων, τόπων (*De aëre, aquis et locis*).

5. По прогностикѣ: Προγνωστικὸν (*Prognosticon*)—Προῤῥητικὸν (*Praedicta*) —Κωακαὶ προγνώσεις (*Praenotiones Coacae*).

6. По патологіи: Περὶ ἱερῆς νούσου (*De morbo sacro*) — Ἐπιδήμια (*Epidemia*)—Περὶ νούσων (*De morbis*)—Περὶ τῶν ἐντὸς παθῶν (*De morbis internis*) [Книдск. происх].

7. По терапіи: Περὶ διαίτης ὀξέων (*De diaeta in morbis acutis*).

8. По хирургіи: Κατ' ἰητρεῖον (*De officina medici*).—Περὶ ἄρθρων (*De articulis*)—Περὶ ἀγμῶν (*De fracturis*).—Μοχλικὸς (*Vectiarius*)—Περὶ τῶν ἐν κεφαλῇ τρωμάτων (*De capitis vulneribus*)—Περὶ ἑλκῶν (*De vulneribus*)—Περὶ αἱμοῤῥοΐδων (*De haemorrhoidibus*)—Περὶ συρίγγων (*De fistulis*).

9. По офталмологіи: Περὶ ὄψιος (*De visu*).

10 По гинекологіи: Περὶ γυναικείων παθῶν (*De morbis mulierum*)—Περὶ ἐπικυήσιος (*De superfoetatione*).

11. По дѣтскимъ болѣзнямъ: Περὶ ὀδοντοφυΐης (*De dentitione*).

Первое греческое изданіе: Венеція 1526 г.—Лучшее греко-латинское изданіе: Foesius'а. Франкфуртъ 1590 г. и слѣд. Новѣйшее греко-латинское изданіе (съ переводомъ Foësius'а): Ermerins'a Traj. ad. Rh 1859—1865. 3. voll. 4. Удобнѣйшее и полнѣйшее изданіе—Littré, съ французскимъ переводомъ и превосходными комментаріями. Парижъ 1839—1861. 8. 10 томовъ. Далѣе, многочисленные переводы на различные новѣйшіе языки.

Врачебная наука по Гиппократовскому Собранію.

Анатомія и физіологія.

11. Гиппократики придаютъ большое значеніе знанію строенія и отправленій тѣла, совокупность которыхъ они выражаютъ однимъ понятіемъ φύσις*. Этому не противорѣчитъ то обстоятельство, что анатомическія и физіологическія описанія, заключающіяся въ собраніи, въ общемъ весьма скудны и не точны, и что почти всѣ они основаны на секціи животныхъ. Изслѣдованія человѣческихъ труповъ были по религіознымъ воззрѣніямъ Грековъ прямо невозможны или ограничивались крайне рѣдкими случаями. Однакожъ, имѣются случайныя замѣтки о строеніи отдѣльныхъ органовъ человѣка при описаніи поврежденій, напр. черепа и т. д. Главная причина этого сравнительнаго пренебреженія анатоміей состоитъ въ томъ, что тогдашніе врачи вообще не чувствовали потребности въ подобныхъ знаніяхъ, и что при взглядѣ на медицину (терапію), какъ на „искусство“, имъ достаточно было общаго знакомства со строеніемъ и отправленіями важнѣйшихъ органовъ тѣла.

Матеріальной основой человѣческаго тѣла считались „землистое“ и „водянистое“.

Одни изъ гиппократиковъ полагаютъ, что всѣ живые организмы состоятъ изъ земли и воды или огня и воды; другіе же считаютъ тѣло человѣка въ сущности состоящимъ изъ 4-хъ основныхъ веществъ: огня, земли, воздуха и воды, смѣшанныхъ въ различныхъ пропорціяхъ. Выше мы видѣли, что индусы—кромѣ этихъ четырехъ основаній—принимали еще пятое—эфиръ (свѣтъ).

* Столь популярное въ настоящее время выраженіе „природа“ (φύσις), впервые введенное въ науку Гиппократомъ, употреблялось имъ либо въ смыслѣ организма, либо въ смыслѣ внѣшняго міра, такъ какъ здоровье и болѣзни зависятъ и отъ космической среды,— наконецъ, въ смыслѣ инстинкта, какъ источника охранительныхъ, консервативныхъ актовъ. Ред.

Различіе между отдѣльными органами зависитъ главнымъ образомъ отъ степени дѣйствующей на нихъ врожденной теплоты. Основными жидкостями тѣла считаются кровь, слизь, желтая и черная желчь (соотвѣтственно элементарнымъ свойствамъ—теплу, холоду, влажности и сухости).

Изъ анатомическихъ описаній самыми точными являются описаніе костей, особенно черепныхъ. Довольно точно указаны также большіе мускулы и ихъ точки прикрѣпленія. За то нервы очень часто смѣшиваются съ сухожиліями (νεῦρα) и маленькими артеріями, особенно на лицѣ (νευροκολίοι). Описаніе кишечнаго канала довольно неясно. Нѣкоторыя части и тогда уже носили ихъ теперешнія наименованія (δακτυλίον, μεσοκόλον, περιτοναῖον).—Печень уже тогда останавливала на себѣ вниманіе по своему значенію для жертвенныхъ гаданій. Железы, за исключеніемъ грудной, назначены для выдѣленія лишней воды изъ тѣла.—Дыхательные органы въ общемъ описаны правильно. Гортань не упоминается отдѣльно. Надгортанникъ служитъ для того, чтобы предохранить доступъ пищи и питья въ воздушные пути. Нѣкоторыя капли послѣдняго, впрочемъ, попадаютъ въ легкія для охлажденія ихъ. Голосъ происходитъ отъ звучанія воздуха внутри трахеи. Легкія состоятъ изъ 5 долей и имѣютъ губчатое свойство.—О взглядѣ гиппократиковъ на строеніе и отправленія сердца возможны только одни предположенія, тѣмъ болѣе, что чрезвычайно цѣнное сочиненіе сборника, занимающееся этимъ предметомъ, принадлежитъ аристотелевскому, даже, можетъ быть, послѣ аристотелевскому времени. Можно, однако, принять, что изложенные въ немъ взгляды въ общихъ чертахъ были извѣстны уже при Гиппократѣ.—Сочиненіе *О сердцѣ* рисуетъ этотъ органъ, какъ мускульное образованіе и какъ средоточіе животной жизни. Посредствомъ теплоты, прирожденной сердцу (ἔμφυτον θερμόν), оживляется какъ холодная кровь, проводимая къ правому желудочку изъ печени, такъ же развивается „пневма“ * изъ

* πνεῦμα—тонкое эфирное вещество, которое содержится уже въ воздухѣ и отнимается отъ послѣдняго холодными легкими. Ред.

воздуха, попадающаго въ лѣвый желудочекъ чрезъ легкія и легочныя вены. Чрезъ вены, „жилы“—(φλέβες) кровь распространяется по всему тѣлу для его согрѣванія. Другіе сосуды (артеріи) проводятъ къ частямъ тѣла пневму и доставляютъ имъ такимъ образомъ чувствительность и движеніе. Большая толщина и крѣпость лѣваго желудочка имѣетъ цѣлью препятствовать улетучиванію пневмы.—Трабекулы, сухожильныя нити и клапаны описаны правильно; точно также указано испытаніе полнаго замыканія полулунныхъ клапановъ воздухомъ и водою. Большіе сосудистые стволы груди, шеи и живота извѣстны и носятъ уже нынѣшнія наименованія; но объ ихъ развѣтвленіяхъ господствуютъ самыя странныя представленія.

Почки служатъ для процѣживанія мочи, какъ чрезъ фильтръ. О путяхъ, черезъ которые питье попадаетъ въ почки, существуютъ самыя смутныя представленія. Довольно распространенное мнѣніе было таково, что сосуды ведутъ прямо изъ желудка въ почки („viae clandestinae“ позднѣйшихъ авторовъ).

Мужскіе и женскіе половые органы въ общемъ описаны вѣрно, о яичникахъ не упоминается. Отдѣленіе молока объясняется давленіемъ, производимымъ беременной маткой чрезъ сальникъ на грудныя железы.

Въ высшей степени смутны представленія гиппократиковъ о строеніи и функціяхъ мозга. Твердая мозговая и паутинная оболочки описаны вѣрно. Самъ мозгъ состоитъ изъ двухъ половинъ, связанныхъ лежащей между ними оболочкой. Онъ обладаетъ холодными свойствами и назначенъ, по очень распространенному мнѣнію, для того, чтобы втягивать въ себя избытокъ слизи, ненормальное увеличеніе и отдѣленіе которой причиняетъ катарръ. Кромѣ того мозгъ служитъ для отдѣленія сѣмени, проводимаго въ яички чрезъ спинной мозгъ. Въ другихъ же сочиненіяхъ, напр., въ трактатѣ „объ эпилепсіи“, мозгъ охарактеризованъ, какъ центральный органъ мышленія, ощущенія и движенія.

Въ глазномъ яблокѣ гиппократики различаютъ три оболочки: sclerotica, роговицу и „тончайшую изъ всѣхъ, которая заключаетъ въ себѣ наполняющую bulbus жидкость“. Видѣніе

объясняется воспріятіемъ образа, отражающагося въ зрачкѣ. Въ другомъ мѣстѣ говорится, что маленькія жилки проникаютъ изъ мозга чрезъ склеротику вплоть до ὄψις—„зрительнаго мѣста," которое они и питаютъ нѣжнѣйшей жидкостью мозга; „такимъ образомъ, можно видѣть себя въ глазѣ". О существованіи линзы не высказывается никакого подозрѣнія.— Въ слуховомъ органѣ различаютъ костную часть и барабанную перепонку. Слухъ происходитъ отъ сотрясенія твердыхъ черепныхъ костей; по мнѣнію другихъ отъ того, что окружность уха пуста и вслѣдствіе этого способна проводить звукъ до мозга. Обоняніе зависитъ отъ проиканія пахучихъ веществъ въ мозгъ * чрезъ рѣшетчатую кость.

Этіологія. Общая патологія. Діагностика. Прогностика.

12. Два лучшихъ сочиненія сборника (*О воздухѣ, водахъ* и т. д. и *Объ эпилепсіи*) категорически отрицаютъ происхожденіе какой либо болѣзни отъ сверхестественныхъ причинъ. „Божественно (θεῖον) и то, и другое, но все совершается сообразно природѣ" [κατὰ φύσιν].

> „Нельзя сказать, чтобы одна болѣзнь была болѣе божественна или болѣе человѣчна, чѣмъ другая: всѣ болѣзни одинаково подобны и одинаково происходятъ отъ боговъ; ибо каждая изъ нихъ имѣетъ свою природу и все совершается только сообразно съ природой. Каждая болѣзнь, какъ и эта (дѣло идетъ о мужскомъ безсиліи)—имѣетъ свою естественную причину, и ничто не совершается безъ естественной причины".

Главное сочиненіе сборника по этіологіи въ обширнѣйшемъ смыслѣ—*О діэтѣ*. Въ *De aëre, aquis et locis* Гиппократъ, вѣроятно по собственнымъ наблюденіямъ, характеризуетъ климатъ Греціи и прибрежныхъ странъ Чернаго и Каспійскаго морей. По описанію—скиѳы и сарматы и ихъ образъ жизни очень подходятъ къ нынѣшнимъ татарамъ Украйны [? степнымъ номадамъ].

---

* — **который по мнѣнію гиппократиковъ заходитъ въ самыя полости носа. Ред.**

Гиппократъ различалъ два большихъ разряда причинъ болѣзней: 1) Общія и преимущественно внѣшнія вліянія (времена года, температура, вода, почва, эпидемическія вліянія, возрастъ, наслѣдственность) и 2) индивидуальныя вліянія (діэта, упражненія). Въ патологіи у гиппократиковъ первое мѣсто занимаютъ основныя жидкости тѣла: кровь, слизь, желтая и черная желчь. Отъ ихъ избытка, недостатка, застоя происходятъ засореніе, нагрѣваніе и порча соковъ; всѣ эти измѣненія и являются причинами болѣзней. Тяжкія заболѣванія причиняются смѣшеніемъ холодной слизи съ горячей желчью.

Такимъ образомъ—правильное смѣшеніе (краза) соковъ обусловливаетъ здоровье,—болѣзнь же есть результатъ измѣненія нормальной кразы.

Но собственно тогдашнихъ врачей болѣзнь, какъ таковая, вовсе не интересовала. Сообразно міровоззрѣнію эллиновъ, проникнутыхъ идеей о прекрасномъ, болѣзнь казалась гиппократикамъ нарушеніемъ идеальной красоты жизни, и задачей врача было—возстановленіе этой красоты Продолжительный вѣковой опытъ, основанный на безпристрастномъ наблюденіи, училъ ихъ, что большинство больныхъ острыми болѣзнями преодолѣвали послѣднія безъ врачебнаго вмѣшательства, а только при помощи одной цѣлительной силы природы—φύσις, (этому много способствовали мягкій климатъ Греціи и равномѣрное, гармоническое развитіе духа и тѣла ея обитателей). Они замѣчали, какъ во множествѣ случаевъ патологически образовавшіяся вещества проходили періоды „сырости" и „свaренія", чтобы, наконецъ, въ состояніи зрѣлости подвергнуться изверженію—„кризисъ".

Процессъ этотъ представлялся имъ въ такомъ видѣ: въ каждой острой болѣзни сначала образуется изъ соковъ острое сырое раздражающее вещество, причиняющее мѣстное раздраженіе и лихорадку, т. е. усиленіе врожденной теплоты. Затѣмъ, благодаря послѣдней и φύσις, наступаетъ свареніе этого сырого вещества—операція, посредствомъ которой природа способствуетъ возстановленію потеряннаго здоровья.... Свареніе соковъ

есть вмѣстѣ съ тѣмъ приготовленіе къ ихъ изверженію Усилія природы направленныя къ этому изверженію, греки назвали кризисомъ (*κρίσις*— сужденіе, рѣшеніе).

Литтрэ видитъ полную аналогію этой теоріи сваренія съ современнымъ понятіемъ о „разрѣшеніи".

Очень распространено было мнѣніе, имѣвшее, вѣроятно, основу въ мистическомъ ученіи пиѳагорейцевъ о трехъ и семикратныхъ числахъ, что кризисы (изверженія) наступаютъ преимущественно на 3, 7, 10, 14 и 21 дни. Въ противоположность этому *Prognostikon* заявляетъ, что кризисы отнюдь не подчинены такому ариѳметическому закону.

Первая задача врача—постановка діагноза. Тщательность и осмотрительность, съ которыми гиппократики относятся къ послѣднему, дѣйствительно образцовы. Они обращаютъ величайшее вниманіе на сообщенія самого больнаго о причинахъ его болѣзни, о его субъективныхъ ощущеніяхъ. Но гораздо большее значеніе они придаютъ объективному изслѣдованію. Повидимому, послѣднее составляло главное отличіе между косской и книдской школами.—Изслѣдованіе больнаго должно было происходить въ ранній утренній часъ до восхода солнца, такъ какъ въ это время глазъ врача всего болѣе зорокъ, сужденіе—яснѣе. Гиппократики изслѣдуютъ состояніе общаго питанія больнаго, цвѣтъ лица и вообще тѣла, температуру, дыханіе, дѣятельность пищеварительныхъ органовъ, почекъ, половаго аппарата. Бросается въ глаза поверхностное отношеніе къ пульсу, хотя мнѣніе, по которому послѣдній вообще не изслѣдовался, ложно.*

Въ самомъ блестящемъ свѣтѣ покажется мастерская діагностика гиппократиковъ, если принять во вниманіе, что они заключали по наружнымъ измѣненіямъ формы о болѣзняхъ внутреннихъ органовъ. Это относится не только къ хирургическимъ страданіямъ, но главнымъ образомъ къ незначительнѣйшимъ отклоненіямъ въ формѣ тѣла при внут-

* Въ Prorrheticon'ѣ говорится: меньше шансовъ сдѣлать ошибку (въ разпознаваніи), если ощупывать животъ и сосуды. Объ изслѣдованіи пульса говорили уже Харака и Сусрута. Ред.

ренних болѣзняхъ—грудной полости, живота. Безъ сомнѣнія, ежедневное созерцаніе открытыхъ, правильныхъ, идеально красивыхъ формъ мальчиковъ, юношей и взрослыхъ—давало возможность тогдашнимъ врачамъ открывать ничтожнѣйшія измѣненія, малѣйшія уклоненія отъ нормы.

Перкуссія живота примѣнялась (въ болѣе поздній періодъ) при асцитѣ и тимпанитѣ. Гиппократики о ней не упоминаютъ; но все говоритъ за предположеніе, что перкуссія примѣнялась не только при упомянутыхъ страданіяхъ и часто описываемыхъ опуханіяхъ печени и селезенки, но, можетъ быть, также и при заболѣваніяхъ грудныхъ органовъ, именно при столь хорошо извѣстной древнимъ эмпіемѣ.

За то не можетъ быть сомнѣнія, что гиппократики примѣняли выслушиваніе,—и главнымъ образомъ, при эмпіемѣ. Этимъ именемъ они называютъ скопленіе гноя въ легкихъ и полости плевры. Для діагностики эмпіемы служитъ прежде всего встряхиваніе (суккуссія). Послѣднее состоитъ въ томъ, что больной берется помощникомъ за плечо и встряхивается; врачъ въ тоже время прикладываетъ ухо къ грудной стѣнкѣ, чтобы выслушать предполагаемый шумъ (ψόφος), который производится гноемъ при ударѣ о стѣнку каверны или плевры. Кромѣ того суккуссія служитъ и терапевтическимъ средствомъ. Дальнѣйшее примѣненіе выслушиваніе находитъ при „водянкѣ" легкаго (ζέει ἔσωθεν οἷον ὄξος —„кипитъ внутри какъ уксусъ").* Шумъ тренія кожи описывается словами: τρίζει οἷον μάσθλης („хруститъ какъ кожа").

Прогностика. Послѣ опредѣленія характера страданія—самой важной задачей врача является предсказаніе (прогнозъ), отъ котораго и зависитъ леченіе. Посвященное прогнозу—Prognostikon начинается словами—„самымъ лучшимъ врачемъ кажется мнѣ тотъ, который обладаетъ даромъ предвѣдѣнія (πρόνοια)"—и выражаетъ задачу прогностики слѣдующей фразой: „узнать прошедшее, изслѣдовать настоящее, предсказать будущее". Какъ прогностически хорошіе симп-

---

* Дѣло идетъ, какъ думаетъ Гезеръ въ своей *Исторіи медицины*, о хрипахъ при отекѣ легкихъ. Ред.

томы въ острыхъ болѣзняхъ служатъ, главнымъ образомъ, спокойный сонъ, появленіе пота и безпрепятственное движеніе тѣла. Изъ неблагопріятныхъ симптомовъ самымъ серьезнымъ является знаменитое „facies Hippocratica".

„Носъ заостренъ; глаза впалы; виски вваливаются; уши холодны и съеживаются; ушныя сережки отстоятъ; кожа лба суха, напряженна и шероховата; цвѣтъ лица желтый или темный, фіолетовый (livid) или свинцовый".

Кромѣ того, описываются соотвѣтственныя неблагопріятныя явленія со стороны глазъ, дыханія, отдѣленія мокроты, состоянія живота, выдѣленій, особенно мочи.

Терапія. Ученіе о лекарственныхъ веществахъ.

> „Лекарства и ихъ простыя свойства, если таковыя описаны, ты долженъ тщательно удержать въ памяти. Изъ нихъ умъ долженъ усвоить себѣ все, что относится къ леченію болѣзней вообще, всѣ ихъ видоизмѣненія, наконецъ, сколько и какимъ образомъ они дѣйствуютъ въ отдѣльныхъ болѣзняхъ. Ибо въ этомъ начало, средина и конецъ въ познаваніи лекарствъ".

13. Верховный законъ Гиппократовой терапіи содержится въ словахъ: νούσων φύσιες ἰητροί [натуры—врачи болѣзней]. Во многихъ мѣстахъ повторяется правило: вмѣшиваться (въ теченіе болѣзни) только тогда, когда надо возбудить или умѣрить дѣятельность природы. Такимъ образомъ, главной задачей терапіи является поддержаніе или уравновѣшеніе силъ (организма).

При выполненіи такой задачи гиппократики придерживаются золотаго правила—довѣрять прежде всего ранѣе испытанному. «Новое, пользы котораго еще не знаютъ, обыкновенно больше расхваливается, чѣмъ старое, польза котораго извѣстна, и бросающееся въ глаза—больше испытаннаго". Основное правило терапіи—τα ἐναντία τῶν ἐναντίων ἐστιν ἰήματα (противоположное лечить противоположнымъ), т. е. бороться съ болѣзненнымъ состояніемъ посредствомъ искуственно вызваннаго другаго, противоположнаго ему, состоянія.

Эти основныя положенія терапіи Гиппократа выражены имъ въ Афоризмахъ слѣдующимъ образомъ:

1-е положеніе (Aph. II, 22): A repletione quicunque fiunt morbi, evacuatione sanantur; et quicunque ab evacuatione, repletione: et aliorum contrarietas sanat.

2-е положеніе (Aph. II, 51 и 52): Multum, et derepente vacuare, aut replere, aut calefacere, aut frigefacere, aut alio quocunque modo corpus movere, periculosum est. Enimvero omne multum (i. e. nimium) naturae est inimicum. Quod vero paulatim fit, tutum est: tum alias, et si quis ex altero ad alterum transeat.

Omnia ex ratione facienti, et non secundum rationem evenientibus, non transeundum ad aliud, manente eo, quod visum est ab initio.

3-е положеніе (Aph. I, 20, 21 и 22): Quae judicantur et judicata sunt perfecte, neque movere oportet, neque innovare, sive purgantibus, sive aliis irritamentis, sed sinere.

Quae ducere oportet, quo maxime vergant, eo ducenda, per loca convenientia.

Concocta purgare et movere oportet, non cruda, neque in principiis, nisi turgeant. Plurima vero non turgent.

Такимъ образомъ, первое положеніе выражаетъ собой леченіе по закону противоположностей (contraria contraribus), второе—леченіе по закону соразмѣрности или постепенности, согласно которому дѣйствіе должно соразмѣряться съ реакціей, и наконецъ, третье положеніе обязываетъ сообразовать лѣченіе со стремленіями природы, „съ тѣмъ, что происходитъ", т. е. съ тѣмъ, что мы наблюдаемъ, индивидуализируя данный клиническій случай.

Одностороннее толкованіе воззрѣній Гиппократа на природу привело еще методиковъ къ заключенію, что будто вся терапія гиппократиковъ есть „разсужденіе о смерти". Дѣйствительно, положеніе: „sola natura—medicatrix", являясь основнымъ догматомъ терапіи, значительно умаляя вмѣшательство искусства, всю роль

врача какъ бы низводитъ до степени простаго наблюдателя явленій, совершающихся въ больномъ организмѣ.

Однакоже Гиппократъ всей совокупностью своей физіократіи старался показать лишь дѣятельность человѣческой и внѣшней природы, помимо вмѣшательства какихъ бы то ни было внѣ-естественныхъ или внѣ-органическихъ причинъ. Natura (φύσις) человѣка—это онъ самъ, реагирующій, дѣйствующій на окружающую среду, подобно тому, какъ и среда дѣйствуетъ на него. Изученіе условій этого взаимодѣйствія и служитъ задачей Гиппократовой медицины. Разсматривая болѣзнь, какъ результатъ ненормальнаго вліянія внѣшнихъ условій среды на природу организма, гиппократики первой задачей ставили терпѣливое **наблюденіе** надъ совершающейся въ организмѣ борьбой между первыми и послѣдней.

Будучи убѣждены, что „природа сама находитъ пути и средства и безъ постороннихъ указаній дѣлаетъ должное“ они въ тоже время хорошо понимали, что природа можетъ и ошибаться, что она бываетъ „едина и не едина“, и что въ этихъ случаяхъ мало простой помощи цѣлительной силѣ природы, недостаточно способствовать путямъ выдѣленій, а требуется энергичное вмѣшательство:

Афоризмъ VII, § 87: Ὁκόσα φάρμακα οὐκ ἰῆται, σίδηρος ἰῆται. ὅσα σίδηρος οὐκ ἰῆται, πῦρ ἰῆται. ὅσα δὲ πῦρ οὐκ ἰῆται, ταῦτα χρὴ νομίζειν ἀνίατα.

Quae medicamenta non sanant, ferrum sanat; quae ferrum non sanat, ignis sanat, quae vero ignis non sanat, ea insanabilia existimare oportet.

„**Чего лекарства не излечиваютъ, лечитъ желѣзо. Чего желѣзо не излечиваетъ, лечитъ огонь. Чего же огонь не излечиваетъ—слѣдуетъ считать неизлечимымъ.**

Важнѣйшимъ изъ всѣхъ цѣлебныхъ средствъ служитъ соотвѣтственный образъ жизни—діэта въ обширнѣйшемъ

смыслѣ этого слова. Авторъ сочиненія *О діэтѣ при острыхъ болѣзняхъ*, вѣроятно самъ Гиппократъ, ставитъ себѣ въ заслугу, что онъ первый доказалъ всю важность діэтетической терапіи. Онъ считаетъ цѣлесообразнымъ ограниченіе количества пищи вообще, и размѣръ этого ограниченія опредѣляется наблюденіемъ надъ послѣдующимъ состояніемъ. Главнымъ питательнымъ средствомъ въ острыхъ болѣзняхъ служитъ ячменный супъ (п т и з а н а), который употребляется процѣженный или не процѣженный вмѣстѣ съ кашицевиднымъ осадкомъ, (смотря по тяжести или періоду болѣзни). Какъ питье назначается—вода съ медомъ (ὑδρόμελι), съ уксусомъ (ὀξύμελι), съ виномъ (οἰνόμελι). Въ качествѣ наружныхъ лекарствъ примѣнялись главнымъ образомъ масло, вода, растворъ поваренной соли въ уксусѣ, уксусъ и вино. Частое примѣненіе находятъ ванны изъ морской воды; наблюденіе, что раны у рыбаковъ, если ихъ оставляютъ въ покоѣ, не гноятся, напоминаетъ антисептическій методъ.—Въ хроническихъ болѣзняхъ главную роль играютъ діэта и тѣлесныя упражненія, особенно продолжительный бѣгъ, упражненіе голоса помощію разговора (чтенія вслухъ) и пѣнія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ цѣлебно дѣйствуетъ искусственно вызванная тучность. —Кровопусканіемъ гиппократики пользовались, кажется, довольно рѣдко, но основательно: всегда прибѣгали къ обильному кровоизвлеченію. Банки изъ руды (древнее изобрѣтеніе) примѣнялись часто. О піявкахъ упоминается только, какъ о вредной вещи, когда, напр., онѣ проглатываются съ водой.

У ч е н і е о л е к а р с т в е н н ы х ъ в е щ е с т в а х ъ полнѣе всего разработано въ сочиненіяхъ книдской школы. Кромѣ мѣстныхъ встрѣчаются египетскія, даже индійскія врачебныя средства, напр., кардамонъ и корица. Рвотными средствами служатъ медъ, уксусъ, теплая вода, щекотаніе зѣва и бѣлая чемерица (helleborus albus). Слабительными—топленое ослиное молоко, сокъ капусты, медъ, соль и т. д., изъ лекарствъ—бѣлая и зеленая чемерица, elaterium и клистиры изъ соли и масла. Потогонными считаются—теплые напитки и теплое содержаніе (въ постели). Какъ мочегонныя употреблялись шпанскія мушки, лукъ и ему подобныя ра-

стенія (чеснокъ, сельдерей). Въ качествѣ наркотическихъ примѣнялись главнымъ образомъ mandragora, листья и сѣмя мака. Вяжущими средствами считались чернильные орѣшки и особенно драконова кровь (изъ Суматры). Изъ металлическихъ средствъ, которыя употреблялись почти исключительно снаружи, особенно заслуживаютъ вниманія различные препараты мѣди, свинца, желѣза (также и внутрь: „гашеное" въ мочѣ желѣзо, т. е. раскаленное желѣзо, опущенное въ мочу), квасцы, аурипигментъ, сандаракъ, сѣра, натронъ [Nitron (Νίτρον s. λίτρον) или natrum nativum s. carbonicum] и пемза.

Самой обыкновенной формой лекарства для внутренняго употребленія была микстура, приготовляемая или самимъ врачемъ, или окружающими больного.

Частная патологія и терапія.

14. Описанія отдѣльныхъ болѣзней встрѣчаются въ сочиненіяхъ Собранія довольно рѣдко; большею частью приводятся только наименованія болѣзней и ихъ важнѣйшіе симптомы. Какъ наиболѣе частыя и тяжелыя болѣзни, поименованы: pleuritis, peripneumonia,* phrenitis,** lethargus, kausos-- болѣзнь, очень часто описываемая древними врачами и представляющая, по всей вѣроятности, лихорадочную форму малярійнаго происхожденія. Изъ болѣзней полости рта и зѣва всего чаще упоминаются нома, афты и ангины. Подрѣзываніе

* По мнѣнію Юргенсена, было бы ошибочно думать, что эти два названія соотвѣтствуютъ нашимъ: peripneumonia—крупозной пнеймоніи, а pleuritis—воспаленію грудной плевы. Юргенсенъ полагаетъ, что подъ peripneumonia разумѣлись вообще тяжкія заболѣванія органовъ грудной полости, болѣе же легкія относились къ pleuritis, если съ ними было соединено колотье въ боку. Ред.

** Окончаніе ιτις не означаетъ „воспаленіе", а вообще заболѣваніе.

удлиненнаго язычка принадлежало къ обыкновеннѣйшимъ операціямъ.—Многочисленныя замѣтки касаются болѣзней дыхательнаго аппарата. „Kynanche“—называются всякія формы непроходимости дыхательныхъ путей. Воспаленіе легкихъ (πνευμονία, περιπνευμονία) происходитъ отъ раздраженія ихъ слизью, стекающей внизъ изъ мозга; плевритъ—отъ повреждений и отъ того, что легкое ударяется о грудную стѣнку („pleura).* При леченіи этихъ болѣзней гиппократики до 7-го дня (въ періодѣ „сырости“) воздерживались вообще отъ всякаго серьезнаго вмѣшательства; въ періодѣ „сваренія“ и „кризиса“ главная задача терапіи состоитъ въ регулированіи болѣзненныхъ и усиленіи указывающихъ на выздоровленіе признаковъ. Важнѣйшее послѣдствіе пнеймоніи и плеврита —„эмпіема“,—въ тѣсномъ смыслѣ—всякое скопленіе гноя въ легкомъ и полости плевры, въ обширномъ же—также и въ брюшной полости. Эмпіема происходитъ отъ изліянія крови и превращенія ея въ гной и бываетъ первичной или вторичной, смотря по тому, остается ли она на мѣстѣ своего происхожденія или прорывается изъ легкаго въ полость плевры и обратно. Леченіе легочной эмпіемы состоитъ въ употребленіи веществъ, вызывающихъ чиханіе и кашель, отхаркивающихъ, вяжущихъ винъ, впрыскиваній въ „pharinx“, (откуда нѣсколько капель проникаютъ въ гортань и вызываютъ кашель). Эмпіема плевры оперируется ножемъ или раскаленнымъ желѣзомъ, постепенно опорожняется и заживляется впрыскиваніями изъ масла и вина.—Кромѣ указанныхъ, изъ болѣзней дыхательнаго аппарата упоминается hydrotorax и „рожа легкихъ“, болѣзнь, похожая на сѣнную лихорадку (Alpenstich).

Именемъ „phtisis“, въ широкомъ смыслѣ слова, назы-

---

* У Ковнера приводится это мѣсто: легкое, сухое отъ природы, высыхая чрезмѣрно, еще больше становится истонченнымъ, теряетъ свою кразу, отчего оно наклоняется къ плеврѣ и, прикасаясь къ плеврѣ, которая влажна, прилипаетъ къ ней и производитъ воспаленіе плевры ... Эта цитата не вполнѣ согласуется съ приведеннымъ выше утвержденіемъ Юргенсена. Ред.

вается всякаго рода истощеніе. О легочной чахоткѣ гиппократики, основываясь, вѣроятно, на секціяхъ животныхъ, имѣли весьма ясныя представленія. Они различали: чахотку вслѣдствіе изліянія (и высыханія) крови или слизи въ легочную ткань, чахотку — вслѣдствіе новообразованій (въ видѣ туберкуловъ, φύματα), размягченія и образованія кавернъ*. Описаніе теченія легочной чахотки штрихъ за штрихомъ срисовано съ натуры.

Особенно рельефно описаніе скоротечной чахотки: рано наступающее измѣненіе голоса, боли въ груди и спинѣ, лихорадочныя движенія, поты, качество мокротъ, (тонущихъ въ морской водѣ), выпаденіе волосъ, поносы, бредъ (въ концѣ болѣзни).

У Ковнера мы находимъ указаніе, что взглядъ на заразительность чахотки современенъ Гиппократу:... „чахотка пріобрѣтается отъ близкаго сосѣдства потому, что дѣлаетъ дурнымъ и вреднымъ воздухъ, которымъ необходимо дышать".

Терапія состоитъ въ соотвѣтствующей питательной діэтѣ, особенно рекомендовалось молоко, каутеризаціи груди и т. д.

О болѣзняхъ сердца вплоть до 17 столѣтія едва ли и можетъ быть рѣчь, ибо до этого времени полагали, что этотъ органъ, какъ мѣстопребываніе жизни, вообще не можетъ болѣть. Иногда упоминаются ῥήγματα, разрывы большихъ сосудовъ. [Аневризмы?].

Изъ болѣзней кишечнаго канала слѣдуетъ обратить вниманіе на дизентерію и частыя въ маляріиныхъ мѣстностяхъ Греціи опуханія печени и особенно селезенки (μεγάλαι σπλῆνες). Причиной часто встрѣчавшейся каменной болѣзни считали употребленіе глинистой и песчаной (тинистой) воды. Часто упоминается объ острыхъ и хроническихъ нарывахъ почекъ съ ихъ послѣдствіями: вскрытіе въ пузырь, брюшину,

---

* **Извѣстная ошибка, что чахотка—болѣзнь преимущественно свойственная молодому возрасту, ведетъ начало отъ гиппократиковъ** Aphorism, V, § 9: Tabes (Phtisis) maxime sit aetatibus ab anno octavo decimo usque ad quintum trigesimum... **Ред.**

ободочную кишку. Почечные нарывы, которые становятся замѣтными въ поясничной области, вскрываются проникающимъ до почки разрѣзомъ. Поврежденія мочевого пузыря считаются абсолютно смертельными. Описываются также катарръ, воспаленіе и нагноеніе мочевого пузыря. Изъ заболѣваній мужскихъ половыхъ органовъ гиппократики говорятъ о метастатическомъ воспаленіи яичка вслѣдствіе паротита. Опухоли яичекъ, „которыя происходятъ отъ кашля", принимались за грыжи. Далѣе упоминаются врожденныя hydrocele varicocele, также, можетъ быть, трипперъ, опухоли и наращенія (θύμοι) praeputii.

Очень смутны представленія гиппократиковъ о болѣзняхъ нервной системы. Самую важную роль при послѣднихъ играетъ выдѣляемая мозгомъ слизь, которая дѣлаетъ соотвѣтствующіе сосуды непроходимыми для крови и пневмы. Очень часто упоминается „phrenitis", названіе, обнимающее собою всѣ острыя болѣзни, протекающія при нарушеніи дѣятельности мозга Далѣе называются апоплексія, параплегія, параличъ личнаго нерва, ischias. Одно изъ цѣннѣйшихъ сочиненій Собранія посвящено эпилепсіи, именно вопросу, зависитъ ли она отъ сверхъестественныхъ причинъ (θεῖον); авторъ высказывается рѣшительно за соматическое просхожденіе и противъ практиковавшихся тогда симпатическихъ и суевѣрныхъ способовъ леченія. Замѣчанія о вліяніи наслѣдственности, описаніе aura epileptica и самаго припадка совершенно соотвѣтствуютъ дѣйствительности.

Изъ новообразованій упоминаются зобъ, золотуха, ракъ и т. д.—Водянка распадается на ascites, oedema и anasarka. Асцитъ устраняется разрѣзомъ, проведеннымъ чрезъ пупокъ или нѣсколько отступя въ сторону отъ него; водянка мошонки—проколомъ послѣдней. Описанія другихъ опухолей не ясны, чтобы придавать имъ какое нибудь значеніе. Изъ кишечныхъ паразитовъ поименованы круглые глисты, аскариды и ленточные глисты.

Epidemia, составленныя, вѣроятно, отчасти самимъ Гиппократомъ, содержатъ описанія эпидемическихъ конституцій, изъ которыхъ особенно выдаются малярійная лихо-

радка, „kausos",* тифъ, желчный тифоидъ и эпидемическій паротитъ.

> Подъ словомъ „эпидеміи" гиппократики подразумѣвали болѣзни, возвращающіяся изъ года въ годъ и порождаемыя ненастной погодой, т. е. то, что нынѣ называютъ „медицинской конституціей", зависящей отъ времени года, въ теченіе котораго у большаго количества людей господствуютъ обыкновенныя болѣзни, принимающія болѣе или менѣе рѣзко выраженный общій характеръ... (Ковнеръ).

Высокую степень развитія въ сочиненіяхъ Гиппократа обнаруживаетъ психіатрія. Душевныя болѣзни производятся исключительно тѣлесными причинами и ставятся въ зависимость отъ заболѣванія мозга. Во всякомъ случаѣ, тѣлесныя болѣзни, связанныя съ помѣшательствомъ, напр., истерія, ипохондрія, „phrenitis",** эпилепсія, нерѣдко различаются отъ душевныхъ болѣзней въ тѣсномъ смыслѣ. Гиппократики различаютъ главнымъ образомъ двѣ основныя формы помѣшательства: „меланхолію" и „манію". Эти названія отнюдь не имѣютъ такого рѣзко выраженнаго значенія, какъ въ настоящее время. „Меланхолія" обнимаетъ всѣ формы помѣшательства, происходящія отъ избытка черной желчи; между ними и „сумасшествіе" въ самомъ широкомъ смыслѣ. Точно также „манія" означаетъ вообще сумасшествіе. Слѣдуетъ обратить вниманіе на послѣродовое помѣшательство, меланхолію хлоротичныхъ и т. д. Впрочемъ, этіологическіе моменты очень скудны; даже наслѣдственное предрасположеніе не упоминается. Взгляду гиппократиковъ на соматическое происхожденіе помѣшательства соотвѣтствуетъ и ихъ терапія: діэта, гимнастика, холодныя обливанія и т. д.

---

* — „Горячая лихорадка", сопровождаемая высокимъ жаромъ и безпокойствомъ, отъ которой языкъ сохнетъ и чернѣетъ, и является жажда холоднаго. — Галенъ. Ред.

** Опредѣленіе, которое завѣщали древніе: — „острый бредъ съ сильной лихорадкой, хватаніе мушекъ и маленькій сжатый пульсъ". Ред.

Хирургія.

15. Нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ сочиненій Собранія, составляющихъ, вѣроятно, нѣчто болѣе цѣлое, посвящены хирургіи. Судя по богатству и основательности своего содержанія, эти сочиненія являются, вѣроятно, результатомъ вѣкового опыта.

> По мнѣнію Petrèquin'a, Гиппократъ даже болѣе замѣчателенъ, какъ хирургъ, чѣмъ какъ врачъ. Въ то время, какъ въ области внутренней медицины нѣкоторые изъ его взглядовъ и методовъ леченія устарѣли, хирургія его оказывается болѣе живучей, и многіе изъ изобрѣтаемыхъ нынѣ новыхъ способовъ представляютъ лишь возрожденіе старыхъ гиппократическихъ правилъ.

Въ *Iatreion* описываются врачебный кабинетъ (Werkstatt), способъ его освѣщенія, многочисленные хирургическіе инструменты и аппараты, обязанности помощниковъ, положенія больного, оператора, общія техническія правила, примѣненіе воды, повязокъ, зонды, приготовленные изъ олова или свинца и т. д.

Ученіе о ранахъ излагается главнымъ образомъ въ сочиненіи того же названія. Противъ травматическихъ кровотеченій гиппократики имѣли въ своемъ распоряженіи только давленіе, холодъ и styptica. Заживленіе ранъ происходитъ или непосредственнымъ соединеніемъ или путемъ нагноенія. Важнѣйшія средства при леченіи ранъ—холодныя и теплыя катаплазмы и различнѣйшіе пластыри. Далѣе описываются раненія суставовъ и ихъ послѣдствія: coxarthrocace, нагноеніе тѣлъ позвонковъ, кифозъ, фистулы, caries и т. д. Картины поврежденій спинного мозга, описаніе параплегій и т. д. взяты съ натуры.

Вывихамъ и переломамъ посвящены *Mochlikos* и сочиненіе ***О суставахъ.*** Возможность частаго наблюденія поврежденій конечностей на полѣ битвы, у корабельщиковъ, плотниковъ, въ гимназіяхъ и при военныхъ играхъ, довели именно эту часть хирургіи до высокой степени совершенства уже въ

раннюю пору. Тѣмъ болѣе, что этому способствовали болѣе точныя свѣдѣнія въ этой области о строеніи скелета. Этимъ объясняется, что ученіе о простыхъ переломахъ и вывихахъ является у тогдашнихъ врачей въ такомъ состояніи, которое въ основныхъ чертахъ осталось неизмѣненнымъ до послѣдняго времени. Новѣйшія изслѣдованія показали даже, что нѣкоторыя формы вывиховъ, принадлежащія къ величайшимъ рѣдкостямъ, были гиппократиками распознаваемы вполнѣ правильно. Точно также высоко развита терапевтическая часть этого ученія. „Скамья", „лѣстница", „клинъ" и т. д. знакомы каждому врачу и въ настоящее время. Такъ же точно цѣлесообразны примѣнявшіеся при вывихахъ, переломахъ и т. д. повязки, изъ которыхъ многія въ ходу и теперь,—употребленіе шинъ, примѣненіе неподвижныхъ повязокъ и т. д. Дошедшія до насъ изображенія раненыхъ героевъ *Иліады* доказываютъ, что перевязывать не только цѣлесообразно, но и „изящно" (καλῶς), —было правиломъ, которое тщательно исполнялось.

Вывихи распадаются на врожденные и пріобрѣтенные (къ первымъ принадлежитъ, напр., косолапость), на полные и неполные. Особенно основательно описаны вывихи плеча (вверхъ, внизъ, кнаружи и кнутри) со всѣми извѣстными методами вправленія. Замѣчанія о вывихахъ обратили на себя особенное вниманіе съ тѣхъ поръ, какъ Petrèquin показалъ, что гиппократики при описаніи областей кисти и предплечія представляли себѣ послѣднее въ естественномъ положеніи висящимъ сбоку.

Слѣдовательно, Гиппократъ совершенно иначе смотрѣлъ на положеніе предплечія и руки въ сравненіи съ новѣйшими авторами: въ то время, какъ послѣдніе за типическую позу принимаютъ положеніе, въ которомъ ладонь смотритъ напередъ, а тыльная поверхность руки назадъ, слѣдовательно, различаютъ наружную и внутреннюю стороны локтеваго сустава, Гиппократъ, напротивъ того, заставляетъ руки свободно висѣть вдоль туловища, такъ что онѣ ладонною поверхностью обращены къ ребрамъ, т. е. внутрь, а

тыльною наружу, вслѣдствіе чего лучевая сторона локтеваго сустава становится передней, а локтевая—задней.

Для вправленія вывихнутаго бедра служили, такъ называемая „скамья" Гиппократа (βάθρον), аппаратъ, заключающій съ себѣ приспособленія для фиксаціи туловища и вытягиванія и противо-вытягиванія вывихнутыхъ конечностей посредствомъ блоковидныхъ инструментовъ. Точно и вѣрно дѣйствительности описаны вывихи колѣна, стопы и т. д., наклонность нѣкоторыхъ вывиховъ къ рецидивамъ, застарѣлые вывихи съ ихъ важнѣйшимъ послѣдствіемъ: атрофіей мускуловъ. Немаловажную роль играютъ очень частые, по мнѣнію гиппократиковъ, произвольные и травматическіе вывихи позвонковъ, особенно шейныхъ, причемъ дѣлается предостереженіе не смѣшивать послѣднихъ съ переломами остистыхъ отростковъ.

Вправленіе должно вообще производить по возможности въ первые 2 дня; повязка (очень подробно описанная) должна мѣняться каждые 3 дня. Шины накладываются только на 10 день. Продолжительность сроковъ, требуемыхъ для заживленія отдѣльныхъ переломовъ, въ общемъ указана вѣрно.

Перлъ хирургической части Сборника представляетъ сочиненіе *О поврежденіи черепа*.

Первый совѣтъ при этомъ—разрѣзать кожу головы, чтобы открыть могущія быть поврежденія костей. Эти поврежденія дѣлятся на переломы, трещины и ушибы съ вдавленіемъ и безъ него, на потери вещества черепной крышки и на переломы отъ противоудара (contrafractura). Для діагностики трещинъ часто необходимо поскоблить кость распаторомъ (ξύστηρ — скребецъ). Главнымъ средствомъ при леченіи всѣхъ поврежденій черепа служитъ трепанація, о которой вездѣ говорится, какъ объ общеизвѣстномъ предметѣ. Необходимые для этой операціи инструменты суть перфораторный трепанъ (τρύπανον τρυγλητήριον) и трепанъ острый (πρίων χαράκτος) или съ вѣнчикомъ (πρίων). Трепанація должна производиться, какъ можно раньше. Она имѣетъ цѣлью не столько удаленіе кровоизліянія, гноя и т. д., сколько предупрежденіе воспаленія мозговыхъ оболочекъ устраненіемъ поврежденной части кости.

Въ виду такихъ смѣлыхъ и обдуманныхъ оперативныхъ пріемовъ на первый взглядъ кажется очень страннымъ, что бо́льшія кровавыя операціи, именно ампутація, экстирпація опухолей, операція аневризмъ и т. д. не упоминаются. Гиппократики, очевидно, воздерживались отъ нихъ, потому что, имѣя незначительныя познанія въ анатоміи, они не могли предотвращать поврежденія большихъ сосудистыхъ и нервныхъ стволовъ. — Интереснѣе всего отдѣлъ объ удаленіи омертвѣвшихъ конечностей. Въ сущности, рѣчь идетъ объ осложненныхъ переломахъ и о такихъ послѣдствіяхъ ихъ, которыя въ настоящее время едва-ли приходится наблюдать. Гиппократики въ такихъ случаяхъ воздерживаются отъ всякого вмѣшательства, пока омертвѣніе не остановится на какомъ нибудь суставѣ, на что, по нѣкоторымъ наблюденіямъ относительно нижней конечности, требуется 60—80 дней. Разрѣзъ всегда долженъ производиться въ омертвѣвшей части, чтобы не вызвать опаснаго для жизни обморока (шокъ и истеканіе кровью). Замѣчательнѣе всего вставка, „что такіе больные выглядятъ гораздо хуже, чѣмъ лечатся“.

Изъ грыжъ описываются пупочныя и паховыя.—Устраненіе геморроя, которому посвящается особое сочиненіе, производится ножемъ и каленымъ желѣзомъ.—Другое сочиненіе трактуетъ о фистулахъ прямой кишки. Нарывы вблизи rectum должны вскрываться возможно раньше, чтобы предотвратить образованіе свищей. Къ вспомогательнымъ средствамъ для изслѣдованія прямой кишки принадлежитъ ректальное зеркало (κατόπτηρ). Леченіе фистулъ имѣетъ цѣлью разрушеніе и зарубцеваніе стѣнки свища и состоитъ въ примѣненіи вяжущихъ средствъ и лигатуры. Разрѣзъ не упоминается.

Глазныя и ушныя болѣзни.

16. Въ крайне несовершенномъ состояніи является у гиппократиковъ офталмологія. Не говоря объ отдѣльныхъ случайныхъ замѣткахъ, послѣдней посвящено только одно сочиненіе: περὶ ὄψιος (*De visu*). Познанія ихъ въ этой спеціальности ограничивались почти только страданіями вѣкъ и конъ-

юнктивы.—Важнѣйшей причиной воспаленія глазъ гиппократики считали слизь, стекающую изъ мозга чрезъ предполагаемые сосуды, находящіеся снаружи или внутри черепа. При простыхъ воспаленіяхъ конъюнктивы примѣняются вяжущія и прижиганіе наружной поверхности вѣкъ нагрѣтой въ горячемъ маслѣ деревянной палочкой; изъ болѣе серьезныхъ формъ описываются грануляціонный канъюнктивитъ, трахома и формы, связанныя съ кератитомъ. Леченіе этихъ болѣзней состоитъ въ слабительныхъ и двухъ оперативныхъ пріемахъ, сохранявшихся древними очень долгое время: многочисленныя, проникающія до костей насѣчки на кожѣ головы [для удаленія накопившихся болѣзненныхъ веществъ] и поверхностное прижиганіе висковъ*—[именно пульсирующихъ сосудовъ впереди уха, съ цѣлью облитераціи]. Лучше разработаны операціи на наружныхъ тканяхъ глаза: экстирпація опухолей, операція entropion и ektropion, trichiasis и hypopion'а. Катаракта объясняется помутнѣніемъ глаза отъ слизи, стекающей изъ мозга, и повидимому, часто смѣшивается съ hypopion. Объ операціи катаракты уже потому не могло быть и рѣчи, что свѣтоощущеніе предполагалась въ „зрительномъ мѣстѣ (ὄψις)", т. е. зрачкѣ, считавшемся чѣмъ-то тѣлеснымъ.** Особенно неблагопріятная форма катаракты есть „glaucosis" [подъ которымъ подразумѣвались всякія помутнѣнія въ области зрачка, имѣвшія блѣдно-голубой или зеленоватый цвѣтъ; слѣдовательно, катаракта смѣшивалась и съ глаукомой].— „Амбліопіей" называлась всякая потеря зрѣнія, наступающая безъ видимыхъ измѣненій въ глазу; причиной послѣдней считалось изліяніе влагъ въ мозгъ, а лечебнымъ средствомъ— трепанація!

Данныя о болѣзняхъ органа слуха ограничиваются „переломомъ" ушной раковины (можетъ быть, разрывъ или колобома послѣдней) и страданіемъ, которое, по всей вѣроятности, надо принять за otitis interna.

---

* См. ниже § 48.

** См. выше стр. 27.

Гинекологія и дѣтскія болѣзни.

---

17. Отдѣлы, относящіеся къ гинекологіи, находятся главнымъ образомъ въ сочиненіяхъ *О болѣзняхъ женщинъ* и *О суперфетаціи* [вторичное оплодотвореніе—ἐπικύησις]. Здѣсь обнаруживаются изумительное знаніе отправленій женскихъ половыхъ органовъ и вполнѣ правильные взгляды на женскую половую зрѣлость, зачатіе, средства, способствующія и препятствующія ему (напр., тампонація orificii uteri прогорклымъ масломъ) и т. д. Важнѣйшими препятствіями зачатію служатъ тучность и измѣненія положенія матки. Далѣе находятся совѣты, какъ рожать, по желанію, мальчиковъ или дѣвочекъ, какъ производить выкидышъ, что въ древности не считалось преступленіемъ. Постоянная возможность наблюдать произвольные или намѣренно-произведенные аборты послужила матеріаломъ для изслѣдованія яйца. Поливій (Polybus) уже предпринималъ опыты искусственнаго оплодотворенія (выведенія). Дитя питается кровью матери и сосаніемъ cotyledones, откуда получаетъ и воздухъ.

Важнѣйшими нарушеніями беременности считаются преждевременная смерть плода и абортъ. Къ предохранительнымъ средствамъ отъ послѣдняго принадлежала искусственно вызванная тучность.—Особая статья трактуетъ о семи-и восьмимѣсячныхъ плодахъ. Въ ней утверждается, что дѣти, рожденныя на 7-мъ мѣсяцѣ, скорѣе остаются въ живыхъ, чѣмъ восьмимѣсячныя. Самые роды считаются процессомъ, вызываемымъ ребенкомъ. Они проводятся бабкой; только въ болѣе тяжелыхъ случаяхъ приглашается врачъ. Въ древности роды происходили въ положеніи на колѣняхъ; во времена Гиппократа—на кровати, въ трудныхъ случаяхъ—въ родильномъ креслѣ. Схватки объяснялись предполагаемымъ расхожденіемъ симфиза.

Весьма неодинаковымъ достоинствомъ отличаются собственно родовспомогательные совѣты, вѣроятно, вслѣдствіе различнаго происхожденія отдѣльныхъ сочиненій. Для облегченія родовъ служили обильное принятіе производящей пученіе живота пищи, особенно капусты, раздражающіе пессаріи

и встряхиванiе роженицы. Нормальнымъ положенiемъ считается только головное; всѣ же остальныя положенiя должны быть обращены въ послѣднее, все равно, живъ-ли плодъ или мертвъ. Выпавшiя конечности вправляются обратно. Если эта мѣра остается безуспѣшной, то приступаютъ къ эмбрiотомiи. Выскабливанiе мозга не упоминается. Задержанный послѣдъ удаляется легкимъ влеченiемъ за пуповину.

Положительно изумительны свѣдѣнiя гиппократиковъ о болѣзняхъ внутреннихъ женскихъ половыхъ органовъ. Параллельно этимъ познанiямъ идетъ развитая гинекологическая техника, даже употребленiе маточныхъ зондовъ для изслѣдованiя содержимаго и объема родоваго канала. Дѣвственная плева (hymen) считается, какъ вообще въ древности, за патологическое образованiе. Весьма подробно изложены аномалiи менструацiй съ ихъ мѣстными и общими послѣдствiями. Далѣе описываются бѣли, какъ ἄφϑαι и ἕλκεα, но о природѣ ихъ не говорится подробнѣе.—Важнѣйшей причиной безплодiя считается съуженiе маточнаго рыльца; для его устраненiя служатъ лекарственные пессарiи и сначала тонкiе, затѣмъ болѣе толстые свинцовые и оловянные зонды. Косое положенiе, ретроверсiя и опущенiе матки съ ихъ послѣдствiями были извѣстны въ точности. Полное выпаденiе матки устраняется грубымъ методомъ вправленiя, который Soranus* приписываетъ Euryphon'у. Далѣе описываются воспаленiе, водянка и карцинома матки, также полипы, удаляемые ножомъ.—Важную роль играютъ предполагаемыя странствованiя матки, считавшейся своего рода животнымъ. Они считаются главной причиной истерiи, признаки которой описаны вполнѣ натурально. Главнымъ средствомъ противъ истерiи служитъ механическая фиксацiя матки давленiемъ и соотвѣтствующими бандажами,—способъ, который нашелъ удивительное подтвержденiе въ новѣйшихъ наблюденiяхъ о благотворномъ влiянiи давленiя на яичники. Кромѣ того, употребляются вонючiя вещества, чтобы прогнать матку изъ неправильнаго положенiя,—благовонныя подкуриванiя влагалища, чтобы заманить ее

---

* См. ниже § 28.

снова въ нормальное мѣсто. При маточныхъ кровотеченіяхъ примѣняется, рекомендованное позже Хризиппомъ при очень многихъ страданіяхъ, обвиваніе (Binden) членовъ, банки подъ грудями; о физіологическомъ и патологическомъ отношеніи послѣднихъ къ маткѣ упоминается часто.

Изъ дѣтскихъ болѣзней, служившихъ, очевидно, предметомъ весьма тщательныхъ наблюденій и описанныхъ главнымъ образомъ въ сочиненіи *О прорѣзываніи зубовъ*, особенно выдаются уродства и врожденные вывихи (по всей вѣроятности, послѣдствія подачи „искусственной помощи“ при родахъ). Кромѣ того, встрѣчается намекъ на hydrocephalus acutus и описаніе болѣзни, которая не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ дифтеритомъ. Въ сочиненіи *Объ эпилепсіи* и *О воздухѣ, водахъ и т. д.* упоминаются судороги дѣтей, кончающіяся большею частью смертью.

Характеристика гиппократиковъ.

18. Гиппократики, въ отношеніи общаго и медицинскаго образованія стоявшіе на высотѣ своей эпохи, въ тоже время представляются намъ людьми, преисполненными нравственнымъ достоинствомъ врачебнаго призванія. Насколько рѣшительно они отвергали фантазіи натуръ-философовъ, настолько необходимымъ для врача считали они общее „философское“ образованіе. Единственный путь для достиженія совершенства во врачебномъ искусствѣ они видятъ въ тщательномъ, осмысленномъ наблюденіи. Авторъ сочиненія *О древней медицинѣ* говоритъ, что познаніе человѣческой природы можетъ быть пріобрѣтено только посредствомъ врачебнаго наблюденія. Онъ прибавляетъ къ этому, что то, что достигается въ этомъ отношеніи исключительно путемъ рефлексіи, не имѣетъ ничего общаго съ медициной, а принадлежитъ только искусству литературнаго (письменнаго) изложенія (γραφική). О трудахъ своихъ предшественниковъ, о положеніи, котораго достигла современная имъ врачебная наука, гиппократики были очень высокаго мнѣнія, и заявляютъ, что медицина и въ будущемъ только тогда приблизится къ своей цѣли, когда не будетъ забывать проложеннаго ранѣе пути.

Значеніе, которое гиппократики придаютъ нравственнымъ качествамъ врача, доказывается однимъ мѣстомъ сочиненія *О благонравіи*: „Врачебная наука ведетъ къ благочестію и почитанію боговъ и (вытекаетъ изъ) любви къ людямъ Тамъ, гдѣ любовь къ людямъ, есть также любовь къ искусству.“ Съ негодованіемъ они клеймятъ жалкіе фокусы шарлатановъ; не менѣе они порицаютъ тѣхъ, которые стараются пріобрѣсти извѣстность популярными лекціями, испещренными поэтическими мѣстами* или мараютъ сословную честь низкой корыстью.

Важное значеніе сочиненій, заключающихся въ Гиппократовомъ Собраніи, основано на гармоніи ихъ непреходящаго содержанія съ той простой и благородной формой, которая позволяетъ имъ занять мѣсто рядомъ съ классическими произведеніями греческой литературы. И, если бы эти сочиненія въ теченіе двухъ тысячелѣтій ничего больше не давали, какъ будили и питали бы въ цѣлыхъ поколѣніяхъ мысль о достоинствѣ медицины и чести врачебнаго сословія, они заслуживали бы уже по тому одному благословенія потомства.

Натур-философія въ послѣ-гиппократовскомъ періодѣ.

О періодѣ, отдѣляющемъ Гиппократа отъ перенесенія греческой медицины въ Римъ, мы имѣемъ только скудныя свѣдѣнія. Самые важные моменты этого періода представляютъ движеніе въ области философіи, исходившее отъ Платона и Аристотеля, и водвореніе греческой науки въ Александріи.

Философія во всѣ времена оказывала большое вліяніе на теоріи врачей. Первый шагъ къ ограниченію этого вліянія сдѣлалъ Гиппократъ.

Фраза Цельса: „Hippocrates Cous, primus quidem ex

* „Пуще же всего врачъ не долженъ подкрѣплять высказываемыя имъ мнѣнія ссылками на поэтовъ и пустою шумихою словъ маскировать свое невѣжество, ибо медицина есть искусство, имѣющее достаточно реальнаго содержанія сама въ себѣ“. Ред.

omnibus memoria dignis, ab studio sapientiae disciplinam hanc (т. е. медицину) separavit, vir et arte et facundia insignis"—послужила для нѣкоторыхъ писателей поводомъ къ утвержденію, что Гиппократъ отдѣлилъ медицину отъ философіи. Очевидно, рѣчь идетъ лишь о томъ, что Гиппократъ раздѣлилъ способъ изученія той и другой, указавъ на совершенную самостоятельность метода медицинской науки (искусства).

Однако, очень скоро это вліяніе опять заявило свои права. Между тѣмъ, философія испытала значительныя измѣненія. Сократъ ограничилъ ее на короткое время областью этики; Платонъ же расширилъ ее въ ученіе, обнимающее всю область духовной, нравственной и политической жизни, и представляющее совершеннѣйшій идеализмъ. „Сущность вещей заключается въ „идеяхъ". Твореніе есть осуществленіе идей, заключающихся въ абсолютной идеѣ и исходящихъ изъ нея". Проведеніе этого ученія [которое Ланге называетъ міровымъ историческимъ заблужденіемъ] по отношенію къ этикѣ принадлежитъ къ самымъ блестящимъ проявленіямъ человѣческаго духа. Наоборотъ, то, что находится у Платона о природѣ, ея происхожденіи, сущности, строеніи и болѣзни человѣка, носитъ явный характеръ диллетантизма.

Идеализмъ Платона нашелъ уже рѣшительнаго противника въ лицѣ его младшаго современника и бывшаго ученика—Аристотеля. Ученія этого духовнаго титана, одинаково великаго, какъ мыслитель, такъ естествоиспытатель и политикъ, оказывали на человѣчество безпримѣрное вліяніе болѣе двухъ тысячъ лѣтъ.

Аристотель (род. въ 384 г. до Р. Х.), сынъ врача Филиппа Македонскаго—Никомаха, вышедшаго изъ книдской школы, вступилъ на 20-мъ году въ тѣсныя сношенія съ Платономъ. Въ 343 г. онъ сдѣлался воспитателемъ Александра Великаго. Съ этимъ временемъ совпадаетъ окончаніе его естественно-историческихъ произведеній. Семь лѣтъ спустя, послѣ восшествія его питомца на престолъ, онъ возвратился въ Аѳины. Аристотель умеръ въ 323 г. въ Халкидѣ (въ Эвбеѣ), куда онъ скрылся съ цѣлью избѣжать преслѣдованія своихъ враговъ.

Изъ сочиненій Аристотеля для нашей цѣли интересны главнымъ образомъ *Исторія животныхъ* (Περὶ ζῴων ἱστορίας. Новое изданіе: Aubert и Wimmer. Лейпцигъ 1868, 8. Собраніе сочиненій: греко-лат. Берлинъ 1831—36. 4 ff., 8 изд. J. Bekker.—Парижъ, 1848. ff. 8. изд. Heitz'а).

Аристотель поставилъ себѣ задачей дать философскія основы ученію о природѣ, человѣкѣ и государствѣ. Единственными источниками для изученія природы онъ считаетъ наблюденіе и опытъ; изъ полученныхъ такимъ образомъ данныхъ пріобрѣтается при помощи отвлеченія знаніе. Знаніе причинъ вещей составляетъ науку. Основное свойство живыхъ созданій—движеніе. Поэтому сердце—центръ животнаго тѣла и мѣстопребываніе души, тѣло—ея орудіе. Но въ противорѣчіе съ своей реалистической точкой зрѣнія Аристотель считаетъ главной задачей науки о человѣкѣ изслѣдованіе силъ, служащихъ цѣлямъ души,—„энтелехіи."* Обширными наблюденіями (въ которыхъ ему оказывалъ содѣйствіе его великій питомецъ) надъ всѣми классами животнаго царства, анатомическими изслѣдованіями и вивисекціями Аристотель пріобрѣлъ изумительныя познанія въ сравнительной анатоміи. Однако человѣческихъ труповъ онъ, вѣроятно, никогда не препаровалъ.

Аристотель, желая возбудить въ своихъ современникахъ любовь къ изученію анатоміи, сказалъ слѣдующія замѣчательныя слова: „Когда иностранцы пришли навѣстить Гераклита и нашли его въ пекарнѣ грѣвшимся у огня, они не рѣшились войти туда. „Входите, не сты-

---

* Форма, вещество, движущая причина и цѣль составляютъ 4 общихъ принципа всего существующаго. Вещество существуетъ только въ возможности (δυνάμει ὄν, potentia); форма же существуетъ въ дѣйствительности или осуществленіи. Это Аристотель и назвалъ ἐντελεχείᾳ ὄν (энергія).

Вопросъ: есть ли душа—возможность или реальность (энтелехія)—Аристотель рѣшаетъ такъ: душа есть первичная энтелехія или высшая реальность естественнаго тѣла, одареннаго жизнію въ возможности. Ред.

дитесь, сказалъ имъ мыслитель, и здѣсь присутствуютъ боги". Вотъ такъ и при изученіи строенія животныхъ нужно предпринимать изслѣдованіе безъ всякаго отвращенія, ибо природа и красота обнаруживаются повсюду".

Заслуги Аристотеля—этого „знаменитѣйшаго представителя человѣческаго рода"—предъ естествознаніемъ выражаются главнымъ образомъ тѣмъ, что онъ провозгласилъ идею ***единства*** и ***прогресса*** во всей органической природѣ. Аристотель же долженъ считаться установителемъ на прочныхъ основахъ ***индуктивнаго*** метода, начала котораго мы видимъ уже у Гиппократа.

Греческіе врачи послѣ Гиппократа до основанія Александріи.

20. У послѣдователей Гиппократа теоретическія воззрѣнія, играющія уже извѣстную роль въ сочиненіяхъ великаго Косскаго врача, пріобрѣли значительный перевѣсъ. Вотъ причина, почему эти врачи, сочиненія которыхъ ко времени Галена уже болѣе не существовали, называются послѣднимъ „догматиками."

Знаменитѣйшимъ изъ непосредственныхъ преемниковъ Гиппократа нужно считать Діоклеса изъ Каристы,* жившаго, по всему вѣроятію, въ Аѳинахъ. Между его многочисленными произведеніями находится одно, цитируемое Soranus'омъ, обширное сочиненіе по гинекологіи. Интересны Діоклесовы воззрѣнія, долго пользовавшіяся уваженіемъ, на развитіе зародыша: „на 9-й день является нѣсколько кровяныхъ точекъ, на 18-й начинается движеніе сердца; на 27-й въ слизистой перепонкѣ (оболочкѣ) являются слабые слѣды спиннаго мозга и головы".

Точно также прославился Праксагоръ изъ Коса, учитель Герофила. Ему приписывается первое болѣе точное различеніе артерій, венъ и нервовъ. Теплоту тѣла онъ считалъ пріобрѣтеннымъ, а не „врожденнымъ" свойствомъ. Головной

* Онъ былъ первый, дѣлавшій вскрытія животныхъ ради научныхъ изысканій. Ред.

разговоры. Согласно его описанію, при этихъ вивисекціяхъ сначала вскрывалась брюшная полость, потомъ разрѣзалась грудобрюшная преграда (вслѣдъ за чѣмъ немедленно наступала смерть)—и, наконецъ, изслѣдовалась грудная полость.

Цельсъ заканчиваетъ это описаніе въ предисловіи къ lib. I фразой.... et viscus omne in conspectum latrocinantis medici dari.“ Отсюда видно, что древніе съ отвращеніемъ смотрѣли на эти безчеловѣчные поступки. Занимались ли подобными опытами Герофилъ и Эразистратъ—неизвѣстно, хотя у Галена встрѣчается объ этомъ положительное указаніе, а Тертуліанъ прямо за это называетъ Герофила палачемъ. Литтре замѣчаетъ, по этому поводу, что нѣтъ ничего удивительнаго, если въ тѣ времена, когда жизнь людей цѣнилась низко, когда позднѣе сотни гладіаторовъ убивались въ циркахъ для развлеченія римскаго народа,—Гіерофилъ разсѣкалъ живыхъ преступниковъ, приговоренныхъ къ казни.

Герофилъ изъ Халкедоніи (около 300 г. до Р. X.), одинъ изъ знаменитѣйшихъ врачей древности, былъ ученикъ Праксагора и Хризиппа [перваго грека, вскрывавшаго человѣческіе трупы]. Изъ его многочисленныхъ произведеній остались только небольшіе отрывки. О тщательности его изслѣдованій свидѣтельствуетъ описаніе носящаго еще и теперь его имя „torcular,“ мозговыхъ полостей, особенно calamus scriptorii 4-го желудочка. Въ глазу онъ описалъ стекловидное тѣло, сосудистую и „сѣтевидную оболочку,“ вѣроятно ретину. Далѣе, Герофилъ, какъ и Эразистратъ, зналъ уже о лимфатическихъ сосудахъ: „жилы, которыя проникаютъ не въ печень, а въ извѣстныя [брыжеечныя] железовидныя тѣла.“ Относительно мужскихъ половыхъ органовъ и ихъ отправленій онъ даетъ вполнѣ правильное описаніе.

Какъ практикъ, Герофилъ владѣлъ въ одинаковой степени всѣми отдѣлами медицины. Онъ безусловно преданъ теоретическимъ воззрѣніямъ Гиппократа, но они мало оказываютъ вліянія на его терапію. Самое большое значеніе онъ придаетъ изслѣдованію непосредственныхъ причинъ болѣзней, важнѣйшимъ симптомамъ, особенно со стороны пульса [по-

чему его именно и считають основателемъ ученія объ артеріальномъ пульсѣ] и анатомическимъ измѣненіямъ. Онъ преимущественно довѣряетъ испытаннымъ лекарствамъ.

Онъ вѣрилъ, что для каждой болѣзни существуетъ специфическое лекарство. Если болѣзнь неизлѣчима, значитъ для нея еще не найдено соотвѣтствующаго specificum.

Stobacus разсказываетъ, что Герофилъ на вопросъ, кто лучшій врачъ, отвѣтилъ: „тотъ, кто знаетъ, какъ отличить возможное отъ невозможнаго.“

Вивисекція примѣняется очень часто. При кровотеченіяхъ же перевязываніе (обвиваніе) членовъ и употребленіе поваренной соли внутрь (какъ питье) — считаются важнѣйшими терапевтическими средствами.

Эразистратъ (ум. въ 280 г. до Р. Х.), изъ Юлиса на Кеосѣ, жилъ сначала долгое время при дворѣ Селевка Никатора въ Антіохіи, затѣмъ въ Александріи.* Изъ его замѣчательныхъ анатомическихъ работъ видно, что онъ различалъ двигательные и чувствительные нервы, которые впрочемъ, еще смѣшивалъ иногда съ сухожиліями. Эразистрату же принадлежитъ ученіе о „синанастомозахъ“,—непосредственныхъ сообщеніяхъ между артеріями и венами. Закрытыя въ нормальномъ состояніи синанастомозы играютъ важную роль въ патогеніи различныхъ болѣзней;—такъ, артеріальныя кровотеченія Эразистратъ объяснялъ тѣмъ, что при поврежденіи артеріи сначала выходитъ „пневма“ (съ знакомымъ свистящимъ шумомъ), затѣмъ чрезъ открывающіеся синанастомозы вступаетъ въ артеріи венозная кровь.

Рѣзкую противоположность съ Герофиломъ представляетъ Эразистратъ по отношенію къ заслугамъ Гиппократа, невысоко имъ цѣнимаго (особенно въ области этіологіи). Но относительно значенія непосредственныхъ причинъ бо-

---

* Сынъ короля, Антіохъ, влюбился въ свою мачиху и заболѣлъ. Эразистратъ поставилъ вѣрную діагностику болѣзни, и для леченія предложилъ Селевку уступить свою жену сыну, что и было сдѣлано. Больной выздоровѣлъ, а врачъ упрочилъ за собой славу діагноста. Ред.

лѣзней онъ согласенъ съ своимъ противникомъ. Важную этіологическую роль у Эразистрата играютъ избытокъ питанія, диспепсія и плетора. Послѣднюю онъ считаетъ главной причиной воспаленій и лихорадки, происходящей отъ проникания крови въ артеріи [чрезъ синанастомозы] и представляющей только симптомъ воспаленія. Соотвѣтственно этому, главнымъ средствомъ при леченіи лихорадки служитъ перевязываніе конечностей, чтобы помощію давленія замкнуть синанастомозы. Школы Герофила и Эразистрата сохранились до конца древняго періода. Обѣ очень цѣнили анатомію; но уже очень рано у нихъ мѣсто любви къ анатомическимъ изслѣдованіямъ заняло пристрастіе къ теоретическимъ разсужденіямъ. Изъ приверженцевъ Герофила въ 3-мъ столѣтіи выступаютъ Эвдемъ, дѣльный анатомъ, Каллимахъ, Калліанаксъ, Бакхій изъ Танагры, Мантій (Mantias), Деметрій, особенно знаменитый, какъ акушеръ, и Andreas изъ Каристы. Послѣ изгнанія ученыхъ изъ Александріи Птоломеемъ Фисікономъ возникла герофилейская школа въ Лаодикеѣ въ Сиріи, существовавшая очень долго. Изъ нея, незадолго до—и послѣ Р. Х., вышло не мало славныхъ врачей, напр. Зевксисъ, Александръ Филалетъ, Гераклидъ, Діоскоридъ Факасъ и Демосѳенъ Филалетъ изъ Марсели, знаменитѣйшій окулистъ древности, офталмологическія сочиненія котораго существовали еще въ 13-мъ вѣкѣ. Ему, вѣроятно, должно быть приписано знаменитое сочиненіе по дѣтскимъ болѣзнямъ.

Самыми крупными приверженцами Эразистрата были Стратонъ Лампсакскій, Ксенофонтъ изъ Коса, Птоломей, Хризиппъ (не надо смѣшивать съ книдскимъ), Артемидоръ, Аполлоній изъ Мемфиса и др. Собственная школа эразистратиковъ основана только около 50 г. до Р. Х., преимущественно Гикезіемъ и Менодоромъ въ Римѣ, гдѣ еще во 2-мъ вѣкѣ послѣ Р. Х. жили многочисленные послѣдователи этой школы. Къ нимъ принадлежалъ Филоксенъ, котораго Цельсъ называетъ знаменитѣйшимъ хирургомъ своего времени.

Эмпирическая школа.

23. Однимъ изъ важнѣйшихъ явленій александрійскаго періода нужно считать возникновеніе эмпирической школы. Вѣроятно, причиной ея появленія служилъ споръ между герофиликами и эразистратиками о значеніи гиппократовской медицины. Обыкновенно основателемъ эмпирической школы, считаютъ Филона, современника Герофила, иногда же—Серапіона, жившаго нѣсколько позднѣе. Самое большое вліяніе на развитіе положеній этой школы имѣлъ современникъ послѣдняго—Главкій изъ Тарента. Названіе, выбранное эмпириками для своей школы, должно свидѣтельствовать, что они важнѣйшей своей задачей считали прогрессъ практической медицины по пути опыта. Изслѣдованіе конечныхъ причинъ болѣзней, а соотвѣтственно этому и анатомію, они считаютъ совершенно излишними. Они основывали знаніе болѣзней на наблюденіи (τήρησις) и анамнезѣ (преданіи, ἱστορία). Серапіонъ прибавилъ къ этому еще и аналогію: „переходъ отъ подобнаго" (ἡ ἀπὸ τοῦ ὁμοίου μετάβασις). Это и есть знаменитый „треножникъ" эмпириковъ

Цельсъ сохранилъ много афоризмовъ эмпириковъ; напр.: „Ne agricolam quidem aut gubernatorem disputatione, sed usu fieri". —„Non interesse quid morbum faciat, sed quid tollat".—„Morbos non eloquentia, sed remediis sanari".

Большая заслуга эмпириковъ заключается въ томъ, что они разрабатывали фактическій матеріалъ медицины; изъ ихъ именно школы вышли наиболѣе извѣстные хирурги. Къ знаменитѣйшимъ сочленамъ школы принадлежали Зевксисъ (около 250 г. до Р. X.), Гераклидъ изъ Тарента (оба отличны отъ одноименныхъ герофиликовъ), Apollonius „Эмпирикъ", Apollonius Biblas („Книгоѣдъ"), Zopyrus, Apollonius изъ Киттіума, Posidonius, можетъ быть также Marinus и Quintus, Lykus, Satyrus, Aeschrion, Pelops и Phecianus, всѣ учителя Галена. Послѣдніе слѣды эмпирической школы можно прослѣдить до конца древняго періода.

Если эмпирикомъ называть того, кто, игнорируя вопросъ о происхожденіи болѣзни, прибѣгаетъ къ лѣченію ея средствами, польза которыхъ доказана опытомъ, то ученіе эмпириковъ также старо, какъ стара и медицина Собственно же, эмпирическая школа явилась, какъ естественная реакція противъ тѣхъ врачей, которые, оставивъ начертанный великимъ Косскимъ реформаторомъ путь наблюденія, пустились въ теоретическія разсужденія и споры. Заслуги эмпириковъ въ практической медицинѣ несомнѣнны.

Заслуги Александрійцевъ.

24. Почти исключительно практическое направленіе александрійскихъ врачей объясняетъ ихъ пристрастіе къ разработкѣ фармакологіи, хирургіи и акушерства. Правда, они думали оказать ученію о лекарственныхъ веществахъ большую пользу тѣмъ, что собирали безъ всякаго плана [и ввели въ терапію] различнѣйшія естественныя продукты, даже человѣческія и животныя испражненія.

Изъ значительнаго числа относящихся сюда сочиненій до насъ дошли два, написанныя гекзаметромъ, стихотворенія объ отравленіяхъ и ихъ леченіи (не лишенныя значенія и въ поэтическомъ отношеніи), составленныя Никандромъ изъ Колофона (половина 2-го вѣка до Р. Х.): Θηριακὰ и Ἀλεξιφάρμακα. (Новѣйшее изданіе O. Schneider'a. Лейпцигъ 1856. 8.) Сюда же принадлежатъ токсикологическія изслѣдованія „царей—отравителей“ Аттала III, Филометора Пергамскаго и Митридата Понтійскаго (120—64 г. до Р. Х).

Сумасшедшій Атталъ, постоянно опасавшійся отравы, желалъ отыскать противоядіе и для этой цѣли, разсказываетъ Плутархъ, онъ собственными руками собиралъ ядовитыя растенія—бѣлену, чемерицу, болиголовъ и т. д. и изучалъ фармакологическое дѣйствіе ихъ на преступникахъ и своихъ любезныхъ подданныхъ.

О Митридатѣ разсказываютъ, что онъ ежедневно принималъ ядъ, чтобы получить къ нему привычку и тѣмъ предохранить себя отъ отравы.

Митридатъ оставилъ сочиненіе Θηριακὰ и *Тайныя записки* (мемуары) о ядахъ и противоядіяхъ. Записки эти попали въ руки Помпею и положили основаніе сочиненію, составленному вольноотпущенникомъ послѣдняго—Ленеемъ. Чрезвычайно сложное общее противоядіе, названное по имени своего основателя „Mithridatium", пользовалось вниманіемъ еще въ продолженіе многихъ вѣковъ и послужило основаніемъ знаменитаго теріака, [состоявшаго чуть не изъ 70 ингредіентовъ].

Современникъ Митридата „ризотомъ" Krateuas составилъ, вѣроятно, еще существующее сочиненіе о лекарственныхъ веществахъ съ раскрашенными рисунками.

Хирургія получила у Александрійцевъ тотъ видъ, въ которомъ она предъ нами является у Цельса. Знаменитѣйшій изъ Александрійскихъ хирурговъ Филоксенъ написалъ многотомное сочиненіе по хирургіи. Далѣе Цельсъ называетъ Сострата, Аполлонія изъ Киттіума и Тарента и Аммонія „литотома," который обогатилъ камнесѣченіе новымъ способомъ раздробленія большихъ камней. Сюда также принадлежатъ нѣсколько учившихся, вѣроятно, въ Александріи хирурговъ, которые жили не задолго до Цельса: Трифонъ, Эвельпистъ и Мегесъ [„horum eruditissimus", по выраженію Цельса].

Въ сравнительно цвѣтущемъ состояніи находилось у Александрійцевъ и акушерство. Герофилъ отмѣчаетъ, какъ важнѣйшія препятствія для родовъ: поперечныя положенія, неполное раскрытіе маточнаго зѣва, цѣлость плодовыхъ оболочекъ, кифозъ и лордозъ (большею частью, вѣроятно, въ соединеніи съ рахитическимъ тазомъ) и смерть плода. Деметрій Апамейскій считалъ причиной дистокіи [затрудненные роды]: общія ненормальности въ организаціи матери, аномаліи родовыхъ путей (особенно „узкія бедра") и плода. Нормальнымъ положеніемъ онъ считалъ только головное; изъ ненормальныхъ положеній наименѣе неблагопріятнымъ—ножное.

Медицина у Римлянъ.

25. Римской медицины въ собственномъ смыслѣ не было такъ же, какъ не было римской философіи, поэзіи и изящныхъ искусствъ. Ибо все, что находится по медицинѣ у Римлянъ, заимствовано, подобно упомянутымъ отраслямъ науки и искусства, у Грековъ. Почти до конца республики Римляне, суевѣрнѣйшій изъ народовъ, прибѣгали въ случаѣ семейнаго и общаго несчастія къ сивиллиннымъ книгамъ, къ жертвоприношеніямъ богамъ и къ помощи многочисленныхъ божествъ, въ лицѣ которыхъ они покланялись олицетвореннымъ дружескимъ и враждебнымъ силамъ природы: Dea Salus, Apollo medicus и др. Для защиты отъ общераспространенной лихорадочной міазмы обращались къ Mefitis и Cloacina; беременныя и роженицы испрашивали покровительства Lucin'a; заботливости Prosa, Postverta, Intercidona и Ossipaga онѣ приписывали удачное положеніе, пуповину и развитіе костей ребенка.

Въ древнѣйшее время и долго еще въ республиканскомъ періодѣ всѣ мечты и помыслы римлянина были направлены на пріобрѣтеніе доблести и мужества, „virtus.“ Все остальное, что можетъ изнѣжить и ослаблять тѣлесную силу, онъ презиралъ. Самый рѣшительный сторонникъ этихъ воззрѣній римлянъ былъ непоколебимо честный и правдивый старикъ Порцій Катонъ (234—149 до Р. X.), „тѣломъ и душой желѣзный человѣкъ.“ Ничто ему не было такъ ненавистно, какъ греческая культура, которая угрожала гибелью римской добродѣтели. Особенно онъ предостерегаетъ сына отъ изнѣживающаго искусства и корыстолюбія греческихъ врачей. Онъ самъ писалъ сочиненія о важныхъ для римлянъ предметахъ: объ исторіи Рима, государственномъ устройствѣ, военномъ искусствѣ и земледѣліи. Послѣднее, еще существующее, сочиненіе содержитъ собраніе рецептовъ для человѣка и животныхъ. Катонъ обнаруживаетъ въ немъ довольно солидныя свѣдѣнія о вывихахъ, переломахъ, опухоляхъ, носовыхъ полипахъ, фистулахъ прямой кишки, странгуріи и т. д. Какъ универсальное средство, онъ употребляетъ снаружи и

внутрь національное кушанье этрусковъ—капусту и вино, а рядомъ съ ними также магическія формулы („Carmina“*). Его „домашняя книга“ (*Commentarius*) занимается также важнѣйшими болѣзнями и ихъ леченіемъ. Достойный мужъ придавалъ такое большое значеніе своимъ медицинскимъ трудамъ, что самъ воздвигъ себѣ статую въ храмѣ Эскулапа.

Подобныя же сочиненія были составлены вышеупомянутымъ Lenaeus'омъ, Вальгіемъ Руфомъ и Варрономъ. Послѣдній обнаруживаетъ въ своемъ сочиненіи *De re rustica* основательное пониманіе медицинскихъ, особенно гигіеническихъ вопросовъ, что видно, напр., изъ его совѣтовъ объ устройствѣ здоровыхъ деревенскихъ домовъ. Эпидемію въ Корцирѣ онъ устранилъ основательной вентиляціей помѣщеній, наполненныхъ больными и трупами.

Мнѣніе Плинія, что Римъ „въ теченіе 600 лѣтъ существовалъ, если не безъ медицины, то безъ врачей,“—преувеличено. При Суллѣ уже (около 60 г. до Р. X.) въ Римѣ жило много греческихъ врачей, большинство которыхъ были, правда, гимнасты.

Плиній поэтому неправильно считаетъ первымъ врачемъ Архагата (218 г. до Р. X.). Этотъ, очевидно, дѣльный человѣкъ занимался сначала леченіемъ ранъ, переломовъ и вывиховъ и получилъ поэтому отъ народа почетное имя „Vulnerarius.“ Сенатъ купилъ ему на людной улицѣ—„Taberna.“ Когда же онъ дерзнулъ заниматься операціями, то прежняя милость превратилась въ отвращеніе. Теперь его стали звать живодеромъ, „Carnifex“, и онъ былъ вынужденъ оставить городъ

Asclepiades.

26. Медицина, въ собственномъ смыслѣ слова, нашла себѣ доступъ въ Римъ только по изгнаніи ученыхъ изъ Александріи и покореніи Греціи. Въ римской жизни произошелъ окон-

---

* Вотъ, напр., *carmen* противъ вывиховъ: „Huat hanat ista pista sista damiato damnaustra“,—а противъ ушибовъ другая безсмыслица: „motas veta daries dardaries astartaries, dissunapiter“.... Ред.

чательный переворотъ отъ сліянія ея съ греческой культурой, господства греческаго языка и литературы; но и тогда, прежде чѣмъ медицина могла стать на твердую почву, ей предшествовали греческая философія, риторика и поэзія. Медицина только тогда могла надѣяться на доступъ къ римлянамъ, когда она соединилась съ господствующей философіей стоической.

Эта задача была разрѣшена Асклепіадомъ изъ Прузы, въ Виѳиніи, современникомъ и другомъ Аттика, Цицерона и другихъ мужей. Составляло-ли его ученіе его собственность, или онъ заимствовалъ его у другихъ—неизвѣстно. [Хотя самъ А. и отрицалъ всякій авторитетъ въ медицинѣ и вѣрилъ только самому себѣ]. Во всякомъ случаѣ, онъ обнаруживаетъ ясное вліяніе александрійцевъ и гимнастовъ.— Основой системы Асклепіада служитъ атомистическое ученіе Эпикура. По послѣднему, человѣческое тѣло состоитъ изъ безчисленныхъ атомовъ и находящихся между ними поръ, каналовъ (πόροι), одаренныхъ чувствительностью. Здоровье состоитъ въ нормальномъ отношеніи атомовъ и нормальномъ разстояніи между порами; важнѣйшей причиной болѣзни служитъ сліяніе жидкихъ и газообразныхъ атомовъ и происходящій отъ этого „застой". Съ большимъ умомъ Асклепіадъ обосновалъ свою терапію на положеніи стоиковъ:— „naturae convenienter vivere",—въ которомъ образованные римляне видѣли важнѣйшее средство для пріобрѣтенія вновь давно потерянной древней доблести и мужества. Его цѣлебныя средства преимущественно физическаго и діэтетическаго характера: лишеніе пищи и питья,* натиранія, теплыя, главнымъ же образомъ, холодныя ванны, активныя и пассивныя движенія. За то Асклепіадъ отвергаетъ всѣ ослабляющія вліянія: неумѣренное согрѣваніе тѣла, рвотныя и слабительныя средства. Имъ же введено правило: „tuto, cito et jucunde curare".

---

* При лихорадкѣ, на которую Асклепіадъ смотрѣлъ, какъ на проявленіе цѣлительной силы организма, это запрещеніе имѣло мѣсто лишь въ началѣ, а впослѣдствіи онъ назначалъ пищу, питье и пр. въ изобиліи. Ред.

Пріятность, правда, по словамъ Плинія, играла у него второстепенную роль. Асклепіадъ выступалъ рѣшительнымъ противникомъ ученія Гиппократа, [ученіе котораго онъ называлъ „размышленіемъ о смерти —θανάτου μελέτην]“, особенно основнаго принципа великаго Косса, считавшаго „природу“ врачемъ болѣзней. Асклепіадъ говоритъ даже, „что природа дѣйствуетъ не только полезно, но иногда и вредно—non solum non prodesse naturam, verum etiam nocere“. О его практической основательности свидѣтельствуютъ его хирургическія работы. Онъ считается, напр., изобрѣтателемъ трахеотоміи. (Отрывки сочиненій Асклепіада собраны Гумпертомъ, Vimar. 1794. 8).

Методики.

27 Ученіе Гиппократа подвергалось уже различнымъ нападкамъ въ Александріи, но вполнѣ законченная система, методическая, была противопоставлена ему преемниками Асклепіада. Главнымъ основателемъ послѣдней является Themison изъ Лаодикеи, писатель, достойный высокаго уваженія.

Асклепіадъ считалъ элементарными формами болѣзней ненормальныя движенія «атомовъ» и свойства каналовъ („поръ“), въ которыхъ первые движутся. Themison ограничилъ это опредѣленіе и всѣ болѣзни сводилъ къ ненормальному отношенію однихъ только поръ,—именно къ ихъ уклоненіямъ отъ средей мѣры или „срединнаго пути“ (μέθοδος) [откуда и вся система получила названіе метода или средняго пути между догматизмомъ и эмпиріей древнихъ врачей]. Эти отклоненія состоятъ либо въ разслабленіи, либо въ сокращеніи (ῥύσις, τὸ ῥοῶδες, στέγνωσις, τὸ στεγνόν) поръ, „laxum et compressum“ (Celsus), „solutio et constrictio“ (Caelius Aurelianus).—Позже прибавленное отклоненіе—„status mixtus“ (τὸ μεμίγμηνον) стоитъ на второмъ планѣ. Эти основныя уклоненія составляютъ κοινότητες методиковъ („общности“, communitates). Діагнозъ методиковъ основанъ на познаніи общаго состоянія тѣла и нѣкоторыхъ отдѣльныхъ частей, именно выдѣленій. Всѣ остальныя отношенія: причина,

даже мѣсто болѣзни (локализація) оставлены на второмъ планѣ; и именно поэтому методики, подобно эмпирикамъ, мало придаютъ значенія анатоміи. Отсюда вытекаетъ терапія, которая не оставляетъ желать лучшаго по простотѣ: преодолѣть всякую представившуюся общность средствами, производящими противоположное состояніе. Однако грубость этихъ воззрѣній, и особенно пренебреженіе причинами болѣзней, такъ скоро дали себя знать, что оказалось необходимымъ къ перечисленнымъ „общностямъ" прибавить еще другія, напр., причинныя (отравленія, поврежденія и т. д.).

Причинныхъ показаній методики настолько не признавали, что иные изъ нихъ даже при отравленіяхъ не старались вывести ядъ изъ организма, а имѣли въ виду лишь общность вызваннаго страданія. Четвертая общность была communitas temporalis—κοινότης καιρική—уклоненіе во времени и теченіи.

Къ извѣстнѣйшимъ методикамъ принадлежалъ Thessalus изъ Тралесса въ Лидіи, жившій при Неронѣ. Съ обычной заносчивостью полуобразованныхъ новаторовъ онъ считалъ все сдѣланное въ медицинѣ до него, въ томъ числѣ и все ученіе Гиппократа, не имѣющимъ значенія. Онъ окружалъ себя дикой толпой искателей приключеній, которыхъ онъ брался научить медицинѣ въ шесть мѣсяцевъ. На своей надгробной надписи онъ называетъ себя „побѣдителемъ врачей" (ἰατρονίκης). Съ другой стороны, нельзя не поставить въ заслугу Ѳессала то что онъ обогатилъ терапію худосочій (дискразій), къ которымъ общности не могли быть примѣнены, „измѣняющимъ методомъ лѣченія—metasynkrisis, recorporatio" [methodus alterans].

Вотъ нѣсколько образчиковъ методической терапіи: 1) Противъ στέγνωσις (constrictio) — теплыя ванны, обмыванія припарки, потогонныя, мочегонныя слабительныя, кровопусканія и т. д.; діэта—теплый, чистый воздухъ сонъ, спокойствіе, голоданіе, гимнастика, бѣгъ и т д; 2) Противъ ῥῶσις (solutio) — разныя вяжущія: гранатовыя яблоки, sanguis draconis, квасцы; далѣе, холодныя ванны; діэта—холодный воздухъ, откармливаніе, вино.... и т. п.

Не смотря на односторонность воззрѣній методиковъ, нельзя не признать ихъ заслугъ въ томъ смыслѣ, что они рѣшительно выступили противъ господства авторитета, гуморизма, и придавали большое значеніе общему состоянію больного, по крайней мѣрѣ, въ діагностическомъ отношеніи. Наоборотъ, ихъ можно упрекнуть, какъ уже замѣтилъ Цельсій, въ томъ, что, пренебрегая причинами и мѣстными явленіями болѣзней, особенно тѣми (явленіями), которыя указывали на наклонность болѣзней къ выздоровленію (т. е. на стремленіе природы къ самоизлѣченію), они допустили терапію до превращенія въ безсмысленную рутину. Впрочемъ, у болѣе благоразумныхъ приверженцевъ этой школы методическая терапія составляла только внѣшнюю форму ихъ практической дѣятельности. Особой похвалы заслуживаетъ ихъ тщательное вниманіе къ діэтетикѣ въ обширномъ смыслѣ: обстановка больныхъ, чистота воздуха, тѣлесныя упражненія (между ними громкое чтеніе, „clara lectio") и значительное ограниченіе всѣхъ сильнодѣйствующихъ, преимущественно слабительныхъ средствъ. Эти терапевтическія предписанія сохранялись на пользу практической медицины еще долгое время.

Soranus.

28. Самымъ знаменитымъ изъ методиковъ и однимъ изъ выдающихся врачей древности считается Соранъ изъ Эфеса, жившій въ Римѣ при Траянѣ и Адріанѣ. Лучшее изъ его сочиненій, обнимающихъ всѣ отдѣлы медицины, объемистое произведеніе—***Объ острыхъ и хроническихъ больѣзняхъ***, которымъ мы владѣемъ въ латинской обработкѣ Целія Авреліана*; далѣе, сохраненный Niketas'омъ греческій отрывокъ о признакахъ переломовъ костей (у Idelera' *Medici graeci minores* Berol. 1845. 8) и открытое недавно Dietz'омъ подлинное сочиненіе ***О женскихъ болѣзняхъ*** (περὶ γυναικείων παθῶν, ed. Dietz, Regiomont. 1838. 8.—На греческомъ и латинскомъ Эрмеринсъ. Traj. ad Rh. 1869. 8.).

* См. § 29.

Обширное сочиненіе Сорана по патологіи и терапіи является главнымъ источникомъ для сужденія о практической дѣятельности методиковъ. Вплоть до среднихъ вѣковъ оно имѣло очень большое вліяніе. Еще важнѣе, какъ единственное сохранившееся въ этомъ родѣ, гинекологическое сочиненіе Сорана, предназначенное для акушерокъ. Оно начинается перечисленіемъ достоинствъ акушерки, описаніемъ женскихъ половыхъ органовъ, менструаціи и беременности. Правила для веденія родовъ, отдѣленія плаценты вполнѣ цѣлесообразны; но интереснѣйшій отдѣлъ представляетъ единственное оставшееся отъ древней литературы сочиненіе о діэтетикѣ дѣтей. Оно содержитъ подробныя правила для назначенія ребенку ваннъ и гимнастическихъ упражненій, наставленія о выборѣ кормилицы, которая всегда должна занять мѣсто матери, такъ какъ Соранъ считалъ кормленіе грудью (подобно зачатію и беременности) вредными для здоровья.

За отдѣломъ о важнѣйшихъ дѣтскихъ болѣзняхъ идетъ разборъ аномалій менструацій, истеріи, бѣлей, измѣненій положенія матки и т. д. Заносы различаются отъ тимпанита и асцита перкуссіей и суккуссіей. Ученіе о трудныхъ родахъ (dystokia) сдѣлало со времени основанія Александрійской школы лишь небольшіе успѣхи. Соранъ повторяетъ въ главныхъ чертахъ предписанія Герофила и Деметрія*. Трудные роды зависятъ, главнымъ образомъ, отъ ненормальнаго состоянія матери, родовыхъ путей и плода. При изслѣдованіи внутреннихъ половыхъ органовъ Соранъ упоминаетъ о влагалищномъ зеркалѣ (διόπτρα). Подобнаго рода инструменты, найденные въ Помпеѣ, состоятъ изъ бронзоваго расширителя, снабженнаго винтомъ. Намекъ на значеніе узкости таза встрѣчается только въ одномъ мѣстѣ: „женщины съ широкими плечами и узкими бедрами трудно рожаютъ". Нормальнымъ положеніемъ плода считается головное.—Этому жалкому состоянію патологіи родовъ противостоитъ очень развитая терапія. Отвергая всѣ пагубныя мѣропріятія,

* См. выше, стр. 59.

восхваляемыя его предшественниками, Соранъ рекомендуетъ всѣ ненормальныя положенія плода, именно при предлежащихъ конечностяхъ, превратить въ головное или ножное положеніе; выпавшая ручка въ случаѣ нужды вылущается. Упоминается, какъ о довольно часто наблюдаемомъ отрываніи головки при влеченіи за ножки. Эмбріотомія ограничивается рѣдчайшими случаями.

Caelius Aurelianus. Muscio.

29. Главнымъ источникомъ для сужденія о патологіи и терапіи методиковъ служатъ нѣкоторыя произведенія Сорана, переведенныя на варварскую латынь Целіемъ Авреліаномъ изъ Сикки, въ Нумидіи (конецъ 4-го или начало 5-го вѣка), особенно давно извѣстное сочиненіе: *Объ острыхъ и хроническихъ болѣзняхъ.* (Лучшее изданіе Аммана. L. B. 1709. 4. 1722. 4.)

Первая книга говоритъ только о „phrenitis", болѣзни, совпадающей, въ большинствѣ случаевъ, съ тифомъ и „тифознымъ состояніемъ"; 2-я книга—о летаргіи, каталепсіи, плеврітѣ и пневмоніи; 3-я—объ ангинахъ (съ упоминаніемъ о ларинготоміи), апоплексіи, столбнякѣ, водобоязни, ileus, satyriasis, холерѣ (nostras) и поносахъ. Въ отдѣлахъ, гдѣ разбираются хроническія болѣзни, особаго вниманія заслуживаетъ описаніе эпилепсіи, маніи и меланхоліи. Всякое лишеніе возможности движенія и ощущенія называется „параличемъ". Соотвѣтствующими лѣчебными средствами считаются морскія купанья, термы, холодныя ванны, путешествія, „castoreum" (вѣроятно, мускусъ). Подробно описаны зубныя боли, каталепсія (большей частью истерія), хроническія болѣзни дыхательныхъ органовъ, особенно чахотка, въ симптоматическомъ отношеніи изложенная превосходно, эмпіема, булимія (во многихъ случаяхъ, вѣроятно, діабетъ) и водянка. Другія передѣлки Целіемъ Авреліаномъ сочиненій Сорана, открытыя недавно V. Rose—носятъ названіе: *Interrogationes et responsiones*, s. *Liber responsionum*, родъ катехизиса по діэтетикѣ, діэтетической терапіи, хирургіи и акушерству;

—*Liber pharmaceuticus responsionum*;—*Genetia*, сокращенный переводъ главнаго гинекологическаго сочиненія Сорана. Отрывки *Libri responsionum* интересны потому, что они трактуютъ о нѣкоторыхъ предметахъ, именно о діэтетикѣ и лихорадкѣ, не встрѣчающихся въ главномъ сочиненіи. (Отрывки *Responsiones* у V. Rose „*Anecdota graeca et graecolatina*“ II).

Назначенное для акушерокъ сочиненіе Мусціона въ главныхъ чертахъ заимствовано также изъ латинскихъ *Responsiones medicinales* и главнаго гинекологическаго сочиненія Эфесца (Сорана). Латинская работа Мусціона была переведена въ XV столѣтіи на греческій языкъ и считалась съ того времени оригинальнымъ сочиненіемъ грека „Мосхіона“, пока новѣйшій издатель V. Rose не разъяснилъ ошибки (*Sorani Gynaeciorum vetus translatio latina nunc primum* ed. Val. Rose. Lips. 1882. 8.).

Celsus.

30. Еще въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій республики исполнилось то, что Катонъ предвидѣлъ: Римъ поддалъ вліянію греческой культуры. Долгое время обученіе образованныхъ классовъ ограничивалось усвоеніемъ греческой науки, но скоро проснулось стремленіе къ самостоятельной дѣятельности. Со времени Асклепіада римляне особенно живо интересовались медициной. Первые продукты римской медицинской литературы были, понятно, исключительно компилятивнаго характера. Это относится, въ сущности, и къ обширному медицинскому произведенію, которое Авлъ Корнелій Цельсъ, мужъ высокихъ умственныхъ дарованій и обширнаго образованія, изъ знаменитаго рода Корнеліевъ, включилъ въ свое большое энциклопедическое сочиненіе, обнимавшее риторику, философію, военное искусство, сельское хозяйство и медицину. Почти вполнѣ дошла до насъ только часть, заключающая медицину. Неоднократно возбуждавшій споры вопросъ, былъ ли Цельсъ врачемъ, рѣшается очень легко, если принять во вниманіе, что для тѣхъ римлянъ, которые владѣли обширными помѣстьями, было необходимо при

встрѣчавшихся болѣзняхъ многочисленныхъ рабовъ либо самимъ приниматься за леченіе, либо наблюдать за исполненіемъ предписаній врачей, бывшихъ большей частью рабами же или вольноотпущенниками. На это именно указываетъ одно мѣсто у самого Цельса, гдѣ онъ говоритъ, что тѣ, которые содержатъ большія больницы („qui ampla valetudinaria nutriunt“), вынуждены ограничиваться общими указаніями („ad communia confugiunt“). Цельсъ, безъ сомнѣнія, былъ въ медицинѣ только диллетантомъ, но весьма близко знакомымъ съ важнѣйшими основными вопросами теоретической медицины, какъ и съ практическимъ примѣненіемъ послѣдней, даже хирургіей. Именно посвященный послѣдней отдѣлъ и есть самый цѣнный изъ всѣхъ. Произведеніе Цельса, исключая гиппократовскаго сборника, единственное сохранившееся сочиненіе, обнимающее всю медицину до-христіанской древности, и вслѣдствіе этого единственный источникъ, изъ котораго мы черпаемъ свѣдѣнія объ александрійскомъ періодѣ врачебной науки, занимающемъ больше 3-хъ вѣковъ.

Большое значеніе имѣетъ сочиненіе Цельса по своему языку, мало чѣмъ уступающему золотому вѣку римской литературы. Авторъ излагаетъ въ 7 книгахъ болѣзни, излечивающія діэтетическими, фармацевтическими и хирургическими средствами. Въ послѣднемъ отдѣлѣ, главнымъ образомъ, выступаютъ описанія ампутаціи, камнесѣченія (sectio lateralis) и указаніе на пластическую операцію. Не смотря на значеніе этого произведенія, оно, кажется, не пользовалось особымъ уваженіемъ ни со стороны современниковъ автора, ни въ позднѣйшее время. Для обыкновенной публики оно было слишкомъ основательнымъ; врачи же, большею частью греки, оставили безъ вниманія трудъ латинскаго диллетанта. Но и въ среднихъ вѣкахъ Цельсъ упоминается лишь иногда мимоходомъ.

Важнѣйшія новѣйшія изданія — Targa (сперва въ Patav. 1769. 4 и слѣд.). Карманныя изданія Риттера и Альберса (Colon. ad Rh. 1830 8), Дарамбера (Парижъ 1859. 8), Ведрена (Парижъ 1876). Кромѣ того, многочисленные переводы на новѣйшіе языки.

31. Сочиненіе начинается, послѣ сжатаго въ нѣсколько

положеній обозрѣнія исторіи медицины, знаменитымъ введеніемъ,* въ которомъ Цельсъ высказывается по вопросу, живо обсуждаемому въ то время устно и въ многочисленныхъ сочиненіяхъ, — должна ли медицина разрабатываться научно или эмпирически. Цельсъ самъ высказывается, какъ и слѣдовало ожидать, за научный методъ, т. е. за необходимость обоснованія медицины на анатоміи, физіологіи и изслѣдованіи непосредственныхъ причинъ болѣзней, между тѣмъ, какъ всѣ гипотетическія причины, хотя должны наводить врача на размышленіе, но не вліять на его леченіе.**

Слѣдующее затѣмъ изложеніе діэтетики, въ которой Цельсъ, соотвѣтственно цѣли его сочиненія, главнымъ образомъ, имѣетъ въ виду обзоръ жизни болѣе высшихъ классовъ, представляетъ изъ себя далеко еще неисчерпанный источникъ для ближайшаго сужденія о частной жизни римлянъ.

Вторая книга посвящена семіотикѣ, діагностикѣ и прогностикѣ. Въ прогностикѣ Цельсъ слѣдуетъ главнымъ образомъ Гиппократу, выдающіеся труды котораго именно въ этой области признаются всѣми врачами. Въ отдѣлѣ, посвященномъ общей терапіи, діэтетическія средства занимаютъ первое мѣсто. Подробное, и въ хирургическомъ отношеніи превосходное, описаніе касается кровопусканія; затѣмъ слѣ-

---

* Это Praefatio начинается фразой: Ut alimenta sanis corporibus Agricultura, sic sanitatem aegris Medicina promittit. Haec nusquam quidem non est. Едва ли лучше этого можно выразить границы медицинскаго искусства! Ред.

** Cur enim potius aliquis Hippocrati credat, quam Herophilo? Cur huic potius, quam Asclepiadi? Si rationes sequi velit, omnium posse videri non improbabiles: si curationes, ab omnibus his aegros perductos esse ad sanitatem. Itaque neque disputationi, neque auctoritati cujusquam fidem derogari oportuisse. Etiam sapientiae studiosos maximos medicos esse, si ratiocinatio hos faceret: nunc illis verba superesse, deesse medendi scientiam. Этотъ небольшой отрывокъ (изъ Praefatio), ученаго скептика—диллетанта, смыслъ котораго (отрывка) поясняется текстомъ, я привелъ, какъ образецъ слога, краткаго и точнаго, которымъ отличается вся „De Medicina“ Цельса. Ред.

дуютъ слабительныя средства, „communia remedia“ методиковъ, діэтетическія средства въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, потогонныя и т. д.

Слѣдующія 5 книгъ посвящены отдѣльнымъ болѣзнямъ, съ обращеніемъ особаго вниманія на терапію. Классификація основывается, главнымъ образомъ, на общемъ или мѣстномъ характерѣ заболѣванія и требующихся преимущественно діэтетическихъ, фармацевтическихъ или хирургическихъ лечебныхъ средствахъ. Въ отдѣльности, подробнѣе разбираются перемежающіяся лихорадки* и появлящіеся при лихорадкѣ мѣстные процессы, воспаленія,** бредъ, психическія болѣзни, „lethargus, morbus cardiacus,“ hydrops, tabes, чахотка (лѣченіе: молочная діэта, пребываніе въ Александріи, медъ, терпентинъ), эпилепсія, elephantiasis и т. д.—Четвертая книга, самая слабая изъ всѣхъ, перечисляетъ a capite ad calcem тѣ болѣзни, которыя должны лечиться наружными средствами. Предпосылаемыя анатомическія примѣчанія явно выдаютъ диллетантизмъ автора.—Пятая и шестая книги касаются болѣзней, лечимыхъ лекарственными веществами. За перечисленіемъ медикаментовъ слѣдуютъ болѣзни, встрѣчающіяся во всѣхъ частяхъ тѣла: раненія, ожоги, опухоли, раки, фистулы, кожныя болѣзни и т. д.—Шестая книга описываетъ болѣзни, встрѣчающіяся только на извѣстныхъ частяхъ тѣла.

32. Седьмая и восьмая книги посвящены хирургіи. Неясность многихъ описаній происходитъ, вѣроятно, оттого, что Цельсъ въ этой области былъ мало компетентенъ и пользовался преимущественно предшествующими писателями. Тѣмъ не менѣе, именно эти отдѣлы очень цѣнны, такъ какъ слу-

---

* Цельсъ соединяетъ въ одну группу и перемежающіяся, и постоянныя лихорадки. Вообще же на лихорадки Цельзъ смотритъ, какъ на цѣлебное стремленіе природы.... et morbi sunt, et medicina,—онѣ и болѣзнь, и лекарство. Ред.

** Вотъ классическое опредѣленіе, даваемое Цельсомъ воспаленію: Notae vero inflammationis sunt quattuor: rubor et tumor, cum calore et dolore. Ред.

жатъ единственными источниками для нашихъ сужденій объ успѣхахъ хирургіи въ александрійскомъ періодѣ.

Послѣ, къ сожалѣнію, очень бѣглаго перечисленія знаменитѣйшихъ хирурговъ прежняго и его времени слѣдуетъ общеизвѣстное описаніе необходимыхъ хирургу качествъ*. Затѣмъ, какъ и въ пятой книгѣ, идетъ разборъ хирургическихъ болѣзней, встрѣчающихся во всѣхъ или въ отдѣльныхъ частяхъ тѣла. Особенно интересны отдѣлы о закрытіи дефектовъ ушей, носа и губъ. Отопластика имѣетъ главнымъ образомъ цѣлью устраненіе большихъ дыръ на ушныхъ сережкахъ, происходившихъ нерѣдко у прежнихъ рабовъ отъ ношенія тяжелыхъ серегъ.—Леченіе состояло въ разсѣченіи и соединеніи краевъ раны кровавымъ швомъ. Очень неясное описаніе пріемовъ при дефектахъ носа и губъ относится, вѣроятно, не къ собственно пластическому возстановленію, а лишь къ закрытію дефектовъ отдѣленными и притянутыми сосѣдними частями кожи. Сюда принадлежитъ также позднѣе описанный способъ возстановленія недостающей (вслѣдствіе врожденнаго недостатка или обрѣзанія) крайней плоти, и предпринимавшаяся у пѣвцовъ или вообще въ видахъ сохраненія здоровья „совершенно излишняя“ инфибуляція.**

26-я глава этой книги содержитъ знаменитое описаніе камнесѣченія у мальчиковъ, возбуждавшее, вслѣдствіе своей

---

* Esse autem chirurgus debet adolescens, aut certe adolescentiae propior; manu strenua, stabili, nec unquam intremiscente, eaque non minus sinistra, quam dextra promtus; acie oculorum acri, claraque; animo intrepidus, immisericors.... etc. Подобное же перечисленіе качествъ хирурга—или вообще врача—встрѣчается и въ древнѣйшей, индусской медицинѣ. Ред.

** Эта операція, предлагаемая впослѣдствіи, какъ предохранительное средство отъ онанизма, состояла въ проведеніи чрезъ каналъ, сдѣланный въ крайней плоти, кольца (fibula), которое и оставалось тутъ до заживленія отверстія. Ред.

неясности относительно мѣста и направленія полулуннаго разрѣза кожи, такъ много споровъ.

Въ высшей степени интересно описаніе ампутаціи, не встрѣчающееся ни у одного изъ прежнихъ писателей. Цельсъ ограничиваетъ ее крайними случаями, ибо часто наступала смерть во время операціи отъ кровотеченія или обморока. Разрѣзъ долженъ проникать, минуя суставы, до самой кости на границѣ между больной и здоровой частями. Затѣмъ отдѣляется здоровое мясо кругомъ кости, поверхность костнаго распила сглаживается и, по возможности, покрывается кожей. Заживленіе раны происходитъ путемъ нагноенія. О перерѣзкѣ періоста не упоминается; точно также мало говорится о мѣрахъ для предотвращенія или устраненія кровотеченія изъ большихъ сосудовъ.

Восьмая книга трактуетъ о болѣзняхъ костей: о caries (съ указаніемъ частичной резекціи на черепѣ, ребрахъ и грудинѣ), трепанаціи, простыхъ и сложныхъ переломахъ, изъ которыхъ переломы плечевой кости и бедра большей частью („fere") требуютъ ампутаціи, и о вывихахъ.

Глазныя болѣзни описываются, согласно плану сочиненія, частью между страданіями, излечивающимися медикаментами, частью въ хирургическомъ отдѣлѣ. Статьѣ о катарактѣ предшествуетъ крайне неясная анатомія глаза. Катаракта („suffusio") происходитъ отъ болѣзни или поврежденія „пустого мѣста," соотвѣтствующаго зрачку. Операція (безъ сомнѣнія sclerotikonyxis), о которой тоже говорится въ первый разъ у Цельса, описывается такъ точно, что получается впечатлѣніе, будто онъ производилъ ее самъ.

Подробныя замѣчанія о заболѣваніяхъ слухового органа являются единственными, встрѣчающимися въ глубокой древности. Глухота объясняется исключительно болѣзненнымъ состояніемъ „врожденнаго воздуха."

Акушерскій отдѣлъ ограничивается указаніемъ на удаленіе умершихъ плодовъ. При предлежащей головкѣ предпринимается опорожненіе (удаленіе) мозга чрезъ глазъ, ухо или лобъ помощью крючка, снабженнаго короткимъ остріемъ. При ножномъ положеніи производится извлеченіе, при попе-

речныхъ—поворотъ. Если послѣдній не удается, то, въ случаѣ предлежанія конечности, она отрѣзывается; помощью крючка, введеннаго въ подмышечную впадину, спинка ребенка приводится во входъ въ малый тазъ, затѣмъ отдѣляется отъ головки туловище крючкомъ съ острой внутренней поверхностью, а застрявшая головка низдавливается чрезъ стѣнки живота роженицы до тѣхъ поръ, пока сдѣлается возможнымъ опорожненіе мозга. При ягодичномъ (тазовомъ) положеніи ребенокъ вталкивается назадъ (внутрь) для совершенія поворота. Если плодъ подвергся гніенію, то брюшная стѣнка разрывается ногтемъ, жидкость опоражнивается и тогда поступаютъ, смотря по обстоятельствамъ. Послѣдъ удаляется рукой или влеченіемъ за пуповину, а съ родильницей обращаются, какъ съ раненой.

Plinius.

33. Энциклопедическое произведеніе Кая Плинія II, хотя и не столь важное, какъ сочиненіе Цельса, для медицины, имѣетъ большее значеніе, какъ главный источникъ для исторіи образовательнаго искуства. — Плиній родился въ 23 г. послѣ Р. X. и умеръ, командуя флотомъ при Мизенѣ, 22-го августа 79-го года, во время страшнаго изверженія Везувія.

Плиній соединилъ въ своемъ гигантскомъ,* но страдающемъ отсутствіемъ критики, сборникѣ, *Historia naturalis*, сущность всѣхъ имѣвшихся въ его время знаній о достойныхъ вниманія предметахъ природы и искусства. Много столѣтій это произведеніе составляло почти единственный источникъ для изученія естественно-историческихъ предметовъ. Замѣчанія, относящіяся къ медицинѣ, встрѣчаются при перечисленіи важныхъ для человѣка, по своему полезному или вредному дѣйствію, животныхъ и растеній и при описаніи минераловъ. Плиній ссылается при этомъ большей частью на старѣйшія сочиненія подобнаго рода, напр. Варрона, Секстія Нигера и др.

---

* Матеріаломъ для этого труда, по словамъ его автора, послужило болѣе 2000 книгъ!.... Ред.

Изданія: Парижъ, 1829—33, 20 томовъ, 8, съ многочисленными комментаріями;—Лейпцигъ, 1830—38, 5 т;—von Sillig, Gotha 1850. ff.—von Detlefsen, Берлинъ 1866—68 ff.

Фармакологи перваго вѣка.

34. Во всѣ періоды исторіи упадокъ научной медицины яснѣе всего выражается развитіемъ грубо-эмпирической фармакологіи и появленіемъ безсмысленныхъ книгъ по рецептурѣ. При имперіи безвкусіе дошло даже до составленія послѣднихъ въ стихахъ. Большинство произведеній этого рода до такой степени ничтожны, что даже не стоитъ упоминать именъ ихъ авторовъ. Къ лучшимъ принадлежатъ основанныя на греческихъ источникахъ — *Compositiones medicamentorum* Скрибонія Ларга (около 50 г. послѣ Р. Х.) (Новѣйшее изданіе Бернгольда. Argent. 1786. 8.).

Его современникъ Секстій Нигеръ, извѣстный какъ очень даровитый писатель, составилъ περὶ ὕλης. Это произведеніе, теперь уже не существующее, послужило главнымъ источникомъ для медицинскихъ отдѣловъ энциклопедіи Плинія.—Основательное сочиненіе Менекрата, лейбъ-медика Тиверія, о простыхъ лѣкарственныхъ веществахъ—тоже потеряно.—Къ наиболѣе виднымъ представителямъ этихъ писателей принадлежалъ Андромахъ-отецъ, изъ Крита, врачъ Нерона, первый, получившій званіе „архіатра". Наибольшей извѣстностью пользуется его стихотвореніе объ изобрѣтенномъ Митридатомъ, а имъ усовершенствованномъ, теріакѣ.

Далѣе сюда принадлежатъ стихотворныя сочиненія Сервилія Демократа или Дамократа, врача, очень восхваляемаго Галеномъ. (Servilii Damokratis *Carmina medicinalia*, ed. Harless, Bonn. 1834. 4.).

Педаній Діоскоридъ изъ Аназарбы, въ Сициліи, жилъ при Неронѣ и Веспасіанѣ. Онъ сопровождалъ, вѣроятно, въ качествѣ врача, римскія войска въ различныя страны. Его сочиненіе [озаглавленно, какъ у Секстія Нигера, «περ ὕλης»], написанное незадолго до 77 и 78 г. послѣ Р. Х. (значитъ, до Плинія), содержитъ описаніе важнѣй-

шихъ, особенно растительныхъ лѣкарственныхъ веществъ Это произведеніе, основанное на собственныхъ изслѣдованіяхъ и лучшихъ работахъ предшественниковъ,—въ ботаническомъ и фармакологическомъ отношеніяхъ—представляется важнѣйшимъ изъ подобныхъ сочиненій древности. Въ средніе вѣка оно считалось непогрѣшимымъ оракуломъ, а на востокѣ и до сихъ поръ пользуется большимъ почетомъ.* (Новѣйшее изданіе C. Sprengel, Лейпцигъ 1829—1830. 8. 2 т.).

Пневматики и эклектики.

35) Большіе недостатки методической системы, именно односторонній взглядъ на состояніе плотныхъ тканей, пренебреженіе естественными процессами выздоровленія и переполненіе терапевтическаго арсенала—не могли не вызвать реакціи, которая и повела къ возникновенію новыхъ ученій. Къ послѣднимъ принадлежитъ „пневматическая“ система. Основателемъ послѣдней является Атеней изъ Киликіи, знаменитый врачъ, жившій въ Римѣ въ половинѣ 1-го вѣка. Атеней считалъ господствующимъ веществомъ въ живыхъ существахъ πνεῦμα (пнеума), получившее новое значеніе въ стоической философіи.** Однако, его ученіе по неопредѣленности своего характера не пользовалось большимъ вліяніемъ. Уже самъ Атеней, а еще болѣе его современники примѣняли на практикѣ эмпирическія и методическія положенія. Такимъ образомъ, ученикомъ Атенея—Агати-

* E. Meyer характеризуетъ заслуги Діоскорида слѣдующими словами: „Что сдѣлалъ Теофрастъ для общей, то Діоскоридъ для спеціальной фармацевтической ботаники древнихъ. Трудъ Діоскорида—главный источникъ, который одинъ даетъ болѣе, чѣмъ всѣ остальные, вмѣстѣ взятые“. Ред.

** Къ четыремъ элементамъ: холода и тепла, сухости и влажности—Атеней присоединилъ пятый—пневму, которая все проникаетъ и обусловливаетъ всѣ явленія и измѣненія (болѣзни) органической жизни. Отрывки сочиненій Атенея сохранены намъ Орибазіемъ. Ред.

номъ изъ Спарты, основана была новая система—„эклектическая“, которая, какъ показываетъ само названіе, соединяла въ себѣ воззрѣнія различнѣйшихъ школъ, насколько онп могли быть примѣнены на практикѣ.

Къ знаменитѣйшимъ эклектикамъ принадлежалъ Руфъ* Эфесскій, жившій въ Римѣ. Изъ его отчасти дошедшихъ до насъ произведеній особенно выдаются: назначенное для начинающихъ, *Перечисленіе наименованій частей тѣла;* сочиненіе *О болѣзняхъ почекъ и мочеваго пузыря*; *О пульсѣ* (солидный источникъ свѣдѣній объ ученіи о пульсѣ у древнихъ); *О подагрѣ* (имѣющееся только въ варварскомъ латинскомъ переводѣ), особенно же сочиненіе ἰατρικὰ ἠρωτήματα (*Врачебные вопросы*), представляющее наглядную картину вообще тщательной діагностики древнихъ врачей (*Oeuvres de Rufus d'Ephèse* ed. Daremberg et Ruelle, Paris 1879. 8.).—Далѣе изъ эклектиковъ должны быть упомянуты: Архигенъ изъ Апамеи въ Сиріи (около 100 лѣтъ послѣ Р. Х.), врачъ, жившій въ Римѣ и выдававшійся какъ хирургъ;** Кассій, ятрософистъ (во 2-мъ вѣкѣ), *Медицинскіе вопросы и задачи* котораго дошли до насъ; Марцеллъ изъ Сиды, въ Памфиліи, извѣстный по отрывку о *ликантропіи* (бредъ превращенія въ волковъ и другихъ животныхъ);—Филагрій и Посидоній около 350 г. послѣ Р. Х. Другой Посидоній (въ 1-мъ вѣкѣ) достоинъ вниманія по сохраненному Руфомъ отрывку изъ его сочиненія о чумѣ.

Но изъ всѣхъ этихъ врачей выдается Аретей изъ Каппадокіи, принадлежащій только въ весьма ограниченномъ

* Перекрестъ зрительныхъ нервовъ, чечевичная сумка, происхожденіе нервовъ отъ мозга, раздѣленіе нервовъ на чувствительные и двигательные—вотъ существеннѣйшія открытія Руфа.

Въ одной статьѣ (объ Apostemata) онъ считаетъ лихорадочное состояніе великой цѣлительной силой, которую даже желательно вызывать искусственно.... Ред.

** Ему первому принадлежитъ раздѣленіе минеральныхъ водъ, сообразно ихъ химическому составу. Ред.

смыслѣ къ эклектикамъ (жившій, по всему вѣроятію, во 2-й половинѣ 1-го вѣка). О его жизни ничего не извѣстно. По своему общему образованію, по основательности медицинской подготовки, нравственному достоинству, простотѣ изложенія —Аретей Каппадокійскій изъ всѣхъ врачей древности болѣе всего приближается къ Гиппократу [котораго онъ одного только и цитируетъ]. Его описанія болѣзней—образцы, вѣрные природѣ, [„живыя картины болѣзней"], классическіе по изложенію*. Но, вѣроятно, именно эти качества были причиною того, что въ періодъ упадка медицины сочиненія Аретея мало обращали на себя вниманія. Къ достоинствамъ этого врача принадлежитъ прежде всего уваженіе (къ изученію) анатоміи. Подобно Гиппократу онъ считалъ сущностью жизненныхъ силъ φύσις, и—какъ главнаго носителя послѣдней—„врожденную теплоту". Одинаково далекій отъ односторонности гиппократиковъ и методиковъ, Аретей считаетъ причинами болѣзней аномаліи, какъ твердыхъ, такъ и жидкихъ тканей. Къ лучшимъ изъ его изложеній болѣзней принадлежатъ описанія эпилепсіи, плеврита и пневмоніи, кровохарканія, чахотки, обморока, дизентеріи и болѣзней мочеваго пузыря. За важное значеніе, которое Аретей придавалъ терапіи, говоритъ уже то обстоятельство, что онъ посвятилъ ей особое сочиненіе. Діэтетикѣ въ этомъ сочиненіи отводится первое мѣсто; количество лѣкарствъ, между которыми преобладаютъ уменьшающія раздраженіе

---

* Вотъ для примѣра описаніе чахотки: „Голосъ сиплый, шея нѣжная, склоненная на бокъ, пальцы тонкіе, сочлененія же утолщены. Повидимому, остались только однѣ кости, мясо исчезло и ногти на пальцахъ загнуты.... Носъ заостренъ, скулы выдаются, щеки впалыя, красныя, глаза ушли глубоко въ свои впадины и блестятъ, отъ грудныхъ железъ не осталось и слѣда, а видны только одни соски, ребра такъ явственны, что ихъ не только можно сосчитать, но видны и ихъ сочлененія съ позвоночникомъ и съ грудиной, межреберья запали и представляютъ длинные четыреугольники".. . Во „Врачѣ"—за 1887 годъ д-ръ Левинъ напечаталъ интересный этюдъ объ Аретеѣ. Ред.

и успокоивающія,—ничтожно. За то примѣняются кровопусканія изъ венъ тыла руки (способъ, употребляемый въ Италіи и понынѣ), холодныя обливанія и прижиганія каленымъ желѣзомъ.

Galenus.

---

36. Клавдій Галенъ изъ Пергама (род. 131 г. послѣ Р. Х.) получилъ первоначальное образованіе у своего отца, архитектора Никона и въ школахъ родного города. На 19-мъ году онъ отправился въ Смирну и Коринѳъ, совершилъ путешествіе для расширенія своихъ естественно-историческихъ познаній по Палестинѣ и довершилъ свое образованіе въ Александріи. На 28-мъ году жизни Галенъ былъ назначенъ врачемъ гимназіи и (школы) гладіаторовъ въ своемъ городѣ. Шесть лѣтъ спустя (въ 164 г.), возстаніе вынудило его удалиться въ Римъ, гдѣ онъ былъ принятъ въ самомъ высшемъ обществѣ и утвердилъ свою славу, какъ врача, чтеніями по физіологіи. Четыре года спустя, распри съ римскими врачами побудили его предпринять большое путешествіе по Италіи, Каиру и Палестинѣ и затѣмъ возвратиться въ Пергамъ. Но вскорѣ послѣ этого онъ былъ снова призванъ императорами Луціемъ Веромъ и Маркомъ-Авреліемъ Антоніемъ. Галенъ умеръ въ Римѣ или Пергамѣ между 201 и 210 гг. послѣ Р. Х.

Медицина представляла при появленіи Галена мало-утѣшительную картину. Гиппократики, эразистратики, эмпирики, методики и эклектики вели между собою ожесточенную войну. Корень зла скрывался, какъ и въ позднѣйшее время, въ разногласіи между требованіями научной медицины и практическимъ примѣненіемъ ея. Галенъ поставилъ себѣ задачей—уничтожить это разногласіе, возвративъ то значеніе анатоміи и физіологіи, которое было отнято у нихъ эмпириками и методиками, и въ тоже время снова давъ практической медицинѣ то, что было пріобрѣтено ею со времени основанія александрійской школы.

Относительно патологіи Галенъ поставилъ себѣ задачей основать ее научно на діагностикѣ, опирающейся на анатомію и физіологію. Въ отношеніи терапіи онъ исходилъ изъ того убѣжденія, что послѣдняя способна къ самостоятельной обработкѣ, и нуждается въ ней, но что она должна опираться только на непредубѣжденный клиническій опытъ. Путеводной звѣздой въ этой области онъ выбралъ возвышенное ученіе Косскаго учителя, устоявшее въ теченіе многихъ столѣтій, не смотря на всякія перемѣны системъ, въ неизмѣнной правдивости и свѣжести,—главнымъ же образомъ—введенное Гиппократомъ въ практическую медицину основное положеніе: прогностику.

Къ сожалѣнію, Галенъ лишился нѣкоторой доли своей славы (которая за нимъ всецѣло осталась бы, если бы онъ ограничился проведеніемъ только этихъ основныхъ положеній) изъ-за стремленія найти философскую связь между медициной, какъ наукой и медициной, какъ искусствомъ. Самой же роковой ошибкой его было то, что онъ выбралъ именно ту систему, которая для этой цѣли, по своему чрезмѣрно идеальному характеру, менѣе всего годилась,—платоническую. Свойственная послѣдней теологическая точка зрѣнія, дающая на каждый вопросъ отвѣтъ, на каждую загадку—разгадку, держала медицину, вслѣдствіе обманчиваго призрака непогрѣшимости, въ оковахъ въ теченіе многихъ вѣковъ.

Галенъ написалъ, по собственнымъ его словамъ, кромѣ 125 философскихъ, математическихъ, грамматическихъ и юридическихъ произведеній, не принимая во вниманіе сомнительныхъ, не принадлежащихъ ему комментаріевъ и т. д., 131 медицинское сочиненіе, изъ которыхъ къ намъ дошли 83. Изъ нихъ здѣсь могутъ быть указаны лишь важнѣйшія.

De sectis ad eos, qui introducuntur.—De facultatibus naturalibus.—De anatomicis administrationibus.—De usu partium corporis humani.—De locis affectis. De simplicium medicamentorum temperamentis et facultatibus. Ars medendi (позднѣе названная *Microtechne, Ars parva*), чаще всѣхъ читаемое изъ сочиненій Галена. Единственно полное, но вообще спѣшное изъ очень многочисленныхъ изданій—Кюна, Лейпцигъ 1821—33. 8. 22 т. съ латинскимъ переводомъ.

Анатомія и физіологія.

37. Высокое историческое значеніе Галена основывается прежде всего на той громадной роли, какую онъ придавалъ анатоміи. Но и здѣсь, къ сожалѣнію, выдвигается его роковая телеологія. Галенъ, не считая анатомію основой физіологіи, исходитъ изъ отправлен'й, свойственныхъ различнымъ частямъ тѣла, и пользуется анатоміей лишь для того, чтобы доказать цѣлесообразность строенія соотвѣтствующихъ органовъ.

Галенъ, собственно, не старался узнать, какъ совершаются физіологическіе акты, а доискивался лишь отвѣта на вопросъ: почему извѣстная часть такъ, а не иначе устроена? Отвѣтомъ служило заключеніе, что именно данное устройство способствуетъ извѣстному физіологическому дѣйствію. Говоря его собственными словами— Галенъ разсуждалъ не о ф у н к ц і и, но о п о л ь з ѣ частей—de usu partium, т. е. совершенно обратно современнымъ воззрѣніямъ.

Элементами животнаго тѣла Галенъ, какъ и Гиппократъ, считалъ твердое, жидкое, теплое и холодное. Въ крови они смѣшаны равномѣрно; въ желчи преобладаетъ горячее, въ слизи—холодное. Собственно жизнь-дающимъ началомъ служитъ „pneuma“ [душа, какъ часть міровой души]. На высшей ступени своего развитія, у человѣка, это начало является въ видѣ: а) „душевнаго pneuma“, б) жизненнаго pneuma“ и в) „физическаго pneuma“ (πνεῦμα ψυχικὸν, ζωτικὸν, φυσικὸν).* Обнаруживается оно въ человѣческомъ тѣлѣ въ видѣ силъ: „душевной [сообщающейся изъ мозга нервамъ], пульсирующей [передающейся изъ сердца артеріямъ] и натуральной [сообщаемой изъ печени венамъ“]. (δύναμις ψυχικὴ, σφυγμικὴ, φυσική). Процессы, происходящіе при питаніи и образованіи, объясняются „притягательной, удерживающей, измѣняющей (или отдѣляющей) и изгоняющей“ силами. Но такъ какъ Галенъ сознаетъ, что этихъ силъ не хватаетъ для объясненія всѣхъ

* **У автора:** „Seelengeist, Lebensgeist, natürlicher Geist.“ **Ред.**

физіологическихъ процессовъ, то онъ къ нимъ прибавляетъ еще таинственныя силы „всего сущаго“ („специфическія“ качества позднѣйшихъ авторовъ). Не мудрено, кажется, вывести заключеніе, что это ученіе открываетъ широкое поле для суевѣрій всякаго рода.

Анатомическія и физіологическія сочиненія Галена, не смотря на свой строго теологическій характеръ*.... составляютъ самую цѣнную часть его трудовъ. Правда, часто нельзя рѣшить, что онъ позаимствовалъ у своихъ безслѣдно исчезнувшихъ предшественниковъ, хоть, напр., Marinus'a,** и что составляетъ результатъ его собственныхъ изслѣдованій.

Анатомическія описанія Галена основываются почти исключительно на изслѣдованіи животныхъ, въ особенности различныхъ видовъ обезьянъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что Галенъ имѣлъ возможность изучать анатомію человѣка — на что онъ намекаетъ и самъ (въ De usu partium; см. у Ковнера)—на ранахъ гладіаторовъ, на выброшенныхъ на улицу мертвыхъ младенцахъ, на людяхъ, предоставленныхъ на съѣденіе звѣрямъ, на казненныхъ разбойникахъ и, наконецъ, на трупахъ во время войнъ и на человѣческихъ скелетахъ.

Даже остеологія составлена не на основаніи изученія человѣка, а только часто попадающагося въ Африкѣ Magot

---

* Возставая противъ безумія атеистическихъ понятій Эпикурейцевъ, отрицавшихъ телеологическую точку зрѣнія, Галенъ въ одномъ мѣстѣ De usu partium (III, 10)—такъ аттестуетъ своихъ противниковъ:.... „если бы я захотѣлъ тратить больше словъ для такихъ скотовъ, то разсудительные люди стали-бы порицать меня за то, что я нарушаю святость моего произведенія, которое я передаю какъ религіозный гимнъ въ честь Творца“. Ред.

** Изъ вступительныхъ къ „De anatomicis administrationibus“—замѣчаній Галена видно, что искусство анатомированія передавалось путемъ семейнаго обученія; въ этихъ замѣчаніяхъ авторъ хвалитъ Marinus'a за то, что онъ, вопреки обычаю древнихъ, писалъ сочиненія объ анатомическихъ манипуляціяхъ. Ред.

(Macacus caudatus). Поверхностнѣе всего разработана спланхнологія. Пищевареніе—дѣло пищеварительной силы желудка и теплоты печени. Хилусъ проводится жилами брыжейки къ печени, для превращенія въ кровь; послѣдняя попадаетъ чрезъ печеночныя вены и vena cava въ правое сердце. Здѣсь негодныя части, „сажа“ (λιγνύς), отдѣляются отъ годныхъ, чтобы при выдыханіи выдѣлиться чрезъ открывающіеся клапаны въ легкія, а оттуда наружу, причемъ остается необъяснимымъ, какимъ образомъ одни и тѣже клапаны могутъ служить и для того, чтобы дать выходъ „сажѣ“ и для того, чтобы сдѣлать доступнымъ проникновеніе крови въ легкія. Часть освобожденной отъ „сажи“ крови вступаетъ чрезъ поры перегородки въ лѣвый желудочекъ, чтобы подвергнуться дальнѣйшимъ измѣненіямъ.

Механизмъ дыханія Галенъ, основываясь на опытахъ (перерѣзкѣ спинного мозга, межреберныхъ мышцъ, ихъ нервовъ, вырѣзываніи отдѣльныхъ реберъ), описываетъ вполнѣ правильно: вслѣдствіе расширенія грудной клѣтки, производимаго діафрагмой и грудными мышцами, воздухъ проникаетъ въ легкія совершенно пассивно. Впрочемъ, Галенъ приписываетъ извѣстное содѣйствіе при дыханіи и предполагаемому воздуху плевральныхъ мѣшковъ и его эластичности.

За то совершенно смутны представленія Галена о дѣятельности сердца. Прежде всего онъ считаетъ сердце не за мускулъ,—ибо таковой, по его мнѣнію, не могъ бы годиться для различныхъ отправленій сердца,—а лишь за не содержащее нервовъ „мускуло—подобное“ образованіе. Правое сердце служитъ для доставленія крови врожденной теплоты и проведенія послѣдней чрезъ вены къ органамъ тѣла. Лѣвое сердце притягиваетъ къ себѣ во время діастолы pneuma, одушевляетъ посредствомъ послѣдняго проникшую сюда изъ праваго желудочка кровь, а pneuma проводитъ чрезъ артеріи къ различнымъ частямъ тѣла. Итакъ, лѣвый желудочекъ содержитъ также „кровь“; но послѣдняя, вслѣдствіе примѣси „пневмы“, теплѣе, жиже и газообразнѣе, чѣмъ кровь праваго сердца и венъ. Правда, въ другомъ мѣстѣ, лѣвому сердцу приписывается только „Pneuma“ и этимъ обстоятельствомъ чи-

сто телеологически объясняется различная толщина желудочковъ: „стѣнки лѣваго сердца толще и тяжелѣе праваго, чтобы уравнять [для удержанія сердца въ вертикальномъ положеніи] незначительный вѣсъ pneuma съ большимъ вѣсомъ крови“.—Движенія сердца Галенъ,—на основаніи опытовъ на животныхъ и наблюденія надъ однимъ мальчикомъ, сердце котораго вслѣдствіе костоѣды грудины было открыто,—описываетъ въ общемъ довольно правильно. За то онъ, на основаніи мнѣнія, что важнѣйшая задача лѣваго сердца состоитъ въ притягиваніи pneuma, считаетъ активнымъ движеніемъ сердца—діастолу. Между концами артерій и венъ находятся „анастомозы“, подобно порамъ въ перегородкѣ сердца. Они имѣютъ цѣлью приводить къ конечнымъ развѣтвленіямъ венъ немного pneuma.

Объ окончательной судьбѣ pneuma и крови Галенъ не высказываетъ опредѣленнаго мнѣнія. Остается неизвѣстнымъ, полагалъ ли онъ, что оба вещества при одушевленіи и питаніи частей вполнѣ потребляются, или относительно крови, количество которой считалъ весьма незначительнымъ, допускалъ, по крайней мѣрѣ, частичный, отливо-подобный возвратъ къ сердцу. О переходѣ содержимаго артерій въ окончанія венъ и возвращенія венозной крови къ сердцу, т. е. о знаніи большаго круга кровообращенія, нѣтъ и слѣда. Но и защищаемое многими мнѣніе, будто Галенъ зналъ, по крайней мѣрѣ, существованіе малаго круга кровообращенія,—тоже ложно, такъ какъ онъ полагаетъ, что кровь, проводимая къ легкимъ чрезъ arteria pulmonalis, служитъ только для питанія послѣднихъ. О переходѣ этой крови въ легочныя вены (содержащія лишь „pneuma“) нигдѣ не говорится. Изъ положенія, что лѣвое сердце служитъ для привлеченія пневма, необходимо возникло дальнѣйшее заблужденіе, будто движенія сердца начинаются только послѣ рожденія.—Строеніе сосудовъ въ общемъ описано правильно.*

Блестящій отдѣлъ анатоміи Галена представляетъ опи-

---

* О значеніи Галена въ исторіи открытія кровообращенія—см. ниже, дополненіе ред. къ § 114. Ред.

саніе нервной системы. Въ этой области онъ многочисленными вивисекціями заслужилъ имя основателя экспериментальной физіологіи. Галенъ дѣлитъ нервы на мягкіе, плотные и смѣшанные (средней плотности). Къ первымъ принадлежатъ служащіе для ощущенія черепно-мозговые нервы, ко вторымъ —нервы спиннаго мозга, отъ которыхъ зависитъ движеніе, и къ третьимъ—нервы продолговатаго мозга, соединяющіе обѣ функціи, именно acusticus и facialis. То обстоятельство, что нѣкоторые черепно-мозговые нервы служатъ для движенія, Галенъ объясняетъ тѣмъ, что они на своемъ протяженіи дѣлаются болѣе плотными и такимъ образомъ превращаются изъ чувствительныхъ нервовъ въ двигательные. Галенъ перечисляетъ 7 паръ черепно-мозговыхъ нервовъ: 1) opticus, 2) oculomotorius и patheticus, 3) первая вѣтвь n. trigemini, 4) 2-я и 3-я вѣтви послѣдняго, 5) acusticus и facialis, которые онъ обозначаетъ, какъ portio dura et mollis одного и того-же нерва, 6) vagus, 7) palatinus. Что не всѣ нервы тѣла происходятъ изъ головнаго, а многіе изъ спиннаго мозга, зависитъ отъ того, что въ первомъ случаѣ нервы были бы слишкомъ длинны и подвергались бы опасности разрыва.

Функціи мозга Галенъ старался изучить послойными разрѣзами отдѣльныхъ частей его. Для этихъ опытовъ, дабы смягчить для публики ихъ жестокость, онъ пользовался не обезьянами, а поросятами. Но и здѣсь гипотеза о πνεῦμα ψυχικὸν привела его къ произвольнымъ предположеніямъ. Изъ нѣжнѣйшей крови каротидъ Галенъ проводитъ его (πνεῦμα) въ plexus chorioidei боковыхъ желудочковъ; отсюда оно поступаетъ чрезъ особый ходъ (aquaeductus Sylvii) въ 4-й желудочекъ, а оттуда уже достигаетъ, смотря по надобности, различныхъ частей тѣла. Червячекъ можжечка служитъ при этомъ чѣмъ-то въ родѣ „затычки".—Болѣе естественны въ общемъ основывающіяся на многочисленныхъ вивисекціяхъ данныя о спинномъ мозгѣ и происходящихъ изъ него нервахъ. Ганглін служатъ аппаратами, усиливающими дѣйствіе нервовъ.

Въ описаніи глаза Галенъ не обнаруживаетъ успѣха, сравнительно съ предшественниками; именно представленія

его о линзѣ также смутны, какъ и у послѣднихъ. Зрѣніе (видѣніе) зависитъ отъ находящагося между iris и линзой [свѣтлаго] „пневма", которое [воспринимаетъ и] проводитъ впечатлѣнія къ мозгу.—Ощущеніе слуха основано на волнообразномъ проведеніи звука къ слуховымъ нервамъ.

Отдѣленіе мочи объясняется притягательной силой почекъ по отношенію къ водянистымъ частямъ крови. —Матку и яичники Галенъ разсматриваетъ, какъ мошонку съ яичками, вывороченные на изнанку. Такъ какъ у животныхъ число маточныхъ роговъ одинаково съ количествомъ грудныхъ железъ, то и женщинамъ приписывается двурогая матка.* До высшей степени абсурда телеологія Галена доходитъ въ панегирикѣ, которымъ онъ восхваляетъ мудрость природы, проявившуюся при устройствѣ мужскихъ половыхъ органовъ. Существеннымъ факторомъ размноженія онъ считаетъ мужское сѣмя; болѣе холодное женское служитъ преимущественно для образованія и питанія плодовыхъ оболочекъ.

Патологія и терапія.

38. Галенъ отличаетъ въ качествѣ факторовъ болѣзненнаго состоянія: 1) непосредственныя причины, напр., plethora, порча соковъ [дискразія] и т. д., 2) обусловленное этими причинами страданіе (πάθος), 3) вызываемые послѣднимъ ненормальные образовательные процессы (νόσημα), [болѣзнь, какъ процессъ, въ тѣсномъ смыслѣ слова] и 4) симптомы. Гораздо счастливѣе была мысль раздѣлить болѣзни по ихъ анатомической** подкладкѣ: 1) болѣзни элементарныхъ веществъ [дискразіи, общія болѣзни, болѣзни влагъ]: крови, слизи, желтой и черной желчи; 2) болѣзни „однородныхъ частей" (тканей), которые въ свою очередь, распадаются на аномаліи физи-

* Въ другомъ мѣстѣ, наоборотъ, двурогость матки рѣшительно отвергается Галеномъ. Ред.

** Галенъ принимаетъ слѣдующее раздѣленіе частей организма: однородныя (ткани), разнородныя (органы) и элементарныя (влаги). Ред

ческихъ свойствъ (напряженіе, ослабленіе и т. д.) и измѣненія первичныхъ [химическихъ] качествъ (тепла, холода и т. д.); 3) болѣзни отдѣльныхъ органовъ [т е. разнородныхъ частей]. Вмѣсто Гиппократовскихъ стадій „сырости, варенія и кризиса," которые могутъ быть приняты во вниманіе лишь при острыхъ болѣзняхъ, Галенъ разсматриваетъ „начало, возрастаніе, разгаръ и уменьшеніе" болѣзненнаго процесса.* Въ остальномъ онъ удержалъ ученіе о кризисахъ и критическихъ дняхъ.

Воспаленіе основывается на мѣстномъ, лихорадка на общемъ возвышеніи тепла. Если воспаленіе ограничивается поднятіемъ температуры, то происходитъ сухое воспаленіе; если же теплота вызываетъ усиленный притокъ крови, слизи, воды, желчи, пневма, то—соотвѣтственно участію указанныхъ веществъ—наступаетъ простое, [слизистое], отечное, рожистое, скиррозное и пневматозное воспаленіе. Высшая степень воспаленія производитъ гангрену и гніеніе [вѣрнѣе сказать—гніеніе является исходомъ гангренознаго воспаленія]. Отдѣльныя видоизмѣненія лихорадочныхъ формъ происходятъ отъ участія одного или нѣсколькихъ изъ указанныхъ элементарныхъ веществъ.

Принципомъ, производящимъ исцѣленіе, Галенъ, подобно Гиппократу, считаетъ φύσις. Послѣдняя дѣйствуетъ по закону необходимости посредствомъ „притягивающихъ, измѣняющихъ и изгоняющихъ" силъ.

Основныя положенія терапіи Галена состоятъ въ слѣдующемъ:

1) Для сохраненія здоровья — необходимо пользовать подобное подобнымъ.

2) Для леченія болѣзни — надо пользовать противоположное противоположнымъ.

---

* ἀρχή, stadium initiale; ἐπίδοσις, stadium incrementi; ἀκμή, acme, и παρακμή, stadium decrementi.

„Болѣзнь имѣетъ свои возрасты, какъ и тѣло: она рождается, ростетъ, достигаетъ зрѣлости, затѣмъ, какъ бы послѣ нѣкотораго колебанія, она устремляется къ своему счастливому или несчастному концу". (Ковнеръ). Ред.

3) Въ болѣзняхъ врачъ долженъ только помогать природѣ, ибо часто сама природа излѣчиваетъ.*

Чрезвычайно ясно Галенъ устанавливаетъ и развиваетъ задачу терапіи въ ученіи о „показаніяхъ" (indicatio). При установленіи послѣднихъ принимается во вниманіе возможность предупрежденія болѣзни, характеръ, стадіи, типъ, симптомы ея, индивидуальность больнаго и природа заболѣвшихъ органовъ, и даже сны больнаго.

Къ числу важнѣйшихъ общихъ терапевтическихъ средствъ Галенъ причисляетъ діэту, гимнастику, ванны, растиранія и кровоизвлеченія. О примѣненіи послѣднихъ онъ даетъ превосходныя правила. За то его теоріи необузданно господствуютъ въ ученіи о лекарствахъ. Послѣдвія распадаются, по преобладанію одного или нѣсколькихъ основныхъ качествъ [сухость, влажность, теплота, холодъ], на простыя, сложныя и дѣйствующія „всѣмъ своимъ составомъ" [totius substantiae], (напр., рвотныя, слабительныя, яды и противоядія). Уже и безъ того объемистый арсеналъ медикаментовъ былъ еще значительно увеличенъ Галеномъ. Однако слѣдуетъ замѣтить, что самъ онъ охотнѣе примѣнялъ простыя средства. Особенную похвалу онъ воздаетъ введенному александрійцами опію.

Описанія отдѣльныхъ болѣзней встрѣчаются у Галена вообще рѣдко, ибо онъ патологическими фактами пользовался преимущественно для поясненія своихъ теоретическихъ взглядовъ. Довольно безуспѣшное обыкновенно леченіе перемежающихся лихорадокъ состояло главнымъ образомъ въ слабительныхъ средствахъ, теплыхъ ваннахъ, употребленіи перца, полыни и укрѣпляющей діэты.—При гнилостныхъ лихорадкахъ важную роль играетъ вино.—Изъ заболѣваній ки-

---

* Во всякомъ случаѣ—врачъ, если онъ не можетъ принести пользы, то долженъ заботиться, что бы не вредить: Duo circa morbos exercenda sunt, juvare, vel certe, non nocere. Эта сентенція представляетъ латинскій переводъ изрѣченія (ὠφελέειν ἢ μὴ βλάπτειν), приписываемаго Гиппократу, котораго и комментируетъ Галенъ.

Ред.

шечнаго канала нужно обратить вниманіе на дизентерію.— Острые катарры дыхательныхъ органовъ лечатся отхаркивающими (медъ, виноградный отваръ и опій); при хроническихъ —даются легкое вино, перецъ, гальбанумъ, опій и т. д. Заслуживаетъ вниманія діагноста тщательное отдѣленіе плеврита отъ пневмоніи. При леченіи ихъ играютъ главную роль теплые компрессы, кровопусканія, слабительныя, отхаркивающія, діэта, вино.—Діагностика эмпіемы основывается на повышенной температурѣ больной стороны и субъективныхъ симптомахъ. Опорожненію ножемъ или раскаленнымъ желѣзомъ придается мало значенія.—Несомнѣнна заслуга Галена въ ученіи о чахоткѣ. Такъ, онъ уже различаетъ воспалительную [острую], язвенную [хроническую] и ползучую [изнурительную] формы. Главныя причины первой суть механическія поврежденія, продолжительный кашель, а особенно — кровохарканіе; при леченіи ея онъ рекомендуетъ, смотря по надобности, кровопусканіе, перевязку членовъ, отвлекающія средства, покой [молчаніе] и опій. Изнурительная форма чахотки зависитъ отъ порчи влагъ; лучшіе терапевтическіе успѣхи получаются здѣсь на климатическихъ станціяхъ, особенно въ Египтѣ и Ливіи, главнымъ образомъ вслѣдствіе благопріятнаго вліянія морскаго путешествія; въ Италіи—пребываніе въ Tabiae, мѣстности, защищенной отъ вѣтровъ и отличающейся сухимъ воздухомъ и хорошимъ молокомъ (безъ сомнѣнія, рѣчь идетъ о знаменитой Mons lactarius, на сѣверномъ склонѣ Monte Sant'Angelo, при Castellamare). — Относительно заболѣваній сердца Галенъ ограничивается нѣкоторыми замѣчаніями о сердцебіеніи. [Онъ также разсматриваетъ endo—и pericarditis, затѣмъ раны сердца].

Изъ болѣзней мочеваго аппарата на первомъ планѣ стоитъ нагноеніе (нарывъ) почекъ и мочеваго пузыря, какъ частыя послѣдствія каменной болѣзни. Галенъ считаетъ послѣднюю въ этіологическомъ отношеніи имѣющей много общаго съ подагрой. Важнѣйшими лекарственными средствами считаются діэта, ослиное молоко, вино, мочегонныя, особенно камешки, находящіеся въ морской губкѣ (углекислая известь). „Діабетъ" считался болѣзнью желудка, подобной

„булиміи“. Свѣдѣній о содержаніи сахара въ мочѣ нѣтъ и слѣда.

Относительно заболѣваній головнаго мозга — тщательно различаются формы, зависящія отъ анеміи и плеторы. Первыя производятъ конвульсіи и параличи, послѣднія—апоплексіи,—но не отъ кровоизліянія, а накопленія слизи. Головокруженіе—мозговаго или брюшнаго происхожденія. „Phrenitis“, по описанію, совпадаетъ, какъ и у гиппократиковъ, очевидно, съ тифомъ и status typhosus. Смотря по особенности случая, примѣняются кровопусканія, холодныя обертыванія и обливанія или раздражающія средства. „Параличемъ“ Галенъ, подобно методикамъ, считаетъ всякое нарушеніе дѣйствія мускуловъ (потерю движенія). Законъ перекреста при черепно-мозговыхъ параличахъ былъ ему хорошо извѣстенъ. Спинно-мозговые параличи происходятъ отъ поврежденій и не переходящихъ въ нагноеніе отложеній (spondylarthrocace). — Боли зависятъ всегда отъ страданій нервовъ; о невралгіяхъ въ теперешнемъ смыслѣ ничего не говорится.

Между дискразическими разстройствами выступаютъ подагра и водянка. Arthritis,—въ Римѣ обыденная болѣзнь,—описана во всѣхъ отношеніяхъ превосходно.—Водянка чаще всего зависитъ отъ страданій печени. — При хроническихъ болѣзняхъ кожи главнымъ образомъ примѣняются внутреннія средства.

Съ хирургіей Галенъ былъ знакомъ и практически. Однако, содержаніе его хирургическихъ сочиненій, именно останавливающее на себѣ вниманіе ученіе о повязкахъ, большею частью, вѣроятно, заимствовано у прежнихъ авторовъ.— Основываясь на случайныхъ замѣчаніяхъ, можно заключить, что Галенъ мѣсто катаракты полагалъ отчасти въ стекловидномъ тѣлѣ, отчасти въ линзѣ. Акушерствомъ онъ, повидимому, не занимался

39. При жизни Галена и въ первое время послѣ его смерти, сочиненія его, кажется, пользовались весьма небольшимъ вниманіемъ. Прежде всего имъ мѣшалъ ихъ необыкновенный объемъ и утомительное многословіе. Но самое большое препятствіе ихъ распространенію состояло, вѣроятно,

въ томъ, что Галенъ навлекъ на себя ненависть господствующихъ сектъ — методической и эмпирической и, навѣрно частію по собственной винѣ, жилъ во враждѣ съ большинствомъ римскихъ врачей. Этимъ объясняется то обстоятельство, что философы раньше обратили на него вниманіе, чѣмъ врачи. Громкая слава Галена въ позднѣйшій императорскій періодъ доказывается тѣмъ, что произведенія шестаго и седьмаго вѣка большею частью наполнены извлеченіями изъ его сочиненій, а нѣкоторыя изъ послѣднихъ ужъ очень рано были переведены на латинскій языкъ. Самое большое вліяніе на распространеніе сочиненій и ученій Галена имѣли изгнанные изъ Византіи въ Персію врачи, принадлежавшіе къ сектѣ несторіанцевъ; имъ Галенъ долженъ былъ быть симпатиченъ по своей телеологической точкѣ зрѣнія и нерѣдко почти христіанской набожности. Чрезъ посредство этихъ врачей онъ сталъ извѣстенъ арабамъ, которые также высоко цѣнили оригинальность его взглядовъ. Многочисленныя сочиненія арабскихъ врачей, составленныя въ духѣ Галенова ученія, и ихъ латинскіе переводы доставили его системѣ тысячелѣтнее господство на востокѣ и на западѣ.

Греческіе и римскіе врачи 3-го и 4-го вѣка.

40. Медицинская литература III и IV столѣтій можетъ указать только немногихъ самостоятельныхъ писателей. Это отчасти происходитъ оттого, что многія сочиненія, принадлежащія къ этому періоду, очень рано затерялись. Существенная причина такого забвенія зависитъ отъ все большаго и большаго упадка научнаго развитія. Раньше и сильнѣе всего этотъ упадокъ обнаружился на западѣ. Здѣсь исполнилось пророчество Катона: чуждая природѣ римскаго народа греческая культура послужила только къ ускоренію тѣлесной и нравственной его гибели.

Изъ врачей, жившихъ вскорѣ послѣ Галена, слѣдуетъ прежде всего назвать Александра Афродизійскаго, въ Каріи. Онъ былъ авторомъ много разъ переводившагося въ

XV и XVI вѣкахъ сочиненія *О лихорадкѣ* (греко-лат. пер. Passow'а Бреславль. 1822. 4).

Наибольшій интересъ представляютъ нѣкоторые, принадлежащіе этому періоду хирурги, изъ сочиненій которыхъ сохранились отрывки въ Собраніи Орибазія.* Леонидъ (около 200 л. послѣ Р. Х.), Геліодоръ при Траянѣ и знаменитѣйшій изъ нихъ Антиллъ (въ концѣ 3-го или началѣ 4-го вѣка). Діэтетическіе и хирургическіе отрывки изъ его сочиненія, касающагося всей медицины, встрѣчаются также у Орибазія.

Послѣ-галеновская медицинская литература римлянъ состоитъ исключительно изъ собраній рецептовъ, и многія изъ нихъ, большею частью въ небрежномъ видѣ, еще и теперь существуютъ; сюда относится книга рецептовъ (въ стихахъ) Квинта Серена Самоника (начало 3-го вѣка): *De medicina praecepta saluberrima*, содержаніе которой большею частью заимствовано у Плинія и Діоскорида. Первой половинѣ 4-го вѣка принадлежитъ незначительное сочиненіе Секста Плацита Папиренсиса *О цѣлебныхъ силахъ животныхъ*.

---

* См. ниже стран. 99.

Вторая книга.

СРЕДНІЕ ВѢКА.

Медицина у византійцевъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Вліяніе христіанства на медицину. Ново-платонизмъ. Алхимія. Астрологія.

41. Въ хронологическомъ смыслѣ исторія византійской имперіи составляетъ отдѣлъ среднихъ вѣковъ; въ культурно-историческомъ отношеніи она—связующее звено между древнимъ и новымъ міромъ,—язычествомъ и христіанствомъ. Народы германскаго племени были избраны для проведенія и развитія идей этого новаго времени. Ихъ грубая сила разбила колоссъ всеміpнаго римскаго господства. Тысячу лѣтъ спустя, нѣмецкій монахъ сломилъ еще болѣе тяжелое иго римской іерархіи. Дивно—могучее вліяніе христіанства—сначала мало замѣтное—произвело такой переворотъ въ жизни и стремленіяхъ человѣчества, который нѣтъ возможности передать словами. Всѣ думы и помыслы должны были теперь обратиться къ сверхчувственному представленію о томъ, что земная жизнь есть только приготовленіе къ небу. Религія, видящая задачу человѣка въ достиженіи блаженства помощью вѣры, мало цѣнитъ земную мудрость; мало того, она, эта мудрость, считается даже грѣховной, достойной осужденія, если она противорѣчитъ ученіямъ церкви. Вліяніе церковной власти имѣло особенное значеніе для естествен-

ныхъ наукъ: даже самое ревностное занятіе послѣдними имѣло основною цѣлью—показать всемогущество и мудрость Создателя. Особенно ясно должны были видѣть противорѣчіе между старымъ и новымъ врачи, воспринявшіе новое ученіе. Цѣль ихъ дѣятельности—христіанскаго характера; наука приковываетъ ихъ къ язычеству.

Однако жъ, и въ ученыхъ и въ учрежденіяхъ для пріобрѣтенія знаній—школахъ и библіотекахъ—не было недостатка, особенно въ первыя столѣтія среднихъ вѣковъ, когда античныя воззрѣнія продолжали еще оказывать вліяніе. Нѣкоторые духовные ордена прославились даже тѣмъ, что считали одной изъ своихъ главныхъ задачъ содѣйствіе занятію науками.

Для исторіи медицины изъ разнообразныхъ вліяній христіанства преимущественно нужно обратить вниманіе на два: преобразованіе философіи и основаніе многочисленныхъ учрежденій милосердія.

Однимъ изъ важнѣйшихъ пріютовъ для развитія философіи въ обширнѣйшемъ смыслѣ сдѣлалась вторая александрійская школа, въ которой изъ смѣшенія языческихъ, восточныхъ, іудейскихъ и христіанскихъ началъ—возникъ „неоплатонизмъ",—мать магіи, астрологіи и алхиміи. Вотъ какъ велики были окольные пути, по которымъ человѣчество блуждало въ теченіе многихъ вѣковъ,—пока не зародились естественныя науки новѣйшаго времени: физика, астрономія и химія.

Начало тайныхъ наукъ исходитъ изъ древнѣйшаго періода исторіи, именно отъ халдеевъ, которые передали ихъ египтянамъ, персамъ, и отсюда онѣ проникли въ Грецію и Италію. Особенно плодотворную почву тайныя науки нашли у римлянъ. Строгость, съ которой многіе, именно христіанскіе императоры преслѣдовали магію, не могла ее искоренить; древнее суевѣріе, принявши христіанскія формы, сохранилось въ продолженіе среднихъ вѣковъ и отчасти вплоть до новѣйшаго времени. . . . .
. . . .*

* Выпущенная часть подлинника не измѣняетъ смысла. Ред.

Основателемъ нео-платонизма считается Аммоній (конецъ 2-го вѣка). Уже его ученикъ Плотинъ объявляетъ конечной цѣлью философіи соединеніе человѣческихъ и божественныхъ знаній, а средствомъ для этого—погруженіе во внутреннее созерцаніе Бога.* Въ близкихъ отношеніяхъ къ неоплатонизму стоитъ каббала (т. е. „устное преданіе") іудеевъ, развивавшаяся со времени вавилонскаго плѣненія изъ мистической мудрости востока.

Неоплатоническое ученіе о первоначальномъ единствѣ созданія необходимо привело къ вѣрѣ въ способность матеріи принимать различнѣйшія формы, а отсюда уже возникла вѣра въ возможность превращенія неблагородныхъ металловъ въ золото. Изъ всѣхъ отраслей тайной науки алхимія держалась дольше всѣхъ. Къ приготовленію золота она не привела, но создала нѣчто болѣе цѣнное: науку, химію.

Родина алхиміи, вѣроятно, Египетъ. Отсюда она—во времена имперіи—проникла въ Римъ, гдѣ нашла противника въ лицѣ Діоклетіана, который велѣлъ сжечь всѣ сочиненія алхимиковъ.

Ученіе о всеединствѣ созданія послужило также источникомъ астрологіи, т. е. вѣры въ тайную связь между звѣздами и землей вообще и жизнью человѣка въ частности, въ благопріятное и неблагопріятное вліяніе созвѣздій на тѣлесныя и духовныя свойства, дальнѣйшую судьбу человѣка и т. д.

> Астрологія такъ-же, какъ и родственная ей по существу алхимія имѣли совершенно правильную форму наукъ. Что касается до смѣшенія алхиміи съ искусствомъ дѣлать золото, то, по мнѣнію Либиха, это искусство есть только одичавшая химія, также какъ составленіе гороскоповъ есть одичавшая астрологія.... Научная форма

---

* **Новоплатонизмъ, представляя собой смѣсь древней философіи съ мечтательною мистикой востока, служитъ весьма яснымъ выраженіемъ антиматеріалистическаго направленія въ философіи, и въ этомъ отношеніи онъ является, какъ и нѣкоторыя другія философскія системы того времени, естественной реакціей противъ господства до-христіанскаго матеріализма.** **Ред.**

алхиміи, также какъ и астрологіи, говоритъ Ланге, основана на послѣдовательномъ проведеніи извѣстныхъ простыхъ, но способныхъ къ величайшимъ разнообразіямъ комбинацій, основныхъ положеній о природѣ всѣхъ тѣлъ и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ.

Призрѣніе бѣдныхъ и больныхъ у христіанъ.

42. Гораздо отраднѣе результаты, вызванные христіанствомъ къ жизни въ области дѣятельной любви къ ближнему: основаніе многочисленныхъ учрежденій для всякаго рода нуждающихся въ помощи, сиротъ, бѣдныхъ и больныхъ. Правильно организованнаго попеченія о бѣдныхъ и больныхъ (за исключеніемъ Индіи, гдѣ послѣдователи буддизма ужъ очень рано основали учрежденія для пріюта больныхъ людей* и животныхъ), не встрѣчается ни у одного народа до-христіанской древности. Конечно,—въ очевидныхъ несчастныхъ случаяхъ самый институтъ рабства обезпечивалъ надежную помощь. Далѣе, какъ у Грековъ, такъ и у Римлянъ публичные врачи заботились о бѣдныхъ больныхъ гражданахъ. Но даже исключительно назначенныя для больныхъ рабовъ „valetudinaria" римлянъ имѣли въ основѣ своей только матеріальный интересъ рабовладѣльцевъ. Точно также установленіе, согласно которому заболѣвшія весталки были ввѣряемы за предѣлами храма попеченію матронъ и пользуемы особыми врачами, не имѣетъ, очевидно, ничего общаго съ госпитальнымъ уходомъ. Неоспоримѣе всего доказывается отсутствіе больницъ въ дохристіанское время тѣмъ изумленіемъ, которое язычники испытывали при взглядѣ на первыя учрежденія этого рода.

* Эти учрежденія, гдѣ больные получали совѣтъ, а иногда и лѣкарства, можно считать зародышами поликлиникъ. На островѣ Цейлонѣ, въ V столѣтіи до Р. Х., мы встрѣчаемъ совершенно благоустроенный госпиталь. Король Budhadaso, жившій въ IV в. по Р. Х., строилъ больницы даже въ деревняхъ. Въ Кашмирѣ существовали госпитали въ 1-мъ вѣкѣ по Р. Х. Ред.

Какъ сильно чувствовалось вліяніе христіанскаго попеченія о бѣдныхъ, показываетъ тотъ замѣчательный фактъ, что Юліанъ „отступникъ", при своей попыткѣ вытѣснить христіанство посредствомъ философіи эллинской государственной религіи, въ этомъ пунктѣ открыто призналъ преимущество христіанства предъ древней религіей. Поэтому, для соревнованія съ христіанами, онъ приказалъ основать въ каждомъ городѣ Ксенодохіи, въ которыхъ иностранцы, безъ различія вѣрованія, могли найти убѣжище...

Такъ-же рѣдко, какъ въ Греціи и Римѣ, встрѣчаются госпитали у евреевъ. Основанныя магометанами учрежденія этого рода являются простымъ подражаніемъ христіанскимъ, отчасти, можетъ быть, буддійскимъ образцамъ.

Уже первыя христіанскія общины считали попеченіе о бѣдныхъ и больныхъ—одной изъ своихъ священнѣйшихъ обязанностей. Пока нужно было бороться съ бѣдностью и преслѣдованіями, учрежденія, служившія сказанной цѣли, были ограничены небольшимъ числомъ. Но когда христіанство достигло власти и вступило во владѣніе сокровищами, принадлежащими языческимъ храмамъ, вездѣ появились такія многочисленныя и обширныя учрежденія для поддержанія всякаго рода „труждающихся и обремененныхъ", какія послѣ и не встрѣчались.

Въ старѣйшихъ христіанскихъ общинахъ всѣ члены, преимущественно женщины, и между послѣдними помощницы діаконовъ, — діакониссы, посвящали себя любви къ ближнему. Позднѣе, многочисленные мужскіе и женскіе ордена избрали попеченіе о безпомощныхъ и больныхъ задачей своей жизни; въ еще большемъ числѣ съ этой цѣлью образовывались свѣтскія братства. Прежде всего появились, кромѣ „инфирмарій", содержавшихся въ монастыряхъ для членовъ ордена, болѣе или менѣе обширныя учрежденія для бѣдныхъ и больныхъ во всѣхъ епископствахъ. Старѣйшее изъ нихъ было устроено св. Василіемъ около 370 г. въ Цезареѣ, въ Каппадокіи. Оно заключало гостинницы для чужестранцевъ, убѣжища для падшихъ дѣвушекъ и настоящія больницы съ вра-

чами, кураторами и т. д.—Очень рано возникли въ малолюдныхъ мѣстахъ, на рѣчныхъ переправахъ, на дорогахъ, ведущихъ къ святымъ мѣстамъ, особенно къ Іерусалиму и Риму, гостинницы, которыя въ Альпахъ существуютъ и въ настоящее время. Нѣкоторыя изъ нихъ держали особую прислугу („Parabolani“), обязанность которой заключалась въ отыскиваніи нуждающихся въ помощи и доставленіи ихъ подъ гостепріимный кровъ. Старѣйшей больницей на западѣ была основанная въ Римѣ* около 400 года—Фабіолой. Изъ позднѣйшихъ госпиталей востока знаменитѣйшимъ былъ устроенный императоромъ Алексѣемъ I-мъ въ Константинополѣ „Orphanotropheum“, вмѣщавшій до десяти тысячъ нуждающихся въ помощи всякаго рода; въ уходѣ за страдальцами принимали участіе знатнѣйшія особы, наприм., дочь Алексѣя, Анна Комнена и императоръ Эммануилъ Комненъ.

По словамъ св. Іеронима, Фабіола сама ухаживала за своими больными, перевязывала такія раны, „на которыя другіе не могли глядѣть.“ Императрица Плацилла Августа исполняла въ госпиталѣ обязанности простой служанки.

Особыя заботы посвящались охраненію многочисленныхъ подкинутыхъ дѣтей; но настоящіе дѣтскіе пріюты основаны лишь въ IV вѣкѣ.

Медицинская литература византійскаго періода.

43. Внѣшняя исторія византійскаго государства представляетъ почти безпрерывную борьбу противъ вторгающихся варваровъ; внутренняя—состоитъ въ разложеніи и исчезаніи античной жизни подъ вліяніемъ христіанства. Напрасно Юліанъ-Отступникъ снова старался оживить умершую культуру,—при его пріемникахъ она тѣмъ быстрѣе устремилась на встрѣчу своей гибели. Въ 529 г. Юстиніанъ закрылъ афинскую школу. Сто лѣтъ спустя (640 г.), съ завоеваніемъ Александріи Омаромъ, палъ послѣдній оплотъ эллинизма.

* См. ниже § 88.

Еще болѣе печальныя послѣдствія имѣлъ періодъ преслѣдованія еретиковъ и иконоборцевъ; только въ послѣднія столѣтія рядъ способныхъ правителей могъ до нѣкоторой степени задержать окончательную гибель духовной жизни. Когда 29 мая 1453 г. византійская имперія пала подъ ударами турокъ, на западѣ давно уже взошла новая заря. Послѣдніе побѣги греческой жизни совпадаютъ со временемъ основанія первыхъ нѣмецкихъ университетовъ: въ Прагѣ, Вѣнѣ и Гейдельбергѣ; они одновременны тому изобрѣтенію нѣмцевъ, съ помощью котораго древнее великолѣпіе было вызвано къ новой жизни. Говоримъ объ изобрѣтеніи книгопечатанія.

44. Число дошедшихъ до насъ медицинскихъ сочиненій византійскаго періода весьма почтенно; но даже лучшія изъ нихъ мало могутъ претендовать на самостоятельность. Большинство изъ нихъ представляютъ сборники извлеченій изъ сочиненій прежнихъ врачей; немаловажное значеніе ихъ заключается, однакожъ, въ томъ, что они въ извѣстной степени замѣняютъ потерянные подлинники.

Самый ранній, объемистый и важнѣйшій изъ этихъ сборниковъ, т. наз. Συναγωγαὶ ἰατρικαί, составленъ былъ по повелѣнію Юліана Отступника его лейбъ-медикомъ Орибазіемъ изъ Пергама (326—403). Этотъ сборникъ содержитъ въ 70 книгахъ извлеченія изъ Гиппократа, Эразистрата, Діоскорида, Галена, особенно изъ сочиненій позднѣйшихъ греческихъ врачей, а болѣе всего знаменитѣйшихъ хирурговъ древности: Антилла, Архигена, Геліодора, Геродота, Филагрія, Леонида и т. д., имена которыхъ безъ этого сборника не были бы даже извѣстны. Кромѣ того существуетъ еще составленное тоже Орибазіемъ извлеченіе изъ этого сборника—*Synopsis*, состоящее изъ девяти книгъ. (Полнѣйшее изданіе: Bussemaker и Daremberg. Парижъ 1851—78. 8. 6. voll).

Извѣстными византійскими врачами V вѣка считаются Hesychius изъ Дамаска и его сынъ Jacobus прозванный Psychrestus, (вслѣдствіе его пристрастія къ нераздражающей и водянистой діэтѣ), „comes archiatrorum", жившій при Львѣ Ѳракійскомъ, Асклепіадотъ изъ Александріи, Палладій и Северъ.

Второй дошедшій до насъ сборникъ, подобный собранію Орибазія, принадлежитъ А э ц і ю изъ Амиды, въ Сиріи, жившему, вѣроятно, во время Юстиніана при византійскомъ дворѣ. (Греч. Venet. 1534 f. Только первыя 8 книгъ. Девятая: Venet. 1816. 8. Полн. изд. на латинскомъ: Basil. 1533—35 f.).

Встрѣчающіеся у Rhazes'a отрывки изъ объемистыхъ *Пандектовъ* александрійскаго пресвитера А а р о н а (V столѣтіе) замѣчательны по находящемуся въ нихъ описанію пузырчатыхъ и петехіальныхъ пораженій кожи. Однимъ изъ знаменитѣйшихъ врачей VI вѣка является А л е к с а н д р ъ Т р а л л е с с к і й изъ Лидіи (525—605), врачъ въ Римѣ. Вполнѣ дошедшее до насъ произведеніе по патологіи, составленное имъ на закатѣ жизни, основано на лучшихъ работахъ его предшественниковъ и богатой собственной опытности. Выдающимися достоинствами отличаются отдѣлы по психіатріи, о которыхъ рѣчь ниже. (Новѣйшее изданіе: греко-нѣмецкое Puschmann'a. Вѣна 1879. 8. 2 т.).

Въ первой половинѣ VII вѣка жилъ также и T h e o p h i l u s (онъ же P h i l o t h e u s), имѣвшій непонятное придворное званіе „protospatharius“ (начальникъ гвардіи).

Славнѣйшій изъ византійскихъ врачей VII вѣка—П а в е л ъ Эгинскій. Дошедшее до насъ произведеніе его, состоящее изъ 7 книгъ: Ὑπόμνημα (*Книга воспоминаній*), можетъ служить связующимъ звеномъ между слишкомъ объемистымъ сборникомъ Орибазія и слишкомъ краткой *Synopsis*. По существу оно также компиляція, но отличается отъ своихъ предшественниковъ, особенно по хирургіи, нѣкоторой самостоятельностью. У арабовъ Павелъ, какъ акушеръ („Alkabaweli“), пользовался очень большимъ уваженіемъ. Отдѣлы, занимающіеся внутренними болѣзнями стоятъ значительно ниже соотвѣтствующихъ отдѣловъ у Александра Траллесскаго, но заключаютъ также не мало интереснаго. (На греческомъ: Venet. 1528. f.—Лучшій латинскій переводъ: Basil. 1556 f.—По англійски: F r. A d a m s'a, Лондонъ. 1845—47. 8. 3 voll.—6-ая книга на греческо-французскомъ: R é n é B r i a u. Парижъ. 1825. 8.).

Въ VIII вѣкѣ, въ періодѣ паденія духовной жизни, изъ

медицинской литературы византійцевъ можно указать только на незначительное произведеніе фригійскаго монаха Мелетія *О природѣ человѣка* и на такую же скудную *Synopsis* ятрософиста Льва.—Къ естествознанію и медицинѣ относятся также и нѣкоторые отдѣлы большой *Bibliotheca* или *Myriobiblion*, компилятивной энциклопедіи наукъ, ученаго константинопольскаго патріарха Фотія (Photius), извѣстнаго также по участію, какое онъ принималъ въ политическихъ и церковныхъ дѣлахъ своего времени.

Въ X вѣкѣ Theophanes Nonnus по повелѣнію императора Константина Порфиророднаго составилъ (въ иныхъ мѣстахъ безсмысленное) извлеченіе изъ всей медицины, въ которомъ преобладаетъ ученіе о лѣкарственныхъ веществахъ.

На XI вѣкъ приходится большая энциклопедія Михаила Пселла, который кромѣ того написалъ сочиненія *О діэтѣ*, *О цѣлебныхъ силахъ камней*, *О ваннѣ* и т. д.

Какъ низко пали греки, доказываетъ сочиненіе Симона Сета (Seth), заключающее въ себѣ одинъ лишь алфавитный указатель греческихъ, арабскихъ и индійскихъ медикаментовъ, составленный, правда, со знаніемъ дѣла.—Около конца XI вѣка Niketas—врачъ, жившій при византійскомъ дворѣ, составилъ собраніе хирургическихъ произведеній, заимствованныхъ изъ сочиненій прежнихъ врачей. Часть этого сборника, заключающая извлеченія изъ Сорана и Орибазія, напечатана. (Florent. 1754 f.).

Въ сочиненіяхъ, написанныхъ въ царствованіе Палеологовъ, покровителей наукъ, Деметріемъ Пепагоменомъ, лейбъ-медикомъ императора Михаила, *Объ уходѣ за охотничьими соколами* и *О подагрѣ*, замѣтно, по крайней мѣрѣ, стремленіе къ самостоятельности. Въ безсмысленной рецептурной книжкѣ—*Dynameron*—Николая Мирепса, лейбъ медика императора Іоанна Дука Ватаца, наоборотъ, ясно замѣтно уже вліяніе арабовъ. Конецъ медицинской литературы византійцевъ представляютъ сочиненія архіатра Іоанна (около 1300 г.), имѣвшаго придворное званіе актуарія. Они отличаются чистымъ слогомъ и самостоятельностью: *Методы лѣченія*; *О мочѣ*, а особенно *О нормальной и ненормальной дѣя-*

тельности души. (*Methodi medendi* libri VI. Venet. 1554. 4— *Opera* (lat.) Paris 1556. 8)

Изъ многихъ популярно-медицинскихъ сочиненій византійскаго періода, представляющихъ преимущественно культурно исторический интересъ, заслуживаютъ вниманія произведенія Немезія, епископа Эмезскаго въ Сиріи (конецъ IV вѣка) *О природѣ человѣка* (изд. Matthei; Галле 1802. 8) и неправильно приписываемыя Асклепіаду изъ Виѳиніи, а принадлежащія не раньше какъ VII вѣку—*Правила здоровья* (ὑγιεινὰ παραγγέλματα) (греко-латинскій и нѣмецкій метрическій переводъ Welz'а; Вюрцб 1841. 8), далѣе, *Дорожная книга* (*Ephodes*), изъ XI вѣка, которая обыкновенно считается переводомъ съ арабскаго подлинника — грека Синезія. Единственный интересъ этого сочиненія, изъ котораго напечатана только первая книга, состоитъ въ описаніи остросыпной лихорадки (Synesius, *De febribus*; graece et lat. ed. J. St. Bernard. Amstelod. et Lugd. Bat. 1749. 8.).

Обзоръ практическихъ успѣховъ древней медицины и медицины византійскаго періода.

Діэтетика. Этіологія. Діагностика.

45. Наиболѣе совершенную часть древней медицины безспорно составляетъ діэтетика. Главная заслуга въ этомъ отношеніи принадлежитъ грекамъ, воспитаніе которыхъ осуществляло задачу равномѣрнаго развитія тѣла и духа въ такой степени, какая послѣ уже никогда не была достигнута. Тѣлесныя упражненія для мальчиковъ, юношей, дѣвушекъ и женщинъ, соединенныя съ пѣніемъ и декламаціей, представляли въ древности не только прекрасный способъ для сохраненія тѣлеснаго и душевнаго здоровья, но и считались важнѣйшимъ цѣлебнымъ средствомъ при всякаго рода хроническихъ болѣзняхъ.

Изъ діэтетическихъ средствъ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ

заслуживаетъ преимущественнаго вниманія употребленіе вина.* Благородный огненный виноградный сокъ Малой Азіи, Греціи и Италіи замѣнялъ вполнѣ введенныя лишь впослѣдствіи арабами лѣкарственныя возбуждающія средства: пряности, камфору, мускусъ и т. д.

Уже древнѣйшіе народы, наприм., египтяне, придавали большое значеніе ваннамъ Въ Индіи съ древнѣйшихъ временъ и понынѣ онѣ составляютъ существенную часть религіознаго культа. У грековъ многочисленные термы ихъ родной страны находили обширное примѣненіе. Онѣ представляли главное основаніе терапіи у методиковъ. Лѣченіе холодной водой никогда не стояло въ большемъ почетѣ, чѣмъ въ послѣдніе дни римской республики. Далѣе, всѣмъ извѣстны великолѣпныя бани, которыя во времена императоровъ находились въ главномъ городѣ и во всѣхъ провинціяхъ римской имперіи. Морскія купанья, напр. Bajae, (вблизи которой еще и теперь находятся натуральныя паровыя бани), Сорренто, Салерно—развились въ мѣста утонченной роскоши. Точно также распространено было пользованіе естественными термами въ Малой Азіи, Греціи, Италіи, Германіи (Аахенъ, Баденъ-Баденъ и т. д.) и Англіи (Батъ). Но какъ естественные, такъ и искуственные термы погибли во время великаго переселенія народовъ.

Въ совершенствѣ разработывается древними врачами э т і о л о г і я. Уже одно изъ цѣннѣйшихъ сочиненій Гиппократовскаго сборника говоритъ о вліяніи климата, погоды, воды и географическаго положенія.

О тщательности и осмотрительности, съ которой гиппократики уже относились къ д і а г н о с т и к ѣ, о той уди-

---

* Указаніе на употребленіе вина въ качествѣ лѣкарства мы встрѣчаемъ въ посл. апост. П а в л а къ Тимоѳею (V, 23):... „Впредь пей не одну воду, но употребляй немного вина, ради желудка твоего и частыхъ твоихъ недуговъ.“ —

Суровый Катонъ, добродѣтель котораго, по словамъ Горація, не рѣдко разгоралась въ чистомъ винѣ, прибавлялъ вино ко всевозможнымъ лѣкарствамъ. Ред.

вительной тонкости, которой при этомъ достигли ихъ зрѣніе и осязаніе, мы уже говорили.* Упоминалось также о томъ, что имъ извѣстно было употребленіе влагалищнаго и ректальнаго зеркалъ, перкуссія живота, можетъ быть также и груди, начальныя основанія аускультаціи, которыя, однакожъ, очень скоро были забыты.

Хирургія.

46. Важнымъ источникомъ для знакомства съ древней хирургіей служатъ прежде всего собранія античныхъ хирургическихъ инструментовъ. Богатѣйшее изъ нихъ находится въ Неаполѣ и содержитъ около 300 различныхъ предметовъ, найденныхъ въ Помпеѣ; число отдѣльныхъ видовъ доходитъ до 60: иголки, полые зонды, прямые, искривленные и зубчатые щипцы, катетеры, specula vaginae, пинцеты, прижигатели, бистури, ланцеты, ножницы и т. д. Большинство инструментовъ приготовлено изъ бронзы, нѣкоторые рѣжущіе сдѣланы изъ желѣза.

Кровоизвлеченіе древніе производили посредствомъ венесекціи, артеріотоміи (на temporalis superficialis), банокъ и (въ болѣе позднее время) піявокъ. Кровотеченіе останавливалось холодной водой, вяжущими (styptika), каленымъ желѣзомъ, лигатурой и скручиваніемъ (torsio). О двухъ послѣднихъ способахъ у гиппократиковъ совершенно не упоминается. Перевязкой, вѣроятно, пользовались уже и александрійцы, такъ какъ Цельсъ говоритъ о ней, какъ объ извѣстномъ предметѣ. Что она у позднѣйшихъ врачей мало упоминается, происходитъ отчасти отъ того, что лишь немногія дѣянія хирургическихъ писателей древности дошли до насъ; въ особенности же это зависитъ оттого, что древніе при описаніи своихъ операцій считали излишнимъ напоминаніе о перевязкѣ кровоточащихъ сосудовъ,—такъ-же, какъ и современные хирурги. Что лигатура была общеупотребительна, вытекаетъ изъ одного мѣста соч. Павла Эгинскаго, который при описаніи радикальной операціи пупочной грыжи

* См. выше стр. 30.

прямо говоритъ, что при удаленіи части сальника, лежащей въ грыжевомъ мѣшкѣ, сосуды „ὡς εἰκὸς“ („какъ само собою разумѣется“) должны быть перевязаны. Ясно также говорятъ о лигатурѣ Антиллъ и другіе—при операціи аневризмъ. Галенъ называетъ даже лавку въ Римѣ, гдѣ можно достать хорошія лигатуры. Точно также не подлежитъ сомнѣнію, что хирурги временъ имперіи примѣняли закручиваніе Геліодоръ говоритъ, при описаніи радикальной операціи грыжъ, что большіе сосуды должны быть перевязаны, малые же—захвачены (острыми) крючками и нѣсколько разъ (πολλάκις) закручены (περιστρέφειν). Однако, кажется, и торсія скоро была позабыта.

Поразительно ничтожны успѣхи, достигнутые ученіемъ о переломахъ и вывихахъ за болѣе чѣмъ тысячелѣтній періодъ, прошедшій между Гиппократомъ и Павломъ Эгинскимъ. Простые, но цѣлесообразные аппараты гиппократиковъ для вправленія александрійскими врачами были, конечно, многократно замѣняемы болѣе сложными приспособленіями.

Между кровавыми операціями—одной изъ самыхъ частыхъ была уже высоко развитая гиппократиками трепанація. Мастерское описаніе послѣдней даетъ Геліодоръ. Примѣнявшійся Гиппократомъ трепанъ съ вѣнчикомъ ужъ болѣе не употреблялся. За то при Галенѣ изобрѣтенъ былъ ἀβάπτιστον: перфоририрующій трепанъ съ выступомъ, чтобы препятствовать слишкомъ глубокому „погруженію“ инструмента.

Введенная Асклепіадомъ трахеотомія („bronchotomia“, „pharyngotomia“) не оправдала, какъ говоритъ Аретей, возложенныхъ на нее надеждъ. Павелъ, описывающій тщательно эту операцію, ограничиваетъ ее случаями, гдѣ угрожаетъ задушеніе, при чемъ болѣе глубокія части воздушныхъ путей свободнѣе отъ болѣзненныхъ измѣненій. О вложеніи канюли, упоминаемой другими, онъ не говоритъ.

Операція эмпіемы, такъ часто описываемая гиппократиками, въ позднѣйшее время предпринималась гораздо рѣже. Геліодоръ предписываетъ выпускать эксудатъ съ промежутками въ 2—3 дня. Павелъ рекомендуетъ вмѣсто вскры-

ванія грудной клѣтки ножомъ поверхностное примѣненіе каленаго желѣза на грудной стѣнкѣ.

Весьма неудовлетворительное ученіе гиппократиковъ о грыжахъ—у Цельса является уже въ существенныхъ чертахъ въ той формѣ, въ какой оно представляется хирургамъ временъ императоровъ. Послѣдніе различаютъ грыжи, происходящія отъ удлинненія брюшины и грыжи вслѣдствіе разрыва ея. Участіе мускуловъ принимается во вниманіе только Галеномъ. О расширеніи выходного отверстія никто изъ древнихъ врачей не говоритъ; точно также не упоминается и объ ущемленіи. Главнымъ осложненіемъ грыжъ считается „зарощеніе". У дѣтей примѣняются почти исключительно бандажи. Радикальное леченіе предпринимается только при грыжахъ, происшедшихъ отъ „удлинненія" брюшины. Цѣль этой операціи состоитъ въ удаленіи лишнихъ частей кожи и брюшины и въ плотномъ замыканіи грыжеваго отверстія. При пупочныхъ грыжахъ удаляется только удлинненная кожа чрезъ отщепленіе особымъ зажимомъ, или перевязкой помощью круговаго или перекрестнаго наложенія нитокъ (Цельсъ), или ножемъ съ послѣдующимъ кровавымъ швомъ (Павелъ). Совершенно аналогичны пріемы при остальныхъ грыжахъ, съ той разницей, что въ этихъ случаяхъ операціоннымъ объектомъ служитъ не кожа, а брюшина. Радикальная операція мошоночныхъ грыжъ описывается Геліодоромъ такъ тщательно, что по его указанію начинающій, имѣя лишь необходимыя анатомическія свѣдѣнія, былъ бы въ состояніи выполнить эту операцію. Удалялъ ли онъ яичко заболѣвшей стороны,—остается неизвѣстнымъ, вслѣдствіе пробѣла въ его описаніи. Павелъ всегда примѣняетъ кастрацію и прибавляетъ, что нѣкоторые врачи употребляютъ при этомъ каленое желѣзо. У дѣтей для предупрежденія воспалительныхъ явленій онъ предписываетъ родъ постоянной водяной ванны: въ теченіе семи дней теплыя ванны, повторяемыя по 5 разъ каждый день.

Камнесѣченіе въ гиппократовскомъ періодѣ производилось спеціалистами, въ Александріи же и выдающимися хирургами, напр., Аммоніемъ „Литотомомъ" и Meges'омъ. Что въ византійскомъ періодѣ производилась и

литотрипсія, вытекаетъ изъ неизвѣстно кѣмъ написанной біографіи св. Θеофана; ему „вводили въ пузырь (чрезъ естественные пути) инструменты, которыми раздробили лежавшіе въ послѣднемъ камни и извлекли ихъ наружу."

О болѣзняхъ половыхъ органовъ: гермафродитизмъ, гипо—и эписпадія (частичная ампутація penis), фимозъ и т. д., scrotum pendulum, hydrocele (разрѣзъ tunicae vaginalis communis, каленое желѣзо), кисты яичка, sarcocele (кастрація), cirsocele (двойная перевязка и экстирпація больныхъ венъ), гипертрофія клитора (срѣзываніе), маточные полипы и т. д. мы находимъ подробнѣйшія данныя у Павла. Безъ сомнѣнія, нѣкоторыя замѣчанія о болѣзняхъ половыхъ органовъ у Орибазія и Павла относятся къ сифилису, хотя о его происхожденіи нигдѣ нѣтъ рѣчи.—Антиллъ описываетъ θύμοι и κονδυλώματα. Первыя распадаются на доброкачественныя и злокачественныя; подъ кондиломами надо, вѣроятно, разумѣть однѣ лишь широкія. Обѣ формы должны быть удаляемы ножемъ (вырѣзываніемъ) и поверхность разрѣза присыпается порошкомъ изъ чернильныхъ орѣшковъ или квасцовъ. Къ послѣдствіямъ указанныхъ страданій относится также съуженіе влагалища, при изслѣдованіи котораго примѣняется влагалищное зеркало (διόπτηρ). Фимозъ Антиллъ устраняетъ разщепленіемъ слизистой оболочки. При ссадинахъ на крайней плоти, сращеніи послѣдней съ praeputium и омертвѣніи этого послѣдняго примѣняется обрѣзаніе. Только въ этомъ мѣстѣ говорится о причиняющей гангрену αἰδοική διάθεσις. Стриктуры мочеваго канала Геліодоръ оперировалъ тонкимъ, на небольшомъ протяженіи отъ верхушки обоюдоострымъ инструментомъ, и послѣдовательно вводилъ бужи изъ бумаги и металлическіе зонды.—Объ инфибуляціи говорится, какъ о частой операціи.

Геморроидальные узлы Леонидъ устраняетъ чѣмъ-то въ родѣ экразера, съ послѣдующимъ разрѣзомъ; другіе — каленымъ желѣзомъ и прижигающими веществами. При фистулахъ прямой кишки Леонидъ для діагноза употребляетъ speculum ani и пуговчатый свинцовый ножъ. Полныя фистулы прямой кишки, кишечно-пузырныя фистулы, свищи, откры-

вающіеся вблизи тазобедреннаго сустава, или оканчивающіеся въ кости, считаются Павломъ неизлѣчимыми. Фистулы верхней челюсти и неба (вѣроятно, отчасти сифилитическаго происхожденія) прижигаются посредствомъ описанной уже Гиппократомъ деревянной гильзы.

47. Объ экстирпаціи большихъ опухолей, лежащихъ вблизи большихъ сосудовъ, не говорится ни у Гиппократа, ни у Цельса, за исключеніемъ упоминаемыхъ послѣднимъ операцій надъ struma cystoides (разрѣзъ, вылущеніе, caustica). Наоборотъ, позднѣйшіе авторы, напр., Леонидъ, говорятъ объ экстирпаціи опухшихъ шейныхъ желѣзъ (χοίραδες). Антиллъ совѣтуетъ при этомъ перевязать сосуды до разрѣза въ двухъ мѣстахъ [выше и ниже]; Павелъ устраняетъ богатыя сосудами опухоли отщемленіемъ ихъ у основанія. Несомнѣнныя раковыя опухоли, особенно матки, считались, начиная съ Цельса, какъ noli me tangere.

У гиппократиковъ нѣтъ указаній на аневризмы; Цельсъ говоритъ только объ экстирпаціи варикозныхъ расширеній венъ Главнымъ основателемъ ученія объ аневризмахъ и ихъ лѣченіи является Антиллъ. Онъ различаетъ аневризмы вслѣдствіе мѣстнаго расширенія отъ аневризмъ вслѣдствіе разрыва артерій и изліянія крови въ окружности [Утверждая, что „глупо отказываться отъ лѣченія всякой аневризмы.... но столько же опасно оперировать каждую аневризму“], онъ ограничиваетъ операцію не очень большими аневризмами на концахъ конечностей и головы (на вискахъ, послѣ артеріотоміи?). При истинныхъ аневризмахъ [т. е. образов. вслѣдствіе расширенія] артерія вполнѣ изолируется, перевязывается въ двухъ мѣстахъ (аневр. находится между 2 лигатурами), вскрывается и опорожняется. Экстирпація больной части отвергается изъ опасенія [кровотеченія отъ] соскальзыванія лигатуръ. Аневризма, происшедшая отъ разрыва, оперируется посредствомъ лигатуры „en masse“, въ остальномъ же поступаютъ, какъ сказано. Позднѣйшіе авторы, напр. Аэцій, ограничиваютъ операцію травматической аневризмой arteriae brachialis.

Самое раннее описаніе ампутаціи послѣ Цельса встрѣчается у Архигена. Истеканіе кровью предупреждается

предварительной перевязкой большихъ сосудовъ или крѣпкимъ перетягиваніемъ членовъ, кровопусканіемъ и холодными обливаніями. Въ остальномъ Архигенъ поступаетъ, какъ Цельсъ. Кровотеченія останавливаются прижиганіемъ каленымъ желѣзомъ, при чемъ нужно заботиться не повредить нервовъ. Намеки на лоскутный разрѣзъ находятся уже у Леонида и Геліодора.

Къ самымъ блестящимъ доказательствамъ осмотрительности и смѣлости хирурговъ временъ имперіи принадлежатъ ихъ указанія къ производству частичной и полной р е з е к ц і и.* Полная резекція распространяется, въ случаѣ надобности, на все плечо (діафизъ), даже на часть акроміальнаго конца лопатки, части scapulae, бедра (за исключеніемъ случаевъ распространенія caries до таза) и нижнюю челюсть, за исключеніемъ сустава. Резекцію горизонтальной вѣтви нижней челюсти они считаютъ легкимъ дѣломъ (εὐθηράπευτα); далѣе, они предпринимютъ наружную частичную резекцію верхней челюсти, заболѣвшей во всю толщу. Они резецируютъ фистулезныя части трахеи, грудной кости и реберъ.

Наконецъ Антиллъ очень ясно описываетъ туманно изложенныя уже Цельсіемъ п л а с т и ч е с к і я о п е р а ц і и, именно колобому верхняго вѣка, лба, ушей, щекъ, крыльевъ носа и ноздрей, помощью перенесенія близь лежащихъ частей кожи. Колобома уха и носа происходила, вѣроятно, отъ ношенія рабами тяжестей въ продыравленныхъ ушахъ и носу, отчасти также отъ отрѣзыванія носа „въ наказаніе за прелюбодѣяніе.“ О примѣненіи кожи со лба для ринопластики (какъ у индусовъ) не говорится. Пластическое пополненіе крайней плоти, которое Антиллъ описываетъ такъ же, какъ Цельсъ, предпринималось, должно быть, преимущественно у евреевъ тогда, когда они желали уклониться отъ налога или получить должность, недоступную еврею.

---

* Все сказанное авторомъ ниже преимущественно относится, судя по указанію Орибазія, къ Антиллу и Геліодору. Ред.

Глазныя болѣзни. Акушерство. Дѣтскія болѣзни.

48. Ученіе о заболѣваніяхъ наружныхъ частей глаза было уже довольно развито ко времени Гиппократа. Противъ, повидимому, очень частыхъ и сильныхъ офталмій врачи, начиная съ древнѣйшихъ временъ до Павла Эгинскаго и еще позже, примѣняли очень энергичныя средства: артеріотомію при хроническихъ воспаленіяхъ глазъ и „болѣзняхъ головокруженія" [vertigo],—„ангіологію", т. е. перерѣзываніе поверхностныхъ височныхъ венъ и hypospathismus,* т. е. перерѣзку сосудовъ, „идущихъ по обѣимъ сторонамъ лба отъ головы къ глазамъ", при острыхъ офталміяхъ; periskyphismus, т. е. разрѣзъ кожи, идущій отъ одного вѣка до другаго и обращенный вложеніемъ корпіи въ родъ фонтанели, при сильнѣйшихъ степеняхъ воспаленія глаза.** У Павла встрѣчается подробнѣйшее описаніе лѣкарственной и хирургической терапіи остальныхъ болѣзней вѣкъ и т. д.: distichiasis, lagophtalmus, ektropium, trichiasis, гидатиды вѣкъ, pterygium, фистулы слезныхъ ходовъ (при которыхъ примѣнялись прободеніе слезной косточки или каленое желѣзо). Галенъ даетъ даже указаніе для косметическаго лѣченія левкомы посредствомъ татуировки роговицы (нагрѣтымъ зондомъ) порошкомъ галлусовыхъ орѣшковъ и мѣдныхъ препаратовъ.

За то очень скудны свѣдѣнія древнихъ о заболѣваніяхъ внутреннихъ частей глаза. Заблужденіе (устраненное лишь въ концѣ XVII вѣка), что катаракта состоитъ въ изліяніи влаги между линзой и радужной оболочкой (ὑπόχυσις, suffusio), держалось главнымъ образомъ потому, что линзу, на передней поверхности которой отражаются внѣшніе предметы, считали мѣстомъ свѣтоощущенія; поэтому-же и глав-

* hypospathister—шпадлеобразный инструментъ. Ред.

** Эти операціи, состоявшія, въ сущности, въ проведеніи 3 продольныхъ разрѣзовъ чрезъ кожу лба и въ прижиганіи висковъ моксами, были рекомендованы Theodotius Severus'омъ—въ концѣ III вѣка. Ред.

кому считали за болѣзнь линзы. „Амаврозомъ“ называлась всякая слѣпота, не обусловленная ясными измѣненіями въ глазу.

Самое раннее описаніе низдавленія и раздробленія катаракты встрѣчается у Цельса. Галенъ обходитъ молчаніемъ операцію катаракты, которая въ его время уже была предоставлена спеціалистамъ. Затѣмъ операція низдавленія описывается у рогатаго скота ветеринаромъ Вегетіемъ Ренатомъ (въ V вѣкѣ). Изъ описанія операціи, представляющаго большой интересъ у Павла, вытекаетъ, что примѣнявшійся у древнихъ методъ—была sklerotikonyxis. Къ операціи извлеченія можно, пожалуй, отнести мѣсто у Плинія, возбуждавшее много толковъ: „squamam in oculis emovendam potius quam extrahendam“. Первое несомнѣнное указаніе на экстракцію встрѣчаемъ у Rhazes'а (X вѣкъ), который, впрочемъ, заимствуетъ ее у неизвѣстнаго врача Latyrion'а и Антилла, но отвергаетъ ее изъ опасенія вытеканія стекловиднаго тѣла. [У Антилла же упоминается о высасываніи катаракты].

Замѣчанія древнихъ о болѣзняхъ слуховаго аппарата ограничиваются, за исключеніемъ описанной Цельсомъ otitis interna, страданіями наружнаго уха.

За то зубоврачебное искусство было уже рано довольно развито. Уже въ 12 таблицахъ упоминается о закрѣпленіи зубовъ золотой проволокой. Полнѣйшія свѣдѣнія объ этомъ предметѣ мы находимъ у Цельса. Павелъ описываетъ только извлеченіе и подпиливаніе слишкомъ длинныхъ зубовъ.

О началахъ акушерства у гиппократиковъ, его успѣхахъ у александрійцевъ, его чрезвычайно высокомъ развитіи у Сорана—уже было говорено.* Гораздо скуднѣе, за исключеніемъ діэтетическихъ правилъ, данныя древнихъ о болѣз-

---

* См. выше стр. 66.

На сколько высока была оперативная часть — видно уже изъ того, что предписанное Нумой Помпиліемъ кесарское сѣченіе на мертвыхъ—производилось и на живыхъ. По словамъ Плинія, Сципіонъ Африканскій этой операціи обязанъ своей жизнью. (Plinius. Hist. natur. VII, 7.). Ред.

нях ъ дѣтей. Сравнительно богаче по содержанію замѣчанія, встрѣчающіяся у Орибазія и Павла. Первый, между прочимъ, упоминаетъ о сыпи, которую можно, пожалуй, отнести къ врожденному сифилису. Совершеннѣе всего описаніе болѣзней, зависящихъ отъ прорѣзыванія зубовъ. Кромѣ того описываются экламисія, кашель, запоръ, поносы, афты, дифтеритъ и (у Архигена) „siriasis" (отъ σίρος, яма), т. е. уменьшеніе цереброспинальной жидкости, проявляющееся опусканіемъ родничковъ.

Психіатрія.

49. Все, что у гиппократиковъ достойно вниманія относительно душевныхъ болѣзней, уже было приведено.* Слѣдующія данныя по означенному вопросу мы встрѣчаемъ у Асклепіада, оппозиція котораго Гиппократу даетъ себя знать и въ этой области. На первый планъ ставится психическое лѣченіе, музыка, холодныя ванны, между тѣмъ какъ кровопусканіе и подобныя ему энергическія средства—отвергаются. Большой самостоятельностью отличаются замѣтки объ этомъ предметѣ, встрѣчающіяся у Цельса. Онъ прибавляетъ къ прежде извѣстнымъ формамъ маніи и меланхолію, галлюцинаціи („imaginibus, non mente falluntur"), нелѣпыя идеи („animo desipiunt") и идіотизмъ („moria"). Для лѣченія, Цельсъ считаетъ очень важнымъ индивидуализированіе и психическую терапію.

Но самое драгоцѣнное изъ всего находящагося у древнихъ врачей о душевныхъ болѣзняхъ, сохранилъ Целій Авреліанъ несомнѣнно изъ сочиненій Сорана. Правда, точка зрѣнія методиковъ и здѣсь даетъ себя знать въ раздѣленіи душевныхъ болѣзней на экзальтированныя и угнетенныя состоянія. Въ остальномъ, вѣрныя терапевтическія замѣчанія по согласію своему со взглядами Цельса указываютъ на общій источникъ ихъ происхожденія.

---

* См. выше стр. 39.

Наоборотъ, относящіеся сюда отдѣлы Аретея, вслѣдствіе заимствованнаго у Гиппократа взгляда на соматическое происхожденіе душевныхъ болѣзней, отъ измѣненій „черной желчи", представляютъ рѣшительный шагъ назадъ. Въ терапіи главное значеніе придается медикаментамъ, особенно чемерицѣ; о психическомъ-же лѣченіи вовсе не упоминается.

Что и у Галена въ этой области гуморизмъ находится въ полномъ цвѣту, нечего и говорить. Встрѣчающіяся у византійцевъ, напр. Александра Траллескаго и Павла Эгинскаго, замѣтки по психіатріи не заслуживаютъ вниманія.

Важнѣйшее психическое средство, изоляція больного, древними врачами не упоминается; а очень древнее римское постановленіе, что сумасшедшіе должны охраняться родными, имѣетъ значеніе лишь полицейской мѣры.

„Si furiosus escit, agnatorum gentiliumque in eo pecuniaque ejus potestas esto"—говорится въ XII таблицахъ.

Общественная гигіена.

50. Первоначальныя заботы объ общественномъ здравіи встрѣчаются у всѣхъ народовъ, лишь только они переступили первыя ступени культуры. У египтянъ мудрость жрецовъ возвысила многія правила, касающіяся народнаго здравія, до религіознаго закона. Очень подробныя, вѣроятно египетскаго происхожденія, предписанія о чистотѣ тѣла, пищевыхъ веществахъ, изолированіи прокаженныхъ и т. д. находятся, какъ извѣстно, и въ книгахъ Моисея. У аѳинянъ Солонъ уже обращалъ вниманіе на чистоту колодцевъ, улицъ и помѣщеній. Въ Римѣ первые цари правилами о погребеніи умершихъ обнаружили заботу о здоровьѣ гражданъ. [„Hominem mortuum in urbe ne sepelito, neve urito". Caii Instit]. Сюда же относится надзоръ за жизненными продуктами, бойнями и мясными лавками, за содержаніемъ въ чистотѣ военныхъ кораблей, Тибра, заботы о разведеніи рощъ на берегу, чтобы предохранить городъ отъ міазмъ послѣдняго и т. д. Въ самомъ блестящемъ свѣтѣ предоставляются намъ теперь заботы римлянъ объ устройствѣ (недавно открытой) обширной канали-

заціи и дренированіи города въ глубокой древности [Cloaca maxima —гигантскій подземной стокъ]. Заботы о постройкѣ великолѣпныхъ общественныхъ бань (при императорахъ)—достойны удивленія.

За ошибки врачей,—въ области ихъ искусства—уже Сулла примѣнилъ очень строгій Lex Cornelia.

Въ Cod. Theodos.: „Si ex eo medicamine, quod ad salutem hominis, vel ad remedium datum erat, homo perierit, is, qui dederit, si honestior fuerit, in insulam deportatur. humilior autem capite punitur".

Но рѣшительное примѣненіе юстиціи къ медицинѣ вообще встрѣчается лишь послѣ научнаго обоснованія первой Юстиніаномъ. Всего опредѣленнѣе были выяснены правовыя отношенія душевно-больныхъ. Привлекались ли въ подобныхъ случаяхъ, при уголовныхъ вопросахъ и т. п, и врачи эксперты—неизвѣстно.

Ветеринарія.

51. Начало ветеринаріи безспорно такъ-же древне, какъ и медицины. Уже на самыхъ раннихъ египетскихъ статуяхъ находятся изображенія врачебныхъ операцій на животныхъ. Индусы также обладали очень древней ветеринарной литературой. Во всякомъ случаѣ и въ Греціи, при обширныхъ скотоводствѣ и коневодствѣ, на ветеринарію ужъ очень рано было обращено вниманіе. Однако, сочиненія по ветеринаріи появляются лишь въ классическомъ періодѣ греческой литературы. Самымъ древнимъ изъ дошедшихъ до насъ произведеній этого рода, является сочиненіе историка Ксенофонта *О коневодствѣ и искусствѣ верховой ѣзды.*

Болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія по этой спеціальности встрѣчаются въ многочисленныхъ сельско-хозяйственныхъ сочиненіяхъ римлянъ и грековъ, наприм. въ произведеніяхъ Порція Катона, особенно—Колумеллы, Гаргилія Марціала (около 250 г. послѣ Р. X.), Апсирта (начало IV вѣка), Гиппократа Гиппіатра, и въ сочиненіи Гіерокла, диллетанта въ ветеринаріи (около 400 г.). Основательнѣйшее ветеринарное сочиненіе древности, состав-

ленное частью на основаніи прежнихъ работъ, частью—собственныхъ наблюденій, принадлежитъ Вегецію Ренату (2-ая половина V вѣка). Въ это-же время жилъ ветеринаръ Теомнестъ, который въ 488 г. сопровождалъ войско остготовъ въ Италію. Главнымъ источникомъ для исторіи ветеринаріи древности и начала среднихъ вѣковъ служатъ *Hippiatrica*, собраніе извлеченій изъ прежнихъ сочиненій по ветеринаріи, составленное по повелѣнію императора Константина Порфиророднаго (греч. и лат. Basil. 1537. 8.).

Взглядъ назадъ.

52. Греческая медицина, созданная въ періодъ времени, отдѣленный отъ византійскаго промежуткомъ почти въ 2000 лѣтъ, представляетъ такой-же незыблемый памятникъ высокимъ духовнымъ дарованіямъ эллиновъ, какъ и ихъ дѣянія въ другихъ наукахъ и искусствахъ. Однакожъ, то что было достигнуто греками въ медицинѣ, не подверглось за это время рѣзкимъ измѣненіямъ: основныя воззрѣнія врачей въ концѣ византійскаго періода въ главныхъ чертахъ являются схожими съ гиппократовскими. Главная причина этого застоя заключается въ томъ, что греческой медицинѣ не достаетъ единственно вѣрной основы—прочнаго знанія анатоміи и физіологіи, что патологія гиппократиковъ въ сущности основана на гипотетическихъ воззрѣніяхъ, и что пониманіе отдѣльныхъ болѣзненныхъ формъ ограничено одними симптомами. Больше всего ей не доставало патологической анатоміи. Лишена греческая медицина возможности выясненія ближайшихъ причинъ болѣзней и уразумѣнія законности болѣзненныхъ процессовъ, иначе говоря, она лишена тѣхъ существенныхъ компонентовъ, которые могли бы придать ей научный характеръ. Она ограничиваетъ свою задачу профилактикой и терапіей, и знаніемъ правилъ, служащихъ для выполненія этой цѣли и пріобрѣтенныхъ опытностью. Медицина грековъ, по точному ея смыслу, есть только искусство*, хотя доведенное во многихъ отношеніяхъ

*) Такимъ и считалъ медицину Гиппократъ, поставившій задачей ея—какъ изученіе внѣшнихъ вліяній на дѣятельность организма, такъ

до высшаго совершенства. Совершеннѣе всего въ древности развились дiэтетика, прогностика и тѣ отрасли практической медицины, которыя касаются болѣзненныхъ состоянiй, доступныхъ непосредственному чувственному восприятiю и самой своей природой указывающихъ врачебныя средства, легко понимаемыя по ихъ непосредственному способу дѣйствiя: хирургiя и акушерство. И къ первой какъ нельзя болѣе кстати относится выраженiе одного изъ опытнѣйшихъ и ученѣйшихъ хирурговъ нашего времени: „древняя хирургiя является во всемъ своемъ блескѣ лишь при современномъ освѣщенiи".

Внѣшнiя отношенiя врачебнаго сословiя у римлянъ и византiйцевъ.

Образованiе. Свободные и несвободные врачи.

53. При республикѣ и отчасти при императорахъ единственнымъ путемъ для изученiя медицины — было частное преподаванiе. Послѣднее начиналось уже въ дѣтскомъ возрастѣ и производилось за ранѣе условленный гонораръ. Предварительное общее образованiе [т. е. свѣдѣнiя въ грамматикѣ, риторикѣ, ариометикѣ и т. д.] не требовалось уже во времена Галена. Сомнительно, чтобы въ долго существовавшихъ высшихъ школахъ Аөинъ, Александрiи, Бейрута въ Сирiи и Марсели (Massilia) преподавалась, кромѣ философскихъ наукъ и права, также и медицина. [Впослѣдствiи изъ этихъ школъ вышли знаменитѣйшiе врачи—практики]. Древнѣйшiя высшiя учебныя заведенiя въ Италiи были—„Gymnasium", основанное Нерономъ, и „Athenaeum"—Адрiаномъ. Подобныя школы возникли въ Миланѣ (Mailand), Павiи, Падуѣ, Веронѣ и въ главныхъ городахъ Сицилiи. Оффицiальныя медицинскiя учебныя заведенiя Римъ получилъ только при Северѣ. Какимъ образомъ производилось обученiе, точно не извѣстно.

и изученiе влiянiй, оказываемыхъ функцiями тѣла на внѣшнiя условiя. Современная медицина—какъ **наука**—не должна забывать идеальной задачи, поставленной великимъ Косскимъ Учителемъ. Ред.

Анатомія, безъ сомнѣнія, преподавалась на животныхъ. Важнѣйшую часть обученія составляло преподаваніе у постели больного. Отдѣльные врачи—учители посѣщали своихъ больныхъ съ толпой учениковъ; но клиническое преподаваніе въ общественныхъ учрежденіяхъ не могло имѣть мѣста вплоть до перваго вѣка новой эры, ибо древніе не знали больницъ въ нашемъ смыслѣ слова.*

О рѣзкомъ различіи между врачами и тѣми, которые какимъ-бы то ни было образомъ подавали врачебную помощь, не можетъ быть и рѣчи. „Врачемъ“ считался всякій, кому угодно было такъ звать себя. Врачами въ тѣсномъ смыслѣ были либо свободные, либо рабы и вольноотпущенные. Римляне изъ знатныхъ фамилій рѣдко посвящали себя медицинѣ, [считая занятіе ею ниже собственнаго достоинства; Плиній говоритъ: qui ex Romanis incipiunt eam (medicinam) addiscere, ad Graecos sunt transfugae].... Вмѣстѣ съ греческими врачами въ Италію пришли и ἰατρεία — („medicinae“, „tabernae“). Ничтожнѣйшія изъ нихъ ужъ очень рано слились съ лавками цирюльниковъ („tonstrinae“), торговцевъ лекарствами и т. д. и пользовались, какъ сборныя мѣста праздношатающихся, дурной славой.—Квартиры врачей узнавались по особому значку (до сихъ поръ встрѣчающемуся часто на домахъ Помпеи): змѣя, держащая во рту лѣсное яблоко.

Послѣ покоренія Малой Азіи, Греціи, Египта и т. д. прибыло въ Римъ очень много свѣдущихъ въ медицинѣ рабовъ. Смотря по ихъ способностямъ, они оцѣнивались различно. Ибо постановленіе Юстиніана, которое опредѣляетъ цѣну за услугу servi medici и несвободныхъ акушерокъ въ 60 solidi, имѣло только значеніе таксы. Servi medici служили либо помощниками и замѣстителями у свободныхъ врачей, либо домашними врачами въ домахъ богатыхъ, врачами familiae rusticae, въ путешествіяхъ и на войнѣ; но они служили также отравителями и даже палачами, когда ихъ заставляли обезкровливать (чрезъ вскрытіе жилъ) жертвы, предназначенныя для казни.

---

* См. ниже § 88.

Въ концѣ императорскаго періода врачи, подобно членамъ другихъ профессій, соединялись въ „collegia.“ Послѣднія служили частью собраніями съ религіозной цѣлью, частью братствами съ погребальными и вспомогательными кассами для больныхъ и для родственниковъ умершихъ членовъ, для покрытія издержекъ на пиршества [поминки?] и т. д. Collegia иногда принимали въ число членовъ и рабовъ; нѣкоторыя состояли только изъ рабовъ. Мѣста сходокъ назывались „scholae.“ Во главѣ коллегіи стоялъ представитель („pater“), патронессой обыкновенно считалась Минерва.

Если въ богатыхъ домахъ число servi medici было значительно, то они подчинялись наблюденію одного „supra medicos“ или „superpositus.“—Государство также обладало, въ числѣ своихъ „servi publici,“ рабами, свѣдущими въ медицинѣ, на обязанности которыхъ, по всей вѣроятности, лежало лѣченіе своихъ сотоварищей.

Начавшееся еще въ Александріи раздѣленіе врачей на спеціальности, достигло въ Римѣ своей высшей точки. Извѣстнѣйшій примѣръ подобныхъ спеціалистовъ представляютъ „medici ocularii,“ занятія которыхъ, однако, ограничивались обыкновенно продажей глазныхъ мазей, примочекъ и т. под.; объ этомъ можно судить уже и изъ того, что они, подобно „окулистамъ“ послѣдующаго времени, вели странническую жизнь. Продаваемыя ими глазныя средства имѣли обыкновенно плотноватую консистенцію и, подобно нашимъ туалетнымъ мыламъ, снабжены были штемпелемъ съ именемъ продавца, названіемъ лекарства и способомъ его употребленія. Такіе штемпеля, приготовленные большею частью изъ серпентина, найдены въ большомъ числѣ во Франціи, Англіи, Германіи (ни разу въ Италіи). Многіе изъ нихъ принадлежатъ, вѣроятно, сопровождавшимъ войска или стоявшимъ съ гарнизонами глазнымъ врачамъ и заставляютъ предполагать, что уже тогда злокачественныя офталміи были частымъ бичемъ войскъ.—При флотѣ тоже состояли глазные врачи.

Далѣе, имѣлись зубные врачи, женскіе врачи, врачи отъ водянокъ, врачи отъ кожныхъ болѣзней и т. д. Нѣкоторые лѣчили все гимнастикой, иные отъ всѣхъ болѣзней предлагали вино, другіе—воду и т. д.

Въ концѣ императорскаго періода врачи, подобно членамъ другихъ профессій, соединялись въ „collegia." Послѣднія служили частью собраніями съ религіозной цѣлью, частью братствами съ погребальными и вспомогательными кассами для больныхъ и для родственниковъ умершихъ членовъ, для покрытія издержекъ на пиршества [поминки?] и т. д. Collegia иногда принимали въ число членовъ и рабовъ; нѣкоторыя состояли только изъ рабовъ Мѣста сходокъ назывались „scholae." Во главѣ коллегіи стоялъ представитель („pater"), патронессой обыкновенно считалась Минерва.

Если въ богатыхъ домахъ число servi medici было значительно, то они подчинялись наблюденію одного „supra medicos" или „superpositus."—Государство также обладало, въ числѣ своихъ „servi publici," рабами, свѣдущими въ медицинѣ, на обязанности которыхъ, по всей вѣроятности, лежало лѣченіе своихъ сотоварищей.

Начавшееся еще въ Александріи раздѣленіе врачей на спеціальности, достигло въ Римѣ своей высшей точки. Извѣстнѣйшій примѣръ подобныхъ спеціалистовъ представляютъ „medici ocularii," занятія которыхъ, однако, ограничивались обыкновенно продажей глазныхъ мазей, примочекъ и т. под.; объ этомъ можно судить уже и изъ того, что они, подобно „окулистамъ" послѣдующаго времени, вели странническую жизнь. Продаваемыя ими глазныя средства имѣли обыкновенно плотноватую консистенцію и, подобно нашимъ туалетнымъ мыламъ, снабжены были штемпелемъ съ именемъ продавца, названіемъ лекарства и способомъ его употребленія. Такіе штемпеля, приготовленные большею частью изъ серпентина, найдены въ большомъ числѣ во Франціи, Англіи, Германіи (ни разу въ Италіи). Многіе изъ нихъ принадлежатъ, вѣроятно, сопровождавшимъ войска или стоявшимъ съ гарнизонами глазнымъ врачамъ и заставляютъ предполагать, что уже тогда злокачественныя офталміи были частымъ бичемъ войскъ.—При флотѣ тоже состояли глазные врачи.

Далѣе, имѣлись зубные врачи, женскіе врачи, врачи отъ водянокъ, врачи отъ кожныхъ болѣзней и т. д. Нѣкоторые лѣчили все гимнастикой, иные отъ всѣхъ болѣзней предлагали вино, другіе—воду и т. д.

Сатирикъ Марціалъ такъ смѣется надъ этимъ спеціализированіемъ: „Cascelius вырываетъ зубы или вставляетъ ихъ, Hyginus прижигаетъ вростающія въ глазъ рѣсницы, Fannius лѣчитъ приросшій (опухшій) язычекъ безъ разрѣза, Eros уничтожаетъ знаки клейма съ кожи рабовъ, Hermes считается лучшимъ врачемъ для лѣченія грыжъ"…. Наше время дало бы немало матеріала для знаменитаго сатирика!

Рядомъ съ врачами во времена Катона упоминаются уже торговцы травами, порошками и мазями („unguentarii," „myropolae"), торговцы лекарствами и ядами („pharmacopolae") и т. д.

Вознагражденіе за врачебный визитъ было, понятно, весьма различно, смотря по положенію больнаго. Въ обыкновенныхъ случаяхъ оно составляло около марки. Но приводятся также примѣры очень большихъ гонораровъ, и упоминаются имена врачей, наживншихъ огромныя богатства; наприм., Charmis, гидротерапевтъ, получилъ за пользованіе одного больнаго 200,000 сестерцій (40,000 марокъ). [Галенъ—за излѣченіе жены консула Боэта—получилъ на наши деньги около 5000 руб. Манлій Корнутъ заплатилъ врачу за излѣченіе кожной болѣзни 20,000 руб. и т. д.]. Гораздо больше встрѣчалось, конечно, врачей, едва имѣвшихъ самое необходимое. Многимъ изъ нихъ, пожалуй, не лишнимъ кажется совѣтъ Галена—заботиться только о томъ, чтобы имѣть возможность опрятно одѣваться и дышать чистымъ воздухомъ.

На сколько тяжело было положеніе врачей вообще, можно видѣть изъ того, что нѣкоторые изъ нихъ мѣняли медицину на ремесло гладіаторовъ и носильщиковъ мертвыхъ. Марціалъ въ одной эпиграммѣ говоритъ: „Діавлъ былъ врачъ. Теперь онъ таскаетъ трупы. Онъ сдѣлалъ изъ медицинскаго искусства примѣненіе, которое онъ знаетъ лучше всего."

Привиллегіи врачей. Врачи на государственной и общественной службѣ. Лейбъ-медики. Врачи для бѣдныхъ. Войсковые и флотскіе врачи. Упадокъ врачебнаго сословія.

---

54. Преимущества и почетъ всякаго рода никогда не

доставались на долю врачей въ такой мѣрѣ, какъ при римскихъ императорахъ. Уже Цезарь во время голода, когда 80,000 иностранцевъ должны были оставить городъ, изъялъ отъ выполненія этого распоряженія учителей и врачей. Августъ освободилъ всѣхъ врачей отъ платежей всякихъ налоговъ („immunitas") въ благодарность за то, что его лейбъ-медикъ Антоній Муза вылѣчилъ его отъ упорныхъ ревматическихъ болей холодной водой; самъ Муза получилъ „nobilitas" и—какъ знакъ ея — право носить золотыя кольца, богатые подарки и кромѣ того былъ почтенъ постановкой его статуи въ храмѣ Эскулапа.

При послѣдующихъ императорахъ свобода отъ платежей налоговъ, которую также получили риторики и грамматики, была распространена на личныя подати (напримѣръ, постой, доставку почтовыхъ лошадей, принятіе на себя общинныхъ и жреческихъ должностей).

Вслѣдствіе обусловленнаго этими льготами, наплыва во врачебное сословіе массы желающихъ,—иммунитетъ и т. п. былъ ограниченъ [при Антонинѣ Піѣ] опредѣленнымъ числомъ врачей, соотвѣтствующимъ числу жителей каждаго города.—Благопріятнѣе всего для врачей было царствованіе Александра Севера (225—235 послѣ Р. X.), назначившаго нѣкоторымъ врачамъ жалованье („salaria") за то, чтобы они обучали бѣдныхъ и способныхъ юношей медицинѣ.

Значительное число врачей занимали мѣста во всякаго рода общественныхъ учрежденіяхъ, находились на службѣ у общины и при дворѣ. Прежде всего укажемъ на врачей, служившихъ у частныхъ предпринимателей или у государства, въ общественныхъ театрахъ, циркахъ и т. д,; на ихъ обязанности лежала подача помощи въ случаѣ болѣзни или несчастья, раненій и т. д. служащимъ въ этихъ учрежденіяхъ артистамъ, хористамъ, машинистамъ, правящимъ колесницей, гладіаторамъ* и т. д. Такіе врачи состояли даже при большихъ общественныхъ садахъ и для персонала библіотекъ.

---

* Такимъ врачемъ въ началѣ своей карьеры былъ Галенъ. Ред.

Особое и болѣе важное положеніе заняли врачи „архіатры.“ Сначала этотъ титулъ былъ данъ Нерономъ императорскимъ лейбъ-медикамъ. Позже къ „archiatri palatini“ прибавились и „archiatri populares.“—Хотя въ Римѣ, какъ и въ Греціи, очень рано встрѣчаются уже общинные врачи; но только при Валентиніанѣ I и Валентіѣ (Valens) они получили сказанное названіе. Въ Римѣ каждая изъ 14 частей, не говоря уже о Portus Syxti (кварталѣ гладіаторовъ) и весталкахъ, имѣвшихъ собственныхъ врачей, имѣла одного „archiater popularis *. Въ провинціяхъ большіе города имѣли соотвѣтственное обширности число подобныхъ чиновниковъ. Народные архіатры образовали коллегію, которая пополнялась выборомъ. Члены располагались по старшинству, функціонировали, какъ врачи для бѣдныхъ и получали отъ общины содержаніе натурой.

Названіе archiatri palatini лейбъ-медики получили впервые при Северѣ. Старшій изъ нихъ получалъ жалованье деньгами, остальные—хлѣбомъ и масломъ. Оскорбленія архіатровъ, которымъ archiatri populares не рѣдко подвергались, строго наказывались. При Константинѣ встрѣчаются врачи, носящіе титулъ „ex-archiatris“, вѣроятно, заслуженные архіатры. Въ этомъ позднемъ періодѣ между „medici“ и „archiatri“ не дѣлается никакого различія.— Распространившаяся при константинопольскомъ дворѣ страсть къ титуламъ принесла свои плоды и для врачей. Многіе получили титулъ „vir perfectissimus“ (который можно было получить и за деньги) и вмѣстѣ съ нимъ званіе „equites.“ Еще выше стояли „comites,“ во главѣ ихъ „comes archiatrorum“ съ присвоеннымъ еще и теперь деканамъ (нѣмецкихъ) медицинскихъ факультетовъ званіемъ „vir (praesul) spectabilis.“—Всѣ эти порядки перешли отъ римлянъ къ готамъ и получили дальнѣйшее развитіе при Теодорихѣ Великомъ.*

Объ особомъ врачебномъ попеченіи для войскъ при республикѣ, за исключеніемъ единичныхъ случаевъ, когда пол-

---

* При Петрѣ I званіе архіатровъ введено было и въ Россіи,—и упразднено окончательно при Екатеринѣ II. Ред.

ководцы брали къ себѣ врачей, нельзя ничего сказать. Раненые солдаты перевязывались своими товарищами, имѣвшими при себѣ съ этой цѣлью необходимый перевязочный матеріалъ; послѣ перевязки раненые выносились за фронтъ, въ лагерь или сосѣднія мѣстечки. Этой неудовлетворительной постановкой подачи помощи раненымъ объясняется, что, напр., послѣ сраженія при Сутріумѣ (309 г. до Р. Х.) больше солдатъ умерло отъ ранъ, чѣмъ пало на полѣ битвы.

Правильная военно-санитарная служба началась лишь при Августѣ, съ устройствомъ гарнизоновъ [vigiles]. Каждая изъ стоявшихъ въ Римѣ когортъ имѣла 4-хъ „medici cohortum;“ линейныя войска—также „medici legionum“, во главѣ которыхъ стояли старшіе врачи. Далѣе, для стоящихъ въ лагеряхъ войскъ были устроены „valetudinaria,“ для лошадей—„veterinaria“, и назначены врачи и экономы: „optiones valetudinarii.“ Всѣ военные врачи имѣли одинъ и тотъ же чинъ: „principales“ (унтеръ-офицеры); старшіе получали, кажется, двойной окладъ („duplarii“). При императорѣ Маврикіѣ (582—602) въ конницѣ устроены были санитарныя команды. Онѣ должны были уносить тяжело-раненыхъ изъ сраженія и имѣли при себѣ бутылки съ водой, чтобы приводить въ чувство потерявшихъ сознаніе. Далѣе, на каждой триремѣ флота находился одинъ врачъ, кажется, съ двойнымъ окладомъ жалованья противъ линейныхъ войскъ.

Общій упадокъ духовной и нравственной жизни, все болѣе и болѣе обрисовывавшійся при императорахъ, не могъ не коснуться сословія врачей. Особенно много корыстолюбивыхъ искателей приключеній появилось между греческими врачами. Самыя тяжелыя обвиненія противъ недуговъ врачебнаго сословія высказывались изъ рядовъ самихъ же врачей, напр., Скрибоніемъ Ларгомъ,* который бичевалъ въ суровыхъ выраженіяхъ невѣжество, тщеславіе и корыстолюбіе своихъ товарищей.

Theodorus Priscianus, Плутархъ, Плиній—единодушно рисуютъ эту назавидную картину

---

* См. выше стран. 75.

борьбы за существованіе, отъ которой, по словамъ одного историка, *современная* медицина немногимъ далѣе ушла впередъ. Даже знающіе врачи не брезгали никакими средствами, чтобы пріобрѣсти извѣстность, и дѣло доходило до того, что хирурги производили свои операціи въ присутствіи публики, напр., въ циркѣ, театрѣ и другихъ публичныхъ мѣстахъ—и предпринимали настоящую охоту на своихъ паціентовъ.

Глубокой горечью дышетъ жалоба Галена: „Умъ большинства врачей,“ говоритъ онъ, „направленъ не на науку, но на полезные рецепты; низкое корыстолюбіе дѣлаетъ ихъ способными на всякій постыдный поступокъ (шантажъ). Между разбойниками и врачами вся разница въ томъ, что одни совершаютъ свои преступленія въ горахъ, а другіе въ Римѣ.“—Краски этой картины, навѣрно, слишкомъ мрачны но основныя черты носятъ печать истины.

Медицина у арабовъ.

Насажденіе греческаго образованія въ Азіи. Несторіанцы.

55. Съ незапамятныхъ временъ древнѣйшіе представители культуры—народы, жившіе по берегамъ Ефрата и Тигра, приходили въ соприкосновеніе съ націями, живущими у Средиземнаго моря. Важнѣйшимъ посредствующимъ звеномъ этой связи служили многочисленные евреи, которые послѣ вавилонскаго, а еще больше послѣ греческаго плѣненія, остались въ Сиріи, Месопотаміи и Персіи. Послѣ разрушенія Іерусалима массы евреевъ убѣжали также въ тѣ страны и основали тамъ школы. Равнымъ образомъ туда проникло греческое образованіе послѣ побѣдоносныхъ походовъ Александра Великаго.—Въ болѣе высокой степени все это совершалось въ первые вѣка христіанской эры. Главнымъ разсадникомъ греческаго образованія стала Персія. Уже Сапуръ I (241—271) основалъ послѣ разрушенія Антіохіи (въ 262 г.) въ нынѣшней провинціи Худжистанъ городъ Джондисапуръ по

византійскому образцу, и привлекъ греческихъ врачей въ Персію.—Важнѣе всего для распространенія греческой науки въ Персіи была эмиграція за вѣру изгнанныхъ изъ Византіи несторіанцевъ. Они послѣ перваго преслѣдованія (въ 431 г.) бѣжали въ Эдессу, въ Месопотамію, нынѣшнюю Орфу, гдѣ уже была христіанская школа, а вскорѣ затѣмъ (въ 460 г.) основана была больница епископомъ Нономъ. Въ 489 г. несторіанцы были изгнаны и изъ Эдессы Львомъ Исавріяниномъ. Они нашли радушный пріемъ въ Низибіи (Nisibis) и другихъ городахъ Месопотаміи и Персіи, вѣроятно также въ Джондисапурѣ, гдѣ ими были основаны школы, въ которыхъ преподавались богословіе и свѣтскія науки.

Собственно цвѣтущій періодъ Джондисапура начинается съ воцареніемъ Кезра I (Хозрой, 532—579). Однимъ изъ условій перемирія, заключеннаго имъ въ 551 г. съ Юстиніаномъ I, было то, чтобы позволено было вернуться на родину семи послѣднимъ изгнаннымъ изъ Аѳинъ „философамъ", нашедшимъ пріютъ при персидскомъ дворѣ.

Школа въ Джондисапурѣ осталась даже послѣ завоеванія страны арабами христіанскимъ учрежденіемъ. Въ VIII вѣкѣ воспитанниками ея были частью монахи, занятія которыхъ ограничивались богословіемъ, частью мальчики, которые приготовлялись къ практической дѣятельности, также для занятій медициной. Особенно важно то, что въ школѣ были и индусскіе врачи, переводившіе медицинскія сочиненія своей страны на персидскій языкъ.—Такимъ образомъ греческая наука на дальнемъ востокѣ столкнулась съ другой, совершенно самостоятельно выросшей литературой—индусской, а оттуда она воспринята была арабами, которые опять перенесли ее на западъ.

Основаніе ислама. Халифаты на Востокѣ и въ Испаніи.

56. Жители Аравійскаго полуострова, именно населявшіе южную его часть, также уже въ глубокой древности посредствомъ торговыхъ сношеній съ народами, жившими у Средиземнаго моря, достигли сравнительно высокой культуры. Зна-

чительныя услуги оказали послѣдней изгнанные изъ отечества евреи и христіане, между которыми ясно упоминаются врачи.

Религіозная война, послѣдовавшая за основаніемъ ислама, не могла, конечно, оказать благопріятное вліяніе на высшее образованіе у арабовъ; и даже наоборотъ, безчисленные памятники древняго искусства и науки были уничтожены грубымъ фанатизмомъ завоевателей.* Тѣмъ сильнѣе развилась духовная жизнь въ могущественныхъ, обнимавшихъ чуть не половину извѣстнаго тогда міра, государствахъ калифовъ, основанныхъ въ Сиріи, Испаніи и Африкѣ. Основаніе процвѣтанію арабскаго народа положилъ Муавія, первый калифъ изъ рода Оммаядовъ. Основанная имъ резиденція Дамаскъ сдѣлалась средоточіемъ оживленныхъ сношеній съ находившимися въ Сиріи еврейскими и христіанскими школами. И политическія учрежденія и разсадники искусствъ и наукъ были устроены по византійскимъ образцамъ большею частью греками. При его преемникѣ Абель-эль-Маликѣ насчитывается уже не мало извѣстныхъ греческихъ врачей, жившихъ въ Аравіи. Еще большую ревность въ развитіи наукъ обнаружилъ эль-Мансуръ († 774), основатель Багдада, и его сынъ эль-Мамумъ (813—833), при которомъ развился золотой вѣкъ арабской литературы.

Къ наукамъ, пользовавшимся въ этомъ уже періодѣ особымъ покровительствомъ, принадлежала медицина. Христіанскіе врачи, работавшіе въ сосѣднихъ школахъ несторіанцевъ въ Сиріи, перевели многія философскія и медицинскія произведенія грековъ на арабскій языкъ. Послѣ покоренія Персіи и Индіи арабы познакомились чрезъ жившихъ при багдадскомъ дворѣ персидскихъ и индійскихъ врачей съ

* Это былъ „періодъ невѣжества“ арабской культуры. Для характеристики его достаточно напомнить извѣстный историческій анекдотъ. Когда Омаръ, послѣ завоеванія Александріи, былъ спрошенъ,—что дѣлать съ книгами библіотекъ, онъ отвѣчалъ: если эти сочиненія содержатъ то, что есть въ коранѣ—они излишни; если же они содержатъ такія вещи, какихъ тамъ нѣтъ,—они вредны. Въ обоихъ случаяхъ они должны быть уничтожены“. Ред.

медицинскими сочиненіями этихъ народовъ, раньше же всего съ *Ayur—Veda* Сусруты.

Эль-Мамумъ—этотъ просвѣщеннѣйшій властелинъ, устроилъ нѣчто въ родѣ „института переводчиковъ" чужестранныхъ сочиненій на арабскій языкъ. Пріобрѣтая всевозможныя сочиненія всѣхъ странъ и народовъ, —то испрашивая ихъ у византійскихъ императоровъ чрезъ особыя посольства, то покупая—и часто за большія суммы,—онъ призывалъ ученыхъ, знавшихъ кромѣ арабскаго различные языки, и поручалъ имъ переводы съ греческаго, персидскаго, халдейскаго, египетскаго, индійскаго—на арабскій. Медицина, физика, астрономія, космографія, хронологія—все это имѣло въ этомъ своеобразномъ институтѣ своихъ образцовыхъ представителей. Этотъ-то институтъ и подготовилъ собственно второй—самостоятельный—(см. ниже) періодъ арабской культуры.

Нѣсколько позже (съ 755 г.), но тѣмъ блестящѣе, развилась духовная жизнь въ Испаніи, при цѣломъ рядѣ выдающихся правителей изъ рода Оммаядовъ. Весьма большое участіе въ этомъ расцвѣтѣ приняли евреи, начиная со втораго вѣка поселившіеся въ большомъ числѣ въ Испаніи, основавшіе тамъ школы въ Зарѣ, Толедо и Кордовѣ. Готскими завоевателями они были преслѣдуемы и угнетаемы; родственные же имъ по племени, исполненные одинаковой ненавистью къ христіанству арабы—казались имъ освободителями. Расцвѣтшая въ Испаніи при арабахъ культура достигла своей высоты въ X—XIII столѣтіи, особенно при Абдеррахманѣ III (912—961) и его сынѣ эль-Хакимѣ II (961—976), при которыхъ была основана въ Кордовѣ академія. Въ то время какъ въ XII столѣтіи въ странахъ латинскихъ находилось всего два университета (Салерно и Парижъ), арабская Испанія имѣла 70 библіотекъ и 17 высшихъ учебныхъ заведеній, куда стекались христіане и евреи. Отсюда,—какъ и съ востока, распространялась по средней Европѣ наука, собранная изъ еврейскихъ, христіанскихъ и арабскихъ источниковъ, утвердившаяся и сдѣлавшая новыя пріобрѣтенія въ испанскихъ школахъ.

Третьимъ разсадникомъ арабской науки и искусства въ Европѣ стала, послѣ покоренія ея полумѣсяцу, Сицилія, гдѣ арабская культура еще долго послѣ изгнанія арабовъ поддерживалась норманнами. При Фатимидахъ въ Африкѣ духовная жизнь не получила значительнаго развитія. Однако, эль-Мотевеккиль возстановилъ александрійскую школу, разрушенную въ 640 г. Амру. Хакимъ Біамриллахъ, третій Фатимидъ, основалъ въ Каирѣ „домъ мудрости" для принятія всякаго рода ученыхъ. Въ Фецѣ и Марокко, при Эдризитахъ, также процвѣтали науки и искусства.

Общій характеръ научной дѣятельности арабовъ.

57. Не смотря на всѣ эти благопріятныя условія, арабы не могутъ претендовать на самостоятельность ни въ одной области наукъ и искусствъ, за исключеніемъ поэзіи. Ихъ духовное богатство происходитъ почти исключительно изъ греческихъ источниковъ, разработанныхъ арабами сообразно своему характеру. Но они никогда не проникались той глубиной чувствъ и мыслей, которая свойственна была эллинамъ. Этому препятствовало уже и незнаніе греческаго языка. Ибо греческіе писатели стали имъ знакомы лишь въ переводахъ, въ основѣ которыхъ часто лежали не подлинники, а сирійскія и персидскія переложенія.

Въ высокой степени вредило научной самостоятельности арабовъ еще то, что они усвоивали себѣ изъ знаній тѣхъ націй, съ которыми приходили въ соприкосновеніе, лишь то, что обѣщало непосредственную пользу въ домашней и общественной жизни.

Но самое большое препятствіе для развитія свободной духовной жизни арабскаго народа представлялъ коранъ, „нерукотворенная книга", содержащая для мусульманина сущность всѣхъ знаній о земныхъ и божественныхъ предметахъ. Что называется наукой внѣ корана, или противорѣчитъ ему, достойно проклятія. Съ той же рабской приверженностью, съ которой въ теченіе тысячелѣтій арабскій народъ подчинялъ жизнь свою господству патріархальной власти, — арабы

усвоивали себѣ содержаніе греческой литературы. Почти такъ-же высоко, какъ коранъ, философы цѣнили Аристотеля, врачи—Галена. Правда, не было недостатка у послѣдователей ислама въ людяхъ, возставшихъ противъ закоснѣлой ортодоксіи корана. Извѣстнѣе всего въ этомъ отношеніи общество „ясныхъ братьевъ“ или „братьевъ чистоты“, возникшее въ X вѣкѣ въ Персіи и особенно распространившееся въ Испаніи, гдѣ вообще господствовалъ болѣе свободный духъ изслѣдованія.

Основная цѣль ученія этого братства была—примиреніе разума съ вѣрой.—Братья чистоты мечтали объ основаніи вѣры на почвѣ знанія и науки.

Наиболѣе самостоятельные и цѣнные труды арабы совершили въ математикѣ, астрономіи и географіи. Ихъ химическія и ботаническія работы имѣютъ преимущественно значеніе для медицины, отчасти для сельскаго хозяйства.

Общій характеръ арабской медицины.

58. Греческая медицина стала впервые извѣстна арабамъ послѣ завоеванія Сиріи и Персіи, чрезъ посредство находившихся тамъ еврейскихъ и христіанскихъ школъ, главнымъ же образомъ по переводамъ сочиненій Гиппократа, Галена, Діоскорида и др., сдѣланнымъ по повелѣнію калифа (Эль-Мамума) учителями джондисапурской школы.

Число дошедшихъ до насъ рукописныхъ переводовъ сочиненій греческихъ врачей на арабскій языкъ и болѣе или менѣе самостоятельныхъ медицинскихъ оригинальныхъ сочиненій очень значительно. Точно также не мало напечатано латинскихъ переводовъ арабскихъ сочиненій по медицинѣ. Наоборотъ, число произведеній, опубликованныхъ на арабскомъ языкѣ, очень незначительно. Поэтому весьма трудно получить правильное сужденіе о содержаніи и достоинствѣ арабской медицинской литературы, тѣмъ болѣе, что знаніе арабскаго языка съ давнихъ поръ принадлежитъ къ рѣдкимъ качествамъ врачей.

Несамостоятельность арабскихъ медицинскихъ авторовъ

ярче всего выступаетъ въ области анатоміи и физіологіи. Не говоря о томъ, что сочиненія Галена въ этомъ отношеніи, а особенно по своему телеологическому характеру, вполнѣ удовлетворяли требованіямъ арабовъ, занятія анатоміей встрѣчали препятствіе въ самыхъ законахъ религіи. Ибо уже прикосновеніе къ мертвому тѣлу дѣлаетъ правовѣрнаго нечистымъ, и, по ученію корана, въ трупѣ тлѣетъ еще искра жизни, чтобы возгорѣться въ день страшнаго суда.

Особенно разработывалась арабами патологія, преимущественно вслѣдствіе ея практической полезности. До значительной тонкости они довели семіотику; ихъ діагностика основывается почти исключительно на скрупулезномъ изученіи пульса и уроскопіи. — Въ безспорную заслугу надо поставить арабамъ то, что они усилили лѣкарственный арсеналъ большимъ числомъ персидскихъ и индійскихъ средствъ, незнакомыхъ грекамъ [растительныя слабительныя, напр., сенна, манна, миробаланъ, тамаринды; различные сиропы, электуаріи; ароматическія средства — мускусъ, мускатный орѣхъ и т. д.].* Вслѣдствіе значительнаго увеличенія числа медикаментовъ и сложности способовъ ихъ приготовленія у арабовъ возникло новое, бывшее до тѣхъ поръ только въ зародышѣ, ремесло аптекарей.—Далѣе, арабская литература содержитъ многочисленныя сочиненія о ядахъ и противоядіяхъ.

Хирургическія познанія арабовъ основаны также почти исключительно на греческихъ источникахъ, преимущественно на сочиненіяхъ Павла Эгинскаго. Препятствіемъ для самостоятельнаго развитія этой области медицины —ceteris paribus—служило пренебреженіе анатоміей и почти непреодолимое отвращеніе восточныхъ народовъ къ кровавымъ операціямъ. По поводу нѣсколько бо́льшихъ успѣховъ въ офталміатріи—тоже трудно рѣшить, что при-

---

* Полифармація арабовъ находила себѣ оправданіе въ изреченіи пророка: „Богъ не послалъ ни одной болѣзни, которая не имѣла бы своего (специфическаго) лѣкарства“. Ред.

надлежитъ собственнымъ ихъ наблюденiямъ и что заимствовано изъ греческихъ сочиненiй.

Въ самомъ жалкомъ положенiи представлялось акушерство. Оно находилось исключительно въ рукахъ акушерокъ, производившихъ перфорацiю и эмбрiотомiю. Наоборотъ, ревностно разработывалась арабами ветеринарiя. И въ исторiи медицины арабы обладаютъ многими весьма солидными произведенiями.

Важнѣйшiя произведенiя арабской медицинской литературы состоятъ изъ объемистыхъ энциклопедiй, въ которыхъ преобладаютъ извлеченiя изъ прежнихъ писателей, почему они и отличаются въ высшей степени утомительнымъ однообразiемъ.

Учебныя заведенiя („Madrasadt“) были основаны въ завоеванныхъ странахъ уже первыми калифами по образцу еврейскихъ и христiанскихъ школъ. Предметами занятiй въ нихъ служили теологiя и мораль; право, математика и медицина присоединились только впослѣдствiи. Большое значенiе прiобрѣли устроенныя (по образцу христiанскихъ) во многихъ мѣстахъ больницы и связанныя съ ними медицинскiя учебныя заведенiя. Самымъ значительнымъ изъ этихъ госпиталей былъ основанный въ 1283 г. эль-Меликъ эль Мансуръ эль-Джилавуномъ въ Каирѣ, снабженный даже поликлиникой. Еще до сихъ поръ существуетъ въ Каирѣ, устроенное Касръ-эль-Аиномъ по европейскому образцу, медицинское учебное заведенiе.—Далѣе у арабовъ мы встрѣчаемъ зачатки медицинскихъ экзаменацiонныхъ комиссiй.*

---

* Медицинской практикой вначалѣ могъ заниматься всякiй; но потомъ для врача необходимо было имѣть свидѣтельство (аттестатъ) отъ своихъ учителей, которое давалось послѣ опредѣленнаго испытанiя. Производилось ли это испытанiе однимъ лицомъ (Пушманъ указываетъ какъ на таковое—лейбъ-медика Ben-Corra)—или цѣлой комиссiей (какъ утверждаетъ Гезеръ)—трудно рѣшить. Meyer даже думаетъ, что этотъ экзаменъ былъ просто временной полицейской мѣрой. Ред.

Важнѣйшіе медицинскіе писатели арабовъ.

Переводчики. Самостоятельные писатели.

59. Въ арабской медицинской литературѣ мы различаемъ періоды: переводовъ, самостоятельныхъ работъ, процвѣтанія и паденія. Въ первомъ изъ этихъ періодовъ выдаются члены извѣстной въ теченіе почти 300 л. (754—1006) христіанской фамиліи Bachti-Schua, потомковъ сирійскаго несторіанца Bocht-Iesu (рабъ Іисуса). Далѣе, эль-Кинди (Alkindus) прозванный „философомъ" (813—873); Іоаннъ бенъ-Месевей (Месуе старшій, прозванный также Janus Damascenus, 780—865), директоръ багдадской больницы и лейбъ-медикъ калифовъ отъ Гаруна до Мотевеккиля.—Важнѣйшій изъ этихъ переводчиковъ—несторіанецъ Хонеинъ бенъ-Исаакъ, называемый обыкновенно Iohannitius'омъ (803—873 или 877), лейбъ-медикъ Мотевеккиля, переводчикъ многихъ сочиненій Гиппократа, Галена, Діоскорида, Птоломея и др.—Его переводъ *Афоризмовъ* Гиппократа изданъ на арабскомъ Тайтлеромъ (Калькутта 1832). Три сына Хонейна были также прилежными переводчиками.

Первымъ въ періодѣ самостоятельныхъ работъ является одинъ изъ лучшихъ арабскихъ врачей Abu Bekr el-Râzi (Rhazes) изъ Райи, въ Персіи (род. около 850, ум. 923 г.), директоръ багдадскаго госпиталя и лейбъ-медикъ калифа Мухтаръ-Биллаха. Изъ его многочисленныхъ сочиненій 6 напечатаны въ латинскомъ переводѣ, одно на арабскомъ языкѣ. Главное сочиненіе Разеса: *el Hawi-fi't Tib* (т. е. *хранилище медицины*), называемое обыкновенно *Continens*, содержитъ рядомъ съ извлеченіями изъ греческихъ врачей, также собственныя замѣчанія. (Новѣйшее изданіе: Venet. 1509. f.). Второе сочиненіе: *Ketaab-al-Tib—Almansuri*, (*Liber medicinalis Almansoris*, называемое обыкновенно *Rhases ad Almansorem*) далеко превосходитъ *Havi* порядкомъ и хорошимъ слогомъ. Девятая книга, разрабатывающая патологію, принадлежала впослѣдствіи къ самымъ часто читаемымъ и комментированнымъ на

западѣ сочиненіямъ (новѣйшее изданіе: Argent. 1531. f.). Обыкновенно къ изданіямъ присоединялись еще 4 небольшихъ сочиненія Rhazes'a: *Opera parva.*

Сочиненіе Rhazes'a объ оспѣ, отличающееся самостоятельностью, представляется едва ли не самымъ цѣннымъ изъ всей арабской медицинской литературы. Мы имѣемъ его въ двухъ арабско-латинскихъ изданіяхъ: Channing'a (Лондонъ 1766. 8) и Greenhill'я (Lond. 1848. 8) и во французскомъ переводѣ Леклерка и Ленуара (Пар. 1866).

Сочиненіе *De variolis et morbillis* получаетъ свое значеніе потому, что Rhazes при описаніи оспы, о которой имѣются вѣрныя свѣдѣнія только въ VI вѣкѣ, вынужденъ былъ слѣдовать исключительно своимъ собственнымъ наблюденіямъ. Онъ начинаетъ замѣчаніемъ, что у Галена, которому оспа несомнѣнно была извѣстна, говорится весьма мало о припадкахъ послѣдней, о лѣченіи же—ничего. Rhazes считаетъ причиной оспы загрязненіе крови плода задержанными въ теченіе беременности менструальными жидкостями; патогенія болѣзни состоитъ въ вспыхиваніи и выдѣленіи этихъ веществъ. Оспа поэтому считается нормальнымъ процессомъ,—взглядъ, господствовавшій вплоть до новаго времени. Отсюда относительно лѣченія больныхъ вытекаютъ 2 задачи: 1) уничтоженіе оспеннаго яда посредствомъ „exstinguentia," 2) поддержаніе дѣятельности природы, направленной къ выдѣленію яда. Первой цѣли удовлетворяетъ употребленіе холодной воды, слабыхъ кислотъ, главнымъ образомъ камфоры. При очень сильной лихорадкѣ надо производить кровопусканіе до обморока. Главнымъ средствомъ для ускоренія выступленія сыпи являются теплые водяные пары. Съ такой же осмотрительностью Rhazes говоритъ о прогнозѣ при отдѣльныхъ формахъ оспы и лѣченіи сопровождающихъ послѣднюю мѣстныхъ заболѣваній зѣва, глазъ и т. д. „Hasbah" („morbilli" переводчиковъ)—родъ оспы, по опасности для организма не уступающій послѣдней. Безъ сомнѣнія, подъ этимъ названіемъ надо разумѣть преимущественно скарлатину.*

* Rhazes, прозванный Галеномъ своего времени, принадлежитъ къ числу тѣхъ исключительныхъ въ исторіи нашей науки личностей,

Jahja ben Serabi, обыкновенно называемый древними Serapion'омъ, авторъ много читавшагося въ среднихъ вѣкахъ сборника *Pandectae*. Важнѣе его—Исаакъ-бенъ Солейманъ эль-Израили (Isaac Judaeus, около 900 г.), египетскій еврей. Интереснѣйшимъ изъ его сочиненій является недавно открытый, написанный на еврейскомъ и изданный Soave въ итальянскомъ переводѣ: ***Руководитель врачей*** — медицинская политика въ лучшемъ смыслѣ слова, заставляющая видѣть въ авторѣ врача, преисполненнаго сознаніемъ достоинства своего призванія.*

которые, обладая даромъ интуиціи, всегда опережали свое время...

Когда нужно было выбрать мѣсто для постройки госпиталя въ Багдадѣ, Rhazes, по свидѣтельству Pietro Santa, поступилъ слѣдующимъ образомъ: въ разныхъ мѣстахъ столицы онъ оставилъ кусочки мяса, настои послѣдняго и другія органическія вещества, и чрезъ нѣсколько времени—послѣ повторныхъ опытовъ—выбралъ для госпиталя ту мѣстность, среди которой гніеніе органическихъ веществъ ceteris paribus—развивалось всего медленнѣе.

Относительно „Contines" (т. е. *Continens artem medicinae etc.*) доказано, что оно содержитъ нѣкоторыя сочиненія, не только не принадлежащія Rhazes'у—но и написанныя позднѣе. Извѣстно, что *Хави* было собрано послѣ смерти Разеса. Ред.

* Вотъ нѣкоторые изъ совѣтовъ и афоризмовъ этой „медицинской политики" Израили:

Важнѣйшая задача врача—предотвращать болѣзни.—Большинство болѣзней излѣчиваются безъ врача, съ помощью природы.—Если ты въ состояніи вылѣчить больнаго діэтой, не давай ему лѣкарствъ.—При лѣченіи не прибѣгай ни къ какимъ чудеснымъ средствамъ, ибо въ основѣ ихъ лежитъ глупость и суевѣріе.—Говори больнымъ о возможности исцѣленія, если даже самъ въ этомъ не увѣренъ,—ибо этимъ ты пріобрѣтаешь себѣ въ помощники цѣлительное стремленіе природы.—Никогда не отзывайся дурно о другихъ врачахъ, ибо каждый имѣетъ свой счастливый и несчастливый часъ. Пусть прославляютъ тебя дѣла твои, а не языкъ.—Посѣти больнаго, когда ему сдѣлалось очень дурно. Въ это время столкуйся съ нимъ о вознагражденіи; ибо когда больной дѣлается здоровымъ, онъ объ этомъ не вспоминаетъ.—Назначай

Современникъ Исаака—Гарибъ-бенъ-Са'идъ, авторъ единственнаго произведенія въ арабской литературѣ о развитіи зародыша и болѣзняхъ родильницъ и дѣтей.

Изъ многочисленныхъ арабскихъ врачей X вѣка особенно заслуживаютъ вниманія Али-бенъ-Аббасъ, авторъ *Эль-Малики*, *„царской книги“*, хорошо изложеннаго Compendium'а всей медицины, считавшагося лучшимъ произведеніемъ арабской литературы, пока оно не было вытѣснено ***Канономъ*** Авиценны.*—Ибнъ-эль-Джезаръ (Альгазирахъ) извѣстнѣе всего по его вышеупомянутой ***Дорожной книгѣ для бѣдныхъ***.

Сочиненія, имѣющіяся въ многочисленныхъ латинскихъ изданіяхъ, приписываемыя обыкновенно „Месуе младшему“, часто коментировавшіяся еще въ XVI столѣтіи, принадлежатъ, вѣроятно, латинскому врачу—писателю XI вѣка, присвоившему себѣ это имя.

Цвѣтущій періодъ арабской медицины.

60. Цвѣтущій періодъ арабской медицины открывается однимъ изъ образованнѣйшихъ врачей этого народа, жившимъ, вѣроятно, во второй половинѣ X вѣка Абулъ-Казимъ-эль-Зареви (Абулказемъ, Буказисъ, Альзахаравіусъ) изъ Зары, близь Кордовы, бывшимъ лейбъ-медикомъ у Эль-Хакима. Онъ авторъ сочиненія, обнимающаго всю медицину: *Altasrif*, въ которомъ хирургіи посвящается

возможно большій гонораръ; ибо все, что ты дѣлаешь безплатно, почитается за ничто!— Старайся пристроить себя къ лѣченію сильныхъ міра и богатыхъ; ибо послѣ выздоровленія— они будутъ тебѣ рады, будутъ цѣнить тебя и любить; между тѣмъ какъ простые смертные, если вылѣчатся, еще возненавидятъ тебя, какъ только подумаютъ объ уплатѣ гонорара.

— Пушманъ, у котораго мы заимствовали эти цитаты,—замѣчаетъ: можно подумать, что эта книга написана вчера. Ред.

* См. стр. 136.

особое вниманіе. Полное сочиненіе нѣсколько разъ издано въ латинскомъ переводѣ [гдѣ оно носитъ названіе: „*Concessio ei data, qui componere haud valet*"]; хирургическій отдѣлъ изд. на арабско-латинскомъ Channing'омъ (Оксфордъ. 1778. 4) и во французскомъ переводѣ Леклеркомъ (Парижъ 1861. 8).

Въ отдѣлахъ, посвященныхъ внутренней медицинѣ, Абулказемъ слѣдуетъ главнымъ образомъ *Хави* Rhazes'а. Десятый трактатъ, касающійся хирургіи, основанъ главнымъ образомъ на Павлѣ Эгинскомъ, но явно свидѣтельствуетъ также о собственной опытности автора.

Абулказемъ начинаетъ этотъ трактатъ жалобой на невѣжество соотечественниковъ въ хирургіи, которое онъ объясняетъ незнаніемъ анатоміи. Лучшимъ доказательствомъ паденія оперативной хирургіи у греческихъ и арабскихъ врачей служитъ до-нельзя распространенное примѣненіе каленаго желѣза, при различнѣйшихъ болѣзняхъ* (параличи, раны и фистулы, гангрена, ракъ, проказа, почечные нарывы). Отдѣлъ, посвященный кровавымъ операціямъ, почти цѣликомъ заимствованъ у Павла. Катаракта оперируется низдавленіемъ. Кромѣ того Абулказемъ упоминаетъ, что въ Персіи катаракта устраняется высасываніемъ; пріемъ, который снова введенъ былъ гораздо позже.**—Весьма подробно разработано зубоврачебное искусство.—Особенно интересно описаніе литотрипсіи—какъ при камняхъ, ущемленныхъ въ мочевомъ каналѣ, такъ и при находящихся въ пузырѣ.—Ампутацію Абулказемъ описываетъ такъ-же, какъ Павелъ. Кровотеченіе при этой

---

* Гдѣ нужно было рѣзать—арабы только прижигали. Эта, по выраженію Пушмана, хирургическая „пиротехника" достигла высокаго состоянія у арабскихъ хирурговъ. Большая часть изъ тѣхъ 151 хирургическихъ инструментовъ, изображенія коихъ даетъ Абулказемъ въ своихъ руководствахъ, предназначены именно для цѣлей „пиротехники". Ред.

** О высасываніи (suctio) катаракты упоминаетъ еще Антиллъ (330 г. по Р. Х.) и, кажется, какъ объ операціи уже ранѣе его извѣстной. Ред.

операціи останавливается каленымъ желѣзомъ и styptica; лигатура упоминается лишь въ отдѣлѣ о кровотеченіяхъ.—Ненормальныя положенія плода исправляются поворотомъ; если послѣдній невыполнимъ, то производится эмбріотомія.

У арабовъ сочиненіе Абулказема мало обратило на себя вниманія; наоборотъ, переводы этого произведенія на латинскій языкъ, приготовленные съ конца XII вѣка, сдѣлались главнымъ руководствомъ для хирурговъ запада.—Сюда же принадлежитъ персидское произведеніе, написанное въ X вѣкѣ и основанное на греческихъ, римскихъ, сирійскихъ и индійскихъ источникахъ: Абу'Мансуръ Мовафикъ, *Liber fundamentorum pharmacologiae*, ed. R. Seligmann. Vindob. 1859. 8.

61) Эбнъ-Сина, названный Эль-Шейх-Арраджисъ,* т. е. князь врачей (980—1037), изъ персидской провинціи Хорасана, пріобрѣлъ еще ребенкомъ славу ученаго; медицину онъ уже изучалъ 16-ти лѣтъ. Впослѣдствіи онъ жилъ при дворахъ многихъ персидскихъ властелиновъ, изъ которыхъ одинъ назначилъ его даже визиремъ. Политика привела его въ темницу, откуда онъ бѣжалъ въ Испагань, гдѣ встрѣтилъ при дворѣ блестящій пріемъ.—Авиценна составилъ болѣе 105 сочиненій по всѣмъ наукамъ; шесть его медицинскихъ сочиненій напечатаны. Важнѣйшее изъ послѣднихъ, знаменитое вообще въ арабской литературѣ *Kanun fi't Tib.* (***Правило медицины***, ***Канонъ***) напечатано на арабскомъ (Римъ. 1593. 6), еврейскомъ и въ 29 латинскихъ изданіяхъ; (послѣднее полное: Venet. 1555. f.).

Авиценна справедливо называется арабскимъ Галеномъ. Обнимающая всю медицину система, изложенная въ ***Канонѣ***, превосходитъ систему славнаго Пергамскаго врача (хотя на этой послѣдней она главнымъ образомъ основана) полнотой и порядкомъ изложенія, а по языку (стилю) произведеніе арабскаго писателя считается образцовымъ. За то по само-

---

* Извѣстный болѣе подъ именемъ Авиценны. Имя его не менѣе извѣстно въ философіи, какъ и въ медицинѣ. Ред.

стоятельности научныхъ взглядовъ оно стоитъ гораздо ниже произведеній предшественниковъ, особенно Rhazes'a*. Быстро переведенныя на латинскій языкъ сочиненія Авиценны самое большое вліяніе пріобрѣли на западѣ, гдѣ они въ продолженіе многихъ вѣковъ почти совсѣмъ вытѣснили творенія Гиппократа и Галена.

Многочисленные врачи, жившіе послѣ Авиценны, разработывали главнымъ образомъ діэтетику и ученіе о лѣкарственныхъ веществахъ. Къ наиболѣе достойнымъ вниманія изъ нихъ принадлежитъ Серапіонъ младшій, авторъ сочиненія *О простыхъ лѣкарствахъ* (на латинск. Argent. 1531. f.).

Али-бенъ-Иза (начало XI вѣка) составилъ сочиненіе по глазнымъ болѣзнямъ, взятое цѣликомъ изъ Галена и Хонеина, введеніе и анатомическія главы котораго недавно переведены на латинскій языкъ Гилле (Дрезденъ 1845. 8.).

Періоду упадка арабской медицины, начавшемуся съ XII вѣка, принадлежатъ слѣдующіе врачи: Испанецъ Абу-Мерванъ-ибнъ-Зоаръ (Авензоаръ). Въ сочиненіи: *Altheisir* [*Facilitatio s. Adjumentum* (послѣдн. издан. на латинскомъ. Venet. 1574. 8.)] онъ высказывается рѣшительно про-

---

* Канонъ состоитъ изъ 5 книгъ, въ которыхъ послѣдовательно разсматриваются: 1) анатомія и физіологія, 2) общая патологія и терапія, 3) фармакологія, 4) частная патологія и терапія и 5) хирургія и глазныя болѣзни. Каждая книга распадается на *отдѣлы* (*fen*), каждый отдѣлъ — на трактаты (*doctrinae*), каждая доктрина на — *summae* и эти послѣднія уже на *главы*. Этому порядку изложенія, съ которымъ не можетъ сравниться ни одно произведеніе древности, и обязанъ *Канонъ* своимъ долговременнымъ успѣхомъ.

Изъ теоретическихъ и обще-патологическихъ воззрѣній Авиценны — мы укажемъ здѣсь на введенное имъ въ медицину ученіе о четырехъ принципахъ перипатетиковъ: вещества, формы, дѣйствія и цѣли. (см. стр. 50). Далѣе Авиценна же развилъ ученіе о трехъ основныхъ причинахъ болѣзней: предрасполагающія (*sabikéh*), производящія (*badyéh*) и ближайшія, непосредственныя причины (*wasilch*). — Ред.

тивъ діалектическаго разработыванія медицины* и приводитъ небезъинтересныя хирургическія наблюденія, собранныя имъ самимъ и его отцомъ. Авензоаръ считается также первымъ, описавшимъ чесоточнаго клеща.**

Его ученикъ и другъ Ibn Roschd (Аверроесъ) изъ Кордовы, знаменитъ, главнымъ образомъ, какъ философъ.*** Извѣстнѣйшее изъ его медицинскихъ произведеній: *Kitâb el Kollijjât* (*Liber universalis de medicina*, называемое обыкновенно *Colliget*), хорошо изложенная, но лишенная оригинальности, система медицины (послѣдн. издан. на латинск. Argent 1531. f.).

Его современникъ и соотечественникъ Моисей-бен-Маймунъ (Маймонидъ), одинаково знаменитый какъ врачъ и философъ, еще до сихъ поръ пользуется величайшимъ уваженіемъ среди своихъ еврейскихъ единовѣрцевъ, какъ основатель новаго періода еврейской литературы. Маймонидъ, какъ и Аверроесъ, считаетъ единственными вѣрными источниками познанія разумъ и св. писаніе. Изъ его многочисленныхъ сочиненій, написанныхъ на арабскомъ языкѣ, особенно заслуживаютъ вниманія *Tractatus de regimine sanitatis* (лат. Lugd. 1535), обработанный въ чисто гиппократовскомъ духѣ, и сочиненіе *О ядахъ и ихъ лѣченіи*, популярное руководство для подачи первой помощи при отравленіяхъ [на франц. пер.

---

* Авензоаръ относится критически къ положеніямъ Галена — и не придаетъ особенной цѣны его спекулятивнымъ теоріямъ: „*Experientiam verae praxeos ducem esse*, говоритъ онъ, *et probatricem optimam*". Ред.

** Задолго до того, какъ въ Европѣ узнали, что чесотка обусловливается присутствіемъ въ кожѣ особаго чужеяднаго — мапучи (одно изъ индѣйскихъ племенъ), у которыхъ scabies свирѣпствуетъ въ формѣ жестокихъ эпидемій, вынимали клеща изъ кожи иголкой. Ред.

*** Значеніе Аверроеса основывается существенно на томъ, что онъ, какъ послѣдній выдающійся представитель арабско-аристотелевской философіи, собралъ ея результаты и передалъ ихъ западу посредствомъ обширной литературной дѣятельности, въ особенности своими комментаріями Аристотелю. Эта сторона дѣятельности Аверроеса разработана подробно Ренаномъ. Ред.

Рабиновичемъ. Парижъ 1867. 8 и (неполно) на нѣмецк. Штейншнейдеромъ. Берлинъ 1873. 8].

XIII вѣку принадлежитъ знаменитѣйшій ботаникъ и фармакологъ арабовъ: Абу-Мухамедъ-ибн-эль-Бейтаръ изъ Малаги (ум. въ 1248 г.), лейбъ-медикъ въ Капрѣ. Его большое произведеніе: *О простыхъ лекарствахъ и пищевыхъ средствахъ* (напечатанное въ плохомъ нѣмецкомъ переводѣ Зонтгеймеромъ, Штутгартъ 1840. 8. 2 т.) большей частью представляетъ компиляцію изъ Діоскорида, Галена и арабскихъ врачей, но содержитъ также многочисленныя замѣчанія, небезъинтересныя для исторіи фармакологіи. Дополненіе къ этому сочиненію, принадлежащее Абд-ер-Резаку (Abd er Rezzaq), Леклеркъ издалъ на французскомъ языкѣ (Парижъ. 1874. 8).—Ибнъ-Абу-Оссейбіа изъ Дамаска (1203—73)—авторъ очень важнаго для исторіи арабской медицины сочиненія, напечатаннаго отчасти на арабскомъ языкѣ: *Fontes relationum de classibus medicorum*, содержащаго свѣдѣнія о важнѣйшихъ индусскихъ, арабскихъ и христіанскихъ врачахъ до времени автора (частью напечатано во французскомъ переводѣ, Sanguinetti, Парижъ. 1854—56. 8).

Нѣкогда процвѣтавшая арабская культура погибла отъ внутренняго разлада и могущества внѣшнихъ враговъ раньше всего на востокѣ. Въ 1256 г. восточный халифатъ былъ разбитъ въ дребезги монголами (подъ начальствомъ Хулаку), Багдадъ разрушенъ и всякій слѣдъ прежняго блеска уничтоженъ. Въ Испаніи арабское владычество удержалось еще въ теченіе двухъ вѣковъ; но и здѣсь оно все болѣе и болѣе падало отъ слабости халифовъ, возрастающаго могущества сосѣднихъ христіанскихъ государствъ, уничтоженія арабской торговли—итальянскими республиками Генуей и Венеціей. Послѣ завоеванія Кордовы Фердинандомъ III въ 1256 г. мавры были ограничены одной Гренадой, пока и послѣдняя не была покорена въ концѣ XV вѣка Фердинандомъ Католикомъ.

Остатки арабской медицины сохранились на востокѣ до настоящаго времени; продолжаютъ даже выходить новыя медицинскія сочиненія, но они основаны исключительно на Авиценнѣ и другихъ арабскихъ писателяхъ. Въ большинствѣ

восточныхъ странъ, не говоря о живущихъ тамъ и сямъ европейскихъ врачахъ, медициной занимаются невѣжественные „Toubib'ы“; хирургіей, въ которой каленое желѣзо до сихъ поръ играетъ выдающуюся роль,—цирюльники; камнесѣченіемъ и операціей катаракты—странствующіе эмпирики. Акушерство и дѣтскія болѣзни находятся въ рукахъ невѣжественныхъ повитухъ, пользованіе болѣзней половыхъ органовъ обоихъ половъ—у старыхъ женщинъ. Самымъ же большимъ уваженіемъ пользуются суевѣрныя средства, особенно полоски бумаги, исписанныя изреченіями корана и проглатываемыя больными.

Исторія медицины на западѣ въ средніе вѣка.

Начала медицины у Германцевъ.

62 Германскій народъ, вѣтвь арійцевъ, сошедшихъ съ незапамятныхъ временъ со своихъ индѣйскихъ горъ на западъ, до настоящаго времени сохранилъ въ тѣлесномъ и духовномъ отношеніяхъ многіе слѣды своего происхожденія Еще прежде чѣмъ германскія племена пріобрѣли осѣдлость, они уже достигли извѣстной культуры. Въ ихъ позднѣйшихъ главныхъ мѣстахъ осѣдлости, на западѣ Эльбы и въ средней Германіи, развилась домашняя и общественная жизнь, много напоминавшая героическій періодъ Греціи, основанная на уваженіи къ женщинѣ, чистотѣ нравовъ и любви къ отечеству. Сѣверныя племена имѣли торговыя сношенія съ греками, позднѣе еще болѣе оживленныя—съ Византіей, задолго предъ тѣмъ, какъ они пришли въ соприкосновеніе съ Римомъ. Послѣ покоренія Италіи они обнаружили такую воспріимчивость къ высшей культурѣ, какая была бы необъяснима безъ извѣстнаго предварительнаго образованія.

Начала медицины у Германцевъ обнаруживаютъ такую же смѣсь теургическихъ и эмпирическихъ элементовъ, какая замѣчается у всѣхъ народовъ, стоящихъ на первыхъ ступеняхъ развитія. Медицина находится въ рукахъ жрецовъ (друиды), жрицъ и вѣщихъ женщинъ („Sagas“, у готовъ—„Alrunen“),

которыя вылѣчиваютъ священными изреченіями и чарами. Знаменитѣйшими цѣлебными растеніями считаются омела (viscum quernum), волшебный корень (вѣроятно, atropa mandragora), переступень (bryonia alba), дурманъ, изъ которыхъ приготовлялись и волшебные напитки и мази для ранъ, и „жизненная трава“, излѣчивающая всякую рану. Цѣлебную силу заключаютъ также священные камни, белемниты и ехиниты, которые еще и теперь находятъ покрытыми руническими письменами.—Подобно жрецамъ и святымъ женщинамъ и князья обладаютъ цѣлебной силой. Еще въ позднѣйшее время они наложеніемъ рукъ устраняли золотуху и зоба.—Медицинская помощь въ болѣе тѣсномъ смыслѣ находилась преимущественно въ рукахъ женщинъ. И дома, и на полѣ битвы онѣ посвящаютъ себя уходу за больными и ранеными. Очень рано мы встрѣчаемъ у германцевъ настоящихъ врачей —„(Läkare“, еще и теперь по шведски „Laeger“), главнымъ образомъ—хирурговъ. Они происходятъ изъ низшаго сословія и, подобно цирюльникамъ и банщикамъ, не пользуются почетомъ (сообразно профессіи).

Въ старыхъ сѣверныхъ книгахъ упоминается уже о кровавыхъ операціяхъ, даже ампутаціи и искусственныхъ членахъ. Акушерки встрѣчаются на сѣверѣ, начиная съ XIII вѣка. Въ случаѣ тяжелыхъ родовъ производится кесарское сѣченіе.

Врачи и обученіе медицинѣ въ теченіе первыхъ столѣтій среднихъ вѣковъ.

63. Западная имперія пала подъ усиливающимся напоромъ германскихъ народовъ. Но если отношеніе первыхъ завоевателей къ памятникамъ древней культуры было очень грубо, то грѣхъ этотъ съ избыткомъ былъ искупленъ новой жизнью, которую ихъ потомки вдохнули въ почти мертвые остатки римской культуры. Послѣ нѣсколькихъ столѣтій—отъ смѣшенія южной и сѣверной крови, изъ сліянія латинскаго и германскаго нарѣчій—возникла новая группа народовъ и образовался новый корень языка—романскіе народы и романскіе языки.

Школы, основанныя императорами, существовали до VII вѣка. Въ нижней Италіи, въ древнихъ мѣстахъ поселеній дорійскихъ переселенцевъ, греческій языкъ и остатки греческаго образованія сохранились до XIV вѣка; мало того, они встрѣчаются путешественнику до настоящаго времени.

Сильнѣе всего развилась духовная жизнь у готовъ, на которыхъ уже давно повліяло византійское образованіе. Въ Италіи, при Теодорихѣ Великомъ и его канцлерѣ Кассіодорѣ, снова расцвѣли старыя школы. Тоже рвеніе къ просвѣщенію выказала и супруга Теодориха Амаласунта, какъ опекунша своего сына Аталариха, и этотъ послѣдній. Въ южной Франціи, гдѣ трехъязычная Массилія*, начиная съ VII вѣка до Р. X., представляла средоточіе греческаго и римскаго образованія, съ 413 г. основывались вестготами многочисленныя школы; и когда вестготы, сто лѣтъ спустя, оттѣснены были франками въ Испанію, они опять натолкнулись тамъ на плодотворные остатки античной образованности.

Самое большое и продолжительное вліяніе на западную культуру оказывали духовные ордена, особенно орденъ, основанный въ началѣ VI вѣка ученикомъ св. Василія—св. Бенедиктомъ, носящій его имя. Св. Бенедиктъ считалъ занятія науками одной изъ важнѣйшихъ обязанностей членовъ ордена (братьевъ). Главный монастырь ордена Monte Cassino, между Римомъ и Неаполемъ, сталъ исходнымъ пунктомъ его дѣятельности. Самыя большія благодѣянія бенедиктинцы оказали сѣвернымъ странамъ Европы, именно Англіи, гдѣ они основали рядъ учебныхъ заведеній,—изъ которыхъ Оксфордъ и Кембриджъ развились въ университеты,—точно также Швейцаріи и Германіи, гдѣ уже очень давно были основаны монастыри—св.Галленъ, Фульда, Корвей и многіе другіе.

Важную отрасль ученыхъ занятій бенедиктинцевъ составляла медицина. Уже Кассіодоръ призываетъ своихъ братьевъ по ордену къ изученію латинскихъ переводовъ Гиппократа, Діоскорида и Галена. Старинные латинскіе переводы послѣднихъ и многихъ другихъ, большею частью мало

---

* Massilia—древнее названіе Марсели. Ред.

извѣстныхъ писателей, нѣкоторые отдѣлы изъ собранія Орибазія, появившіеся почти одновременно съ подлинникомъ, находятся въ библіотекахъ Monte Cassino, св. Галлена, Берна и т. д.

Изъ медицинскихъ авторовъ—римлянъ большимъ уваженіемъ пользовался Целій Авреліанъ, особенно извлеченіе изъ послѣдняго, названное „*Aurelius*" и родственный послѣднему „*Esculapius*". Это обстоятельство объясняетъ, какимъ образомъ ученіе методиковъ такъ далеко распространилось въ средніе вѣка.

64. Еще многочисленнѣе, чѣмъ эти переводы и обработки древнихъ авторовъ,—болѣе или менѣе самостоятельные продукты медицинской и естественно-исторической литературы среднихъ вѣковъ, которые либо носятъ названія ихъ дѣйствительныхъ авторовъ, либо присваиваютъ себѣ болѣе древнія, какъ „*Esculapius*". Главнымъ источникомъ этихъ сочиненій, представляющихъ почти одинъ историко-филологическій и культурно-историческій интересъ, является Плиній.

Древнѣйшее и важнѣйшее изъ нихъ есть сборникъ рецептовъ, называвшійся раньше „*Plinius secundus*", также „*junior*" и „*Plinius Valerianus*"; но лучше всего называть его, вмѣстѣ съ новѣйшимъ издателемъ V. Rose (Berlin, 1875. 8), *Pseudo-Plinius*. Онъ въ свою очередь сдѣлался источникомъ другихъ произведеній, изъ которыхъ въ X вѣкѣ появился еще и третій *Plinius*. Подобное же происхожденіе, содержаніе и достоинство имѣетъ сочиненіе врача Марцелла, жившаго около 400 г. при дворахъ Өеодосія I и II: Марцелла Эмпирика, *De medicamentis*. —Далѣе сюда принадлежитъ, приписываемый нѣкоему Люцію Апулею, *Herbarius* или *De medicaminibus herbarum* (первая половина V вѣка), и гораздо болѣе самостоятельное, греческаго происхожденія, сочиненіе—*Medicinae praesertaneae* Өеодора Присціана.

Гораздо большій интересъ представляетъ недавно открытое, написанное около 520 г. греческимъ врачемъ Анонимомъ (Anthimus) діэтетическое сочиненіе, адресованное франкскому королю Теодориху; авторъ послѣ своего изгнанія

изъ Византіи жилъ у готовъ въ Италіи и былъ отправленъ ими въ качествѣ посла къ франкамъ; на латинскомъ языкѣ—сочиненіе греческаго врача къ нѣмецкому королю: Anthimus, *Epistolae de observatione ciborum*; ed. V. Rose, Berl. 1877. 8.

Самыя первыя самостоятельныя работы западныхъ писателей, касающіяся естествознанія, ограничиваются краткимъ обзоромъ сочиненій Птоломея, Плинія и Діоскорида,—часто одними алфавитными обозначеніями тѣлъ природы, съ указаніемъ ихъ латинскихъ, или иногда и на мѣстномъ языкѣ, названій и перечисленіемъ ихъ полезныхъ и вредныхъ свойствъ.

Замѣчательнѣйшее изъ нихъ *Origines* или *Liber etymologiarum* епископа Исидора изъ Севильи (около 600 г.). Написанное около того же времени на основаніи новѣйшихъ источниковъ Бенедиктомъ Криспомъ, епископомъ Миланскимъ, *Commentarium medicinale*, содержитъ въ 241 плохомъ гекзаметрѣ описаніе цѣлебной силы 26 растеній.

Новый періодъ въ исторіи Запада начинается Карломъ Великимъ. Вызванный послѣднимъ подъемъ духовной жизни даетъ себя ясно знать въ появленіи многочисленныхъ литературныхъ произведеній. Къ разработывающимъ естествознаніе и медицину принадлежитъ знаменитое стихотвореніе *Hortulus* Валафрида Страба, настоятеля въ Рейхенау, на Целлерскомъ озерѣ, описывающее 23 лѣкарственныхъ растенія, разводившіяся въ монастырскомъ саду. На X столѣтіе приходится подобное-же, недавно найденное, сочиненіе на древнееврейскомъ языкѣ одного, жившаго въ Италіи, еврейскаго врача Сабатай бенъ Абраама, прозваннаго Донноло, описывающее 120 лѣкарственныхъ растеній и ихъ употребленіе. Многія сочиненія этого періода, напр. *Lapidarius* Marbod'a, реннскаго епископа (начало XII вѣка) и недавно открытое древнегерманское стихотвореніе—*das Steinbuch*, описываютъ цѣлебныя и волшебныя силы драгоцѣнныхъ камней.—Большимъ уваженіемъ пользовалось долгое время гекзаметрическое стихотвореніе одного диллетанта, жившаго въ XII вѣкѣ, Оттона, изъ Медона (на Луарѣ), о домашнихъ лѣкарственныхъ средствахъ: *De viribus herbarum*, называемое

также *Macer Floridus*, переводившееся много разъ на нѣмецкій, даже на датскій языки. Тому же времени принадлежитъ *Physica* — настоятельницы монастыря Рупертсбергъ близъ Бингена — Гильдегарды; это — популярная естественная исторія, обнимающая животное, растительное и минеральное царства, съ перечисленіемъ многихъ испытанныхъ средствъ противъ болѣзней людей и животныхъ. Вслѣдствіе того обстоятельства, что рядомъ съ латинскими названіями почти всегда стоятъ соотвѣтствующія нѣмецкія, это произведеніе получаетъ важное значеніе для исторіи нѣмецкаго языка. (Hildegardis *Physica*, ed. Reuss. Paris. 1856. 8).

Медицина въ старѣйшихъ университетахъ.

65. Важнѣйшій поворотъ въ исторіи западной культуры представляетъ основаніе первыхъ университетовъ. Главная причина ихъ возникновенія была возраставшая все больше и больше потребность въ высшемъ научномъ образованіи. Въ продолженіе многихъ столѣтій послѣднее было достояніемъ почти исключительно одного духовенства. Но мало по малу въ обществѣ появилась жажда знаній, превышавшая тотъ объемъ, тѣ размѣры, которыми владѣла церковь. Раньше всего эта потребность знаній обнаружилась пробужденіемъ народнаго творчества. Изъ среды народа, главнымъ образомъ нѣмецкаго, изъ сокровищницы его героическихъ разсказовъ выросло несравнимое богатство великолѣпныхъ эпическихъ произведеній, изъ глубины его духа—масса пѣсенъ, воспѣвающихъ природу и любовь. Значительное участіе въ этомъ пробужденіи духовной жизни принадлежитъ крестовымъ походамъ. Европейскія націи познакомились на востокѣ съ народами, которые, не уступая имъ въ храбрости, далеко превосходили ихъ образованіемъ и осмысленностью свѣтлаго пользованія жизнью*.

* Предположеніе, что наука востока была перенесена крестоносцами на западъ,—страдаетъ исключительностью. Въ самомъ дѣлѣ, что могли имѣть общаго съ восточной культурой эти дикія орды крестоносцевъ, ничего не знавшія кромѣ грабежа, легковѣрныя и суевѣр-

Такъ, прежде всего въ резиденціяхъ князей и знати, рядомъ съ военными играми, ревностно стали развиваться придворные обычаи, искусство стихосложенія и пѣнія. Не менѣе пробудился и въ среднемъ сословіи интересъ къ духовной жизни—вслѣдствіе расширенія торговыхъ сношеній, прогрессивнаго развитія ремеслъ и искусствъ. Высшее научное образованіе до того времени было доступно сравнительно немногимъ; книги были рѣдки и дороги; еще труднѣе было добиться возможности устнаго обученія у знаменитыхъ учителей. При помощи университетовъ сокровища знаній сдѣлались доступны многимъ тысячамъ. И чѣмъ болѣе съ развитіемъ культуры укрѣплялся гражданскій и государственный порядокъ, тѣмъ болѣе увеличивалась потребность въ учителяхъ, судьяхъ и врачахъ.

Основанные въ средніе вѣка университеты имѣютъ вооб-

ныя до фанатизма, всецѣло подчиненныя тиранніи жрецовъ—проповѣдниковъ?.. Однакожъ, несомнѣнно, что крестовые походы оказали вліяніе—какъ на развитіе наукъ, такъ и на развитіе медицины. Существенные результаты этого вліянія можно формулировать въ слѣдующія положенія:

1) Феодальной системѣ былъ нанесенъ сильнѣйшій ударъ.

Всякій человѣкъ—будь то даже рабъ—становясь подъ знамя креста, уходилъ изъ подъ власти своего барона, дѣлался свободнымъ. Это увеличеніе свободныхъ гражданъ—повлекло за собой и прогрессъ свободныхъ наукъ, а слѣдовательно и медицины, и мы видимъ значительное увеличеніе числа врачей—не-монаховъ. 2) Увеличеніе госпиталей является частію изъ подражанія востоку, а частію изъ необходимости—вслѣдствіе ужаснаго распространенія лепры, сдѣлавшейся—со времени крестовыхъ походовъ общей болѣзнью запада: въ XIII в. больницы для лепрозныхъ насчитываются десятками тысячъ!.. 3) Диспропорція между мужскимъ и женскимъ народонаселеніемъ, возрастающій упадокъ нравственности—послужили причиной возникновенія и развитія болѣзней половой сферы, а слѣдовательно и развитія этого отдѣла медицины. Наконецъ, 4) болѣе широкое развитіе торговыхъ сношеній—какъ послѣдствіе крестовыхъ походовъ—не могло не отразиться и на развитіи наукъ вообще и медицины въ особенности. Ред.

ще двоякое происхожденіе: свѣтское и церковное. Многіе изъ нихъ происходятъ изъ свѣтскихъ школъ и становятся подъ покровительство свѣтской власти: императора; другіе возникаютъ изъ каѳедральныхъ школъ въ резиденціяхъ епископовъ; они—церковныя учрежденія, орудія духовной іерархіи. Къ первымъ особенно принадлежатъ основанные или упроченные императоромъ Фридрихомъ II итальянскіе университеты въ Салерно, Неаполѣ, Мессинѣ. Они разработываютъ преимущественно свѣтскія науки: право и медицину; впослѣдствіи они держатъ себя свободнѣе другихъ—отъ вліянія папства. Наоборотъ, большинство французскихъ, англійскихъ и германскихъ университетовъ основаны въ такое время, когда господство церкви преобладало. Они получаютъ свои привиллегіи отъ папы и стоятъ подъ неограниченнымъ вліяніемъ іерархіи,—тѣмъ болѣе, что многіе только и содержались на средства, составляемыя изъ приношеній въ пользу церкви.

Старѣйшіе университеты, какъ учебныя заведенія для всего объема небогословскихъ наукъ,—свѣтская мудрость,—состоятъ только изъ одного факультета—философскаго или художественнаго (артистическаго). Раньше всего отъ послѣдняго отдѣлился юридическій; медицинскій еще на долго остается связаннымъ съ художественнымъ [факультетомъ искусствъ]. Остатки этихъ отношеній сохранились въ нѣкоторыхъ академическихъ учрежденіяхъ и донынѣ.

Въ первое время во всѣхъ университетахъ господствуетъ эллинизмъ, особенно въ области медицины; въ XII вѣкѣ къ изученію грековъ прибавляется изученіе арабовъ; въ XIII—арабизмъ получаетъ перевѣсъ. Въ XIV и XV вѣкахъ, вслѣдствіе пробудившейся любви къ изученію классиковъ—наступаетъ конецъ вліянію арабизма.

Салерно и Монпелье.

66. Городъ Салерно, древняя римская колонія, лежитъ на берегу залива Тирренскаго моря, къ югу отъ Неаполя, въ одной изъ красивѣйшихъ мѣстностей нижней Италіи, славившейся уже въ древности цѣлебнымъ дѣйствіемъ своего

климата. Древнѣйшая исторія города, которымъ послѣдовательно овладѣвали беневентскіе князья, лангобарды и норманны, очень темна. Въ 1130 году онъ былъ присоединенъ къ неаполитанскому королевству и Сициліи. Уже при королѣ Рожерѣ (средина XII вѣка) Салерно находился въ цвѣтущемъ состояніи; его паденіе начинается съ господствомъ швабскихъ императоровъ; болѣе всего вреда принесло городу основаніе неаполитанскаго королевства подъ владычествомъ анжуйскаго дома, впослѣдствіи—господство испанцевъ. Его граждане, подобно жителямъ сосѣднихъ городовъ Беневента, Неаполя и Амальфи, отличались со времени эмиграціи дорійцевъ матеріальнымъ довольствомъ и образованностью. Амальфи принадлежалъ къ самымъ значительнымъ торговымъ пунктамъ того времени. Онъ обладалъ знаменитой юридической школой; первая рукопись пандектовъ найдена была въ Амальфи.—Около 500 г. Салерно сдѣлался резиденціей епископа, а съ 974 г.—архіепископа; къ концу VII вѣка тамъ возникъ бенедиктинскій монастырь; многіе епископы и архіепископы выдавались познаніями во врачебномъ искусствѣ.

Во время крестовыхъ походовъ Салерно былъ сборнымъ пунктомъ пилигримовъ и военныхъ, поправлявшихъ свое здоровье въ его цѣлительномъ воздухѣ отъ болѣзней и ранъ.

Медицинская школа возникла въ Салерно, вѣроятно, уже въ IX вѣкѣ. Надо предположить, что послѣдняя произошла отъ соединенія жившихъ въ городѣ врачей.* Ихъ примѣру послѣдовали юристы и философы, и такимъ образомъ мало по малу развился университетъ со всѣми отраслями знаній, за исключеніемъ теологіи. Въ X вѣкѣ слава салернскихъ врачей такъ была распространена, что свѣтскіе и духовные князья приходили издалека, чтобы воспользоваться ихъ знаніями. Всѣмъ извѣстно стихотвореніе Гартманна изъ Ауэ, въ

---

* Легенда объ основаніи Салернской медицинской школы называетъ имена участниковъ-основателей. Это были—арабъ Adela, еврей—Helinus, грекъ—Pontus и римлянинъ—Salernus. (Лабульбенъ). Такимъ образомъ—согласно этому сказанію въ основаніи Салернской школы участвовали представители ума со всего міра. Ред.

которомъ говорится, какъ „бѣдный Гейнрихъ" излѣчился въ Салерно отъ проказы. Въ 1213 г. философская, юридическая и медицинская школы были и по внѣшности соединены въ университетъ императоромъ Фридрихомъ II. Однако медицинскій факультетъ настолько стоялъ на первомъ планѣ, что Салерно получило почетное имя „Civitas Hippocratica."

„Studium Salernitanum", собственно „Collegium Hippocraticum" были и остались свѣтскими учрежденіями; конечно, среди учителей были и духовные, но „priores" (т. е. деканы) медицинскихъ факультетовъ могли быть женаты; мало того, среди учителей медицины находились дочери и жены профессоровъ, и многія изъ нихъ выступали въ качествѣ писательницъ.

Число профессоровъ медицины, указываемыхъ исторіей Салерно за тысячелѣтній періодъ (между 800—1810 гг.), доходитъ до 340. Число учащихся во всякомъ случаѣ, по крайней мѣрѣ въ цвѣтущемъ періодѣ школы, было также весьма значительнымъ Безъ сомнѣнія между послѣдними было много евреевъ.

Салерно обязанъ своей славой, во первыхъ, тому обстоятельству, что онъ, въ теченіе долгаго времени, былъ на западѣ единственнымъ мѣстомъ, гдѣ можно было получить высшее медицинское образованіе,—а во вторыхъ,—своей вѣрной приверженности къ греческой медицинѣ. Съ того момента, какъ старая Schola Hippocratica подпала власти арабизма, Салерно отходитъ на задній планъ сравнительно съ расцвѣтшими за это время соперницами—Болоньей, Падуей и Монпелье. Самымъ тяжелымъ ударомъ для него было основаніе неаполитанскаго университета Фридрихомъ II (въ 1224 г.). Въ срединѣ XIV в. медицинская школа до того завяла, что, по словамъ Петрарки, ея слава живетъ еще только въ сказаніяхъ. Это жалкое существованіе Салерно влачилъ до нашихъ дней. 29 ноября 1811 г. Наполеонъ закрылъ университетъ. Бурбонами онъ, правда, опять былъ возстановленъ, но до своего первоначальнаго блеска подняться больше не могъ

Остальные итальянскіе университеты, именно въ Неаполѣ, Болоньѣ, Падуѣ, Павіи имѣютъ для медицины сред-

нихъ вѣковъ лишь небольшое значеніе. За то опасной соперницей Салерно явилась школа въ Монпелье, въ основаніи которой, какъ извѣстно, принимали участіе еврейскіе ученые, и гдѣ позже изучало медицину много евреевъ. Процвѣтаніе Монпелье начинается съ паденіемъ Салерно и приходится на XIII и XIV вѣка. Тамошняя медицинская школа пріобрѣла славу тѣмъ, что въ ней, рядомъ съ общими отдѣлами, разработывались и практическія стороны медицины. Италія и Парижъ образовывали схоластиковъ, Монпелье—практиковъ.

Парижскій университетъ, начало котораго безъ сомнѣнія доходитъ до Карла Великаго, получилъ свое значеніе преимущественно постановкой изученія философіи и теологіи. Медицинскій факультетъ до начала XVI вѣка занималъ второстепенное мѣсто. Тоже относится и къ очень древнимъ испанскимъ, португальскимъ и англійскимъ высшимъ школамъ: Валенсіи, Саламанкѣ, Леридѣ,—Лиссабону, Коимбрѣ,—Оксфорду и Кембриджу.

Прага, старѣйшій нѣмецкій университетъ, основанный въ 1348 г. Карломъ IV, долгое время былъ средоточіемъ научной жизни Германіи, именно восточныхъ провинцій. Въ другихъ старѣйшихъ нѣмецкихъ высшихъ школахъ изученіе медицины находилось въ болѣе или менѣе жалкомъ состояніи. Вѣна (1382) имѣла въ началѣ только трехъ медицинскихъ профессоровъ, Гейдельбергъ (1365), Тюбингенъ (1477)—только двухъ, Грейфсвальдъ (1456)— обыкновенно лишь одного.

Врачи и медицинская литература салернской школы.

67. Исторія Салернской школы распадается на 3 отдѣла: единодержавіе греческой медицины, начинающійся перевѣсъ арабизма и ясно выраженное господство послѣдняго.

Между учителями и писателями перваго періода—выступаютъ, начиная съ первой половины XI вѣка, особенно Guarimpotus (Gariopontus), Petroncellus, Alphanus I (впослѣдствіи салернскій архіепископъ) и Copho I и II. Послѣдній замѣчателенъ, какъ вѣроятный авторъ *Anatome*

porci. Іоаннъ Платеарій І*—основатель знаменитой салернской фамиліи врачей;—Тротула, вѣроятно его жена,—какъ старѣйшая и знаменитѣйшая изъ салернскихъ учительницъ медицины. Она составила компендіумъ, обнимающій всю медицину, изъ котораго до насъ дошли лишь отдѣлы, относящіеся къ женскимъ болѣзнямъ.**

На вторую половину XI вѣка приходится Варооломей, *Practica* котораго уже въ XIII вѣкѣ была переведена на верхне-нѣмецкій, нижне-нѣмецкій и датскій языки, и Afflacius. Другой врачъ этого времени, Archimatthaeus, авторъ не безъинтереснаго сочиненія для сужденія о тогдашнемъ соціальномъ положеніи врачей *De adventu medici ad aegrotum,**** и *Practica*, изъ котораго, между прочимъ, видно что въ Салерно было и клиническое преподаваніе. Петръ Музандинъ, (XII вѣкъ)—авторъ трактата *О діэтетикѣ лихорадочныхъ*, основой котораго служило извѣстное гиппократово сочиненіе.

Болѣе ста лѣтъ Салерно оказывалъ сопротивленіе напору арабизма; въ XIII столѣтіи послѣдній одержалъ рѣшительную

---

* Шпренгель считаетъ это ошибкой, утверждая, что рѣчь идетъ о Матвеѣ Платеаріѣ, а Іоаннъ—жилъ въ XV в. Этотъ же авторъ высказываетъ сомнѣніе относительно существованія Trotula. Ред.

** Trotula, Trotta s. Trocta—ярая галенистка—представляется теперь, благодаря изслѣдованію de Renzi, уже не легендарной, а дѣйствительной личностью, практиковавшей въ Салерно въ половинѣ XI вѣка. Изъ позднѣе жившихъ женщинъ врачей Салерно—до насъ дошли имена: Abella, автора сочиненія, изложеннаго, сообразно важности предмета, въ стихахъ *De natura seminis humani;* Constanza Calenda, Mercuriade и Rebecca Guarna, которыя отличались столько же своей мудростью, сколько и красотой. Ред.

*** Въ этомъ сочиненіи встрѣчается слѣдующій, не лишенный современности, совѣтъ: когда врачъ покидаетъ больнаго, то долженъ увѣрить его, что онъ непремѣнно выздоровѣетъ; окружающимъ же нужно сказать, что болѣзнь очень тяжкая. Ибо, если паціентъ выздоровѣетъ, слава врача еще болѣе увеличится, если же больной умретъ, то люди скажутъ, что докторъ вѣрно предсказалъ печальный исходъ. Ред.

побѣду. Вліяніе арабской медицины обнаруживается въ началѣ тѣмъ, что къ преобладавшей до тѣхъ поръ діэтетической терапіи присосѣживается фармацевтическая, пока, наконецъ, лѣкарственныя и рецептурныя книги не берутъ перевѣсъ. Очень ясно обрисовываетъ этотъ переходъ обработанный около 1140 г. Николаемъ Praepositus'омъ (т. е. представителемъ школы) *Antidotarium*, описывающій въ алфавитномъ порядкѣ 150 сложныхъ лѣкарственныхъ препаратовъ. Онъ составляетъ основу всѣхъ послѣдующихъ работъ этого рода. Такимъ же уваженіемъ пользовалось подобное же сочиненіе Матвея Платеарія I—*De simplici medicina*, называемое обыкновенно по начальнымъ словамъ „*Circa instans*,,—ученіе о лѣкарственныхъ веществахъ съ греческими, латинскими и итальянскими названіями описанныхъ веществъ. Гораздо извѣстнѣе этихъ работъ, созданныхъ извѣстными сочленами школы, многія анонимныя сочиненія, напр., *Demonstratio anatomica*, *De modo medendi*, объемистое произведеніе *De aegritudinum curatione*, знаменитѣйшее изъ всѣхъ *Regimen sanitatis Salernitanum* Послѣднее нашло такое распространеніе, какое выпадаетъ на долю немногихъ книгъ, и являлось до новѣйшаго времени въ очень большомъ числѣ переводовъ и изданій (Удобныя изданія: Düntzer'а съ хорошимъ нѣмецкимъ метрическимъ переводомъ. Кельнъ 1841. 8.—Meaux de st. Marc'а, 2 изд. Парижъ. 1880. 8). *Regimen Salernitanum* научное стихотвореніе діэтетическаго и терапевтическаго содержанія, назначенное для публики. Оно написано такъ называемыми леонинскими, т. е. риөмованными то на концѣ, то въ срединѣ строкъ гекзаметрами, и отнюдь не представляетъ собою, какъ часто принимали, изложеніе содержанія салернской медицины вообще. Первоначальная форма этого произведенія съ теченіемъ времени испытала измѣненія и прибавленія.

Къ этимъ сочиненіямъ, принадлежащимъ членамъ салернской школы, примыкаютъ многія произведенія знаменитаго бенедиктинца Gilles de Corbeil [Aegidius Corboliensis (около 1200 г.)], бывшаго, по всему вѣроятію, долго профессоромъ въ Салерно, а впослѣдствіи лейбъ-

медикомъ короля Филиппа Августа французскаго. Какъ горячій почитатель Салерно, онъ взялъ на себя изложеніе ученія школы въ 4-хъ очень хорошихъ гекзаметрическихъ стихотвореніяхъ *О мочѣ*, *О пульсѣ*, *О сложныхъ лѣкарственныхъ веществахъ* и *О проявленіяхъ болѣзней*.

Характеристика салернской медицины.

68. Хуже всего у салернцевъ была обставлена анатомія, что объясняется тѣмъ вліяніемъ, которое оказывала на Салерно методическая школа въ теченіе многихъ столѣтій. Анатомическая литература салернцевъ ограничивается двумя сочиненіями: *Анатоміей свиньи*, Copho, занимающей въ изданіи de Renzi двѣ съ половиною страницы, и гораздо болѣе подробной *Demonstratio anatomica*—лекціей, касающейся также анатоміи свиньи.

Стоящее въ согласіи съ греческой медициной, особенно съ методиками, преимущественное практическое направленіе салернской школы, объясняетъ преобладаніе въ послѣдней терапіи. Описанія болѣзней ограничиваются обыкновенно необходимыми гуморально-патологическими и методическими объясненіями, довольно часто названіями болѣзней и ихъ этимологическимъ разъясненіемъ. Важнѣйшія изъ относящихся сюда произведеній суть: *Curae* Afflacius'а и анонимныя сочиненія *De curatione generibus* и *De aegritudinum curatione**. Діагностика основана главнымъ образомъ на изслѣдованіи пульса и мочи, преимущественно по указанію Aegidius Corboliensis'а. Подробнѣе всего разработаны острыя заболѣванія и наступающіе при нихъ кризисы. Терапія въ первомъ періодѣ школы—главнымъ образомъ діэтетическая. Венесекціи, именно маленькія кровопусканія на salvatella,** играютъ, какъ еще теперь въ Италіи, важную роль. Число простыхъ и сложныхъ медикаментовъ уже давно такъ возрасло, что явилась

---

* См. выше стр. 151 и 152.

** Т. е. кровопусканіе изъ венъ ручной кисти. Ред.

потребность въ новомъ сословіи—аптекарей. Запасъ лекарствъ еще болѣе увеличился отъ введенія арабскихъ медикаментовъ.

Главное произведеніе салернитанцевъ по частной терапіи *De aegritudinum curatione*—разсматриваетъ, по заведенному порядку, сначала лихорадки, особенно такъ частыя въ Италіи перемежающіяся лихорадки, которыя въ началѣ лѣчились рвотными, впослѣдствіи главнымъ образомъ опіемъ. За лихорадками слѣдуетъ отдѣлъ, богатый интересными замѣчаніями о *morbi particulares*, въ изложеніи котораго ясно обнаруживается вліяніе методиковъ.

Хирургія салерицевъ, кажется, почти до средины XIII столѣтія, ограничивалась ученіемъ о ранахъ, ожогахъ, абсцессахъ, переломахъ, вывихахъ, ракѣ, мочевыхъ камняхъ и примѣненіи наружныхъ средствъ. Это, вѣроятно, зависитъ отъ того, что образованные врачи прежнихъ вѣковъ, большею частью духовные, держались въ сторонѣ отъ хирургіи, отчасти также отъ того, что монахи при перепискѣ медицинскихъ сочиненій, назначенныхъ прежде всего для монастырей, оставляли безъ вниманія тѣ произведенія и отдѣлы, которые имѣли для нихъ или слишкомъ малое значеніе, или вовсе его не имѣли: гинекологію, педіатрію и хирургію.

Офталмологія салерицевъ ограничивается, не говоря о катарактѣ, оперируемой по методу scleroticonyxis, почти исключительно скудными замѣчаніями о страданіяхъ наружныхъ частей глаза; гинекологія—рецептами и суевѣрными средствами. Характерно за то для многихъ изъ этихъ и другихъ сочиненій среднихъ вѣковъ обиліе предписаній, относящихся до зачатія, „способствованія менструаціи“ (т. е. производства аборта) и усиленія половой способности мужчинъ.

Начинающееся вліяніе арабской медицины. Латинскіе переводы трудовъ арабскихъ врачей.

---

69. Начиная съ XI вѣка на Западѣ обнаруживается постоянно возрастающее вліяніе арабизма во всѣхъ областяхъ; особенно ясно оно выступаетъ въ разработкѣ естествознанія и

медицины. Очень много этому способствовало то обстоятельство, что западным врачамъ до X вѣка сочиненія грековъ были знакомы почти исключительно по отрывочнымъ и плохимъ латинскимъ переводамъ и обработкамъ. Съ половины XI вѣка были переведены на латинскій языкъ многія объемистыя медицинскія произведенія арабовъ, не только содержавшія ученія грековъ въ неизвѣстной дотолѣ полнотѣ и порядкѣ, но и излагавшія свѣдѣнія, пріобрѣтенныя самими арабами. Очень большую услугу арабской медицинѣ оказывало значительное увеличеніе лѣчебнаго арсенала новыми лѣкарственными веществами, которыя уже по одному ихъ происхожденію изъ дальняго востока и высокой цѣнѣ возбуждали довѣріе; самому способу арабскаго приготовленія лѣкарствъ также отдавалось преимущество.

Самый ранній посредникъ знакомства Запада съ медицинской литературой арабовъ—Константинъ Африканскій* изъ Кареагена (род. около 1010 года), познакомившійся вполнѣ съ арабскимъ языкомъ послѣ сорокалѣтняго пребыванія на Востокѣ. Послѣ своего возвращенія онъ жилъ короткое время на родинѣ и въ Салерно, впослѣдствіи многіе годы до самой смерти, послѣдовавшей въ глубокой старости,—въ Монте-Касино. Сочиненія, носящія имя Константина, состоятъ изъ латинскихъ переводовъ обработанныхъ арабами произведеній греческихъ врачей, именно *Афоризмовъ* Гиппократа и *Ars parva* Галена, изъ переводовъ арабскихъ оригинальныхъ сочиненій и собственныхъ работъ. Важнѣе всего то, что Константинъ обработывалъ сочиненія только второстепенныхъ арабскихъ писателей, напр. Исаака, Али Аббаса и Джафера, которыя могли надѣяться на бóльшее распространеніе вслѣдствіе ихъ незначительнаго объема, чѣмъ переводы объемистыхъ капитальныхъ работъ Разеса, Авиценны и Абулказема.—Именъ обработанныхъ имъ авторовъ-врачей Константинъ обыкновенно не указываетъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, пожалуй, онъ не свободенъ отъ упрека, что имѣлъ въ виду выдавать переводы за свои оригинальныя сочиненія.

* Называемый современниками вторымъ Гиппократомъ. Ред.

Для распространенія арабской медицины на Западѣ—переводы, составленные въ XII вѣкѣ имѣли гораздо большее значеніе, чѣмъ ранніе переводы арабовъ, приготовленные многими учеными, подписывавшимися именемъ Stephanus'а. Главнымъ мѣстопребываніемъ этой переводческой дѣятельности былъ Толедо, куда, послѣ изгнанія готовъ Альфонсомъ VI (1085), изъ всѣхъ странъ устремились жаждущіе знаній, чтобы познакомиться съ восточной мудростью при помощи христіанскихъ и еврейскихъ ученыхъ. Въ этомъ мѣстѣ, пользовавшемся въ сѣверной Европѣ дурной славой мѣстопребыванія черной магіи, архіепископъ Раймунъ (около 1140 г.) основалъ институтъ для переводовъ, въ которомъ, главнымъ образомъ, работали евреи.—Самую большую услугу арабизму оказали норманнскіе властители Неаполя и Сициліи; главнымъ образомъ императоръ Фридрихъ II, весьма благопріятствовавшій восточнымъ взглядамъ и привычкамъ. Подобно своимъ предшественникамъ и преемникамъ, онъ поручалъ ученымъ евреямъ переводы арабскихъ авторовъ.

Важнѣйшіе изъ переводчиковъ XII и XIII вѣка суть Герардъ изъ Кремоны (1114—1187) и жившій ста годами позже еврей Фараджъ бенъ Салемъ (Ferragius, Ferragut).

Періодъ схоластики.

Естествознаніе.

70. Однимъ изъ важнѣйшихъ послѣдствій знакомства запада съ арабской литературой было появленіе „схоластической фи-

* *Схоластика*, т. е. хитросплетенная логика, посредствомъ которой положительное ученіе вѣры должно было выводиться изъ изслѣдованія о сущности разума. .. Относясь съ нѣкотораго рода пренебреженіемъ къ неудавшимся попыткамъ такихъ изслѣдованій—мы не должны забывать, что, благодаря имъ, человѣческій духъ упражнялся въ мышленіи, для котораго проложены были новые пути. Такіе схоластики, какъ *Беренгаръ Турскій*—достойны занять самое почетное мѣсто въ ряду смѣлыхъ проповѣдниковъ человѣческой мысли. Ред.

лософіи"*. Западъ зналъ до тѣхъ поръ лишь логическія и метафизическія сочиненія стагиритскаго философа, переведенныя на латинскій языкъ Боэціемъ въ VI вѣкѣ Его „физическія", т. е. естественно-научныя произведенія, остались неизвѣстными до XII вѣка, когда они появились въ арабскихъ переводахъ, основанныхъ далеко не всегда на греческомъ подлинникѣ, а только на арабскихъ и даже древнееврейскихъ версіяхъ. Вмѣстѣ съ физическими сочиненіями Западъ получилъ въ полномъ объемѣ многократно преобразованные и исковерканные труды (ученія) Аристотеля вмѣстѣ съ комментаріями, составленными магометанскими и еврейскими учеными. Философія, возникшая изъ такихъ источниковъ, вступила въ такое же тѣсное соединеніе съ господствующей теологіей, какое уже раньше случилось съ исламомъ и мозаизмомъ (іудействомъ), и развилась въ орудіе іерархіи, господствовавшее съ деспотической властью надъ всѣми областями духовной жизни.

Перевѣсъ, который схоластика доставила діалектикѣ, доведенной въ школахъ евреевъ и магометанъ до высочайшей тонкости, очень скоро привелъ къ тому, что мѣсто мышленія заняла пустая игра „понятіями", вмѣсто которыхъ весьма часто—кстати или некстати—ставились лишь слова. И въ этомъ отношеніи схоластическая философія распространяла въ теченіе многихъ вѣковъ свое роковое вліяніе на естествознаніе и медицину.

Въ объемистыхъ сочиненіяхъ по естествознанію, появившихся во время господства схоластики мѣсто, прежнихъ преимущественно избиравшихся источниковъ—Плинія и Діоскорида—заняли естественно-историческія произведенія Аристотеля.—Важнѣйшій изъ всѣхъ писателей этого рода есть знаменитый доминиканецъ Альбертъ фонъ Больштедтъ, называемый обыкновенно Альбертомъ Великимъ (1193—1280), впослѣдствіи кельнскій архіепископъ, самый уважаемый учитель своего времени, знаменитѣйшій естествоиспытатель XIII вѣка Главнѣйшія изъ его произведеній относятся къ ботаникѣ и зоологіи. Описанія Альберта основаны большею частью на собственныхъ наблюденіяхъ. Одна-

кожъ, его сочиненія, опередившія далеко свое время, были гораздо менѣе распространены, чѣмъ многія, по существу компиляторныя, энциклопедіи, не имѣвшія въ виду стремленій Альберта—связать философію съ естествознаніемъ.—Важнѣйшіе изъ подобныхъ писателей суть: Bartholomaeus Anglicus (*De proprietatibus rerum*), Thomas изъ Cantimpré [(Cantipratanus) *De naturis rerum*] и Vincenz изъ Beauvais (Bellovacensis), колоссальная компиляція котораго, *Speculum majus*, обнимающая совокупность знаній среднихъ вѣковъ, составленная по арабскимъ источникамъ, довольно подробно трактуетъ о медицинѣ. На XIV вѣкъ падаетъ сочиненіе, важное по существу и языку—*Книга природы* (Buch der Natur) Кунрата фонъ Мегенберга—нѣмецкая обработка написаннаго имъ же раньше латинскаго сочиненія.

Врачи схоластики.

71. Медицинская литература схоластическаго періода имѣетъ въ настоящее время почти одинъ библіографическій интересъ. Ибо относящіяся сюда сочиненія содержатъ только большею частію хитро сплетенныя опредѣленія и діалектическіе разборы основныхъ положеній медицины или безконечныя разъясненія гиппократовскихъ, галеновскихъ и арабскихъ ученій. Даже немногія наблюденія и фактическія сообщенія теряются въ неудобоваримыхъ теоріяхъ и пустыхъ умозрѣніяхъ. Поэтому достаточно будетъ перечислить важнѣйшихъ представителей этого направленія. Изъ XIII вѣка: Taddeo Alderotti (Thaddaeus Florentinus), главный основатель схоластической медицины, четыре члена фамиліи Varignana, ученики Taddeo, изъ которыхъ извѣстнѣйшій—Bartolommeo V.—Dino de Garbo извѣстенъ, главнымъ образомъ, какъ толкователь Авиценны. *Summula medicinalis* его сына Tommaso—вѣрное изображеніе медицины XV вѣка. Другой ученикъ Taddeo: Torrigiano (Turrisanus, Trusianus) —авторъ уважаемаго комментарія къ *Ars parva* Галена.

Гораздо болѣе свободнымъ духомъ, чѣмъ отъ этихъ бо-

лонцевъ, вѣетъ отъ учениковъ Падуи, хотя еще и опутанныхъ схоластикой. Во главѣ ихъ стоитъ еретикъ Pietro изъ Abano (Aponensis), трупъ котораго былъ преданъ казни сожженія. Его много прославленный *Conciliator differentiarum* служилъ для разрѣшенія медицинскихъ споровъ того времени. Въ этомъ сочиненіи Pietro, по своимъ физическимъ, астрономическимъ и химическимъ познаніямъ, стоитъ далеко выше своихъ современниковъ.—Къ его школѣ принадлежатъ четверо врачей фамиліи Santa Sofia, изъ которыхъ самый извѣстный Marsilio.—Далѣе изъ Падуи вышла знаменитая фамилія De' Dondi. Книга о лѣкарственныхъ веществахъ, написанная Giacomo-de' D.: *Aggregator de simplicibus* называемая также *Aggregator Paduanus*, принадлежала къ самымъ распространеннымъ компендіямъ.

Изъ арабистовъ, жившихъ внѣ Падуи, достаточно назвать Франца изъ Піедимонте, профессора въ Неаполѣ (ум. 1319), и Жака Депара (de Partibus, около 1400 г.), профессора въ Парижѣ.

Къ распространеннѣйшимъ литературнымъ произведеніямъ XIII—XV вѣковъ принадлежитъ рядъ медицинскихъ словарей, напр.. *Synonyma medicinae* или *Clavis sanationis* Симона изъ Генуи (Januensis; конецъ XIV вѣка), обработанный съ большой тщательностью словарь лѣкарственныхъ веществъ, основанный большею частью на собственныхъ наблюденіяхъ и имѣющій до сихъ поръ еще важное значеніе для исторіи ботаники.—Подобный же характеръ имѣютъ *Pandectae medicinae*, составленныя около 1330 г. Matthaeus Sylvaticus'омъ въ Палермо.

Ничтожный интересъ возбуждаютъ компендіи, вышедшіе въ схоластическомъ періодѣ. Во всѣ времена къ большинству такихъ произведеній подходили слова Guy von Chauliac'а, сказанныя имъ о современныхъ ему хирургическихъ руководствахъ: „Sequuntur se sicut grues; unus non dicit, nisi quod alter". Болѣе извѣстные изъ нихъ суть: *Practica* Вильгельма изъ Бресчіа (Brixiensis), *Laurea anglicana* Жильберта, *Practica* или *Lilium medicinae* француза Бернгарда Гордона, *Rosa anglica*—англичанина Джона Гэддесдена.

Въ еще большемъ числѣ произвелъ такіе компендіи XV вѣкъ. Сюда принадлежатъ сочиненія 2-хъ профессоровъ въ Монпелье: *Clarificatorium juvenum* Іоанна изъ Торнамиры и *Philonium* Валеска изъ Таранты; *Sermones medicinales* Николая Фалькуція, *Practica* Михаила Саванароллы и такое же сочиненіе Antonio Guaneri.

Предвѣстники возрожденія духовной жизни.

Roger Baco.

72. Начиная съ XIII вѣка все яснѣе обнаруживаются предвѣстники пробужденія (никогда вполнѣ не заглушающагося) стремленія народовъ къ свободѣ. Прежде всего оно дало себя знать въ области религіозной жизни, напр. въ образованіи товариществъ — „братьевъ общей жизни", вальдензеровъ* и нѣкоторыхъ другихъ. Скоро оно обнаружилось и въ наукѣ. Въ медицинѣ робкими началами свободнаго движенія являются попытки „конциліаторовъ" сгладить непримиримыя противорѣчія**. Скоро за ними являются болѣе ловкіе и смѣлые борцы, которые оспариваютъ не только толкователей Аристотеля, но и самого послѣдняго. И они должны были, подобно мученикамъ за вѣру, претерпѣть всякаго рода преслѣдованія.

Застрѣльщикомъ въ борьбѣ свободнаго изслѣдованія съ старыми уставами — въ области естествознанія явился Roger Baco, въ медицинѣ Arnald изъ Villanova.

Англичанинъ Рожеръ Бэконъ (род. въ 1215 г.) воспитывался сначала въ Оксфордѣ, тогдашнемъ средоточіи свободнаго политическаго и научнаго движенія, впослѣдствіи

* Эта замѣчательная евангелическая секта (существующая и понынѣ) получила свое названіе отъ имени основателя ея — богатаго ліонскаго гражданина, Valdez (Petrus Waldus), явившагося реформаторомъ за долго до Лютера. Вальдензеры сами себя называли humiliati — т. е. смиренномудрые. Ред.

** См. стр. 158.

—въ Парижѣ. Исполненный отвращенія къ схоластикѣ, онъ задумалъ планъ преобразованія наукъ. Возвратившись въ Оксфордъ, онъ основалъ школу математики, физики, астрономіи и химіи. Изъ десятилѣтняго тюремнаго заключенія, на которое Бэконъ былъ осужденъ францисканцами, своими товарищами по ордену, онъ, правда, былъ освобожденъ свободомыслящимъ папой Климентомъ V; но послѣ смерти послѣдняго Бэконъ снова навлекъ на себя за свои сочиненія 14-лѣтнее заключеніе. Годъ его смерти неизвѣстенъ. Главныя произведенія Бэкона, написанныя большею частью въ темницѣ, (новѣйшее изданіе: Лондонъ 1859. ff. 8) суть: *Opus majus de utilitate scientiarum*, *Opus minus*, *tertium* и *Compendium philosophiae*.

Бэконъ проникнутъ убѣжденіемъ, что схоластика погубила всю современную ему науку. Возрожденіе послѣдней можетъ удасться лишь тогда, когда изслѣдованіе возвратится къ источникамъ, въ языковѣдѣніи—къ греческому и идіомамъ востока, въ теологіи—къ священному писанію, въ естествознаніи—къ математикѣ и опыту. Собственныя работы Бэкона въ естественныхъ наукахъ незначительны, но рѣшительность, съ которой онъ высказывается противъ господствующей системы, и ясность, съ которой онъ распозналъ путь и методъ къ возстановленію лучшаго положенія, сдѣлали его имя однимъ изъ славнѣйшихъ въ исторіи науки.

Arnaldus von Villanova.

73. Судьба и работы родственнаго Рожеру Бэкону генія —Арнальда изъ Виллановы—покрыты мракомъ неизвѣстности. Такъ какъ одновременно жили и другіе ученые того же имени, то трудно съ увѣренностью сказать, какое сочиненіе кому принадлежитъ.

Знаменитѣйшій изъ врачей, называвшихся этимъ именемъ, (1235—1312), происходилъ, вѣроятно, изъ Испаніи и жилъ впослѣдствіи, какъ врачъ и учитель, долгое время въ Парижѣ, Монпелье, Барцелонѣ, Римѣ, снова въ Парижѣ, наконецъ, въ Италіи. Онъ также нашелъ въ Климентѣ V ве-

ликодушнаго защитника отъ направленныхъ противъ него преслѣдованій доминиканцевъ. Arnald умеръ, 78 лѣтъ, въ виду генуэзской гавани по пути въ Авиньонъ, куда его вызвалъ тяжело заболѣвшій папа.

Философскія сочиненія Арнальда инквизиція уничтожила: химическія—большею частью поддѣльны. Объемистое *Breviarium*—важнѣйшее изъ сочиненій, носящихъ его имя, принадлежитъ, можетъ быть, не ему, а одновременно съ нимъ жившему итальянцу—однофамильцу.

Авторъ дошедшихъ до насъ подъ именемъ Arnald'а медицинскихъ сочиненій отличается благороднымъ, набожнымъ, исполненнымъ сознанія достоинства врачебнаго искусства характеромъ, высокой научной самостоятельностью и богатымъ опытомъ. Многія его сочиненія стремятся доказать, что медицина не должна быть накопленіемъ эмпирическихъ „частностей", а должна основываться на общихъ принципахъ, и что послѣдніе находятся не въ басняхъ и сказкахъ фоліантовъ арабовъ и ихъ приверженцевъ, а въ сочиненіяхъ Гиппократа и Галена. Въ терапіи Arnaldus особенно заботится о сохраненіи силъ больного и придаетъ большое значеніе діэтетическому лѣченію, — а въ хроническихъ болѣзняхъ рекомендуетъ перемѣну мѣстожительства, путешествія и естественныя термы. Все это не мѣшаетъ ему приписывать золоту большія цѣлебныя свойства. Хирургическія замѣчанія Арнальда также не лишены интереса. Во всякомъ случаѣ *Breviarium* одинъ изъ лучшихъ источниковъ для ближайшаго знакомства съ практической медициной XIII вѣка.

Подобнаго же духа исполнены сочиненія многихъ современниковъ Арнальда, напр. премонстратензера [члена духовнаго ордена п-овъ] Θомы изъ Бреславля, сарептскаго епископа, и Сигизмунда Альбика (Albicus), впослѣдствіи пражскаго епископа, горячаго почитателя Arnald'а. Большой интересъ представляетъ его *Vetularius*, діэтетика для стариковъ.

Извѣстный по своей мученической смерти религіозный мечтатель Раймундъ Луллъ изъ Маллорки (1235—1315) напоминаетъ своего учителя Arnald'а только своими химическими сочиненіями.

Возобновленіе изученія анатоміи.

74. Самое большое вліяніе на преобразованіе медицины имѣло возобновленіе изученія анатоміи. Правда, оно не прекращалось совершенно даже въ самыя мрачныя времена среднихъ вѣковъ.* Уже Фридрихъ II въ 1224 г. убѣдительно просилъ салернцевъ заняться анатоміей; въ 1238 г. онъ велѣлъ производить каждые 5 лѣтъ публичное вскрытіе трупа.

Извѣстно, кромѣ того, что въ Италіи, задолго до Мондино, не рѣдко производились анатомическія демонстраціи. Матеріалъ доставляли казни, госпитали и, правда, не частыя, разрытія могилъ.** На этотъ послѣдній способъ добыванія анатомическаго матеріала смотрѣли тогда гораздо снисходительнѣе, чѣмъ можно было ожидать.—Даже въ городахъ, гдѣ не было университетовъ, власти заботились о развитіи своихъ врачей устройствомъ публичныхъ анатомическихъ демонстрацій, для которыхъ часто приглашались знаменитые профессора. Точно также упоминаются судебно-медицинскія вскрытія. Мало того! Перуджійскіе врачи не боялись въ 1348 г. производить вскрытіе труповъ лицъ, умершихъ отъ черной смерти. Конечно, польза этихъ изслѣдованій при грубости анатомической техники, недостаткѣ въ средствахъ для консервированія труповъ, краткости времени, посвященнаго изслѣдованію—была весьма незначительна. Даже ученикъ Мондино, Бертуччіо, излагалъ свой курсъ въ 4-хъ лекціяхъ 1) „Membra nutritiva“ (кишечный каналъ), 2) „spiritualia“ (мозгъ и нервы), 3) „animalia“ (печень, сердце и сосуды), 4) мускулы и кости. Чтобы демонстрировать „partes similares“ (мускулы,

* См. выше стр. 152.

** Въ XVI столѣтіи изученіе анатоміи представляло такія же трудности,—какъ и 300 лѣтъ назадъ. Въ автобіографіи Феликса Платера, профессора въ Базелѣ, разсказываются небезъинтересныя подробности о томъ, какъ, для добыванія труповъ, онъ съ товарищами ночью отправлялся на кладбище для разрытія могилъ. Знаменитый Везалій добывалъ трупы для своихъ изслѣдованій такимъ же путемъ; а одинъ разъ похитилъ трупъ даже съ висѣлицы. Ред.

сосуды и нервы), трупъ держали въ проточной водѣ до тѣхъ поръ, пока не отдѣлялись кожа, жиръ и клѣтчатка. Для другихъ цѣлей трупы подвергались въ теченіе 3 лѣтъ дѣйствію солнца (чтобы высушить ихъ) или зарывались для гніенія въ землю. Чтобы демонстрировать кости, особенно черепа и позвоночника, трупъ или отдѣльныя части его варились. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ для преподаванія анатоміи пользовались рисунками.

Изъ анатомическихъ произведеній до-мондиновскаго періода—до сихъ поръ извѣстны лишь двѣ рукописи: Henri de Mondeville'я, одного изъ важнѣйшихъ хирурговъ того времени* и *Анатомія* Magister Richardus'a (напечатанная въ диссертаціи Фабіана. Бреславль. 1875. 8).

Mondino.

75. Новая глава въ исторіи анатоміи начинается съ Mondino (уменьшительное отъ — Raimondo) dei Liucci (1275—1326), бывшаго профессоромъ въ своемъ родномъ городѣ Болоньѣ. Его *Anathomia*, составленная въ 1316 г., содержитъ—кромѣ описанія техническихъ пріемовъ изслѣдованія —также данныя о важнѣйшихъ патологическихъ измѣненіяхъ и хирургическихъ отношеніяхъ описанныхъ частей тѣла. Мондино при этомъ не поднимается выше арабской точки зрѣнія, главнымъ образомъ Авиценны; далѣе всего онъ стоитъ отъ признанія основнаго значенія анатоміи. Польза этой науки, по его мнѣнію, заключается, главнымъ образомъ, лишь въ томъ, что она указываетъ мѣста „диспозицій."

Историческое значеніе произведенія Мондино опредѣляется не скуднымъ содержаніемъ его, а тѣмъ, что, явившись чрезъ полторы тысячи лѣтъ послѣ періода александрійскихъ анатомовъ,—оно представляется первымъ сочиненіемъ, основаннымъ на изслѣдованіи человѣческихъ труповъ.**

---

* См. ниже стр. 169.

** При анатомическихъ работахъ Мондино кромѣ его прозектора Otto Agenio дѣятельной помощницей была молодая женщина Alessandra Giliani. Ред.

(Старѣйшее изъ многочисленныхъ изданій: Bonon. 1478. f.; послѣднее: Venet. 1580. 12).

Произведеніе Мондино составляло въ теченіе почти 200 лѣтъ единственный источникъ для изученія анатоміи. Благотворное его вліяніе выразилось тѣмъ, что сначала въ Италіи, вскорѣ затѣмъ во Франціи, наконецъ въ Германіи—оно возбудило интересъ къ изученію анатоміи. Въ итальянскихъ университетахъ заботились о правильномъ повтореніи анатомическихъ демонстрацій, въ которыхъ профессора принимали участіе по очереди, а необходимые расходы оплачивались учащимися. Во Франціи факультетъ въ Монпелье лишь въ 1376 году получилъ разрѣшеніе вскрывать трупы казненныхъ. Въ Прагѣ правильныя анатомическія лекціи начались только въ 1460 г.; въ Вѣнѣ уже въ 1433 году; но съ 1404 по 1498, почти въ 100 лѣтъ, произведены лишь девять анатомическихъ демонстрацій. Тюбингенъ получилъ лишь въ 1482 г. отъ папы Сикста V право производить вскрытія. Въ Грейфсвальдѣ человѣческій трупъ былъ разсѣченъ впервые въ 1624 г., спустя 200 лѣтъ послѣ основанія университета.

Писатели-фармакологи и бальнеологи.

76. Въ области практической медицины пробужденіе самостоятельнаго наблюденія обнаруживается появленіемъ фармакологическихъ, токсикологическихъ и бальнеологическихъ сочиненій. О первыхъ мы уже говорили;* изъ токсикологическихъ нужно обратить вниманіе на трактаты Arnald'a von Villanova *De venenis* и одноименное произведеніе венеціанца Santes Ardoyno, оконченное въ 1426 г.

Большій интересъ возбуждаютъ сочиненія, трактующія о минеральныхъ источникахъ, пользующихся уваженіемъ съ древнихъ временъ: въ Италіи Bajae, Puzzuoli, Abano, Bormio; въ Германіи Аахенъ, Баденъ-Баденъ, Бертрихъ, Висбаденъ; впослѣдствіи Пирмонтъ, Швальбахъ, Вармбруннъ, Карлсбадъ, Вильдбадъ, Гаштейнъ, Ст. Моритцъ и многіе другіе.

---

* См. выше стр. 159.

Въ термахъ проводили обыкновенно большую часть дня. При внутреннемъ лѣченіи водами, которое вошло въ употребленіе гораздо позже, считалось необходимымъ выпивать возможно большее количество цѣлебной воды. Многія мѣста для купанья, особенно Баденъ въ Швейцаріи, Аахенъ и нѣкоторыя другія становятся уже въ средніе вѣка средоточіемъ разгула и разврата.

Важнѣйшее изъ бальнеологическихъ сочиненій XIV вѣка принадлежитъ Giacomo de' Dondi: о купаньяхъ Абано. Въ Германіи нюренбергскій цирульникъ и трубадуръ Гансъ Фольцъ написалъ въ 1400 г. сочиненіе о естественныхъ термахъ.

Еще яснѣе свидѣтельствуютъ о пробужденіи самостоятельнаго наблюденія, появлявшіяся, начиная съ XIV вѣка, въ большомъ количествѣ собранія „консилій".* Какъ примѣры таковыхъ, можно привести сочиненія (Consilia): Gentile da Fuligno (ум. въ 1348 г.), Antonio Cermisone (ум. въ 1441 г.), Bartolomeo Montagnana (ум. въ 1470 г.), (бывшихъ профессорами въ Падуѣ), и Matteo Ferrario.

Хирургія XIII—XV вѣка.

77. Вслѣдствіе основанія университетовъ пропасть,— давно уже раздѣлявшая научно-образованныхъ врачей отъ невѣжественныхъ эмпириковъ, занимавшихся преимущественно хирургіей,—сдѣлалась еще глубже, чѣмъ прежде. Съ

* Происхожденіе этихъ „Consilia"—довольно любопытно. Въ случаяхъ хроническихъ заболѣваній высокопоставленныхъ лицъ—пользующіе ихъ врачи обращались письменно къ медицинскимъ знаменитостямъ того времени (преимущественно къ итальянскимъ). Отвѣтомъ на эти письма, заключающія исторію болѣзни, являлись заочные терапевтическіе совѣты,—consilia, которые высоко цѣнились и коллектировались даже въ особые сборники, игравшіе въ тогдашней литературѣ роль современныхъ собраній клиническихъ лекцій. (Ср. Левинъ, Практич. медиц. эпохи возрожденія, Врачъ 1888). Ред.

другой стороны, почти безпрестанныя войны, главнымъ же образомъ крестовые походы давали хирургамъ возможность пріобрѣтать опытность и практическую сноровку.

Хирургическая литература среднихъ вѣковъ проходитъ тѣ же періоды, какъ и медицина этого промежутка времени вообще. Сначала преобладаютъ греки, потомъ—арабы. Самыми ранними хирургическими писателями являются итальянцы; но уже въ XIV вѣкѣ французы получаютъ перевѣсъ; въ это время является первое хирургическое сочиненіе англичанина; вслѣдъ за нимъ—сочиненіе голландца и нѣмца.

Въ составленной въ 1180 г. *Practica Chirurgiae* салерница Roger'а (Ruggiero) изъ Палермо (напечатано Venet. 1546. f. въ обработкѣ Rolando Capelluti, поэтому часто называется *Rolandina*)—оперативная хирургія играетъ лишь второстепенную роль. Другое произведеніе Roger'а—*Summa* или *Practica parva* занимается частной патологіей и терапіей въ болѣе тѣсномъ смыслѣ.

Къ самымъ загадочнымъ образамъ этого темнаго періода принадлежатъ „четыре мастера" (около 1300 г.), жившіе, по мнѣнію однихъ, въ Салерно, по указанію другихъ, въ Парижѣ. Однако, приписываемыя имъ *Glossulae* къ *Хирургіи* Roger'а и Roland'а происходятъ, вѣроятно, только отъ одного автора (напечатано въ de-Renzi *Collectio Salernitana* Neap. 1854. 8. T. II). Они составляютъ главный источникъ для оцѣнки средневѣковой хирургіи.

Важнѣйшими соперниками салернскихъ хирурговъ были хирурги, вышедшіе изъ болонской школы. Основателемъ ея является Гуго Боргоньони изъ Лукки (около 1200 г.), не выступавшій однако, какъ писатель. Важнѣе—Bruno изъ Longoburgo въ Калабріи, жившій вѣроятно въ Веронѣ и Падуѣ. Его ***Большая хирургія***, появившаяся въ 1252 г., основана, правда, большею частью на Гиппократѣ, Галенѣ и важнѣйшихъ арабахъ, особенно Разесѣ и Абулказемѣ, но содержитъ также и собственныя наблюденія (напечатана въ *Collectio Chirurgica* Veneta 1546. f.). Сынъ Бруно Teodorico Borgognoni (1205—1298) принялъ духовный санъ и умеръ епископомъ (въ Cervia близь Равенны),—положеніе, въ кото-

ромъ онъ дѣйствовалъ, какъ хирургъ. Его *Хирургія*, напечатанная въ *Collectio Veneta*, основана также* большею частью на трудахъ его знаменитыхъ предшественниковъ. Самостоятельнѣйшій изъ этихъ болонцевъ—Guilielmo Salicetti (Saliceto), изъ Piacenza, впослѣдствіи былъ городскимъ врачемъ въ Веронѣ. Онъ составилъ *Summa conservationis et curationis*, разработывающую медицину въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, и *Cyrurgia*—хирургію, законченную въ 1265 г., богатую собственными наблюденіями. (Перв. изд. Placent. 1475. f.).

Славная исторія французской хирургіи начинается съ основаніемъ Collége de St. Côme въ 1260 г. въ Парижѣ. Поводомъ къ послѣднему послужило, вѣроятно, то обстоятельство, что многіе итальянскіе хирурги, изгнанные изъ отечества вслѣдствіе политической неурядицы, переселились во Францію, а французскіе хирурги старались составить тѣсный оплотъ противъ итальянскихъ товарищей. Однако, болѣе прочное положеніе Collège пріобрѣлъ лишь въ 1311 г. при помощи Жана Питара (ум. въ 1315 г.), хирурга Людовика св. и его обоихъ преемниковъ. Хирурги St. Côme'а почитали патронами святыхъ врачей Козьму и Демьяна, близнецовъ, принявшихъ мученическую смерть при Діоклетіанѣ. Коллегія существовала до 1713 г., когда она преобразована была въ Académie de chirurgie; однако процвѣтала она лишь короткое время, такъ какъ большинство членовъ имѣли въ виду однѣ лишь матеріальныя выгоды, и свои лучшія силы тратили на борьбу съ факультетомъ и цирюльниками.

Подобные союзы появились уже очень рано въ Монпелье и другихъ французскихъ городахъ, въ Брюсселѣ, Антверпенѣ, Гамбургѣ (1452), Лондонѣ, Эдинбургѣ (1505) и др. мѣстахъ.

Самое большое вліяніе на дальнѣйшее развитіе хирургіи во Франціи имѣлъ изгнанный изъ Милана ученикъ Salicetti—Lanfranchi. Въ 1295 г. онъ прибылъ въ Парижъ, гдѣ былъ принятъ въ Collége de St. Côme, которой онъ придалъ много блеска своими лекціями и хирургическими опе-

---

* Боргоньони зналъ о заживленіи per primam intentionem. Ред.

раціями, но блескъ этотъ погасъ съ его смертію (1306). Въ своей, оконченной въ 1295 году *Большой хирургіи* Lanfranchi является послѣдователемъ Salicetti, обнаруживая при этомъ повсюду собственную опытность и практическую осмотрительность.

Четырнадцатый вѣкъ.

78. Старѣйшее изъ извѣстныхъ до сихъ поръ хирургическихъ сочиненій французскихъ писателей (еще не напечатанное) принадлежитъ упомянутому уже среди анатомовъ этого періода Henri de Mondeville'ю (ум. послѣ 1315 г.), ученику Питара, лейбъ-медику Филиппа Красиваго.* Оно основано большей частью на сочиненіяхъ предшественниковъ, но свидѣтельствуетъ также о собственной опытности автора.

Обширное вліяніе Lanfranchi вытекаетъ особенно ясно изъ недавно опубликованныхъ на голландскомъ языкѣ двухъ сочиненій ученика его, нидерландца Jehan Yperman'a изъ Ypern'a, честнаго и свободомыслящаго человѣка, славное имя котораго еще до нынѣ произносится съ уваженіемъ на его родинѣ: 1) *Хирургіи*, и 2) менѣе важнаго сочиненія о внутреннихъ болѣзняхъ, (Yperman *Livre de chirurgie*, Anvers 1863. 8. *Traité de medecine pratique*, Anvers. 1867. изданіе Broeckx).**

Знаменитѣйшій хирургическій писатель XIV вѣка—Guy de Chauliac изъ Cauliaco, въ горахъ Gevaudan'a, на границѣ Оверни, врачъ жившихъ въ Авиньонѣ папъ Климента VI, Иннокентія VI и Урбана V. Дошедшія до насъ сочиненія Chauliac'a состоятъ изъ *Formulare*, разработывающаго малую хирургію, и *Inventorium s. Collectorium artis chirurgicalis*

* См. выше стр. 165.

** Въ сочиненіи Yperman'a находится указаніе, что онъ вылѣчилъ втираніями ртутной мази многихъ „прокаженныхъ". Пушманъ въ этой цитатѣ видитъ прямое опроверженіе ошибочнаго взгляда, что сифилисъ появился лишь въ концѣ XV в. Ред.

medicinae, впослѣдствіи названнаго *Chirurgia magna* (Venet. 1490. f., посл. изд. Lugd. 1585. 4; также во многихъ переводахъ).

Задачей главнаго труда Chauliac'а являлось устраненіе розни между хирургіей и остальными частями медицины. Съ этой цѣлью онъ предъявляетъ строжайшія требованія въ смыслѣ общей, естественно-научной, особенно анатомической подготовки хирурговъ. Сочиненіе начинается обозрѣніемъ исторіи медицины, изъ которой особенно интересны замѣчанія о знаменитыхъ хирургахъ того времени и враждовавшихъ въ XIV вѣкѣ между собою хирургическихъ „сектахъ“. Такой же интересъ представляетъ приводимое въ другомъ мѣстѣ знаменитое описаніе эпидеміи „черной смерти“ 1348 г.

Chauliac является въ своемъ трудѣ изслѣдователемъ, обладающимъ основательнымъ общимъ и медицинскимъ образованіемъ, знакомымъ съ работами своихъ предшественниковъ, изъ которыхъ Salicetti служитъ ему образцомъ. Полнота, ясное и систематическое изложеніе, здравое сужденіе и безпристрастіе содѣйствовали тому, что сочиненіе Chauliac'а вплоть до XVII вѣка пользовалось громаднымъ уваженіемъ, какъ „руководитель“ (Guidon), хотя по самостоятельности и собственной опытности оно стоитъ ниже сочиненій Salicetti и Lanfranchi.

Единственный, пользующійся нѣкоторой извѣстностью англійскій хирургъ XIV вѣка, есть Джонъ Ардернъ, получившій свое образованіе, вѣроятно, въ Монпелье и работавшій долгое время въ качествѣ военнаго врача. Изъ его Хирургіи напечатанъ только отдѣлъ о фистулахъ прямой кишки (по англійски, Лондонъ. 1588).

Пятнадцатый вѣкъ.

---

79. Подъемъ французской хирургіи въ XIII и XIV столѣтіяхъ исходной точкой имѣетъ Италію. И долго еще итальянцы стояли на одномъ уровнѣ съ французами, но уже въ XV столѣтіи ясно обнаруживается обратное вліяніе Франціи на Италію.

Извѣстными итальянскими хирургами XV вѣка были Pietro di Argelata (также Largelata, Cerlata, ум. въ 1423), профессоръ въ Болоньѣ, авторъ дѣльной *Chirurgia* (Venet. 1480. f. и сл. изд.), —его ученикъ, венеціанецъ Марчелло Кумано, авторъ хирургическаго *Vademecum* (У Welsch'a *Sylloge curationum* etc. August. Vindel. 1668. 4.) и Леонардо Бертапалія (Bertapaglia) (ум. въ 1460 г.), профессоръ въ Падуѣ (*Chirurgia* Venet. 1498. f. и въ *Collectio chirur. Veneta*).

Значеніе XV вѣка для медицины, оцѣненное по достоинству лишь въ новѣйшее время, выражается въ появленіи хирурговъ въ Norcia и Preci, въ Калабріи, древней осѣдлости греческой культуры въ области Кротона, гдѣ греческій языкъ и нравы сохранились до настоящаго времени. Здѣсь не менѣе какъ 27 семействъ, вѣроятно, съ незапамятныхъ временъ, подобно эпиротцамъ гиппократовскаго періода*, занимались камнесѣченіемъ, радикальной операціей грыжи, операціей катаракты и лѣченіемъ стриктуръ мочеваго канала.—Это были тѣ операціи, отъ которыхъ врачи и ученые хирурги, большею частью духовныя лица, подобно гиппократикамъ, отказывались; причина такого отказа лежала частью въ нежеланіи конкуррировать съ необразованными и грубыми людьми. И дѣйствительно, весьма вѣроятно, что многіе изъ этихъ обитателей Norcia и Preci были невѣжественными шарлатанами, но нельзя отрицать и того, что среди нихъ, особенно въ позднѣйшее время, не мало было людей съ необыкновенной практической смѣтливостью и дѣловитостію. Самая большая заслуга ихъ состояла въ томъ, что они, хотя подъ печатью цеховой тайны, сохранили и развили искусство пластическихъ операцій.**

Въ Германіи и на Сѣверѣ вообще хирургія еще долгое время находилась въ незавидномъ положеніи. Ясную картину ея состоянія въ этомъ періодѣ рисуетъ написанное въ 1460 г. (и недавно лишь открытое) сочиненіе Генриха фонъ

---

* См. выше стр. 15.

** См. ниже стр. 173.

Пфольспейндта, члена тевтонскаго ордена, участвовавшаго, въ качествѣ хирурга въ военныхъ походахъ противъ Польши, именно при осадѣ Маріенбурга. Его *Bündth—Ertzney* назначено для „хирурговъ“ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова; не для цирюльниковъ, такъ какъ оно не содержитъ ничего по малой хирургіи, и также не для „рѣжущихъ врачей“, такъ какъ изъ него исключена оперативная хирургія въ болѣе тѣсномъ смыслѣ. *Bündth—Ertzney* Пфольшпейндта есть руководство къ „перевязкѣ поврежденій и ранъ“ съ прибавленіемъ о разныхъ внутреннихъ болѣзняхъ, эпидеміяхъ и т. д. (Heinrich von Pfolspeundt, *Buch der Bündth—Ertzney*, 1460. Изданіе Гезера и Миддельдорфа. Берлинъ. 1868 г. 8.)

Пфольшпейндтъ совершенно невѣжественный эмпирикъ, безъ всякихъ анатомическихъ познаній, подвизается на ограниченномъ полѣ своей дѣятельности съ увѣренностью опытнаго и добросовѣстнаго человѣка. Его книга трактуетъ главнымъ образомъ о ранахъ, кровотеченіяхъ, извлеченіи стрѣлъ (объ огнестрѣльныхъ ранахъ говорится только мимоходомъ), особенно о вывихахъ и переломахъ, некровавомъ лѣченіи грыжъ и т. д. Изъ оперативныхъ пріемовъ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, кромѣ кроваваго шва, описывается лишь расширеніе ранъ, операція заячьей губы и пластическія операціи.*

Обзоръ состоянія хирургіи въ теченіе послѣднихъ столѣтій среднихъ вѣковъ.

Раны. Лигатуры. Грыжи. Камнесѣченіе. Пластическія операціи. Анэстезирующія ингаляціи.

80. Не смотря на обнаруживающійся съ XIII вѣка подъемъ, хирургія запада осталась однако далеко позади того цвѣтущаго состоянія, въ которомъ она находилась во времена Римской имперіи и у византійцевъ. Вслѣдствіе пренебрежительнаго отношенія къ хирургіи научнообразованныхъ

* См. ниже стр. 174.

врачей, она все болѣе и болѣе переходила въ руки спеціалистовъ эмпириковъ, изъ которыхъ нѣкоторые дѣйствительно пріобрѣли въ этой области большую техническую сноровку и значительную опытность.

Прежде всего упадокъ оперативной хирургіи доказывается уже тѣмъ развитіемъ, котораго достигло ученіе о ранахъ въ ущербъ другимъ отдѣламъ. Различіе во взглядахъ на этотъ отдѣлъ хирургіи заключалось въ томъ, что именно и разъединяло отдѣльныя школы между собой.—Важнѣйшими средствами при травматическихъ кровотеченіяхъ все еще оставались каленое желѣзо и styptica. Но и перевязка отнюдь не была забыта.

Грыжи и камнесѣченіе все еще представляли собой важнѣйшіе предметы оперативной хирургіи. При малыхъ, легко вправляющихся грыжахъ часто примѣнялось каленое желѣзо; большія грыжи—старались устранять вяжущими медикаментами и давящими повязками. Бандажи, благодаря ихъ неуклюжести, встрѣчали мало сочувствія.

Радикальная операція, связанная обыкновенно съ кастраціей, производилась почти исключительно странствующими „г р ы ж е - с ѣ к а м и“. Еще въ срединѣ XVIII вѣка Б е н е в о л и былъ вынужденъ выступить противъ подобнаго сорта бродягъ, которые—радикальную операцію грыжъ, даже hydrocele у мальчиковъ, связывали съ удаленіемъ обоихъ яичекъ.

Усовершенствованіемъ камнесѣченія многіе изъ производившихъ его эмпириковъ—спеціалистовъ оказали хирургіи неоспоримыя услуги. Тоже можно сказать и о леченіи очень часто упоминаемыхъ стриктуръ мочеваго канала, при которыхъ уже давно употреблялись бужи изъ воска, олова и серебра.*

Наибольшаго вниманія въ исторіи хирургіи XV в. заслуживаютъ свѣдѣнія, правда весьма поверхностныя, о попыткахъ возстановленія п л а с т и ч е с к и х ъ о п е р а ц і й. Объ основаніяхъ этой операціи, знакомой индусскимъ врачамъ,

---

* См. выше стр. 107.

Цельсу и византійцамъ, мы уже говорили.* Послѣ того мы ихъ встрѣчаемъ, и уже въ довольно развитой формѣ, въ серединѣ XV вѣка у сицилійскихъ и калабрійскихъ хирурговъ: у извѣстнаго Бранка изъ Катаніи и его сына Антоніо. То обстоятельство, что первый для образованія носа бралъ кожу съ лица („ex ore," [лба или щеки]), дѣлаетъ вѣроятнымъ предположеніе, что индусская ринопластика занесена была арабскими врачами въ Сицилію. Антоніо образовалъ носъ, для устраненіи безобразія лица, изъ кожи плеча.

Отъ учениковъ младшаго Бранки, изъ которыхъ называютъ сицилійца Baldassare Pavone, знаніе ринопластики дошло до Калабріи и проникло до Тропеи въ фамилію Vianeo: Vincenzo (ум. въ 1500 г.), его племяннику Бернардино и сыну послѣдняго Pietro.

Но уже очень давно знакомство съ ринопластикой перенесено было итальянскими хирургами („wälsche" Wundärzte) въ Германію. Здѣсь Генрихъ фонъ Пфольспейндтъ,** а чрезъ него и нѣкоторые изъ его друзей—уже до 1460 г. владѣли тайной. Pfolspeundt описываетъ въ своей *Bündth-Ertzney* въ сущности методъ младшаго Бранка, предъ которымъ собственный его методъ имѣетъ большое преимущество въ томъ, что онъ связь плечеваго лоскута съ носомъ не оставляетъ, какъ Бранка (а впослѣдствіи Tagliacozzi), до 15-го—20-го дня, но нарушаетъ ее уже на восьмой или десятый день.

Слѣдующее упоминаніе о ринопластикѣ вновь встрѣчается сотней лѣтъ позже. Но только къ концу XVI вѣка тайна, до того времени тщательно сохранявшаяся, была открыта Tagliacozzi, чтобы чрезъ короткое время снова перейти въ забвеніе.

Таже участь постигла и другое древнее открытіе, которое тоже снова проявилось лишь въ наше время, но за то въ болѣе совершенной формѣ: примѣненіе анэстезирующихъ ингаляцій.

---

* См. выше стр. 10, 72, 109.

** См. выше стр. 172.

Употребленіе наркотическихъ напитковъ (наприм., изъ знакомой еще Гиппократу atropa mandragora) при хирургическихъ операціяхъ—теряется въ очень глубокой древности. О наркотическихъ-же ингаляціяхъ говоритъ уже Теодерихъ въ XIII вѣкѣ, за нимъ—въ XIV—Guy de Chauliac, предпочитающій ихъ внутреннему употребленію опія. Далѣе объ ингаляціяхъ упоминаютъ Yperman и Гейнрихъ фонъ Пфольспейндъ, которымъ они были такъ знакомы, что Beroaldus избираетъ ингаляціи въ качествѣ примѣра, разъясняющаго дѣйствіе наркотическихъ вообще.—Плиній точно также упоминаетъ о мазяхъ и каленомъ желѣзѣ, употреблявшихся при кровавыхъ операціяхъ, съ цѣлью вызвать мѣстную анэстезію. Впослѣдствіи, для этой цѣли служила, между прочимъ, высушенная крокодилова кожа въ порошкѣ и мазяхъ*.

Офталмологія. Акушерство. Дѣтскія болѣзни. Психіатрія.

81. Офталмологія также продолжала находиться почти исключительно въ рукахъ странствующихъ эмпириковъ, главнымъ образомъ еврейскаго происхожденія.

Въ самомъ жалкомъ состояніи находилось въ средніе вѣка акушерство. За исключеніемъ Салерно, гдѣ этой спеціальностью занимались женщины съ врачебнымъ образованіемъ, вездѣ оно находилось въ рукахъ невѣжественныхъ женщинъ, подававшихъ врачебную помощь лишь тогда, когда дѣло шло объ удаленіи умершихъ плодовъ или задержанныхъ послѣдовъ. По этому ученіе „de extractione foetus mortui“ и „de extractione secundinarum“ помѣщается въ хирургическихъ руководствахъ обыкновенно въ отдѣлѣ о посторонних тѣлахъ.—Не маловажное участіе въ улучшеніи такого порядка вещей принимало, кажется, духовенство; церковь,

---

* Въ XV в. Ben-Azzur, арабскій врачъ, рекомендуетъ усыплять больного передъ операціей „до полной потери сознанія и чувствительности“. (Лабульбенъ). Но какъ такой совѣтъ выполнялся,—неизвѣстно.

Ред.

угрожая вѣчными муками за изгнаніе (умерщвленіе) плода, тѣмъ самымъ какъ бы узаконивала кесарское сѣченіе на умершихъ беременныхъ. Въ этомъ, между прочимъ, можно видѣть объясненіе того, что въ срединѣ VI вѣка епископъ Павелъ Меридскій въ Испаніи, когда-то бывшій врачемъ, предпринялъ такую операцію на живой женщинѣ. Съ другой стороны, въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ, напр., въ *Breviarium* Arnaldus'а изъ Villanova, нѣтъ недостатка въ доказательствахъ хорошихъ акушерскихъ и гинекологическихъ познаній.

Въ полнѣйшемъ пренебреженіи находилось въ средніе вѣка ученіе о дѣтскихъ болѣзняхъ, занятіе которыми тоже выпало преимущественно на долю акушерокъ. Онако, уже въ XV вѣкѣ появились отдѣльныя сочиненія по этой спеціальности, назначенныя для врачей, напр., Paolo Bagellardo изъ Фіуме (Patav. 1472.8) и Barthol. Metlinger'a (Аугсбургъ 1473. f.)

Хуже всего было состояніе психіатріи. Правда, находятся свѣдѣнія о душевныхъ болѣзняхъ, которыя, какъ ликантропія (бредъ превращенія въ „оборотней"), — бѣшеная пляска [Tanzwuth, аналогичная явившемуся позднѣе „тарантизму"] и т. д. получили даже эпидемическое распространеніе, но научной разработки психіатріи на западѣ въ теченіе среднихъ вѣковъ нѣтъ и слѣда. До XVII столѣтія душевные больные считались одержимыми, которыхъ заклинали или подвергали заключенію. Спокойные больные тамъ и сямъ, напр., въ Гамбургѣ, Франкфуртѣ на М., помѣщались въ особыя заведенія и пользовались вовсе не такъ безчеловѣчно, какъ обыкновенно объ этомъ думаютъ.

Медицинское управленіе. Судебная медицина.

82. Въ утѣшительномъ состояніи находилось уже въ средніе вѣка охраненіе общественнаго здравія. Большая заботливость, которую уже римляне посвящали этому предмету, унаслѣдовалась пришедшими съ ними въ соприкосновеніе германскими народами, наприм., готами. Но правильныя отноше-

нія были установлены лишь норманнами въ нижней Италіи, королемъ Роджеромъ въ Сициліи и Фридрихомъ Гогенштауфеномъ. Въ особыхъ постановленіяхъ они опредѣлили способы и сроки обученія медицинѣ, права и обязанности врачей, устройство и надзоръ за аптеками и основныя черты санитарно-полицейской дѣятельности. Уже король Роджеръ въ 1140 г. поставилъ разрѣшеніе медицинской практики въ зависимость отъ „приговора“ власти. Сто лѣтъ спустя, императоръ Фридрихъ II опредѣлилъ срокъ для изученія „логики“ (подготовительныхъ наукъ) и медицины въ восемь лѣтъ. Затѣмъ слѣдовалъ экзаменъ предъ коллегіей въ Салерно, и послѣ этого еще практическая дѣятельность въ теченіе одного года—подъ руководствомъ „Protomedicus'а“. Хирурги должны были учиться (еще) одинъ годъ, особенно прилежно заниматься анатоміей и также экзаменовались въ Салерно. Въ этомъ же постановленіи опредѣлена довольно значительная величина врачебнаго гонорара.—Въ Венеціи обязанности врачей и аптекарей были также урегулированы закономъ уже въ 1258 г.—Въ половинѣ XIV вѣка императоръ Карлъ IV завелъ въ Силезіи медицинскіе порядки по образцу неаполитанскихъ.

Старѣйшія изъ извѣстныхъ до сихъ поръ медико-полицейскихъ распоряженій (качество жизненныхъ припасовъ, содержаніе въ чистотѣ улицъ, строительная полиція) исходятъ изъ Аугсбурга (1140 г.) и Ульма. Въ Италіи творческая дѣятельность императора Фридриха II выступаетъ и въ его распоряженіяхъ противъ загрязненія воздуха гніющими веществами, фальсификаціи жизненныхъ продуктовъ, продажи ядовъ и т. д. Подобную же заботливость объ общественномъ здоровьѣ выказывали многіе города Италіи, особенно Флоренція.

Съ развитіемъ правовыхъ отношеній рука объ руку шло развитіе судебной медицины, наприм., выслушиваніе въ извѣстныхъ случаяхъ мнѣній врачей и т. д. Научная разработка „medicinae forensis“ начинается лишь съ введеніемъ „уголовнаго судопроизводства“ императора Карла V.

Ветеринарія въ средніе вѣка.

83. Ветеринарія, ревностно разработывавшаяся уже въ древности, затѣмъ византійцами и арабами, привлекала къ себѣ вниманіе на западѣ и въ средніе вѣка. Она большей частью находилась въ рукахъ „королевскихъ конюховъ", „начальниковъ конюшенъ" „Marställer", „Marschälk'овъ" (отъ mare—Mähre—лошадь и skalk=слуга). Но и хирурги, напр. Пфольспейндтъ занимались, по крайней мѣрѣ на войнѣ, лѣченіемъ больныхъ лошадей. Болѣе образованныя лица этой спеціальности черпали свои свѣдѣнія у Гиппократа Гиппіатра, Гіерокла, Вегетія, Альберта Магнуса и др.—Значительной степени развитія достигаетъ и эта отрасль въ вѣкъ императора Фридриха II. Онъ самъ написалъ знаменитую книгу объ искусствѣ соколиной охоты, которая, кромѣ главнаго предмета, разсматриваетъ еще естественную исторію и образъ жизни хищныхъ птицъ. Первыми печатными сочиненіями, разработывающими ветеринарію, повидимому, являются книга „Meister Albrecht"'а и заимствованное у послѣдняго сочиненіе итальянца Laurenzio Rusio.

Первыя произведенія медицинской печати.

84. Едва ли въ другой какой области такъ скоро обнаружилось благотворное вліяніе книгопечатанія, какъ въ сферѣ естествознанія и медицины. Къ первымъ печатнымъ книгамъ послѣ библіи и псалмовъ принадлежали Плиній, Цельсій и собранія выдающихся медицинскихъ сочиненій, напр. *Articella*,—собраніе латинскихъ переводовъ многихъ сочиненій Гиппократа, Галена, Теофила и нѣкоторыхъ арабовъ.— Другое подобное собраніе представляетъ *Fasciculus medicinae* Johann von Ketham'a, нѣмецкаго врача, жившаго въ Венеціи. Оно содержитъ статьи по важнѣйшимъ вопросамъ практической медицины, именно анатомію Mundinus'a,

съ древнѣйшими анатомическими ксилографическими рисунками. (Venet. s. a. f. 1491. f. и слѣд. изд.)*

Рядомъ съ этими произведеніями, назначенными для врачей появляются скоро, особенно въ Германіи, многочисленныя популярно-медицинскія сочиненія, написанныя на мѣстныхъ нарѣчіяхъ, большею частью подражанія *Regimen Salernitanum*. Къ старѣйшимъ и распространеннѣйшимъ произведеніямъ этого рода, имѣющимъ преимущественно библіографическій и культурно-историческій интересъ, принадлежитъ *Thesaurus pauperum*, собраніе рецептовъ для бѣдныхъ, составленное около 1270 г. (Антверпенъ 1476 г. и нѣсколько послѣд. изд.); далѣе анонимное *Ordnung der Gesundheit* (Аугсбургъ 1472. f.);—*Arzneibuch* Ортольфа Баварскаго (первое изданіе: Аугсбургъ f.послѣ 1470),—*Herbarius Moguntinus*—домашній лѣчебникъ, снабженный рисунками растеній, животныхъ и минераловъ (Mogunt. 1484 f. и послѣд. изд.),—далѣе сочиненія, одновременно появившіяся и названныя *Ortus sanitatis* или *Herbarius*'ы. Сюда же принадлежатъ: сочиненіе, написанное знаменитымъ флорентинцемъ гуманистомъ Marsilius Ficinus'омъ (1433—1499) *De vita studiosorum*, и рядъ произведеній энергично взявшейся за дѣло страсбургской прессы, напр., *Margarita medicinae* вѣнскаго врача Tollat von Vochenberg'а, *Лѣчебникъ* (Arzneibuch) Вальтера Риффа и мног. др.

Положеніе врачебнаго сословія въ средніе вѣка.

Обученіе медицинѣ.

85. Въ старѣйшихъ университетахъ каждый мѣстный врачъ, впослѣдствіи каждый „докторъ", повидимому, имѣлъ право выступить преподавателемъ. Уже въ XII вѣкѣ раз-

*) По свидѣтельству Guy de Chauliac'а—въ анатоміи Мондевилля (см. стр. 169) находились также рисунки. Въ Берлинской библіотекѣ и теперь хранится тетрадь студента—слушателя Mondevill'я—съ многочисленными рисунками. Ред.

даются громкія жалобы, что недоучки берутъ на себя обязанность учить другихъ.* Оффиціальное обученіе находилось въ рукахъ „Doctores regentes“, руководившихъ упражненіями, въ диспутахъ и т. п.

Въ Салерно профессора сначала назначались городомъ только на четыре года; впослѣдствіи они приглашались государствомъ, но оплачивались изъ городскихъ доходовъ. Кромѣ жалованья (обыкновенно 20 унцій золота [приблизительно 1200 марокъ], въ единичныхъ случаяхъ до 3600 марокъ) и факультетскихъ доходовъ, профессора имѣли еще квартиру, земельные участки и прочіе побочные доходы.—Число „regentes“ въ большихъ университетахъ доходило большею частью до четырехъ, въ маленькихъ же обыкновенно ограничивались двумя: „Theoreticus“ и „Practicus“. Въ позднѣйшее время и въ университетахъ подчиненныхъ папамъ, одни лишь христіане могли занимать каѳедру. Учителя и ученики примыкали къ духовному званію; они поэтому назывались „Clerici“ и носили такое же платье, какъ духовные. Многіе профессора были членами духовнаго сословія; они получали по крайней мѣрѣ низшія степени посвященія и не были женаты; ибо только такимъ путемъ могли они получать церковныя пособія (Pfründen, бенефиціи), составлявшія большую часть университетскихъ доходовъ. Въ Парижѣ холостая жизнь медицинскихъ профессоровъ уничтожилась лишь въ 1352 г.

Выборъ авторовъ, которые должны были служить предметомъ разъясненій, предоставлялся сначала самимъ профессорамъ; впослѣдствіи онъ былъ ограниченъ извѣстными предписаніями. До XII вѣка перевѣсъ былъ на сторонѣ грековъ, затѣмъ перешелъ къ арабамъ. Въ основу философскихъ и естественно-научныхъ лекцій въ началѣ брали Аристотеля,

---

* Въ XIII в. Aegidus Corboliensis, лейбъ-медикъ Филиппа Августа, жалобно восклицаетъ: „Безбородые юнцы излагаютъ ученія Гиппократа, предписываютъ и отмѣняютъ законы медицинской науки, тогда какъ имъ бы слѣдовало лучше учиться самимъ, да побаиваться линейки учителя“. Ред.

позже также Альберта Великаго. Собственно медицинское изученіе начиналось съ изложенія руководящихъ и энциклопедическихъ произведеній: *Ars parva* Галена, *Афоризмы*, *Prognosticon* и *De victu in acutis* Гиппократа. Впослѣдствіи преобладали *Jsagoge* Іоанниція и отдѣльныя сочиненія Авиценны.—Во второй годъ обыкновенно слѣдовала „Practica,“ т. е., главнымъ образомъ діэтетика и ученіе о лѣкарственныхъ веществахъ; затѣмъ ученіе о пульсѣ и мочѣ, почти вездѣ по Теофилу*. На 3-мъ году—ученіе о лихорадкѣ, Morbi particulares и терапія въ болѣе тѣсномъ смыслѣ; пособіемъ служили многочисленные практическіе компендіи схоластическаго періода. 4-ый годъ посвящался подробному изученію Гиппократа, Галена и ихъ толкователей, обыкновенно также изученію анатоміи и хирургіи. Особое значеніе придавалось знанію лекарственныхъ растеній. Позже всего, за исключеніемъ салернскаго и другихъ большихъ итальянскихъ университетовъ, встрѣчаются зачатки клиническаго обученія. Обыкновенно ежедневно читались лишь 2—3 лекціи и то большею частью въ ранніе утренніе часы.

Во всѣ многочисленные церковные праздники и въ извѣстные дни недѣли („Dies illegibiles“) лекцій не было, чтобы оставить время для домашняго образованія и очень оживленныхъ личныхъ сношеній между учителями и учащимися.

Академическія степени.

86. Происхожденіе самой важной академической степени „доктора“ относится къ очень давнему времени. Уже при римскихъ императорахъ учителя свободныхъ искусствъ (artes liberales) назывались „докторами“. Notker, ученый настоятель Ст. Галлена, получилъ въ IX в. это почетное званіе. Галену приписывается тотъ-же титулъ въ одной вѣнской рукописи X в. Въ началѣ степень доктора давалась только тѣмъ, которыхъ считали способными выступать въ качествѣ учителей. Очень рано прибавились промежуточныя степени,—правда не обязательныя,—баккалавреата и лиценціата.

*) См. выше стр. 100.

Образцомъ тѣхъ формальностей, которыми сопровождалась раздача академическихъ степеней (и обстановка которыхъ съ теченіемъ времени многократно измѣнялась въ различныхъ университетахъ), служили, именно, обычаи, введенные въ Салерно. Общими условіями для достиженія академической степени были законное происхожденіе, здоровое тѣлосложеніе, не очень молодой возрастъ и доказательство познаній въ требуемыхъ наукахъ—посредствомъ устнаго экзамена, толкованія медицинскихъ авторовъ, главнымъ же образомъ публичнаго диспута.—Баккалавры служили помощниками профессоровъ, руководили занятіями учащихся и упражнялись въ диспутированіи и чтеніи лекцій по подготовительнымъ наукамъ.—Лиценціатъ давалъ право заниматься практикой съ извѣстными ограниченіями. Получившіе степень лиценціата въ Салерно должны были для того, чтобы быть допущенными къ практикѣ, подвергнуться еще разъ экзамену въ Неаполѣ предъ „королевскими врачами". Послѣ этого экзамена, чрезъ шестнадцать мѣсяцевъ дальнѣйшаго ученія, могло послѣдовать возведеніе въ степень (promotio). Всѣ эти степени присуждались при болѣе или менѣе торжественной обстановкѣ, колокольномъ звонѣ, богослуженіи въ соборѣ; въ заключеніе промоціи кандидатъ давалъ докторскую клятву, раскрывалъ закрытую книгу, украшался лавровымъ вѣнкомъ и отпускался деканомъ съ поцѣлуемъ и благословеніемъ. Въ позднѣйшее время въ Салерно и другихъ университетахъ, не подчиненныхъ іерархіи, повидимому, и евреи получали степени при соотвѣтствующемъ измѣненіи церемоніала. Достиженіе академическихъ степеней связано было съ значительными расходами; въ Парижѣ вся церемонія промоціи стоила около 5000 франковъ.

Гражданское положеніе врачей. Врачи — духовные. Свѣтскіе врачи. Врачи—евреи.

---

87. Лица, занимавшіяся въ среднихъ вѣкахъ изученіемъ и практикой медицины, раздѣлялись на духовныхъ и свѣтскихъ. Однакожъ, это дѣленіе не соблюдалось слишкомъ

строго, такъ какъ многіе свѣтскіе, чтобы пріобрѣсти преимущества клериковъ, добивались лишь низшихъ степеней посвященія, не вступая собственно въ духовное сословіе. Въ позднѣйшее время церковныя бенефиціи давались иногда безбрачнымъ или овдовѣвшимъ врачамъ изъ свѣтскаго сословія.

Духовные изучали медицину прежде всего для того, чтобы примѣнять свои познанія въ монастыряхъ, но часто также для того (особенно до основанія университетовъ), чтобы выступать въ качествѣ учителей медицины или практиковъ. Правда, очень рано духовнымъ воспрещены были изученіе и практика медицины, особенно хирургіи (такъ-же, какъ адвокатская практика); но безпрестанное повтореніе запрещенія доказываетъ, что оно мало исполнялось. Снисходительнѣе всего въ этомъ отношеніи были къ низшему духовенству, такъ какъ народъ особенно довѣрялъ „господамъ священникамъ".

Значительное большинство врачей принадлежало къ свѣтскому сословію. Они раздѣлялись на научно-образованныхъ врачей, физиковъ и т. д., въ Германіи „Puech—Arzt", т. е. книжный врачъ, Medicus literatus, и эмпириковъ. О какомъ-либо экзаменѣ, врачебной таксѣ и т. д. до XIV вѣка, кромѣ Италіи, нигдѣ нѣтъ и рѣчи. Впрочемъ, дѣльные врачи пользовались нѣкоторыми привиллегіями. Въ Германіи доктора стояли по рангу между благородными рыцарями и простыми дворянами. Строгія предписанія противъ роскоши въ одеждѣ [примѣняемыя къ простымъ дворянамъ] не примѣнялись къ врачамъ.

Значительное число свѣтскихъ врачей съ давнихъ поръ составляли евреи. Они получали образованіе въ школахъ, основываемыхъ ихъ единовѣрцами, или тоже въ нѣкоторыхъ университетахъ. Степень доктора давалась имъ въ видѣ исключенія. Обыкновенно они называются „magistri" („Meister")—„мастера", какъ всякій, занимающійся самостоятельно ремесломъ или искусствомъ. Впослѣдствіи христіанамъ часто воспрещалось прибѣгать къ врачамъ-евреямъ. Какъ мало это исполнялось, доказывается тѣмъ, что боль-

шинство князей, даже сами папы, имѣли лейбъ-медиковъ евреевъ.

Вторая категорія лицъ, занимавшихся медициной, распадается на группы баньщиковъ, цирюльниковъ и собственно хирурговъ.

Баньщики („balneatores") образовали въ Германіи (до закрытія бань, вслѣдствіе распространенія въ этихъ послѣднихъ сифилиса путемъ зараженія чрезъ приставленіе банокъ) особый цехъ. Малой хирургіей они могли заниматься только у себя на дому.

Монастыри составляли весьма давній и распространенный кругъ дѣятельности цирюльниковъ: тутъ они занимались бритьемъ, стрижкой и регулярно производимыми кровопусканіями; затѣмъ значительную роль играли цирюльники въ XII и XIII вѣкахъ, когда безбородье сдѣлалось общей модой. Съ незапамятныхъ временъ въ рукахъ цирюльниковъ находилась порядочная часть хирургіи: переломы, вывихи, раны и „открытыя поврежденія". Во многихъ, особенно маленькихъ мѣстечкахъ на ихъ обязанности лежала экспертиза поврежденій, проказы, наблюденіе за публичными домами, главнымъ же образомъ хирургическое лѣченіе зачумленныхъ больныхъ („чумовые цирюльники"). При университетахъ они исправляли должности прозекторовъ.

Отъ баньщиковъ и цирюльниковъ „хирурги" отнюдь не различаются рѣзко. Въ продолженіи многихъ столѣтій не было другаго пути къ хирургіи, какъ чрезъ цирюльничью пріемную. „Хирурги" получаютъ свое образованіе либо отъ мастеровъ этого дѣла въ нѣкоторыхъ университетахъ (напр., въ Салерно), либо въ школахъ хирургическихъ товариществъ. Менѣе важные изъ нихъ образуютъ, главнымъ образомъ, толпу „странствующихъ врачей", „зубодергателей", „бѣльмо—снимателей", „камне—и грыжесѣковъ", которые ѣздили верхомъ или въ пышно разукрашенныхъ каретахъ, при звукахъ трубъ и барабана, и заманивали народъ при помощи арлекина и шутовъ изъ своихъ лакеевъ („ergötzliche Knechte") Болѣе способные поднимаются до степени „рѣжущихъ врачей" („operatores"), которые обыкновенно ведутъ осѣдлую жизнь и часто функціонируютъ какъ „городскіе" и военные врачи.

Къ низшему классу привилегированнаго медицинскаго персонала долгое время принадлежали палачи. Не говоря о томъ, что они пользовали лицъ, подвергшихся пыткѣ, вправляли вывихнутые члены, накладывали повязку на изуродованныя наказаніемъ части тѣла, они пріобрѣли еще среди низшаго сословія, а кое-гдѣ и у высокопоставленныхъ лицъ, славу, какъ обладатели особыхъ лѣчебныхъ и чудотворныхъ средствъ.

Рядомъ съ этими цѣлителями мужскаго пола въ средніе вѣка встрѣчаются многочисленныя „лѣкарки" („medicae"), въ большинствѣ случаевъ—акушерки, занимающіяся, однако, пользованіемъ женщинъ и дѣтей, часто также лѣченіемъ всякаго рода болѣзней. Положеніе ихъ было урегулировано гораздо позже. Въ Лейпцигѣ еще въ XVII вѣкѣ акушерки должны были сдавать экзаменъ предъ супругой городскаго головы!

Уже очень рано, преимущественно въ Италіи, встрѣчаются „городовые врачи", исполняющіе обязанности врачей для бѣдныхъ, дѣйствующіе также въ качествѣ судебныхъ, полицейскихъ, госпитальныхъ и военныхъ врачей. Венеція, напр., содержала въ XIII вѣкѣ двѣнадцать врачей и двѣнадцать хирурговъ, какъ „medici del commune"; сверхъ того военныхъ, флотскихъ и посольскихъ врачей. Флоренція имѣла даже особыхъ тюремныхъ врачей. Часто для подачи помощи гражданамъ городами приглашались знаменитые спеціалисты. Въ большихъ городахъ Франціи, Англіи, Германіи и т. д. городовые врачи образовали „коллегіи", имѣвшія цѣлью производить экзамены врачей, хирурговъ и акушерокъ, наблюдать за аптеками и ратовать противъ шарлатановъ и т. д.

Военные врачи встрѣчаются въ упомянутыхъ странахъ уже очень рано; вначалѣ только для князей и знати, впослѣдствіи также для войскъ. Итальянскіе военные врачи возили даже за собою кареты для больныхъ („carocci").

Аптекаря, въ смыслѣ новѣйшаго времени, встрѣчаются лишь у арабовъ. Ибо „ризотомы" и „фармакополисты", гиппократовскаго времени суть лишь собиратели корней и

продавцы лѣкарственныхъ веществъ для домашняго употребленія. Торговцы лѣкарствами въ Александріи и Римѣ стояли во всякомъ случаѣ довольно близко къ нашимъ аптекарямъ. Самыя раннія свѣдѣнія о фармацевтахъ на западѣ касаются Салерно, гдѣ императоръ Фридрихъ II въ 1241 году ввелъ аптекарскій уставъ. Очень рано встрѣчаются аптеки также во Франціи, Англіи и Германіи. Торговля экзотическими лѣкарственными веществами и сложными медикаментами въ теченіе многихъ столѣтій находилась почти исключительно въ рукахъ итальянцевъ, особенно венеціанцевъ.

Съ устройствомъ аптекъ появляется также фармацевтическая литература. Распространеннѣйшими аптечными книгами были *Antidotarium*'ы Николая Мирепса и Николая Препозита*). Впослѣдствіи большимъ уваженіемъ пользовались *Lumen apothecariorum* Saladin'а изъ Asculo и *Ricettario Fiorentinino*.

Попеченіе о больныхъ въ средніе вѣка на Западѣ.

Госпитали. Рыцарскія, гражданскія и духовныя учрежденія для больныхъ.

88. Старѣйшіе госпитали Запада находятся, понятно, въ Италіи. Въ Римѣ первая больница была основана въ 400 году набожной женщиной Фабіолой. Въ два слѣдующія столѣтія въ Римѣ и многихъ городахъ Италіи, нѣсколько позже въ Англіи и Германіи, послѣдовало открытіе еще значительнаго числа другихъ госпиталей. Особую заботливость посвящалъ этому дѣлу Карлъ Великій; но самое большое вліяніе оказали крестовые походы, во время которыхъ во многихъ мѣстахъ Востока и Запада появились учрежденія для ухода за всякаго рода нуждающимися въ помощи и многочисленныя рыцарскія и гражданскія братства для попеченія о больныхъ. Важнѣйшія изъ первыхъ суть ордена іоаннитовъ, тевтонскихъ рыцарей и лазаристовъ.

---

* См. выше стр. 152.

Въ Іерусалимѣ ко времени Карла Великаго находились уже пріютъ и больница. Въ XI вѣкѣ они были разрушены турками, но вскорѣ затѣмъ были возстановлены амальфскимъ купечествомъ и переданы бенедиктинскимъ монахамъ. Когда въ 1110 г. число лицъ, работавшихъ въ этихъ учрежденіяхъ, значительно возрасло вслѣдствіе поступленія молодой знати изъ крестоноснаго войска, Герардъ Томъ, тогдашній „ректоръ“ госпиталя, основалъ во имя Іоанна Крестителя братство, утвержденное въ 1113 году папой. Вслѣдствіе доставляемыхъ со всѣхъ сторонъ подарковъ и завѣщанія имуществъ—орденъ въ короткое время такъ разбогатѣлъ, что былъ въ состояніи расширить свою дѣятельность (ограничившуюся до тѣхъ поръ владѣніями христіанъ на востокѣ) учрежденіемъ больницъ и проч. въ важнѣйшихъ приморскихъ портахъ Италіи, Испаніи и Франціи. Въ 1118 году гроссмейстеръ Raimond de Puy (de Podio) къ тогдашнимъ духовнымъ обязанностямъ рыцарей ордена: нищенству, цѣломудрію и послушанію—прибавилъ борьбу съ невѣрными. Это былъ первый шагъ къ возвеличенію свѣтскаго могущества ордена, но вмѣстѣ съ тѣмъ и къ его погибели. Въ началѣ XII вѣка госпиталь ордена въ Іерусалимѣ въ состояніи былъ вмѣстить 2000 больныхъ, за которыми ухаживали пять врачей и три хирурга. — Въ 1236 году во всѣхъ христіанскихъ странахъ находилось уже 4000 домовъ ордена іоаннитовъ; но первоначальная задача ордена отступала все болѣе и болѣе на задній планъ. Уходъ за бѣдными и больными очень скоро сталъ тяжелою обязанностью однихъ только служащихъ братьевъ, между тѣмъ какъ рыцари утопали въ роскоши и сладострастіи. Со времени изгнанія ордена изъ Іерусалима (1187) и изъ Св. Земли (1292) и поселенія его на островѣ Кипрѣ, затѣмъ Родосѣ (1309) исторія іоаннитовъ сообщаетъ только одни военные подвиги, пока, наконецъ, и послѣдніе не прекратились. Въ 1798 году Наполеонъ овладѣлъ послѣдней резиденціей ордена, островомъ Мальтой. Послѣдній гроссмейстеръ, подобно первому—нѣмецъ, Фердинандъ фонъ-Гомпешъ умеръ въ неизвѣстности и забвеніи.

Больше остальныхъ нѣмецкихъ рыцарскихъ союзовъ

(Comthureien) „намѣстничество“ („Heermeisterthum“) Бранденбурга продолжало сохранять, рядомъ съ рыцарскими обязанностями, также попеченіе о больныхъ. Въ 1811 году оно, правда, было уничтожено, но возобновлено и превращено уже въ слѣдующемъ году королемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ III въ орденъ прусскихъ іоаннитовъ, и въ 1852 году „Ballei Brandenburg“ возстановлено было по образцу стараго устройства. Что затѣмъ орденъ совершилъ для облегченія человѣческихъ страданій въ теченіе трехъ славныхъ войнъ,—всѣмъ извѣстно.—О той скромной дѣятельности, которой посвящали себя сестры ордена въ Св. Землѣ и впослѣдствіи на западѣ, мало говорилось. Руководимыя ими учрежденія очень скоро превратились въ роскошные дома призрѣнія.

Болѣе молодой орденъ нѣмецкихъ рыцарей возникъ около 1128 г. изъ страннопріемнаго дома и часовни во имя Божіей Матери, устроенныхъ въ Іерусалимѣ однимъ нѣмцемъ съ женой для бѣдныхъ соотечественниковъ. Мало по малу эти учрежденія расширились въ госпиталь и іерусалимское „Братство Св. Дѣвы,“ поставившес также въ число своихъ задачъ борьбу съ невѣрными. Въ 1142 г. госпиталь былъ переданъ въ завѣдываніе іоаннитамъ, и, начиная съ этого времени, исторія военныхъ подвиговъ „Маріинскаго братства“ на востокѣ сливается съ исторіей іоаннитовъ. И нѣмецкій госпиталь въ 1219 году навсегда прекратилъ свое существованіе.

Второй и болѣе оживленный періодъ въ исторіи нѣмецкаго ордена начинается осадой Акконы, при которой граждане Люббека и Бремена изъ мачтъ и парусовъ корабля построили „госпиталь“. Въ слѣдующемъ году герцогъ Фридрихъ Швабскій преобразовалъ орденъ „нѣмецкихъ рыцарей“ по образцу храмовниковъ и іоаннитовъ. Орденъ, послѣ завоеванія Аккона (12 іюля 1191 года), основалъ въ городѣ госпиталь и церковь. Послѣ потери Св. Земли орденъ пріобрѣлъ новую родину въ Германіи, куда его призвалъ герцогъ Конрадъ Мазовійскій для борьбы съ язычниками—литовцами и пруссами. Характеристика того, что орденъ сдѣлалъ для распространенія христіанства, нравственности и процвѣтанія

остзейскихъ странъ, колыбели Пруссіи,— не входитъ въ нашу задачу. Обязанности милосердія не сохранились такъ свято ни однимъ орденомъ, какъ нѣмецкимъ. Связанные съ многочисленными домами и обществами ордена госпитали, изъ которыхъ самые значительные находились въ Маріенбургѣ и Эльбингѣ, и въ которыхъ работали многія сестры ордена, находились подъ вѣдѣніемъ „Oberst-Spittler'a." Начиная съ XV вѣка, могущество и богатство сдѣлались источникомъ погибели и тевтонскаго ордена. Съ потерей Лифляндіи (1561) онъ влачилъ лишь жалкое существованіе. Въ 1809 г. Наполеонъ лишилъ его владѣній, находившихся въ области Рейнскаго союза; въ Австріи, гдѣ орденъ до сихъ поръ существуетъ, эти владѣнія въ 1834 году признаны были императорскими ленами.

Орденъ рыцарей Лазаря, основанный въ Палестинѣ, можетъ быть, еще въ XI вѣкѣ, поставилъ своей задачей рядомъ съ борьбой съ невѣрными и уходъ за прокаженными. Даже страдавшіе этой болѣзнью могли вступать въ число членовъ ордена; мало того, до 1253 г., въ которомъ всѣ прокаженные рыцари убиты были турками, только лепрозный выбирался гроссмейстеромъ. Лазаристы также послѣ потери Св. Земли получали разныя милости отъ папъ и князей. Въ 1572 г. итальянская вѣтвь этого ордена была соединена герцогомъ Эммануиломъ Филибертомъ Савойскимъ съ орденомъ Маврикія, и всѣ ея владѣнія пошли на устройство госпиталей; французская вѣтвь слилась въ 1607 году съ кармелитами.

89. Гораздо скуднѣе свѣдѣнія наши о также многочисленныхъ братствахъ, ограничивавшихся попеченіемъ о больныхъ. Къ старѣйшимъ и извѣстнѣйшимъ принадлежитъ основанный Гюи де Монпелье „орденъ Св. Духа", получившій свое названіе отъ поступившаго въ его владѣніе госпиталя San Spirito въ Римѣ. Онъ распространился въ XIII и XIV вѣкахъ по большей части Европы, но съ теченіемъ времени до такой степени переродился, что отъ его первоначальной задачи мало чего осталось. Остатки отъ учрежденій этого ордена находятся еще донынѣ во многихъ мѣстахъ.

Вѣрнѣе всего исполнили свой обѣтъ духовныя общества сестеръ, существующія отчасти и теперь, посвятившія себя

попеченію о больныхъ; главнымъ же образомъ основанный Св. Елизаветой Тюрингенской орденъ елизаветинокъ. Изъ свѣтскихъ женскихъ обществъ сюда особенно принадлежитъ основанный Lambert de Begue, люттихскимъ священникомъ, въ 1-й половинѣ XIII вѣка, полусвѣтскій, полудуховный орденъ бегинянокъ. Распространившись быстро по Нидерландамъ, Франціи, Германіи и Швейцаріи, онъ, однако, скоро во многихъ мѣстахъ совсѣмъ переродился. Въ Германіи бегинянки исчезли со времени реформаціи; въ Нидерландахъ до сихъ поръ встрѣчаются значительные „дома бегинянокъ". Подражаніемъ бегинянкамъ явились вышедшія также изъ Нидерландовъ и очень рано исчезнувшія братства бегардовъ, доллардовъ* и т. д Далѣе, сюда-же принадлежатъ встрѣчающіяся въ большомъ числѣ въ сѣверной Германіи, календы или гостепріимныя братства,** которыя для спасенія своей души творили молитвы и совершали добрыя дѣла.

Новый духъ, наполнившій, начиная съ XVI вѣка, христіанскую церковь, обнаружился прежде всего въ католическихъ странахъ цѣлымъ рядомъ учрежденій,—которыя по чистотѣ своихъ цѣлей и ревнію, съ какимъ они стреми-

---

* Kalande, Kalandsbruder—первоначальною цѣлью своей имѣли заботу о погребеніи умершихъ. Эти братства, основанныя въ XIII вѣкѣ, собирались 1-го числа каждаго мѣсяца, откуда произошло и названіе ихъ (Calendae).

Elendsgilden—мы перевели словомъ гостепріимныя братства Elendhausen, Elendherbergen—назыв. у древнихъ германцевъ дома для пріема чужеземцевъ; elend—древне-нѣмецкое слово,—равнозначущее нынѣшнему freund. Значеніе древнесаксонскаго Gilde—общеизвѣстно. Ред.

** Нищенствующій „орденъ" бегардовъ не пользовался уваженіемъ и Beghard—стало чуть не браннымъ словомъ: святоша, ханьжа. Lollharden—отъ lollen=пѣть тихо—появились въ Антверпенѣ (1300), во время моровой язвы. Они иначе назывались „алексѣевцами" —въ честь своего патрона, Св. Алексѣя. Ред.

лись къ послѣднимъ, оставили въ тѣни все прежнее въ этомъ родѣ. Благотворнѣе всего дѣйствовалъ основанный въ 1534 году св. Juan de Dios [Іоанномъ Божіимъ] орденъ братьевъ милосердія, распространенный теперь по всей землѣ Рядомъ съ нимъ стоитъ, учрежденный въ 1627 г. св. Vincent von Paula и госпожей Legras въ Парижѣ, орденъ сестеръ милосердія и отдѣлившаяся отъ послѣдняго вѣтвь сестеръ св. Карла Борромейскаго.—Въ протестантской церкви союзъ женщинъ, ухаживающихъ за больными, появился лишь въ новѣйшее время: союзъ сестеръ діакониссъ, основанный по побужденію Штейна госпожей Амаліей Зивекингъ въ Гамбургѣ, нынѣ распространенный во всѣхъ странахъ, населенныхъ протестантами.

Книга третья.

НОВѢЙШЕЕ ВРЕМЯ.

Шестнадцатый вѣкъ.

ВВЕДЕНІЕ.

90. XVI столѣтіе составляетъ главу исторіи, со значеніемъ которой никакая другая не может сравниться. Во всѣхъ областяхъ жизни замѣчается безпримѣрный подъемъ. Начинается онъ гораздо раньше; вліяніе же его ясно обнаруживается лишь въ болѣе позднее время.

Къ важнѣйшимъ причинамъ, вызвавшимъ переворотъ въ общественной и духовной жизни, принадлежитъ основаніе новыхъ университетовъ, изъ которыхъ многіе, напр. Базельскій (1459), Тюбингенскій (1477), Виттенбергскій (1502), Іенскій (1557), Лейденскій (1575) получили важное значеніе и для медицины. Подобное же вліяніе оказывали ученыя общества, основанныя раньше всего въ Италіи, напр. Платонова академія во Флоренціи, Рейнское общество въ Гейдельбергѣ и др., изъ которыхъ многія главнымъ образомъ имѣли въ виду естественныя науки.

Въ еще болѣе непосредственномъ отношеніи къ развитію естествознанія стоитъ переворотъ, совершенный въ астрономіи Коперникомъ, неожиданное расширеніе кругозора, произведенное открытіемъ Америки (1492) и морскаго

пути въ Индію (1498). Послѣднія открытія изумленнымъ взорамъ Европы представили страны, преисполненныя такихъ чудесъ и сокровищъ природы, о которыхъ древніе едва имѣли понятіе.

Самой общей и могучей причиной подъема ограниченной болѣе тѣснымъ кругомъ духовной жизни—было изобрѣтеніе книгопечатанія. На мѣсто писаннаго, лишь немногимъ доступнаго слова, стало печатное; оно проложило себѣ дорогу до хижины и школы бѣдняка.

Весьма важное значеніе получило возобновленіе изученія классиковъ—гуманизмъ. Его источникъ заключался въ начавшемся съ XIV вѣка переселеніи, вслѣдствіе завоеванія Константинополя турками, греческихъ ученыхъ (Leontius Pilatus, Gemisthus Plethon, Chrysoloras, Bessarion и др.).—Яснѣе всего вновь ожившій духъ древности обнаружился въ области искусства: въ мастерскихъ произведеніяхъ Микель-Анджело, Рафаэля и Тиціана, въ гимнахъ Лютера и Палестрины.

Ни на одну область человѣческаго духа не снизошла эта благодать въ такой высшей мѣрѣ, какъ на естествознаніе и медицину. Сначала мы и здѣсь встрѣчаемъ философскія стремленія, именно толкованія Плинія. Положительныя обогащенія достались на долю ботаники отъ нѣмецкихъ естествоиспытателей: Оттона Брунфельса, врача въ Бернѣ, Леонарда Фукса, профессора въ Ингольштадтѣ и Тюбингенѣ, Іеронима Бока (Tragus), особенно же Іоанна Геснера, врача въ Цюрихѣ. Ихъ примѣру слѣдовали итальянцы Маттіоли, Цезальпини, професоръ въ Римѣ, Альдрованди, профессоръ въ Болоньѣ, особенно знаменитый, какъ зоологъ; въ Голландіи Dodoëns (Dodonaeus) и D'Ecluse (Clusius), въ Англіи Lobelius и т. д.—Въ это же время на сцену выступаютъ — въ многочисленныхъ, иногда превосходныхъ изданіяхъ и переводахъ—сочиненія Гиппократа, Галена, Аретея, Павла Эгинскаго и многихъ другихъ, которые до того времени были извѣстны по жалкимъ латинскимъ переводамъ съ арабскаго.

Рядъ итальянскихъ толкователей медицинскихъ классиковъ открываетъ Leoniceno, профессоръ въ Феррарѣ, и De Monte (Montanus) въ Падуѣ; въ Германіи Вильгельмъ Кохъ (Copus), впослѣдствіи профессоръ въ Парижѣ, Винтеръ фонъ-Андернахъ, профессоръ въ Левенѣ и Страссбургѣ. Къ нимъ примыкаютъ инціаторы новыхъ изданій Гиппократа, Галена и т. д., напр., Foes (Foesius), врачъ въ Метцѣ, Гагенбутъ (Cornarus), профессоръ въ Іенѣ и др.

Предшественники Везалія. Изученіе анатоміи художниками.

91. Хотя анатомическія изслѣдованія Mondino и дали новый толчекъ для развитія анатоміи, однако еще долгое время врачи довольствовались поверхностнымъ разсмотрѣніемъ частей тѣла. Какъ плохо стояла анатомія въ Германіи до XVI вѣка, видно изъ сочиненій, снабженныхъ грубыми гравюрами на деревѣ, конца XV и начала XVI столѣтія, напр. изъ упомянутаго уже *Fasciculus medicinae* Ketham'a*, *Philosophia naturalis* лейпцигскаго юриста J. Peyligk'a (Lips. 1499 f.) и *Anthropologium* Magnus Hundt'a, профессора въ Лейпцигѣ (Lips 1501. 4). Нѣсколько выше стоятъ большинство рисунковъ ***Анатоміи*** J. Dryander'a, марбургскаго профессора (Marp. 1537. 4).

Бо́льшее значеніе имѣютъ нѣкоторые изъ анатомическихъ писателей этого періода въ Италіи, напр. Galeotto Marzïo: *De homine* (S. l. et a.), Gabriele Zerbi *Liber anatomiae* (Venet 1502. f.), Alessandro Achillini: *Annotationes anatomicae in Mundinum* (Bonon, 1522 f.), особенно же Jacopo Berengario изъ Carpi, болонскій профессоръ (ум. въ 1530 г.). Его главный трудъ, ***Комментарій къ Мондино*** (Bonon. 1521. 4. 1552. 4), снабженный довольно точными рисунками, есть первое анатомическое произведеніе, назначенное для художниковъ. Нѣсколько позже явились руководство Nicol. Massa, венеціанскаго врача (Venet. 1536. 4), сочиненіе Giov.

---

* См. выше § 84.

Batt. Cannani, римскаго врача, *О мускулахъ* (Феррара, около 1543 г.), главнымъ же образомъ *Анатомія* Alessandro Benedetti, падуанскаго профессора (s. l. et. a. 4. Venet. 1502. 4) самое значительное анатомическое произведеніе довезалійскаго періода.

Общій интересъ, который возбуждала анатомія въ началѣ XVI вѣка, виденъ изъ того рвенія, съ какимъ предавались ей великіе художники того времени: Микель-Анджело, Рафаэль, главнымъ же образомъ Леонардо де-Винчи. Послѣдній, человѣкъ съ геркулесовской физической силой и титаническимъ духомъ, оставилъ кромѣ *Анатоміи лошади* рисунки къ анатоміи, изданіе которой предпринялъ Marc' Antonio della Torre. Самъ Леонардо приготовилъ по собственнымъ препаратамъ (вѣроятно для своего большаго произведенія о живописи) собраніе анатомическихъ рисунковъ, обнимающее тринадцать томовъ. Двѣсти листовъ изъ нихъ (находящихся въ настоящее время во владѣніи англійской королевы) недавно сняты во многихъ экземплярахъ фотографически. Они доказываютъ, что Леонардо принадлежалъ къ лучшимъ анатомамъ своего времени.

Менѣе занимались анатоміей во Франціи. Здѣсь заслуживаютъ вниманія Vidus Vidius изъ Флоренціи, профессоръ въ Парижѣ и Пизѣ, Жакъ Дюбуа (Sylvius) и его ученикъ Шарль Этіенъ (Stephanus), авторъ сочиненія, украшеннаго великолѣпными въ художественномъ, но маловажными въ анатомическомъ отношеніи, гравюрами на деревѣ (Парижъ 1545 г.)

Vesalius.

92. Андрей Везалій, родившійся въ Брюсселѣ 31-го декабря 1514 г., происходилъ изъ фамиліи, жившей въ Везелѣ на Рейнѣ, измѣнившей свое первоначальное имя Wytinck или Wyting въ Wessele или Vesale. Отецъ Везалія былъ аптекаремъ нидерландской намѣстницы, принцессы Маргариты. Андрей Везалій учился въ Левенѣ, Монпелье и Парижѣ, въ послѣднемъ подъ руководствомъ Vidus Vi-

dius'а и Якова Сильвія. По окончаніи своего ученія онъ возвратился въ Левенъ, гдѣ ему удалось достать для изслѣдованія скелетъ повѣшеннаго. Въ 1534 г. Везалій вступилъ хирургомъ въ армію Карла V, главнымъ образомъ въ надеждѣ на анатомическія изслѣдованія, которыя въ тогдашнемъ итальянскомъ походѣ представились въ изобиліи. Уже тогда двадцати двухлѣтній юноша задумалъ планъ кореннаго преобразованія анатоміи; въ 1538, черезъ годъ послѣ полученія степени доктора въ Базелѣ, появилось его первое сочиненіе: ***Шесть таблицъ***. Годъ спустя, Везалій былъ приглашенъ въ Падую на каѳедру, которую онъ занималъ до 1546 г. Въ теченіе этихъ 7 лѣтъ онъ преподавалъ анатомію въ Падуѣ, Болоньѣ и Пизѣ въ семи-недѣльныхъ курсахъ. Въ 1542 г., Везалій, чтобы руководить печатаніемъ своего большаго труда, отправился въ Базель, гдѣ онъ читалъ нѣсколько лекцій по анатоміи, для которыхъ онъ пользовался человѣческимъ трупомъ, чего до того времени тамъ никогда не бывало. Въ 1543 г. онъ принялъ почетное приглашеніе императора въ голландскую армію. Два года спустя, вышло большое сочиненіе Везалія вмѣстѣ съ „пробнымъ выпускомъ" *Epitome*. Въ 1546 году Везалій передалъ свою Падуанскую каѳедру своему прозектору Colombo и прожилъ нѣкоторое время въ Базелѣ, для приготовленія второго изданія своего произведенія.

Andr. Vesalius *De corporis humani fabrica libri septem*. Basil. 1545. f. 1555. f. Venet. 1568. f; s. a. f. *Opera* L. B. 1725. 4. 2. voll.

Появленіе грандіознаго произведенія вызвало бурю, едва ли меньшую чѣмъ та, которая произведена была 80 лѣтъ спустя открытіемъ кровообращенія. Первое, столько же страстное, сколько недостойное, нападеніе произведено было Яковомъ Сильвіемъ. Везалій отвѣтилъ своему учителю молчаніемъ. Болѣе важнаго противника онъ нашелъ въ Варѳоломеѣ Евстахіи, въ Римѣ. Для борьбы съ послѣднимъ Везалій снова отправился въ Падую, Болонью и Пизу. Еще въ 1555 г., послѣ выхода втораго изданія, враги Везалія пользовались такимъ значеніемъ, что императоръ Карлъ счелъ нужнымъ справиться съ мнѣніемъ богословскаго факультета

въ Саламанкѣ о допустимости разсѣченія человѣческихъ труповъ. Къ чести факультета, онъ объявилъ подобныя изслѣдованія допустимыми въ интересахъ страждущаго человѣчества.— Послѣ отреченія императора Карла (въ 1556 г.) Везалій приглашенъ былъ лейбъ-медикомъ къ Филиппу II. Здѣсь, однако, помимо вражды духовенства, пороки котораго онъ выставлялъ у позорнаго столба въ сочиненіяхъ и лекціяхъ, онъ долженъ былъ бороться съ такими препятствіями къ его научной дѣятельности, что онъ рѣшился, по крайней мѣрѣ, на время избѣжать ихъ посредствомъ поѣздки въ Іерусалимъ. Онъ, вѣроятно, не думалъ больше возвращаться въ Мадридъ, такъ какъ въ перспективѣ представилось новое приглашеніе въ Падую на мѣсто Фаллоппія. Эта надежда оправдалась, но весьма печальнымъ образомъ. Везалій получилъ ожидаемое приглашеніе въ Іерусалимѣ; на возвратномъ пути 2-го октября 1564 г. его судно потерпѣло крушеніе у острова Занте. Везалій вслѣдствіе этого заболѣлъ и умеръ 15-го октября 1565 г. въ нуждѣ и одиночествѣ! Одинъ ювелиръ, знавшій его, позаботился о его погребеніи въ церкви св. Дѣвы, на островѣ Занте. Статуя Везалія работы Давида недавно воздвигнута въ Брюсселѣ.

93. Твореніе Везалія получаетъ значительную часть своего достоинства отъ приложенныхъ къ нему (интересныхъ также въ отношеніи исторіи искусства) гравюръ на деревѣ. Послѣднія, вѣроятно, принадлежатъ нѣсколькимъ художникамъ, отчасти, можетъ быть, и ученику Тиціана, Іоанну Калькарскому.

Знаменитый заглавный листъ представляетъ Везалія, демонстрирующаго женскій трупъ предъ аудиторіей, наполненной слушателями всякихъ возрастовъ. Второй листъ заключаетъ мужественно красивый образъ Везалія, единственный существующій портретъ послѣдняго. Авторы этихъ двухъ листовъ такъ-же мало извѣстны, какъ и остальныхъ рисунковъ.

Твореніе Везалія, за весьма небольшими исключеніями, основано на изслѣдованіи человѣческихъ труповъ; но и строеніе высшихъ животныхъ принимается во вниманіе. У Галена

анатомія была скорѣе дополненіемъ къ физіологіи. И Везалій, какъ онъ ни указываетъ первое мѣсто для анатоміи, все же имѣлъ въ виду посредствомъ значительнаго числа вивисекцій рѣшеніе вопросовъ физіологіи.

Сравнительно болѣе извѣстная часть анатоміи со времени Гиппократа была остеологія. Но и этотъ отдѣлъ Галенъ спуталъ тѣмъ, что онъ пользовался только скелетами обезьянъ, и на долю Везалія выпала богатая возможность исправить укоренившіяся здѣсь ошибки. Относительно мускуловъ онъ впервые допустилъ, что нервы не лежатъ между мышечными волокнами, а проникаютъ въ вещество послѣднихъ, и что чувство осязанія не помѣщается въ мускулахъ, а въ кожѣ.—Въ сосудахъ Везалій уже различаетъ три оболочки Относительно послѣднихъ окончаній артерій и венъ онъ придерживается еще „паренхимы", въ которой кровь теряется —Недостаточнѣе всего у Везалія обставлено ученіе о нервной системѣ и органахъ чувствъ. Пустота нервовъ отрицается; точно также—перекрестъ волоконъ зрительныхъ нервовъ въ хіазмѣ и мозговыхъ волоконъ въ продолговатомъ мозгу.—Описаніе брюшины и желудка въ общемъ совершенно правильно. Везалій впервые доказалъ, что печень не состоитъ изъ безформенной паренхимы, а изъ развѣтвленій воротной вены, печеночныхъ венъ и желчныхъ ходовъ. За то онъ описываетъ почки, какъ мясистыя массы, мало отличающіяся отъ сердечной.—Описаніе половыхъ органовъ въ общемъ правильно. Везалій впервые упоминаетъ о сѣмянныхъ канальцахъ.—Зачатіе онъ все еще приписываетъ смѣшенію мужскаго и женскаго сѣмени. Матка, именно беременная матка, очень хорошо описывается; существованіе старинныхъ „cotyledones" опровергается.—Описаніе дыхательныхъ органовъ въ главныхъ чертахъ сходно съ галеновскимъ. Въ противоположность послѣднему, Везалій разсматривалъ уже не только наружные, но и внутренніе межреберные мускулы, какъ подниматели грудной клѣтки.

Самую блестящую часть произведенія составляетъ описаніе сердца. Везалій точно знакомъ съ движеніями послѣдняго и его частей, отправленіями клапановъ, даже съ послѣд-

ствіями перевязки артерій и венъ. Тѣмъ не менѣе онъ упорно держится стараго ученія, опровергнутаго за десять лѣтъ до того времени Серветомъ,* по которому большая часть крови, разжиженной и ставшей легче отъ „врожденной теплоты“, пропотѣваетъ чрезъ поры сердечной перегородки изъ праваго желудочка въ лѣвый.—Описаніе мозга, особенно мозговыхъ желудочковъ, при всѣхъ недостаткахъ представляетъ блестящее доказательство технической ловкости Везалія.—Описаніе глаза, какъ основанное лишь на изслѣдованіи глазъ животныхъ, обнаруживаетъ нѣкоторыя ошибки,—но онѣ были исправлены самимъ Везаліемъ въ сочиненіи, адресованномъ Фаллопію: *Anatomicarum Gabrielis Fallopii observationum examen.* Venet. 1568. 8. исправл. изд.

Анатомы—современники Везалія.

94. Первое мѣсто между врачами, которые при Везаліи и послѣ него посвящали свои силы преобразованію анатоміи, занимаетъ знаменитый и какъ практикъ, особенно какъ хирургъ, Gabriele Fallopio изъ Модены (1523—1562), профессоръ въ Феррарѣ, Пизѣ и Падуѣ. Его труды касаются преимущественно остеологіи, исторіи развитія костей и зубовъ, слуховаго органа, глаза, нервовъ и женскихъ половыхъ органовъ. Главное его сочиненіе—*Observationes anatomicae* (Venet 1561. 8. и слѣд. изд. *Opera.* Venet. 1584. f).

Къ знаменитѣйшимъ анатомамъ XVI вѣка принадлежитъ Bartolommeo Eustacchi (ум. въ 1574 г.), профессоръ въ Римѣ. Изъ его главныхъ сочиненій, назначавшихся для исправленія ошибокъ современниковъ, преимущественно Везалія, при его жизни вышла лишь одна часть, заключающая 8 таблицъ рисунковъ. Остальныя 38 таблицъ найдены лишь 140 лѣтъ послѣ смерти Евстахія и изданы вмѣстѣ съ прежними—Ланцизи (Римъ. 1714. f. 1728. f.). Онѣ содержатъ массу важныхъ анатомическихъ и сравнительно-анатомическихъ наблюденій.

---

* См. ниже § 114.

Сициліанецъ Giov. Filippo Ingrassia (1510—1580) замѣчателенъ по обработкѣ, не имѣвшей долгое время соперника, остеологіи (*Commentaria in librum Galeni de ossibus*. Panormi, 1604. f.), и важнымъ работамъ по исторіи эпидемій.

Изъ сочиненій Realdo Colombo изъ Кремоны (ум въ 1559 г.), профессора и преемника Везалія въ Падуѣ, впослѣдствіи профессора въ Пизѣ и Римѣ, заслуживаетъ вниманія описаніе слуховыхъ косточекъ. (*De re anatomica libri XV*. Venet. 1559. f. и слѣд. изд.).

Главныя работы Giulio Cesare Aranzi изъ Болоньи (1530—1589), профессора своего роднаго города, касаются анатоміи матки и зародыша. Аранцію принадлежитъ открытіе ducti arteriosi, названнаго впослѣдствіи Боталловымъ. Узелки полулунныхъ клапановъ до сихъ поръ еще носятъ его имя. (*De foetu humano opusculum*. Римъ 1564. 8. и слѣд. изд.—*Observationes anatomicae*. Venet. 1584. и слѣд. изд).

Constanzo Varoli изъ Болоньи (1543—1575), профессоръ въ Римѣ, общеизвѣстенъ своими изслѣдованіями головнаго мозга (въ которомъ „мостъ" увѣковѣчилъ его имя) и нервовъ (*Anatomia* Francof. 1591. 4).

Большія заслуги—какъ анатоміи своими сочиненіями о венозныхъ клапанахъ, такъ и хирургіи—оказалъ Fabrizio Acquapendente (1537—1619), преемникъ Фаллопія въ Падуѣ и учитель Гарвея. Преемникъ Фабриція Giulio Casserio изъ Піаченцы (1561—1616) разработывалъ преимущественно анатомію голосоваго и слуховаго аппаратовъ (*Pentaestheseion s. de quinque sensibus liber*. Venet. 1609. f. [33 табл.]—*Tabulae anatomicae 78*. Venet. 1627. f.).

Къ этимъ итальянскимъ анатомамъ можно еще причислить двухъ нидерландцевъ: Volcher Koyter изъ Гренингена (1534—1600), жившаго долго въ Италіи и преподававшаго нѣкоторое время въ Болоньѣ, и Adrian van den Spieghel изъ Брюсселя (1578—1625), преемника Кассеріо. Работы Koyter'а касаются главнымъ образомъ исторіи развитія зародыша и костей, функцій сердца и мозга (*Anatomicae exercitationes*, Norimb. 1572. f.).—Изслѣдованія Спигелія относятся особенно къ печени (Lobulus Spigelii) и къ нервной системѣ.

(*De humani corporis fabrica libri X.* Venet. 1627. f. — *Opera.* Amstel. 1645. f.).

Менѣе важны нѣкоторые испанскіе анатомы XVI вѣка, напр. Valverde de Hamusco, авторъ сочиненія, назначеннаго главнымъ образомъ для исправленія ошибокъ Везалія.

Первый нѣмецкій послѣдователь намѣченнаго Везаліемъ направленія былъ Felix Platter (1536—1614), профессоръ въ Базелѣ, по инціативѣ котораго въ этомъ университетѣ основаны были каѳедры анатоміи и ботаники. Platter имѣлъ уже возможность анатомировать въ теченіе 50 лѣтъ 300 труповъ. Весьма извѣстны онъ и его отецъ Thomas, тоже профессоръ медицины въ Базелѣ, по оставленнымъ ими, нѣсколько разъ изданнымъ *Дневникамъ*, составляющимъ главный источникъ нашихъ знаній о современной имъ гражданской и академической жизни. Преемникъ Felix Platter'а знаменитый ботаникъ Caspar Bauhin (1560—1624)—фамилія, изъ которой произошелъ рядъ знаменитыхъ врачей,—пользуется всеобщей извѣстностью за описаніе носящей его имя заслонки слѣпой кишки. Далѣе изъ нѣмецкихъ анатомовъ слѣдуетъ упомянуть о Salomo Alberti изъ Наумбурга (1540—1600), профессорѣ въ Виртембергѣ, авторѣ превосходнаго сочиненія о слезоотдѣлительныхъ аппаратахъ (*De lacrymis.* Viteb. 1581. 8), также медико-историческихъ и судебно-медицинскихъ сочиненій.

Нападки на галенизмъ и арабизмъ.

95. Во всѣ времена, въ періоды реформаторскихъ движеній, рядомъ съ разумными людьми, старающимися какъ сохранить пріобрѣтенное и испытанное до нихъ, такъ исключить и исправить устарѣвшее и ошибочное, проявляется нетерпѣніе революціонныхъ натуръ, которыя думаютъ, что лучшее можетъ возникать только изъ разрушенія существующаго настоящаго. Ни одно время не произвело въ большемъ числѣ такихъ разрушителей (Stürmer und Dränger), какъ XVI столѣтіе.

Борьба XVI вѣка съ галенизмомъ и арабизмомъ есть продолженіе нападеній, производившихся, начиная съ XIV

столѣтія, отдѣльными выдающимися лицами, напр Рожеромъ Бэкономъ, Arnaldus'омъ Villanova.*

Борьба началась второстепеннымъ, но богатымъ по своимъ послѣдствіямъ споромъ о методѣ кровопусканія. Гиппократики предписывали при воспаленіяхъ, напр, легкаго, открывать вену, лежащую по возможности близко къ заболѣвшему участку. Арабы посредствомъ теоретическихъ хитросплетеній пришли къ заключенію, что гиппократовскій методъ ведетъ только къ еще большему привлеченію крови къ заболѣвшимъ частямъ. Поэтому для отвлеченія крови отъ больнаго мѣста („Revulsio") производилось при воспаленіи легкихъ кровопусканіе изъ руки здоровой стороны или тыла стопы.—Но вотъ въ 1525 г. Pierre Brissot (1478—1522), профессоръ въ Парижѣ, выступилъ противъ господствующаго ученія, рекомендуя гиппократовскій методъ кровопусканія. Его сочиненіе было очевиднѣйшимъ объявленіемъ войны арабизму. Противники Brissot зашли такъ далеко, что императоръ Карлъ V и папа Климентъ VII призваны были въ качествѣ третейскихъ судей. Споръ, въ которомъ принялъ участіе и Везалій посредствомъ отдѣльнаго сочиненія, продолжался почти до конца XVI вѣка.

Подобное же значеніе имѣлъ другой споръ, возбужденный несчастнымъ Miguel Serveto (1509—1533). Онъ касался введенныхъ арабами сироповъ, считавшихся важнѣйшими средствами, способствующими „сваренію". Serveto дерзнулъ объявить въ сочиненіи, вышедшемъ въ 1537 г., что основные соки, за исключеніемъ слизи, неспособны къ сваренію и потому надо бросить сиропы.

Еще рѣшительнѣе были нападки противъ двухъ основныхъ положеній, касающихся пульса и мочи, изслѣдованію которыхъ арабы придавали почти неограниченное діагностическое значеніе. Первымъ изъ многочисленныхъ противниковъ такого всеобъемлющаго значенія уроскопіи былъ Clementius Clementinus, римскій врачъ. Изъ позднѣйшихъ защитниковъ его мнѣнія особенно заслуживаетъ внима-

---

* См. выше стр. 160.

нія Peter Foreest въ Алькмарѣ, превосходный практикъ.* Подобнымъ же нападкамъ подверглось ученіе арабовъ о пульсѣ.

Paracelsus.

96. Theophrastus, изъ стариннаго рода Bombaste von Hohenheim, близъ Штутгарта, называемый обыкновенно Paracelsus (вѣроятно переводъ слова „Hohenheim“), родился въ 1491 г. въ уединенномъ домѣ, недалеко отъ знаменитой святыни Эйнзидельна, въ Швицскомъ кантонѣ.** Его отецъ, Вильгельмъ, былъ врачемъ, его мать—надзирательницей монастырскаго госпиталя. Въ 1502 г. Парацельсъ вмѣстѣ съ своими родителями переселился въ Виллахъ въ Каринтіи, гдѣ его отецъ, врачъ, пользовавшійся глубокимъ довѣріемъ, умеръ въ 1534 г. Въ 1506 г. Парацельсъ поступилъ въ базельскій университетъ. Впослѣдствіи онъ пріобрѣлъ обширныя естественно-историческія и химическія познанія подъ руководствомъ аббата Trithemius'а въ Спонгеймѣ, особенно въ лабораторіи богатаго Зигмунда Фуггера въ Шватцѣ, въ Тиролѣ, и въ теченіе далекихъ путешествій.—Въ 1526 г., послѣ 10-лѣтняго отсутствія, Парацельсъ, по рекомендаціи своего швабскаго соотечественника Oekolampadius'а, получилъ мѣсто городскаго врача въ Базелѣ. Въ слѣдующемъ году онъ выступилъ въ тамошнемъ университетѣ преподавателемъ. Но уже по истеченіи двухъ лѣтъ его положеніе, вѣроятно по собственной винѣ, стало до того шаткимъ, что онъ былъ вынужденъ покинуть Базель. Онъ жилъ затѣмъ долгое время

---

* Шарлатанская прогностика и діагностика по мочѣ (Harnschau)—были въ полномъ ходу чуть не вплоть до XVII в. Согласно указанію Левина—Stark, эрфуртскій врачъ конца эпохи возрожденія, написалъ книгу „Мочевое зерцало“, въ которой настойчиво вооружается противъ шарлатанскихъ пріемовъ врачей. Ред.

** Einsiedeln—знаменитый бенедиктинскій монастырь св. Маріи, помѣщающійся въ мѣстности того же имени. Къ нему стекались на поклоненіе пилигриммы даже изъ отдаленныхъ странъ. Ред.

въ Эсслингенѣ въ Вюртембергѣ, потомъ снова почти непрывно путешествовалъ по Австріи, Моравіи, Каринтіи, Тиролю и Швейцаріи, часто терпя крайнюю нужду. —Парацельсъ умеръ послѣ непродолжительной болѣзни въ Зальцбургѣ 24 сентября 1541 года, гдѣ еще и до сихъ поръ показывается его могильный памятникъ.

Нравственный характеръ Парацельса такъ-же не въ мѣру восхвалялся его приверженцами, какъ поносился его противниками. Безъ сомнѣнія, корень его натуры былъ благороднаго свойства; но суровое воспитаніе, непостоянная странническая жизнь, озлобленіе, происшедшее отъ непризнаванія его дѣйствительныхъ и мнимыхъ заслугъ, сообщили его натурѣ самодовольную, доходившую нерѣдко до цинизма, грубость, свойственную обыкновенно непризнаннымъ талантамъ. Но нигдѣ въ его сочиненіяхъ не отсутствуютъ прямота, честность, теплота и человѣколюбіе и высокое мнѣніе о достоинствѣ врачебнаго призванія.

Число сочиненій, приписываемыхъ Парацельсу, очень велико; но такъ какъ мнимыя оригинальныя рукописи, которыми Huser пользовался для своего изданія, исчезли, то относительно произведеній, напечатанныхъ послѣ смерти Парацельса, часто невозможно съ увѣренностью судить о неподдѣльности ихъ.

Важнѣйшія изъ несомнѣнно подлинныхъ сочиненій суть слѣдующія:

1. (1526) *De gradibus et compositionibus receptorum.* — 2. (1528) *Die kleine Chirurgie. Von Französichen Blatern, Lähme, Beulen, Löchern und Zitterachten, der Frantzosen und ihres gleichen u. s. w.*—3. *Sieben Bücher von allen offenen Schäden, so aus der Natur geboren werden.*—4. (1529) *Vom Holz Guajaco.*—5. *Drei Bücher von den Franzosen.*—6. (1530) *Von den Jmposturen der Aerzte.*—7. (1531) *Opus Paramirium (I) ad medicam industriam.*— 8. (1536) *Von des Bads Pfeffers, in Oberen Schweiz gelegen, tugenden, Kräfften und Wirkung, Ursprung und herkommen, Regiment und Ordnung.*—9. (1536 и 1537) Двѣ первыя книги *Grosse Wund—Arznei.*—10. (1538) *a) Verantwortung über etzlich verunglingmpfung, b) Irrgang und Labyrinth der Aerzten. c) Vom Ursp-*

runge des Sandts und Steins.—11. *Von der Pestilenz, an die Stadt Sterzingen.*

Распространеннѣйшее изданіе большинства приписываемыхъ Парацельсу сочиненій (Гузера): Базель 1589 и 1590—94. f. 10 т.— Хирургическія сочиненія Huser издалъ въ 1591 г. отдѣльнымъ томомъ.

97. Парацельсъ является рѣшительнымъ приверженцемъ борьбы противъ существующаго порядка,—борьбы, обнаружившейся въ началѣ XVI вѣка и въ области медицины. Въ немъ яснѣе всего проявляется врожденное стремленіе къ свободѣ нѣмецкаго и швейцарскаго народа. Но избранный Парацельсомъ путь для преобразованія медицины не имѣетъ ничего общаго съ тѣми дорогами, по которымъ шли многіе другіе, стремившіеся къ той же цѣли. Онъ начинаетъ свою преподавательскую дѣятельность тѣмъ, что сжигаетъ [публично,—въ аудиторіи] сочиненія Авиценны [и Галена, объявляя, что ремни его башмаковъ смыслятъ въ медицинѣ болѣе, чѣмъ оба эти врача!.]. Свои лекціи онъ, вопреки всякой традиціи, читаетъ по нѣмецки. Онъ меньше всего интересуется успѣхами анатоміи. Не на разсѣченіе мертваго, но на изслѣдованіе живаго человѣка направлены его взоры!—

Корень ученія Парацельса—неоплатонизмъ. Человѣкъ есть повтореніе и копія внѣшняго міра—„макрокосма", въ которомъ, какъ въ раскрытой книгѣ, обнаруживается сокровенная природа человѣка,—„микрокосма". Созданный изъ земли—человѣкъ состоитъ изъ вполнѣ и невполнѣ горючихъ и огнеупорныхъ веществъ: „сѣры, ртути и соли." Живымъ организмомъ тѣло становится посредствомъ духовнаго принципа, „скрытаго человѣка", „Архея". Такое воззрѣніе необходимо приводитъ Парацельса къ столь полному пренебреженію анатоміей, что самое слово „анатомія" онъ принимаетъ въ совершенно чуждомъ смыслѣ. „Анатомія" представляетъ у него названіе сущности жизни.* Въ этомъ отрицаніи (ана-

* Этотъ терминъ обозначаетъ у него всегда природу, силу и магическое значеніе вещи; и, такъ какъ, согласно теоріи платонизма и кабалистики, каждое тѣло въ видимой природѣ создано по модели какого нибудь небеснаго существа, Парацельсъ называетъ анатоміей—

томіи) онъ идетъ такъ далеко, что для ближайшей задачи врача: познанія полезныхъ лѣкарствъ,—напр., противъ эпилепсіи, желтухи, и т. д.,—считаетъ совершенно безразличными свѣдѣнія о томъ, гдѣ лежатъ мозгъ и печень.—

Сѣра, ртуть и соль—основные элементы (введенные алхимиками вмѣсто извѣстныхъ 4 началъ Эмпедокла), изъ которыхъ состоятъ всѣ органическія вещества, не представлялись для Парацельса сходными вполнѣ съ тѣми веществами, которыя подъ этимъ именемъ встрѣчаются въ природѣ. Они служили для него лишь символами, характеризующими отношенія различныхъ веществъ къ огню. Такъ—сѣра означала понятіе о горючести и измѣняемости вообще, ртуть выражала собой способность вещества улетучиваться безъ измѣненія отъ нагрѣванія, соль—представляла символъ устойчивости, неразрушаемости отъ огня.

Такимъ образомъ гармоническое сочетаніе этихъ элементовъ, этихъ основныхъ качествъ веществъ организма—представляло собой здоровье; преобладаніе одного изъ нихъ--обусловливало болѣзнь, напр., лихорадка являлась отъ преобладанія въ организмѣ сѣры, водянка—соли и т. д.

Ближайшими причинами болѣзней Парацельсъ считаетъ „Entia", т. е. всѣ дѣйствующія на человѣка вліянія: „Ens astrorum" (космическіе агенты), „Ens veneni" (вредныя вещества, содержащіяся въ пищѣ), „Ens naturale et spirituale" (несовершенство тѣлесной и духовной организаціи), „Ens deale" (Божіе соизволеніе). Каждое изъ этихъ „Entia" можетъ вызвать отдѣльную форму болѣзни. Особенно большое значеніе придавалъ Парацельсъ „Ens veneni,"—понятію, обнимающему собой животные яды и контагіи.—Большое значеніе—въ смыслѣ причинъ болѣзней—Парацельсъ придаетъ географическимъ различіямъ. Онъ предугадывалъ глубокій смыслъ медицинской географіи.—

знаніе этой модели, этого идеала, или этой парадигмы, по которой созданы всѣ вещи. Ред.

98. Начало, средину и конецъ ученія Эйнзидельнскаго реформатора составляетъ терапія. Излѣченіе всякой болѣзни совершается или помощію природы, или требуетъ вмѣшательства искусства. Отъ этого признанія значенія цѣлительной силы природы проистекаетъ то уваженіе, которое Парацельсъ питалъ къ Гиппократу.—Діэтетическимъ цѣлебнымъ средствамъ: свѣжему воздуху, душевному покою, вину, посту, молитвѣ придается большое значеніе.—

Такъ какъ болѣзни по своей сущности представляютъ нѣчто духовное, то вліяніе на нихъ могутъ оказывать только такія лѣкарственныя вещества, которыя относятся враждебно къ этому духовному существу, къ этому „сѣмени" болѣзни. Такія вліянія и обнаруживаютъ собой „Arcana": цѣлительныя силы природы, кровоизвлеченіе, камнесѣченіе и т. д. Главнымъ же образомъ именемъ „arcana" называются такія вещества, которыя своими „скрытыми свойствами" возбуждаютъ цѣлительную силу природы или тушатъ и уничтожаютъ „сѣмя" болѣзни. Большое значеніе, которое Парацельсъ придаетъ „Arcana", основано, очевидно, на томъ, что сифилисъ, оставшійся неизвѣстнымъ древнимъ такъ-же, какъ и употреблявшееся противъ него въ народѣ specificum, ртуть, достигъ тогда всеобщаго распространенія.* Вслѣдствіе своей теософической точки зрѣнія Парацельсъ пришелъ даже къ заключенію, что лѣкарства созданы Богомъ сообразно болѣзнямъ.

Поэтому онъ „весь свѣтъ" называетъ „аптекой", а Бога „верховнымъ аптекаремъ". Важнѣйшей задачей врача Парацельсъ считаетъ открытіе магическихъ силъ лѣкарственныхъ веществъ, точно также, какъ задачей химика является полученіе цѣлебныхъ „эссенцій" изъ природныхъ тѣлъ. Но такъ какъ тайна жизни и болѣзни можетъ быть только узнана посредствомъ изслѣдованія „внѣшняго человѣка", макрокосма, то на обязанности врача лежитъ изслѣдованіе тѣхъ явленій

* Смыслъ этой, весьма неясной—какъ и множество другихъ—фразы Гезера—тотъ, что именно наблюденія надъ дѣйствіемъ ртути при сифилисѣ—дали Парацельсу какъ-бы фактическую точку опоры относительно уразумѣнія специфическаго вліянія „arcana"—вообще. Ред.

внѣшней природы, которыя представляютъ аналогію съ извѣстными заболѣваніями и наоборотъ; при этомъ, разумѣется, открывается широкое поприще для самой необузданной фантазіи. Водянка, напр., уподобляется микрокосмическому наводненію, апоплектическій ударъ—молніи и т. д. Поэтому первая, подобно наводненію вообще, должна лѣчиться средствами, выводящими избытокъ воды наружу и высушивающими остающееся. (Ртуть*, желѣзные препараты и сѣра).—Къ вспомогательнымъ средствамъ, способствующимъ изысканію arcana, принадлежатъ извѣстныя, доступныя чувствамъ примѣты, „сигнатуры", которыя и указываютъ на соотвѣтствующія болѣзни.** „Почечуйная трава" (Polygonum Persicaria) со своими красными пятнами на листьяхъ—важнѣйшее изъ всѣхъ средствъ отъ ранъ; Hypericum perforatum лѣчитъ колотыя раны, Saxifraga —каменную болѣзнь и т. д.

Важнѣйшими arcana считаются металлическіе препараты, эссенціи и тинктуры растеній, главнымъ образомъ—опія ***—

---

* Недавно открытое мочегонное дѣйствіе каломели и ртути вообще—не было бы новостью для Парацельса. Ред.

** Этимъ П. даетъ какъ-бы способъ, посредствомъ котораго можно узнавать лѣкарственныя средства. Согласно этой теоріи, доведенной до абсурда, природа сама отличаетъ лѣкарства особой формой, цвѣтомъ, подобіемъ съ извѣстными органами тѣла и т. д. Эти-то отмѣтки и назывались сигнатурами. Такъ, Anacardium orientale употреблялось парацельсистами при болѣзняхъ сердца потому, что плодъ этого растенія имѣетъ форму сердца; Anacardium occidentale, плодъ котораго имѣетъ почкообразную фигуру—при болѣзняхъ почекъ; „драконова кровь" (смола отъ Calamus draco Dracaena draco и др.) приноситъ пользу при кровотеченіяхъ потому, что цвѣтъ ея похожъ на цвѣтъ крови. Поэтому же Chelidonium полезенъ при желтухѣ и т. д. Ред.

*** Введеніе этихъ способовъ приготовленія лекарствъ (тинктуры, экстракты, эссенціи и т. д.) составляетъ одну изъ заслугъ Парацельса, которую онъ выразилъ замѣчательными для его времени „словами: настоящая цѣль алхиміи состоитъ не въ изысканіи способовъ фабрикаціи золота, а въ установкѣ методовъ приготовленія арканъ".

Большое значеніе Парацельсъ придавалъ естественнымъ цѣлебнымъ источникамъ, особенно имъ оцѣнены термы: Вильдбадъ, Теплицъ, Баденъ, главнымъ образомъ Пфеферсъ; изъ водъ для питья С. Морицъ въ Энгандинѣ, гдѣ главный источникъ носитъ даже имя Парацельса.

Яснѣе всего обнаруживается внутренняя сущность Парацельсовой медицины при уразумѣніи принципа, которому онъ слѣдовалъ при названіи болѣзней. Онѣ должны называться не по страдающимъ органамъ или по предполагаемымъ причинамъ, а по излѣчивающимъ ихъ arcana'мъ. Настоящій врачъ говоритъ: вотъ это—Morbus terebinthinus, это—Morbus Sileris montani, а вотъ это—Morbus helleborinus и т. д., а не скажетъ: это Bronchus, это—Rheuma, это—Coriza, а это—Catarrhus.*

За исключеніемъ „тартарскихъ болѣзней" („tartarischen Krankheiten") и „французской" („Franzosen") у Парацельса встрѣчается мало описаній отдѣльныхъ формъ болѣзней. „Тартарскія" болѣзни состоятъ въ отложеніи „Tartarus," болѣзнетворнаго вещества, горящаго на подобіе адскаго огня (откуда и названіе его) и зависятъ отъ недостаточной ассимилирующей и выдѣлительной дѣятельности Архея; главными представителями этихъ болѣзней являются: подагра, каменная болѣзнь и нѣкоторыя формы чахотки. Діагнозъ ихъ основанъ главнымъ образомъ на изслѣдованіи мочи; ихъ лѣченіе—на

Въ другомъ мѣстѣ—этотъ алхимикъ, „учившій дѣлать золото" произноситъ такое чудное пророчество:

„Прежде чѣмъ наступитъ конецъ міра, значительное число искусствъ, —на которыя смотрятъ теперь, какъ на работу діавола или дѣянія чародѣевъ,—раскроются взорамъ всѣхъ, и тогда узнаютъ, что эффектъ ихъ дѣйствія зависитъ отъ естественныхъ силъ природы." Ред.

* Въ болѣе позднее время эта сторона ученія Парацельса нашла апостола въ лицѣ Радемахера... Не даетъ-ли и наше время повода воскресить эти парацельсовскія арканы и, подобно ему, указывать—вотъ morbus resorcinicus, morbus ichtyolicus, morbus antipyrinicus!... Ред.

употребленіи щелочей.*—„Французскую болѣзнь“ Парацельсъ считаетъ болѣзнью новой, возникшей вслѣдствіе господствовавшаго въ его время разврата, а потому и требующей новыхъ средствъ. Она произошла отъ смѣшенія проказы съ бѣлями, но отличается отъ лепры своей излѣчимостью. Ближайшихъ причинъ происхожденія сифилиса двѣ: непосредственная передача (зараженіе) и наслѣдственность. Важнѣйшимъ лѣкарствомъ при лѣченіи сифилиса является цѣлесообразное и осторожное употребленіе ртути, особенно краснаго преципитата. За то Парацельсъ въ отдѣльномъ сочиненіи *О гваяковомъ деревѣ* осуждаетъ злоупотребленіе этимъ вывезеннымъ въ его время изъ Америки мнимымъ specificum противъ сифилиса, и вмѣстѣ съ тѣмъ отрицаетъ пользу связаннаго съ послѣднимъ потогоннаго способа лѣченія.

Хирургическія сочиненія Парацельса, хотя они ограничиваются только ученіемъ о ранахъ, опухоляхъ и т. д., имѣютъ важное значеніе и обнаруживаютъ большую опытность, пріобрѣтенную имъ, конечно, въ военныхъ походахъ. Кромѣ вяжущихъ средствъ, разныхъ напитковъ для раненыхъ и т. д. главную роль въ лѣченіи ранъ играетъ ученіе о дѣятельности природы. Употребленіе кроваваго шва, каленаго желѣза, прижигающихъ средствъ очень ограничено, за то при удаленіи опухолей и т. п. отдается полное преимущество ножу.

Точка зрѣнія, съ которой Эйнзидельнскій реформаторъ смотритъ на задачу медицины, у него, какъ и высокочтимаго имъ Гиппократа, совершенно искусственная. Но въ то время, какъ для великаго Косскаго врача и въ первые вѣка древности эта точка зрѣнія была единственно возможной, Парацельсъ,—вслѣдствіе пренебреженія всѣмъ тѣмъ, что было сдѣлано до него и при немъ для возвышенія медицины до степени науки, особенно вслѣдствіе презрительнаго отношенія

---

* По мнѣнію Шпренгеля „доктрина тартара“—есть самое полезное изъ всѣхъ нововведеній фанатика (Парацельса), который не только далъ вѣрное представленіе въ этомъ ученіи о болѣзняхъ обмѣна, но и указалъ на способъ распознаванія ихъ—химическое изслѣдованіе мочи. Ред.

къ анатоміи и игнорированія вещественныхъ измѣненій въ заболѣвшихъ органахъ, которыя (измѣненія) онъ разсматриваетъ только какъ результатъ дѣйствія земныхъ и сверхъестественныхъ силъ и вліяній, и, наконецъ, вслѣдствіе односторонности мышленія, имѣвшаго въ виду одни „arcana,“— дошелъ до такого эмпиризма, безсодержательности котораго не могла скрыть окутавшая его завѣса неоплатонизма. Этимъ, однако, не отрицается, что Парацельсу принадлежитъ заслуга въ установкѣ воззрѣнія на болѣзнь, какъ на живой процессъ, подчиненный законамъ организма, что онъ обогатилъ фармакологію сильными, особенно металлическими препаратами и воздалъ должное естественнымъ наукамъ, главнымъ образомъ, химіи.—Безпорнѣе всего заслуги Парацельса въ нѣмецкомъ языкѣ, которымъ онъ владѣетъ съ такой же силой и полнотой, какъ и Лютеръ.

Заслуги Парацельса несомнѣнны и, конечно, не въ области одной лингвистики. Указавъ на зависимость явленій, происходящихъ въ организмѣ отъ химическаго состава и химическихъ процессовъ, Парацельсъ является основателемъ медицинской химіи. Оцѣнивъ вліяніе на организмъ различныхъ металловъ, отмѣтивъ, что растенія дѣйствуютъ лишь нѣкоторыми своими составными частями, примѣнивъ химическія основы лѣченія болѣзней— Парацельсъ посѣялъ зародыши современной фармакологіи, которые такъ роскошно разрослись въ наше время.

Приверженцы и противники Парацельса.

99. Вызванное Парацельсомъ движеніе ограничивалось, главнымъ образомъ, Германіей, такъ какъ врачи другихъ странъ ужъ потому не могли знакомиться съ его сочиненіями, что не знали нѣмецкаго языка.

Приверженцы Эйнзидельнскаго реформатора распадаются на два класса: профановъ всякаго рода, безъ общаго и медицинскаго образованія, которые, въ качествѣ честныхъ мечтателей, распространяли новое ученіе какъ Евангеліе, или же пользовались имъ, какъ хитрые обманщики,—и врачей, которые, иг-

норируя более или менѣе теоретическую часть системы, имѣли въ виду исключительно—дѣйствительную или мнимую—практическую ея пользу. Не мало изъ нихъ принадлежали къ послѣдователямъ Лютера, имѣвшаго высокое мнѣніе о медицинѣ. Сюда принадлежатъ Caspar Peucer, профессоръ въ Виттенбергѣ, Адамъ фонъ Боденштейнъ, врачъ въ Базелѣ, одинъ изъ преданнѣйшихъ приверженцевъ Парацельса; главнымъ же образомъ Освальдъ Кроль, лейбъ-медикъ князя Христіана Ангальтскаго; главное стремленіе этого врача было направлено на то, чтобы согласить новое ученіе съ кальвинистскимъ догматомъ о милости и съ гиппократизмомъ. Въ исторіи фармаціи Кроль занимаетъ почетное мѣсто своимъ сочиненіемъ *Basilica chymica*, появившимся впервые въ 1608 году; въ немъ авторъ указываетъ способы приготовленія значительнаго числа новыхъ и дѣйствительныхъ лѣкарствъ.

Къ виднѣйшимъ парацельсистамъ принадлежалъ, далѣе, датскій лейбъ-медикъ Петръ Северинъ, классически образованный человѣкъ, давшій сравнительно ясное представленіе о новомъ ученіи. Далѣе Вароломей Каррихтеръ, лейбъ-медикъ императора; Мартинъ Руландъ, врачъ въ Лауингенѣ, открывшій содержащую въ себѣ рвотный камень „Aqua benedicta“;—Гергардъ Дорнъ, врачъ въ Франкфуртѣ на М. и мн. др.

Рядомъ съ этими людьми, честно и по убѣжденію преданными новому ученію, стоитъ масса искателей приключеній, злоупотреблявшихъ имъ съ цѣлью удовлетворить своему честолюбію и жаждѣ наживы. Представителемъ этой категоріи служитъ Thurneysser zum Thurn изъ Базеля. Онъ былъ раньше золотыхъ дѣлъ мастеръ; бѣжалъ, послѣ совершенія имъ грубыхъ мошенническихъ продѣлокъ, затѣмъ сдѣлался солдатомъ, и все таки дошелъ, наконецъ, до степени бранденбургскаго лейбъ-медика въ Берлинѣ, гдѣ онъ въ качествѣ дѣлателя золота и „мочеваго пророка“ пріобрѣлъ большое вліяніе и богатство, пока не былъ выведенъ на чистую воду Caspar Hofmann'омъ, профессоромъ въ Франкфуртѣ на Одерѣ и Францемъ Іоэлемъ, профессоромъ въ Грейф-

свальдѣ. Thurneysser долженъ былъ позорно бѣжать изъ Берлина и умеръ въ нищетѣ.

Важнѣйшіе изъ многочисленныхъ противниковъ, выступившихъ уже очень рано противъ новаго ученія, суть: швейцарецъ Thomas Liebler, прозванный Erastus, и Andreas Libavius изъ Галле, впослѣдствіи директоръ гимназіи въ Кобургѣ, главный основатель научной химіи. [Несмотря на рѣзкую критику—Либавіусъ нашелъ много цѣнныхъ взглядовъ и наблюденій въ ученіи Парацельса и съумѣлъ ихъ отдѣлить отъ его мистическихъ бредней]. Точно также и многіе другіе, рѣшительно выступавшіе противъ теоріи Парацельса, сдѣлали должную оцѣнку дѣйствительности его химическихъ лѣкарствъ.

И во Франціи многіе знаменитые врачи, напр. Du Chesne (Quercetanus) высказались за парацельсовскія лѣкарства. Вызванный ими споръ касался, главнымъ образомъ, препаратовъ сурьмы. Во главѣ галенистовъ стояли знаменитый сатирикъ Rabelais, ученый Jean Riolan—отецъ и талантливый чудакъ Gui Patin.

Парижскій факультетъ, отчаянно боровшійся со всѣми новшествами, пошелъ такъ далеко, что нѣкоторыхъ, преданныхъ сурьмѣ врачей, и въ числѣ ихъ Turquet de Mayerne, отличнаго врача, нашедшаго скоро мѣсто при англійскомъ дворѣ, исключилъ позорнымъ декретомъ изъ факультета.—

100. Убѣжденіе въ шаткости галено-арабской системы было въ остальныхъ странахъ Европы не менѣе живо, чѣмъ въ Германіи, но его вліяніе не обнаружилось такъ бурно, какъ въ послѣдней. Корень нападковъ, направленныхъ противъ господствующей системы, былъ вездѣ одинъ и тотъ же: возрожденіе платонизма и новой его формы—неоплатонизма, и происшедшая отсюда борьба противъ Аристотелевской схоластики.

Къ важнѣйшимъ противникамъ Галена принадлежитъ Geronimo Cardano изъ Милана (1501—1576). Невзгоды всякаго рода и крайне чувствительная натура—превратили этого, отмѣченнаго печатью генія математика и физика въ самого завзятаго мистика. — Далѣе сюда принадлежитъ

Bernardino Telesio изъ Піаченцы, сочиненія котораго далеко превосходятъ Кардановскія трезвостью и ясностью взгляда. Въ еще болѣе близкомъ отношеніи къ медицинѣ стоитъ Giovanni Porta, знатный и богатый неаполитанецъ (ум. въ 1615 г.), одинъ изъ самыхъ выдающихся физиковъ своего времени, основатель научной оптики. Тому же направленію принадлежитъ доминиканецъ Giordano Bruno изъ Нолы, въ Кампаніи (1550—1600), который поплатился жизнью на кострѣ за то, что принялъ сторону протестанства.

Въ близкомъ отношеніи къ парацельсистамъ стоятъ основатели различныхъ мистическихъ ученій, появившихся главнымъ образомъ въ XVII вѣкѣ, особенно розенкрейцеры, представлявшіе общество, главное стремленіе котораго было направлено на политическое и религіозное возрожденіе нѣмецкаго народа. Даже въ отечествѣ Гарвея появился мечтатель такого рода: Robert Fludd, врачъ въ Лондонѣ. И онъ считалъ конечной причиной болѣзней грѣхопаденіе, лѣкарствомъ—молитву и Божіе милосердіе... И между тѣмъ этотъ же человѣкъ изобрѣлъ термометръ для измѣренія температуры крови!

Въ другомъ рядѣ нападковъ, направленныхъ противъ системы Галена со стороны французскихъ врачей, философскій элементъ въ сравненіи съ медицинскимъ уходитъ на задній планъ. Сюда принадлежитъ піэмонтецъ Giovanni Argenterio (1513—1572), который такъ-же рѣшительно опровергаетъ теоріи Галена, какъ признаетъ его практическія заслуги.

Во Франціи многіе врачи, вышедшіе изъ Монпелье,— этого главнаго древняго мѣстопребыванія гиппократизма, примкнули къ противникамъ Галена; напр., Laurent Joubert, канцлеръ университета (1529—1583), ученикъ Argenterio.

Болѣе робкими представлялись, понятно, нападки на галенизмъ со стороны нѣкоторыхъ членовъ Парижскаго факультета. Извѣстнѣйшій изъ нихъ—Jean Fernel (1485—1558), отличный математикъ и одинъ изъ знаменитѣйшихъ профессоровъ своего времени.

Практическая медицина гиппократиковъ XVI вѣка.

101. Болѣе утѣшительную картину, чѣмъ эти безплодныя теоретическія пререканія, представляютъ старанія значительнаго числа врачей XVI вѣка обогатить медицину наблюденіями. Послѣднія изложены частью въ самостоятельныхъ произведеніяхъ, собраніяхъ писемъ и консилій,* частью въ протоколахъ многочисленныхъ ученыхъ обществъ; всѣ эти печатавшіеся труды замѣняли собою позднѣе явившуюся журналистику.

Самое благотворное вліяніе на практическое развитіе врачей оказало введеніе клиническаго преподаванія. Начало послѣдняго встрѣчается уже въ древности, у арабовъ и въ Салерно;** но общаго распространенія оно достигло лишь въ XVI вѣкѣ стараніями Montanus'а въ Падуѣ,*** лекціи котораго посѣщались врачами со всѣхъ концовъ Европы. По смерти de Monte въ клиническомъ преподаваніи наступила пауза до 1578 года, когда Albertino Bottoni и Marco degli Oddi, побуждаемые главнымъ образомъ многочисленными учившимися въ Падуѣ, нѣмцами, снова возобновили его. Послѣ ихъ смерти клиническій институтъ опять прекратился, пока не возникъ снова въ 1637 г. И въ Павіи, и въ Генуѣ очень рано додумались до клиническаго обученія студентовъ.

Плодотворнѣе для послѣдняго оказалась почва Голландіи. Въ 1636 г. Willem van der Straten въ Утрехтѣ и два ученика Bottoni и de Oddi: Heurnius и Schrevelius, въ Лейденѣ, старались вводить клиническое преподаваніе. Ихъ предпріятіе, однако, также рухнуло вслѣдствіе нежеланія студентовъ экзаменоваться; не удачнѣе была, впрочемъ, попытка, возобновленная ихъ преемникомъ Albrecht Kyper'омъ изъ Кенигсберга. Постояннымъ учреж-

* См. выше стр. 166, примѣч. Ред.

** См. выше стр. 117, 130, 150.

*** См. выше стр. 194.

деніемъ Лейденская клиника стала лишь въ 1658 г., по иниціативѣ De le Boë Sylvius*. Въ англійскихъ-же и нѣмецкихъ университетахъ правильное клиническое преподаваніе развилось лишь въ XVIII вѣкѣ, по почину Boerhaave'а.

Какъ ни было велико благодѣяніе, оказываемое возобновленіемъ изученія сочиненій Гиппократа, нельзя, однако, отрицать, что врачи XVI вѣка, когда они сбросили иго арабизма, взвалили на себя другое, правда болѣе легкое, ярмо гиппократизма. Только съ открытіемъ кровообращенія,— перваго торжества свободнаго наблюденія, практическая медицина выступила на научный путь.

Относительно практической медицины Италія еще долго занимала первое мѣсто. Еще въ XV вѣкѣ страна эта родила выдающагося наблюдателя: флорентинца Antonio Benivieni (Benivénius, ум. въ 1502 г.). Единственное, дошедшее до насъ произведеніе послѣдняго: *De abditis morborum et sanationum causis* (Flor. 1506. 4) содержитъ только 111 исторій болѣзней, главнымъ образомъ случаи уродствъ, сифилитическихъ и хирургическихъ страданій, съ обращеніемъ особаго вниманія на данныя вскрытія.—Тотъ-же характеръ трезвыхъ наблюденій обнаруживаютъ сочиненія Alessandro Benedetti (Benedictus), Giov. Manardi и Antonio Brassavola изъ Феррары (1500—1555). Они же принадлежатъ къ первымъ лѣтописцамъ о современныхъ имъ эпидемическихъ болѣзняхъ. Важнѣйшій изъ итальянскихъ эпидеміографовъ Geronimo Fracastori изъ Вероны (1483—1553), одинаково знаменитый какъ физикъ, астрономъ, врачъ и поэтъ. Его сочиненіе *De morbis contagiosis* (Venet. 1546. 4 и слѣд. изд.), содержащее первое описаніе сыпнаго тифа, начинаетъ собою новый періодъ въ эпидеміографіи. Еще знаменитѣе сталъ Fracastori своимъ стихотвореніемъ *Syphilis* (Верона, 1530. 4 и въ еще многихъ изданіяхъ [послѣд. Lips. 1830. 8] и переводахъ).—Практическія сочиненія Nic. Massa** относятся также преимущественно къ чумѣ и сифилису.

* См. ниже § 128.

** См. выше стр. 194.

—Изъ большаго числа итальянскихъ эпидеміографовъ этого періода заслуживаютъ, далѣе, особаго вниманія Aless. Massaria (1510—1598), профессоръ въ своемъ родномъ городѣ Виченцѣ, Prosper Alpini, авторъ общеизвѣстнаго произведенія о болѣзняхъ Египта.

Испанія, бывшая въ XVI вѣкѣ богатѣйшей и могущественной страной въ Европѣ, можетъ также указать значительное число превосходныхъ врачей, оказавшихъ услуги эпидеміографіи; напр., Francisco Lopez изъ Villalobos (около 1500 г.), лейбъ-медикъ Карла V, одинъ изъ пѐрвыхъ писателей о сифилисѣ; Andrea da Laguna изъ Сеговіи (1499—1560), также врачъ Карла V; Christobal de Vega (около 1550 г.) изъ Алькалы, профессоръ; Franzisco Valles; Luis Mercado (Mercatus) изъ Valladolid (1520—1610), лейбъ-медикъ Филиппа II, авторъ важныхъ сочиненій о *Garotillo* (angina maligna, дифтеритъ) и сыпномъ тифѣ; Nicol. Boccangelini, одинъ изъ лучшихъ писателей о чумѣ; португальцы Amatus и Zacutus Lusitanus и мн. др.

Гораздо ниже стояла въ XVI вѣкѣ собственно практическая медицина въ остальныхъ странахъ Европы; хуже всего во Франціи. Здѣсь застой, вызванный упорной приверженностью парижскаго факультета галенизму, представлялъ рѣзкую противуположность съ одновременнымъ блестящимъ подъемомъ хирургіи.—Къ заслуживающимъ вниманія писателямъ принадлежитъ Guillaume Baillou (Ballonius) изъ Парижа (1538—1616), профессоръ и королевскій лейбъ-медикъ, авторъ не безъинтереснаго описанія эпидемическихъ болѣзней 1570—1579 гг.

Гораздо богаче дѣльными практическими писателями были Нидерланды. Сюда принадлежитъ, знаменитый и какъ ботаникъ, Rembert Dodoëns (Dodonaeus) (1518—1585), профессоръ въ Лейденѣ, также одинъ изъ важнѣйшихъ эпидеміографовъ своего времени;—Peter Foreest (Forestus) изъ Алькмары (1522—1597), впослѣдствіи врачъ въ своемъ родномъ городѣ. Въ своихъ обширныхъ *Observationes et curationes medicinales* (L. B. 1593 до 1606 f. и сл. изд.) Foreest не ограничивается, подобно его предшественникамъ, сообщеніями о

рѣдкихъ и особенныхъ случаяхъ болѣзни, а тщательно описываетъ ежедневные случаи.—Joh. van Kasteele (Castricus), городской врачъ въ Антверпенѣ, имѣетъ значеніе, какъ одинъ изъ самыхъ раннихъ и лучшихъ историковъ эпидеміи англійскаго пота 1529 г.

Изъ нѣмецкихъ практиковъ этого періода первое мѣсто занимаетъ Crato von Krafftheim (первоначально Krafft, изъ Бреславля, бывшій студентомъ—товарищемъ Лютера въ Виттенбергѣ, 1519—1585), лейбъ-медикъ императоровъ Фердинанда I, Максимиліана и Рудольфа II, одинъ изъ вліятельнѣйшихъ сторонниковъ реформаціи. Изъ его сочиненій, отличающихся изящнымъ слогомъ, заслуживаютъ вниманія его *Consilia* и ***Письма***, важныя для исторіи того времени. Подобнымъ же уваженіемъ пользовались Schenck von Grafenberg (1530—1598), врачъ въ своемъ городѣ Фрейбургѣ и Брейсгау,—Ioh. Lange изъ Левенберга въ Силезіи, врачъ при Кур-пфальцскомъ дворѣ, и Thomas Jordan (1540—1585), врачъ въ Клаузенбургѣ, описавшій въ отдѣльномъ сочиненіи господствовавшую въ 1566 г. въ Венгріи лагерную лихорадку и наблюдавшееся имъ въ Брюннѣ значительное распространеніе сифилиса, вызванное зараженіемъ чрезъ посредство кровососныхъ банокъ.

Изъ швейцарскихъ врачей слѣдуетъ упомянуть Felix Platter'а, профессора въ Базелѣ,* извѣстнаго анатома. Въ его ***Наблюденіяхъ*** обнаруживаются 1) стремленіе дать патологіи анатомическія основы и 2) установка правильныхъ взглядовъ на природу и лѣченіе душевныхъ болѣзней.

Хирургія.

102. Свободное направленіе, которымъ отмѣчено все XVI столѣтіе, особенно обнаруживается въ хирургіи. Къ общимъ причинамъ, вызвавшимъ подъемъ духовной жизни, присоединились еще другія условія, особенно благопріятствовавшія процвѣтанію хирургіи. Благотворнѣе всего дѣйство-

---

* См. выше стр. 201.

вало на хирурговъ улучшеніе ихъ соціальнаго положенія. Они давно уже поняли, что тѣснымъ единеніемъ въ хорошо организованныя корпораціи и политической изворотливостью (weltkluge Gewandheit), можно лучше всего поправить свои дѣла. Впрочемъ въ Парижѣ, который и въ этомъ отношеніи въ теченіе многихъ вѣковъ задавалъ тонъ, члены коллегіи St.-Côme въ безпрестанныхъ пререканіяхъ съ факультетомъ мало пожали лавровъ. Плоды ихъ раздоровъ въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, достались третьему лицу. Смертельная ненависть къ хирургамъ довела факультетъ до того, что онъ взялъ подъ свое покровительство цирюльниковъ, какъ „Scholastici facultatis, и, чтобы дать имъ возможность конкурировать съ хирургами, читалъ и издавалъ для брадобрѣевъ лекціи и компендіи на родномъ ихъ языкѣ. При Людовикѣ XII парикмахеры, а затѣмъ и шапочныхъ дѣлъ мастера, весьма естественно, заявили претензіи на преимущества цирюльниковъ. Между тѣмъ и хирурги St. Côme тоже не сидѣли, сложа руки. Въ пику факультету они добились права выбирать лиценціатовъ хирургіи. Впослѣдствіи они даже и съ цирюльниками вошли въ соглашеніе. Но самымъ могучимъ ихъ союзникомъ было уваженіе, которымъ они пользовались какъ у народа, такъ и въ высшемъ обществѣ—за ихъ не разъ доказанную неустрашимость и полезную дѣятельность въ самыхъ трудныхъ случаяхъ, напр., во время чумныхъ эпидемій, или на театрѣ войны. Всего болѣе благопріятствовало хирургамъ то обстоятельство, что почти исключительно въ ихъ рукахъ находилось лѣченіе въ то время очень распространенныхъ кожныхъ болѣзней, наружныхъ поврежденій и опухолей всякаго рода и что, соотвѣтственно этому, къ нимъ преимущественно попадала—всегда весьма выгодная—сифилидологическая практика. Дошло даже до того, что извѣстные хирурги исключительно занимались лѣченіемъ сифилиса, а операціи оставляли хирургамъ „въ коротких плащахъ“ („chirurgiens á courte robe“), т. е. хирургамъ-цирюльникамъ. Важное значеніе имѣло и то, что, сообразно своему происхожденію и образованію, они имѣли возможность занимать такія должности, какія для членовъ факультета

были недоступны. При дворѣ, въ Парижѣ, врядъ ли кто пользовался большимъ вліяніемъ, чѣмъ „первый хирургъ короля", который исправлялъ въ одно и тоже время и должность цирюльника и камердинера его величества. Ибо въ его вѣдѣніи находились не только хирурги всякихъ степеней, которые служили при дворѣ въ качествѣ литотомовъ, окулистовъ, зубныхъ врачей, костоправовъ (renoueurs), мозольныхъ операторовъ (pedicures) и т. д, но онъ часто подавалъ рѣшающій голосъ при назначеніи настоящихъ врачей ко двору, въ учебныя заведенія, для госпиталей и т. д.

Подобныя же отношенія господствовали въ остальныхъ странахъ. Въ Англіи до сихъ поръ существуетъ старое дѣленіе на „Physicians" и „Surgeons;" точно также въ Германіи, Голландіи и Даніи и т. д, до новѣйшаго времени практика низшей хирургіи была соединена съ цирюльничьимъ ремесломъ

Италія. Германія.

103. Научно-образованные хирурги вплоть до XVI вѣка встрѣчались почти только въ одной Италіи, гдѣ обыкновенно каѳедра хирургіи соединялась съ анатомической. Самые выдающіеся изъ нихъ суть — Alessandro Benedetti, Ant. Benivieni* и Giov. Vigo (около 1500 г.) въ Римѣ. Превосходныя по своей полнотѣ и ясности *Practica* послѣдняго (Римъ 1514 и еще мног. изд. и перев.) получили обширное распространеніе еще и потому, что они содержатъ первыя описанія огнестрѣльныхъ ранъ.— Далѣе сюда принадлежатъ: Berengario Carpi,** Mariano Santo изъ Барлетты, Michel Angelo Biondo. Особенно слѣдуетъ указать на тѣхъ хирурговъ, которые въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ разработывали важнѣйшую, современную имъ, злобу дня— огнестрѣльныя раны, и именно спорный вопросъ объ ихъ ядовитыхъ или неядовитыхъ свойствахъ. Старѣйшій изъ этихъ хирурговъ Bartolommeo Maggi изъ Болоньи (1516—1552),

* См. выше стр. 216.

** См. выше стр. 194.

профессоръ въ своемъ родномъ городѣ. Maggi, основываясь на обширной опытности, заявляетъ въ своемъ сочиненіи: *De vulnerum a bombardarum et sclopetorum globulis illatorum—curatione* и т. д. (Bonon 1552. 4.), что своеобразное свойство огнестрѣльныхъ ранъ не зависитъ ни отъ ожоги, ни отъ отравленія, а только отъ механическаго дѣйствія снаряда. — Наоборотъ, Alfonso Ferri изъ Неаполя или Фаэнцы (род. около 1500), лейбъ-медикъ папы Павла III, въ очень дѣльномъ сочиненіи, вышедшемъ, можетъ быть, даже до работы Maggi, выступилъ горячимъ защитникомъ ядовитой природы огнестрѣльныхъ ранъ Даже дѣйствіе контузій (Luft-Streifschüsse) Ferri объясняетъ ядовитымъ вліяніемъ „spiritus'a." (*De sclopetorum—vulneribus etc.* Римъ 1552. 4). Самаго выдающагося противника ученіе Vigo и Ferri нашло въ лицѣ Leonardo Botallo (*De curandis vulneribus sclopetorum.* Lugd. 1560. 8).—Къ знаменитымъ итальянскимъ хирургамъ этого періода принадлежитъ далѣе Giov. Andrea della Croce (Crucens) въ Венеціи, сочиненіе котораго, обнимающее всю хирургію (Venet. 1573), интересно по рисункамъ инструментовъ, употреблявшихся до того времени. — Во второй половинѣ столѣтія особенно выступаютъ хирурги, занимавшіеся изученіемъ раненій головы; изъ нихъ извѣстнѣе другихъ Carcano Leone (*De vulneribus capitis.* Mediol. 1584).

Въ не менѣе цвѣтущемъ состояніи находилась хирургія въ XVI вѣкѣ въ Испаніи. Наиболѣе извѣстные изъ относящихся сюда писателей суть Francisco Arceo и Dionisio Daza Chacon (оба около 1550 г.), послѣдній—врачъ Карла V, Филиппа II и Донъ-Жуана Австрійскаго; онъ—главный сторонникъ не ядовитой природы огнестрѣльныхъ ранъ.

И въ нашемъ отечествѣ въ XVI вѣкѣ не было недостатка въ дѣльныхъ хирургахъ, хотя большинство и хирурговъ и хирургическихъ сочиненій еще долго носили характеръ ремесла. Многіе хирурги происходили изъ Страссбурга, во главѣ ихъ Hieronymus Brunschwig (род. около 1450 года, ум. до 1534 г.), необразованный, но опытный хирургъ, который кромѣ двухъ „*Destillirbüchern*" (лѣчебниковъ) и со-

чиненія о чумѣ, написалъ еще *Chirurgia* (Страссб. 1497. f. и слѣд. издан.), ограничивающуюся лѣченіемъ тѣхъ повреждeній, съ которыми приходится имѣть дѣло „врачу ранъ", и страданій, излѣчивающихся хирургическими средствами: раны, кровотеченія, переломы, вывихи, трепанаціи и ампутаціи. Операціи, которыя выпадютъ на долю „рѣжущаго врача" (оператора): камне-и грыже-сѣченіе, экстирпаціи опухолей и т. д — исключены изъ книги. Особенно интересны замѣчанія Brunschwig'a объ огнестрѣльныхъ ранахъ, представляющія самое раннее изъ подробныхъ описаній этого предмета.

Двадцать лѣтъ спустя послѣ труда Brunschwig'a, появилась *Feldbuch der Wund—Arznei* (Страссб. 1517. f.) другаго, несравненно болѣе образованнаго страсбургскаго хирурга Hans'a von Gersdorf'a, названнаго „Schylhans". Послѣдняя хотя обнимаетъ всю хирургію, все же отличается небольшимъ объемомъ, такъ какъ исключаетъ все теоретическое.

Почти пятьдесятъ лѣтъ послѣ сочиненія Gersdorf'a Felix Würtz изъ Базеля, который новѣйшими французскими хирургами признается достойнымъ соперникомъ Paré, опубликовалъ *Practica der Wund—Arznei* (Базель, 1563.8.). Послѣдняя разработываетъ, правда, только малую хирургію, но занимаетъ очень почетное мѣсто въ исторіи хирургіи по своему критическому характеру, рѣшительности, съ которой Würtz бичуетъ слѣпое повиновеніе всему старому, особенно отмѣчаетъ злоупотребленіе кровавымъ швомъ, вяжущими, каленымъ желѣзомъ, кровопусканіемъ, зондированіемъ и „долбленіемъ" (Meisselns) ранъ.

Франція. *Paré.*

104. Во Франціи, вслѣдъ за подъемомъ, вызваннымъ въ XIII вѣкѣ преимущественно Lanfranchi, послѣдовалъ длинный періодъ затишья. Тѣмъ блестящѣе былъ расцвѣтъ, вызванный въ срединѣ XVI вѣка Paré.

Ambroise Paré (1517—1590) изъ Bourg—Hersent, деревни около Лаваля, въ департаментѣ Мэны, сынъ „коробочника", по другимъ цирюльника, ужъ очень рано поступилъ въ уче-

ніе къ мастеру этого ремесла и занимался затѣмъ три года въ Hôtel—Dieu въ качествѣ фельдшера (Barbier—Chirurg). Съ 1536 г. онъ, съ небольшими перерывами, учавствовалъ во многихъ кампаніяхъ. Въ 1552 г. онъ былъ назначенъ королевскимъ хирургомъ. Къ этому времени относится поступокъ Paré, представляющій блестящее доказательство вѣрности его своему призванію. Такъ какъ въ защищаемомъ Гизомъ Мецѣ, наполненномъ заразительными больными, чувствовался недостатокъ во врачахъ и лѣкарствахъ, то Paré рѣшился прократься въ крѣпость, гдѣ онъ и былъ принятъ съ восторгомъ. При подобныхъ обстоятельствахъ онъ былъ посланъ въ Hesdin, причемъ попался въ плѣнъ и едва не былъ казненъ. Въ 1545 г. онъ, былъ принятъ съ почетомъ въ Collége de St. Côme,—въ 1563 г. послѣ осады Руана онъ былъ назначенъ первымъ хирургомъ и камердинеромъ Карла IX.— Безукоризненно чистый характеръ Paré исполненъ истинной религіозности и человѣколюбія. Его любимымъ изрѣченіемъ было: „Je le pensay et Dieu le guarist“. На пользу науки онъ жертвовалъ значительную часть своего большаго дохода.

Важнѣйшія сочиненія Paré, оригинальныя изданія которыхъ принадлежатъ почти къ величайшимъ литературнымъ рѣдкостямъ, суть: *La méthode de traicter les playes faictes par hacquebutes et aultres bastons à feu etc.* Paris, 1545. 8 и *Cinq livres de chirurgie*, Paris, 1572. 8. Собраніе сочиненій: Парижъ. 1575. f. и сл. изд. Новое изданіе Мальгеня. Парижъ 1840—41. 8. 3 т.

При изданіи своихъ сочиненій Paré имѣлъ въ виду сообщить французскимъ хирургамъ всѣ необходимыя для нихъ свѣдѣнія на родномъ языкѣ. Слогъ первыхъ сочиненій плохъ и тяжелъ; въ послѣднихъ—онъ поднимается нерѣдко до степени классическаго.

Историческое значеніе Paré основывается не столько на томъ, что онъ обогатилъ почти всѣ отдѣлы хирургіи—ибо въ этомъ отношеніи не ниже стоятъ многіе изъ итальянскихъ его современниковъ,—сколько зависитъ отъ ясности и рѣшительности, съ которыми онъ стремится къ преобразованію хирургіи и освобожденію ея изъ подъ власти авторитета. Въ этомъ отношеніи Paré имѣетъ такое же значеніе для исторіи

хирургіи, какое Везалій—для анатоміи. Эти заслуги не уменьшаются тѣмъ, что Paré впадаетъ многократно въ ошибки и даже не свободенъ отъ суевѣрій своего времени, что онъ въ теоретическомъ отдѣлѣ своихъ сочиненій почти исключительно слѣдуетъ ученію Галена, въ практическихъ же, если у него не хватаетъ собственной опытности—повторяетъ своихъ предшественниковъ, главнымъ образомъ Гиппократа и Guy de Chauliac'а.

Большая заслуга Paré состоитъ въ полномъ преобразованіи ученія объ огнестрѣльныхъ ранахъ. Онъ показалъ, что послѣднія вовсе не ядовитаго характера, а представляютъ собою особый видъ ушибленныхъ ранъ. Paré, какъ онъ самъ разсказываетъ, былъ приведенъ къ этой точкѣ зрѣнія тѣмъ, что послѣ одного сраженія для многочисленныхъ раненыхъ огнестрѣльными снарядами у него не было горячаго масла, считавшагося необходимымъ для разрушенія проникающаго въ рану яда. Онъ поэтому былъ вынужденъ ограничиться одной повязкой. Опасеніе дурнаго исхода лишило его ночнаго покоя; но какъ же велико было его удивленіе, когда на другой день эти такъ непростительно небрежно лѣчимые раненые чувствовали себя гораздо лучше, чѣмъ тѣ, которыхъ пользовали „по всѣмъ правиламъ искусства". Эти и позднѣйшія наблюденія Paré обнародовалъ въ знаменитомъ сочиненіи: *Объ огнестрѣльныхъ ранахъ*; оно было первымъ изъ тѣхъ, въ которыхъ оспаривался ядовитый характеръ огнестрѣльныхъ ранъ.

Вторая большая заслуга Paré заключается въ возобновленіи забытой въ средніе вѣка перевязки большихъ сосудовъ при ампутаціи—вмѣсто употреблявшихся до того времени вяжущихъ средствъ и каленаго желѣза.

О не менѣе важныхъ заслугахъ Paré въ области акушерства рѣчь впереди.*

Изъ учениковъ Paré, благодаря которымъ, его взгляды достигли всеобщаго распространенія, особенно заслуживаетъ вниманія Jacques Guillemeau изъ Орлеана 1560—1630),

---

* См. ниже § 108.

врачъ при Hôtel—Dieu въ Парижѣ и хирургъ Карла X и Генриха IV, издатель произведеній своего учителя. Его собственныя сочиненія касаются, главнымъ образомъ, огнестрѣльныхъ ранъ, трепанаціи и аневризмъ, и свидѣтельствуютъ объ основательномъ образованіи и опытности. Акушерству Guillemeau точно также оказалъ значительныя услуги* (*Oeuvres*. Paris, 1598 и слѣд. изд.). Менѣе важное значеніе имѣютъ другіе ученики Paré, напр., Jacques de Marque, Severin Pineau, Pierre Pigray и Nicolas Habicot.

Важнѣйшій изъ хирурговъ, не вышедшихъ изъ школы Paré въ этомъ періодѣ—Pierre Franco изъ Торріера въ Провансѣ, жившій въ Оранжѣ, Лозаннѣ и Женевѣ. Во второмъ изданіи своего, очень рѣдкаго, сочиненія о грыжахъ—Franco кромѣ главнаго предмета разбираетъ почти всѣ остальные важные отдѣлы хирургіи, глазныхъ болѣзней и акушерства (*Traité des hernies* etc., Paris, 1556. 8. 1561. 8).

Пріобрѣтенія хирургіи въ XVI вѣкѣ.

Огнестрѣльныя раны. Ампутація.

105. Средоточіе всѣхъ хирургическихъ трудовъ XVI столѣтія составляютъ огнестрѣльныя раны. Дѣло идетъ въ данномъ случаѣ не только о предметѣ, неизвѣстномъ древнимъ, самомъ по себѣ въ высокой степени важномъ, но объ обстоятельствѣ, имѣвшемъ своимъ послѣдствіемъ коренное преобразованіе многихъ другихъ отдѣловъ хирургіи.

Первыя извѣстія объ употребленіи огнестрѣльнаго оружія теряются въ непроницаемомъ мракѣ. Извѣстно, что въ сраженіи при Креси (1346) примѣнялись какъ пушки, такъ и ручное огнестрѣльное оружіе. Послѣднее лишь въ срединѣ XVI вѣка сдѣлалось болѣе общеупотребительнымъ вслѣдствіе введенія постояннаго войска.

Первый врачъ, который упоминаетъ объ огнестрѣльныхъ

* См. ниже § 108.

ранахъ -Heinrich von Pfolspeundt.* Пуля извлекалась „искателемъ“ (зондомъ), порохъ, который будто бы проникалъ вмѣстѣ съ нею, устранялся впрыскиваніемъ женскаго или козьяго молока, масла, или введеніемъ корпійныхъ кисточекъ —Затѣмъ объ огнестрѣльныхъ ранахъ говоритъ Hans von Gersdorf,** получившій въ этомъ отношеніи опытность въ теченіе 1476—77 гг.

Съ введеніемъ огнестрѣльнаго оружія одна изъ старѣйшихъ и важнѣйшихъ главъ хирургіи, ученіе о „стрѣльныхъ“ ранахъ, потеряла всякое значеніе; за то хирурги вынуждены были полагаться на собственную опытность въ дѣлѣ, на которое у древнихъ не было никакихъ указаній. Понятно, что въ началѣ старались согласить дѣйствіе огнестрѣльныхъ поврежденій съ основными положеніями галенизма. Это дѣйствіе стали объяснять ожогой, производимой снарядомъ и порохомъ,—мнимымъ отравленіемъ, вызываемымъ прониканіемъ послѣдняго въ раневой каналъ. Отсюда, понятно, лѣченіе состояло въ удаленіи пули, очищеніи раны и разрушеніи яда кипящимъ масломъ, горячимъ саломъ, и въ назначеніи противоядовитыхъ „раневыхъ напитковъ“ (Wundtränke). Заслуга устраненія этихъ заблужденій, безъ сомнѣнія, принадлежитъ Paré, затѣмъ Maggi,*** который при составленіи своего сочиненія, вѣроятно, не зналъ ничего о вышедшемъ 7 лѣтъ тому назадъ произведеніи Paré.

По истеченіи короткаго времени взгляды Paré и Maggi пріобрѣли сочувствіе всѣхъ разумныхъ хирурговъ. Но еще сто лѣтъ спустя итальянскій хирургъ Plazzoni выступилъ въ защиту ученія Vigo.

Вліяніе работъ объ огнестрѣльныхъ ранахъ на остальные отдѣлы хирургіи раньше всего обнаружилось въ улучшеніи ампутаціи. Но еще очень долго держались правила откладывать эту операцію до появленія угрожающихъ призна-

---

* См. выше стр. 172.

** См. выше стр. 222.

*** См. выше стр. 220.

ковъ гангрены. Въ общемъ поступали по методу Цельса. Первое значительное усовершенствованіе введено было Герсдорфомъ, который обратилъ вниманіе на необходимость достаточнаго закрытія операціонной раны мягкими частями и боролся съ кровотеченіемъ не посредствомъ каленаго желѣза, а вяжущими и крѣпкой повязкой. Кромѣ того для уменьшенія кровотеченія и боли при операціи примѣняли перетяжку члена выше мѣста операціи, сжимающую сосуды и нервы.

Совершенно новый видъ ученіе объ ампутаціяхъ получило со времени введенія перевязки большихъ сосудовъ; пожалуй, именно пропагандированіе этой перевязки является самой большой заслугой Paré. Сначала онъ примѣнялъ изолированную перевязку, позднѣе, такъ какъ нитки часто прорѣзывали сосуды,—лигатуру „en masse". Впрочемъ, Paré описываетъ лишь ампутацію голени, а ампутацію бедра считаетъ большимъ рискомъ.

Перевязка крупныхъ сосудовъ, однако, лишь мало по малу проложила себѣ дорогу, и даже такіе видные хирурги, какъ Guillemeau и Fabrizio ab Acquapendente охотнѣе употребляли раскаленные ножи. Еще въ первой половинѣ XVIII вѣка прижиганіе при ампутаціи играло большую роль; мало того, еще въ 1733 г. лигатура категорически была отвергнута парижской академіей.*

Камнесѣченіе. Грыжи. Сифилисъ. Пластическія операціи.

106. Камнесѣченіе,—операція, которая въ гиппократовское время производилась эмпириками** и, какъ кажется, лишь въ александрійскомъ періодѣ перешла въ руки врачей,—въ теченіе всей древности и среднихъ вѣковъ производилась по методу, описанному Цельсомъ.*** Первое существенное усовершенствованіе въ его способѣ, сдѣланное въ XVI сто-

---

* См. ниже § 162.

** См. выше стр. 15.

*** См. выше стр. 72.

лѣтіи, заключалось въ изобрѣтеніи „большаго“, „высокаго“ „аппарата“ и „боковой литотоміи“. Изобрѣтателемъ „Apparatus magnus“ нужно считать, по всей вѣроятности, Bernardo di Rapallo, отца Vigo. Сущность этого метода состоитъ въ томъ, что разрѣзъ чрезъ промежность до шейки пузыря дѣлается по направленію желоба катетерообразно изогнутаго полаго зонда, вводимаго въ пузырь и выпирающаго промежность.—Ученикъ Bernardo, Giovanni Romani, познакомилъ съ этимъ методомъ Mariano Santo; послѣдній—Octavianus de Villa; а этотъ французскаго литотомиста Laurent Colot'a, въ фамиліи котораго знаніе этого метода передавалось по наслѣдству, какъ тайна.—Иниціаторомъ камнесѣченія выше лонной дуги является Franco. Онъ произвелъ послѣднее у одного двухлѣтняго мальчика, у котораго нельзя было вытащить камень чрезъ сдѣланную уже въ промежности операціонную рану. Прежняя боязнь поврежденія тѣла мочеваго пузыря была, однако, такъ велика, что самъ Franco, не смотря на счастливый исходъ указаннаго случая, убѣдительно предостерегаетъ отъ этой операціи.—Предложеніе, сдѣланное вскорѣ послѣ того Rousset, наполнять мочевой пузырь до операціи водой, оцѣнено лишь въ новѣйшее время. Самъ Franco старался замѣнить выгоды Apparatus altus выдуманной имъ, впослѣдствіи значительно усовершенствованной, „Sectio lateralis“: разрѣзъ по желобоватому зонду сбоку raphe и расширеніе раны простаты посредствомъ „lithotome caché.“

Относительно грыжъ еще средневѣковые врачи старались замѣнить радикальную операцію,—съ которой странствующіе „грыжесѣки“ обыкновенно соединяли экстирпацію яичка больной стороны,—не кровавыми методами: продолжительнымъ лежаніемъ на спинѣ, вяжущими лѣкарствами, давящими повязками и т. д. Самое благопріятное вліяніе оказали усовершенствованія, правда медленныя, въ устройствѣ уже извѣстныхъ древнимъ бандажей.

Наиболѣе дѣятельно разработывавшійся вопросъ касался сифилиса.* Для настоящей цѣли намъ достаточно указать

* Ср. H. Haeser, *Lehrbuch* и т. д. т. III.

на стриктуры мочеваго канала,* извѣстныя еще древнимъ. Уже Александръ Траллесскій упоминаетъ о зондахъ изъ растительныхъ стеблей, воска и свинца, смазывавшихся вяжущими веществами. Подобно этому поступалъ, напр., Ferri. Упоминавшійся уже древними внутренній разрѣзъ стриктуръ былъ также въ это время снова рекомендованъ нѣкоторыми, напр., Paré.

Къ замѣчательнымъ явленіямъ, которыя представляетъ исторія хирургіи въ XVI столѣтіи, принадлежитъ, хотя мимолетное, возобновленіе пластическихъ операцій, знаніе которыхъ сохранилось лишь въ немногихъ семействахъ въ Калабріи и у отдѣльныхъ хирурговъ во Франціи и Германіи.** Alessandro Benedetti,***—который, правда, самъ пластическихъ операцій не дѣлалъ, да, вѣроятно, и не видалъ, какъ ихъ дѣлаютъ другіе,—говоритъ о нихъ въ 1502 г. какъ о часто производимой операціи.

Послѣ Benedetti въ 1549 г. Fioravanti,—въ качествѣ очевидца нѣкоторыхъ, произведенныхъ калабрійцами операцій—описываетъ ихъ въ главныхъ чертахъ, какъ Pfolspeundt;**** затѣмъ въ 1561, объ этой операціи говоритъ знаменитый историкъ Camillo Porzio, которому нѣкій хирургъ изъ Тропеи, вѣроятно Pietro Vianeo, произвелъ операцію ринопластики съ благопріятнымъ исходомъ.—

Къ новому, но тоже быстро прекратившемуся, существованію пластическая операція была вызвана въ 1586 г. Gaspare'омъ Tagliacozzi (1546—1599), профессоромъ въ Болоньѣ, вѣроятно, по побужденію его соотечественника Fioravanti (*De chirurgia curtorum per incisionem* Venet. 1597 *f*. Новое изданіе v. Troschel. Берлинъ 1831. 8). Методъ, описанный Tagliacozzi въ его книгѣ, наполненной безвкусной ученостью, отличается отъ способа Vianei только массой примѣненныхъ инструментовъ. О значительномъ усовершенство-

---

* См. выше стр. 107.

** См. выше стр. 174.

*** См. выше стр. 195.

**** См. выше. стр. 175.

ванія ринопластики Гейнрихомъ фонъ Пфольспейндтомъ, который отрѣзалъ ручной лоскутъ не послѣ 15—20 дня, а уже на 8 или 10 (день), Tagliacozzi понятія не имѣлъ.—Самымъ частымъ поводомъ для ринопластики Tagliacozzi считаетъ потерю носа послѣ рубленной раны; но и при дефектахъ, вызванныхъ сифилисомъ, операція также предпринималась (послѣ уничтоженія дискразіи). Согласно описанію одного оперированнаго Tagliacozzi, первая операція ринопластики по его методу была произведена съ успѣхомъ уже въ 1592 г. Гриффономъ, въ Лозаннѣ, у одной дѣвушки, еще за 5 лѣтъ до выхода въ свѣтъ сочиненія Tagliacozzi. Вслѣдъ затѣмъ Cortesi, ученикъ Tagliacozzi, въ 1625 г. описываетъ нѣсколько произведенныхъ имъ подобнаго рода операцій.

Не смотря на все это, пластическія операціи и на сей разъ не нашли распространенія. Эта неудача зависѣла отчасти отъ весьма скучнаго изложенія произведенія Tagliacozzi, отъ незначительнаго вниманія, которое большинство хирурговъ посвящало литературѣ, главнымъ же образомъ отъ преувеличеннаго описанія затрудненій при произведеніи операціи и пущенной басни, что для возстановленія потеряннаго носа употребляется кожа третьяго лица, по смерти котораго и сдѣланный изъ его кожи носъ умираетъ. Даже такіе врачи, какъ Paré и Fallopio выступили противниками ринопластики, и еще въ 1742 г. Парижскій факультетъ объявилъ ее небылицей. Вотъ какъ случилось, что одно изъ самыхъ блестящихъ хирургическихъ открытій снова предано было забвенію, чтобы лишь въ наши дни возвратиться къ новой жизни.

Офталмологія.

107. Офталмологія, которая была уже такъ сравнительно хорошо развита въ древности, и которой арабы такъ охотно занимались, въ средніе вѣка почти исключительно перешла въ руки невѣжественныхъ цирюльниковъ и странствующихъ шарлатановъ, которые каждому „слѣпому" на ярмаркахъ, на улицѣ и т. д. за нѣсколько грошей „снимали бѣльмо" са-

мыми грубыми инструментами. Первый шагъ къ устраненію этого ужаснаго состоянія сдѣланъ былъ нѣмцемъ, славнымъ Georg Bartisch'емъ изъ Кенигсбрюка (1535 до 1606 г.) „хирургомъ и придворнымъ окулистомъ курфирста саксонскаго.“ (Ὀφθαλμοδουλεῖα. d i. *Augendienst*—и т. д. Дрезденъ, 1583. f.). Его произведеніе является первымъ, въ которомъ офталмологія разработывается сообразно ея самостоятельному значенію,—и поучительнымъ, какъ относительно состоянія, въ которомъ Bartisch нашелъ эту отрасль медицины, такъ и относительно успѣховъ, которыми она ему обязана. Сочиненіе начинается краткой анатоміей глаза, снабженной грубыми рисунками, и перечисленіемъ качествъ, необходимыхъ для окулиста.—Косоглазіе устраняется особыми очками (Schielbrille) и внутреннимъ употребленіемъ scammonium'а; „слабое зрѣніе“—очками (о способѣ дѣйствія которыхъ Bartisch понятія не имѣлъ) и амулетами. „Бѣльмо“,—перепонка, появляющаяся въ humor aqueus, распадается на четыре вида: сѣрое, синее, зеленое и желтое и оперируется по способу scleroticonyxis. Кромѣ того, какъ и при остальныхъ глазныхъ болѣзняхъ, рекомендуется множество глазныхъ примочекъ, мазей и т. д.—„Черное бѣльмо“ происходитъ отъ „истощенія spiritus'а“ или закупорки зрительныхъ нервовъ. Главнымъ средствомъ противъ него, а равно и противъ всѣхъ хроническихъ воспаленій и бленорреи глазъ, служитъ заволока на затылкѣ. Слезная фистула лѣчится вскрытіемъ мѣшка, вкладываніемъ куска корня горечавки, замѣняющаго прессованную губку, и послѣдующимъ примѣненіемъ каленаго желѣза или прижигающихъ жидкостей. При ракѣ и prolapsus bulbi производится вылущеніе глазнаго яблока (операція, о которой впервые упоминаетъ Bartisch) ложкообразнымъ ножомъ.

Акушерство. Дѣтскія болѣзни.

108. Позже всего вліяніе новопріобрѣтенныхъ воззрѣній сказывается въ области акушерства. Послѣднее все еще находилось почти исключительно въ рукахъ эмпирически образованныхъ акушерокъ; трудные роды, въ которыхъ

почти безъ исключенія прибѣгали къ декапитаціи, эмбріотоміи (Enthirnung, Zerstückelung) и т. д., еще долго требовали исключительнаго участія хирурговъ.

Признаки измѣненій къ лучшему обнаруживаются появленіемъ руководствъ для акушерокъ и хирурговъ. Старѣйшее изъ нихъ—знаменитое *Rosengarten* Eucharius Röslin'а старшаго (ум. въ 1526 г.), врача въ Вормсѣ и Франкфуртѣ на М. (*Der swangeren Frawen und Hebammen Rosengarten*. Вормсъ. 1513. 4. и слѣд. изд.; также многоч. перев.); почти исключительно компилятивный трудъ съ грубыми рисунками мнимыхъ положеній плода и кучей лѣкарствъ для способствованія родамъ. Однако слѣдуетъ замѣтить, что важность поворота на ножки начинаетъ пріобрѣтать уже и здѣсь надлежащую оцѣнку.—Еще менѣе важны подобныя-же сочиненія итальянцевъ Ludovico Buonaccioli, профессора въ Феррарѣ, Scipione Mercurio, голландцевъ Jason van der Velde (De Pratis, Pratensis) и Nicolaus Rocheus. Нѣсколько болѣе заслуживаютъ вниманія нѣкоторыя сочиненія подобнаго рода, опубликованныя нѣмецкими врачами во 2-й половинѣ этого вѣка, напр. Jacob Rueff'омъ (также Ruff, Ruoff) изъ Цюриха, Adam Lonicerus изъ Франкфурта на Майнѣ Ambrosius Pape, Iohann Wittich, David Herlitz'омъ и др.

Всего яснѣе обнаруживается возрастающій интересъ къ акушерству въ сборникахъ прежнихъ гинекологическихъ сочиненій, изданныхъ научно образованными врачами. Сюда принадлежатъ приготовленныя Conrad Gesner'омъ, изданныя Caspar Wolf'омъ *Gynaecia* (Basil 1566. 4) и ихъ продолженіе, носящее тоже названіе, Kaspar Bauhin'а и Israël Spach'а, профессора въ Страсбургѣ (Argent. 1597. f). Самое обширное произведеніе этого рода составлено Rodericus a Castro, жившимъ въ Гамбургѣ португальскимъ врачемъ, въ началѣ XVII вѣка (*De universa mulierum medicina*, Colon. 1603. f. и сл. изд.)

Самое раннее и важное пріобрѣтеніе акушерства въ XVI вѣкѣ—есть возобновленіе извѣстнаго уже древнимъ акушерамъ и индусскимъ врачамъ поворота на ножки,

за который такъ прославился Paré (въ 1550 г.). Вслѣдъ за нимъ ученіе о поворотѣ было разработано, на основаніи собственнаго опыта, Guillemeau.

Къ этому же времени относится возобновленіе тоже знакомаго уже въ сѣдой древности кесарскаго сѣченія на живыхъ женщинахъ.* Не говоря о нѣкоторыхъ разсказахъ на счетъ вскрытія брюшной полости при внѣматочной беременности, первый несомнѣнный случай кесарскаго сѣченія встрѣчается въ 1350 г. въ сообщеніи объ одной осужденной къ смертной казни преступницѣ въ Медингенѣ, въ Швабіи. Вѣроятно, сюда-же относится знаменитый случай „Орхотома“ Jacob Nufer'а въ Зигерсгаузенѣ, въ кантонѣ Тургау, который будто-бы произвелъ эту операцію въ 1500 г. на собственной женѣ.—Первый вполнѣ несомнѣнный случай кесарскаго сѣченія, произведеннаго врачемъ Cristoph Bain'омъ въ Италіи, относится къ 1540 г. Первое самостоятельное произведеніе о кесарскомъ сѣченіи принадлежитъ François Rousset, парижскому хирургу, опубликовавшему въ 1581 г. *Traité nouveau de hysterotomotokie, ou enfantement Césarien* etc. Paris. 1581. 8. (Крайне рѣдкое.) Сочиненіе Rousset основано на разсказахъ о 10 операціяхъ, произведенныхъ цирюльниками, имъ самимъ не видѣнныхъ. Въ большинствѣ случаевъ оперированныя рожали еще одинъ или нѣсколько разъ чрезъ естественные пути. У одной женщины кесарское сѣченіе сдѣлано было шесть разъ

Всеобщее распространеніе операціи замедлилось отчасти вслѣдствіе легкомыслія, съ которымъ невѣжественные шарлатаны предпринимали ее при всевозможныхъ трудныхъ родахъ, отчасти вслѣдствіе авторитета Paré, высказавшагося рѣшительно противъ нея. Первый шагъ къ установленію истинныхъ показаній для кесарскаго сѣченія сдѣланъ былъ Aranzi,** въ сочиненіи котораго *De formato foetu* встрѣчаются зачатки ученія объ узкихъ тазахъ.—Вслѣдъ за тѣмъ случай, оперированный въ 1610 г. Ieremias Trautmann'омъ, вит-

* См. выше стр. 5. 11.

** См. выше стр. 200.

тенбергскимъ хирургомъ, вызвалъ оживленный обмѣнъ мыслей о показаніяхъ къ кесарскому сѣченію.

Заслуживаютъ упоминанія многочисленныя сочиненія по дѣтскимъ болѣзнямъ, опубликованныя, начиная съ конца XV и въ теченіе XVI вѣковъ, представлявшія, правда, большею частью лишь собранія рецептовъ. Старѣйшее изъ нихъ Paulus Bagellardus'а (Pat 1472. 4.) вмѣстѣ съ тѣмъ и самое лучшее.

Діэтетика. Фармакологія. Цѣлебные источники. Психіатрія.

109. Однимъ изъ самыхъ раннихъ послѣдствій книгопечатанія было появленіе популярно-медицинскихъ сочиненій. Особеннаго упоминанія заслуживаетъ, впрочемъ, только одно изъ безчисленныхъ—въ XVI вѣкѣ—твореній этого рода—знаменитое, не потерявшее литературнаго значенія и теперь, сочиненіе, написанное 85 лѣтнимъ венеціанскимъ дворяниномъ Luigi Cornaro (1467—1566), который, не смотря на разгульную молодость, дожилъ до 99 лѣтняго возраста, благодаря послѣдующему правильному и умѣренному образу жизни: *Discorso intorno alla vita sobria.* Padova, 1558. 8 и мног. слѣд. изд.—Таже многоч. перев. Послѣд. на нѣмецк. Аугсбургъ. 1842. 8.

Важнѣйшимъ изъ пріобрѣтеній врачебнаго арсенала въ XVI вѣкѣ было введеніе ртути,* средства, считавшагося, вслѣдствіе его холодныхъ свойствъ, до того времени врачами смертельнымъ ядомъ, хотя наружное примѣненіе ея при упорныхъ болѣзняхъ кожи давно пользовалось большимъ уваженіемъ въ народѣ. Извѣстно, какимъ успѣхомъ въ лѣченіи распространившагося въ концѣ XV в. сифилиса обязаны шарлатаны и врачи употребленію ртутныхъ мазей, подкуриваній и т. д. Вскорѣ препараты ртути, особенно окись, каломель и сублиматъ стали примѣняться при венерическихъ болѣзняхъ и внутрь.

---

* Употребленіе которой вообще было извѣстно еще во времена индусской медицины (Уейзъ). Ред.

О введенныхъ тогда-же парацельсистами сурьмяныхъ препаратахъ и вызванномъ ими спорѣ мы уже упоминали.* Важнѣйшимъ лѣкарственнымъ веществомъ, вывезеннымъ изъ Америки, было гваяковое дерево, которое почти совсѣмъ вытѣснило на нѣкоторое время употребленіе ртути при сифилисѣ.

Обогащеніе арсенала лѣкарствъ, въ связи съ вызваннымъ парацельсистами развитіемъ химіи, имѣло своимъ послѣдствіемъ значительное усовершенствованіе и упрощеніе методовъ фармаціи. Упомянутое уже сочиненіе Osvald Croll'я** и *Dispensatorium* Valerius Cordus'а, марбургскаго профессора (1515—1544), достигли всеобщаго распространенія.

Возрастающее употребленіе давно извѣстныхъ и новооткрытыхъ цѣлебныхъ источниковъ,—напр. Аахенъ, Баденъ-Баденъ, Баденъ близъ Вѣны,—Пирмонтъ, Швальбахъ, Спа, Карлсбадъ, Теплицъ, Вильдбадъ, — во Франціи особенно Виши, въ Англіи Бекстонъ,—имѣло своимъ послѣдствіемъ обогащеніе литературы и въ этой области.

Точно также нужно отмѣтить утѣшительное начало развитія психіатріи въ XVI вѣкѣ. Felix Platter, напр, рѣшительно высказывается противъ практиковавшагося до него заключенія всѣхъ душевныхъ больныхъ, противъ принудительныхъ мѣръ и ратуетъ за психическое лѣченіе.***

Въ тѣсной связи съ этимъ и другими послѣдствіями умственнаго прогресса, особенно въ области естествознанія, стоитъ постепенное исчезновеніе суевѣрія, вѣры въ астрологію и алхимію, въ одержимость бѣсами и колдовство. Въ отношеніи послѣдняго Joh. Wyer (Wierus,—1515—1588), лейбъ-медикъ герцога Вильгельма IV, изъ Iülich—Cleve, оказалъ незабвенныя услуги многими сочиненіями, преимущественно *De daemonum praestigiis et incantationibus* (Basil. 1566. 8. и сл. изд.). Однако Wyer, боровшійся съ вѣрой въ колдовство больше съ юридической, чѣмъ съ медицинской точки зрѣнія,

* См. выше стр. 213.

** См. выше стр. 212.

*** См. выше стр. 218.

мало что могъ подѣлать съ своими противниками, между ними съ авторомъ пресловутаго *Молота колдуній* (*Malleus maleficarum*), доминиканцемъ Jacob Sprenger'омъ. Извѣстно, какую славу въ XVII вѣкѣ пріобрѣлъ себѣ іезуитъ Spée за побѣду идеи о колдуньяхъ; точно также извѣстно, что еще въ 1749 г. Вюрцбургскій медицинскій факультетъ присоединился къ теологическому, присудившему одну колдунью къ смертной казни.

Семнадцатый вѣкъ.

ВВЕДЕНІЕ.

110. Относительно общей исторіи культуры XVII столѣтіе прежде всего замѣчательно тѣмъ, что въ теченіе его преобладаніе германскихъ племенъ, подготовлявшееся еще въ XVI вѣкѣ, начало выступать все яснѣе и яснѣе. Самые могущественные рычаги духовнаго подъема—въ XV вѣкѣ—книгопечатаніе, въ XVI—реформація—были дѣлами нѣмцевъ. Въ области политики Англія сдѣлалась владычицей морей и средоточіемъ всемірной торговли. Высшаго процвѣтанія достигли Нидерланды послѣ славной борьбы за религіозную свободу. Вслѣдствіе развитія всѣхъ гражданскихъ добродѣтелей они стали богаты и могущественны и сдѣлались разсадниками искусствъ и наукъ. Печальную картину, наоборотъ, представляло наше отечество. Вслѣдствіе продолжительной и кровавой религіозной войны оно пришло къ краю погибели Но самыя глубокія раны ему были нанесены еще долго тлѣвшимъ раздоромъ и разъединеніемъ германскихъ племенъ, послѣдовавшимъ за войной одичаніемъ нравовъ и упадкомъ духовной жизни. Яснѣе всего этотъ упадокъ обнаружился въ германскихъ высшихъ школахъ. Буйство, разгулъ и распутство нигдѣ не достигли такого распространенія, какъ въ германскихъ университетахъ.

Философія. *Francis Bacon Lord Verulam.*

111. Возобновленіе изученія классиковъ и идущее рука объ руку съ нимъ возобновленіе платонизма довели господство аристотелевской схоластики до могилы. Но и ученія Стагирита вызваны были къ новой жизни тщательнымъ изученіемъ его оригинальныхъ произведеній. Снова возгорѣлся древній споръ идеализма съ реализмомъ. Могучѣе всего было вліяніе, которое оказывало естествознаніе на философію въ періодѣ великихъ астрономическихъ, географическихъ, физическихъ и химическихъ открытій. Ближайшимъ послѣдствіемъ этого возрожденія философскаго духа была критика, скептицизмъ. Его главными представителями являются Montaigne и португалецъ Francesco Sanchez.

Мы прежде всего разсмотримъ то вліяніе, которое оказалъ на развитіе философіи и естественныхъ наукъ знаменитый англійскій Лордъ-Канцлеръ.

Францискъ Бэконъ Веруламскій (1560—1626), человѣкъ высокихъ умственныхъ дарованій и обширной учености, поставилъ себѣ цѣлью произвести полнѣйшее преобразованіе философіи. Хотя Бэконъ подъ послѣдней разумѣетъ науку о Богѣ, природѣ и человѣкѣ, однако онъ теологію исключаетъ изъ своей задачи и ограничивается „натурфилософіей“ въ широкомъ смыслѣ.

Природа обнимаетъ всю область чувственно познаваемыхъ предметовъ. „Все существующее достойно изученія“. („Quidquid essentia dignum, id etiam scientia dignum“). Такимъ образомъ наука является изображеніемъ природы („scientiae imago“). Въ своемъ превосходномъ сочиненіи *Novum organum scientiarum* Бэконъ доказываетъ, что перешедшій отъ древнихъ научный методъ долженъ быть замѣненъ новымъ. На мѣсто древней логики, выводящей частное изъ общихъ положеній (дедукція), долженъ стать переходъ отъ частнаго къ общему: индукція. Первая ступень знанія есть опытность, пріобрѣтенная чрезъ чувственное воспріятіе естественныхъ фактовъ. Уже здѣсь Бэконъ дѣлаетъ ошибку въ томъ, что

не возбуждаетъ вопроса ни о совершенствѣ нашихъ органовъ чувствъ, ни о способности нашего духа изъ правильныхъ чувственныхъ воспріятій образовать также правильныя представленія. — Пути къ опытности суть — наблюденіе и опытъ (experimentum). Успѣхъ послѣдняго зависитъ главнымъ образомъ отъ способности ставить правильные вопросы: „Prudens interrogatio est quasi dimidium scientiae.“ Однакожъ о томъ, какъ правильно наблюдать, ставить вопросы и экспериментировать, Бэконъ не даетъ никакихъ указаній.—Опытность доставляетъ только эмпирическій матеріалъ. Къ наукѣ ведетъ лишь знаніе причинъ явленій: „Vere scire est per causas scire“. Но къ этому познанію причинъ приводитъ лишь изслѣдованіе условій („инстанцій“) естественныхъ явленій, именно отдѣленіе несущественныхъ и случайныхъ „инстанцій“ отъ существенныхъ. Познаніе существенныхъ инстанцій и ихъ основныхъ причинъ ведетъ къ уразумѣнію законовъ явленій природы.

Но, по Бэкону, „философія“ заслуживаетъ вниманія не по своему только внутреннему значенію, но преимущественно потому, что она можетъ дать человѣку возможность достигнуть господства надъ природой. Лозунгомъ (Schlagwort) этого, свойственнаго характеру англійскаго народа, утилитарнаго принципа—служитъ изрѣченіе: „знаніе—сила.“ Наука, по ея конечной цѣли, есть ученіе объ открытіяхъ.

Къ отдѣламъ науки, требующимъ строгаго метода индукціи, Бэконъ причисляетъ прежде всего медицину.* Самое важное значеніе онъ придаетъ анатоміи и изслѣдованію физіологическихъ отправленій посредствомъ вивисекцій. Главной причиной значительнаго несовершенства практической медицины онъ считаетъ предрѣшенную косностью— или просто лѣностью—врачей неизлѣчимость многихъ болѣзней и несовершенство фармакологіи. По отношенію къ послѣдней онъ ожидаетъ значительныхъ успѣховъ отъ химіи, особенно отъ

---

* Бэконъ признаетъ троякую задачу медицины: *сохранять* здоровье, *лѣчить* болѣзни и заботиться о *продленіи жизни*. Послѣдняя задача имъ подробно излагается въ *Historia vitae et mortis*. Ред.

искусственнаго приготовленія цѣлебныхъ источниковъ. Самое большое значеніе онъ придаетъ искусству продолженія жизни посредствомъ тѣлесной и духовной дѣятельности, умѣреннаго употребленія опія, селитры и „Aurum potabile,“ которое, впрочемъ, еще нужно открыть.

Не было недостатка ни въ несправедливыхъ противникахъ Бэкона, выдвигавшихъ его большіе нравственные недостатки, — ни въ пристрастныхъ превозносителяхъ его ученія. Безспорно, что методъ индукціи примѣнялся уже до Бэкона многими изслѣдователями, что Кеплеръ, Галилей, Ньютонъ дошли при его помощи до великихъ открытій. Но несправедливо упрекать диллетанта въ естествознаніи, какимъ былъ Бэконъ, что онъ не сдѣлалъ ни одного открытія. Несомнѣнно, что естественныя науки безъ Бэкона развились бы именно такъ, какъ это случилось. Онѣ обязаны своими успѣхами не индукціи, а улучшенію и обогащенію въ средствахъ для наблюденія, микроскопу, химіи и т. д., а главнымъ образомъ, могуществу геніальныхъ гипотезъ, проложившихъ новые пути. Но безспорной заслугой Бэкона остается то, что онъ, поколебавъ слѣпую вѣру въ авторитетъ древнихъ, въ пользовавшійся уваженіемъ методъ дедукціи и связанную съ этой послѣдней телеологію, показалъ значеніе эмпирическаго метода, наблюденія и опыта.

Относительно послѣдующихъ уклоненій отъ открытаго Бэкономъ пути достаточно будетъ нѣсколькихъ указаній Уже Thomas Hobbes обратилъ вниманіе, что индукція есть только одинъ изъ путей, ведущихъ къ истинѣ, и что лишь соединеніе аналитическаго и синтетическаго методовъ ведетъ къ цѣли.—Въ рѣшительномъ противорѣчіи съ Бэкономъ стоитъ знаменитый* John Locke, считающій чувственное воспріятіе и вызванную послѣднимъ душевную дѣятельность, рефлексію,

* Знаменитый философъ, получившій отвращеніе къ тѣмъ спорамъ, которые неправильно назывались философскими, занялся въ Оксфордскомъ университетѣ преимущественно медициной. Его авторитету, какъ врача, придавалъ большое значеніе Сиденгамъ. По свидѣтельству лорда Шефтсбери—Локкъ былъ замѣчательный діагностъ. Ред.

единственнымъ источникомъ познаванія. Сюда принадлежитъ далѣе—только недавно оцѣненный по заслугамъ, дѣйствовавшій исключительно въ духѣ Бэкона—Joachim Jung изъ Любекка (1587—1657), математикъ, врачъ и впослѣдствіи ректоръ гамбургской гимназіи.

Самаго серьезнаго противника, какъ сенсуализмъ, такъ и матеріализмъ нашли въ благородномъ евреѣ Барухѣ Спинозѣ (1632—1677). Основаніемъ его ученія служитъ положеніе, что существуетъ только одна Субстанція, соединяющая въ себѣ аттрибуты бытія и мышленія: Богъ, и что всѣ конечныя вещи суть лишь выраженія Его бытія и мышленія. Матерія, движеніе, сила суть лишь формы одного и того же Реальнаго, душа и тѣло—одинъ и тотъ же индивидуумъ, являющійся то мыслящимъ (духовнымъ), то протяженнымъ (тѣлеснымъ). Спиноза также говоритъ, что „знаніе—сила", но не потому, что оно ведетъ къ открытіямъ, а—потому, что приводитъ къ добродѣтели.

Cartesius.

112. Бэконъ, Локкъ и ихъ послѣдователи удовольствовались установленіемъ общихъ принциповъ сенсуализма. René des Cartes (1596—1650) старался представить въ законченной системѣ законы природы и мышленія. Кромѣ своей сенсуалистической основы, его система имѣетъ мало чего общаго съ ученіемъ Бэкона, Локка и т. д, Декартъ, главнымъ образомъ, потому стоитъ выше послѣднихъ, что онъ распространяетъ свою задачу на всю область духовной жизни, и что онъ обладалъ высокимъ для его времени знаніемъ математики и естественныхъ наукъ. Его стремленія направлены на то, чтобы посредствомъ соединенія логическаго и математическаго методовъ, синтетическаго и аналитическаго пріемовъ, довести философію до математической точности, до „Mathesis universalis".

Главнымъ сочиненіемъ Декарта является *Principia philosophiae* (Amstel. 1644. 4. Новѣйшее изданіе собранія сочиненій: Парижъ. 1857). Исходной точкой познаванія Декартъ считаетъ фактъ, что мы сознаемъ себя какъ нѣчто „мысля-

щее“ (чувствующее, желающее и т. д.). „Cogito, ergo sum“.* Изъ этого воспріятія ограниченнаго мыслящаго Я необходимо вытекаетъ допущеніе неограниченнаго безконечнаго Бытія: Бога. *Я*, какъ мыслящей „субстанціи“, — противостоитъ идея безконечно распространенной субстанціи. Мышленіе и пространство суть общіе аттрибуты всего существующаго. Сумма мыслящихъ субстанцій обнимаетъ духовный міръ, сумма же протяжныхъ субстанцій—тѣлесный. Человѣкъ соединяетъ въ себѣ мыслящую и протяженную субстанцію. Животныя не мыслятъ и суть только тѣла.—Основныя свойства протяженной субстанціи или матеріи суть ея безконечная дѣлимость и подвижность. Такъ какъ Богъ, Безконечный, есть Источникъ движенія, то сумма движенія также безконечна.— Движенія въ природѣ совершаются по строго математическимъ законамъ.—Наука о матеріи есть математика. Она распадается на ученіе о протяженіи: геометрію, и ученіе о движеніи: механику. Этимъ математическимъ опредѣленіемъ господствующаго въ природѣ закона необходимости— совершенно исключается телеологія. Картезій не отрицаетъ, что Богъ въ тѣлесной природѣ преслѣдовалъ извѣстныя цѣли, но онъ считаетъ дерзостью желаніе проникнуть въ эти цѣли.

Первоначальное направленіе, по которому движется молекула, прямолинейное. Оно превращается въ криволинейное, какъ только молекула покинула свое мѣсто, такъ какъ на мѣсто ея устремляются всѣ сосѣднія молекулы. Проведеніе этихъ положеній привело Декарта къ открытію равенства угловъ паденія и отраженія и—явленій рефракціи свѣта.

Положеніями: „сумма движенія въ природѣ неизмѣнна“ и „теплота превращается въ движеніе, движеніе, въ теплоту“ онъ является предвѣстникомъ ученій о постоянствѣ силы и механическомъ эквивалентѣ теплоты.

Для исторіи медицины Декартъ важенъ тѣмъ, что онъ

* „Ac proinde haec cognitio, ego cogito, ergo sum, et omnium prima et certissima, qua cui libet ordine philosophanti occurrat“. (Princ. phil., 7). Ред.

ввелъ въ кругъ своихъ наблюденій физіологію (которой онъ занимался много лѣтъ) и патологію. Его положеніе, что отправленія тѣла основаны на движеніяхъ твердыхъ и (молекулярныхъ) жидкихъ образованій, есть корень обѣихъ медицинскихъ системъ, господствовавшихъ въ XVII и въ значительной части XVIII вѣковъ: „іатрофизической" и „іатрохимической."—Физіологическія воззрѣнія Декарта согласны со взглядами современныхъ ему врачей. Особенно принадлежитъ онъ къ рѣшительнѣйшимъ сторонникамъ Гарвея* [все значеніе открытія котораго уразумѣлъ и выяснилъ первѣе всѣхъ Декартъ].

Способность мускуловъ къ движенію зависитъ отъ заключенныхъ въ нихъ „жизненныхъ духовъ." Само движеніе возбуждается устремленіемъ этихъ „жизненныхъ духовъ" изъ мозга къ мышцамъ. Душа, правда, находится вездѣ въ тѣлѣ, но непосредственнѣйшимъ ея органомъ Декартъ считаетъ glandula pituitaria, чрезъ которую должны проходить всѣ spiritus vitales.**

Система Декарта нашла особенное сочувстіе въ Голландіи, Франціи и Германіи, потому что она совпала съ развитіемъ физики, открытіемъ законовъ паденія Галилеемъ, за-

---

* Стр. 247.

** Духи всякаго рода играютъ большую роль въ космологіи и психологіи новоплатоновскаго міровоззрѣнія. Больше всего научную форму пріобрѣло ученіе о „spiritus"—въ психологіи о физіологіи, гдѣ его вліяніе можно прослѣдить до позднѣйшаго времени. Согласно психологическому ученію, напр., у Меланхтона, четыре основныхъ сока (Галена) изготовляются въ печени (2-й органическій процессъ, а 1-й произошелъ уже въ желудкѣ); изъ благороднѣйшаго сока, крови, приготовляется посредствомъ новаго процесса въ сердцѣ „spiritus vitalis", который, наконецъ, въ мозговыхъ полостяхъ (4-й, послѣдній процессъ) утончается въ „spiritus animalis". Ни Бэковъ, ни Картезій, не смотря на мощность ихъ духа, не освободились изъ подъ вліянія этого ученія, причина стойкости котораго коренится преимущественно въ томъ, что оно представляло—достаточный для того времени—мостъ для перехода чрезъ пропасть между чувственнымъ и сверхчувственнымъ. Ред.

коновъ воздушнаго давленія Торичелли и т. д, которыми была доказана идентичность матеріи. На развитіе естествознанія и медицины система эта оказала глубокое вліяніе.

Естественныя науки.

113. Италія, страна менѣе всего задѣтая военными событіями, все еще стояла во главѣ научной жизни. Благопріятнѣйшее вліяніе оказали на послѣднюю увеличивавшіяся въ числѣ ученыя общества, которыя главнымъ образомъ имѣли въ виду разработку наукъ: Academia de Lincei (имѣвшая на своей печати рысь); Academia di cimento (академія экспериментовъ) и др.—Примѣру Италіи скоро послѣдовали Англія съ Обществомъ Наукъ, Франція съ Académie des sciences; Германія съ Academia Caesarea—Leopoldina.

Самыя раннія и блестящія пріобрѣтенія пришлись на долю астрономіи и механической физики—въ трудахъ Коперника, Кеплера, Галилея и Ньютона. За то надъ химіей долго тяготѣлъ роковой союзъ ея съ искусствомъ приготовленія золота. Первый шагъ къ истинному уразумѣнію химическихъ процессовъ былъ сдѣланъ Robert Boyle'мъ, основателемъ ученія о сродствѣ. Въ его духѣ дѣйствовали Kunkel, открывшій фосфоръ, Becker, основатель флогистической теоріи и др. Но каѳедры химіи большинство университетовъ получили гораздо позже. Описательныя естественныя науки теряютъ мало по малу свою прежнюю связь съ медициной.

Открытіе кровообращенія.

Предшественники Гарвея.

114. Анатомами XVI вѣка значеніе Галена, какъ анатома, было поколеблено въ его основахъ; въ физіологіи же, а еще больше въ патологіи, оно держалось въ той же силѣ еще очень долго. Но вотъ явилось на свѣтъ открытіе, съ

которымъ не можетъ сравниться никакое другое въ исторіи нашей науки: открытіе кровообращенія.

Многократныя попытки отнять у Гарвея честь открытія кровообращенія возобновлялись еще въ недавнее время. Большинство изъ нихъ исходили отъ Итальянцевъ. Недавно даже въ Римѣ поставили памятникъ Cesalpini, предполагаемому виновнику этого открытія. Другіе почтили Sarpi, Colombo и др., какъ открывателей кровообращенія. Безпристрастное изслѣдованіе этихъ притязаній показываетъ, что первый шагъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ несчастнымъ Serveto.*

Гиппократики не имѣли никакого понятія о циркуляціи крови, они не различали венъ отъ артерій, и большой натяжкой нужно считать попытку видѣть въ выраженіи: ἁίματος περίοδος (въ Περὶ καρδίης) — намекъ на кровообращеніе.

Аристотель думалъ, что только одно сердце и вены содержали кровь. Его заслуга заключается въ томъ, что онъ принималъ начало всѣхъ артерій въ сердцѣ, но считалъ ихъ наполненными воздухомъ. Въ сердце же воздухъ попадалъ, по его мнѣнію, чрезъ дыхательное горло.—Демокритъ, Анаксагоръ, особенно Эразистратъ разсматривали артеріи, наполненныя воздухомъ (πνεῦμα), какъ систему сосудовъ совершенно отличную отъ венъ, наполненныхъ кровью. Эта общая древнимъ ошибка произошла отъ того, что на трупѣ видѣли артеріи внутри пустыми, заключающими лишь воздухъ (ἀὴρ τερεῖν, ἀρτηρία). Движеніе крови — исключительно по венамъ—сравнивалось Аристотелемъ съ появленіемъ прилива и отлива, которые происходили синхронично съ дыхательными движеніями. Галенъ уже зналъ, что артеріи также содержатъ кровь, какъ и вены, въ чемъ онъ убѣдился, накладывая (на сосуды) лигатуры и затѣмъ надрѣзая сосуды. Однакожъ, изъ своихъ опытовъ онъ заключилъ, что кровь не можетъ

* См. выше стр. 202.

служить причиной пульса, что активная дѣятельность сердца выражается діастолой, которой къ сердцу притягиваются необходимыя вещества, а затѣмъ уже не нужные остатки выбрасываются изъ него во время систолы.... Онъ зналъ, что лѣвый желудочекъ содержитъ кровь, что сердце есть источникъ происхожденія артерій, но въ тоже время онъ утверждалъ, что вены имѣютъ начало въ печени; ибо „онѣ бились бы какъ артеріи, если бы происходили изъ сердца“ (пульсація полой вены являлась для него исключеніемъ). Капитальное заблужденіе Галена состояло въ томъ, что онъ считалъ артеріи приносящими изъ легкихъ въ сердце воздухъ, въ томъ, что онъ признавалъ за фактъ сообщеніе желудочковъ между собой посредствомъ порозности заключенной между ними перегородки, (septum), и въ томъ, что онъ совершенно не зналъ о центростремительномъ движеніи крови по венамъ, а признавалъ движеніе ея отъ печени къ конечностямъ. Словомъ, Галенъ также ничего не зналъ о круговращеніи крови.

Точно также является совершенно произвольнымъ толкованіемъ предположеніе, что будто бы Nemesius намекалъ на кровообращеніе. Въ книгѣ его *De natura hominis*, представляющей въ сущности компиляцію сочиненій Аристотеля, Галена и Платона—онъ, какъ и многіе авторы древности, говоритъ о движеніи крови, но ни словомъ не намекаетъ на кругообращеніе ея.

[И такъ,] Serveto высказалъ важное положеніе, что часть крови, назначенная для приготовленія „spiritus vitales“, не переходитъ изъ праваго сердца чрезъ перегородку въ лѣвый желудочекъ, но „чрезъ большой путь“, чрезъ легочную артерію, проводится въ легкія, смѣшивается тамъ съ воздухомъ и въ этомъ видѣ переходитъ въ легочныя вены и лѣвое сердце. Между основаніями для своего мнѣнія Serveto указалъ на объемъ легочной артеріи, слишкомъ значительный для питательнаго сосуда. Взгляды Serveto до новѣйшаго времени оставались неизвѣстными, такъ какъ они высказаны въ одномъ изъ его богословскихъ сочиненій,

сожженныхъ вслѣдствіе ихъ еретическаго содержанія и сохранившихся только въ 3-хъ экземплярахъ (Mich. Serveto, *Restitutio Christianismi*. Viennae Allobrogum, 1553. 8. Новѣйшая перепечатка: Нюренбергъ, 1790. 8.).—Не много лѣтъ послѣ появленія этого сочиненія, знакомаго, вѣроятно, лишь немногимъ его современникамъ, ученикъ Везалія, Realdo Colombo, не зная взглядовъ Serveto, посредствомъ вивисекцій дошелъ до убѣжденія, что кровь изъ праваго желудочка переходитъ въ легкія, смѣшивается тамъ съ воздухомъ и чрезъ venae pulmonales достигаетъ лѣваго сердца. Особое значеніе Colombo придалъ тому, имъ впервые доказанному факту, что легочныя вены содержали кровь.

Вслѣдъ затѣмъ Cesalpini, одинъ изъ знаменитѣйшихъ ученыхъ своего времени, выставилъ противъ Галена новый аргументъ. Онъ доказалъ невозможность предположенія, чтобы легочныя вены одновременно могли служить для выдѣленія „сажи", появляющейся въ лѣвомъ желудочкѣ при приготовленіи „spiritus", и доставленія своего содержимаго, состоящаго изъ смѣси крови и воздуха—въ лѣвое сердце.—Относительно главнаго пункта: состава содержимаго лѣваго желудочка, всѣ эти врачи согласны между собой. Они описываютъ его не какъ кровь, но какъ вещество, смѣшанное изъ крови и воздуха, походящее болѣе или менѣе то на первую, то на второй. Serveto называетъ его „ex puriori sanguine paratus lucidus vapor". Colombo, правда, признавалъ содержимое легочныхъ венъ, какъ сказано, за кровь, но за столь прекрасно смѣшанную („belle") съ воздухомъ, что лѣвому сердцу остается только одинъ шагъ для окончательнаго превращенія ея въ spiritus.—Cesalpini называетъ содержимое легочныхъ венъ или совершенно обще „Substantia, alimentum" или „Ignis" „Faculus aethereus" и т. д. Вещество, поступающее въ аорту изъ лѣваго желудочка, всѣ эти врачи согласно съ ихъ современникомъ, называютъ „spiritus". Точно также они твердо держатся взглядовъ о приготовленіи крови въ печени, о центробѣжномъ движеніи венозной крови, предназначеной для питанія органовъ, объ оживленіи и одухотвореніи венной крови помощью „spiritus'а", заключающагося въ артеріяхъ. Ни у

одного изъ этихъ врачей нѣтъ отдаленнаго намека на знаніе кардинальнаго пункта всего вопроса: перехода содержимаго артерій въ вены и возвращенія венозной крови къ серду.

Слава этого открытія досталась Гарвею. Какъ не справедливо замѣчаніе Кювье, что мы часто стоимъ на порогѣ открытія, даже не подозрѣвая этого; но точно также справедливо и мнѣніе В. Уэвелля, что необходимо извѣстное количество времени и послѣдовательный рядъ нѣсколькихъ лицъ для того, чтобы люди ознакомились съ извѣстной мыслью, прежде чѣмъ они будутъ въ состояніи перейти къ мысли дальнѣйшаго высшаго порядка.

Harvey.

---

115. William Harvey, родившійся 2 апрѣля 1578 г. въ Фолькстонѣ на южномъ берегу Англіи (въ Кентѣ), происходилъ изъ знатной фамиліи, учился [сначала въ Кембриджѣ, а потомъ] съ 1599—1602 въ Падуѣ. На 26-мъ г. жизни онъ возвратился въ Лондонъ, гдѣ нашелъ доступъ въ самые аристократическіе кружки и очень скоро былъ избранъ Яковомъ 1-мъ, потомъ и Карломъ I-мъ лейбъ-медикомъ. Гарвей умеръ 3-го іюня 1657 г, на 80-мъ году жизни, президентомъ Лондонской коллегіи врачей; 6-го августа 1881 г. открыта была его статуя въ Фолькстонѣ. Его сочиненія слѣдующія:

Exercitatio anatomica de motu cordis et sanguinis in animalibus. Francf. 1628. 4. и др. изд. Новѣйшее (очень изящное) изданіе: cur. Th. Hingston. Edinb. 1824. 8.—*Exercitatio anatomica secunda et tertia de circulatione sanguinis ad Joannem Riolanum filium.* Roterd. 1649.12 и сл. изд.—*Exercitationes de generatione animalium etc.* Lond. 1651. 4. — Новѣйшее полное изданіе: London, 1846. 8.

Первымъ толчкомъ для открытія Гарвея послужило незначительное, повидимому, обстоятельство: еще будучи студентомъ, онъ познакомился съ подробно описанными (1574)

его учителемъ Фабриціемъ Аквапенденте венными клапанами, открытыми Cannani еще въ 1547 г.*

Ихъ вообще считали предназначенными для того, чтобы умѣрять слишкомъ будто-бы сильный напоръ крови изъ венныхъ стволовъ въ вѣтви. Безпрестанныя размышленія, опыты на животныхъ,** наблюденія на больныхъ и трупахъ уже въ 1616 г. составили зародышъ ученія, которое Гарвей излагалъ съ 1619 г. въ своихъ лекціяхъ. Но лишь въ 1628 году онъ рѣшился (во Франкфуртѣ на М.), и то, вѣроятно, для предупрежденія преждевременнаго распространенія, опубликовать свое ученіе.

Сочиненіе посвящено королю Карлу I и Лондонской коллегіи врачей. Незначительность его объема (72 страницы) Гарвей самъ оправдываетъ тѣмъ, что оно содержитъ только изложеніе открытія и доказательства его истинности. Прежде всего авторъ указываетъ на то, что существующее ученіе о пульсѣ неосновательно, что артеріи содержатъ не „spiritus", а кровь, что активнымъ факторомъ движенія сердца является не діастола, а систола, что артеріи, не расширяются акактивно, „какъ мѣхи", а наполняются пассивно, „какъ трубки", и что „Vis pulsifica" Галена—небылица.

Затѣмъ Гарвей обращается къ опроверженію господствующихъ по отношенію къ дѣятельности сердца ошибокъ. Онъ указываетъ, какъ не вѣроятно, чтобы обѣ, одинаково устроенныя половины сердца исполняли совершенно различныя функціи, доказываетъ, что обѣ послѣ смерти содержатъ кровь, и что легочная артерія (какъ уже показалъ Servetо) слишкомъ велика для питанія легкихъ. Далѣе онъ говоритъ, что митральный клапанъ никоимъ образомъ не могъ бы служить для воспрепятствованія улетучиванія „spiritus'a"; вѣдь

---

* Теодоретъ, епископъ сирійскій, еще въ V в. зналъ о клапанахъ въ венахъ. Ред.

** Перевязывая вены у различныхъ животныхъ, Гарвей нашелъ, что онѣ раздуваются ниже перевязки или въ части дальнѣйшей отъ сердца; между тѣмъ какъ при перевязкѣ артерій онѣ раздувались въ сторонѣ, ближайшей къ сердцу. Это былъ experimentum crucis. Ред.

трехстворчатый не мѣшаетъ же удаленію „сажи",—почему же митральный клапанъ долженъ въ одно и тоже время служить для того, чтобы мѣшать удаленію spiritus'а и пропускать кровь.— Относительно движенія сердца Гарвей послѣ многочисленныхъ опытовъ пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ. Активной частью движенія сердца является систола. Она начинается съ предсердій и переходитъ безъ паузы на желудочки. Во время ея верхушка сердца подвигается впередъ и ударяется о грудную стѣнку. Вмѣстѣ съ тѣмъ Гарвей опровергаетъ мнѣніе Галена, что сердце зародыша не бьется. До рожденія неподвижными остаются одни легкія; зародышевыя сообщенія служатъ для отведенія крови отъ легкихъ. Во время систолы кровь выжимается изъ предсердій* въ желудочки и изъ послѣднихъ—при содѣйствіи клапановъ сердца—въ большія артеріи; во время діастолическаго разслабленія кровь идетъ, наоборотъ, чисто пассивно въ предсердія.—Самое тщательное вниманіе Гарвей обратилъ на основной пунктъ своего ученія: на доказательство, что вся кровь въ извѣстное время проходитъ чрезъ сердце и изъ концовъ артерій переходитъ въ начала венъ. Онъ основывается главнымъ образомъ на слѣдующихъ аргументахъ. 1. Количество крови, доставляемой будто-бы венами къ органамъ тѣла, слишкомъ велико для того, чтобы сейчасъ истратиться. 2. Обѣ половины сердца и большіе сосуды имѣютъ такое сходное строеніе, что невозможно приписывать имъ различныя функціи. 3. Нагляднѣе всего выясняется направленіе тока крови при перевязкѣ артерій и венъ. 4. Венозные клапаны не могутъ служить для сдерживанія сильнаго напора крови, такъ какъ они находятся въ шейныхъ венахъ и въ горизонтальныхъ венахъ четвероногихъ. Они служатъ скорѣе для того, чтобы, подобно сердечнымъ клапанамъ, препятствовать обратному движенію крови изъ крупныхъ вѣтвей въ мелкія и поддерживать центростремительное направленіе ея тока.—Двѣ гравюры на мѣди назначены для того, чтобы разъяснить даже профанамъ результатъ сдавленія венъ (поверхностныхъ венъ тыла ручной кисти и предплечія).

---

* У автора сказано ошибочно „aus den Arterien". Ред.

Объ одномъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ: пути, по которому кровь изъ концовъ артерій попадаетъ въ начала венъ, Гарвей могъ высказаться только гадательно. Всего больше онъ склоняется къ предположенію, что этотъ переходъ совершается вслѣдствіе „порозности" тканей.

Послѣдующее время прибавило къ аргументамъ Гарвея еще новые, но не поколебало ни одного изъ прежнихъ. Самъ онъ былъ вполнѣ убѣжденъ въ глубокомъ значеніи его ученія для всѣхъ отраслей медицины.

Противники и приверженцы Гарвея.

116. Первые нападки на книгу Гарвея послѣдовали лишь черезъ 2 года послѣ ея появленія и оставались еще долгое время единичными. Гарвей, который уже самъ принялъ во вниманіе всѣ возраженія, которыхъ слѣдовало ожидать, не отвѣчалъ ни на одно изъ нихъ, за исключеніемъ сдѣланныхъ ему молодымъ Ріоланомъ.

Для многихъ изъ противниковъ Гарвея большою честью служитъ одно названіе ихъ имени. Вѣдь не было же недостатка въ профессорахъ, которые, для демонстрированія порозности сердечной перегородки, прокалывали послѣднюю передъ лекціей!—Раньше всѣхъ выступилъ Primirose, врачъ въ Геллѣ, съ сочиненіемъ in quarto, написаннымъ въ 14 дней; за нимъ Parisanus, врачъ въ Римѣ.—Caspar Hofmann, профессоръ въ Альторфѣ, человѣкъ* дѣловитый, даже и тогда не могъ убѣдиться въ справедливости ученія Гарвея, когда послѣдній, пользуясь случаемъ путешествія по Германіи, лично изложилъ ему свою теорію.

Новое открытіе пользовалось уже признаніемъ цѣлаго ряда выдающихся врачей, какъ Jean Riolan, профессоръ въ Парижѣ, одинъ изъ знаменитѣйшихъ анатомовъ того времени, подобно своему отцу имѣвшій страсть къ спорамъ, выступилъ противъ Гарвея. Riolan признавалъ, что артеріи содержатъ кровь, и что значительнѣйшая часть послѣдней

---

* См. выше стр. 212.

переходитъ изъ аорты въ полую вену, но продолжалъ утверждать, что въ остальныхъ венахъ тѣла кровь движется центробѣжно. Онъ даже отрицаетъ малый кругъ кровообращенія, разсматривая легочную артерію, какъ питательный сосудъ легкихъ (*Opuscula anatomica nova*. Paris, 1649).—Гарвей отвѣчалъ двумя сочиненіями, въ которыхъ онъ разбираетъ слабѣйшіе пункты своего ученія; напр., различіе въ цвѣтѣ артеріальной и венозной крови, мнимое содержаніе воздуха въ первой и т. д. Другія важныя возраженія, наприм., Hofmann'a, что силы лѣваго желудочка не хватило бы для проталкиванія крови въ мельчайшіе сосуды, или Riolan'a, совѣтующаго не упускать изъ виду, что быстро текущая кровь не въ состояніи была бы питать части тѣла, Гарвей долженъ былъ, впрочемъ, оставить безъ отвѣта.

Заслуга первой публичной защиты Гарвея принадлежитъ нѣмецкому врачу Paul Marquard Slegel изъ Гамбурга, іенскому профессору, который, начиная съ 1630 г., т. е. чрезъ два года послѣ появленія сочиненія Гарвея, пользовался каждымъ случаемъ, представлявшимся ему въ его обширныхъ путешествіяхъ, для распространенія тщательно изслѣдованнаго имъ открытія. Послѣ него первое мѣсто между послѣдующими защитниками ученія Гарвея занимаютъ голландскіе врачи: Iohann van Beverwijk (Beverovicius), врачъ и профессоръ анатоміи въ Дордрехтѣ, столь знаменитый впослѣдствіи Franz de le Boë Sylvius и слушатель послѣдняго Ioh. de Wale, профессоръ въ Лейденѣ, прежній противникъ Гарвея, побудившій одного изъ своихъ учениковъ, англичанина Robert Drake, защитить новое ученіе въ 16 тезисахъ.

Вслѣдствіе нападковъ, направленныхъ Riolan'омъ, противъ Drake, de Wale самъ опубликовалъ два письма о движеніи хилуса и крови, въ которыхъ онъ, основываясь на образцовыхъ опытахъ, доказывалъ истинность открытія. Далѣе выступилъ въ 1640 году за Гарвея знаменитый историкъ Hermann Conring въ Гельмштедтѣ, занимавшійся въ свободное время вивисекціями.—Блестящій тріумфъ праздновало новое ученіе, когда въ 1644 г. Vopiscus Fortuna-

tus Plemp, профессоръ въ Левенѣ, бывшій до того времени упорнымъ его противникомъ, перешелъ на сторону его приверженцевъ. Съ тѣхъ поръ число послѣднихъ продолжало возрастать, одни лишь факультеты Парижа и Монпелье долгое время упорствовали въ своемъ противорѣчіи.*

Дополненія къ открытію Гарвея.

117. Наибольшее препятствіе, съ которымъ пришлось бороться открытію Гарвея, было древнее ученіе о приготовленіи крови въ печени. Ученіе это было отвергнуто только тогда, когда послѣдовало открытіе груднаго протока и его впаденія въ лѣвую подключичную вену; это открытіе было подготовлено въ свою очередь открытіемъ млечныхъ сосудовъ. Они были замѣчены еще Эразистратомъ, считавшимъ ихъ „артеріями", содержащими то молоко, то воздухъ; знали о нихъ также нѣкоторые анатомы XVI вѣка, принимавшіе млечные сосуды за вены, идущія къ печени. Истинная природа ихъ распознана была впервые Gaspare Aselli (1581—1636), профессоромъ въ Павіи. 22 іюля 1622 г., слѣдовательно, за 6 лѣтъ уже до выхода сочиненія Гарвея, онъ на лекціи задѣлъ концомъ скальпеля одинъ изъ предполагаемыхъ нервовъ брыжейки у живой, хорошо упитанной собаки. Когда изъ поврежденнаго сосуда вылилась молочная жидкость, Aselli, сейчасъ же оцѣнившій важность открытія, радостно воскликнулъ εὕρηκα. Но и онъ полагалъ еще, что эти „vasa lactea" назначены для того чтобы проводить свое содержимое къ печени.

Casparis Aselli, *De lactibus s. lacteis venis* — — —

* Бѣдные схоластики никакъ не могли признать заслугъ человѣка, который осмѣлился отрицать непреложность принципа: „Magister dixit"... Но всѣ эти нападки и споры не могли не отразиться на характерѣ Гарвея, предпочитавшаго, наконецъ, говоря его собственными словами, сказанными одному изъ друзей, „заботиться о своемъ развитіи въ тиши домашней жизни, чѣмъ... вызывать бури, которыя могутъ лишить васъ вашего спокойствія и мира на будущее время." Ред.

novo invento, dissertatio. Mediol. 1627. 4. **Съ четырьмя раскрашенными гравюрами на деревѣ in folio; первый примѣръ печатанія краской анатомическихъ рисунковъ. [Артеріи и вены представлены красными, млечные сосуды бѣлыми.]**

Въ 1628 (одновременно съ выходомъ сочиненія Гарвея) млечные сосуды были доказаны и у человѣка. Открытіе Aselli было дополнено въ 1647 г. открытіемъ груднаго протока (который уже гораздо раньше былъ замѣченъ Евстахіемъ [у лошади], но былъ принятъ за вену) у собаки Jean Pecquet'омъ изъ Діеппа (1622—1674), въ то время студентомъ въ Монпелье. Почти въ тоже самое время Ioh. van Horne, профессоръ въ Лейденѣ, и Olaus Rudbeck открыли ductus thoracicus и у человѣка.

Ioh. Pecquet, *Experimenta nova anatomica, quibus incognitum chyli receptaculum et ab eo per thoracem in ramos usque subclavios vasa lactea deteguntur etc.* Paris. 1651. 8.

Значеніе всѣхъ этихъ открытій не сдѣлалось, однако, сейчасъ-же вполнѣ яснымъ для всѣхъ. Даже 77-лѣтній Гарвей являлся ревностнѣйшимъ защитникомъ ученія о всасываніи хилуса идущими къ печени венами брыжейки и о приготовленіи крови въ печени. Другіе, во главѣ ихъ упомянутый Riolan, утверждали, что, по крайней мѣрѣ, часть крови образуется въ печени. Съ другой стороны не было недостатка даже въ юмористическихъ надгробныхъ рѣчахъ и надписяхъ о печени.*

Кругъ открытій, дополняющихъ ученіе Гарвея, былъ въ точномъ смыслѣ слова замкнутъ открытіемъ лимфатическихъ сосудовъ. Право на честь этого открытія принадлежитъ шведу Olaus Rudbeck (1630—1702), въ то время бывшему студентомъ въ Павіи. 27 января 1651 г. онъ нашелъ лимфатическіе сосуды кишечника, ихъ переходъ въ желѣзы

* На столько пало физіологическое значеніе этого органа въ глазахъ нѣкоторыхъ врачей!.. Вообще можно смѣло утверждать, что исторія воззрѣній врачей на физіологическую роль печени есть исторія общихъ физіологическихъ воззрѣній: исторія печени—есть исторія физіологіи. Ред.

послѣдняго и ихъ связь съ одной стороны съ груднымъ протокомъ, съ другой—съ венозной системой (*Nova exercitatio anatomica exhibens ductus hepatis aquosos et vasa glandularum serosa* etc. Arosiae, 1653.4.). Позднѣе существованіе лимфатическихъ сосудовъ было доказано знаменитымъ анатомомъ Thomas Bartholinus'омъ, въ Копенгагенѣ.

Наконецъ, открытіе Гарвея было поставлено внѣ всякаго сомнѣнія въ 1661 г., четыре года спустя послѣ его смерти, великимъ Marcello Malpighi,* который впервые наблюдалъ подъ микроскопомъ на легкомъ и мочевомъ пузырѣ лягушки прелестную картину капиллярнаго кровообращенія, а нѣсколько позже—и кровяныя тѣльца. На теплокровныхъ животныхъ капиллярное кровообращеніе было демонстрировано впервые лишь въ 1697 г. Cowper'омъ.

Успѣхи анатоміи и физіологіи.

Италія. Англія. Нидерланды.

118. Открытіе кровообращенія вызвало такое развитіе анатоміи и физіологіи, которое можетъ быть сравнимо лишь съ успѣхами ихъ въ нынѣшнемъ столѣтіи. Прежде всего во всѣхъ высшихъ школахъ обратили вниманіе на улучшеніе преподаванія анатоміи. Достойнѣйшій примѣръ въ этомъ отношеніи дали голландскіе университеты, именно Лейденъ и Утрехтъ. Даже въ тѣхъ городахъ, въ которыхъ не было университетовъ, наприм. въ Амстердамѣ, Гаагѣ, возникли анатомическіе институты для обученія хирурговъ.—Гораздо позже подобныя учрежденія основаны были въ Англіи и въ нашемъ отечествѣ, гдѣ университетамъ еще долго приходилось бороться съ недостаткомъ въ трупахъ.

Открытіе микроскопа въ значительной степени ускорило развитіе анатомическихъ познаній.—Первоначальная исторія этого инструмента покрыта мракомъ, которому, можетъ быть, никогда не суждено проясниться. Первые микроскопы со-

* См. § 118.

стояли изъ одной, рѣдко нѣсколькихъ простыхъ линзъ. Сложные микроскопы были приготовлены, вѣроятно, въ 1608 г. оптиками Hans и Zacharias Janssen въ Миддельбургѣ. Немного лѣтъ спустя, неизвѣстный голландскій оптикъ изобрѣлъ телескопъ. Заслуга перваго примѣненія микроскопа для научныхъ цѣлей принадлежитъ итальянцамъ; но полное свое значеніе онъ получилъ, благодаря работамъ ботаниковъ Robert Hooke, Grew, главнымъ же образомъ—Leeuwenhoek'a, открывшаго „инфузорій". По его примѣру—очень несовершенно и грубо составленные микроскопы снова были замѣнены простыми линзами, посредствомъ которыхъ Leeuwenhoek,—самъ приготовляя ихъ съ безподобнымъ совершенствомъ,—достигъ изумительныхъ результатовъ.

Итальянскіе анатомы и въ этой области продолжали занимать первенствующее мѣсто. Изъ значительнаго числа ихъ нужно особенно отмѣтить нѣкоторыхъ выдающихся членовъ основанной въ 1657 г. великимъ Галилеемъ Academia del cimento. Сюда принадлежатъ—геніальный Alfonso Borelli изъ Неаполя (1608—1679), профессоръ въ Мессинѣ и Пизѣ, извѣстный своимъ участіемъ въ политическихъ дѣлахъ, авторъ колоссальнаго произведенія *De motu animalium* (Rom. 1680. 1681. 4 и сл. изд.). Рядомъ съ нимъ стоитъ Marcello Malpighi изъ Crevalcuore (1628—1694), профессоръ въ Болоньѣ, нѣкоторое время также въ Пизѣ и Мессинѣ. Послѣ открытія капиллярныхъ сосудовъ и кровяныхъ тѣлецъ* особаго вниманія заслуживаютъ еще его работы о строеніи желѣзъ, легкихъ, селезенки, нервовъ и труды по исторіи развитія. Далѣе, Malpighi рядомъ съ Nehemias Grew являются основателями анатоміи растеній (*Opera*. Лондонъ 1687—1698 f. 3 vol.). Въ томъ же духѣ работалъ Francesco Redi изъ Ареццо (1626—1694) профессоръ въ Пизѣ, врачъ, выдающійся своей ученостью, практической дѣятельностью и поэтическимъ талантомъ. Важнѣйшія работы Redi касаются змѣинаго яда и развитія низшихъ животныхъ. Онъ принадлежитъ къ рѣшительнѣйшимъ противникамъ Generatio origi-

* См. выше стр. 254.

naria. (*Opera*. Новѣйшее изданіе: Миланъ, 1809—1818).—Далѣе сюда принадлежитъ Lorenzo Bellini изъ Флоренціи (1643—1704), профессоръ въ Пизѣ, ученикъ Borelli и Redi. Свое классическое сочиненіе о почкахъ онъ обнародовалъ еще 19-ти лѣтнимъ юношей. (*Exercitatio anatomica de structura et usu renum*. Florent 1662. 4 и сл. изд.). Bellini пользовался высокимъ уваженіемъ, какъ врачъ и писатель—въ области практической медицины.

Яснѣе всего могучее вліяніе Гарвея обнаруживается въ Англіи, гдѣ, по словамъ Haller'a, до того времени анатомія едва существовала.—Рядъ англійскихъ анатомовъ, работы которыхъ, понятно, касаются главнымъ образомъ сердца и печени, открывается Francis Glisson'омъ (1597—1671), профессоромъ въ Кембриджѣ, впослѣдствіи врачемъ въ Лондонѣ. Его имя навсегда связано съ анатоміей печени и съ ученіемъ о движеніи животныхъ. (*Anatomia hepatis*. Лонд. 1654. 8 и сл. изд. *Opera*. L. B. 1691. 12). Тоже относится къ его другу Thomas Wharton'y (1615—1673), врачу въ Лондонѣ, открывшему названный его именемъ слюнной протокъ, и Nathanael Hyghmore'y (1613—1684), врачу въ Шафтсбюри, открывшему носящую его имя лобную пазуху. (Th. Wharton, *Adenographia s. glandularum totius corporis descriptio*. Лондонъ. 1656. 8 и сл. изд.—Nath. Highmore, *Corporis humani disquisitio anatomica* etc. Hag. Com. 1651. f.).

Важнѣйшее сочиненіе этого періода по анатоміи сердца принадлежитъ Richard Lower'y изъ Транмора въ Корнваллисѣ (1631—1691), врачу въ Лондонѣ. (*Tractatus de corde, item de motu et colore sanguinis et chyli in eum transitu*. Лондонъ. 1669. 8. и сл. изд.). Одинаково извѣстенъ и по своимъ работамъ въ анатоміи мозга, и по своей практической дѣятельности—Thomas Willis (1622—1675), врачъ въ Лондонѣ (*Cerebri anatome* etc. Amstelod. 1664. 8. *Opera*. Genev. et. Lugd. 1676. 4. Послѣд. изд.: Venet. 1720 f.). Далѣе William Cowper (1666—1709), авторъ великолѣпнаго сочиненія о мускулахъ, открывшій названныя его именемъ железы мочеваго канала (*Myotomia reformata, or a new administration of all the muscles of the human body*. Лондонъ. 1694. 8. 1724. f.). Walter

Needham (ум. въ 1691 г.), врачъ въ Лондонѣ, извѣстный отличными изслѣдованіями по исторіи развитія, (*Disquisitio anatomica de formato foetu*. Лонд. 1667. 8) и John Mayow (1645—1679), врачъ въ Лондонѣ, одинъ изъ величайшихъ физіологовъ XVII вѣка, пріобрѣвшій громкую извѣстность своими изслѣдованіями о дыханіи (*De respiratione et rhachitide*. Oxon. 1668. 8. *Opera*. Hag. Com. 1681. 8.).

Не мало извѣстнѣйшихъ естествоиспытателей и анатомовъ воспитали Нидерланды, достигшія въ XVII вѣкѣ самаго цвѣтущаго состоянія во всѣхъ научныхъ областяхъ. Однимъ изъ первыхъ былъ Pieter Paaw (1564—1617), профессоръ ботаники и анатоміи въ Лейденѣ, гдѣ имъ въ 1597 г. былъ устроенъ первый въ Нидерландахъ анатомическій театръ. Главное сочиненіе Paaw'a касается остеологіи и интересно, какъ самое раннее произведеніе, въ которомъ обращено вниманіе на различіе череповъ отдѣльныхъ людей (*Primitiae anatomicae de humani corporis ossibus*. L. B. 1615. 4. 1638. 4.).—***Медицинскія наблюденія*** его ученика Pieterz Tulp (1593—1678), лектора анатоміи и амстердамскаго бургомистра, принадлежатъ къ цѣннѣйшимъ сочиненіямъ того времени (*Observationes medicae*. Amstel. 1652. 8. 1739. 8). Joh. van Horne (1621—1670), профессоръ въ Лейденѣ, извѣстенъ своимъ описаніемъ и изображеніемъ груднаго протока у человѣка, также своими работами о желѣзахъ полости рта и яичникахъ. Еще тщательнѣе послѣдніе были изслѣдованы Reinier de Graaf'омъ, открывшимъ названные его именемъ фолликулы. Ему же принадлежатъ первыя попытки инъекціи сосудовъ, усовершенствованной впослѣдствіи Шваммердамомъ, особенно же Ruysch'омъ. (*De virorum organis generationi inservientibus*. L. B. 1668. 8. *De mulierum organis generationi inservientibus*. L. B. 1672. 8. *Opera*. L. B. 1677. 8. и сл. изд.).—Anton Nuck (1650—1692), лекторъ анатоміи въ Гаагѣ, сдѣлался знаменитымъ своими изслѣдованіями (которыя Sömmering еще, сто лѣтъ спустя, считалъ безподобными) о желѣзахъ и лимфатическихъ сосудахъ. (*Sialographia et ductuum aquosorum anatome nova* etc. L. B. 1695).—Friedrich Ruysch (1638—1731), профессоръ въ Амстердамѣ, не отли-

чающійся ученостью, но одаренный выдающимися техническими способностями, открылъ, между прочимъ, бронхіальныя артеріи и оболочку, лежащую подъ сосудистой глаза. Всемірную извѣстность Ruysch пріобрѣлъ своими инъекціями сосудовъ. (*Thesaurus anatomicus*. Amstel. 1701—1724. 4. 10 т. *Opera*. Amstel. 1734. 4. 4 т.). При всѣхъ этихъ работахъ онъ нашелъ существенную поддержку со стороны своей дочери Rahel, знаменитой рисовальщицы цвѣтовъ. Ruysch продалъ свою анатомическую коллекцію въ 1717 г. Петру Великому за 30000 гульденовъ; чрезъ 10 лѣтъ уже онъ передалъ другую коллекцію за 20000 гульденовъ польскому королю Іоанну Собіескому.

Рядомъ съ этими работами надо упомянуть о выдающихся заслугахъ двухъ нидерландцевъ, являющихся основателями микроскопической анатоміи. Antony van Leeuwenhoek (1632—1723), необразованный самоучка, благодаря необыкновенной ловкости рукъ и рѣдкой, сохранившейся до глубокой старости остротѣ зрѣнія, достигъ изумительныхъ результатовъ помощью своихъ увеличительныхъ аппаратовъ, приготовленныхъ имъ самимъ изъ стекла, горнаго хрусталя, алмаза и даже изъ крупинокъ кварцеваго песчаника. Эти аппараты, рѣдко состоявшіе даже изъ соединенія 2—3 линзъ, давали увеличеніе до 270 разъ,—величина, значительно превосходившая степень увеличенія сложныхъ микроскоповъ того времени. Часть этихъ линзъ находится въ британскомъ музеѣ. (Статьи Левенгука изложены въ *Philosophical transactions* за 1673—1723 г.г. Кромѣ того его работы изданы: по голландски: Delft, 1696. 4. 4 т. По латыни: Lugd. Bat. 1722.) —Микроскопическія работы Johann Swammerdam'а изъ Амстердама (1637—1680) относятся главнымъ образомъ къ низшимъ животнымъ, именно насѣкомымъ. Его извѣстнѣйшее произведеніе *Bybel der Natuuren* предназначено главнымъ образомъ для прославленія всемогущества и мудрости Божіей. Диссертація Swammerdam'а содержитъ превосходныя изслѣдованія о дыханіи. (*Tractatus physico—anatomico-medicus de respiratione usuque pulmonum* L. B. 1667. 8. 1738. 4.—*Bybel der Natuuren*. Лейденъ, 1737. 1738. 2 т. f.). Въ послѣдніе годы

Swammerdam вдался въ піэтизмъ и сжегъ большую часть своихъ замѣтокъ, считая грѣхомъ желаніе проникать въ тайны мірозданія.

Франція. Германія. Данія. Швеція.

119. Въ противоположность этимъ, достойнымъ похвалы стремленіямъ итальянцевъ, англичанъ и нидерландцевъ—во Франціи анатомія мало обращала на себя вниманія. Члены парижскаго факультета убивали время въ спорахъ съ парацельсистами и хирургами и считали, вѣроятно, ниже своего достоинства заниматься анатоміей. Такимъ образомъ случилось, что спустя короткое время не только анатомія, но и значительная часть врачебной практики перешла въ руки хирурговъ.*

Важнѣйшимъ французскимъ анатомомъ XVII вѣка является Jean Riolan младшій, основатель анатомическаго театра и Jardin des plantes въ Парижѣ. Его работы отличаются точностью, незнакомой до того времени.—Основателемъ французской анатомической школы XVIII вѣка долженъ считаться Guichard du Verneu (Duverney) (1648—1730), демонстраторъ анатоміи въ Jardin des plantes. Знаменитѣйшее изъ его произведеній, отличающихся примѣрной тщательностью, касается строенія, отправленій и болѣзней слуховаго органа (*Traité de l' organe de l' ouïe etc.* Paris, 1683. 12. и сл. изд. *Traité des maladies des os*. Paris, 1761. 12. 2 т.—*Oeuvres anatomiques* Paris, 1761. 4. 2 т).—Работы Raymond Vieussens'a (1641—1717), госпитальнаго врача въ Монпелье, вскрывшаго уже больше 500 труповъ, касаются преимущественно мозга, слуховаго органа и сердца. Въ сочиненіи о послѣднемъ встрѣчаются подробныя указанія на патологическія его измѣненія. (*Neurographia universalis*. Lugd. 1685. f. и сл. изд.).

Съ самыми большими затрудненіями изученіе анатоміи должно было бороться еще долгое время въ Германіи. Правда,

---

* См. ниже § 135.

не было недостатка въ работахъ, которыя могли выдержать сравненіе съ изслѣдованіями другихъ націй, какъ, напр., переполненное сухой ученостью, но чрезвычайно цѣнное по своему содержанію сочиненіе Conrad Victor Schneider'а (1614—1680), профессора въ Виттенбергѣ, *О катарръ*, въ которомъ опровергается старинное заблужденіе о стеканіи слизи изъ мозга. (*De catarrhis libri IV*. Viteb. 1660—1664. 4.)— Кишечныя желѣзы, которыя и теперь носятъ имена открывшихъ ихъ лицъ,—послужили содержаніемъ прекраснихъ изслѣдованій двухъ швейцарскихъ врачей: Joh. Conrad Peyer (1653—1712), врача въ Шафгаузенѣ (*Exercitatio anatomico—medica de glandulis intestinorum* etc. Scaphus. 1677. 8) и Joh. Conrad Brunner'а, тамошняго же врача, впослѣдствіи Гейдельбергскаго профессора.—Физіологическія работы лейпцигскаго профессора Johann Bohn'а (1640—1718), о пищевареніи и произрожденіи, принадлежатъ въ этомъ періодѣ къ наиважнѣйшимъ. Кромѣ того Bohn—одинъ изъ основателей судебной медицины. (*Exercitationes physiologicae XXVI* Lips. 1668—1677. 4 —*Circulus anatomico—physiologicus*. Lips. 1680. 4. и слѣд. изд.)

Рядъ превосходныхъ анатомовъ за этотъ періодъ дали Данія и Швеція, страны, въ которыхъ до того времени эта наука находилась на низкой степени развитія. Старѣйшій изъ нихъ Olaus Worm (1588—1664), профессоръ въ Копенгагенѣ, извѣстный по описаннымъ имъ впервые черепнымъ ossicula. Далѣе сюда принадлежитъ датская фамилія Bartholinus: Caspar, его сынъ Thomas и внукъ Caspar. Первый (1585—1629), профессоръ медицины, потомъ теологіи, въ Копенгагенѣ, составилъ учебникъ анатоміи, обработанный его знаменитымъ сыномъ Thomas'омъ (1616—1680). Въ теченіе 50 слишкомъ лѣтъ эта книга была самымъ распространеннымъ компендіемъ по анатоміи (*Institutio nesanatmicae*. L. B. 1641. 8. 1645 8. и т. д.). Caspar Bartholinus, внукъ (1655—1738), тоже профессоръ въ Копенгагенѣ, извѣстнѣе всего по изслѣдованіямъ женскихъ половыхъ органовъ. (*De ovariis mulierum et generationis historia epistola*. Lugd. Bat. 1675. 12. Amstel. 1678. 12.)—Одно изъ первыхъ мѣстъ между ана-

томами того времени принадлежитъ лучшему ученику Thomas Bartholinus'a Nicolaus Steno изъ Копенгагена (1638—1686), человѣку благороднѣйшаго характера, бывшему впослѣдствіи, послѣ перехода въ католичество, викаріемъ нижней Саксоніи, въ Ганноверѣ. Будучи еще студентомъ, онъ открылъ выводной протокъ околоушной желѣзы (одновременно съ Needham'омъ), чѣмъ и увѣковѣчилъ свое имя. Изъ его дальнѣйшихъ работъ заслуживаютъ вниманія изслѣдованія о слезоотдѣлительныхъ органахъ, мускулахъ, женскихъ половыхъ органахъ и мозгѣ. (*De glandulis oris et nuper observatis inde prodeuntibus vasis* L. B. 1661. 4.—*De musculis et glandulis observationum specimen*. Hafn. 1664. 4. и сл. изд.—*Elementorum myologiae specimen*. Flor. 1667. 4.)

Пріобрѣтенія анатоміи и физіологіи.

120. Описаніе наружныхъ формъ скелета было въ главныхъ чертахъ закончено уже Везаліемъ, Евстахіемъ, Фаллопіемъ и др. Вниманіе анатомовъ XVII вѣка было направлено на болѣе тонкое строеніе костей. Первое мѣсто въ этой области, какъ и вообще въ микроскопической анатоміи, принадлежитъ Leeuwenhoek'у. Онъ описываетъ кости, какъ систему тонкихъ, направленныхъ въ разныя стороны трубокъ, и даетъ уже грубое изображеніе, открытыхъ 200 лѣтъ спустя Purkinje, костныхъ тѣлецъ.—Malpighi различалъ уже въ зубахъ substantia „ossea“ (eburnea) и tartarea (osteoidea). Зубная эмаль превосходно описана Левенгукомъ.—Наружный слой кожи тщательно изслѣдованъ Мальпигіемъ. Кромѣ слоя corium'a, носящаго его имя, онъ уже зналъ сальныя и потовыя желѣзы и жировыя клѣтки. По Левенгуку эпидермисъ составляютъ „плоскія чешуйки“, изъ промежутковъ между которыми, а не изъ „поръ“, происходитъ потъ. Онъ знакомъ, далѣе, со строеніемъ мозолей и рубцовъ и содержаніемъ пигмента въ кожѣ у цвѣтныхъ расъ.

Важнѣйшія работы о мускулахъ принадлежатъ Kowper'у и Steno. Послѣдній впервые показалъ, что нѣтъ другаго „мяса“, кромѣ мускуловъ, и что строеніе послѣднихъ

одинаково у всѣхъ высшихъ животныхъ. Микроскопическое строеніе мускуловъ было уже замѣчено Borelli и Hooke, первичные пучки впервые распознаны Hook'омъ. Въ этой области изслѣдованія Левенгука занимаютъ первое мѣсто. Онъ изслѣдовалъ мускулы у всѣхъ классовъ животныхъ, зналъ поперечную исчерченность и думалъ, что первичные пучки состоятъ изъ шариковъ. Сухожилія онъ описываетъ какъ полыя волокна, не связанныя съ мышечными волоконцами и наполненныя упругой и свѣтлой жидкостью. Schneider'у* принадлежитъ важнѣйшая заслуга въ изслѣдованіи болѣе тонкаго строенія и функцій слизистыхъ оболочекъ. Выводной протокъ parotis былъ открытъ въ 1658 г. одновременно Needham'омъ и Steno; выводной протокъ подчелюстной желѣзы—Wharton'омъ, подъязычной—Rivinus'омъ, профессоромъ въ Лейпцигѣ (1652—1723), поджелудочной желѣзы—сначала у индѣйскаго пѣтуха—Moritz Hofmann'омъ (падуанскимъ студентомъ, впослѣдствіи профессоромъ въ Альторфѣ), а вскорѣ затѣмъ Wirsung'омъ—у человѣка.

Объ участіи Глиссона въ изученіи грубаго строенія печени, Peyer'а и Brunner'а въ изслѣдованіи кишечныхъ желѣзъ, Мальпигія—въ изученіи строенія лимфатическихъ желѣзъ, селезенки, почекъ, Bellini—въ изслѣдованіи строенія почекъ,—было уже упомянуто.**—Везикулярное строеніе легкихъ и идущіе по стѣнкамъ альвеолъ сосуды впервые были болѣе точно указаны Мальпигіемъ.—Строеніе сердца тщательнѣе всего было изслѣдовано Steno, Lower и Vieussens'омъ, строеніе сосудовъ—Левенгукомъ.

Тщательнѣйшее описаніе мозга далъ Willis. Circulus arteriosus и nervus accessorius увѣковѣчили его имя. Сосуды мозга точнѣе всего были описаны Joh. Jak. Wepfer'омъ, врачемъ въ Шафгаузенѣ, въ его знаменитомъ сочиненіи объ апоплексіи; внутреннія части мозга—De le Boë Sylvius'омъ; dura mater и ея пазухи—Ridley, врачемъ въ Лондонѣ. Но лучшія работы о мозгѣ далъ Vieussens, открыв-

---

* См. выше стр. 260.

** См. выше стр. 256.

шій центръ мозговаго вещества (Centrum Vieussenii), пирамиды и оливы.—Болѣе тонкое строеніе мозга, распространеніе сѣраго вещества, пучки волоконъ спиннаго мозга и ихъ связь съ черепно-мозговыми были уже изслѣдованы Мальпигіемъ; правда, онъ считалъ послѣдній состоящимъ изъ микроскопическихъ шариковъ и причислялъ его соотвѣтственно этому къ желѣзистымъ органамъ. Willis, наоборотъ, принималъ мозгъ за вещество, состоящее, подобно другимъ частямъ тѣла, изъ „волоконъ.“ Изслѣдованія Левенгука надъ мозгомъ стоятъ значительно ниже другихъ его изслѣдованій. Тѣмъ точнѣе онъ описалъ болѣе тонкое строеніе глаза, именно листовую структуру линзы. Желѣзы вѣкъ точнѣе всего описаны извѣстнымъ историкомъ, Heinrich Meibom'омъ профессоромъ въ Гельмштедтѣ (1678—1740).

121. То рвеніе, съ которымъ послѣ открытія Гарвея обратились къ рѣшенію важнѣйшихъ вопросовъ физіологіи, можно сравнить лишь съ тѣмъ стремленіемъ, которое пробудилось сто лѣтъ тому назадъ послѣ работъ Везалія въ области анатоміи. Въ высокой степени содѣйствовало физіологіи то сильное развитіе физики, котораго она достигла во времена Гарвея, благодаря работамъ Галилея, Ньютона и многихъ другихъ. Правда, поспѣшность, съ которой законы механики безъ дальнѣйшаго разсужденія примѣнялись къ живому организму, повела къ крупнѣйшимъ ошибкамъ. Еще худшія послѣдствія имѣла торопливость въ примѣненіи химіи (которая въ то время сама едва могла справиться съ элементарными свѣдѣніями)—для рѣшенія труднѣйшихъ, недоступныхъ физикѣ, физіологическихъ задачъ. А между тѣмъ этимъ элементарнымъ химическимъ познаніямъ придавалось болѣе основательное значеніе, чѣмъ патологіи и терапіи!

Происшедшее раздѣленіе физіологовъ и врачей того времени на „іатрофизиковъ и іатрохимиковъ“ имѣетъ теперь для насъ лишь значеніе указанія на то, что одни считали главнымъ основаніемъ физіологіи и терапіи преимущественно физику, другіе—химію. Предпринятыя въ этомъ направленіи въ XVII вѣкѣ работы, представляющіяся намъ въ настоящее время бѣдными по результатамъ и ошибочными въ основахъ,

заслуживаютъ полнѣйшей признательности, какъ первыя попытки точной разработки нашей науки.

Предшественникомъ іатрофизиковъ XVII вѣка надо считать Santoro Santorio (1561—1636), профессора въ Падуѣ и Венеціи, знаменитаго автора открытія perspiratio insensibilis. Съ достойнымъ удивленія терпѣніемъ изслѣдовалъ Santoro въ теченіе 30 лѣтъ колебанія вѣса своего тѣла въ здоровомъ и больномъ состояніяхъ, и за все это время его рабочій столъ и постель помѣщались на вѣсахъ!.... Этимъ путемъ онъ доказалъ существованіе невидимыхъ потерь (кромѣ видимыхъ — вслѣдствіе обычныхъ выдѣленій: кишечника и почекъ) посредствомъ неощущаемой нами перспираціи. Не смотря на видимую неточность, изслѣдованія Санкторія составляютъ основу этого важнаго ученія.

Sanctorius Sanctorinus, *Ars de statica medicina*. Venet. 1614. 12 и много сл. изд Послѣдн. изд.: Парижъ, 1770. 12 и многоч. переводы.

Сильнѣе всего противорѣчіе между іатрофизиками и іатрохимиками выступаетъ въ главахъ ученія о пищевареніи, кровотвореніи и питаніи. Ятрофизики описываютъ chymus просто какъ продуктъ механическаго растиранія пищи желудочными стѣнками. Для индѣйскаго пѣтуха Borelli* высчиталъ эту силу въ 1350 фунтовъ! Наоборотъ, іатрохимики смотрѣли на пищевареніе, какъ на форму „броженія", т. е. молекулярнаго процесса, вызваннаго слюной,—ферментативное дѣйствіе которой было уже извѣстно Vieussens'у,—поджелудочнымъ сокомъ, и особенно желчью. Подобный же взглядъ они проводятъ и на образованіе млечнаго сока и крови и на питаніе, разсматривая ихъ, какъ химическіе процессы, поддерживаемые оживляющимъ вліяніемъ spiritus vitales. Ятрофизики же смотрятъ на питаніе, отдѣленія и т. д., какъ на механическое дѣйствіе кровянаго давленія и колебаній послѣдняго, зависящихъ отъ ширины, распредѣленія и проч. сосудовъ. Впрочемъ и изъ іатрофизиковъ нѣкоторые, напр. Bellini, прибѣгали къ помощи іатрохимическихъ объясненій.

---

* См. выше стр. 255.

Относительно механизма дыханія, описаннаго уже вѣрно Галеномъ, господствовало единогласіе. За то мнѣнія расходились по вопросу о превращеніи венозной крови въ артеріальную. Іатрофизики объясняли послѣднее тонкимъ раздѣленіемъ крови въ сосудахъ легочныхъ пузырьковъ. Весьма важны были для этого взгляда изслѣдованія Robert Boyle'я объ упругости атмосфернаго воздуха. Іатрохимики же придавали важное значеніе смѣшенію венозной крови съ „селитряными частями" воздуха и вліянію послѣднихъ на „сѣрнистыя части" крови. Mayow высказывалъ уже геніальное предположеніе, что „селитряныя части" воздуха играютъ ту-же роль при дыханіи, какъ при горѣніи, и что именно онѣ, а не „spiritus vitales", оживляютъ тѣло. Важное значеніе этихъ споровъ состояло въ томъ, что они направили вниманіе на химическій составъ атмосфернаго воздуха, который, впрочемъ, остался загадкой еще въ теченіе слишкомъ ста лѣтъ.

122. Главный предметъ споровъ составляло движеніе сердца и крови. Borelli, принимая во вниманіе сопротивленія отъ постояннаго уменьшенія діаметра сосудовъ и возрастанія тренія о стѣнки ихъ, высчиталъ силу, примѣняемую сердцемъ при каждомъ ударѣ, въ 18000 фунтовъ. Цифра эта, правда, была значительно уменьшена, когда обратили вниманіе, что быстрота артеріальнаго тока крови уменьшается по мѣрѣ удаленія отъ сердца, между тѣмъ какъ сумма поперечныхъ сѣченій постоянно увеличивается. Moulin, англійскій врачъ, опредѣлилъ количество крови у взрослаго человѣка въ 8 фунтовъ. Въ основѣ его вычисленій лежало наблюденіе надъ потерей вѣса истекающихъ кровью животныхъ.

Кровяныя тѣльца, какъ сказано, были открыты Мальпигіемъ въ 1665 г., но форма ихъ была правильно описана лишь Левенгукомъ, который изслѣдовалъ ихъ у всѣхъ классовъ животныхъ. Его данныя о быстротѣ движенія крови въ хвостѣ рыбъ и плавательной перепонкѣ лягушекъ весьма близко подходятъ къ истинѣ.

Ниже всего стояла физіологія нервной системы. Причина этого заключалась частью въ недостаткѣ анатомическихъ свѣдѣній, а главнымъ образомъ въ привязанности къ укоре-

нившимся теоріямъ. Жизненные духи, которымъ еще Галенъ позволилъ управлять всѣми физіологическими процессами, продолжали играть важную роль. Впрочемъ, каждому представлялась свобода воображать ихъ себѣ то подобными по своей тонкости эфиру,* то въ видѣ густыхъ, какъ сокъ молочая веществъ.** Іатрофизики о „жизненныхъ духахъ“ слы-

---

* Фраза эта въ подлинникѣ написана такъ: sich dieselben als eine Eiweiss—oder Aetherartige, oder dem Safte der Euphorbiaceen ähnliche Substanz vorzustellen. Ред.

** Выше (стр. 242) мы говорили уже, что если такой могучій умъ, какимъ обладалъ Бэконъ, не могъ отрѣшиться отъ „духовъ“,—значитъ, это ученіе плотно вкоренилось въ умахъ тогдашнихъ людей науки. Ученіе Эразистрата, Асклепіада и особенно Галена о психическомъ и животномъ spiritus,—который они сравнивали съ воздухомъ,—въ соединеніи съ ученіемъ о четырехъ сокахъ и темпераментахъ,—слившись съ аристотелевской психологіей, вполнѣ, казалось, объясняло, давало какъ-бы точное рѣшеніе различныхъ физіологическихъ вопросовъ. Постепенная градація физіологическихъ процессовъ—въ смыслѣ приготовленія этихъ духовъ (spiritus vitales—въ сердцѣ, желудкѣ или печени, а spiritus animales—въ мозговыхъ полостяхъ)—представлялась для тогдашняго научнаго міросозерцанія, во всякомъ случаѣ довольно поверхностнаго, вполнѣ достаточной, чтобы соединить несоединяемыя области—чувственнаго и сверхчувственнаго. Въ сущности, грубый матеріальный spiritus animalis—является возбудителемъ и носителемъ дѣйствій, которыя должны бы быть чисто духовными, но въ понятіи тогдашнихъ теологовъ и ученыхъ новоплатониковъ—представлялись матеріальными. По теоріи Меланхтона—даже божественный духъ смѣшивается съ этими spiritus vitales et animales человѣка.—Ятрохимическія идеи XVII в. даютъ новое направленіе этому ученію о spiritus. Считая основной причиной нервной раздражительности—присутствіе особыхъ нервныхъ духовъ, ятрохимики чуть не отожествляли этихъ послѣднихъ съ кислотой—сѣрной или азотной.—Въ концѣ этого же столѣтія гипотеза эфира обратила на себя большое вниманіе, какъ средство для объясненія очень многихъ явленій; и этотъ эфиръ былъ отожествленъ съ нервной жидкостью, замѣнивъ собой, какъ-бы нерв-

шать не хотѣли и объясняли приписываемыя послѣднимъ явленія колебаніемъ или сотрясеніемъ нервныхъ волоконъ. Glisson говоритъ о токахъ, которые поднимаются и спускаются по нервнымъ волокнамъ, „все равно, полы ли они, или нѣтъ“, и представляетъ себѣ, что матерія—какъ жидкость протекаетъ по нервамъ.*

Общераспространенное заблужденіе, что „жизненные духи“ возникаютъ въ сердцѣ изъ крови посредствомъ врожденной теплоты [третій органическій процессъ], нашло какъбы неожиданное подтвержденіе въ лицѣ Мальпигія, который, на основаніи своихъ микроскопическихъ изслѣдованій (вѣроятно, введенный въ заблужденіе гангліозными клѣтками), приписалъ мозгу желѣзовидное строеніе. Это ученіе нашло себѣ главнаго защитника въ лицѣ Wharton'a. Слизь, которая, какъ предполагалось, стекаетъ изъ мозга чрезъ глотку и носъ, считалась какъ-бы шлакомъ, выдѣляющимся при приготовленіи жизненныхъ духовъ. Съ открытіемъ лимфатическихъ сосудовъ ученіе это какъ будто получило законченность. Предполагали, что „spiritus“, приготовляемые изъ крови каротидъ, проводятся нервами по всѣмъ частямъ тѣла; потребленныя части ихъ образуютъ лимфу и возвращаются чрезъ ductus thoracicus въ кровь, чтобы, возобновившись, снова начать круговоротъ. Еще болѣе утвердились во мнѣніи, что и жизненные духи и лимфа движутся въ замкнутомъ кругу, когда Antonio Pacchioni, ученикъ Мальпигія и Lancisi,** открылъ на твердой мозговой оболочкѣ мускульный аппаратъ. Не было ничего проще, какъ предположить, что твердая мозговая оболочка служитъ причиной венознаго движенія мозга,

---

наго духа. Этой послѣдней гипотезы позднѣе держались, согласно свидѣтельству Уэвелля, такіе умы, какъ Ньютонъ, Галлеръ и отчасти даже Кювье. Ред.

* Шпренгель доказываетъ, однакожъ, что Глиссонъ принималъ существованіе жизненныхъ духовъ, представляя ихъ именно въ формѣ этой тонкой нѣжной жидкости, похожей на яичный бѣлокъ и заключающейся въ нервахъ. Ред.

* См. ниже § 152.

и что цѣль послѣдняго—подвиганіе впередъ „жизненныхъ духовъ“.

Относительно функцій отдѣльныхъ частей мозга Willis показалъ, что большія полушарія служатъ органомъ произвольныхъ движеній, мозжечекъ—непроизвольныхъ. Чувствительность онъ помѣщалъ въ Corpora striata, психическіе процессы—въ корковомъ веществѣ.*

Физіологія глаза сдѣлала вмѣстѣ съ физической оптикой въ XVII столѣтіи величайшіе успѣхи. Кеплеръ доказалъ, что линза и стекловидное тѣло служатъ для того, чтобы проектировать уменьшенное изображеніе фиксированнаго предмета на сѣтчатку, откуда оно передается представляющей душѣ. Декартъ показалъ сходство глаза съ camera obscura и значеніе циліарныхъ отростковъ для измѣненія кривизны линзы. Всего важнѣе были открытія Ньютона о преломляемости свѣта и цвѣтахъ.

Casserio произвелъ тщательныя работы по анатоміи слуховаго органа, особенно слуховыхъ косточекъ и ихъ мускуловъ.—Claude Perrault, одинъ изъ самыхъ выдающихся сторонниковъ точныхъ изслѣдованій, впервые отмѣтилъ распространеніе acusticus по спирали улитки, которую онъ считалъ органомъ слуховыхъ ощущеній.—Какъ на органъ вкусовыхъ ощущеній Мальпигій и Беллини указали на сосочки языка; органомъ осязанія начали считать Мальпигіевы сосочки кожи. Bohn приписалъ уже чувства осязанія и температуры различнымъ органамъ кожи.

123. Открытіе Гарвея послужило поводомъ къ весьма богатому послѣдствіями обмѣну мыслей о дѣятельности мускуловъ и движеніи животныхъ вообще. Исходнымъ пунктомъ этихъ разсужденій служитъ великое произведеніе Borelli о движеніи животныхъ.** Въ немъ кости разсматри-

---

* Въ своей книгѣ: *Cerebri Anatome, cui accessit—Nervorum descriptio et usus* (London, 1664)—Виллисъ является предшественникомъ Галля, считающагося основателемъ ученія о „локализаціи мозговыхъ функцій.“ Ред.

** См. выше стр. 255.

ваются, какъ физическіе рычаги, а прикрѣпляющіеся къ нимъ мускулы—какъ движущая сила. Borelli старался обобщить этотъ взглядъ, распространивъ его даже на микроскопическое состояніе сокращенныхъ мускульныхъ волоконъ.—Большое значеніе имѣютъ также опыты Steno, произведенные безъ всякой предвзятой мысли, надъ раздраженіемъ мускуловъ до и послѣ перерѣзки ихъ нервовъ и сосудовъ.

Особенно много сужденій было высказано относительно конечной причины всѣхъ животныхъ движеній. Давно уже было извѣстно, что низшія животныя могутъ продолжать жить и двигаться безъ мозга, и что даже сердце и мускулы высшихъ животныхъ способны, еще долгое время спустя послѣ отдѣленія ихъ отъ организма, сокращаться. Willis* называетъ свойственную мускуламъ способность сокращаться „Copula elastica.“ Зависитъ ли эта способность отъ строенія и питанія мускуловъ, какъ таковыхъ, или она обусловливается „покоящимися въ мускулахъ, какъ въ водномъ бассейнѣ, жизненными духами“—онъ оставляетъ нерѣшеннымъ. Самое движеніе совершается посредствомъ „Impetus motivus,“ проникающаго вмѣстѣ съ „жизненными духами“ изъ головнаго и спиннаго мозга въ мускулы.

Подробнѣе всего разбирается вопросъ о конечной причинѣ животныхъ движеній Глиссономъ, взгляды котораго находятся подъ рѣшительнѣйшимъ вліяніемъ предвзятыхъ гипотетическихъ мнѣній.** Въ своемъ главномъ сочиненіи объ этомъ предметѣ: *De naturae substantia energetica*—онъ описываетъ „раздражительность“ какъ основное свойство, принадлежащее матеріи, какъ таковой: способность быть возбуждаемой раздражителями. „Раздражительность“ обнаруживается въ различныхъ степеняхъ, какъ ощущеніе (перцепція), желаніе и движеніе, и каждое изъ послѣднихъ въ свою очередь имѣетъ градаціи—„естественныя, чувственныя и душевныя.“ У животныхъ существъ раздражительность связана съ „фибрами“; „Fibra“—весьма важное образо-

---

* См. выше стр. 256.

** Тамъ же.

ваніе, тонкое, какъ паутина, но трудно разрываемое, благодаря своей эластичности и сократительности. За исключеніемъ костей, крови и жира всѣ органы состоятъ изъ „фибръ.“— Раздражители, дѣйствующіе на животныя существа, бываютъ внѣшними и внутренними. Возбужденіе, вызываемое первыми, обнаруживается какъ „Perceptio naturalis“ (безсознательное ощущеніе), или оно проводится нервами къ центральнымъ органамъ (сознательное ощущеніе). Движенія происходятъ какъ вслѣдствіе внутреннихъ, такъ и вслѣдствіе внѣшнихъ раздраженій, вызывая либо возбужденіе „Phantasia“ и „Sensus internus“ (рефлекторное движеніе), либо обнаруженіе воли (произвольное движеніе).

Недостатки ученія Глиссона прежде всего, очевидно, состоятъ въ томъ, что „Fibra“ никакъ не можетъ считаться анатомической реальностью, и что „раздражительность“, приписанная матеріи, какъ таковой—совершенно произвольное предположеніе.* Только сто лѣтъ спустя Haller сдѣлалъ ее экспериментально доказаннымъ фактомъ.—И въ этомъ вопросѣ обнаруживается проницательность Mayow'a. Изъ усиленія дыхательныхъ движеній при напряженной мускульной дѣятельности онъ заключаетъ объ участіи „селитряной составной части“ воздуха въ возбужденіи мускуловъ.—Еще ближе къ истинѣ подходитъ выдающійся практикъ этого періода Baglivi.** Во многихъ своихъ сочиненіяхъ онъ дѣлитъ „fibrae“ на „мясныя“ и „кожныя“ (поперечноисчерченныя и гладкія мускульныя волокна); источникомъ сократительности

* Такимъ образомъ Глиссонъ ясно представлялъ себѣ, что движенія въ мускулахъ—отличны отъ всякаго другого механическаго или химическаго движенія. Классифицируя эти движенія вообще—онъ уже подмѣтилъ разницу между раздражимостью въ различныхъ органахъ. „Странно, говоритъ Шпренгель, что эти ясныя понятія Кембриджскаго профессора не были приняты восторженно его современниками и не разработаны далѣе.“ Благодаря Галлеру и позднѣйшимъ изслѣдованіямъ это—сбылось. Ред.

** См. ниже стр. 273.

мышцъ („Vis systaltica“) служитъ питающая волокна кровь; нервы служатъ лишь возбудителями „Vis systaltica“,

124. Таинственная сфера половыхъ процессовъ давно привлекала къ себѣ вниманіе физіологовъ. Въ XVII вѣкѣ она сдѣлала такія пріобрѣтенія, какъ никогда до того времени.—Тщательныя описанія мужскихъ половыхъ органовъ сдѣлали Highmore и Graaf. Въ исторіи развитія Fabrizio ab Acquapendente положилъ основаніе всѣмъ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ, доказавъ, что „большинство“ животныхъ развивается изъ яицъ. У него же встрѣчаются первыя описанія и рисунки развитія цыпленка, млекопитающихъ животныхъ и человѣка.

Безъ сомнѣнія, этими изслѣдованіями Fabricio его великій ученикъ Гарвей былъ побужденъ къ дальнѣйшей разработкѣ этого предмета. Его произведеніе:—*De generatione animalium*, произведшее едва-ли меньшую эпоху, чѣмъ его сочиненіе о кровообращеніи, появилось въ 1651 г. Оно основывается на многочисленныхъ изслѣдованіяхъ яйца всѣхъ классовъ животныхъ, особенно оленя, лося (которыхъ доставляли ему большіе охотничьи парки его покровителя, короля Карла I) и курицы. Впрочемъ результаты, полученные Гарвеемъ, значительно утратили свое значеніе, вслѣдствіе несовершенства его микроскоповъ и неточности свѣдѣній о значеніи яичниковъ. Неизмѣннымъ заключеніемъ его работы останется положеніе: „ovum est primordium omnibus animalibus commune“.

Вслѣдъ за тѣмъ Swammerdam, Malpighi и Redi своими изслѣдованіями о развитіи животныхъ и растеній расширили изреченіе Гарвея въ положеніе: „omne vivum ex ovo“.—Нельзя указать съ точностью, кому принадлежитъ открытіе истинной природы яичниковъ. Вѣроятно, van Horne, его рисовальщикъ Swammerdam и de Graaf имѣютъ одинаковыя права на честь этого открытія. Послѣдній впервые описалъ фолликулы, носящіе его имя; присутствія самого яйца онъ не могъ констатировать. У Bohn'a* встрѣчается даже

---

* См. выше стр. 260.

уже намекъ на маточное молоко. Питаніе ребенка, говоритъ онъ, совершается посредствомъ „хилозной жидкости", находящейся между материнской и дѣтской частями плаценты.

Совершенно новый поворотъ въ ученіи о зарожденіи, служившемъ много разъ источникомъ заблужденій, былъ вызванъ въ 1677 г. открытіемъ „сѣмянныхъ живчиковъ". Честь этого открытія принадлежитъ студенту лейденскаго университета Iohann Ham'у (ум. въ 1723 г.), который пользовался высокимъ уваженіемъ, какъ врачъ и бургомистръ въ своемъ родномъ городѣ Арнгеймѣ. Левенгукъ скоро доказалъ присутствіе этихъ „сѣмянныхъ живчиковъ" у всѣхъ классовъ животныхъ и призналъ ихъ настоящими зародышами. У многихъ встрѣчается уже предположеніе, что оплодотвореніе зависитъ отъ прониканія ихъ въ яйцо. Лейбницъ говорилъ даже о „безсмертіи сѣмянныхъ живчиковъ". Другіе-же, напр. Vallisnieri считали сперматозои несущественной составной частью сѣмени.

Питаніе зародыша кровью матери было изслѣдовано Needham'омъ, отношеніе пляценты и яйцевыхъ оболочекъ— Hoboken'омъ и Sterno, отношеніе пупочнаго канатика— Wharton'омъ.

Практическая медицина.

Улучшеніе клиническаго преподаванія. Іатрофизики.

125. Въ области практической медицины вліяніе открытія Гарвея не обнаружилось, однако-же, такъ скоро и рѣшительно, какъ это нужно было ожидать. Во всѣ времена успѣхи анатоміи и физіологіи оказываютъ свое вліяніе на практическіе отдѣлы медицины, но—лишь черезъ нѣкоторое время и постепенно. Нерѣдко имъ оказываетъ рѣшительное противодѣйствіе свойственный даже самымъ дѣльнымъ врачамъ консервативный образъ мыслей.

Значительнѣйшій импульсъ практическая медицина XVII вѣка получила отъ наступившаго и внѣ предѣловъ Италіи улучшенія клиническаго преподаванія. Всего раньше это слу-

чилось въ Нидерландахъ: въ Утрехтѣ по инниціативѣ Willem van Straten; затѣмъ въ Лейденѣ, гдѣ за Heurnius и Schrevelius'омъ слѣдовалъ въ 1648 г. нѣмецъ Albert Kyper изъ Кенигсберга; за послѣднимъ, 10 лѣтъ спустя, De le Boë Sylvius. Около того же времени и въ Эдинбургѣ по образцу Лейдена основанъ былъ клиническій институтъ.

Хуже всего въ этомъ отношеніи еще въ теченіе долгаго времени представлялось положеніе Франціи и Германіи. Чѣмъ успѣшнѣе члены парижскаго факультета опускались до степени придворныхъ прихвостней (feilen Höflingen), тѣмъ крѣпче они держались устарѣвшихъ академическихъ церемоній, безсмысленныхъ диспутовъ и галеновскаго догматизма. Вѣчный памятникъ ихъ невѣжеству, соединенному съ педантическимъ тщеславіемъ, воздвигъ Molière въ нѣкоторыхъ изъ своихъ комедій.

Іатрофизикамъ надо вмѣнить въ заслугу, что теоретическіе взгляды оказывали лишь очень ограниченное вліяніе на ихъ практическую дѣятельность. Въ нихъ жило ясное убѣжденіе, что практическая медицина предъявляетъ другія требованія, чѣмъ физіологическія изслѣдованія; что первая—ради непосредственныхъ цѣлей—часто должна отказываться отъ тонкости научнаго метода. Вотъ почему выдающіеся іатрофизики у постели больныхъ воздавали должное гиппократизму, пренебреженіе которымъ у многихъ тогда явилось, какъ явное доказательство прогрессивнаго образа мыслей.

Важнѣйшій изъ этихъ іатрофизиковъ — практиковъ Giorgio Baglivi (род. ок. 1669, ум. въ 1707 г.), ученикъ Мальпигія, профессоръ въ Римѣ.*— Гораздо большія уступки іатрохиміи, „жизненнымъ духамъ“ и „ферментамъ“ дѣлали нѣкоторые англійскіе іатрофизики. Главнымъ представителемъ этого направленія является Archibald Pitcairn изъ Эдин-

* Baglivi, котораго нѣкоторые называютъ итальянскимъ Гиппократомъ, придавалъ въ области практической медицины громадное значеніе наблюденію, а относительно значенія теоретическихъ изслѣдованій и заключеній—утверждалъ, что „his omnibus ars nostra illustratur, non efficitur“. (Guardia). Ред.

бурга (1652—1713). Лихорадку онъ объясняетъ сильнымъ треніемъ крови о стѣнки сосудовъ, сифилисъ—частымъ въ его (предполагаемой) родинѣ Америкѣ угнетеніемъ кожной дѣятельности, почему въ болѣе теплыхъ странахъ для лѣченія достаточны diaphoretica, холодные же климаты требуютъ болѣе сильнаго выдѣленія болѣзнетворныхъ веществъ посредствомъ слюнотеченія.

Во Франціи воззрѣнія іатрофизиковъ распространены были менѣе всего. Въ Нидерландахъ, отчасти и въ Германіи іатрохимики имѣли перевѣсъ. Однимъ изъ ихъ главныхъ представителей былъ врачъ, теоріи котораго по существу имѣютъ свой источникъ въ ученіи Парацельса, van Helmont.

Химіатрики. *Van Helmont.*

126. Joh. Baptista van Helmont (род въ 1578 г.)— изъ знатной и богатой католической фамиліи въ Брюсселѣ. Послѣ того какъ онъ долгое время занимался философскими, юридическими и естественными науками, van Helmont принялся за изученіе медицины, отъ которой онъ ожидалъ того, чего не нашелъ въ первыхъ: удовлетворенія стремленію къ истинѣ и примѣненія своихъ человѣколюбивыхъ наклонностей. Однако, спустя нѣкоторое время, онъ отказался и отъ медицины и отправился путешествовать. Чрезъ одного пиротехника онъ познакомился съ парацельсовскими лѣкарствами, успѣшное примѣненіе которыхъ примирило его съ медициной. Онъ возвратился на родину и, предаваясь исключительно своимъ занятіямъ и обширной практикѣ, прожилъ до конца дней своихъ въ Vilvorde близъ Брюсселя.—Главное сочиненіе Helmont'а: *Ortus medicinae, id est initia physicae inaudita* etc. появилось лишь послѣ его смерти. (Amstel. 1643. 4. 1652. 8).

Стремленія Helmont'а направлены на то, чего до него никто не предпринималъ, на отысканіе „корня жизни". Къ этому предпріятію его побудило открытіе Гарвея, главнымъ же образомъ блескъ юной химіи. При этомъ въ его образѣ выступаетъ еще одна характерная черта: искренняя набож-

ность вѣрующаго католика. Но въ намѣреніи отыскать причину жизни Helmont,—подобно безчисленнымъ преслѣдователямъ той же цѣли, бывшимъ до и послѣ него,—не идетъ дальше объясненія причины жизни „жизненной силой", съ той только разницей, что у него послѣдняя получаетъ олицетворенный образъ.

Первый толчекъ для своего ученія Helmont получилъ отъ Парацельса, которому онъ уступаетъ въ оригинальности, но за то далеко превосходитъ общимъ и естественно-научнымъ образованіемъ. Helmont одинъ изъ самыхъ выдающихся химиковъ и натуралистовъ XVII вѣка; какъ извѣстно, онъ открылъ угольную кислоту.* Въ противоположность Парацельсу, онъ придаетъ большое значеніе анатоміи, физіологіи и патологической анатоміи. И въ тоже время этотъ человѣкъ одинъ изъ величайшихъ теософическихъ мечтателей. Онъ вѣритъ въ божественное вдохновеніе; отъ одной Божіей благодати онъ ждетъ умственнаго и нравственнаго просвѣщенія.

Система Helmont'а, подобно Парацельсовой, основана на неоплатоническомъ ученіи о всеединствѣ творенія Божія; Его дыханіе преисполняетъ жизнью всѣ существа. Жизнь высшихъ существъ, главнымъ же образомъ человѣка, совершается подъ руководствомъ нематеріальнаго, но отличнаго отъ души „Archeus influus"—Главнаго Архея; въ отдѣльныхъ органахъ пребываютъ тѣсно связанные съ тѣлеснымъ существомъ послѣднихъ „Archei insiti" („Blas locales")—второстепенные археи.— Archeus influus имѣетъ свою резиденцію въ „дуумвиратѣ" желудка и селезенки. Отсюда онъ простираетъ свое господство надъ archei insiti; при помощи послѣднихъ, посредствомъ „ферментовъ", онъ руководитъ измѣненіями твердыхъ и жидкихъ частей. Оживляющимъ принципомъ кро-

---

* В. Гельмонтъ высказалъ положеніе, которое нанесло окончательный ударъ ученію о превращеніи металловъ другъ въ друга: Никакой металъ не можетъ быть выдѣленъ изъ раствора, если онъ прежде не заключался въ немъ. На его „опытное" мышленіе указываетъ экспериментъ, которымъ онъ доказалъ участіе почвы, воды и воздуха въ ростѣ растеній. Ред.

ви является „Latex sanguinis“; теплота тѣла есть только продуктъ [жизненной дѣятельности], а не причина жизни.*

127. Болѣзнь есть послѣдствіе грѣхопаденія, вслѣдствіе котораго животная душа вырвала господство у божественной. Она (болѣзнь) представляетъ самостоятельный жизненный процессъ („Ens reale“), вызываемый болѣзненными идеями Главнаго Архея. Archeus influus „внушаетъ“ ихъ какъ „ideae sigillares“ второстепеннымъ археямъ (Archei insiti), а эти послѣдніе возбуждаютъ къ болѣзнетворной образовательной дѣятельности „ферменты.“ Отсюда понятно раздѣленіе болѣзней на страданія Archei influi и Archeorum insitorum. Къ первымъ принадлежатъ болѣзни наслѣдственныя, зависящія отъ врожденной идеи Archei influi, періодическія („Morbi silentes“) и типическія, начинающіяся обыкновенно ночью („Torturae noctis“). Болѣзни Archeorum insitorum распадаются на „Recepta“ и „Retenta,“ т. е. на страданія, вызванныя проникшими извнѣ вредностями или зародившимися въ самомъ тѣлѣ.

Большую роль, особенно въ ученіи о лихорадкѣ и воспаленіи, играютъ „Spinae:“ раздражающія вліянія всякаго рода, дѣйствующія на Archeus influus или на Archei insiti. Ознобъ, напр., зависитъ отъ гнѣва Archeus influus на раздражающую его вредоносную причину; лихорадочный жаръ, потъ и кризы суть мѣры, имѣющія цѣлью выдѣленіе вредныхъ веществъ изъ организма. Подобнымъ же образомъ объясняются явленія воспаленія.—Особенно подробно Helmont разбираетъ „Pleuritis“ (терминъ, обнимающій собой и пнеймонію). Онъ происходитъ или отъ вдыханія, дѣйствующаго какъ „spina“ холоднаго воздуха, или отъ желудочной кислоты.—Катарры зависятъ отъ того, что носъ и гортань („стража“ дыхательныхъ органовъ) усиленіемъ слизеотдѣленія стараются предотвратить проникание вредностей.—Астма женщинъ большею частью истерическаго происхожденія; у мужчинъ же она зависитъ отъ судороги бронховъ, родственна эпилепсіи и называется поэтому „caducus pulmonum.“** —Апоплексію Helmont объясняетъ, въ

* Какъ это принималъ Галенъ. Ред.

** Замѣчательное обобщеніе!— Ред.

противоположность ходячему мнѣнію, не накопленіемъ слизи въ 4-мъ желудочкѣ, а образующимся въ желудкѣ оглушающимъ ядомъ („Anodynum apoplecticum"), и лѣчитъ ее, соотвѣтственно этому, рвотными и тоническими средствами. Подобный же ядъ считается причиной эпилепсіи.

Подагра зависитъ отъ унаслѣдованныхъ или пріобрѣтенныхъ болѣзненныхъ настроеній Archei influi („Sigillum podagrae"), образованія болѣзненныхъ кислотъ въ „Latex sanguinis" и отложеніи „Calx" и „creta podagrae" въ суставахъ. Подобнымъ же образомъ lithiasis коренится въ ненормальной, зависящей отъ болѣзненнаго состава крови дѣятельности почекъ и всего тѣла. Важнѣйшія лѣкарственныя средства противъ lithiasis суть-поваренная соль и „Arcanum philosophorum" (по просту соединеніе нашатыря съ желѣзомъ—ammonium muriaticum ferruginosum), diuretica, особенно рачьи камни* и теплыя обертыванія на область почекъ.—Общая терапія Helmont'a представляетъ соединеніе гиппократовской физіатрики съ ученіемъ объ арканахъ Парацельса. Задача состоитъ въ томъ чтобы вызвать цѣлебныя идеи Archei influi, успокоить его и измѣнить его настроеніе („Pacatio, alteratio") Важнѣйшими средствами для этой цѣли являются соотвѣтствующая діэта, главнымъ образомъ поддержаніе силъ, всего лучше вино, которымъ Helmont широко пользуется при лихорадочныхъ болѣзняхъ. Безспорно, этимъ основнымъ правиламъ обязанъ Гельмонтъ значительной долей своего успѣха при постели больнаго.

Лѣкарства дѣйствуютъ не столько своимъ составомъ, сколько силами, дарованными имъ милосердіемъ Божіимъ: „Sapores". Эту чисто динамическую силу лекарствъ, которую Гельмонтъ сравниваетъ съ дѣйствіемъ свѣта на „застигнутые имъ предметы", онъ доказываетъ тѣмъ, что вода, въ которой лежала ртуть, пріобрѣтаетъ цѣлебныя свойства послѣдней, не воспринимая, однако, ничего изъ вещества металла. Отсюда онъ доходитъ до положенія, напоминающаго гомеопатію, что величина лѣкарственной дозы не существенна [для про-

---

* Krebsteine, Krebsaugen = раковые жерновки. Ред.

явленія дѣйствія средства]. И такъ какъ „арканами" болѣзненныя „идеи" архея безслѣдно могутъ быть уничтожены, то выдѣляющимъ средствамъ и кризамъ придается небольшое значеніе.—Въ великую заслугу Гельмонту нужно поставить ту рѣшительность, съ которой онъ возставалъ противъ кровопусканія, утверждая, что въ лучшемъ случаѣ оно можетъ только задержать выздоровленіе.—Изъ препаратовъ растительныхъ лѣкарствъ, Helmont выше всего ставитъ тинктуры; наибольшее же значеніе онъ придаетъ минеральнымъ средствамъ, достигшимъ, подъ вліяніемъ огня, полной силы, особенно ртути, сурьмѣ и мышьяку. Наставленія для приготовленія arcana Гельмонтъ, во избѣжаніе злоупотребленій, сообщаетъ рѣдко. Онъ вѣритъ въ возможность универсальнаго лѣкарства [панацеи].

Большія услуги Helmont оказалъ ученію о цѣлебныхъ источникахъ тѣмъ, что указалъ во многихъ изъ нихъ на присутствіе щелочей и угольной кислоты. Одно изъ лучшихъ его сочиненій касается желѣзныхъ источниковъ Спа. Глубокой признательности заслуживаетъ его взглядъ на врачебное званіе, какъ на служеніе любви къ ближнему.

Ученіе Гельмонта въ общемъ обратило на себя мало вниманія. На своей родинѣ—среди католиковъ онъ считался еретикомъ; у протестантовъ же, особенно въ Германіи, распространенію его идей мѣшала какъ разъ тогда вспыхнувшая 30-ти лѣтняя война. Къ этому надо прибавить, что языкъ Helmont'а представляетъ мало привлекательнаго, и что масса врачей предпочитаетъ хотя и грубыя, но тотчасъ примѣняемыя на практикѣ, теоріи и практическіе рецепты.

Литтрэ говоритъ, что В. Гельмонтъ, будучи галюцинантомъ, увидѣлъ однажды свою душу въ образѣ огонька; это видѣніе и подало ему мысль къ созданію своей системы медицины.

Вѣрно это, или просто только хорошо придумано, значеніе Гельмонта не измѣряется этимъ ученіемъ объ археяхъ, въ которомъ, впрочемъ, авторъ является лишь сыномъ своего вѣка. Минуя всѣ бредни, которыми наполнено ученіе Гельмонта, мы должны выдѣлить изъ

него капитальнѣйшую идею, что жизнь организма, какъ цѣлаго, состоитъ изъ массы самостоятельныхъ жизней отдѣльныхъ частей и органовъ, хотя и подчиняющихся этому цѣлому, но имѣющихъ каждый свою чувствительность и качества, свойственныя ему одному. Гармоническое отношеніе между этими органами и частями есть необходимое условіе здоровья; болѣзнь нарушеніе этой гармоніи, при чемъ цѣлое —весь организмъ стремится всегда привести въ равновѣсіе нарушенныя отправленія частей.

Уже въ туманныхъ очертаніяхъ Парацельса—мы видимъ попытку примѣненія химіи къ объясненію жизненныхъ явленій. У Гельмонта же обнаруживается гораздо опредѣленнѣе стремленіе соединить идеи физіократовъ съ идеями алхимиковъ. Химическія измѣненія представляли для него ближайшій результатъ нарушенной гармоніи между частями организма. Образующаяся въ избыткѣ кислота производитъ свертываніе жидкостей организма, видоизмѣняетъ дѣйствіе ферментовъ, въ иныхъ же случахъ происходитъ усиленное развитіе щелочей въ массѣ жидкостей и крови. Такимъ образомъ, щелочи и кислоты, соли и ферменты, находящіеся въ каждой части тѣла, вытѣснили представленіе о четырехъ элементахъ Галена и послужили основой для новой химической терапіи, повели къ послѣдующимъ открытіямъ въ медицинской химіи.

Sylvius.

128. Настоящимъ главою іатрохимиковъ считали Sylvius'a, хотя послѣдній съ полнымъ правомъ можетъ быть причисленъ къ тѣмъ врачамъ, которые стремились положить научное основаніе медицины, опираясь на солидные успѣхи анатоміи и физіологіи.

Franz de le Boë Sylvius (первоначально Dubois) (1614—1672) происходилъ изъ богатой и знатной французской

фамиліи. По окончаніи своего образованія въ Лейденѣ онъ читалъ лекціи по ботаникѣ и анатоміи, которыя охотно посѣщались. На этихъ лекціяхъ онъ разъяснялъ также ученіе Гарвея.* Съ 1641 г. онъ жилъ и имѣлъ большую практику въ Амстердамѣ, а съ 1648 г. сдѣлался профессоромъ медицинской клиники въ Лейденѣ. Ясность и привлекательная форма его лекцій, его симпатичный характеръ, соединенный съ необыкновенной мужественной красотой, сдѣлали его скоро однимъ изъ самыхъ популярныхъ врачей и учителей того времени.

Съ непоколебимой убѣдительностью Sylvius высказываетъ основное положеніе, что медицина можетъ успѣшно развиваться, лишь опираясь на анатомію и клиническій опытъ. Правда, онъ придавалъ слишкомъ большое значеніе, особенно въ послѣдніе годы, химическимъ воззрѣніямъ своего времени, хотя и оговаривался неоднократно, что они должны являться лишь предположеніями.**

Важнѣйшія сочиненія Sylvius'a: *Disputationes medicae.* Amstel. 1663. 8 и сл. изд. и *Praxeos medicae idea nova.* L. B. 1671—1674. 4.—*Opera* L. B. 1679. 4 и сл. изд.

Пищевареніе зависитъ отъ „ферментаціи" („blanda resolutio"), т. е. незамѣтнаго химическаго превращенія пищевыхъ веществъ посредствомъ слюны, желудочнаго сока, succus pancreaticus, желчи, особенно-же отъ нѣжнаго „фермента", обра-

---

* См. выше стр. 206.

** Сильвій—одинъ изъ первыхъ—установилъ понятіе о (химической) противоположности или нейтрализаціи веществъ. Различіе между кислыми и щелочными тѣлами (acidum, lixivum) извѣстно было еще до Сильвія; но онъ основалъ систему, по которой оба рода тѣлъ считались въ высшей степени острыми, и однакоже противоположными, и примѣнилъ это понятіе къ человѣческому организму. Такимъ образомъ по его мнѣнію лимфа содержитъ въ себѣ острую или кислую жидкость, а желчь—щелочную соль. Эти двѣ противоположныя острыя жидкости, соединяясь вмѣстѣ, нейтрализуютъ одна другую (infringunt) и измѣняются при этомъ въ среднее, болѣе мягкое вещество (Шпренгель, Уэвелль). Ред.

зуемаго селезенкой.—Дыханіе назначено для того, чтобы умѣрять „эфферверсценцію“ крови, происходящую отъ врожденной теплоты сердца и примѣшиванія желчи. Это (умѣреніе) совершается при помощи заключающейся въ атмосферномъ воздухѣ „простой и чистой соли“, той, которая особенно обильно содержится въ селитрѣ.—Относительно кровообращенія Sylvius, какъ уже сказано, принадлежалъ къ самымъ первымъ и ревностнымъ защитникамъ Гарвея. По счастливому предчувствію онъ высказываетъ предположеніе, что капилляры состоятъ лишь изъ простой (однородной) оболочки, ибо только при такомъ допущеніи былъ-бы возможенъ переходъ веществъ, назначенныхъ для питанія, въ паренхиму.

Въ паталогіи Sylvius настойчиво стремится придать болѣзнямъ анатомическую основу. Поэтому онъ особенно подробно разсматриваетъ физическія соотношенія соковъ и плотныхъ образованій. Но главной задачей паталогіи Sylvius считаетъ изслѣдованіе самихъ процессовъ, которые производятъ (ощутительныя) измѣненія больныхъ частей. Важнѣйшіе изъ этихъ процессовъ—аномаліи „ферментовъ“, слюны и поджелудочной железы, лимфы, особенно „кислая и щелочная острота“ желчи.*—Задача терапіи состоитъ въ устраненіи вредныхъ вліяній, ограниченіи болѣзненныхъ процессовъ, облегченіи симптомовъ и поддержаніи силъ. Кровопусканіе Sylvius въ высокой степени ограничиваетъ. Тѣмъ большее значеніе въ большинствѣ болѣзней придается желчногоннымъ средствамъ. Между „alterantia“** первое мѣсто занимаютъ эфирныя масла, ammoniacalia и опій.—Въ главѣ о болѣзняхъ дыхательнаго аппарата химическія объясненія отходятъ почти совершен-

* Сильвій раздѣляетъ болѣзни, сообразно ихъ характеру, на болѣзни твердыхъ и жидкихъ частей (соковъ). Въ послѣднемъ смыслѣ онъ и различаетъ болѣзни—слюны, сока поджелудочной железы и желчи. Наибольшее значеніе—особенно въ послѣдніе годы—онъ придавалъ именно неправильностямъ въ выдѣленіи желчи, на которыя онъ смотрѣлъ, какъ на наиболѣе общій этіологическій моментъ. Ред.

** Всѣ лѣкарства Сильвій раздѣляетъ—по ихъ основному дѣйствію—на 3 группы: 1) restituentia, 2) evacuantia и 3) alterantia. Ред.

но на задній планъ. За то они тѣмъ рѣшительнѣе господствуютъ въ ученіи о лихорадкѣ, которая считается послѣдствіемъ „эффервесценціи“ крови сердца, вызванной примѣсью болѣзненно измѣненныхъ, содержащихъ ненормальную кислоту, основныхъ жидкостей. Поэтому лихорадки раздѣляются на febres „biliosae“, „pancreaticae“, „lymphaticae“ и „salivales“. Задача терапіи лихорадки состоитъ въ разжиреніи крови, въ умѣреніи кислаго броженія соковъ и способствованіи поту. Для достиженія этой цѣли служатъ небольшія кровопусканія (у полнокровныхъ), слабительныя средства и ammoniacalia. При „злокачественныхъ лихорадкахъ“, зависящихъ отъ щелочнаго перерожденія, примѣняются, наоборотъ, кислоты, всасывающіяся соли земель, глина, бальзамическія средства и опій.

Воспаленіе происходитъ отъ смѣшенія крови съ желчью; результатомъ смѣшенія является застой въ мельчайшихъ сосудахъ, удаленіе „spiritus'a“, разложеніе крови и нагноеніе.

Вторая и третья книги *Idea nova*, изданныя — вопреки волѣ автора — послѣ его смерти, трактуютъ о болѣзняхъ органовъ чувствъ и нервной системы, въ которыхъ главную роль играютъ механическія аномаліи „spiritus'a“: скопленіе, застой и т. д. Тоже относится и къ болѣзнямъ половаго аппарата, разбираемымъ въ третьей книгѣ. Въ отдѣлѣ дѣтскихъ болѣзней на первый планъ опять выступаютъ кислая и щелочная остроты. Въ концѣ книги разсматриваются чума и хроническія болѣзни. Чахотку Sylvius дѣлитъ на два вида: на атрофію легкихъ и на образованіе желѣзовидныхъ узелковъ, которые путемъ нагноенія производятъ малыя и большія vomicae (полости).*

> Замѣчательно кратко и ясно охарактеризовалъ значеніе Sylvius'a H a l l e r: Minime vilis homo fuit, ut nunc destructa ejus theoria vulgo creditur. In dissecandis morbosis cadaveribus diligens, in praxi felix, in docendo totus, ut fere universam Europam in suam sectam pellexerit. Acuti vir ingenii; egregius in materia medica auctor causo lectori multas utiles observationes exhibet.

* Сильвій — первый авторъ, у котораго встрѣчается описаніе б у г о р к а и указанія на значеніе туберкула для развитія чахотки. Ред.

Приверженцы и противники іатрохиміи

129 Воззрѣнія Sylvius'а достигли, особенно въ Нидерландахъ и Германіи, обширнѣйшаго распространенія. Значительное участіе въ этомъ пропагандированіи принимали два нидерландца, пользовавшіеся, благодаря своему положенію, какъ лейбъ-медики при бранденбургскомъ дворѣ, большимъ вліяніемъ: Cornelis Bontekoe (собственно Dekker, 1647—1685) и Theodor Craanen. Перваго можно похвалить за то, что онъ возставалъ противъ распространеннаго въ его время пьянства. Для очищенія желудка и pancreas и предохраненія крови отъ застоя онъ рекомендовалъ обильное употребленіе холодной, еще лучше—теплой воды, главнымъ образомъ питье чая, ставшаго впервые около того времени извѣстнымъ (тогда употребляли ежедневно 50 и больше очень маленькихъ чашекъ чая) и прилежное куреніе тоже недавно введеннаго „королевскаго зелья", табаку, который достигъ славы панацеи.

Къ самымъ вліятельнымъ представителямъ химіатріи именно ея терапевтическихъ ученій, принадлежали три университетскихъ преподавателя: Mich. Ettmüller (1644—1683), профессоръ въ Лейпцигѣ, Wolfgang Wedel (1645—1741), профессоръ въ Іенѣ и Günther Christoph Schellhammer (1649—1712), профессоръ въ Іенѣ, Гельмштедтѣ и Килѣ. Гораздо меньше сочувствія химіатрія встрѣтила въ Италіи, гдѣ господствовали іатрофизики.

За то цѣлый рядъ уважаемыхъ англійскихъ врачей высказался за ятрохимію; во главѣ ихъ находится Thomas Willis,* тщательное анатомическое и физіологическое образованіе котораго предохранили его отъ эксцентричностей большинства сильвіанцевъ. Важнѣйшія изъ относящихся сюда его монографій касаются лихорадки, ученія о мочѣ, болѣзней нервной системы, особенно ипохондріи и истеріи. Въ *Pharmaceutice rationalis*, посвященной изложенію его тера-

* См. выше стр. 256. Въ оригиналѣ онъ ошибочно названъ Francis'омъ. Ред.

певтическихъ воззрѣній, Willis всегда предпосылаетъ анатомическое и патологоанатомическое описанія соотвѣтствующихъ болѣзней разбору дѣйствія лѣкарствъ. При изложеніи мочеизнуренія онъ упоминаетъ также о сладкомъ вкусѣ діабетической мочи, причину котораго онъ считаетъ необходимымъ выяснить.

Важнѣйшіе противники химіатріи выходили изъ лагеря іатрофизиковъ. Выдающійся физіологъ Ioh. Bohn,* изъ Лейпцига, основательнѣе всего отмѣтилъ ихъ фундаментальныя заблужденія, именно ученіе о кислыхъ ферментахъ желудка, pancreas и желчи.—Brunner** посредствомъ экстирпаціи поджелудочной желѣзы у собакъ представилъ самое лучшее доказательство того, что этотъ органъ отнюдь не обладаетъ тѣмъ важнымъ значеніемъ, какое ему приписывали іатрохимики. Въ Англіи противъ іатрохимиковъ главнымъ образомъ выступили Rob. Boyle*** и Archibald Pitcairn.

Но основательнѣе, чѣмъ всѣми этими теоретическими разсужденіями, было поколеблено господство іатрохимическихъ и іатрофизическихъ ученій врачемъ, имя котораго принадлежитъ къ самымъ славнымъ въ нашей наукѣ: Thomas Sydenham'омъ.

---

* См. выше стр. 260.

** Ibidem.

*** Бойль особенно возсталъ противъ химической доктрины Сильвія о противоположности между кислотой и щелочью, утверждая, что предположеніе во всѣхъ тѣлахъ кислыхъ и щелочныхъ частей не надежно, понятіе объ ихъ роли произвольно и вся доктрина о нихъ неосновательна. Однакожъ, несмотря на всѣ возраженія, общее понятіе о такомъ отношеніи, какое предполагается между кислотою и щелочью, хорошо могло служить для выраженія многихъ химическихъ фактовъ и потому, доказываетъ Уэвелль, оно сильно утвердилось въ умахъ. По свидѣтельству только что упомянутаго автора оно принято въ *Химіи* Лемери, который, опредѣляя щелочи, какъ тѣла, производящія шипѣніе въ прикосновеніи съ кислотами, раздѣляетъ ихъ на минеральныя (сода), растительныя (поташъ) и летучія (амміакъ). Ред.

Sydenham.

130. Thomas Sydenham (род. въ 1624 г., умеръ 29 декабря 1689 г.), сынъ зажиточнаго помѣщика въ Windford-Eagle (графства Dorset), учился въ Оксфордѣ, а также въ Монпелье, очень долго подъ руководствомъ знаменитаго Barbeirac'а. Съ 1663 г. занимался медицинской практикой въ Вестминстерѣ, гдѣ онъ скоро достигъ большаго довѣрія и общаго уваженія.

Th. Sydenham, *Opera* Amstel. 1683. 8. и много друг. изд. Лучшія изданія; Лондонъ 1844. 8 1846. 8 (Sydenham Society).

Та поспѣшность и смѣлость, съ которыми іатрофизики и химіатрики, опираясь на нѣсколько скудныхъ физическихъ и химическихъ фактовъ, старались поставить медицину на степень точной науки, привели лишь къ возникновенію шаткихъ системъ. Прежняя почтенная опытность была заглушена хитроумными догматами: непреходящія ученія древнихъ пришли въ забвеніе. Среди этого безцѣльнаго стремленія впередъ необходимо было найти твердую точку опоры, около которой могли бы сосредоточиться болѣе благоразумные изслѣдователи. Это былъ несомнѣнный, хотя и благотворный шагъ назадъ, реакція, предпринятая въ духѣ гиппократизма.* Характерно, что толчекъ этой реакціи данъ былъ современникомъ и соотечественникомъ Бекона, другомъ Локка. Достойно примѣчанія также и то, что въ стремленіяхъ Sydenham'а ясно выступало вліяніе школы Монпелье. Исходной точкой и цѣлью своей дѣятельности Sydenham, подобно Парацельсу и Helmont'у, считаетъ реформу терапіи, которую онъ и старался осуществлять не отыскиваніемъ „арканъ", а изслѣдованіемъ

* Такимъ образомъ новая эпоха носила, какъ казалось, ретроградный характеръ. Такъ часто бываетъ въ исторіи. Возвращеніе къ старинѣ, говоритъ I. Lewes, есть подготовка къ будущему. Мы не можемъ сдѣлать большаго скачка съ того мѣста, гдѣ мы стоимъ; необходимо отойти на нѣсколько шаговъ назадъ, чтобы выиграть въ силѣ движенія. Ред.

„сути“ болѣзней путемъ тщательнаго наблюденія ихъ. На современныя ему теоріи Sydenham обращалъ мало вниманія. Химія для него представляется скорѣе лишь отраслью фармаціи.

Основная ошибка прежней медицины, по мнѣнію Sydenham'a, состояла въ томъ, что болѣзни считались за какіе то противоестественные, не подчиненные обычнымъ законамъ, процессы. Онъ же, наоборотъ, стремится къ тому, чтобы наблюдать и обрисовывать отдѣльныя формы („Species“) болѣзней съ такой же тщательностью, какъ это дѣлается ботаниками относительно растеній, хотя при этомъ онъ ясно высказываетъ мысль, что болѣзни отнюдь не представляютъ самостоятельныхъ индивидовъ, какъ растенія и животныя, но „что онѣ связаны съ жидкостями, которыя лежатъ въ основѣ ихъ происхожденія.“

Согласно гиппократовскимъ воззрѣніямъ, Sydenham описываетъ болѣзни, являющіяся въ опредѣленной формѣ и съ извѣстнымъ типомъ, какъ продуктъ двухъ факторовъ: первичнаго „возбужденія“ или „спецификаціи“ извѣстныхъ соковъ,—и цѣлебныхъ стремленій, направленныхъ къ удаленію болѣзненныхъ веществъ. Но изслѣдованіе послѣднихъ получаетъ такое первенствующее значеніе, что одно только и остается въ опредѣленіи болѣзни: Morbus nihil aliud est, quam naturae conamen, materiae morbificae exterminationem in aegri salutem omni ope molientis.“ Соотвѣтственно этому Sydenham ясно высказывается за положеніе своего великаго прототипа: νούσων φύσιες ἰατροί.

Одинъ изъ важнѣйшихъ отдѣловъ въ ученіи Sydenham'a составляютъ выясненіе острыхъ и хроническихъ болѣзней, различеніе которыхъ впервые у него получаетъ болѣе глубокое значеніе. Острыя болѣзни происходятъ отъ вредныхъ вліяній внѣшняго міра на до того здоровые организмы; отъ этого въ нихъ самопомощь природы слѣдуетъ быстро и энергично. Хроническія болѣзни, наоборотъ, зависятъ отъ измѣненій соковъ, (измѣненій) происходящихъ большею частью отъ діэтетическихъ погрѣшностей, слѣдовательно по собственной винѣ, и цѣлительная сила природы, вслѣдствіе неболь-

шой наклонности болѣзненныхъ веществъ къ выдѣленію, можетъ обнаруживаться лишь въ недостаточной степени: „Acuti ut plurimum Deum habent auctorem, chronici ipsos nos“.

Появленіе острыхъ болѣзней въ высокой степени зависитъ отъ вліянія временъ года. Яснѣе всего послѣднее выступаетъ въ перемежающихся лихорадкахъ, господствующихъ весною и осенью. Еще большее значеніе придаетъ Sydenham, и здѣсь слѣдуя Гиппократу, перемѣнамъ въ конституціи болѣзни. Многолѣтнія наблюденія привели его къ заключенію, въ настоящее время всѣми признаваемому, что эпидемическія болѣзни не зависятъ отъ перемѣны погоды и временъ года. За то онъ приписываетъ ихъ появленіе неизвѣстнымъ процессамъ внутри земли, процессамъ, которые влекутъ за собою загрязненіе атмосферы. Эта эпидемическая конституція слѣдуетъ опредѣленнымъ законамъ возрастанія, высшаго развитія и уменьшенія.

131. Самое общее дѣйствіе всякой конституціи болѣзни есть наступленіе „стаціонарной“ лихорадки, опредѣляющей какъ основной характеръ собственно эпидемическихъ, такъ и интеркурирующихъ заболѣваній. Многія изъ относящихся сюда замѣчаній Sydenham'а согласны съ опытомъ; но довольно часто, не смотря на его отвращеніе ко всякимъ гипотезамъ, онъ увлекается произвольнѣйшими предположеніями. Такъ, напр., нерѣдко лишь одновременное появленіе многихъ болѣзней онъ считаетъ достаточнымъ для доказательства ихъ тожества и, соотвѣтственно этому, выводитъ показанія для примѣненія одного и того же метода лѣченія.

Самая важная изъ основныхъ формъ эпидемическихъ болѣзней—„воспаленіе крови“. Его главными симптомами служатъ лихорадка и Crusta pleuritica; это воспаленіе можетъ, однакожъ, напр., при гнилой оспѣ, соединиться съ высокой степенью „разжиженія“ крови.

Въ рѣзкомъ контрастѣ съ его физіатрической точкой зрѣнія стоитъ очень энергичная терапія Sydenham'а. Важнѣйшимъ цѣлебнымъ средствомъ противъ „воспаленія крови“, лежащаго въ основѣ большинства острыхъ болѣзней, является кровопусканіе, которое, впрочемъ, допускается лишь у крѣп-

кихъ лицъ средняго возраста; при этомъ предписывается соотвѣтствующее діэтетическое содержаніе.—Арсеналъ лѣкарствъ у Sydenham'a составляютъ немногія вещества: рвотныя, ялаппа, каломель, нѣкоторыя слабительныя соли,—желѣзо, хина, гальбанумъ, asa foetida, опій, именно предложенный имъ Laudanum. Потогонныя средства,—которыми, слѣдуя совѣту химіатриковъ, сильно злоупотребляли,—почти совершенно отвергаются. Что тотъ-же врачъ, который считаетъ „природу" цѣлительницей болѣзней и отвергаетъ „arcana" парацельсистовъ и гельмонтіанцевъ, преисполненъ живѣйшимъ стремленіемъ къ отыскиванію специфическихъ средствъ, объясняется легко ученіемъ о происхожденіи большинства болѣзней изъ своеобразныхъ измѣненій соковъ. Большинство specifica Sydenham надѣется найти въ растеніяхъ, такъ какъ минеральныя вещества человѣческому организму слишкомъ гетерогенны, животныя-же слишкомъ родственны. Но единственнымъ дотолѣ извѣстнымъ специфическимъ средствомъ онъ, однако, считаетъ лишь въ то время введенную хинную корку.

Болѣе подробныя описанія Sydenham даетъ тѣмъ болѣзнямъ, которыя производятся эпидемической конституціей. Перемежающіяся лихорадки отличаются отъ остальныхъ лихорадочныхъ формъ лишь тѣмъ, что быстро обнаруживающіяся стремленія цѣлительной силы природы слѣдуютъ въ нихъ не постоянно, а съ промежутками.—Представителемъ болѣзней, основанныхъ на „воспаленіи крови", принимается „pleuritis", при которомъ примѣняются три—четыре кровопусканія, около 10 унцій. Подобнаго-же лѣченія требуетъ лихорадочный сочленовный ревматизмъ, febris erysipelatosa, ангина и скарлатинозная лихорадка; послѣдняя, по Sydenham'y, зависитъ отъ столь умѣреннаго „возбужденія" крови, что едва заслуживаетъ названія болѣзни. Оспа также зависитъ отъ „воспаленія крови"; лихорадка и сыпь суть проявленія цѣлительной силы природы: Въ тоже время носовое кровотеченіе и кровохарканіе Sydenham считаетъ составными элементами воспалительной конституціи болѣзни.

Вторая основная форма заболѣванія крови есть „слизистое состояніе"; ея главнымъ представителемъ служитъ „Pneumonia notha".

И въ отдѣлахъ о хроническихъ болѣзняхъ, мастерскія описанія которыхъ нерѣдко даетъ Sydenham, измѣненія крови играютъ не незначительную роль. Это относится, напр., къ истеріи и родственнымъ ей страданіямъ: хлорозу, послѣродовой лихорадкѣ и другимъ женскимъ болѣзнямъ, ипохондріи, пляскѣ св. Вита и эпилепсіи. Во всѣхъ этихъ заболѣваніяхъ, сообразно условію ихъ происхожденія и при извѣстныхъ показаніяхъ, примѣняются небольшія кропусканія, слабительныя средства и т. д.—Въ качествѣ самого надежнаго средства противъ ипохондріи и чахотки Sydenham рекомендуетъ верховую ѣзду.—Онъ даетъ мастерское описаніе подагры, бороться противъ которой совѣтуетъ преимущественно посредствомъ молочной діэты и тоническихъ, особенно хины.—Водянка лѣчится легкими слабительными и мочегонными, особенно щелочами.

Попытку Sydenham'a, какъ и всякую реакцію, можно упрекнуть въ одностороннемъ превозношеніи всего стараго и несправедливомъ осужденіи новаго. Съ успѣхами естественныхъ наукъ, даже съ пріобрѣтеніями современной ему практической медицины онъ, очевидно, былъ мало знакомъ. Существенная заслуга Sydenham'a состояла въ томъ, что онъ указалъ на значеніе конституціи болѣзни и ея перемѣнъ, хотя при этомъ онъ и допустилъ ошибку, преувеличивъ ея (конституціи) значеніе. Наибольшія заблужденія Sydenham'a вытекали изъ его воззрѣній на болѣзненное состояніе крови, именно на „воспаленіе“ послѣдней. Ибо на сколько похвальна была борьба съ примѣнявшимися чрезъ мѣру „противоядіями“ іатрохимиковъ противъ „гніенія“ и „злокачественности“, на столько же предосудительной является уступка, сдѣланная Sydenham'омъ противовоспалительному методу, и односторонность, съ которой онъ изгналъ изъ лихорадочной терапіи возбуждающій методъ.

Но всѣ эти ошибки не могутъ умѣньшить заслугъ Sydenham'a, оказанныхъ въ томъ періодѣ нашей науки, когда медицина сдѣлалась игрушкой столько же незрѣлыхъ, сколько смѣлыхъ гипотезъ. Заслуги эти заключаются въ томъ, что онъ вывелъ медицину изъ лабиринта системъ на путь трез-

ваго наблюденія и, указавъ на почтенный образъ почти забытаго великаго Косскаго реформатора, вдохнулъ въ послѣдующія поколѣнія врачей геній Гиппократа и уваженіе къ нравственному достоинству врачебнаго призванія.*

Пріобрѣтенія практической медицины.

132. Въ нѣсколькихъ словахъ слѣдуетъ упомянуть о нѣкоторыхъ сборникахъ, въ которыхъ съ прилежаніемъ, свойственнымъ XVII вѣку, сгруппированы наблюденія прежнихъ временъ. Къ знаменитѣйшимъ изъ этихъ сборниковъ принадлежатъ анатомическія, химическія, медико-практическія, хирургическія и литературно-историческія *Библіотеки*, изданныя женевскимъ врачемъ Jean Jacques Manget (1652—1742), и *Sepulchretum*, теперь еще не потерявшее значенія, изданное Théophile Bonet (1620—1689), лейбъ-медикомъ князя Невшательскаго (Genev. 1679. f. послѣдн. изд. Lugd. 1709. f.).

* Одинъ изъ молодыхъ врачей спросилъ Сиденгама, какихъ авторовъ нужно читать, чтобы сдѣлаться искуснымъ врачемъ. „Читайте, мой другъ, Донъ-Кихота“! отвѣчалъ знаменитый врачъ. Глубокій смыслъ этого отвѣта:—прилежное изученіе книгъ никогда не замѣнитъ собой ни наблюденія, ни опыта, безъ которыхъ нѣтъ ни медицинскаго искусства, ни настоящихъ врачей.—Сиденгамъ былъ прежде всего практикъ, великій практикъ—и въ тоже время одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ наблюдателей всѣхъ временъ, и какъ таковой, говоритъ Pagel, онъ получилъ, подобно всѣмъ великимъ людямъ, различную оцѣнку.—Подобно тому какъ новѣйшіе изслѣдователи находили у Гиппократа все, что они у него искали, точно также можно сказать, что всякое новое направленіе старалось доказать основательность своего ученія по Сиденгаму. Вотъ почему С. называютъ и реставраторомъ гиппократизма и представителемъ естественно-историческаго направленія въ медицинѣ, и даже предшественникомъ Радемахера! Только одни гомеопаты оставили его въ покоѣ. Въ настоящемъ году (29 декабря 1889)—минетъ ровно 200 лѣтъ со дня смерти Сиденгама. Ред.

Изъ существующихъ въ большомъ числѣ сборниковъ собственныхъ наблюденій ихъ авторовъ не могутъ быть преданы забвенію развѣ только тѣ, которые касаются патологической анатоміи. Самыя цѣнныя сочиненія такого рода вышли изъ школы Мальпигія и будутъ указаны въ другомъ мѣстѣ.

Изъ сочиненій, принадлежащихъ англійскимъ врачамъ. первое мѣсто занимаетъ изданное Christoph Bennet'омъ (род. около 1617 г., ум. въ 1655 г) *Theatrum tabidorum* (Lond. 1656. 8., послѣд. изд. Lips. 1760). Далѣе сюда принадлежитъ знаменитое сочиненіе Глиссона* о рахитѣ, обратившее вниманіе врачей на эту очень частую и важную болѣзнь дѣтскаго возраста, хотя она уже была описана нѣмецкимъ врачемъ Barth. Reusner еще въ 1582 г. и Arnold de Boot'омъ изъ Горкума въ Голландіи, врачемъ въ Лондонѣ; (маленькое, но превосходное сочиненіе, Lond. 1649. 12. Helmst. 1664. 4.) (Glisson, *De rhachitide*. Lond. 1660. 12. Посл. изд. Hag.—Com. 1682. 12).

Къ отличнымъ практикамъ этого времени принадлежитъ Richard Morton (ум. въ 1698 г.) въ Лондонѣ. Его важнѣйшія сочиненія касаются легочной чахотки, лихорадокъ и острыхъ сыпей (*Opera*. Genev. 1696. 4.; посл. изд. Lugd. 1737. 4) —Тоже относится и къ *Exercitationes* Richard Lister'а въ Лондонѣ (ум. въ 1711 г.), врача, получившаго извѣстность, благодаря изслѣдованіямъ англійскихъ цѣлебныхъ источниковъ. (Послѣдн изд. въ *Opera* Morton'а, 1696).

Изъ голландскихъ практиковъ этого періода особенно выдаются Pieterz Tulp, авторъ цѣнныхъ *Наблюденій*,** Isbrand van Diemerbroek (1609—1647), врачъ въ Нимвегенѣ, авторъ знаменитаго сочиненія о чумѣ (Arenaci (Arnheim) 1646. 4., *Opera*. Genev. 1687. 4.) и нѣкоторые наблюдатели тропическихъ болѣзней, особенно два врача, лейденскіе уроженцы: Iac. Bont, авторъ знаменитаго сочине-

* См. выше стр. 256.

** См. выше стр. 257.

нія о медицинѣ индусовъ, и Guill. Pois (Piso)—о состояніи медицины въ Бразиліи. (Оба произведенія вмѣстѣ: Amstel. 1658. f.).

Изъ нѣмецкихъ врачей второй половины XVII вѣка выдается Ioh. Iac. Wepfer (1620—1695), врачъ въ Шафгаузенѣ, именно своимъ сочиненіемъ объ апоплексіи (Scaphus. 1658. 8.; посл. изд. Amstel. 1724. 8) и своими опытами надъ различными ядами.

Трансфузія.

133. Сказки о возвращеніи молодости старикамъ посредствомъ впрыскиванія лѣкарствъ въ жилы или посредствомъ напитковъ, приготовляемыхъ изъ крови молодыхъ особъ,—встрѣчаются уже въ глубокой древности.

Мысль о дѣйствительномъ переливаніи артеріальной человѣческой крови впервые высказана въ очень рѣдкомъ, полномъ таинственности и невѣжества (geheimnisskrämerischen) сочиненіи Magnus Pegel'я профессора въ Ростокѣ (*Thesaurus rerum selectarum* s.l 1604. 4.). Несомнѣнныя извѣстія о производствѣ трансфузіи,—къ которой дали поводъ попытки инъекціи лѣкарствъ въ сосудистую систему, вскорѣ оставленныя,—встрѣчаются лишь въ 1656 г., когда въ Лондонѣ коммиссія изъ врачей предприняла рядъ переливаній на животныхъ. Вслѣдъ за тѣмъ Lower,* King и Coxe изобрѣли особые аппараты для переведенія крови изъ carotis, собственно изъ яремной вены, одного животнаго въ вену другаго животнаго.

Первое переливаніе крови съ благопріятнымъ исходомъ на человѣкѣ было произведено въ 1667 г. Jean Denis'омъ, профессоромъ въ Парижѣ, на одномъ анемичномъ мужчинѣ, впослѣдствіи на другихъ больныхъ еще семь разъ,—съ перемѣннымъ успѣхомъ. Послѣднее обстоятельство и трудности операціи послужили причиной, что она была забыта какъ во Франціи, такъ и въ Англіи, гдѣ она была 2 раза безъ успѣ-

* См. выше стр. 256.

ха предпринята скоро послѣ Denis'a King'омъ и Lower'омъ на одномъ душевно-больномъ; забыли о ней и въ Италіи, гдѣ Riva и Manfredi производили ее много разъ, и въ Германіи, въ которой ее предпринимали Kaufmann изъ Кюстрина и Purmann.

Введеніе новыхъ лѣкарствъ. Хинная корка. Ипекакуанна. Мышьякъ. Ученіе о цѣлебныхъ источникахъ. Фармація.

134. Уваженіе къ галеновской терапіи было уже сильно поколеблено въ XV вѣкѣ появленіемъ новой болѣзни, бывшей древнимъ такъ-же неизвѣстной, какъ и цѣлительная сила ртути при ней. Такой-же сильный ударъ этой терапіи нанесло введеніе хинной корки.

Въ 1638 г. супруга вице-короля перуанскаго, графа Cinchon, была излѣчена отъ упорной перемежающейся лихорадки давно знакомой туземцамъ хинной коркой. Juan del Vego, врачъ вице-короля, привезъ новое цѣлебное средство въ 1640 г. въ Испанію, откуда оно быстро распространилось по всей Европѣ. Въ протестантскихъ странахъ долгое время препятствовало распространенію „іезуитскаго порошка" то обстоятельство, что новое средство взято было главнымъ образомъ подъ покровительство іезуитовъ. Къ этому присоединились еще высокая цѣна лѣкарства, нерѣдко дурныя послѣдствія нецѣлесообразнаго его примѣненія, фальсификаціи и т. д. Не было также недостатка во врачахъ, которые боролись съ хиной потому, что она угрожала прекращеніемъ богатаго источника ихъ доходовъ. Съ другой стороны новому медикаменту помогало то, что вопросъ о способѣ его дѣйствія представлялъ открытое поле для теорій.—Іатрохимики объясняли дѣйствіе хинной корки способностью ея прекращать броженіе лихорадочныхъ веществъ; іатрофизики—улучшеніемъ то слишкомъ густой, то слишкомъ жидкой, но въ обоихъ случаяхъ подверженной стазамъ крови. Но самымъ ярымъ противникомъ хинной корки были, понятно, галенисты; во главѣ ихъ на этотъ разъ сталъ также парижскій факультетъ. Да и какъ они могли не бороться на жизнь и на смерть противъ arca-

num, уничтожавшаго лихорадку, не производя какихъ-либо выдѣленій испорченныхъ веществъ! Одинъ только врачъ, Ramazzini, высказываетъ надежду, что хинная корка со временемъ послужитъ для выясненія природы лихорадки. Онъ сравниваетъ переворотъ, произведенный ею въ медицинѣ съ тѣмъ, который вызванъ былъ въ военной наукѣ введеніемъ пороха.—Къ вліятельнѣйшимъ защитникамъ хины принадлежали Sydenham и Morton. Въ Германіи признаніе ея цѣлебнаго значенія было ощутительно замедлено авторитетомъ Stahl'я, который принесъ хину въ жертву своей системѣ. Рѣшительную побѣду одержала хина, благодаря сочиненію Torti, принятому во всей Европѣ съ величайшимъ одобреніемъ: *О періодическихъ лихорадкахъ* (Mutin. 1709. 8. Новѣйшее изданіе: Leodii, 1821. 8.).

Ближайшее къ хинѣ мѣсто среди лѣкарствъ, введенныхъ въ XVII вѣкѣ, принадлежитъ корню Ipecacuanha, въ которомъ пріобрѣли надежное рвотное средство, лишенное тѣхъ недостатковъ, которые были свойственны употреблявшимся до того времени минеральнымъ рвотнымъ, не исключая и тоже появившагося въ XVI вѣкѣ рвотнаго камня. Еще въ 1648 г. Guill. Pois* обратилъ вниманіе на частое употребленіе этого средства туземцами Бразиліи. Въ 1672 г. оно привезено было французскимъ врачемъ Le Gras въ Европу. Но стало оно общеизвѣстнымъ лишь въ 1686 г., послѣ того какъ Helvetius—сынъ, врачъ въ Гаагѣ, продалъ это—яко бы тайное—средство за 1000 луидоровъ Людовику XIV.

Третье лѣкарственное средство, пользовавшееся у народа съ давнихъ поръ высокимъ уваженіемъ и восхваленное парацельсистами, какъ одно изъ лучшихъ „arcana"—мышьякъ, употреблялось уже въ XVII столѣтіи снаружи какъ прижигающее, а англійскимъ врачемъ Fowler'омъ—и внутрь; но лишь въ настоящемъ вѣкѣ многостороннія цѣлебныя силы его достигли общаго признанія.

Свѣдѣнія о цѣлебныхъ источникахъ, подвинувшіяся впередъ еще въ XVI столѣтіи, благодаря Парацельсу

* См. выше стр. 292.

и его сторонникамъ, достигли еще большаго совершенства подъ вліяніемъ успѣховъ химіи въ работахъ Helmont'a, Rob. Boyle, Martin Lister'a и Urban Hjärne (1641—1724), лейбъ-медика въ Стокгольмѣ, разработавшаго источники Швеціи.

Наконецъ слѣдуетъ упомянуть о развитіи фармаціи, которое выразилось появленіемъ *Pharmakopoe* Ioh. Christian Schroeder'a (1600—1664), врача во Франкфуртѣ на Майнѣ (Ульмъ 1641. 4), особенно-же сочиненія, произведшаго эпоху: *De pharmacia moderno saeculo accommodata* (Гота, 1671. 12 и сл. изд.). Авторъ его—Daniel Ludwig изъ Веймара (1625—1680), впослѣдствіи лейбъ-медикъ въ Готѣ.

Хирургія.

135. Успѣхи хирургіи XVII вѣка стоятъ гораздо ниже таковыхъ же XVI столѣтія. Это объясняется отчасти тѣмъ, что интересъ врачей съ одной стороны былъ возбужденъ сильнымъ развитіемъ анатоміи и физіологіи, съ другой—теоріями іатрофизиковъ и іатрохимиковъ, отчасти—тѣмъ, что хирургія преимущественно находилась въ рукахъ „хирурговъ", изъ которыхъ лишь немногіе обладали способностями и склонностью къ научной разработкѣ своей спеціальности.

Менѣе всего это отношеніе замѣтно было въ Италіи, гдѣ съ давнихъ поръ въ большинствѣ университетовъ каѳедра хирургіи была соединена съ анатомической, и гдѣ именно въ XVII вѣкѣ основаны были особыя каѳедры оперативной хирургіи. Но и въ итальянской хирургіи все болѣе обнаруживается вызванный Paré перевѣсъ Франціи. Значеніе хирургіи особенно сильно возрасло послѣ произведенной на Людовикѣ XIV въ 1686 г. Felix'омъ de Tassy операціи фистулы прямой кишки.

Высокаго цвѣтущаго состоянія достигла хирургія XVII вѣка въ Голландіи, а особенно въ Англіи. По истеченіи короткаго времени англійскіе хирурги, благодаря своему общему образованію, основательному знанію анатоміи и практической подготовкѣ, пріобрѣли рѣшительный перевѣсъ

надъ господствовавшей до того времени французской школой. Въ нашемъ же отечествѣ хирургія, наоборотъ, все еще находилась почти исключительно въ рукахъ цирюльниковъ и спеціалистовъ-эмпириковъ. Еще Fr. Hoffmann считаетъ „недостойнымъ раціональнаго врача (medicus rationalis)—рѣзать, прижигать и прикладывать пластыри“.

Старѣйшій итальянскій хирургъ XVII столѣтія—Fabrizio ab Acquapendente.* Къ его хирургическимъ заслугамъ принадлежитъ возобновленіе трахеотоміи и усовершенствованіе радикальной операціи грыжъ устраненіемъ часто еще связанной съ нею кастраціи.—Рядомъ съ нимъ слѣдуетъ упомянуть Cesare Magati изъ Scandiano, близъ Реджіо въ Эмиліи (1579—1647 или 1648), профессора въ Феррарѣ, члена капуцинскаго ордена. Заслуги Magati состоятъ главнымъ образомъ въ упрощеніи лѣченія ранъ, особенно огнестрѣльныхъ и фистулезныхъ; это упрощеніе, рекомендованное еще древними, особенно испанскими хирургами, заключается, главнымъ образомъ, въ совѣтѣ - какъ можно рѣже мѣнять повязки. (*De rara medicatione vulnerum* и т. д Venet. 1616. 8 и сл. изд.)—Основныя положенія Magati нашли защитниковъ въ лицѣ Pietro de Marchetti (1589—1673), профессора въ Падуѣ, и особенно Dionisio Andrea Sancassini (1659—1738), соотечественника Magati.—Къ знаменитѣйшимъ хирургамъ этого періода принадлежитъ, далѣе Marc'Antonio Severino изъ Тарсіи, въ Калабріи, слава котораго привлекала врачей изъ всей Европы въ Неаполь. Его главное произведеніе: *De recondita abscessuum natura* (Neap. 1632. 4. и сл. изд.) обнимаетъ всевозможныя болѣзненныя образованія въ мягкихъ и твердыхъ частяхъ. Особенно замѣчательна настойчивая рекомендація ларинготоміи и трахеотоміи, къ производству которыхъ ему представила случай очень въ то время распространившаяся, имъ же и описанная, эпидемія дифтерита

Изъ французскихъ хирурговъ этого періода первое мѣсто занимаетъ Pierre Dionis, демонстраторъ анатоміи и

---

* См. выше стр. 200.

хирургіи въ Jardin des plantes, врачъ Людовика XV. Его *Cours d'operations de chirurgie* (Paris 1707. послѣд. изд. 1782. 8), плодъ 46-ти лѣтняго опыта, пользовался высокимъ уваженіемъ въ теченіи всего XVIII вѣка.—Какъ извѣстныхъ французскихъ хирурговъ этого времени можно упомянуть, далѣе, Barth. Saviard (1656—1702), Laurent Verduc (умеръ въ 1695 г.) и Jean Mery (1645—1722) въ Парижѣ.

Изъ значительнаго числа дѣльныхъ хирурговъ, на которыхъ въ этомъ періодѣ можетъ указать Голландія, особенно замѣчательны Tulp, van Horne, выдававшійся также какъ анатомъ,* van Solingen, Hendrik van Roonhuyze, Hendrik van Deventer и Palfyn, о заслугахъ котораго въ акуперствѣ мы скажемъ ниже,—далѣе Paul Barbette, открывшій hernia cruralis, Pieter Adriaansz Verduyn, одинъ изъ тѣхъ, которые заявляли претензію на изобрѣтеніе лоскутнаго сѣченія, и знаменитый литотомистъ Abraham Cyprianus; послѣдніе три—врачи въ Амстердамѣ.

Важнѣйшій изъ того незначительнаго числа образованныхъ хирурговъ, на которыхъ можетъ указать Германія XVII столѣтія—Wilhelm Fabry изъ Гильдена. близь Кельна, названный поэтому Fabriz von Hilden (Hildanus) (1560—1634), жившій въ Гильденѣ, Кёльнѣ, впослѣдствіи главнымъ образомъ въ Швейцаріи, въ Пайэрнѣ, Лозаннѣ, наконецъ, въ качествѣ городоваго врача, въ Бернѣ. (Полное собраніе его сочиненій вышло въ Лейпцигѣ въ 1682. f.)—Fabry von Hilden не былъ образованнымъ человѣкомъ, но посредствомъ желѣзнаго терпѣнія ему удалось вполнѣ уравновѣсить недостатки въ его научномъ образованіи и развиться до степени врача, хорошо знакомаго со всѣми отраслями практической медицины.—Другими извѣстными хирургами того времени считались: Malachias Geiger и Ioh. Schultes (Scultetus) въ Ульмѣ (1595—1645), авторъ очень распространеннаго, переполненнаго рисунками инструментовъ *Armamentarium chirurgicum* (Ulm. 1645. f. и нѣск.

---

* См. выше стр. 257.

издан.).--Далеко солиднѣе Matthias Gottfried Purmann изъ Любена въ Силезіи (1648—1721), съ 1675—прусскій полковой фельдшеръ, позднѣе городовой врачъ въ Ульмѣ, съ 1685—въ Бреславлѣ; особенно основательно образованный Ioh. von Muralt (1645—1733), профессоръ въ своемъ родномъ городѣ Цюрихѣ.—Ясную картину научныхъ успѣховъ обыкновенныхъ нѣмецкихъ хирурговъ этого времени даетъ изданное аугсбургцемъ Joseph Schmidt'омъ *Examen chirurgicum* (Augsb. 1644. 12).

Первый хирургъ, котораго исторія англійской хирургіи ставитъ рядомъ съ Ardern'омъ,*—John. Woodall, врачъ англійской (королевы Елизаветы) арміи, а впослѣдствіи—Варооломеевскаго госпиталя, авторъ сочиненія, небезъинтереснаго для исторіи ампутаціи.—Настоящимъ основателемъ славной исторіи англійской хирургіи надо считать Richard Wiseman'а, хирурга Якова I и II, сочиненіе котораго отличается богатымъ опытомъ и зрѣлымъ сужденіемъ. Особенную заслугу Visemann оказалъ хирургіи настойчивымъ совѣтомъ первичной ампутаціи при огнестрѣльныхъ поврежденіяхъ, лѣченіемъ аневризмъ и ученіемъ о „Fungus articulorum."

Пріобрѣтенія хирургіи въ XVII вѣкѣ.

136. Весьма значительныя услуги хирургіи были оказаны Magati** упрощеніемъ лѣченія ранъ, особенно огнестрѣльныхъ.--Къ самымъ частымъ операціямъ принадлежала трепанація, производившаяся не только при поврежденіяхъ черепа всякаго рода, костоѣдѣ черепныхъ костей и т. д., но и при мигрени, маніи и затянувшихся глазныхъ болѣзняхъ; случалось, у одного и того же больнаго ее производили по нѣскольку разъ (у принца Филиппа Вильгельма Оранскаго, напр., семнадцать разъ).

Значительныя заслуги въ ученіи объ ампутаціи оказали Wiseman и Fabry. Эта операція обыкновенно откладыва-

---

* См. выше стр. 170.

** См. выше стр. 296.

лась до наступленія омертвѣнія и, вопреки совѣту Paré, производилась въ области заболѣвшихъ частей. При содѣйствіи Wiseman'a все больше распространялась рекомендованная уже Botallo* первичная ампутація, а Fabry настаивалъ на производствѣ ея въ здоровыхъ частяхъ. Дальнѣйшимъ важнымъ шагомъ впередъ, относительно рѣдко предпринимавшейся прежними хирургами ампутаціи выше колѣна и локтя, было введеніе лоскутнаго сѣченія,** практиковавшагося уже, можетъ быть, византійцами. Этотъ методъ, на сколько существуютъ вѣрныя свѣдѣнія, впервые примѣненъ былъ въ 1679 г. Lowdham'омъ въ Оксфордѣ при ампутаціи голени, затѣмъ въ 1696 г. Pierre Sabourin'омъ въ Женевѣ и вскорѣ затѣмъ Muralt'омъ.*** Въ 1696 г. Verduyn**** опубликовалъ свой методъ лоскутнаго сѣченія, не зная о попыткахъ своихъ предшественниковъ.—Особое вниманіе многіе хирурги того времени обращали на предупрежденіе и устраненіе кровотеченія при ампутаціи. Уже Archigenes***** перетягивалъ съ этой цѣлью членъ выше операціоннаго поля или перевязывалъ также главную артерію; Paré предписываетъ для уменьшенія болей и кровотеченія перетягивать больную конечность выше операціоннаго поля. Fabry подводитъ подъ перетягивающую членъ повязку кусокъ дерева,—первый намекъ на изобрѣтенный въ 1674 г. Morel'емъ палочный турникетъ, замѣненный въ 1718 г. винтовымъ турникетомъ Petit'a. Важнѣйшія улучшенія, вызванныя въ ампутаціи введеніемъ этого инструмента, состояли въ уменьшеніи артеріальнаго, отчасти и венознаго кровотеченія, въ устраненіи styptica и каленаго желѣза и возможности пользоваться любымъ количествомъ мягкихъ частей, для непосредственнаго соединенія операціонной раны.

Въ очень плохомъ состояніи еще долго находилось уче-

---

* См. выше стр. 221.

** См. — — 109.

*** См. — — 298.

**** См. — — 297.

***** См. — — 109.

ніе о грыжахъ. При лѣченіи послѣднихъ на первомъ планѣ все еще стояла радикальная операція. Franco считаетъ послѣднюю при одностороннихъ грыжахъ обязательной, между тѣмъ Paré, еще болѣе его ученикъ Pigray* отвергаютъ какое-бы то ни было радикальное лѣченіе. Важный шагъ впередъ представляло введеніе Nicol. Lequin'омъ, эластическихъ бандажей, снабженныхъ стальными пружинками, усовершенствованныхъ позднѣе, особенно Camper'омъ и Iuville'мъ.—Болѣе точныя изслѣдованія анатомическихъ отношеній грыжъ были сдѣланы лишь къ концу XVII столѣтія. Но хотя уже Nuck показалъ, что всѣ грыжи покрыты брюшиной, даже Petit все еще стоялъ за „разрывъ". Дальнѣйшее пріобрѣтеніе ученія о грыжахъ состояло въ открытіи бедренныхъ грыжъ Verheyen'омъ; за тѣмъ вскорѣ послѣдовало открытіе грыжъ желудка, мочеваго пузыря и т. д.—Ущемленныя грыжи, къ которымъ, вѣроятно, относится значительная часть случаевъ, описанныхъ какъ „Jleus", считались большинствомъ хирурговъ за noli me tangere. Первое упоминаніе объ оперативномъ лѣченіи ихъ встрѣчается у Franco. Но даже послѣ того, какъ Paré описалъ эту операцію, даже такіе хирурги, какъ Fabrizio—ограничивались попыткой уничтожить ущемленіе встряхиваніемъ за ноги больнаго, лежавшаго внизъ головой.

Любимая хирургами операція камнесѣченія существенно улучшилась введеніемъ—литотомистомъ Beaulieu (первоначально Baulot) (1651—1714), человѣкомъ благороднѣйшаго характера,—„sectio lateralis" (разрѣзъ по желобоватому зонду по лѣвой сторонѣ промежности, косвенно между швомъ и tuber ischii, съ разрѣзомъ части мочеиспускательнаго канала, простаты и шейки пузыря). Посредствомъ этой операціи, произведенной Beaulieu 4500 разъ съ успѣхомъ, удалось удалять и очень большіе камни.

Въ высокой степени интересно совпадающее съ этимъ періодомъ начало возобновленіе литотрипсіи. Вѣроятно, уже александрійскіе литотомисты производили раздробленіе очень

---

* См. выше стр. 225.

большихъ камней чрезъ операціонную рану. Камни мочеиспускательнаго канала у женщинъ удалялись безкровно.— Свѣдѣнія о литотрипсіи,* встрѣчающіяся уже у византійцевъ, перешли отъ нихъ къ арабамъ.** Въ новѣйшее время о ней упоминаютъ Benedetti (до 1502 г.) и Santoro, изобрѣвшій инструментъ для безкровнаго удаленія камней мочеваго пузыря, не примѣнивъ его, вѣроятно, никогда.—Самое раннее несомнѣнное извѣстіе о производствѣ литотрипсіи встрѣчается у Antonio Ciucci, хирурга въ Римѣ и Macesata (*Promtuarium chirurgicum* Macer. 1679), который самъ былъ освобожденъ отъ камня хирургомъ Bonajuto въ три сеанса.

Несовершенное состояніе, въ которомъ находилась офталмологія еще въ XVII вѣкѣ, особенно обнаруживается въ незначительномъ объемѣ и ничтожномъ содержаніи опубликованныхъ въ это время офталмологическихъ сочиненій. Работы въ этой области, появившіяся въ концѣ этого столѣтія, будутъ разобраны ниже въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ.

Акушерство. Дѣтскія болѣзни.

137. Развитію акушерства въ XVII столѣтіи много способствовали тщательность, съ которой, главнымъ образомъ, французы занимались этой спеціальностью, затѣмъ устройство школы для акушерокъ въ Hôtel—Dieu, въ Парижѣ. Многія воспитанницы этого учрежденія, напр. Louise Bourgeois (названная Boursier), ученица Paré, и въ концѣ столѣтія Marguerite de la Marche—оказывали значительное вліяніе и въ качествѣ писательницъ. Важнѣйшіе французскіе акушеры XVII столѣтія суть Franc Mauriceau изъ Парижа (1637—1709), авторъ перваго полнаго руководства по акушерству (Парижъ, 1688. 4. и сл. многочисленныя изданія и переводы),—Paul Portal изъ Монпелье,—Phil. Peu (ум. въ 1707 г.),—Pierre Amand (ум въ 1720 г.), оба

* См. выше стр. 107.

** См. выше стр. 135.

врачи въ Парижѣ,—Pierre Dionis,*—Guill. Mauquest de la Motte, оказавшiй значительныя услуги ученiю объ узкомъ тазѣ и поворотѣ.

Рядомъ съ этими французскими акушерами стоятъ нидерландскiе, именно Hendrik van Roonhuyze въ Амстердамѣ (ум. въ 1672 г.), Cornelis Solingen въ Гаагѣ,—Hendrik van Deventer (1651—1724), бывшiй первоначально золотыхъ дѣлъ мастеромъ, основатель ученiя о тазѣ и ортопедiи.

Въ Германiи, наоборотъ, пробужденiе общественнаго попеченiя о беременныхъ и роженицахъ обнаруживается лишь въ концѣ столѣтiя появленiемъ многочисленныхъ постановленiй и книгъ для акушерокъ. Къ этому времени относится очень дѣльное сочиненiе Iustine Sigmundin: *Chur-Brandenburgische Hof-Wehe—Mutter* (Кельнъ на Шпрее, 1690. 4 и сл. изд.)—Извѣстнаго, учившагося въ Голландiи и Парижѣ, представителя этой спецiальности можетъ въ этомъ перiодѣ выставить и Швецiя: Iohann van Hoorn (1661—1724), врача въ Стокгольмѣ. Наоборотъ, изъ многихъ англiйскихъ акушерскихъ книгъ этого перiода обнаруживается несовершенное состоянiе акушерства въ этой странѣ.

Крайне скудная литература XVI вѣка по педiатрiи въ теченiе XVII столѣтiя значительно увеличилась въ объемѣ, но мало—во внутренней стоимости. Рядомъ съ относящимися сюда замѣчанiями у De le Boë, придающаго слишкомъ большое значенiе болѣзненному образованiю кислотъ, заслуживаютъ вниманiя главнымъ образомъ знаменитое сочиненiе Glisson'а о рахитѣ, заслуги Deventer'а въ ортопедiи и многочисленныя, вызванныя большими эпидемiями скарлатины и дифтерита, сочиненiя объ этихъ болѣзняхъ. Полное значенiе придается педiатрiи впервые въ сочиненiи, написанномъ по инициативѣ Sydenham'а Walter Harris'омъ въ Лондонѣ: *Tractatus de morbis acutis infantum* (London. 1689. 8 и сл. изд. Также на французскомъ и нѣмецкомъ).

---

* См. выше стр. 296.

Восемнадцатый вѣкъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Философія.

138. Восемнадцатое столѣтіе замѣчательно проявленіемъ самыхъ рѣзкихъ противоположностей въ областяхъ политики, религіи и науки. Состояніе, созданное во Франціи Людовикомъ XIV, казалось многимъ, особенно маленькимъ нѣмецкимъ властителямъ—идеаломъ государственнаго управленія. Противъ вторгавшейся изъ Франціи безнравственности стояла простая честность и строгое воспитаніе Фирдрихъ-Вильгельма I-го. Матеріализмъ XVII вѣка усилился въ XVIII до цинизма, скрытаго часто подъ приличной внѣшностью. Съ другой стороны, въ вѣкѣ „просвѣщенія"—суевѣріе, духовидѣніе и т д. нашли такое распространеніе, какъ едва-ли когда либо раньше. Подобные же контрасты обнаруживаетъ и литература. Народъ, особенно въ нашемъ отечествѣ, едва-ли зналъ другія сочиненія, кромѣ календарей, библіи и собранія проповѣдей. Нѣмецкая сцена сдѣлалась ареной грубыхъ шутокъ скомороховъ и безсмысленныхъ пастушескихъ піесъ, французская—одѣтой въ пороки трагической музы Корнелля, Расина и Вольтера. Въ то время, когда Германія наслаждалась риѳмоплетствомъ силезійцевъ и готшедской школы, многіе вмѣстѣ съ великимъ Фридрихомъ считали появившіяся какъ разъ тогда нѣмецкія героическія пѣсни безвкусными продуктами грубаго вѣка. Даже оживленная вновь Haller'омъ серьезная поэзія, воспѣтое имъ величіе Альповъ, простота нравовъ швейцарскихъ пастуховъ, описаніе Руссо простыхъ дѣтей природы—способствовали основанію богатой слезами эпохи „сентиментализма". Какъ могущественно въ сравненіи съ этимъ поднялся нѣмецкій духъ въ Лессингѣ, Гёте и Шиллерѣ, въ оживленной вновь Винкельманномъ,

Carstens'омъ любви къ искусству древности, въ великолѣпныхъ композиціяхъ Генделя и Баха!

Начинающійся въ XVI вѣкѣ, все болѣе возрастающій перевѣсъ германскихъ племенъ сначала Англіи, затѣмъ Нидерландовъ, наконецъ Германіи, обнаруживается въ области духовной жизни и внѣшними признаками,—основаніемъ многихъ германскихъ университетовъ. Во главѣ ихъ стоятъ Галле и Геттингенъ. Оба получили важное значеніе для развитія естествознанія и медицины.

Движеніе въ области философіи, проявившееся въ XVIII вѣкѣ, представляетъ продолженіе XVII: за сенсуализмомъ Локка слѣдовали матеріализмъ Condillac'а и дѣйствовавшіе въ его духѣ представители „просвѣщенія“: французскіе „энциклопедисты“. Своего апогея это направленіе достигло въ *Système de la nature Holbach'а* и въ *L'homme machine* La Mettrie.

Въ это же время въ Германіи Лейбницемъ былъ совершенъ одинъ изъ величайшихъ переворотовъ въ области философіи. Глубина и ясность его ученія имѣютъ свои корни въ его основательномъ знаніи математики, естественныхъ наукъ и медицины.

Исходнымъ пунктомъ идеальной философіи Лейбница служитъ ученіе о „субстанціи“. Субстанція есть живая сила, представленіе и дѣятельность. Міръ состоитъ изъ безконечныхъ и вѣчныхъ „субстанцій“, „монадъ“, „метафизическихъ точекъ“, „идеальныхъ атомовъ“. На мѣсто положенія Декарта: „сумма матеріи неизмѣнна“, Лейбницъ выставилъ другое, господствующее теперь въ естественной наукѣ: „сумма силъ неизмѣнна“. Монады представляютъ рядъ развитія, идущій отъ низшихъ до высшихъ степеней. Ихъ дѣятельность состоитъ въ представленіяхъ, во всякихъ подраздѣленіяхъ безсознательнаго и яснаго. Тѣла суть „комплексы монадъ“. Всего ниже стоятъ „спящія“ монады, такъ называемой мертвой природы. Организованныя тѣла обладаютъ „центральной монадой“, поднимающейся чрезъ всѣ степени безсознательнаго и сознательнаго состояній до высшаго совершенства. Существованіе конечныхъ монадъ влечетъ за

собою, какъ необходимое слѣдствіе, допущеніе безконечной «Monas monadum»: Бога, безконечное бытіе котораго отражается во всякой отдѣльной монадѣ. Отсюда міръ есть одушевленное цѣлое, организмъ, состоящій изъ безчисленныхъ чувствующихъ и представляющихъ существъ; словомъ—дѣятельность, жизнь и душа.

Идеализмъ Лейбница не могъ пріобрѣсти вліянія въ естественныхъ наукахъ рядомъ съ матеріализмомъ, достигшимъ, благодаря Декарту, преобладанія. За то онъ нашелъ обширное примѣненіе въ медицинѣ, въ „анимизмѣ" Сталя. Ученіе Лейбница было закончено Christian Wolfомъ (1679—1754) изъ Бреславля, профессоромъ въ Галле и Марбургѣ, впослѣдствіи канцлеромъ университета въ Галле. Главный предметъ Лейбницъ—Вольфовой системы составляетъ натурфилософія съ послѣдовательнымъ проведеніемъ телеологическаго принципа.*

Естественныя науки.

139. Не менѣе блестящіе успѣхи сдѣлали въ XVIII вѣкѣ естественныя науки. Физика не только обогатилась, главнымъ образомъ въ области электричества, проложившими новую дорогу открытіями Гальвани и Вольты, въ области оптики—работами Ньютона и т. д., но она, при помощи Эйлера, вступала во все болѣе и болѣе тѣсную связь съ математикой.

* Эта „глубокая и ясная" теорія Лейбница—носитъ на себѣ несомнѣнно слѣды древней атомистики, только на мѣсто матеріальныхъ атомовъ—выступаютъ духовныя, метафизическія монады. Но преимущество монадъ Лейбница передъ атомами Демокрита, Лукреція и Эпикура—заключается въ томъ, что первыя дали возможность создать ихъ автору теорію „предъустановленной гармоніи". Монады обладаютъ представленіями, содержаніе которыхъ—то богатое, то бѣдное—находится въ вѣчной связи, въ совершенной гармоніи, предъустановленной прежде начала временъ и сохраняемой монадами при всевозможныхъ перемѣнахъ ихъ состояній Ред.

Химія до начала XVIII вѣка была ничѣмъ инымъ,—какъ безпорядочнымъ собраніемъ эмпирическихъ наблюденій. Первый шагъ къ научному обоснованію ея сдѣланъ Сталемъ установленіемъ „флогистической системы", которая, не смотря на ея основную ошибку, имѣла ту заслугу, что приводила къ одной основной причинѣ всѣ важнѣйшіе процессы. На медицину химія, однако, еще долго оказывала лишь незначительное вліяніе. Именно, въ медицинской системѣ Сталя, считавшей конечной причиной жизни душу, не было мѣста для химіи. Лишь въ концѣ XVIII вѣка, съ открытіемъ кислорода, химія снова вступила въ тѣснѣйшую связь съ медициной.

Относительно описательнаго естествознанія достаточно указать на Werner'a, основателя научной минералогіи, и Линнея, творца искуственной классификаціи растеній.

Медицина.

Преподаваніе медицины. Внѣшнее положеніе врачебнаго сословія.

140. Въ Италіи медицина еще въ продолженіи всего XVIII вѣка находилась въ цвѣтущемъ состояніи, но уже главнымъ образомъ во второй половинѣ столѣтія явились несомнѣнные предвѣстники ея паденія. Франція удерживала свою прежнюю славу, особенно въ хирургіи и акушерствѣ. Но и здѣсь внѣшній блескъ царствованія Людовика XV едва могъ прикрывать начинающійся упадокъ. Одной изъ главныхъ причинъ послѣдняго служило тщеславное самодовольство французовъ, ихъ равнодушіе къ заграничнымъ трудамъ, именно англійскимъ и нѣмецкимъ.

Въ Англіи, наоборотъ, медицина въ XVIII столѣтіи представляетъ утѣшительный видъ. Въ высокой степени этому способствовали врожденная серьезность англійскаго характера, благосостояніе народа, благопріятное, часто блестящее внѣшнее положеніе врачей.—Центръ тяжести научной жизни лежалъ въ первую половину XVIII вѣка безспорно въ Нидерландахъ. Лейденскій медицинскій факультетъ

былъ знаменитѣйшимъ въ Европѣ. Со смертью Boerhaave'а его звѣзда, правда, начала меркнуть; но она была перенесена двумя его питомцами Haller'омъ и Swieten'омъ въ два нѣмецкіе университета Геттингенъ и Вѣну.

Хуже всего втеченіи долгаго времени представлялось образованіе врачей въ большинствѣ нѣмецкихъ университетовъ. Преподавательскія средства медицинскихъ учрежденій были скудны, вознагражденіе профессоровъ ничтожно; большинство ихъ были вынуждены обременять себя лекціями часто по различнымъ спеціальностямъ. Не мало факультетовъ смотрѣло на удостоиваніе докторской степени, какъ на одинъ изъ доходнѣйшихъ источниковъ. Даже императорскіе пфальцграфы имѣли право раздавать ее. Естественнымъ слѣдствіемъ этихъ отношеній было очевидное пониженіе образовательнаго уровня врачей. Многія государства, напр. Пруссія, (1798) были вынуждены вводить особый государственный экзаменъ для врачей.

Гораздо благопріятнѣе судьбы большинства врачей было положеніе аптекарей. Съ ихъ богатыми доходами,—источникъ которыхъ заключался въ господствовавшей полифармаціи и страсти врачей къ сложнымъ лекарствамъ,—въ рѣзкомъ противорѣчіи стояло ихъ исключительно ремесленное образованіе.—Въ самомъ высокомъ, цвѣтущемъ состояніи находилось медицинское шарлатанство. Даже ужасное ремесло палачей пользовалось многократно у высшихъ и низшихъ особымъ довѣріемъ, особенно въ хирургическихъ случаяхъ.

Поворотъ въ развитіи научной жизни въ Германіи представляетъ основаніе Геттингенскаго университета (1737). Онъ былъ предназначенъ не только для удовлетворенія потребностей въ проповѣдникахъ, профессорахъ, судьяхъ и врачахъ, но для служенія наукѣ, какъ таковой. Не смотря на всѣ препятствія, которыя остальные нѣмецкіе университеты противопоставляли ему изъ ревности, новое учрежденіе поднялось до степени первой нѣмецкой высшей школы. Самымъ блестящимъ украшеніемъ ея былъ великій Haller. Нѣсколько позже вѣнскій медицинскій факультетъ, не имѣвшій до того времени никакого значенія, развился, благодаря

van Swieten'у, въ одинъ изъ важнѣйшихъ разсадниковъ медицинской науки.

Медицинскіе систематики.

Boerhaave.

141. Открытіе Гарвея привело къ общему убѣжденію въ необходимости научной разработки медицины. Во многихъ отдѣлахъ анатоміи и физіологіи было положено основаніе зданію, обѣщавшему прочное существованіе; практическая же медицина, вслѣдствіе поспѣшнаго примѣненія физики, еще болѣе химіи, переродилась почти въ каррикатуру. Но могучій призывъ Sydenham'а вызвалъ къ новой жизни незабвенный образъ великаго Гиппократа.—Какъ ни признавали именно эту заслугу всѣ проницательные люди, однако не могло быть сомнѣнія, что Sydenham не понялъ стремленія своего времени—дать медицинѣ физіологическое основаніе. Теперь, наконецъ, поняли, что сколь необходимо упрочить за медициной практическія пріобрѣтенія, накопленныя въ теченіи двухъ тысячъ лѣтъ, столь же настоятельно сдѣлать ее участницей богатства которымъ она обязана успѣхамъ естественныхъ наукъ—анатоміи и физіологіи.

Это была цѣль, которую имѣли въ виду трое врачей: Boerhaave, Hoffmann и Stahl. Дѣятельность первыхъ двухъ въ существенныхъ чертахъ носитъ еще посредническій характеръ. Boerhaave, при попыткѣ согласовать гиппократизмъ съ требованіями физіологіи, стоитъ на іатрофизической точкѣ зрѣнія, основанной Декартомъ. У Hoffmann'а рядомъ съ послѣдней уже выступаетъ ясно выраженный динамизмъ. Въ системѣ Сталя послѣдній достигаетъ единодержавія.

Hermann Boerhaave (1668—1738), сынъ одного сельскаго священника близь Лейдена, учился сперва богословію. Но уже съ дѣтскаго возраста, вслѣдствіе застарѣлаго страданія ноги, онъ принялся за изученіе медицины. Его воззрѣнія, уклонявшіяся отъ господствующаго ортодоксаль-

наго направленія, заставили его отказаться отъ духовнаго званія и избрать врачебную дѣятельность. По истеченіи короткаго времени Boerhaave, какъ врачъ и учитель, имѣлъ такой успѣхъ, что былъ назначенъ профессоровъ въ Лейденъ*. Обширныя научныя познанія, особенно по ботаникѣ и химіи, связанныя съ непоколебимою честностью, искренней набожностью, личною любезностью и выдающимися преподавательскими способностями, доставили его лекціямъ, особенно его клиническому преподаванію, славу, перешедшую за предѣлы Европы. Его знаменитыя *Institutiones* (L. B. 1708. 8) и *Aphorismi*** (L. B 1709. 8)—долгое время составляли основу медико-практическаго преподаванія.

Важнѣйшимъ руководителемъ въ лабиринтѣ медицинскихъ системъ—Boerhaave считаетъ исторію медицины. Изъ древнихъ онъ особенно почитаетъ Гиппократа и Аретея; изъ новѣйшихъ—Sydenham'а. Но насколько онъ согласенъ съ послѣднимъ въ томъ, что считаетъ образцомъ практической дѣятельности врача—великаго Косца, на столько же рѣшительно стоитъ въ противорѣчіи (съ Сиденгамомъ) въ томъ, что ожидаетъ научнаго обоснованія медицины только отъ анатоміи и физіологіи.

> Медицина, т. е. знаніе тѣхъ условій, при примѣненіи которыхъ сохраняется здоровье,—или болѣзненное состояніе приводится къ первоначальной нормѣ здоровья—основывается на двухъ краеугольныхъ камняхъ:

* В. одновременно преподавалъ методологію, физіологію, общую патологію, частную патологію, хирургію, офталмологію, фармакологію, химію, ботанику,—представляя, так. образ., въ лицѣ своемъ цѣлый медицинскій факультетъ. При этомъ онъ еще имѣлъ громаднѣйшую медицинскую практику!... Ред.

** Т. е. 1) *Institutiones medicae in usus annuae exercitationis domesticos digestae.*—2) *Aphorismi de cognoscendis et curandis morbis in usum doctrinae medicae.* Имѣющійся у меня экземпляръ *Institutiones*—снабженъ слѣдующимъ прибавленіемъ къ заглавію: Sumtibus Imperialis cancellariae *Medicae Rossicae* in usum juventutis nosocomicae. Ред.

1) *Accuratissima observatio eorum phaenomenum, quae in homine sano, aegroto, moriente, mortui cadavere, sensibus externis apparent*; и

2) *Severa indigatio illorum, quae in homine latent sensibus abscondita, vel quae facienda sunt in eventum prefixum.* Boerhaave исходитъ изъ того, что все знаніе и вся дѣятельность врача основаны на чувственномъ наблюденіи; но что психическіе процессы такъ-же недоступны физическому методу, какъ „начальныя физическія и конечныя метафизическія причины".—Всѣ органическіе процессы зависятъ, въ концѣ концовъ, отъ движеній по неизмѣннымъ законамъ твердыхъ и жидкихъ тѣлъ. Химическія свойства послѣднихъ имѣютъ для физіологіи и патологіи лишь небольшое значеніе, для терапіи же—никакого.

Мельчайшія части животнаго тѣла суть замкнутыя пустыя пространства, наполненныя жидкостью „Vasa" (клѣтки) и—„Fibrae". Послѣднія происходятъ такимъ образомъ, что содержимое „vasa" исчезаетъ, и стѣнки ихъ спадаются (ложатся одна на другую). Пищевареніе, дыханіе, питаніе суть исключительно механическіе процессы, хотя весьма сложные. [Всѣ химическія гипотезы—пищеваренія, дыханія и проч —*damnosae dum regulas dant faciendae medicinae*]. Движеніе мускуловъ возбуждается производимой въ головномъ мозгу нервной жидкостью, „Nerven-Fluidum" [succum subtillissimum=одушевленная кровь].—Болѣзнь происходитъ вслѣдствіе отсутствія условій для нормальныхъ движеній и отъ остановки послѣднихъ*. Основныя формы заболѣванія твердыхъ образованій суть уменьшеніе и увеличеніе ихъ напряженія; болѣзни же жид-

* Вообще здоровьемъ называется способность организма совершать правильно всѣ дѣятельности (функціи); болѣзнь есть такое состояніе, гдѣ эта способность болѣе или менѣе подавлена.

Болѣзни раздѣляются на: 1. Morbi partis solidae simplicis organicaeve; 2. Humorum morbi, horum naturam, copiam, accidentia spectantes; 3. Morbi ex his binis compositi.

Далѣе слѣдуетъ уже подробная классификація этихъ отдѣловъ.

Ред.

кихъ: плетора, анемія и какохимія. Послѣдняя объясняется, въ свою очередь, ненормальностями соковыхъ атомовъ, напр. превращеніемъ ихъ изъ шаровидной въ угловатую форму.— Важнѣйшіе виды болѣзненнаго движенія суть воспаленіе и лихорадка. Первое происходитъ отъ тренія крови, застоявшейся въ мельчайшихъ канальцахъ; лихорадка—отъ „вялости и уплотненія“ „Nerven-fluidum“, вліяющаго на движенія сердца. Постояннѣйшій симптомъ лихорадки есть увеличенная частота пульса; повышеніе температуры, потъ и т. д. зависятъ отъ реакціи сердца на встрѣчаемыя сопротивленія, отъ усиленнаго тренія крови о сосудистыя стѣнки и т. д.

Задача терапіи* состоитъ въ направленіи дѣятельности природы, въ умѣреніи и возбужденіи ея. Важнѣйшими средствами для этой цѣли служатъ соотвѣтствующая діэта, движеніе и употребленіе немногихъ, но испытанныхъ лекарствъ.

Историческое значеніе Boerhaave основано не на его систематической доктринѣ, но на томъ, что онъ выступилъ устно и письменно за точную разработку медицины и внушилъ убѣжденіе въ этой необходимости многочисленнымъ ученикамъ, между которыми были такіе люди, какъ Haller, van Swieten, de Haën и Pringle, имена которыхъ принадлежатъ къ самымъ блестящимъ въ исторіи нашей науки

Hoffmann.

142. Friedrich Hoffmann (1660—1742), изъ Галле, былъ приглашенъ въ 1693 первымъ профессоромъ въ новооткрытый въ родномъ городѣ университетъ, въ которомъ, за исключеніемъ 3-хъ лѣтъ, проведенныхъ при дворѣ въ Берлинѣ, Гофманнъ до самой смерти предавался обширнѣйшей академической и практической дѣятельности. Главными его произведеніями считаются *Medicina rationalis systematica* (Hal. 1718—1740. 4. 9 т.) и *Medicina consultatoria* (1721—1739. 4. 12 т.);

* В. формулируетъ эту задачу такъ: 1) Conservare vitam, 2) Tollere causas morbi, 3) Auferre ipsum morbum, 4) Abigere effectus morbi praesentes. Ред.

Opera. (Женева. 1748—1753. f. 8. т.). Boerhaave ограничился механическимъ разъясненіемъ жизненныхъ процессовъ; Hoffmann считаетъ жизнь процессомъ, основаннымъ какъ на матеріальныхъ, такъ и динамическихъ факторахъ. Элементарнымъ образованіемъ животнаго тѣла, Hoffmann считаетъ „Fibra"; ея основнымъ свойствомъ—„Tonus" т. е. способность сокращаться и расширяться. Но эта способность не есть первоначальное свойство „Fibra", но получается послѣдней отъ нервной жидкости—„Nerven—Fluidum", которая, въ свою очередь, есть часть міроваго эфира.*—Большіе недостатки этого ученія не нуждаются въ доказательствѣ. Патологія, основанная на немъ, въ сущности есть только повтореніе древняго ученія методиковъ о „strictum" и „laxum", съ той только разницей, что Hoffman считаетъ ненормальныя состоянія „Fibra" не первичными явленіями, а послѣдствіями скопленія, застоевъ и т. д. „нервной жидкости".

Уклоненія „тонуса" обнаруживаются въ системѣ движенія судорогами и параличами, въ чувствительной сферѣ—болью и анэстезіей. Кромѣ соотвѣтствующихъ страданій мускуловъ и нервовъ сюда особенно принадлежатъ воспаленіе и лихорадка. Воспаленіе зависитъ отъ спазма сосудовъ, производящаго гиперемію и застой. Лихорадка обусловливается общимъ состояніемъ подобнаго же характера; результатомъ этого состоянія съ одной стороны является усиленная и ускоренния работа сердца, съ другой—увеличеніе сопротивленія въ капиллярахъ. Существеннымъ симптомомъ лихорадки Hoffmann, подобно Boerhaave'у, считаетъ учащеніе пульса. Исходной точкой лихорадки служитъ либо первичное, либо сочувственное пораженіе спиннаго мозга. Цѣлебное дѣйствіе лихорадки есть только случайная особенность ея вліянія.

Рядомъ съ этими аномаліями твердыхъ образованій система Гоффмана допускаетъ и участіе измѣненій соковъ. Эти измененные соки дѣйствуютъ своими кислыми, гнилостными свойствами и т. д., либо какъ причины болѣзни, либо они сами являются продуктами застоя вслѣдствіе атоніи.

---

* См. примѣч. на стр. 266. Ред.

Въ этіологіи Гоффмана, кромѣ діэтетическихъ, метереологическихъ и эпидемическихъ вліяній, играютъ еще извѣстную роль небесныя и подземныя (astralische und diabolische) вредоносныя причины. Къ важнѣйшимъ причинамъ болѣзней, особенно хроническихъ, Hoffmann (въ этомъ случаѣ,—согласно съ Сталемъ) причисляетъ плетору—plethora abdominalis.

Слабыя стороны теоріи Гоффманна не умаляютъ большихъ заслугъ, оказанныхъ имъ практической медицинѣ. Онѣ основаны на прочномъ знаніи химіи, богатомъ опытѣ и трезвомъ сужденіи. Медицина Гоффманна есть медицина здраваго человѣческаго смысла. Особенно похвально стремленіе придать надлежащее значеніе патологической анатоміи, преимущественно измѣненіямъ слизистой оболочки кишечнаго канала при лихорадочныхъ болѣзняхъ.*—Его терапія состоитъ въ тщательномъ діэтетическомъ содержаніи,** въ употребленіи уменьшающихъ судороги, успокаивающихъ,—тоническихъ, укрѣпляющихъ, „альтерирующихъ" и опорожняющихъ средствъ: вина, эфирныхъ маслъ, камфоры, пряностей, хины, желѣзныхъ препаратовъ. „Liquor anodynus Hoffmanni" и его „Elixir viscerale" пользуются уваженіемъ еще и теперь. Кровопусканія и потогонныя средства онъ рѣдко примѣнялъ.

Незабвенныя заслуги Гоффманъ оказалъ терапіи болѣе точнымъ изученіемъ химическаго состава цѣлебныхъ источниковъ. Нѣкоторые изъ нихъ, напр. Лаухштедтъ близь Галле, благодаря лишь ему, стали извѣстными.

Система Гоффманна пріобрѣла вслѣдствіе своей удобопонятности многочисленныхъ сторонниковъ и пользовалась уваженіемъ у многихъ врачей до конца XVIII вѣка.—Извѣстнѣйшіе изъ его учениковъ были: оказавшій значительныя услуги исто-

* Въ этомъ отношеніи Г. можетъ считаться предшественникомъ ученія Бруссэ о всеобъемлющемъ этіологическомъ значеніи гастроэнтерита. Ред.

** Ф. Блюменбахъ говоритъ, что Г. „Der Restaurator der Diätetik war". Гуардіа приписываетъ Г. слѣдующій афоризмъ: „если вы хотите остаться въ добромъ здоровьи—держитесь подальше отъ лѣкарствъ и врачей". Ред.

ріи медицины—Joh. Heinr. Schulze, профессоръ въ Альторфѣ и Галле, Andreas Elias Büchner, профессоръ въ Эрфуртѣ, Joh. Peter Eberhardt, профессоръ въ Галле, Ernst Anton Nicolai, профессоръ въ Галле и Іенѣ.

Stahl.

143. Georg Ernst Stahl, изъ Ансбаха (1660—1734),* по окончаніи своего образованія въ Іенѣ, долгое время былъ преподавателемъ при университетѣ. Въ 1794 г. онъ принялъ приглашеніе въ Галле; въ 1716 г. онъ поступилъ на службу въ Берлинъ королевскимъ лейбъ-медикомъ. Сталь опубликовалъ, кромѣ слишкомъ 300 диссертацій, цѣлый рядъ большихъ работъ, изъ которыхъ важнѣйшими надо считать: *Theoria medica vera* (Hal. 1708. 4. Новѣйшее изданіе Choulant'a: Lips. 1831—33. 8. 3 т.) и *Fundamenta chymiae dogmaticae et experimentalis* (Norimb. 1723. 4.).

Система медицины Сталя, подобно ученію Sydenham'a, основана на гиппократовской φύσις. Но въ то время, какъ Sydenham ограничился тѣмъ, что подчинилъ дѣйствія врача при постели больнаго законамъ іатрофизики, Сталь выдвигаетъ φύσις, какъ основу системы, обнимающей всю медицину. Правда, и онъ смотритъ на тѣло, какъ на механическій аппаратъ. Но совершенно противоположно іатрофизикамъ, считавшимъ основой медицины точнѣйшее изученіе этого аппарата и его движенія, исключившимъ изъ своей задачи изслѣдованіе конечной причины этихъ движеній, Сталь имѣетъ въ виду не аппаратъ, но почти исключительно пружину, приводящую его въ дѣйствіе.—Сталь ставитъ основной вопросъ, почему тѣло во все время жизни не подвергается разложенію и гніенію. Его отвѣтъ гласитъ, что причина этому душа, которая созидаетъ, защищаетъ и сохраняетъ тѣло Шаткость этихъ воззрѣній выясняется уже тѣмъ, что Сталь

* Литтровъ годомъ его смерти считаетъ 1738. Въ церкви св. Петра, въ Лейденѣ поставленъ Сталю памятникъ съ его любимымъ изрѣченіемъ: „Simplex sigillum veri“. Ред.

смотритъ на свою задачу съ точки зрѣнія врача и потому ограничивается только человѣкомъ, которому одному онъ приписываетъ „душу“.

Первымъ изъ роковыхъ послѣдствій этого ученія было пренебреженіе тѣлесной стороной жизни, вслѣдствіе котораго Сталь, подобно Парацельсу, дошелъ до того, что считалъ анатомію лишней, даже вредной вещью для врача. Даже химіи, для которой Сталь сдѣлалъ такъ много,* онъ отказываетъ въ какомъ бы то ни было значеніи для объясненія жизненныхъ процессовъ. Но и относительно того, что слѣдуетъ разумѣть подъ словомъ „душа“—Сталь не даетъ яснаго толкованія. Ибо „anima“ означаетъ то безсмертную душу, дѣйствующую по сознательнымъ и разумнымъ цѣлямъ, или же безсознательнымъ, инстинктивнымъ побужденіямъ (намѣреніямъ), то—нѣчто, связанное съ механическими свойствами тѣла и зависящее отъ нихъ. Отсюда понятно, почему Сталь очень скоро „anima“ замѣняетъ „natura“,** и даже высказываетъ, что съ медицинской точки зрѣнія не важно, дѣйствительно-ли „anima“ является руководительницей всѣхъ жизненныхъ процессовъ.

Задача „души“ состоитъ въ томъ, чтобы, въ видахъ собственнаго интереса, охранять тѣло отъ разложенія (порчи) и смерти. Что это предпріятіе „души“ въ концѣ концовъ рушится—зависитъ отъ того, что хотя она управляетъ

---

* Установленіе флогистической теоріи связано съ именами Бехера и Сталя. Сталю, именно, принадлежитъ заслуга не только того, что онъ болѣе полно, чѣмъ его предшественникъ—Бехеръ, доказалъ основанія этой теоріи, но и того, что онъ понялъ ихъ съ такою отчетливостью и опредѣленностью, какихъ не было у Бехера. Ред.

** Въ сущности едва-ли такую замѣну словъ можно считать противорѣчіемъ. Anima—есть natura древнихъ, ибо согласно этимологіи, доказываетъ Сталь, φύσις означаетъ φύσις ἔχων. Къ anima, так. образомъ, примѣнимо то, что сказалъ Гиппократъ относительно natura: „природа (anima) сама находитъ пути и средства и безъ постороннихъ указаній сдѣлаетъ должное“. (См. стр. 33). Ред.

дѣятельностью тѣла, но не имѣетъ никакого вліянія на постоянныя разрушительныя воздѣйствія внѣшняго міра. Важнѣйшимъ связующимъ звеномъ между тѣломъ и душой служатъ нервы, ихъ главнѣйшимъ орудіемъ—кровообращеніе. Но такъ какъ этихъ факторовъ всетаки не хватало для объясненія всѣхъ жизненныхъ явленій, то Сталь призвалъ на помощь и „тонусъ" органическихъ образованій, не замѣчая той уступки, которую онъ дѣлаетъ іатрофизикамъ, довольствовавшимся „тонусомъ" для объясненія жизненныхъ процессовъ.*—Болѣзнь Сталь опредѣляетъ, какъ сумму движеній, вызываемыхъ душой для освобожденія тѣла отъ (внѣдряющихся) угнетающихъ его вредностей. Въ смыслѣ этого опредѣленія болѣзнь есть въ сущности цѣлебное стремленіе. Въ противоположность этому обобщенію въ другомъ мѣстѣ говорится, что болѣзнь состоитъ въ движеніяхъ, противорѣчащихъ цѣли жизни: самосохраненію.

Самаго высокаго и односторонняго развитія теорія Сталя достигаетъ въ терапіи. Цѣлительные процессы, выступающіе при болѣзняхъ, главнымъ же образомъ—лихорадка,—считаются простымъ приспособленіемъ души или, какъ Сталь почти всегда выражается, „природы".** Острыя болѣзни отличаются отъ хроническихъ лишь живостью и энергіей цѣлебныхъ стремленій. Часто встрѣчающаяся нецѣлесообразность, недостаточность и ложность этихъ стремленій зависитъ отъ лѣности, заблужденій, даже отчаянія души.***

Важнѣйшими основными болѣзненными состояніями Сталь считаетъ плетору,**** особенно брюшную плетору, сгу-

---

* См. примѣчаніе на слѣд. стр. Ред.

** Т. е. на лихорадку Сталь смотритъ какъ на автократическій актъ тѣла, посредствомъ котораго оно старается удалить отъ себя всякое болѣзненное раздраженіе. Ред.

*** При этихъ только „ошибкахъ" природы—*naturae erroribus medicis*—лихорадка можетъ стать гибельной для организма. Ред.

**** Въ дѣтскомъ возрастѣ—голова, въ юношескомъ—грудь, у взрослыхъ—полость живота,—вотъ области, гдѣ яснѣе всего выражается плетора. Ред.

щеніе крови и ненормальныя движенія элементарныхъ частей. Главнымъ средствомъ, которымъ душа пользуется для устраненія плеторы, служатъ кровотеченія, напримѣръ, менструація, главнымъ же образомъ геморроидальныя кровотеченія „золотая жила".* Къ кровотеченіямъ по своей природѣ и значенію ближе всего подходятъ ревматизмы. — Воспаленіе зависитъ отъ прилива и застоя крови. Въ основѣ болей большей частью лежатъ воспалительныя явленія.—Однимъ изъ важнѣйшихъ примѣровъ ненормальностей „тонуса" служитъ лихорадочный ознобъ. Онъ зависитъ отъ отступленія соковъ съ поверхности тѣла, которое (отступленіе) вызывается душой для предохраненія послѣдняго отъ угрожающей опасности; напр., вліянія холода.—Высшія степени болѣзненныхъ тоническихъ движеній являются въ видѣ судорогъ. Конвульсіи являются послѣдней, отчаянной, почти

* Сочиненіе, посвященное этой „золотой жилѣ", носитъ названіе: *De venae portae porta malorum hypochondriaco—splenitico—suffocativo—hysterico—haemorrhoidaliorum*. Сталь едва ли не первый указалъ на различіе между активнымъ приливомъ (*fluxio*) и пассивной гипереміей (*stasis*).

Сталь,—на возраженія Лейбница, что нематеріальный принципъ (душа) матеріальнаго тѣла не можетъ управлять послѣднимъ независимо отъ законовъ матеріальной механики,—призналъ, что его anima (нематеріальный принципъ) есть существо протяженное, тоже одаренное матеріальностью. Такая перемѣна взгляда возбудила противъ Сталя многихъ философовъ, обвинявшихъ его прямо въ атеизмѣ. Тогда онъ снова сталъ защищать нематеріальность своей anima, а въ смыслѣ возраженія Лейбницу—допустилъ особенное „тоническое движеніе", свойственное мягкимъ частямъ животнаго тѣла, посредствомъ котораго (движенія) онѣ дѣйствуютъ на кровь и жидкости организма.

Геморроидальныя кровотеченія онъ и разсматривалъ, какъ результатъ упомянутыхъ тоническихъ движеній мягкихъ частей, противодѣйствующихъ полнокровію, скопленію крови въ нижней части живота, особенно въ воротной венѣ. Vena portae—porta malorum было тогда лозунгомъ послѣдователей Сталя. Ред.

всегда безуспѣшной попыткой, предпринимаемой душой для своего спасенія.

Незначительный объемъ лекарственныхъ веществъ Сталя соотвѣтствуетъ простотѣ установленныхъ имъ основныхъ патологическихъ состояній: выдѣляющія средства, чтобы прійти на помощь движеніямъ, предпринимаемымъ душой; средства для улучшенія „тонуса" (препараты желѣза, эфирныя масла и т. д.). „Alterantia", даже хининъ, отчасти и опій, отвергаются, приносятся въ жертву теоріи. — Очень цѣнны замѣчанія Сталя о природѣ, причинахъ и лѣченіи душевныхъ болѣзней. Какъ практикъ, онъ пользовался славой осторожнаго и счастливаго врача. Изобрѣтенными имъ медикаментами, изъ которыхъ, напр., „Сталевскія пилюли", еще долго пользовались уваженіемъ, онъ, по обычаю своего времени, велъ выгодную торговлю.

Болѣзненно раздражительный характеръ, не терпящій возраженій и противорѣчій, столько же вредилъ Сталю, какъ человѣку,—сколько неясность его языка, переполненнаго германизмами и туманными латинскими изреченіями—препятствовали усвоенію основныхъ идей этого выдающагося по богатству концепціи ума. Сталь былъ реформаторъ; реформа, которую онъ проводилъ, представляется радикальной. Для объясненія явленій жизни—недостаточно ни законовъ химіи, ни законовъ физики и механики. Жизнь организма подчиняется особымъ законамъ,—вотъ основной принципъ реформы Сталя, который былъ позднѣе развитъ виталистами.

Сторонники и противники Сталя.

144. Анимизмъ оказалъ большое вліяніе на дальнѣйшее развитіе медицинскихъ теорій XVIII вѣка, и особенно на теоріи витализма. У современниковъ же Сталя его ученіе встрѣтило мало сочувствія въ сравненіи съ картезіанизмомъ, особенно же съ системой Гоффманна, болѣе доступной для пониманія и привлекательной по практическимъ результатамъ.

Наиболѣе извѣстными сторонниками Сталя были Joh.

Samuel Carl изъ Эрингена въ Виртембергѣ (1675—1757) и Joh. Iuncker (1679—1759), профессоръ въ Галле.—Важнѣе, впрочемъ, чѣмъ эти безусловные приверженцы ученія,—тѣ, которые его болѣе или менѣе видоизмѣнили. Изъ нихъ особенно заслуживаютъ вниманія Joh. Aug. Unzer изъ Галле (1727—1799), врачъ въ Гамбургѣ и Альтонѣ, впослѣдствіи профессоръ въ Ринтелнѣ, издатель очень распространенной газеты: *Der Arzt.* Unzer особенно указывалъ на то, что многія животныя движенія происходятъ безъ содѣйствія души, единственно вслѣдствіе раздраженія нервовъ такимъ образомъ, „что послѣднее устремляется къ мозгу, но, будучи задержано нервными узлами, возвращается обратно и, такъ сказать, отражается“. Унцеръ поэтому можетъ считаться однимъ изъ основателей ученія о рефлекторномъ движеніи.

Послѣднимъ защитникомъ анимизма былъ извѣстный противникъ Канта, прекрасный знатокъ латинскаго языка, прославившійся своими работами по судебной медицинѣ Ernst Platner (1744—1818), профессоръ въ Лейпцигѣ. Онъ уклонился отъ Сталя въ томъ, что допускалъ связь души [которую онъ уже раздѣляетъ на „духовную“ и „животную“ души] съ „нервнымъ духомъ“ („Nervengeist“), распространеннымъ по всему тѣлу.*—Abraham Kaauw—Boerhaave, племянникъ великаго Лейденскаго клинициста, въ очень извѣстномъ, хотя растянутомъ, но дѣльномъ сочиненіи считаетъ носителемъ жизни ни тѣло, ни душу, а только третье начало, служащее связующимъ звеномъ между ними—гиппократовское ἔνορμον. Достойно вниманія то, что Kaauw приписываетъ уже ощущеніе и движеніе двумъ анатомически различнымъ родамъ нервовъ.

Къ рѣшительнѣйшимъ сторонникамъ Сталя принадлежалъ François Boissier de Sauvages (1706—1767), профессоръ въ Монпелье, авторъ знаменитой *Nosologia methodica* (Lugd. 1760. 4 и сл. изд.), въ которой онъ осуществилъ мысль Sydenham'а объ естественно-исторической классификаціи болѣзней. Образцемъ ему служила искусственная система расте-

---

* См. примѣч. на стр. 242 и 266. Ред.

ній Линнея, пытавшагося также составить естественную систему болѣзней.

Важнѣйшихъ противниковъ анимизмъ нашелъ въ Лейбницѣ и Fr. Hoffmann'ѣ, высказавшихся противъ него въ особыхъ сочиненіяхъ. Лейбницъ считалъ невозможнымъ отдѣленіе движущей живой силы отъ мертвой матеріи.

Анатомія.

Италія. Нидерланды. Франція.

145. Болѣе отраднымъ занятіемъ, чѣмъ разборъ этихъ теорій, является обзоръ успѣховъ, достигнутыхъ анатоміей въ теченіе XVIII вѣка. Правда, уже въ XVII столѣтіи замѣтно явное пониженіе интереса, возбужденнаго Везаліемъ къ изслѣдованію, повидимому, грубыхъ отношеній въ строеніи тѣла. Тѣмъ живѣе проявилось соревнованіе, возбужденное Мальпигіемъ, Левенгукомъ и др. въ области микроскопической анатоміи. Но и это рвеніе значительно ослабѣло отчасти вслѣдствіе несовершенства микроскоповъ, отчасти и главнымъ образомъ потому, что многіе врачи тратили время и силы на безплодныя теоретическія изслѣдованія, а нѣкоторые даже, какъ Сталь, считали занятіе анатоміей за нѣчто недостойное.

Похвальное исключеніе составляла Италія, гдѣ изъ школы Мальпигія вышелъ цѣлый рядъ выдающихся анатомовъ. Во главѣ ихъ Antonio Maria Valsalva (1666—1723), профессоръ въ Болоньѣ, врачъ оказавшій значительныя услуги патологіи и хирургіи. Важнѣйшее его произведеніе разсматриваетъ анатомію, физіологію и патологію слуховаго органа. (*De aure humana tractatus.* Bonon. 1704. 4. и сл. изд.—*Opera.* Venet. 1740. 4. ed. Morgagni.).—Отличающіеся образцовой тщательностью обработки, лишь отчасти опубликованные труды Giov. Domenico Santorini изъ Венеціи (1681—1737), врача и профессора анатоміи въ своемъ родномъ городѣ, обнимаютъ всѣ отдѣлы анатоміи. Еще и теперь его имя носятъ выпускники черепа (emissaria), мускулы смѣха лица и

нѣкоторые хрящи гортани. (*Septemdecim tabulae anatomicae.* ed. Girardi. Parma, 1775. f.).

Новый толчекъ къ изученію анатоміи былъ данъ во 2-ой половинѣ XVIII вѣка Giow. Battista Morgagni, изъ Форли (1682—1791), ученикомъ Albertini и Valsalva, профессоромъ въ Падуѣ, основателемъ новаго періода въ патологической анатоміи* (*Adversaria anatomica.* Полное изд.: Patav. 1741. 4.).

Важнѣйшіе ученики Morgagni—Michele Girardi (1731—1797), профессоръ въ Падуѣ и Пармѣ, и Marc' Antonio Caldani (1725—1813), профессоръ въ своемъ родномъ городѣ Болоньѣ, затѣмъ Венеціи и Падуѣ. Изданное имъ вмѣстѣ съ племянникомъ Gloriano Caldani большое сочиненіе съ гравюрами—имѣло цѣлью соединить всѣ вышедшіе до того времени анатомическіе рисунки (*Icones anatomicae.* Venet. 1801—1814. 5 т. Текстъ въ 4. 4 т. Рисунки in f.).

Мастерскія работы Domenico Cotugno (также Cotunnio, 1736—1822), профессора въ Неаполѣ, относятся къ слуховому органу, особенно лабиринту, въ которомъ авторъ и открылъ присутствіе особой жидкости; далѣе работы Котуньо касаются описанія nervi nasopalatini, названнаго послѣ именемъ Скарпы, „Котуньевской боли въ бедрахъ" и цереброспинальной жидкости.—Vincenzo Malacarne (1744—1816), профессоръ въ Акви, Павіи и Падуѣ, особенно замѣчателенъ, какъ одинъ изъ основателей хирургической анатоміи.

Самую плодотворную почву анатомія нашла въ Лейденскомъ университетѣ, гдѣ она читалась Bernhard Siegfried Albinus'омъ (1697—1770), отецъ котораго Weiss, изъ Дессау) былъ сначала бранденбургскимъ лейбъ-медикомъ, затѣмъ профессоромъ во Франкфуртѣ на О. и Лейденѣ. Его знаменитый сынъ поставилъ себѣ главной задачей пояснить анатомію человѣка рисунками, которые удовлетворяли бы столько же требованіямъ врача, какъ и художника. Эту задачу Albinus разрѣшилъ съ такимъ совершенствомъ,

* См. ниже § 155.

котораго едва-ли кто достигнулъ и въ которомъ, конечно, никто не превзошелъ его.—Изъ его многочисленныхъ анатомическихъ произведеній, рисунки которыхъ приготовлены знаменитымъ граверомъ на мѣди Jan Wandelaer'омъ, особенно заслуживаютъ вниманія (стоившія 60000 ливровъ) *Tabulae sceleti et musculorum* c. h. (L. B. 1747. f) и *Tabulae ossium humanorum* (Lugd. B. 1753. f.).

Примѣру, данному Albinus'омъ, вскорѣ послѣдовалъ въ Нидерландахъ Pieter Camper изъ Лейдена (1722—1789), этотъ многосторонній писатель извѣстенъ главнымъ образомъ примѣненіемъ теоріи „личнаго угла" для сужденія о душевныхъ способностяхъ человѣческихъ расъ и животныхъ, изобрѣтеніемъ эластическихъ бандажей и работой о лучшей формѣ обуви.

Eduard Sandifort (род. около 1740 г. ум. въ 1819 г.), преемникъ Albinus'a, особенно замѣчателенъ своими патологоанатомическими сочиненіями (*Observationes anatomico—pathologicae*, L. B. 1777—1781 4. 4 т.)—Andreas Bonn (1738—1818), профессоръ въ Амстердамѣ, является предвѣстникомъ Биша по своимъ работамъ о перепонкахъ (мембранахъ). Своимъ сочиненіемъ о болѣзняхъ костей онъ занимаетъ почетное мѣсто между современными ему патолого-анатомами (*De continuationibus membranarum*. L. B 1763. 4.—*Tabulae ossium morbosorum*. Amstel. 1785—1788. f.).

Знаменитѣйшій изъ анатомовъ, жившихъ во Франціи въ этомъ періодѣ—датчанинъ Benignus Winslöw (1669—1760), профессоръ въ Парижѣ. Его работы, появившіяся въ ***Мемуарахъ*** Парижской академіи наукъ, считались образцемъ точности; его учебникъ нашелъ всеобщее распро страненіе.

Къ небольшому числу анатомовъ, жившихъ во 2 ой половинѣ XVIII вѣка во Франціи, принадлежитъ Jean Bapt. Senac (1693—1770). Его знаменитое сочиненіе о сердцѣ обнимаетъ анатомію, физіологію, патологію и терапію этого органа (*Traité sur la structure du coeur etc.*, Paris 1749. 4. и сл. изд.)—Изъ сочиненій Ios. Liétaud изъ Э (1703—1780), врача Людовиковъ XV и—XVI, особенно заслуживаютъ вниманія *Essais anatomiques* (Paris 1742. 8.) и его патологическая

анатомія, основанная на 1200 вскрытіяхъ (*Historia anatomica medica*. Paris 1767. 4.). Ant. Portal (1742—1832), лейбъ-медикъ и профессоръ анатоміи въ Парижѣ, извѣстенъ главнымъ образомъ своимъ большимъ сочиненіемъ по исторіи анатоміи и хирургіи. (Paris, 1770—1773. 8. 7 т.).

Англія. Германія.

146. Старѣйшимъ изъ многочисленныхъ англійскихъ анатомовъ XVIII вѣка является, извѣстный какъ хирургъ, William Cheselden (1688—1752), авторъ руководства по анатоміи и великолѣпнаго сочиненія по остеологіи (*Osteography*. Лондонъ, 1733 и 1734. f.). Шотландецъ Iames Douglas (1675—1742), лейбъ-медикъ и профессоръ въ Лондонѣ, извѣстенъ главнымъ образомъ по описанію брюшины (Лондонъ, 1730. 4.); его именемъ названо извѣстное „пространство“ въ маломъ тазу.—Далѣе изъ Эдинбургской школы вышли нѣкоторые члены фамиліи Monro, извѣстные какъ анатомы и хирурги: Alexander Monro отецъ (1697—1767), Alexander Monro сынъ (1732—1817), бывшій въ теченіе 50 лѣтъ профессоромъ въ Эдинбургѣ, и Alexander Monro—внукъ.

Всѣхъ ихъ затемняетъ созвѣздіе братьевъ William и John Hunter, изъ Шотландіи. Первый (1718—1783), профессоръ анатоміи, впослѣдствіи госпитальный врачъ въ Лондонѣ, прославившійся также какъ акушеръ, авторъ знаменитаго описанія беременной матки. Это описаніе служитъ основой позднѣйшихъ работъ на эту тему (*Anatomia uteri humani gravidi*, лат. и англ. Birmingham, 1774. f. съ 34 прекрасными гравюрами. Новое изданіе: Лондонъ 1851. 8). Основанный William Hunter'омъ, находящійся теперь въ Глазговѣ, анатомическій музей—уступаетъ только всемірно извѣстной коллекціи брата Вильяма—Iohn'a (1728—1793), хранящейся въ Лондонѣ. Заслуги Джона Гунтера въ анатоміи человѣка и сравнительной, физіологіи, патологіи и практической хирургіи обезпечиваютъ ему первое мѣсто въ исторіи нашей науки Важнѣйшія сочиненія John Hunter'a касаются

строенія и болѣзней зубовъ, сифилиса [гунтеровскій шанкръ], крови, воспаленія и огнестрѣльныхъ ранъ (*A treatise on the blood, inflammation and gunshot wounds*, London, 1794. 8.— *Works*. ed. Palmer. London, 1735. Также во французскихъ и нѣмецкихъ обработкахъ).—Главный выводъ изъ работъ Iohn Hunter'а въ области исторіи развитія, ставшій съ того времени закономъ, заключается въ томъ, что развитіе высшихъ животныхъ есть повтореніе ступеней развитія нисшихъ. Въ патологіи его стремленіе было направлено на тѣсное соединеніе послѣдней съ физіологіей. Всѣ сочиненія John Hunter'а могутъ служить образцами тщательнѣйшей установки фактовъ и являются примѣромъ величайшей осторожности, съ какой слѣдуетъ примѣнять и научно группировать эти факты.

Изъ немногихъ анатомовъ. выступающихъ въ первыя десятилѣтія XVIII вѣка въ Германіи, нужно отмѣтить слѣдующихъ: Lorenz Heister изъ Франкфурта на М. (1683—1758), профессоръ въ Альторфѣ и Гельмштедтѣ, въ тоже время одинъ изъ знаменитѣйшихъ хирурговъ своего времени, извѣстенъ, главнымъ образомъ, какъ авторъ распространеннаго руководства по анатоміи; Ioh. Friedr. Cassebohm, профессоръ въ Галле, Франкфуртѣ на Од. и Берлинѣ (ум. въ 1743), авторъ дѣльнаго сочиненія о слуховомъ органѣ;— Iosias Weitbrecht изъ Шорндорфа въ Вюртембергѣ (1702—1743), профессоръ въ Петербургѣ, извѣстный своей *Syndesmologia* (Petrop. 1742. 8), которая можетъ служить основой этого труднаго ученія;—далѣе изъ принадлежащихъ школѣ Haller'а*—Ioh. Friedr. Meckel изъ Ветплара (1724—1774), родоначальникъ знаменитой фамиліи анатомовъ. изъ сочиненій котораго особенно заслуживаютъ упоминанія работы о n. trigeminus (Геттингенъ, 1748. 4.).—Ioh. Gottfr. Finn изъ Швабаха, близь Нюренберга (1727—1759), профессоръ въ Геттингенѣ, извѣстный своими работами о глазѣ (Геттингенъ, 1755. 4; 1780 4);—Ioh. Nathanael Lieberkühn (1711—1765), врачъ въ своемъ родномъ городѣ Берлинѣ, изготовитель знаменитыхъ инъекціонныхъ препара-

---

См. § 147.

товъ и авторъ микроскопическихъ работъ о кишечныхъ ворсинкахъ (L. B. 1775. 4.);—Ioh. Gottl. Walter изъ Кенигсберга (1734—1818), преемникъ Meckel'я въ Берлинѣ, извѣстный дѣльнымъ сочиненіемъ о костяхъ (Berlin, 1763. 8) и большимъ анатомическимъ музеемъ, купленнымъ впослѣдствіи у него берлинскимъ университетомъ,—Heinr. Aug. Wrisberg изъ Андреасберга (1739—1808), профессоръ въ Геттингенѣ;—ученикъ послѣдняго Iustus Christian von Loder изъ Риги (1753—1832), профессоръ въ Іенѣ, Галле и Москвѣ; его ***Анатомическія таблицы*** (Weimar 1794—1803. f.) достигли обширнаго распространенія.

Важнѣйшій нѣмецкій анатомъ 2-ой половины XVIII вѣка—Samuel Thomas von Sömmerring изъ Торна (1755—1830), профессоръ въ Касселѣ и Майнцѣ, затѣмъ практическій врачъ во Франкфуртѣ, лейбъ-медикъ и членъ академіи въ Мюнхенѣ, впослѣдствіи снова во Франкфуртѣ. Его сочиненія, проникнутыя духомъ его прототипа Albinus'а, намѣтили анатоміи тотъ путь, по которому она пошла въ новѣйшее время. Важнѣйшими изъ его многочисленныхъ работъ, снабженныхъ отличными рисунками, являются работы о черепномозговыхъ нервахъ, глазѣ и органахъ слуха, вкуса, рѣчи и обонянія, главнымъ же образомъ большое сочиненіе: *Vom Baue des menschlichen Körpers* (Франкфуртъ 1791—1796. 8. 5 т. Вновь обработанное нѣсколькими выдающимися анатомами подъ редакціей Rudolf Wagner: Leipzig, 1839—1845. 8. 8 т.).

Физіологія.

Haller.

147. Гарвеемъ, Мальпигіемъ и ихъ послѣдователями физіологія была направлена на путь точнаго изслѣдованія; но уже по истеченіи короткаго времени развитіе философіи, вызванное Декартомъ и Лейбницемъ, снова вызвало стремленіе врачей къ законченнымъ системамъ. Грубыя теоріи іатрофизиковъ и іатрохимиковъ были оттѣснены на задній

планъ Boerhaave'омъ, Hoffmann'омъ и Сталемъ, но еще долго многіе придавали яко-бы философскимъ мудрствованіямъ и хитроумнымъ гипотезамъ такое же значеніе, какъ и выводамъ изъ точнаго изслѣдованія. Но вотъ великій Haller положилъ начало новому періоду физіологіи и вмѣстѣ съ тѣмъ медицины вообще. Періодъ этотъ есть—господство наблюденія и эксперимента.

Albrecht Haller (род. 16 октября 1708 г.), сынъ юриста (патриція) въ Бернѣ. Болѣзненный мальчикъ, отказывавшійся отъ обыкновенныхъ занятій, свойственныхъ его возрасту, онъ съ дѣтскихъ лѣтъ уже пріобрѣлъ, вмѣстѣ съ рано пробудившейся наклонностью къ поэзіи, удивительныя познанія въ языкахъ и наукахъ.* Въ 1723 г. онъ, 15-ти лѣтнимъ мальчикомъ,—поступилъ въ Тюбингенскій университетъ для изученія медицины. Скудость тамошнихъ учрежденій, особенно для преподаванія анатоміи, и грубость студентовъ—заставили его вскорѣ удалиться въ Лейденъ, гдѣ онъ вступилъ въ тѣснѣйшее единеніе съ Boerhaave'омъ. Совершивъ большое путешествіе по Сѣверной Германіи и получивъ докторскую степень, Haller отправился въ Лондонъ и Парижъ—преимущественно для занятій здѣсь анатоміей и ботаникой, затѣмъ въ Базель для изученія математики у знаменитаго Ioh. Bernoulli, и возвратился, наконецъ, въ родной городъ, гдѣ занялся врачебной практикой. Но здѣсь, среди бездушнаго мѣщанства, онъ не нашелъ справедливой оцѣнки своихъ познаній—ни какъ врачъ, ни какъ ученый. Между тѣмъ Галлеръ своими анатомическими и ботаническими работами, главнымъ образомъ появившимся, сначала анонимно—*Опытомъ швейцарскихъ пѣсенъ* (именно содержащимся въ нихъ описаніемъ Альповъ), обратилъ на себя вниманіе образованнаго міра въ такой степени, что въ 1737 г. получилъ при-

* Уже на 8 году онъ извлекъ изъ ученыхъ лексиконовъ Морери и Байле около 2 тысячъ біографическихъ статей; на 10 году онъ уже могъ свободно писать по латыни и по гречески и сдѣлалъ значительные успѣхи въ халдейскомъ и еврейскомъ языкахъ. (Литтровъ).

Ред.

глашеніе на каѳедру анатоміи и ботаники въ новооткрытый геттингенскій университетъ. Здѣсь Haller вскорѣ, удивляя своей эрудиціей, обнимавшей почти всѣ отдѣлы науки,—благодаря своимъ преподавательскимъ и административнымъ (при завѣдываніи академическими дѣлами) способностямъ—пріобрѣлъ огромное вліяніе на всѣ дѣла университета. Но все это не могло его удержать долго въ Геттингенѣ. Тяжелые удары судьбы, потеря горячо любимой супруги, за которой вскорѣ послѣдовала смерть второй, [послѣ смерти этой онъ женился на третьей], тѣлесныя страданія, свойственная швейцарцамъ тоска по родинѣ и религіозная щепетильность, вызвали столь сильное меланхолическое состояніе духа, что Haller въ 1753 г. рѣшился навсегда возвратиться въ Швейцарію. Но и здѣсь, не смотря на признаніе его заслугъ, выразившееся въ порученіи самыхъ почетныхъ должностей, онъ не получилъ ожидаемаго удовлетворенія и успокоенія. Haller закончилъ свою славную жизнь, посвященную до послѣдней минуты наукѣ 12 Дек. 1777 г.*—По содержанію многочисленныя сочиненія Haller'а раздѣляются на энциклопедическія, историко-литературныя, ботаническія, анатомическія и физіологическія. Къ первымъ принадлежатъ *Praelectiones Boerhavii ad proprias institutiones*. Геттингенъ, 1739—44. 8. 6 т. *Boerhavii methodus studii medici*. Amstel. 1751. 4. 2 т.—особенно ***Библіотеки*** Haller'а (*Bibl. botanica, chirurgica, anatomica* (по 2 т. 4.) и *Medicinae practicae* (4 т. 4.), необходимыя пособія всякаго ботаническаго и медицинскаго историческаго изслѣдованія. Къ анатоміи относятся *Icones anatomicae* 8 fascc; Геттингенъ, 1743—56. f.; къ физіологіи—*Primae lineae physiologiae*, Геттингенъ, 1744. 8 и сл. изд.; *Elementa physiologiae corporis humani*. Lausannae, 1757—66. 4, бывшія до начала XIX вѣка самымъ распространеннымъ руководствомъ по

* Въ послѣдніе годы онъ страдалъ подагрой, которую лѣчилъ опіумомъ, хотя всегда прежде и теперь былъ противъ употребленія этого средства. Одинъ изъ его друзей совѣтовалъ ему другое лекарство, но онъ написалъ ему въ отвѣтъ: „Sono venti tre ore e mezza" (теперь уже 23 часа съ половиной). Ред.

физіологіи; къ ботаникѣ:—*Enumeratio methodica stirpium Helvetiae indigenarum*. Геттингенъ, 1742. f. 2 т. Далѣе Haller написалъ нѣсколько политическихъ романовъ, безчисленныя рецензіи, предисловія и т. д.

Haller, подобно Аристотелю, Лейбницу, Гете, принадлежитъ къ тѣмъ избраннымъ натурамъ, которыя въ самыхъ различныхъ областяхъ сдѣлали одинаково самое важное, даже самое высшее. Какъ поэтъ, онъ ознаменовалъ начало возрожденія нашей національной поэзіи; его заслуги по ботаникѣ уступаютъ только Линнеевымъ; его литературно-историческія работы обезпечиваютъ ему первое мѣсто въ исторіи науки; въ физіологіи онъ является основателемъ новой эпохи.

Въ работахъ Haller'а ясно обнаруживается вліяніе, произведенное на его научное развитіе обученіемъ въ Лейденѣ. Въ школѣ Albin'а онъ проникся духомъ точнаго изслѣдованія; отъ Boerhaave'а онъ наслѣдовалъ полный достоинства взглядъ на врачебное призваніе и необходимость обоснованія медицины на естественныхъ наукахъ, исторіи и наблюденіи.

Самыя многочисленныя и важнѣйшія изъ анатомическихъ сочиненій Haller'а падаютъ на періодъ его пребыванія въ Геттингенѣ. Его украшенная гравюрами анатомическая работа, лучше которой до сихъ поръ едва-ли существуетъ какая другая, имѣла, главнымъ образомъ, цѣлью дополнить изображеніе костей и мускуловъ Winslöw'а и Albinus'а рисунками сосудистой системы и мочеполоваго аппарата.— Вскорѣ, однако, интересъ Haller'а сосредоточился на „anatomia animata“—физіологіи. Въ его общемъ взглядѣ на этотъ отдѣлъ весьма ясно обнаруживается вліяніе Сталя: физика и химія могутъ только служить пособіями для объясненія своеобразныхъ органическихъ процессовъ, до конечной причины которыхъ ограниченная человѣческая проницательность не можетъ проникнуть. Въ этомъ заключается смыслъ его изреченія, столь сурово и несправедливо осужденнаго Гете: „духъ созданный не можетъ проникнуть внутрь природы“*.—Въ первыя 10 лѣтъ своего пребыванія въ Геттинге-

* „In's Innere der Natur dringt kein erchaffner Geist.“.

нѣ Haller за основаніе своихъ лекцій по физіологіи принималъ *Institutiones* Boerhaave'a. Но вскорѣ онъ задумалъ планъ полнѣйшаго преобразованія этой науки. Въ 1747 г. онъ опубликовалъ *Primae lineae physiologiae*; 10 лѣтъ спустя онъ закончилъ *Elementa physiologiae*, произведеніе, съ которымъ во всѣхъ отрасляхъ науки могутъ сравниться лишь немногія.

Основой всѣхъ тканей высшихъ организованныхъ животныхъ Haller считаетъ „Fibrae", состоящія изъ студенистаго вещества („gluten"), земли, желѣза и воздуха, принимающія, смотря по положенію, вслѣдствіе сдавленія и т. д., форму шаровъ, пластинокъ („laminae") или цилиндровъ —Механизмъ дыханія (по поводу котораго онъ велъ продолжительный споръ съ Hamberger'омъ въ Іенѣ) Haller описываетъ совершенно правильно. Химическія отношенія моглибыть выяснены лишь послѣ открытія кислорода.—Описаніе голоса и рѣчи, функцій сердца и движенія крови—стоятъ на высотѣ того времени.—Питаніе и отдѣленіе зависятъ отъ притяженія, которое оказываютъ органическія образованія на текущую среди нихъ кровь и отъ отложенія соотвѣтствующихъ матеріаловъ въ веществѣ и промежуткахъ органовъ.—Изслѣдованія Haller'a о зачатіи и развитіи относятся, главнымъ образомъ, ко времени его послѣдняго пребыванія въ Швейцаріи. Они повели, между прочимъ, къ открытію происхожденія желточнаго мѣшка изъ тонкихъ кишекъ и къ тщательному описанію развитія сердца и костей. Относительно развитія Haller былъ рѣшительнымъ сторонникомъ теоріи эволюціи, которая, напр., принимаетъ, что въ яйцѣ первой курицы предсуществовали всѣ послѣдующія; этой теоріи Haller остался вѣренъ даже и тогда, когда Wolff* поставилъ эпигенетическую теорію внѣ всякаго сомнѣнія.

Открытіе раздражительности мускуловъ.

148. Основной вопросъ физіологіи—причина движенія животныхъ, понятно, давно занималъ естествоиспытателей

* См. ниже § 151.

древности.* Такъ Меланхтонъ въ своемъ знаменитомъ произведенiи *De anima* приписываетъ уже „локомоторную силу" своеобразной природѣ мускуловъ и ихъ волоконъ. Точно также Caspar Peucer, зять Меланхтона,** считаетъ, что способность мускуловъ къ сокращенiю происходитъ отъ имманентнаго свойства послѣднихъ, возбуждаемаго раздраженiемъ „нервныхъ духовъ". [Эти воззрѣнiя съ особенной подробностью развиты Глиссономъ].

Въ 1752 г. Haller опубликовалъ выводы своихъ многочисленныхъ опытовъ надъ влiянiями, которыя оказываютъ механическiя раздраженiя, тепло, электричество, спиртъ, ляписъ, хлористая сурьма, сѣрная кислота и т. д. на животныя ткани. Эти опыты привели къ заключенiю, что чувствительность и раздражительность суть основныя свойства животныхъ тканей; что первая свойственна только нервамъ, послѣдняя же - исключительно мускуламъ. Раздражительность развита болѣе всего въ сердцѣ, особенно на внутренней его поверхности, дiафрагмѣ, кишечномъ каналѣ и во внутренней оболочкѣ сосудовъ. Послѣднiе побуждаются къ движенiю уже кровью, питательными матерiалами и хилусомъ; произвольные же мускулы—одной душой.

Понятно, что къ изслѣдованiямъ Haller'а нельзя примѣнять современнаго масштаба. Было, конечно, преждевременно изслѣдовать физiологическiя свойства мускуловъ, прежде чѣмъ былъ рѣшенъ вопросъ объ ихъ анатомическомъ строенiи. Недостатки изслѣдованiй Haller'а зависятъ, главнымъ образомъ, отъ того, что онъ не былъ въ состоянiи исключить влiянiе тончайшихъ нервовъ, оканчивающихся въ мускулахъ сердца и кишечника, а особенно заложенныхъ въ этихъ органахъ ганглiй.

Но значенiе открытiя Haller'а зависитъ не столько отъ того, что онъ обогатилъ физiологiю однимъ изъ самыхъ основныхъ фактовъ, сколько отъ того, что онъ указалъ на значенiе экспериментальнаго метода и положилъ начало отрасли

---

* См. выше стр. 50.

** См. выше стр. 212.

науки, на которой зиждется вся новѣйшая медицина: общей анатоміи, вызванной къ жизни работами Bichat.*

Противники и сторонники ученія о раздражительности.

149. Открытіе Haller'а не могло не обратить на себя вниманія современниковъ уже по одному имени знаменитаго автора. Самыми горячими противниками были ятрофизики; еще болѣе—сторонники Сталя, которые возражали, что при воспаленіи становятся чувствительными и такія части, которыя не имѣютъ нервовъ. Самымъ сильнымъ нападкамъ Haller подвергался отъ своего бывшаго лейденскаго школьнаго товарища, клинициста de Haën'а въ Вѣнѣ, ссылавшагося также на сильную „раздражительность" воспаленныхъ слизистыхъ оболочекъ и перепонокъ, но не считавшаго, однако, нужнымъ, подобно остальнымъ противникамъ, повторять опыты Haller'а.

Гораздо важнѣе были голоса тѣхъ, которые примкнули къ новыму ученію. Во главѣ ихъ были: два ученика Haller'а—Zinn** и Georg Christian Oeder (1728—1791), врачъ въ Шлезвигѣ, впослѣдствіи профессоръ въ Копенгагенѣ; главнымъ образомъ знаменитый другъ Haller'а August Tissot*** въ Лозаннѣ и William Battie (1704—1776), врачъ въ Лондонѣ. Правда, нѣкоторые сторонники Haller'а напр. Ioh. Friedr. Winter изъ Cleve (1712—1760),

*См. ниже § 182.

** См. выше стр. 324. (Тамъ ошибочно напечатано Finn. Ред.).

*** Въ Discours preliminaire къ переводу сочиненій Галлера (Memoires sur la nature etc)—Тиссо даетъ историческій очеркъ (основныя положенія) ученія о раздражительности—до Галлера. Гиппократъ (ἐνορμῶν), Бальиви (эластичность—какъ основное свойство твердыхъ образованій), Глиссонъ—(первый, употребившій слово „раздражительность") Гортеръ, признавшій необходимость допустить новое начало движенія въ человѣческомъ тѣлѣ, отличное отъ всѣхъ другихъ,—вотъ истинные предшественники ученія Галлера о раздражительности. Ред.

профессоръ въ Лейденѣ, зашли, по выраженію Haller'а, такъ далеко, что „всѣ отправленія человѣческой машины объясняли присутствіемъ одной только раздражительности“ или приписывали ее даже растеніямъ, мало того—объясняли всѣ болѣзни измѣненіемъ раздражительности сосудовъ.

Рѣшительную побѣду открытіе Haller'а одержало, благодаря двумъ знаменитымъ итальянскимъ физіологамъ Caldani и Fontana;* послѣдній подтвердилъ справедливость ученія Haller'а во всѣхъ частяхъ собственными опытами. (F. Fontana, *De legibus irritabilitatis*. Lucca, 1763. 8. — *Ricerche sopra la fisica animale*. Firenze, 1775 4.)

Извѣстнѣйшіе физіологи—современники Галлера.

150. Изъ значительнаго числа физіологовъ, выступающихъ въ Италіи въ XVIII вѣкѣ, особенно заслуживаютъ вниманія слѣдующіе: Marc'Antonio Leopoldo Caldani, одинъ изъ первыхъ сторонниковъ ученія о раздражительности, главнымъ же образомъ Lazzaro Spallanzani, изъ Скандіано (1729—99), профессоръ въ Реджіо (Эмилія), Моденѣ и Павіи, одинъ изъ величайшихъ естествоиспытателей всѣхъ временъ, многочисленныя работы котораго часто имѣли рѣшающее значеніе (*Opere*. Milano, 1826. 8. 6 т.). Уже первое сочиненіе Spallanzani касается одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ физіологіи: происхожденія органическихъ существъ. Онъ опровергалъ въ этомъ сочиненіи ученіе Needham'а и Бюффона о Generatio originaria низшихъ организмовъ и показалъ, что и они происходятъ изъ зародышей. Другія работы Spallanzani касаются возрожденія цѣлыхъ частей тѣла у низшихъ животныхъ, особенно у амфибій. Знаменитѣе всего сдѣлались его опыты на лягушкахъ, саламандрахъ и т. д. надъ искусственнымъ оплодотвореніемъ, и работы о механической силѣ птичьяго желудка и искусственномъ пищевареніи, которыми навсегда устранены были грубыя представленія іатрофизиковъ и іатрохимиковъ.

---

* См. § 150.

Параллельно съ нимъ можетъ быть поставленъ Felice Fontana изъ Помаруоло, близь Тріента (1730—1805), профессоръ въ Пизѣ и Флоренціи. Его важнѣйшія работы касаются раздражительности, движенія райка (iris), яда ехидны и измѣненій воздуха, обусловленныхъ дыханіемъ (*Opuscoli scientifici*. Firenze, 1785. 8, по нѣмецки: Берлинъ, 1787. 4. 2 т.).

Гораздо ниже, не говоря о теоретическихъ (преимущественно) работахъ Bordeu,* физіологи, выступающіе въ это время во Франціи.

Извѣстнѣе всѣхъ Francois Quesnay изъ Merey (1694—1774), секретарь хирургической академіи. Его физіологическія работы касаются главнымъ образомъ крови. Quesnay всего болѣе знаменитъ, какъ политико-экономъ, основатель „физіократической системы“.

Весьма выдаются англійскіе физіологи XVIII вѣка. Кромѣ теоретическихъ сочиненій многихъ практиковъ, о которыхъ (сочиненіяхъ) рѣчь впереди, слѣдуетъ еще упомянуть составленномъ согласно строгому физическому методу—произведеніи о крови, принадлежащемъ перу профана, извѣстнаго ботаника Stephan Hales (1677—1761), проповѣдника въ Эддингтонѣ. (*Statical essays*. Лондонъ, 1733. 8. 1769. 8 2 т.).— Достоинъ вниманія также другъ Haller'a Malcolm Flemyng, у котораго, между прочимъ, встрѣчается уже предположеніе, что ощущеніе и движеніе проводятся различными нервными волокнами.

Во второй половинѣ этого столѣтія рядомъ съ Iohn. Hunter'омъ** выступаетъ главнымъ образомъ William Hewson изъ Hexam, въ Нортумберлендѣ (1739 - 1774); превосходныя изслѣдованія этого врача касаются главнымъ обарзомъ лимфатическихъ сосудовъ, желѣзъ, крови, особенно свертываемости послѣдней (*Works*. London, 1846. 8).

Изъ нѣмецкихъ физіологовъ этого періода заслуживаютъ упоминанія Christian Gottl. Ludwig изъ Брига

---

* См. ниже § 173

** См. выше стр. 323.

(1709—1773), одинъ изъ интимнѣйшихъ друзей дѣтства Haller'а, профессоръ въ Лейпцигѣ, общеизвѣстный по своимъ отношеніямъ къ Гете за время ученія послѣдняго въ Лейпцигѣ. Изъ его сочиненій, обнимающихъ различные отдѣлы медицины, особенно заслуживаютъ вниманія *Institutiones physiologiae* Lips. 1752. 4). О незабвенныхъ работахъ основателя научной исторіи развитія Caspar Friedr. Wolff'а рѣчь впереди.*

Важнѣйшія пріобрѣтенія анатоміи и физіологіи въ теченіе XVIII вѣка.

151. Микроскопическая анатомія, блестящее основаніе которой въ XVII вѣкѣ дали Левенгукъ и Мальпигій, въ XVIII вѣкѣ страннымъ образомъ едва подвинулась впередъ. Главной причиной этого затишья слѣдуетъ считать то обстоятельство, что микроскопы, употреблявшіеся наблюдателями XVIII вѣка, стояли гораздо ниже линзъ Левенгука, такъ что даже такіе изслѣдователи, какъ Haller и Wolff, не придавали особеннаго значенія большимъ увеличеніямъ.

Вопросъ о морфологическихъ элементахъ органическихъ тѣлъ въ XVIII в. такъ-же живо разработывался, какъ и въ наши дни. Въ общемъ соглашались съ воззрѣніями Haller'а о „волокнахъ“ (Fibra), пока Caspar Friedr. Wolff, указавшій, что всѣ растительныя и животныя образованія происходятъ изъ „пузырьковъ“ („vesiculae“) или „шариковъ“ („globuli“) [—протоплазматическіе элементы безъ оболочки!—], не положилъ основанія клѣточной теоріи. Относительно клѣтчатой ткани и ея значенія для развитія высшихъ тканей—изслѣдованія Wolff'а тоже являются важнѣйшими.—Развитіе и структура костей были особенно разработаны Ios. Thaddaeus Klinkosch (1735—1778), профессоромъ въ Прагѣ, превосходнымъ изслѣдователемъ, и Clapton Havers'омъ въ Лондонѣ, имя котораго увѣковѣчено описанными имъ каналами (*Osteologia nova* etc. London, 1691. 8. 1729. 8. Francof. et. Lips. 1729. 8 и сл. изд.), и du Hamel'емъ въ Парижѣ (1700—

* См ниже стр. 336.

1782), ученымъ, оказавшимъ услуги также и ботаникѣ. Du Hamel доказалъ значеніе надкостницы для образованія кости и считалъ уже расположеніе костныхъ балокъ въ губчатой части костей слѣдствіемъ дѣйствующей на нихъ тяжести (*Mémoires de l'acad. de Paris*. 1741. ff. и *Journal de méd*. 1757).

Главнымъ предметомъ разсужденій, особенно у іатрофизиковъ, весьма понятно, были анатомія и физіологія кровообращенія. Важнѣйшія работы принадлежатъ Senac'у, Haller'у и Quesnay.*

Самыя большія заслуги по морфологіи крови принадлежатъ Hewson'у. Онъ описываетъ кровяныя тѣльца, какъ плоскія, заключающія пузырекъ образованія, и считаетъ уже главнымъ мѣстомъ ихъ преисхожденія селезенку.

Самый важный переворотъ почти во всѣхъ областяхъ естествознанія относительно уразумѣнія основныхъ процессовъ животной жизни былъ вызванъ открытіемъ кислорода. Заслуга эта принадлежитъ Ioseph Priestley (1733—1804), профессору въ Бирмингамѣ, впослѣдствіи въ Филадельфіи. При накаливаніи окиси ртути онъ получилъ газъ, названный имъ, по отсутствію въ немъ „флогистона",—„дефлогистированнымъ воздухомъ". Вскорѣ затѣмъ Priestley узналъ значеніе его для горѣнія и дыханія. Его открытіе было подтверждено Ant. Laurent Lavoisier (1743—1794). Въ то же время Шееле указалъ на составъ атмосфернаго воздуха изъ „огненнаго воздуха" и „испорченнаго воздуха" (азотъ) и на происхожденіе „крѣпкаго воздуха" (углекислоты) при дыханіи. Сейчасъ поспѣшили воспользоваться новымъ открытіемъ для физіологіи и медицины. Priestléy на основаніи опытовъ, произведенныхъ на самомъ себѣ, объявилъ кислородъ панацеей для продолженія жизни и лѣченія болѣзней. Вскорѣ затѣмъ кислородомъ воспользовались даже для построенія цѣлыхъ медицинскихъ системъ.**

Анатомія голосоваго аппарата подвинута впередъ главнымъ образомъ Santorini * Относительно происхожденія

---

* См. выше стр. 333.

** См. ниже § 169.

голоса существовали двѣ противоположныя теоріи, главнымъ образомъ Dodart'a изъ Парижа (1634—1707) и Ferrein'a, тамошняго профессора (1693—1769). Dodart объяснялъ происхожденіе голоса колебаніемъ воздуха, находящагося въ гортани, различную высоту тоновъ—измѣненіемъ ширины голосовой щели; Ferrein же—однимъ колебаніемъ натянутыхъ голосовыхъ связокъ. Позднѣе Camper'омъ** и другими оба воззрѣнія были болѣе или менѣе согласованы между собой.

Относительно строенія нервной системы еще долго пользовались вліяніемъ воззрѣнія Мальпигія и Ruysch'a. Первый описывалъ бѣлое мозговое вещество состоящимъ изъ трубкоподобныхъ образованій, сѣрое—изъ „довольно плотныхъ зернистыхъ тѣлъ" (гангліозныя клѣтки) и желѣзоподобнымъ,—взглядъ, согласовавшійся съ мнѣніемъ объ отдѣленіи „жизненныхъ духовъ" въ мозгу. Ruysch же полагалъ, что мозговая кора, подобно многимъ другимъ частямъ тѣла, почти всецѣло состоитъ изъ кровеносныхъ сосудовъ.— Boerhaave представляетъ сѣрое вещество состоящимъ изъ безчисленныхъ „фолликуловъ"; изъ нихъ происходятъ „нервныя волокна", которыя теряютъ свою оболочку при вступленіи въ паренхиму (вещество) различныхъ тканей тѣла, переходя то въ пульпозную массу, то въ папиллы, то въ очень нѣжныя перепонки, то, наконецъ, какъ наприм. въ мускулахъ, въ весьма нѣжныя полыя расширенія.

Безподобными работами Caspar. Friedr Wolff'a, создавшими новый періодъ въ ученіи объ исторіи развитія навсегда былъ разрѣшенъ старый споръ между „овистами" и „анималькулистами"***, какъ и между защитниками эволюціонной и эпигенетической теорій. Знаменитая диссертація, написанная 26-лѣтнимъ Wolff'омъ: *О теоріи зарожденія* въ значительной степени находится еще подъ вліяніемъ прежняго спекулятивнаго направленія, такъ какъ главное значеніе придается не сообщеннымъ фактамъ, а выводимымъ изъ нихъ законамъ.

---

* См. выше стр 320.
** См. выше стр. 322.
*** См. выше стр. 272.

Въ дальнѣйшихъ же работахъ Wolff'а господствуетъ исключительно методъ точнаго изслѣдованія.

Theoria generationis относится, подобно слѣдующему сочиненію ***О развитіи кишечнаго канала***, какъ къ растеніямъ, такъ и къ животнымъ. Особенно ясно выступаетъ во второй работѣ (1768 г.) взглядъ, высказанный впослѣдствіи Гете, на метаморфозы растеній. Работа о развитіи кишечнаго канала содержитъ почти полное описаніе развитія цыпленка; выводы ея въ главнымъ чертахъ еще теперь могутъ считаться правильными. Достаточно замѣтить, у что Wolff'а встрѣчаются уже основныя черты ученія о трехъ зародышевыхъ листкахъ, изъ которыхъ происходятъ главныя системы животнаго тѣла: нервная, кишечная и сосудистая. Эта работа Wolff'а о развитіи кишечнаго канала до 1812 г., т. е., въ продолженіи 44 лѣтъ, осталась неизвѣстной, пока Meckel (внукъ) не перевелъ ее. Лишь въ 1806 г. Oken* при изслѣдованіи яицъ млекопитающихъ, а Kieser** въ 1810 г. при изслѣдованіи человѣческихъ яицъ—пришли къ тѣмъ же выводамъ.

Практики XVIII вѣка.

Италія. Франція. Англія.

152. Въ Италіи, гдѣ, подобно другимъ отраслямъ, процвѣтала и практическая медицина, во главѣ практиковъ XVIII вѣка стоятъ два знаменитыхъ врача, вышедшіе изъ школы Мальпигія: Valsalva*** и Lancisi.—Giov. Maria Lancisi изъ Рима (1654—1720), лейбъ-медикъ папъ Иннокентія XI и XII и Клемента XI, является авторомъ очень цѣнныхъ сочиненій: ***О случаяхъ внезапной смерти***, съ многочисленными наблюденіями надъ болѣзнями мозга, ***О движеніяхъ сердца и аневризмахъ***, ***О климатѣ Рима***, ***О вредныхъ***

* См. ниже § 180.

** Тамъ же.

*** См. выше стр. 320.

испареніяхъ болотъ и *О чумѣ рогатаго скота.* (*Opera.* Genev. 1718. 4. *Opera varia.* Venet. 1739. f. Rom. 1745. 4. 4 т).

Рядомъ съ нимъ можетъ быть поставленъ родственникъ и ученикъ Мальпигія: Ippolito Francesco Albertini изъ Crevalcuore близь Болоньи (1662—1738), болонскій профессоръ; его заслуги въ ученіи о болѣзняхъ сердца остались до послѣдняго времени неоцѣненными; о нихъ рѣчь ниже. Во 2-ой половинѣ XVIII вѣка Италія можетъ указать лишь одного выдающагося представителя медицины—Giov. Batt. Borsieri (Burserius de Kanilfeld) изъ Тріэнта (1725—1785), профессора въ Павіи, впослѣдствіи лейбъ-медика миланскаго эрцгерцога; его руководство было вытѣснено лишь учебникомъ I. P. Frank'a (*Institutiones medicinae practicae.* Mediol. 1785—89. 8. 4 т. и сл. изд. Послѣд изд.—Берлинъ, 1843. 12).

Менѣе утѣшительную картину въ 1-ой половинѣ XVIII вѣка практическая медицина представляетъ во Франціи, гдѣ лучшіе умы тратили свои силы на борьбу съ хирургами и въ теоретическихъ спорахъ. Кромѣ Sauvages, сторонника Сталя,* и главныхъ представителей патологической анатоміи Senac и Lieutaud,** слѣдуетъ указать почти на одного лишь Jean Astruc, изъ Sauve въ Лангедокѣ (1684—1766), профессора въ Монпелье, автора получившихъ всеобщую извѣстность сочиненій по сифилису и акушерству (*De morbis venereis.* Paris, 1736. 4 и сл. изд. Также по французски).

За то въ исторіи англійской врачебной науки XVIII вѣкъ представляетъ блестящую страницу и въ отношеніи практической медицины. Правда, многіе британскіе врачи продолжали держаться ятромеханическихъ теорій; у постели же больнаго они почти безъ исключенія слѣдовали безсмертнымъ доктринамъ Sydenham'a.

Къ тѣмъ англійскимъ врачамъ, въ сочиненіяхъ которыхъ преимущественно обнаруживается іатромеханическая точка зрѣнія, принадлежитъ: Archibald Pitcairn и его

---

* См. выше стр. 319.

** См. выше стр. 322.

ученикъ, шотландецъ Georg Cheyne (1671—1743).—Руководителями англійскихъ іатромеханиковъ считаются шотландецъ Iames Keill (1673—1719), врачъ въ Нордгэмптонѣ (*Tentamina medico-physica* V. London, 1718. 8) и Nicolaus и Bryan Robinson'ы, старавшіеся ввести ученіе Ньютона объ эфирѣ и его колебаніяхъ въ нервную физіологію. Bryan Robinson изслѣдовалъ, подобно Keill'ю, особенно физическія свойства крови, вліяніе сокращенія мускуловъ на ея движеніе и т. д. (Nic. Robinson, *New theory of physic and diseases*. London, 1725. 8.—Bryan Robinson, *A treatise on the animal economy*. Dublin, 1738. 8).—Этихъ врачей, занимавшихся преимущественно теоріей, можно сопоставить съ значительнымъ числомъ лицъ, сочиненія которыхъ бѣдны разсужденіями систематическими, но за то тѣмъ богаче прочными результатами практической опытности.—Одинъ изъ самыхъ раннихъ—шотландецъ William Cockburn, бывшій долгое время врачемъ англійскаго флота, является авторомъ сочиненія о скорбутѣ; считая эту болѣзнь послѣдствіемъ неправильнаго питанія и холода, авторъ предлагаетъ лѣчить ее діэтетическими средствами и кислотами. (*Sea-diseases* etc. London, 1696. 8 и сл. изд).

Самымъ выдающимся англійскимъ практикомъ первой половины XVIII вѣка считается Richard Mead (1673—1754), врачъ, пользовавшійся глубокимъ уваженіемъ благодаря своему характеру. Въ теоретическомъ отношеніи Mead склонялся на сторону эклектицизма; его практическіе пріемы основаны на основныхъ положеніяхъ Sydenham'а и Сталя. Главное его сочиненіе, написанное имъ на 78-мъ году жизни, содержитъ лишь мало теоретическаго (*Monita et praecepta medica*. London, 1751 и сл. изд.—*Opera*. Genev. 1727. 4. и еще сл. изд. На англійскомъ.London., 1744 8.). Гораздо рѣшительнѣе обнаруживаются механическія теоріи въ сочиненіяхъ Iohn Freind'а изъ Кротона въ Нортгэмптонѣ (1675—1728), особенно въ его первомъ сочиненіи о менструаціи,—любимой темѣ іатрофизиковъ. (*Emmenologia*. Oxon. 1703. 8 и сл. изд. *Opera*. London, 1733 и сл. изд.). Кромѣ того Freind принадлежитъ къ выдающимся писателямъ по исторіи медицины.—Шотлан-

децъ Iohn. Pringle (1707—1782), школьный товарищъ Haller'a, бывшій долгое время главнымъ врачемъ англійской арміи (заботами о санитарномъ состояніи которой онъ оказалъ ей значительныя услуги), впослѣдствіи придворнымъ врачемъ въ Лондонѣ,—авторъ знаменитаго сочиненія о болѣзняхъ англійскихъ войскъ въ Голандіи (*Observations on the diseases of an army* etc. London, 1752. 8, посл. изд. 1810 8, перев. на различн. нов. язык.)—Clifton Wintringham (1710—1794), бывшій также главнымъ врачемъ англійской арміи, достоинъ вниманія по своимъ опытамъ о сопротивляемости артерій и венъ. Его *Коментаріи*—плодъ сорокалѣтней практической дѣятельности (*De morbis quibusdam commentarii*. London, 1782. 8. 1791. 8. 2 т.).—Къ лучшимъ врачамъ этого періода относится Iohn Huxham (1694—1768), врачъ въ Плимутѣ, авторъ цѣннаго эпидеміологическаго сочиненія, достойнаго вниманія по описанію „Slow fever" („Febris nervosa lenta", т. е. брюшнаго тифа). (*Observationes de aëre et morbis epidemicis—annorum 1728—1748 Plymuthi factae* London. 1739 8 1752. 8 *Opera*. Новѣйшее изданіе: Lips. 1829. 8.).—Iohn Fothergill (1712—1780), врачъ въ Лондонѣ, пріобрѣлъ извѣстность великолѣпнымъ сочиненіемъ о дифтеритѣ и невралгіи тройничнаго нерва, носящей его имя. (*An account on the putrid sore—throat with ulcers*. London, 1748. 8. 1754. 8.—*Works*. London, 1718. 8. 3 т. и сл. изд. По нѣмецки: Альтенбургъ, 1785. 8. 2 т.).

Другіе англійскіе практики отчасти уже относятся къ началу XIX вѣка; напр., James Gregory (1758—1821), преемникъ Cullen'a* въ Эдинбургѣ, замѣчательный профессоръ и писатель (*Conspectus midicinae theoreticae*. Эдинбургъ, 1776. 1778 8 2 т. 6-ое издан.: 1818. 8).—William Heberden (1719--1801), авторъ цѣнныхъ *Commentarii de morborum historia et curatione*. (London, 1802. 8. Одновременно и по англійски. Новѣйшее латинское изданіе: Lips. 1831. 8.).

---

* См. ниже § 172.

Германія.

Практики Геттингенскаго кружка.

153. Практическая медицина въ Германіи въ XVIII вѣкѣ находилась почти исключительно подъ вліяніемъ Boerhaave'a, Hoffmann'a и Stahl'я. Самое значительное вліяніе великій лейденскій клиницистъ пріобрѣлъ, благодаря своимъ воспитанникамъ Haller'y и van Swieten'y, основателямъ медицинскихъ школъ Геттингена и Вѣны.

Къ геттингенскому кружку прежде всего можетъ быть причисленъ Paul Gottlob Werlhof изъ Гельмштедта (1699—1767), бывшій впослѣдствіи лейбъ-медикомъ въ Ганноверѣ, интимный другъ Haller'a и одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ сподвижниковъ молодой Георгіи Августы. Его сочиненіе о перемежающейся лихорадкѣ послѣ произведенія Torti самое замѣчательное въ этомъ періодѣ; его трактатъ о древности оспы одно изъ лучшихъ сочиненій историко-патологической литературы. (*Opera*. Hannov. 1775. 1776. 4).

Ioh. Georg. Zimmermann изъ Бругга, близь Берна (1728—1795), одинъ изъ первыхъ учениковъ Haller'a, бывшій по смерти Werlhof'a лейбъ-медикомъ въ Ганноверѣ, извѣстенъ жизнеописаніемъ Haller'a, работой о раздражительности и сочиненіями объ „уединеніи" и „опытности", превознесенными современниками выше ихъ достоинствъ; не менѣе онъ извѣстенъ по своимъ отношеніямъ къ Фридриху Великому, къ русской Императрицѣ Екатеринѣ и своему ультра-реакціонному фанатизму (*Von der Einsamkeit*. Лейпцигъ, 1784. 1785. 8 4 т; *Von der Erfahrung in der Arzneikunst*. Цюрихъ, 1763. 1764. 8. 2 т. 1787. 8.).—Leberecht Benj. Lentin изъ Эрфурта (1736—1804), врачъ въ Клаусталѣ, лейбъ-медикъ въ Люнебургѣ, впослѣдствіи въ Ганноверѣ, авторъ цѣннаго *Memorabilia circa aërem et morbos Clausthaliensium* (Gott. 1779. 4. По нѣмецки: Hannov. 1800. 8.) и *Наблюденій надъ эпидемическими болѣзнями въ Верхнемъ Гарцѣ въ 1777—1782 г.* (Dessau и Leipzig, 1783. 8.).—Joh. Ernst Wichmann

(1740—1802), также лейбъ-медикъ въ Ганноверѣ, основательный знатокъ англійской медицины, основныя положенія которой онъ впервые распространилъ въ Германіи, авторъ превосходныхъ *Ideen zur Diagnostik* (Hannov 1794—1802. 1821. 8. 4 т. Третье изд. Hannov. 1827. 8.).

Въ болѣе обширномъ смыслѣ къ этому геттингенскому кружку могутъ быть причислены двое изъ выдающихся врачей XVIII вѣка: Phil. Gabriel Hensler изъ Ольденсворта въ Шлезвигѣ (1733—1805), впослѣдствіи датскій лейбъ-медикъ и профессоръ въ Килѣ, одинаково знаменитый, какъ практикъ и какъ ученый, одинъ изъ главныхъ основателей исторической патологіи,* и Simon André Tissot (1728—1797), врачъ въ своемъ родномъ городѣ Лозаннѣ, одинъ изъ самыхъ интимныхъ друзей Haller'а, дѣльный эпидеміографъ своего времени, извѣстный особенно, какъ ревностный поборникъ возрожденной гуманитарными стремленіями XVIII вѣка популярно-медицинской литературы. (*Avis au peuple sur sa santé*;—*Avis au gens de lettres sur leur santé* и т. д. Оба въ многочисленныхъ изданіяхъ и переводахъ. *Oeuvres*. Paris, 1820. 8. 11 т.).

Вѣнская школа.

154. Въ еще болѣе непосредственное отношеніе къ практической медицинѣ стала совершенно преобразованная van Swieten'омъ вѣнская школа.** Изъ врачей, занимавшихъ каѳедры, первое мѣсто принадлежитъ Anton de Haën'а изъ Гааги (1704—1775), школьному товарищу van Swieten'а и Haller'а въ Лейденѣ. Человѣкъ съ превосходными дарованіями и желѣзнымъ прилежаніемъ, Haën отличался суровымъ и властолюбивымъ характеромъ, и враждебно относился ко всякимъ новшествамъ Главное сочиненіе de Haën'а—*Ratio medendi in nosocomio practico Vindobonensi* (Vind. 1758—1779. 8. 18 т.).—Его ученикъ Anton Störck изъ Швабена (1731—

---

* См. ниже § 211.

** См. выше стр. 307.

1803), преемникъ van Swieten'a, пріобрѣлъ солидную извѣстность за организацію австрійской медицины и свои фармакологическія изслѣдованія.*

Высоты своей славы вѣнская школа достигла, благодаря Maximilian Stoll'ю изъ Энцингена, въ Вюртембергѣ (1742—1788), ученику и преемнику de Haën'a. По примѣру Sydenham'a, Stoll поставилъ себѣ основной задачей описаніе эпидемическихъ болѣзненныхъ конституцій; при этомъ онъ правда, увлекся въ томъ смыслѣ, что придавалъ преувеличенное значеніе гастрическому и желчному характеру болѣзни и соотвѣтственно этому преувеличивалъ значеніе антигастрической терапіи. Такая односторонность воззрѣній привела многихъ врачей къ одностороннему лѣченію разнообразнѣйшихъ эпидемическихъ и спорадическихъ болѣзней.— Ioh. Kämpf (1726—1787), лейбъ-медикъ въ Гомбургѣ, дошелъ даже до того, что объяснялъ большинство хроническихъ болѣзней „инфарктомъ живота" и рекомендовалъ раздражающія „висцеральныя клизмы", какъ лучшее лѣкарство противъ этого инфаркта.—Къ ученикамъ Stall'я принадлежатъ Ioh. Valentin Hildebrand (1763—1818), профессоръ въ Краковѣ, Львовѣ и Вѣнѣ, авторъ классическаго произведенія *Ueber den ansteckenden Typhus* (Вѣна, 1810. 8. 1815. 8).

Къ вѣнской школѣ можетъ быть причисленъ Ioh Peter Frank изъ Ротальбена близь Цвейбрюкена (1745—1821), одинъ изъ знаменитѣйшихъ нѣмецкихъ клиницистовъ послѣднихъ лѣтъ прошлаго и начала нынѣшняго вѣковъ. Frank жилъ—по окончаніи своего образованія въ Pont-à-Mousson въ Лотарингіи, Гейдельбергѣ и Страссбургѣ—сначала въ первомъ изъ названныхъ мѣстъ, затѣмъ въ Баденъ-Баденѣ и, наконецъ, въ качествѣ лейбъ-медика шпейерскаго архіепископа въ Раштадтѣ и Брукзалѣ. Въ 1784 г. онъ былъ приглашенъ въ Геттингенъ профессоромъ клиники, но уже по истеченіи года онъ промѣнялъ это мѣсто на клиническую профессуру въ Павіи и на должность главнаго директора

---

* См ниже § 158.

санитарнаго дѣла въ Ломбардіи. Въ 1795 г. онъ былъ назначенъ директоромъ общей больницы (allgemeines Krankenhaus) въ Вѣнѣ; въ 1804 г. онъ промѣнялъ, съ цѣлью работать сообща съ сыномъ, Вѣну на Вильну; вскорѣ затѣмъ онъ былъ приглашенъ въ Петербургъ въ качествѣ лейбъ-медика Императора Александра, но по истеченіи короткаго времени онъ снова удалился въ Вѣну, потомъ въ Фрейбургъ (въ Брейзгау) и снова въ Вѣну, гдѣ онъ вдали отъ свѣта и закончилъ свою славную жизнь. Важнѣйшія сочиненія Frank'а суть—*System einer v llständigen medicinischen Polizei*,—представляющее основу для позднѣйшей разработки этой отрасли медицины (Mann heim, Штутгартъ и Вѣна, 1779—1819. 8. 8 т.) и *Epitome de curandis hominum morbis* (Mannh. et Viennae, 1792—1821. 8 и въ многихъ переводахъ)—неистощимый кладъ практической опытности.

Изъ значительнаго числа нѣмецкихъ практиковъ второй половины XVIII вѣка нужно отмѣтить далѣе Balthasar Ludwig Tralles въ Бреславлѣ (1708—1797), автора фармакологическихъ сочиненій, и между ними обширной монографіи объ опіѣ (Vratisl. 1757—1762. 4.),—Marcus Herz въ Берлинѣ (1747—1803), автора часто цитируемой книги *О головокруженіи*,—Sam. Gottl. von Vogel (1750—1837), лейбъ-медика въ Шверинѣ.—Изъ шведскихъ врачей этого періода самымъ знаменитымъ является Nils Rosén von Rosenstein (1706—1773), профессоръ въ Упсалѣ, впослѣдствіи лейбъ-медикъ въ Стокгольмѣ, одинъ изъ основателей новѣйшей педіатріи; изъ датскихъ Ioh. Clemens Todc (1736—1806), профессоръ въ Копенгагенѣ, извѣстный, благодаря защитѣ мнѣнія о существенномъ различіи между сифилитическимъ ядомъ и трипперным

Пріобрѣтенія практической медицины.

Патологическая анатомія.

155. Большія пріобрѣтенія, сдѣланныя практической медициной въ болѣе тѣсномъ смыслѣ въ теченіе XVIII вѣка,

относятся, главнымъ образомъ, къ патологической анатоміи, діагностикѣ и ученію о лѣкарственныхъ веществахъ. Патологическая анатомія еще долгое время ограничивалась описаніемъ и накопленіемъ курьезныхъ ненормальностей, уродовъ, большихъ опухолей и т. д. Съ возрастаніемъ здраваго взгляда на задачи науки все болѣе и болѣе обнаруживалась потребность объяснять прижизненныя явленія даже и въ обыденныхъ болѣзняхъ на основаніи изслѣдованія трупа. Раньше всего это стремленіе проявилось въ Италіи. Въ качествѣ предтечи научной патологической анатоміи въ этой странѣ явился Giov. Batt. Fantoni (1652—1692), особенно его сынъ Giovanni (1675—1758), оба профессора и лейбъ-медики въ ихъ родномъ городѣ Туринѣ. Настоящимъ основателемъ патологической анатоміи является Giov. Battista Morgagni,* авторъ сочиненія *De sedibus et causis morborum per anatomen indagatis* (Venet. 1761. f. 2 т. и сл. изд.—Послѣд. Lips. 1827—1829. 8. 6 т. Также мног. перев.). Въ этомъ произведеніи господствуетъ чисто научный интересъ, не пренебрегающій даже самыми, повидимому, незначительными измѣненіями. Оно основано на точномъ знакомствѣ съ предшествующими работами и на массѣ тщательно провѣренныхъ фактовъ, обнимающихъ всю патологію. Morgagni считалъ своей главной задачей точное разграниченіе физіологическаго и патологическаго состояній; сравнивая результаты секцій съ болѣзненными явленіями, наблюдавшимися при жизни, онъ старался получить полную картину возникновенія и развитія патологическихъ процессовъ. Вскрытія лицъ, умершихъ отъ контагіозныхъ болѣзней, Morgagni не производилъ, изъ боязни зараженія.

Примѣръ Morgagni нашелъ многочисленныхъ подражателей во всѣхъ странахъ. Изъ его непосредственныхъ учениковъ слѣдуетъ отмѣтить Giov. Batt. Monteggia изъ Лавено на Лаго-Маджіоре (1762—1805), профессора и хирурга при большомъ миланскомъ госпиталѣ, автора превосходнаго руководства по хирургіи.—Важныя работы двухъ

* См. выше стр. 321.

другихъ итальянцевъ, Lancisi и Albertini, будутъ разобраны ниже.

Объ извѣстныхъ представителяхъ патологической анатоміи въ этомъ періодѣ между французами и голландцами, Senac и Lieutaud,—Sandifort и Bonn'ѣ было уже упомянуто.*

Въ нашемъ же отечествѣ интересъ къ патологической анатоміи былъ возбужденъ до нѣкоторой степени Fr. Hoffmann'омъ, особенно же Haller'омъ. Изъ основанной имъ геттингенской школы вышли такіе люди, какъ Fr. Meckel,** Röderer и Wagler, авторы знаменитаго сочиненія *Ueber das Schleimfieber* [брюшной тифъ].

Діагностика.

156. Въ тѣсной связи съ этими успѣхами патологической анатоміи стоятъ тѣ пріобрѣтенія, которыя сдѣлала въ XVIII вѣкѣ діагностика болѣзней сердца и большихъ сосудовъ, благодаря нѣкоторымъ итальянскимъ врачамъ.

Старое мнѣніе, что сердце,—мѣстопребываніе жизни,—не можетъ заболѣвать, было уже поколеблено въ XVI вѣкѣ Donato, Foreest и Schenk von Grafenberg'омъ***, которые уже показали, что въ трупахъ лицъ, никогда при жизни не представлявшихъ никакихъ симптомовъ сердечнаго страданія, могутъ быть найдены значительныя измѣненія этого органа. Но и въ XVII вѣкѣ, когда патологическая анатомія сердца была уже порядочно разработана, гуморальныя теоріи именно въ этой области обнаруживали свое преобладаніе. Даже послѣ того, какъ Гарвей опубликовалъ свое открытіе, часто цитированное сочиненіе Attilius Bulgetius'a (Patav. 1657. 4) не признавало другихъ болѣзней сердца, кромѣ Palpitatio cordis и Syncope.

Начала истинной патологіи сердца встрѣчаются въ пре-

* См. выше стр. 322.

** См. выше стр. 324.

*** См. выше стр. 218.

восходномъ произведенiи Vieussens'а объ анатомiи этого органа.* Еще важнѣе были работы, вышедшiя изъ школы Мальпигiя, именно сочиненiе Lancisi *О случаяхъ внезапной смерти*, между причинами которой онъ главнымъ образомъ считаетъ гипертрофiю и аневризмы сердца и большихъ сосудовъ; еще болѣе интересно: *О движенiи сердца и аневризмахъ*. Авторъ различаетъ двоякаго рода „Aneurysma cordis": расширенiе съ гипертрофiей или же съ утонченiемъ стѣнки сердца; рядомъ съ ними значительную роль все еще играютъ „полипы" сердца. Lancisi считаетъ уже эти и другiя ненормальности причинами нѣкоторыхъ страданiй, которыя до того времени признавались за самостоятельныя страданiя, какъ, напримѣръ, „asthma", „сердцебiенiя" (пальпитацiи) и т. д. Съ такой же осмотрительностью онъ высказывается объ этiологiи сердечныхъ болѣзней, влiянiи наслѣдственности, дискразiй, извѣстныхъ болѣзней легкихъ, главнымъ образомъ хроническаго бронхiальнаго катарра. Величайшей признательности заслуживаетъ тщательность, съ которой Lancisi, старался дiагносцировать подобные случаи: осмотръ грудной клѣтки, шеи, ундуляцiя яремныхъ венъ и ея происхожденiе при недостаточности трехстворчатаго клапана, изслѣдованiе пульса, нарушенiя въ распредѣленiи крови и т. д.

Главнымъ основателемъ дiагностики сердечныхъ болѣзней въ XVIII вѣкѣ слѣдуетъ считать Albertini,** на работу котораго указано было Romberg'омъ лишь въ 1828 г. Его сочиненiе, незначительное по объему, но богатое по содержанiю, было написано за два года до выхода въ свѣтъ произведенiя Lancisi, но опубликовано лишь 22 годами позже, 10 лѣтъ спустя послѣ смерти Albertini.

Animadversiones super quibusdam difficilis respirationis vitiis a laesa cordis et praecordiorum structura pendentibus. In den Commentaren der Akademie zu Bologna, 1748.—*Opuscula*, ed. M. H. Romberg. Berol. 1828. 8.

Сочиненiе Albertini основано на многочисленныхъ вскры-

---

* См. выше стр. 259.

** См. выше стр. 338.

тіяхъ и опытахъ на собакахъ (сдавленіе, перевязка большихъ сосудовъ и т. д.). Основной формой заболѣванія сердца онъ считаетъ аналогичную расширеніямъ большихъ сосудовъ, „аневризматическую“ и „варикозную“ дилятацію. Къ первой принадлежитъ расширеніе лѣваго сердца и аорты, къ послѣдней—праваго сердца и легочной артеріи.

Главная заслуга Albertini заключается въ его стараніи дать основы діагностики сердечныхъ болѣзней. Важнѣйшими средствами для этого служили прикладываніе руки къ сердечной области, наблюденіе за состояніемъ каротидъ и яремныхъ венъ, пульса въ лучевой артеріи, дыханія, положенія больнаго во время сна и т. д. Albertini посредствомъ пальпаціи различаетъ больныхъ съ неправильными движеніями сердца, со слабымъ, недостаточнымъ и сильнымъ сердечнымъ пульсомъ. Варикозныя расширенія труднѣе распознать, чѣмъ аневризматическія, а всего труднѣе измѣненія перикардія: hydrops pericardii, зарощеніе и утолщеніе сердечной сорочки и „истинные полипы“ (адинамія сердца), которые и у него играютъ большую роль.

Главными причинами сердечныхъ болѣзней Albertini считаетъ наслѣдственность, сифилисъ, особенно ртутную дисказію. Объ изслѣдованіи ухомъ (выслушиваніи) не упоминается. Это странное обстоятельство объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что аускультировались лишь больные съ далеко зашедшими уже измѣненіями сердца, при которыхъ связь между пульсаціями, тонами и шумами представлялась тогдашнимъ наблюдателямъ настоящимъ хаосомъ.

Важнѣйшей задачей, какъ признаетъ самъ Albertini, еще очень недостаточной терапіи онъ считаетъ уменьшеніе „напора твердыхъ частей на жидкія“ (кровяное давленіе) путемъ діэты, небольшихъ кровопусканій и т. д. Проносныя же средства часто ведутъ къ смерти. Даже мочегонныя требуютъ осторожности, „такъ какъ они иногда производятъ даже водянку“. Въ другихъ случаяхъ, наоборотъ, необходимо усилить „сопротивленіе твердыхъ частей жидкимъ“ (энергію сердца) усиленіемъ питанія, желѣзными препаратами и т. д., устранять катарры и т. д. Ртуть безусловно вредна.

Патологія дыхательныхъ органовъ получила, благодаря Albertini, важныя пріобрѣтенія, напр., относительно различія между „Hydrops pectoris и pulmonum“ (плевритическіе эксудаты и отекъ легкихъ)

Слѣдующее мѣсто въ ряду работавшихъ надъ ученіемъ о болѣзняхъ сердца принадлежитъ Senac'у,* который въ своемъ произведеніи впервые изложилъ полную патологію и терапію сердца. За то въ діагностическомъ отношеніи его трудъ не можетъ выдержать сравненія съ произведеніемъ Albertini, вышедшимъ 23 годами ранѣе (и оставшимся Senac'у, по всей вѣроятности, неизвѣстнымъ).

Изобрѣтеніе перкуссіи.

157. Несомнѣнно, что въ древности уже примѣнялась перкуссія для отличія асцита и тимпанита,** вѣроятно также для обнаруженія часто встрѣчавшихся опуханій селезенки и печени, а можетъ быть также и для діагностики эмпіемы. То обстоятельство, что древніе не говорятъ о перкуссіи при упомянутыхъ болѣзняхъ, неважно, такъ какъ это относится также къ аускультаціи при легочныхъ заболѣваніяхъ, несомнѣнно, однакожъ, примѣнявшейся

Въ новѣйшее время первые слѣды перкуссіи встрѣчаются у ветеринаровъ. Wepfer*** разказываетъ, что швейцарскіе ветеринары и мясники изслѣдовали черепъ рогатаго скота при помощи перкуссіи на цистицерки. Позднѣйшія свѣдѣнія доказываютъ, что перкуссія тамъ и сямъ примѣнялась коновалами для изслѣдованія легкихъ у лошадей.

Настоящимъ изобрѣтателемъ перкуссіи является Ios. Leop. Auenbrugger изъ Граца (1722—1809), врачъ при испанскомъ госпиталѣ въ Вѣнѣ Онъ началъ свои изслѣдованія въ 1754 году; въ 1761 г. появилось его безсмертное произведеніе:

---

* См выше стр. 322.

** См. выше стр. 30. 104.

*** См. выше стр. 292.

Inventum novum ex percussione thoracis humani ut signo abstrusos interni pectoris morbos detegendi. Vindob. 1761 8. (чрезв. рѣдкое) 1763. 8.—Lat. und deutsch. von Ungar. Wien, 1843 8.

Результаты его семилѣтнихъ изслѣдованій, изложенные въ лаконическихъ положеніяхъ, имѣютъ своимъ содержаніемъ значеніе голосоваго дрожанія, подвижности грудной клѣтки, функціональныхъ разстройствъ, найденныхъ измѣненій или отсутствія ихъ въ трупахъ; всѣ эти заключенія въ главныхъ чертахъ согласны съ фактами, признаваемыми теперь всѣми.

Перкуссія раздѣлила участь большинства великихъ изобрѣтеній. Даже и тѣми немногими, которые о ней знали, она была принята равнодушно или даже враждебно. Первыми, высказавшимися въ ея пользу—были Haller (въ 1762 г.) и Ludwig въ Лейпцигѣ (1763); первымъ, примѣнившимъ перкуссію у постели больнаго, былъ Stoll въ Вѣнѣ. Въ его клиникѣ она стала аккуратно примѣняться съ 1777 г. и тамъ подтвердились данныя Auenbrugger'а во всѣхъ существенныхъ чертахъ. За то Peter Frank еще въ 1792 г. и по его примѣру многіе другіе врачи, напр. Reil и Horn, приписывали ей лишь второстепенное значеніе.

Такимъ образомъ изобрѣтеніе Auenbrugger'а было предано забвенію—и только почти чрезъ полстолѣтіе оно снова было вызвано къ жизни Corvisart'омъ

Пріобрѣтенія фармакологіи. Гидротерапія. Цѣлебные источники.

158. Ученіе о лѣкарственныхъ веществахъ въ теченіе XVIII вѣка получило лишь незначительныя и не долго державшіяся въ наукѣ—пріобрѣтенія; сюда, напр., принадлежатъ введенное Goulard'омъ внутреннее употребленіе свинца, именно свинцоваго сахара, рекомендованное Störck'омъ примѣненіе омега, аконита, дурмана (datura stramonium), безвременника* (colchicum) и т. д.

* Всѣ указанныя средства и понынѣ не вышли изъ употребленія въ практической медицинѣ. Ред.

Гораздо важнѣе было возобновленіе наружнаго примѣненія холодной воды, которой давно уже пользовались въ широкихъ размѣрахъ индусы, египтяне, греки и римляне съ діэтетической цѣлью. Методическое употребленіе холодной воды мы впервые встрѣчаемъ у Asclepiades.* Однако у римлянъ употребленіе теплыхъ ваннъ очень скоро взяло верхъ, и у народовъ средней Европы сохранилось до XVI вѣка, а у обитателей сѣверной Европы—и до настоящаго времени. Правда, за этотъ періодъ не было недостатка въ рекомендаціяхъ терапевтическаго примѣненія холодной воды. Rhazes, напр., приписывалъ послѣдней очень большое значеніе при лѣченіи оспы,** а въ XVI вѣкѣ одна религіозная секта, „заклинатели воды“ (Wasserbeschwörer), лѣчила почти всѣ болѣзни холодной водой. Точно также одинъ англійскій врачъ, Baynard, примѣнялъ съ отличнымъ успѣхомъ холодныя ванны при горячкахъ, даже во время лондонской чумы 1685 г. Нѣкоторые изъ его соотечественниковъ, именно Iohn Floyer (1649—1734) рекомендовали холодныя ванны, какъ универсальное средство при хроническихъ, главнымъ образомъ, душевныхъ болѣзняхъ.— Особенно настойчиво предлагали въ это время діэтетическое и терапевтическое примѣненіе холодной воды силезскій врачъ Hahn, его двое сыновей, врачи въ Швейдницѣ, и Schwertner, врачъ въ Іауерѣ; однако же эти рекомендаціи не встрѣтили желаемаго сочувствія.—Лишь въ концѣ XVIII вѣка нѣкоторымъ англійскимъ врачамъ, среди которыхъ гидротерапія всегда находила сторонниковъ, удалось снова обратить вниманіе врачей на холодную воду. Сочиненіе James Currie (1756—1805) въ Ливерпулѣ (Lond. 1792. 8) стало исходной точкой всѣхъ дальнѣйшихъ работъ по этому вопросу

Объ успѣхахъ, оказанныхъ особенно Fr. Hoffmann'омъ въ ученіи о цѣлебныхъ источникахъ, было уже говорено выше.***

---

* См. выше стр. 62.

** См. выше стр. 132.

*** См. выше стр. 313.

Хирургія.

159. Относительно положенія многихъ хирурговъ, хирургія въ XVIII вѣкѣ находилась еще въ состояніи, мало отличавшемся отъ отношеній прежняго времени. Хирургическая практика почти вездѣ была соединена съ цирюльничьимъ ремесломъ, и еще долго, особенно въ Германіи, на званіи хирурга лежали слѣды стараго пятна „безславія". Даже въ концѣ этого вѣка профессора, которые дерзали говорить о сліяніи медицины и хирургіи, были преслѣдуемы, какъ еретики.

Это состояніе улучшилось со средины вѣка, благодаря основанію хирургическихъ учебныхъ заведеній для потребностей арміи и учрежденію хирургическихъ каѳедръ при университетахъ. Первыя исходили изъ Франціи. Уже Chirac, врачъ Людовика XV, задумалъ планъ основанія академіи, которая обнимала бы медицину и хирургію; но выполненію его намѣренія помѣшало противодѣйствіе со стороны факультета. Болѣе благопріятные результаты имѣли старанія Maréchal'я и Franç Gigot de la Peyronie (1678—1747), хирурговъ Людовика XV. Чтобы пріостановить паденіе коллегіи de St Côme, они добились учрежденія должности демонстраторовъ по анатоміи, хирургіи и акушерству. Гораздо важнѣе была основанная ими же въ 1731 г. „хирургическая академія". Въ 1743 послѣдняя была приравнена медицинскому факультету и,—вслѣдствіе предъявленія ко всѣмъ хирургамъ требованія о полученіи предварительнаго званія магистра философіи,—позорная связь съ цирюльниками была навсегда устранена. Въ 1750 г. къ академіи присоединилась „Ecole pratique de chirurgie", съ которой начинается новая эпоха французской хирургіи.

Хирургическая академія въ первомъ ея періодѣ возвысилась, благодаря участію такихъ лицъ, какъ Le Dran, Garengeot, La Faye, David, главнымъ же образомъ Antoine Louis, до степени знаменитѣйшаго учрежденія этого рода. Но первоначальное рвеніе, къ сожалѣнію, очень скоро остыло.

Къ этому присоединились значительные недостатки въ учебныхъ пособіяхъ; клиническое преподаваніе происходило въ ужасныхъ палатахъ Hôtel-Dieu. Послѣ удаленія Людовика, академія безостановочно шла на встрѣчу давно угрожавшей ей гибели, и едва-ли требовалась революція, закрывшая всѣ высшія учебныя заведенія, чтобы положить конецъ славному когда-то существованію этого учрежденія.

Несравненно благопріятнѣе во многихъ отношеніяхъ были условія, при которыхъ хирургія развивалась въ Англіи. Большинство англійскихъ хирурговъ происходило изъ большей частью превосходныхъ частныхъ школъ и изъ многочисленныхъ и образцово-устроенныхъ госпитателей въ Лондонѣ, Эдинбургѣ и Дублинѣ.

Превосходство англійской хирургіи передъ французской, выступающее во 2-ой половинѣ XVII вѣка, зависитъ, помимо особыхъ свойствъ англійскаго національнаго характера, наклоннаго къ занятію хирургіей, главнымъ образомъ отъ основательныхъ анатомическихъ познаній, съ издавна отличающихъ британскихъ врачей. Отсюда, ихъ знаніе получало ясность, ихъ поступки—спокойствіе и увѣренность,—свойства, которыя должны быть поставлены гораздо выше безспорной геніальности и изящества французскихъ хирурговъ. Понятно теперь, почему глубокая пропасть, раздѣлявшая „Physicians“ и „Surgeons“, мало по-малу сглаживалась,—и сословіе хирурговъ въ Великобританіи достигло такого уваженія, какъ ни въ какой другой странѣ.

Очень скудно было научное образованіе хирурговъ въ теченіе еще долгаго времени—въ Германіи. Хотя при многихъ университетахъ были каѳедры хирургіи, но онѣ обыкновенно соединялись съ преподаваніемъ анатоміи и ботаники, и преподаваніе это ограничивалось теоретическими лекціями; въ самомъ благопріятномъ случаѣ производились операціи на трупахъ.

Первый шагъ къ лучшему положенію былъ сдѣланъ въ Пруссіи основаніемъ въ 1714 г. главнымъ хирургомъ von Holtzendorffомъ (1668—1751) „Collegium medico-chirurgicum“ въ Берлинѣ, къ которой въ 1726 г. присоединенъ былъ

клиническій институтъ въ Charité. Австрія получила подобное же учрежденіе лишь въ 1780 г. въ формѣ школы, устроенной въ Гумпендорфѣ и расширенной въ 1785 г. въ Iosephsakademie. Подобные же институты возникли около того-же времени въ Цюрихѣ и Копенгагенѣ

Наиболѣе извѣстные хирурги XVIII вѣка.

Италія. Франція.

160. Италія, не смотря на то, что свѣтившая когда-то такъ ярко звѣзда этой страны все болѣе и болѣе меркла, затуманенная политическими неурядицами, можетъ еще и въ XVIII вѣкѣ указать на цѣлый рядъ дѣльныхъ хирурговъ. Не мало ихъ выходило изъ Флоренціи; во главѣ ихъ —Ant. Benevoli изъ Норчіи, близь Сполето (1685—1756), его ученикъ Angiolo Nannoni (1715—1790) и сынъ послѣдняго Lorenzo (1749—1812),—Giuseppe Natale Pallucci (1716—1797). Изъ хирурговъ, принадлежащихъ болонской школѣ, рядомъ съ Valsalva,* слѣдуетъ отмѣтить Pier Paolo Molinelli, туринца Ambrosio Bertrandi (1723—1765), Carlo Guattani и Gius. Flajani (1741—1808) въ Римѣ,—Michele Troja (1747—1827), профессора въ Неаполѣ, Monteggia** и Giov. Battista Palletta (1747—1832) въ Миланѣ.

Во главѣ французскихъ хирурговъ первой половины XVIII вѣка стоитъ Jean Louis Petit изъ Парижа (1674—1750), впослѣдствіи профессоръ хирургической академіи. Произведенія, опубликованныя Petit въ послѣдніе годы жизни, одинаково превосходны какъ по анатомической основательности, богатой патологической опытности, такъ и по смѣлости терапевтическихъ идей. Его *Traité des maladies des os* (Paris, 1723. 8; послѣд. изд. 1837. 8.) пользовалось славой болѣе, чѣмъ цѣлое столѣтіе. Въ ученіи объ ампутаціяхъ изоб-

---

* См. выше стр. 320.

** См. выше стр. 345.

рѣтенный имъ винтовой турникетъ (1719) открываетъ собою новый періодъ въ хирургіи.—*Traité des maladies chirurgicales* Petit'a (Paris. 1774—1783. 8. 3 т.) вышелъ лишь послѣ его смерти —René Jacques Croissant de Garengeot (1688—1759), демонстраторъ при Jardin du roi (впослѣдствіи Jardin des plantes) выдавался особенно какъ литотомистъ и противникъ факультета.—Важнѣйшія изъ превосходныхъ сочиненій Henri Franç. Le Dran'a изъ Парижа (1685—1770), хирурга при Hôtel—Dieu, относятся къ камнесѣченію и огнестрѣльнымъ ранамъ. Къ величайшимъ заслугамъ Le Dran'a принадлежитъ то, что онъ впервые указалъ на значеніе сотрясенія мозга при поврежденіяхъ черепа.

Самое большое вліяніе на развитіе хирургіи въ срединѣ прошлаго столѣтія оказалъ Ant. Louis изъ Меца (1723—1792), даровитый хирургъ, соединявшій въ себѣ преимущества и недостатки французскаго національнаго характера. Louis былъ больше сорока лѣтъ преподавателемъ физіологіи, а впослѣдствіи и судебной медицины при хирургической академіи, которая достигла вершины своей славы, благодаря его превосходнымъ лекціямъ, его практической дѣятельности и сочиненіямъ, выдающимся по своей исторической основательности самостоятельной опытности и отличвому изложенію.—Съ особенной любовью и замѣчательнымъ успѣхомъ Louis разработывалъ судебную медицину. Его важнѣйшія работы напечатаны въ ***Мемуарахъ*** академіи. Весьма цѣнны также его недавно обнародованныя *Éloges* (Парижъ 1859. 8).—Claude Nicolas Le Cat (1700-1768), врачъ при Hôtel—Dieu въ Руанѣ, непримиримый врагъ Louis'a, извѣстнѣе всего какъ противникъ метода камнесѣченія посредствомъ „Lithotome caché",—предложеннаго Iean Baseilhac (Frère Côme).—Iean Pierre David (1737—1784), его зять и преемникъ, извѣстенъ своими работами о вліяніи покоя и движенія при хирургическихъ болѣзняхъ и о некрозѣ.—Raphael Bienvenu Sabatier (1732—1811), авторъ дѣльныхъ, пользовавшихся долгое время извѣстностью руководствъ по анатоміи и хирургіи. — Достойно замыкаетъ этотъ рядъ Pierre Ioseph Desault (1744—1795), ученикъ Petit, одинаково

славный какъ человѣкъ, врачъ и профессоръ, основатель новой эпохи во французской хирургіи. Desault былъ съ 1762 г. врачемъ при Charité, съ 1875—при Hôtel—Dieu въ Парижѣ. Многочисленныя улучшенія, которыя онъ ввелъ почти во всѣ отдѣлы хирургіи, касаются главнымъ образомъ перевязки, аневризмъ и переломовъ и вывиховъ. Его повязки при переломахъ бедра и ключицы встрѣтили всеобщее сочувствіе. — Franç. Chopart (1743—1795), бывшій съ 1771 г. профессоромъ при Ecole pratique, всѣмъ извѣстенъ по его методу частичной ампутаціи стопы и его классическому произведенію о болѣзняхъ мочевыхъ органовъ (Парижъ, 1791. 8. 1821. 8. 2 т).— Пользуются извѣстностью также французскіе хирурги этого періода: Littré, описавшій впервые грыжи червеобразнаго отростка,—George Arnaud въ Парижѣ, впослѣдствіи въ Лондонѣ, знаменитый тогдашній операторъ грыжъ.

При изслѣдованіи женскихъ половыхъ органовъ Arnaud пользовался уже особымъ кресломъ, шестистворчатымъ маточнымъ зеркаломъ и аппаратомъ для освѣщенія влагалища.— Hugues Ravaton, главный врачъ французской арміи, одинъ изъ дѣльнѣйшихъ практиковъ XVIII вѣка, и Adrien Simon Boy, главный врачъ рейнской арміи при республикѣ—достойны вниманія по ихъ произведеніямъ объ огнестрѣльныхъ ранахъ.—Оба Moreau, отецъ и сынъ, занимаютъ почетное мѣсто въ исторіи резекціи суставовъ.

Англія. Германія.

161. Рядъ англійскихъ хирурговъ XVIII вѣка открываетъ собою врачъ, одинаково знаменитый, какъ анатомъ и какъ хирургъ, William Cheselden.* Наибольшею извѣстностью пользуется онъ, благодаря улучшенію боковой литотоміи, предложенію Apparatus altus, изобрѣтенію искуственнаго образованія зрачковъ, и описанію (первому въ медицинской литературѣ) невромы.—Его ученикъ Samuel Sharp (род. ок. 1700, ум. въ 1778 г.) достоинъ вниманія за свое руко-

---

* См. выше стр. 323.

водство по хирургіи, отличающееся краткостью и ясностью;— Wilh. Bromfield (также Bromfeild, 1712—1792), королевскій лейбъ-медикъ и врачъ георгіевскаго госпиталя; онъ изобрѣлъ артеріальные крючки, носящіе его имя, и двойной горжеретъ.—Къ этимъ первостепеннымъ хирургамъ принадлежитъ далѣе Percival Pott изъ Лондона (1733—1788) главный врачъ вароломеевскаго госпиталя, считавшійся авторитетомъ какъ операторъ, преподаватель и писатель. Его заслуги состоятъ, главнымъ образомъ, въ рекомендаціи консервативной хирургіи, улучшеніи леченія фистулъ прямой кишки и въ основаніи ученія о хроническихъ воспаленіяхъ суставовъ, именно позвоночнаго столба. (Поттова болѣзнь).

Меньшее число выдающихся хирурговъ до новѣйшаго времени вышло изъ Эдинбурга. Основателями тамошней школы слѣдуетъ считать Alex. Monro—отца* и Benj. Bell'я. *Система хирургіи* Bell'я (Эдинбургъ 1783—1787. 8. 6 т.), его работы о воспаленіи, опухоляхъ, сифилисѣ—принадлежатъ къ самымъ цѣннымъ въ этомъ періодѣ.

Новая глава въ англійской хирургіи, во многихъ отношеніяхъ даже во всей научной медицинѣ вообще, начинается Iohn Hunter'омъ.** Его заслуги состоятъ не только въ томъ, что онъ обогатилъ практическую хирургію множествомъ важныхъ фактовъ и мыслей, но еще и въ томъ, что весьма опредѣленно и настойчиво стремился поставить хирургію, разработывавшуюся до того времени преимущественно въ эмпирическомъ направленіи, въ тѣсную связь съ физіологіей; послѣдняя, по его мнѣнію, также могла позаимствовать полезный фактическій матеріалъ для своего развитія—изъ хирургическаго наблюденія. Заслуженной похвалы достойна та умѣренность, съ которой Iohn Hunter предостерегалъ врачей отъ поспѣшности въ приложеніи данныхъ физіологіи къ хирургіи. Вопросы, разработанные въ его самомъ знаменитомъ сочиненіи—*О крови, воспаленіи и огнестрѣльныхъ ранахъ*—представляютъ только исходныя точки подробныхъ изслѣдованій

* См. выше стр. 323.

** См. выше стр. 323.

главнѣйшихъ вопросовъ общей патологіи и хирургіи. При изложеніи ихъ Hunter держался лишь метода естественно историческаго изслѣдованія безъ всякихъ предвзятыхъ теоретическихъ мнѣній, за исключеніемъ „жизненной силы", не требовавшей для него доказательства. Благодаря своимъ многочисленнымъ опытамъ на животныхъ, отчасти на людяхъ,— опытамъ, имѣющимъ цѣлью изученіе болѣзненныхъ состояній крови, воспаленія, нагноенія, онъ является основателемъ экспериментальной патологіи.

Извѣстными англійскими хирургами въ этомъ періодѣ являются Jos. Else и Jos. Warner въ Лондонѣ, John Aitken, профессоръ въ Эдинбургѣ, Thomas Kirkland врачъ въ Ашби, Edwavd Alanson въ Ливерпулѣ, изобрѣтатель воронкообразнаго сѣченія при ампутаціи и Hughes Park.*

Изъ нѣмецкихъ хирурговъ слѣдуетъ сначала упомянуть тѣхъ, которые во время семилѣтней войны стояли во главѣ медицинской части прусской арміи: Ioh. Leberecht Schmucker (1712—1786), ученикъ французовъ, Ioh. Christian Anton Theden (1714—1797), воспитанникъ цирюльни, и Ioh. Ulrich Bilguer (первоначально Bilger) изъ Хура (1720—1796). Позднѣйшему періоду принадлежатъ преемники Theden'a: оказавшій значительныя услуги прусской медицинѣ Ioh. Goercke (1750—1822) и Christ. Ludwig Mursinna, генеральный хирургъ и профессоръ въ Берлинѣ.

Изъ австрійскихъ хирурговъ сюда принадлежатъ первые учителя академіи Іосифа: Ioh. Alex. von Brambilla изъ Павіи (1728—1800), Ioh. von. Mohrenheim, впослѣдствіи директоръ хирургической академіи въ Петербургѣ, и Ioh. Hunczovsky изъ Чеха въ Моравіи (1752—1798).

Значительный толчекъ данъ былъ хирургіи въ нашемъ отечествѣ многими профессорами, работавшими при университетахъ, и завѣдуемыми ими, правда, большею частію очень скромными, клиническими учрежденіями. Изъ профессо-

* См. ниже стр. 364.

ровъ — прежде другихъ долженъ быть упомянутъ—Lorenz Heister*, авторъ обширнаго, пользовавшагося долго извѣстностью руководства (Нюрнбергъ, 1718. 4. и много слѣд. изд., рядомъ съ многочисленными переводами).

Большимъ вліяніемъ пользовался также классически образованный Ioh. Zachar Platner изъ Хемница (1694—1747), профессоръ въ Лейпцигѣ. Менѣе важны—Iustus Gottfr. Günz, преемникъ Platner'а, впослѣдствіи лейбъ-медикъ въ Дрезденѣ, Burkard David Mauchart, профессоръ въ Тюбингенѣ, Karl. Friedr. Kaltschmidt, профессоръ въ Iенѣ,—Samuel Schaarschmidt и Simon Pallas, оба профессора въ Галле и Берлинѣ. Всѣхъ ихъ далеко превосходитъ Aug. Gottlob Richter изъ Цербига, въ Саксоніи (1742—1812), съ 1766 г. профессоръ въ Геттингенѣ. Значеніе Рихтера состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что онъ распространялъ въ Германіи устно и письменно основныя положенія англійской медицины и старался вновь соединить хирургію съ медициной. Его *Начальныя основы хирургіи* (Göttingen, 1782—1804; 3-е изданіе 1799—1804 7 т.) сдѣлались основой новѣйшей нѣмецкой хирургіи и образцомъ всѣхъ послѣдующихъ руководствъ по этой спеціальности. Издававшаяся Рихтеромъ и написанная вся почти имъ *Хирургическая библіотека* (Геттингенъ, 1771—1797. 8. 15 т.) была первымъ журнальнымъ предпріятіемъ въ этомъ родѣ.—Замѣтными учениками рихтеровской школы были Iust. Arnemann, профессоръ въ Геттингенѣ, впослѣдствіи врачъ въ Гамбургѣ, Christ. Friedr. Michaelis, впослѣдствіи профессоръ въ Касселѣ и Марбургѣ, извѣстнѣе всего своей диссертаціей о крупѣ и трахеотоміи. (Геттингенъ, 1778. 8.)

Подобное же вліяніе, какъ Рихтеръ, пріобрѣлъ въ южной Германіи Karl Caspar Siebold (1736—1807) изъ Нидекена въ Iülichschen, родоначальникъ выдающихся естествоиспытателей и врачей.

Къ замѣчательнымъ хирургамъ этого періода въ Гол-

---

* См. выше стр. 324.

ландіи принадлежитъ Ioh Iac. Rau изъ Бадена (1658—1719), бывшій сперва цирюльникомъ, затѣмъ литотомистомъ, получившій извѣстность, благодаря особенно введеннымъ имъ оперативнымъ курсамъ и усовершенствованію камнесѣченія;*—далѣе многосторонній Pieter Camper,** хирургическія сочиненія котораго касаются главнымъ образомъ камнесѣченія и грыжъ;—ученый David van Gesscher (ум. въ 1810 г.), профессоръ хирургической школы въ Амстердамѣ.

Въ скандинавскихъ странахъ хирургія нашла достойныхъ представителей въ лицѣ Olof Acrel (1717—1807), профессора и лейбъ-медика въ Стокгольмѣ, Georg Heuermann (ум. въ 1768 г.) и Heinrich Callisen'а (1740—1824), профессоровъ въ Копенгагенѣ

Пріобрѣтенія хирургіи.

162. Блестящія пріобрѣтенія, которыя хирургія сдѣлала въ XVIII вѣкѣ, зависятъ прежде всего отъ тщательности, съ которой хирурги изучали анатомію. Ея вліяніе обнаружилось прежде всего въ значительномъ расширеніи области хирургическихъ операцій и замѣтномъ усовершенствованіи хирургической техники, которая превращалась, впрочемъ, нерѣдко въ безтолково переполненные наборы инструментовъ. Во 2-й половинѣ вѣка главнымъ образомъ даетъ себя знать вліяніе физіологическихъ успѣховъ на научную часть физіологіи. Въ тоже время обнаруживается начало консервативной хирургіи: уменьшеніе кровотеченія при большихъ операціяхъ, ограниченіе ампутацій, забота о чистотѣ окружающей больнаго атмосферы.

Въ ученіи о ранахъ обнаруживается вліяніе изслѣдованій Petit, Iohn Hunter'а и Morand'а объ условіяхъ произвольной остановки кровотеченій, образованіи тромба (Petit), значеніи разрыва внутренней оболочки сосудовъ для тром-

---

* См. ниже стр. 363.

** См. выше стр. 322.

бовъ (Morand). Многіе хирурги, наприм. Petit и A. Louis, придавали такое большое значеніе послѣднимъ вліяніямъ, что во многихъ случаяхъ считали возможнымъ замѣнить турникетъ, даже лигатуру, пальцевымъ прижатіемъ, или, какъ Theden и Schmucker, тампонаціей. Долгое время жженная губка считалась даже лучшимъ кровоостанавливающимъ средствомъ. Въ Hôtel-Dieu въ Парижѣ для остановки кровотеченія при ампутаціяхъ еще долго пользовались каленымъ желѣзомъ. Окончательное принятіе лигатуры еще надолго было замедлено ошибочными теоріями о ея дѣйствіи и неудобопримѣнимости. Pouteau и др. объясняли дѣйствіе перевязки вызываемымъ ею опуханіемъ клѣтчатки и давленіемъ, производимымъ послѣдней на сосуды. Поэтому они намѣренно въ лигатуру включали и окружающія сосуды части, нерѣдко даже нервы. Отсюда понятно, почему Petit считалъ еще въ 1733 г. лигатуру жестокостью, пока A. Louis, затѣмъ англійскіе хирурги, далѣе Desault и Scarpa не доказали необходимости полной изоляціи сосуда.—Особое вниманіе обращала на себя столь частая при раненіяхъ „гектическая лихорадка", которая уже много разъ объяснялась всасываніемъ дурнаго гноя.—Самое благотворное вліяніе на лѣченіе ранъ, особенно относительно кроваваго шва, имѣли изслѣдованія I. Hunter'а о „возстановляющемъ" значеніи воспаленія и о заживленіи первымъ натяженіемъ, образованія струпа, нагноенія, образованіи грануляцій, различіи процесса заживленія при простыхъ, разорванныхъ и ушибленныхъ ранахъ, развитіи и рубцеваніи абсцессовъ и т. д.

Относительно ученія о поврежденіяхъ и заболѣваніяхъ костей и суставовъ надо отмѣтить изслѣдованія, которыя (уже въ концѣ XVII вѣка) производились Anton van der Heyde въ Миддельбургѣ, и позднѣйшія работы du Hamel'я Bordenave и Troja—объ образованіи костной мозоли и возстановленіи костей.

Самыми лучшими сочиненіями о переломахъ долгое время считались—Petit и (относительно переломовъ плеча и шейки бедра)—A. Louis'a; изъ работъ о болѣзняхъ суста-

вовъ—Pott'a o tumor albus, Ford'a, хирурга въ Лондонѣ, и Benj. Bell'я.*

Изъ многочисленныхъ сочиненій объ огнестрѣльныхъ ранахъ, послѣ образцоваго произведенія I. Hunter'a, заслуживаютъ вниманія произведенія Le Dran'a и Ravaton'a.** Они имѣли своимъ послѣдствіемъ то, что мѣсто употреблявшагося до того времени расширенія пулеваго канала надрѣзами, корпіей и т. д., раздражающихъ мазей и пластырей —заняло простое регулированіе естественнаго цѣлительнаго процесса.

При поврежденіяхъ черепа трепанація еще долго пользовалась уваженіемъ. Le Dran считалъ и сотрясеніе мозга показаніемъ къ трепанаціи; Heister допускалъ даже для открытія поврежденнаго мѣста примѣненіе цѣлаго ряда трепановъ кругомъ черепной крышки.—Трахеотомія довольно часто производилась при постороннихъ тѣлахъ въ гортани, рѣже—при „ангинахъ". Катетеризмъ гортани и воздухоносной трубки нашелъ въ Desault авторитетнаго защитника.

Ученіе о грыжахъ значительно подвинулось впередъ, благодаря той тщательности, съ которой изучалась хирургическая анатомія. Всѣми признанъ былъ взглядъ, высказанный впервые въ 1719 году „литотомистомъ" и „снимателемъ катарактъ" Franz Widenmann'омъ, что о „разрывѣ" брюшины при не травматическихъ грыжахъ не можетъ быть и рѣчи. Кромѣ того геріологія существенно развилась послѣ открытія грыжъ червеобразнаго отростка (Littre), Hernia obturatoria (Arnaud), Hernia cruralis (Barbette и Gimbernat, профессоръ въ Барцелонѣ) и Hernia ischiadica (Camper). Важнѣйшія изъ работъ, касающихся терапіи грыжъ, принадлежатъ Petit, Arnaud и Pott'у; полную картину состоянія герніологіи въ концѣ XVIII вѣка далъ A. G. Richter. Болѣзни прямой кишки были классически разработаны Pott'омъ, изобрѣвшимъ всѣмъ извѣстный фистульный ножъ.

Одной изъ самыхъ частыхъ операцій, при обширномъ

* См. выше стр. 357.

** См. выше стр. 356.

распространеніи каменной болѣзни, было камнесѣченіе. Введенный семействомъ Colot Apparatus magnus (разрѣзъ мочеваго канала) снова былъ оставленъ.

Помимо метода Цельза, примѣнявшагося обыкновенно у мальчиковъ, чаще всего употреблялись при небольшихъ камняхъ sectio lateralis (разрѣзъ простаты), введенная Baulot („Frére Jacques")* и усовершенствованная Rau, Cheselden'омъ, Le Cat и др., и Apparatus altus—при большихъ камняхъ —Ученіе о болѣзняхъ мочеваго аппарата было особенно развито Chopart'омъ, терапія стриктуръ мочеваго канала—Jacques Daran'омъ (1701—1784) въ Парижѣ, изобрѣтателемъ зондовъ, изготовленныхъ изъ кишечныхъ струнъ —Болѣзни яичекъ, особенно hydrocele, были разработаны Alex. Monro— сыномъ, Sharp'омъ, Garengeot, Pott и Benj. Bell'емъ.

Контрастъ между смѣлой терапіей французскихъ хирурговъ и выжидательнымъ характеромъ англійской, а по образцу послѣдней, и нѣмецкой хирургіи—особенно ясно обнаруживается въ сужденіяхъ объ ампутаціи. Турникетъ, изобрѣтенный Petit'омъ,** давшій возможность посвящать ампутаціи больше времени и тщательности, чѣмъ прежде, далъ поводъ къ двойному круговому сѣченію, предложенному самимъ Petit, расширенному Louis'омъ въ тройное и къ болѣе частому примѣненію лоскутнаго и Alanson'овскаго воронкообразнаго сѣченія.*** Но эти усовершенствованія имѣли также послѣдствіемъ то, что ампутація на поляхъ битвы и въ лазаретахъ предпринималась французскими хирургами неимовѣрно часто и самымъ легкомысленнымъ образомъ. Заслуга борьбы съ этими злоупотребленіями, которыя стали проникать и въ прусскую армію чрезъ посредство французскихъ хирурговъ, приглашенныхъ Фридрихомъ Великимъ, принадлежитъ главнымъ образомъ нѣмецкимъ врачамъ, именно Bilguer'у, творцу консервативной хирургіи, въ госпиталяхъ котораго ампута-

* См. выше стр. 300.

** См. выше стр. 355.

*** См. выше стр. 299.

ціи въ теченіе всей семилѣтней войны предпринимались очень рѣдко. Его основныя положенія нашли защитниковъ въ лицѣ Schmucker'а, во Франціи — Méhée, главнаго врача французской арміи, и др., между тѣмъ какъ Morand, Le Dran, впослѣдствіи Boy, Larrey и англійскіе врачи указывали на односторонность этихъ воззрѣній.

Дальнѣйшимъ слѣдствіемъ значительнаго усовершенствованія хирургической техники было расширеніе области ампутаціи вылущеніемъ суставовъ и возобновленіемъ резекціи.* Первая экзартикуляція плеча была произведена въ 1718 году Le Dran'омъ, первая резекція плеча—Charles White'омъ въ 1768 году. Дальнѣйшее развитіе этой операціи, именно ея распространеніе на колѣнный суставъ, составляетъ заслугу Park'а.**

Ученіе объ аневризмахъ и ихъ лѣченіи достигло въ главныхъ чертахъ настоящаго своего вида, благодаря изслѣдованіямъ I. Hunter'а (предложившаго перевязку выше заболѣвшаго сосудистаго ствола) и Scarpa, и было расширено распространеніемъ лигатуры на большіе сосуды тѣла: подмышечную (Desault), общую сонную (1775 Warner и Else, 1792 Lynn), iliaca externa (1796 Abernethy). Безумная мысль о возможности перевязки брюшной аорты выпала на долю XIX столѣтія.

Ортопедія значительно была усовершенствована Andry, Henrik van Deventer, швейцарцемъ Venel'емъ (1740—1791) и англичаниномъ Sheldrake.

Глазныя болѣзни.

---

163. Подобно хирургіи и акушерству и офталміатрія въ теченіе XVIII вѣка получила толчекъ во Франціи; но вскорѣ и въ этой спеціальности англичане и нѣмцы могли сравниться съ французами. Даже на странствующихъ эмпирикахъ—окулистахъ отразилось вліяніе могучаго успѣха анатоміи и физіологіи.

---

* См. выше отр. 109.

** См. выше стр. 358.

Во Франціи, кромѣ многихъ, уже упомянутыхъ хирурговъ, занимавшихся въ тоже время офталміатріей, слѣдуетъ отмѣтить: Pourfour du Petit и Demours;—Ant. Maître Jan (обыкновенно Maître Jan), род. около 1650 г. въ Méry на Сенѣ, извѣстнаго по превосходному руководству и возбужденнымъ имъ спорамъ о мѣстонахожденіи катаракты;—Charles de St. Yves (1667—1733 или 1736) въ Парижѣ, автора превосходнаго учебника; Ивъ рекомендовалъ введеніе въ глазную практику адскаго камня и предложилъ даже изобрѣтенный lapis divinus;—Iacques Daviel (1699—1762), придворнаго окулиста въ Парижѣ, самаго извѣстнаго окулиста своего времени;—Dominique Anel'я въ Туринѣ, извѣстнаго своими работами о слезныхъ фистулахъ,—и нѣкотор. другихъ.

Знаменитѣйшіе офталмологи этого періода въ Англіи суть: Iohn Thomas Woolhouse (1650—1730), окулистъ Вильгельма III и Якова II, впослѣдствіи врачъ при Hospice de Quinze—Vingt въ Парижѣ. Изъ итальянскихъ окулистовъ первое мѣсто принадлежитъ Pallucci и Troja.*

Въ Германіи, гдѣ научно-образованные окулисты являются только во 2-й половинѣ XVIII вѣка, слѣдуетъ упомянуть объ обоихъ Wentzel'яхъ. Старшій (баронъ v. Wentzel, ум. въ 1790 г.) жилъ въ качествѣ придворнаго окулиста въ Лондонѣ, его сынъ—съ 1808 г. при дворѣ Наполеона. Сюда принадлежитъ далѣе Heinrich Iung, прозванный Stilling'омъ (1740—1817), одинъ изъ самыхъ уважаемыхъ глазныхъ операторовъ своего времени.

Разцвѣту офталміатріи въ Германіи всего болѣе содѣйствовало то, что она была включена во многихъ университетахъ въ кругъ академическаго преподаванія, напр. въ Геттингенѣ A. G. Richter'омъ,** въ Іенѣ Neubauer'омъ (1742—1777), въ Лейпцигѣ Ernst Platner'омъ;*** еще болѣе способствовало этой наукѣ то, что во многихъ мѣстахъ, напр въ Вѣнѣ—

* См. выше стр. 354.

** См. выше стр. 359.

*** Ibid.

Barth'омъ,* были основаны особыя лѣчебницы для страдающихъ глазами.

Успѣхи офталміатріи въ XVIII вѣкѣ.

164. Физика глаза была уже твердо обоснована въ XVII вѣкѣ Kepler'омъ, Ньютономъ, Scheiner'омъ и нѣк. др.; функціональную часть физіологіи глаза Haller развилъ до самой высокой степени. Макроскопическая анатомія глаза получила свой теперешній видъ, благодаря трудамъ Zinn'a, Pourfour du Petit, Demours и др., позднѣе также—Sömmerring'a. Главный импульсъ къ тѣмъ могучимъ успѣхамъ, которые выпали на долю офталміатріи въ XVIII вѣкѣ, былъ данъ спорами о мѣстонахожденіи катаракты. Еще въ XVII вѣкѣ два парижскихъ врача, François Quarré и Remi Lasnier, утверждали, что катаракта зависитъ отъ помутнѣнія линзы. Однако неизвѣстно, обосновали ли они и согласные съ ними врачи свое воззрѣніе анатомически. Это случилось впервые въ 1656 г. въ Іенѣ, благодаря Werner Rolfink'у, изслѣдовавшему два катарактальныхъ глаза. Rolfink въ тоже время показалъ, основываясь на изслѣдованіи глазъ ослѣпшихъ животныхъ и людей, что потеря возможности видѣть можетъ зависѣть отъ всевозможныхъ анатомическихъ измѣненій. Но хотя не мало другихъ врачей присоединилось къ его воззрѣнію, Nuck еще въ 1692 г. выступилъ въ защиту перепончатаго характера сѣрой катаракты.

Всеобщаго признанія правильный взглядъ на локализацію катаракты достигъ лишь въ началѣ XVIII вѣка, благодаря Pierre Brisseau изъ Парижа (1631—1717), врачу въ Турнэ и Дуэ. Работа его, доложенная въ 1706 г. академіи наукъ (*Nouvelles observations sur la cataracte*. Tournay, 1706 12. Прод. 1708. 12), мало обратила на себя вниманія. Въ 1707 г. Antoine Maître Jean,** гораздо лучшій наблюдатель, перешелъ на сторону Brisseau. Основываясь на наблюденіяхъ и опытахъ

* См. ниже § 200.

** См. выше стр. 365.

надъ различными химическими веществами, Жанъ считалъ сѣрую катаракту за продуктъ свертыванія, вызываемаго ѣдкой жидкостью, образующейся въ глазу.

Новое ученіе натолкнулось сейчасъ же на рѣшительное противорѣчіе, именно со стороны тѣхъ, которые, подобно Joh. Heinr. Freytag'у въ Цюрихѣ, могли ссылаться на свои наблюденія надъ извлеченными капсулярными катарактами. Однако благодаря Heister'у, Boerhaave'у, Benevoli, Morgagni, Benj. Bell'ю и др. побѣда осталась на стороронѣ ученія Brisseau и Maître Jean.

Самую большую услугу этому ученію оказалъ Daviel, который долженъ считаться настоящимъ иниціаторомъ экстракціи, хотя отдѣльные врачи производили ее уже раньше при выпавшихъ катарактахъ. При всемъ томъ Sklerotikonyxis еще долго осталась господствующимъ методомъ, особенно послѣ того, какъ Ant. Karl von Willburg въ Швебишгмюндѣ (въ 1785 г.) и Rud. Abr. Schiferli (ум. въ 1837 г.), впослѣдствіи профессоръ въ Бернѣ, усовершенствовали эту операцію дисцизіей. Здѣсь кстати упомянуть о шарлатанскомъ способѣ, производимомъ еще Abulcasem'омъ,*—высасыванія катаракты. Хирургъ Rochus Mattiolus къ необходимому для этого аппарату прибавилъ кисточку, изготовлявшуюся изъ тонкой золотой проволоки, для выскабливанія содержимаго капсулы линзы - Brisseau принадлежитъ далѣе заслуга, что онъ призналъ глявкому, считавшуюся прежде родомъ катаракты, соединенной съ амаврозомъ, за заболѣваніе стекловиднаго тѣла.

Поводомъ къ живѣйшимъ спорамъ послужили далѣе слезныя фистулы. До того времени описывали относящіеся сюда случаи, какъ „Aegilops", т. е. воспаленіе слезнаго мясца съ нагноеніемъ сосѣднихъ частей, именно съ caries слезной косточки. Сталь показалъ, что Aegilops зависитъ отъ непроходимости слезнаго мѣшка вслѣдствіе воспаленія и считалъ уже вскрытіе мѣшка и катетеризацію слезнаго канала

---

* См. выше стр. 135.

соотвѣтствующими средствами, — предложеніе, выполненное впервые Petit.

Къ величайшимъ пріобрѣтеніямъ офталміатріи въ XVIII вѣкѣ принадлежитъ изобрѣтеніе искусственнаго образованія зрачка,—операціи, получившей въ новѣйшее время значеніе, превосходящее ея непосредственную цѣль. Мысль объ этой операціи была высказана уже въ 1711 г. Woolhouse'омъ, но осуществлена при помощи иридентоміи* лишь въ 1728 г. Cheselden'омъ. Практическое значеніе — искуственное образованіе зрачка получило лишь въ 1780 г., благодаря Wentzel'ю—отцу, открывшему случайно иридектомію.

Недостатки, свойственные этому методу, не смотря на усовершенствованія, предложенныя нѣкоторыми, напр. Beer'омъ, повели къ удаленію сегмента райка отъ ligamentum ciliare (Iridodialysis), операціи, опубликованной въ 1802 г. одновременно Scarpa** и Ioh. Ad. Schmidt.

Относительно пріобрѣтеній, сдѣланныхъ патологіей сѣтчатки, двигательныхъ и аккомодативныхъ органовъ и наружныхъ образованій глаза, сравни исчерпывающее этотъ предметъ сочиненіе A. Hirsch'a, *Исторію офталміатріи*, Берлинъ, 1877. 8.

Акушерство.

165. Первый шагъ къ освобожденію акушерства изъ-подъ вліянія хирургіи былъ сдѣланъ, благодаря возобновленію поворота—Paré.*** Но полной самостоятельности эта специальность достигла послѣ изобрѣтенія щипцовъ.

Вѣроятно, отдѣльные врачи и раньше при трудныхъ родахъ пользовались инструментами, похожими на щипцы, по образцу общеупотребительныхъ пулевыхъ щипцовъ. Не-

---

* Т. е. иридотоміи. Ред.

** См. ниже § 200.

*** См. выше стр. 233.

сомнѣнно, что во 2-ой половинѣ XVII вѣка въ Англіи и Голландіи отдѣльными акушерами примѣнялись инструменты, которые подъ печатью тайны продавались акушеркамъ и врачамъ, получавшимъ, такимъ образомъ, возможность оканчивать легко тяжелые роды. Сюда принадлежатъ особенно инструменты голландца Rogier van Roonhuyze, сына Hendrik v. R.* Его тайна была куплена компаніей хирурговъ въ Амстердамѣ, которые безстыдно эксплоатировали ее, пока она не сдѣлалась всѣмъ извѣстной (въ 1753 г.) Оказалось, что инструментъ состоялъ изъ 2-хъ тонкихъ металлическихъ шпаделей (лопаточекъ) различной ширины, дѣйствовавшихъ на подобіе рычага. Далѣе оказывается, что уже въ XVII столѣтіи члены одной французской фамиліи Chamberlaine (Chamberlen), эмигрировавшей въ Англію вслѣдствіе преслѣдованія протестантовъ, употребляли инструментъ, совершенно похожій на щипцы, который они продали нѣкоторымъ голландскимъ врачамъ, а въ томъ числѣ и Rogier van Roonhuyze. То обстоятельство, что въ 1815 г. найдены были въ домѣ, въ которомъ жила (1683—1715) фамилія Chamberlen, инструменты, похожіе на щипцы, не имѣетъ особаго значенія, такъ какъ не извѣстно, когда именно эти инструменты были тамъ оставлены. Во всякомъ случаѣ Chamberlen'ы потеряли всякое право на честь изобрѣтенія, которымъ они злоупотребляли изъ корыстныхъ цѣлей.

Слава изобрѣтенія щипцовъ,—одного изъ самыхъ благодѣтельныхъ орудій изъ всѣхъ, какія когда либо сдѣланы, принадлежитъ безспорно Jean Palfyn'у изъ Куртре (28-го ноября 1650—20 апрѣля 1730), хирургу и преподавателю анатоміи и хирургіи въ Гентѣ. Въ 1721 г. Palfyn отправился пѣшкомъ въ Парижъ, чтобы напечатать составленный имъ анатомическій компендій и представить академіи наукъ изобрѣтенный имъ инструментъ.

Послѣдній состоялъ изъ 2-хъ широкихъ не окончатыхъ стальныхъ ложекъ, девяти дюймовъ длины и 22-хъ линій ширины, не связанныхъ между собою; онѣ снабжены были

* См. выше стр. 297 и 302.

такой же длины деревянными рукоятками, которыя связывались платкомъ и захватывались обѣими руками.

Первое описаніе щипцовъ было опубликовано въ 1724 г. Lor. Heister'омъ, получившимъ ложку щипцовъ отъ самого Palfyn'a. Въ Англіи щипцы стали извѣстны, благодаря Chapman'у и Giffard'у. Но всеобщаго примѣненія инструментъ достигъ лишь тогда, когда Dusé значительно усовершенствовалъ его въ 1735 г., устроивъ перекрещиваніе ложекъ; еще болѣе этому распространенію способствовали Gregoire'ы, отецъ и сынъ, въ Парижѣ; Грегуаръ—сынъ ввелъ окошечки въ ложкахъ и соединилъ послѣднія штифтикомъ. Настоящій замокъ встрѣчается лишь въ щипцахъ Chapman'a. Самыя большія услуги всеобщему распространенію щипцовъ оказалъ Lavret* тѣмъ, что онъ усовершенствовалъ замокъ, вмѣсто прежнихъ прямыхъ щипцовъ сталъ употреблять искривленные, но главнымъ образомъ тѣмъ, что онъ твердо установилъ показанія къ ихъ употребленію

Благотворное вліяніе изобрѣтенія щипцовъ и вызванный ими прогрессъ въ акушерствѣ—уже скоро обнаружились улучшеніемъ преподаванія акушеркамъ и основаніемъ родовспомогательныхъ учебныхъ заведеній. Въ Парижѣ уже въ 1720 г. Grégoire старшій вмѣсто акушерской школы при Hôtel-Dieu основалъ учебное заведеніе для акушерокъ. Въ 1743 г. La Peyronie** устроилъ при Ecole pratique родовспомогательный курсъ для акушерокъ и студентовъ, что заставило факультетъ въ 1754 г. основать подобный же институтъ для акушерокъ. Мѣсто обоихъ этихъ заведеній послѣ революціи въ 1798 г. заняла назначавшаяся сначала для акушерокъ Maternité, съ которой начинается новѣйшая исторія французскаго акушерства.

И въ Дублинѣ, Эдинбургѣ и Лондонѣ, начиная со средины XVIII вѣка, возникли многочисленныя и общественныя и частныя учрежденія для призрѣнія беременныхъ и роженицъ и для обученія акушерству.

---

* См. стр. 371.

** См. выше стр. 352.

Въ Германіи предвѣстники лучшаго положенія акушерства обнаруживаются прежде всего появленіемъ книгъ для акушерокъ, значительное число которыхъ (книгъ) объясняется тѣмъ, что даже самыя маленькія нѣмецкія владѣтельныя лица считали нужнымъ и въ этомъ случаѣ выказать свое „просвѣщенное вліяніе".

166. Важнѣйшими представителями акушерства въ этомъ періодѣ во Франціи являются оба Grégoire,* которые хотя не выступали, какъ авторы, тѣмъ не менѣе оказали огромное вліяніе, какъ преподаватели и особенно—усовершенствованіемъ щипцовъ. Въ еще большей степени это относится къ André Levret изъ Парижа (1703—1780), знаменитѣйшему акушеру своего времени. Изъ его работъ, обнимающихъ всѣ отдѣлы этой спеціальности, особенно заслуживаютъ вниманія сочиненія о нормальномъ и патологическомъ тазѣ, ученіе о тазовой оси и предлежащемъ послѣдѣ. Извѣстными акушерами этого періода являются далѣе Nicol. Puzos (1686—1753), преподаватель при Ecole pratique,—Péan въ Парижѣ, Ant. Franç. Petit,—оба знаменитые преподатели своей спеціальности, и Franç. Ange Deleurye (род. въ 1737 г.)

Къ важнѣйшимъ англійскимъ акушерамъ этого періода, кромѣ Chapman'a, Giffard'a, Fielding Ould и Rich Manningham, принадлежитъ главнымъ образомъ William Smellie (1680—1763), работавшій сначала долгое время въ качествѣ сельскаго врача, затѣмъ переселившійся въ Лондонъ. Его геніальныя работы, плоды обширнѣйшей опытности, содержатъ первыя важныя данныя о размѣрахъ нормальнаго таза, теченіи и механизмѣ нормальныхъ родовъ. Главное сочиненіе Smellie: *A treatise on the theory and practice of midwifery* (London, 1752. 8 и сл. изд.) было еще издано въ 1878 г. лондонскимъ Сиденгамовскимъ обществомъ.—Послѣ Smellie заслуживаютъ вниманія William Hunter, авторъ ***Анатоміи беременной матки*****, ограничившій употребленіе

---

* См. стр. 370.

** См. выше стр. 323.

инструментовъ и даже щипцовъ самыми рѣдкими случаями, и его ученикъ Thom. Denman (1723—1815).

Во главѣ нѣмецкихъ акушеровъ XVIII вѣка, кромѣ Lor. Heister,* у котораго акушерство является еще отдѣломъ хирургіи, стоятъ Ioh. Iac. Fried въ Страссбургѣ (1689—1764) и его преждевременно умершій сынъ Georg Albrecht.—Новый періодъ нѣмецкаго акушерства открываетъ воспитанникъ страссбургской школы Ioh Georg Röderer (1726—1763) въ Геттингенѣ.** Изданныя имъ *Elementa artis obstetriciae* (Геттингенъ, 1753. 8 и слѣд., также во многихъ переводахъ) превосходятъ по формѣ и содержанію всѣ прежнія работы въ этомъ родѣ. Также благотворно работалъ, какъ преподаватель и авторъ, ученикъ Röderer'а и Levret'а: Georg Wilh. Stein старшій (1737—1803), профессоръ въ Касселѣ и Марбургѣ. Первымъ преподавателемъ въ устроенной въ 1751 г при берлинской Charité школѣ для акушерокъ былъ Ioh. Friedr. Meckel—дѣдъ, ученикъ Haller'а и Röderer'а.***

Знаменитѣйшими нидерландскими акушерами XVIII вѣка, кромѣ Rogier van Roonhuyze,**** являются Ioh. Huwé въ Гаарлемѣ, Iac. Denys, Walter van Doeveren (1730—1783), профессоръ въ Гренингенѣ и Лейденѣ, Pieter Camper,***** Nic. van der Eem и Leonard van Leeuwen; изъ датчанъ заслуживаютъ вниманія Balthasar Ioh. von Buchwald (род. въ 1697 г.) въ Копенгагенѣ, Christian Ioh. Berger, профессоръ въ Копенгагенѣ и Килѣ, Matth. Saxtorph (1740—1800), профессоръ въ Копенгагенѣ

Особенно ясно вліяніе французовъ, главнымъ образомъ, Levret'а, на развитіе акушерства обнаруживается въ Италіи, гдѣ учебныя заведенія для врачей по этой спеціальности (во

* См. выше стр. 324.

** См. выше стр 346.

*** См. выше стр. 324.

**** См. выше стр. 369.

***** См. выше стр. 322.

Флоренціи въ 1761 г., въ Миланѣ въ 1767 г., въ Неаполѣ въ 1778 г.) были основаны позже, чѣмъ въ другихъ странахъ; вслѣдствіе этого и самостоятельныя работы въ этой области являются тамъ лишь въ послѣднія десятилѣтія XVIII вѣка.

Первое нѣмецкое родовспомогательное учебное заведеніе было открыто въ 1728 г. въ Страссбургѣ, гдѣ уже гораздо раньше находилась превосходная школа для акушерокъ, и передано въ вѣдѣніе Ioh. Iac Fried'a, благодаря которому оно развилось въ одинъ изъ самыхъ плодородныхъ питомниковъ этой отрасли знанія.—Геттингенъ получилъ въ 1751 г. при Röderer'ѣ подобное же учебное заведеніе, которое скоро оставило позади себя всѣ подобныя учрежденія. — Берлинъ получилъ такой институтъ въ томъ же году, Вѣна, благодаря van Swieten'у въ 1764 г., вскорѣ затѣмъ Копенгагенъ, Кассель, Дрезденъ, Іена и т д.

Попытки къ вытѣсненію кесарскаго сѣченія. Симфизеотомія. Искусственные преждевременные роды.

167. Изъ споровъ, возникшихъ въ XVIII вѣкѣ, благодаря изобрѣтенію щипцовъ и успѣхамъ ученія о тазѣ, особенно заслуживаютъ вниманія попытки замѣнить кесарское сѣченіе менѣе серьезными операціями.

Помимо одной цитаты въ сочиненіи *Flos medicinae*, вышедшемъ изъ салернской школы, (вѣроятно приписанной позднѣе), предлагающей замѣнить кесарское сѣченіе разъединеніемъ лоннаго сращенія,—первое указаніе на симфизеотомію встрѣчается въ 1575 г. у Severin Pineau.* Эту операцію успѣшно выполнилъ въ 1665 г. Jean Claud dela Courvée, въ Везулѣ, съ цѣлью сохранить жизнь ребенка матери, умершей во время родовъ. Болѣе ста лѣтъ спустя (1768), Iean Rene Sigault, хирургъ въ Парижѣ, ратовалъ за эту операцію передъ хирургической академіей, но не встрѣтилъ сочувствія, хотя P. Camper доказалъ выполнимость этой операціи въ 1776 г. на трупахъ и живыхъ животныхъ. Симфи-

* См. стр. 225.

зеотомія, произведенная въ 1777 г. на рахитической роженицѣ, нашла многочисленныхъ послѣдователей, не смотря на очень сомнительный исходъ операціи. Предпринятыя ими операціи имѣли частью благопріятные, частью ужасные результаты.—Подобнымъ же образомъ одинъ, увлеченный революціоннымъ пыломъ шарлатанъ, Sacombe въ Монпелье, возставалъ противъ кесарскаго сѣченія и всякаго рода искусственной помощи вообще. Но достаточно было могучаго голоса Baudelocque'а, чтобы выставить въ настоящемъ свѣтѣ эти выдумки пустословія.

Къ совершенно другимъ результамъ привели старанія замѣнить кесарское сѣченіе, выскабливаніе мозга и т. д. искусственными преждевременными родами И объ этой операціи была уже рѣчь въ 1756 г. на собраніи лондонскихъ акушеровъ, затѣмъ ее предложилъ въ 1768 г. Plenck въ Вѣнѣ, не встрѣтивъ сочувствія. Впервые эту операцію выполнилъ Macaulay; общаго признанія она достигла лишь благодаря Denman'у, не смотря на не выгодные отзывы о ней французскихъ акушеровъ, особенно Baudelocque'а.

Начало физіологическаго обоснованія акушерства. Педіатрія.

---

168. Еще въ первой половинѣ XVIII вѣка нѣкоторые акушеры, напр. Pean и William Hunter, указали на необходимость обращать при родахъ главное вниманіе на дѣятельность природы и только тогда прибѣгать къ помощи искусства, когда эта дѣятельность окажется недостаточной. Тѣмъ не менѣе многіе акушеры, въ виду того уваженія, которымъ пользовались ученія Smellie и Levret'а о примѣненіи щипцовъ, все еще слишкомъ много вмѣшивались въ теченіе родовъ.—Французскій врачъ Franç. Louis Ios. Solayrés de Renhac въ своей знаменитой диссертаціи: *De partu viribus maternis absoluto* (Парижъ, 1771. 4. Новое изданіе v. Siebold. Берлинъ 1831. Также по нѣмецки и французски) старался основать акушерство на физіологіи родоваго акта, физикѣ таза и механизмѣ дѣятельности матки; главная же его заслуга состоитъ въ томъ, что онъ разъяснилъ зна-

ченіе головныхъ положеній; и современное раздѣленіе ихъ въ главныхъ чертахъ заимствовано у Solayrès'а. — Начатая имъ работа была продолжена его ученикомъ Jean Louis Baudelocque изъ Heilly въ Пикардіи, профессоромъ въ Ecole de santé, впослѣдствіи при Maternité въ Парижѣ,—давшимъ тщательныя изслѣдованія по анатоміи таза и основанія внутренняго и наружнаго измѣренія таза.

Педіатрія въ XVIII вѣкѣ сильно развилась, благодаря основанію заведеній для больныхъ дѣтей и опубликованію дѣльныхъ педіатрическихъ сочиненій. Первый институтъ для больныхъ дѣтей былъ основанъ въ Лондонѣ въ 1796 году Georg Armstrong'омъ (ум. въ 1781 г.). За этимъ институтомъ послѣдовало открытіе подобнаго же учрежденія въ Вѣнѣ въ 1787 г. Mastalier'омъ; въ 1794 г. оно было расширено Gölis'омъ (1764—1827) существуетъ до настоящаго времени.

Медицинскія системы второй половины XVIII вѣка.

Химическія и гальваническія теоріи.

169. Великія открытія, которыми обогатились физика и химія въ XVIII вѣкѣ, главнымъ образомъ открытіе гальванизма и кислорода, оказали свое могучее вліяніе и на медицину. Не мало врачей, ослѣпленныхъ блескомъ этихъ открытій, снова пошли на встрѣчу утонченнымъ ятрофизическимъ и ятрохимическимъ теоріямъ. Но вліяніе сталевскаго анимизма и раздражительности Haller'а было еще слишкомъ могущественно для того, чтобы новыя системы могли освободиться отъ него. Основою этихъ системъ служили то новооткрытыя физическія и химическія силы, то нематеріальная нервная дѣятельность Въ противоположность этимъ теоріямъ возникаютъ системы, которыя стараются примирить противорѣчіе между матеріальной и динамической точками зрѣнія помощью высшаго и объединяющаго принципа, „жизненной силы“.

Прежде всего сюда относится система Christian Ludwig Hoffmann'a изъ Реды, въ Вестфаліи (1721—1807), авторитетнаго практика, лейбъ-медика кельнскаго курфирста. По ученію Hoffmann'a общая причина болѣзней зависитъ отъ перерожденія, окисленія и гніенія соковъ тѣла и отъ вызванныхъ этими измѣненіями страданій нервной системы. [Такимъ образомъ онъ старался примирить воззрѣнія химіатриковъ съ ученіемъ о раздражительности Haller'a]. Соотвѣтственно этому главную роль въ терапіи Hoffmann'a играютъ кислоты, щелочи и возбуждающія средства (*Vermischte medicinische Schriften*. Мюнстеръ, 1790—95. 8. 4 т.).

Гораздо большимъ вліяніемъ пользовались теоріи, вызванныя открытіемъ кислорода. Многіе врачи стали примѣнять кислородъ въ качествѣ терапевтическаго средства, напр. Thomas Beddoes* (1754—1808), врачъ въ Бристолѣ, вмѣстѣ съ Iames Watt'омъ, изобрѣтателемъ паровой машины; затѣмъ, удовлетворяя заданной Societé de médecine въ Парижѣ темѣ на премію объ ангинѣ, примѣняли кислородъ Louis Jurine (1751—1819), авторъ знаменитаго сочиненія о крупѣ, и Louis Odier (1748—1817), врачи въ Женевѣ;—знаменитый химикъ Fourcroy въ Парижѣ, его ученикъ Iohn Rollo, впослѣдствіи старшій врачъ въ Вульвичѣ, который въ своемъ хорошемъ сочиненіи о діабетѣ (Лондонъ, 1797. 8. 2 т. и слѣд.) дѣлитъ всѣ лѣкарственныя вещества на окисляющія и раскисляющія;—Baptiste Théodore Baumés, объяснявшій всѣ болѣзни ненормальнымъ содержаніемъ кислорода, водорода, азота, фосфора и „теплотвора";—Pascal Joseph de Ferro въ Вѣнѣ (1753—1809), врачъ, оказавшій значительныя услуги ученію о чумѣ; его предложеніе вдыхать кислородъ при легочныхъ заболѣваніяхъ нашло противника въ Ioh. Andr. Schererѣ;—Gottfr. Christian Reich,

* Beddoes смотрѣлъ, между прочимъ, на кислородъ, какъ на причину развитія чахотки, которая являлась какъ бы результатомъ избытка присутствія кислорода въ легкихъ. Поэтому для леченія чахотки—авторъ предлагалъ пребываніе въ средѣ, бѣдной кислородомъ. Это ученіе нашло откликъ въ предложеніяхъ нашего времени. Ред.

профессоръ въ Берлинѣ, объяснявшій лихорадку увеличеніемъ „положительнаго“ (азота) и уменьшеніемъ „отрицательнаго“ (кислорода) жизненнаго элемента.—За то Fourcroy, Wendelin Ruf и Kapp доказали истинную пользу, вытекающую отъ примѣненія химіи къ медицинѣ.

Болѣе блестящи, но столь же мимолетны были попытки поставить гальванизмъ во главѣ физіологіи.—Aloisio Galvani изъ Болоньи (1737—1798), профессоръ анатоміи въ своемъ родномъ городѣ, гдѣ онъ пользовался величайшимъ уваженіемъ*, какъ хирургъ и акушеръ, доказалъ въ 1791 г., что животное тѣло развиваетъ электричество. Мѣстомъ образованія послѣдняго онъ считаетъ головной мозгъ, путями, доставляющими электричество къ органамъ—нервы. Самъ Гальвани дѣлалъ уже обширное примѣненіе своего открытія къ физіологіи и патологіи, особенно—нервовъ.—Alexander von Humboldt старался доказать въ своемъ знаменитомъ сочиненіи *О раздраженіи нервныхъ и мускульныхъ волоконъ* (Берлинъ, 1797. 8. 2 т.), что нервная дѣятельность зависитъ отъ гальванизма или аналогичной ему силы, различающейся отъ жизненной.—Другіе, какъ Ioh. Wilh. Ritter (1776—1810), академикъ въ Мюнхенѣ, и Ioh. Christoph Leop. Reinhold считали гальванизмъ основной силой, управляющей всѣми процессами природы.

Нервная патологія.

170. Однимъ изъ важнѣйшихъ заблужденій, къ которымъ привело многихъ врачей открытіе Haller'a, было введеніе въ физіологію понятія о дуализмѣ между чувствительностью и раздражительностью. Казалось почему-то чрезвычайно простымъ разсматривать эти свойства животныхъ тканей, то какъ непосредственное проявленіе души или „нервной силы“, то считать всѣ органическіе процессы за результатъ дѣйствія какой-то основной силы, свойственной всѣмъ живымъ существамъ. Эту силу, злоупотребляя выраженіемъ Haller'a, называ-

* Что не помѣшало, однако же, ему умереть отъ голода. Ред.

ли „раздражительностью“, „возбудительностью“ („Irritabilität“, „Reizbarkeit“), или же на мѣсто всѣхъ этихъ объясненій— ставили понятіе о „жизненной силѣ“.

„Нервная патологія“ и „ученіе о раздражительности“ оказывали извѣстное вліяніе весьма непродолжительное время. Тѣмъ большее значеніе пріобрѣлъ „витализмъ“ въ Германіи, благодаря натурфилософіи, во Франціи—старой гиппократовской школѣ въ Монпелье. Въ обѣихъ странахъ онъ оказалъ пользу тѣмъ, что вывелъ врачей опять на путь трезваго изслѣдованія: въ Германіи это случилось, благодаря анатомамъ и физіологамъ, вышедшимъ изъ школы Шеллинга; во Франціи, благодаря установленной Биша связи витализма съ основными положеніями анатомической парижской школы.

Основателемъ „нервной патологіи“ является William Cullen (1712—1790), профессоръ въ Эдинбургѣ. Его произведеніе, основанное на сорокалѣтней опытности, *First lines of physik* (Эдинбургъ, 1776—1789. 8. 4. т. и во многихъ другихъ изданіяхъ и переводахъ) имѣетъ цѣлью изложить въ полномъ объемѣ, какъ фактическую часть медицины, такъ и разъяснить теоретическія основы. Система Cullen'а представляетъ въ сущности лишь комбинацію ученія Hoffmann'а о „тонусѣ“ съ раздражительностью Haller'а, съ тою лишь разницей, что Cullen не принимаетъ „тонусъ“ за свойство, врожденное животнымъ образованіямъ, но считаетъ его способностью, сообщаемою „нервнымъ эфиромъ“. Аномаліями тонуса служатъ „судорога“ и „атонія“; но гораздо важнѣе ихъ „слабость“ мозга и нервной системы, которая, въ сущности, и является причиной и судороги и атоніи. Кромѣ того важную роль играетъ еще „жизненная сила“, связанная съ раздражительностью сердца и сосудовъ. Хотя главной причиной лихорадки считается „слабость“ мозга и нервовъ, вызывающая спазмъ периферическихъ сосудовъ, ознобъ, отступленіе крови ко внутреннимъ частямъ, а вслѣдствіе этого и возбужденіе сосудовъ, сердца и лихорадочный жаръ, тѣмъ не менѣе лихорадки не дѣлятся по степени „слабости нервной системы“, а по силѣ вызываемой ими реакціи со стороны сосуди-

стой системы: лихорадки съ сильной и слабой реакціей („Synocha“, „Typhus“) и воспалительныя лихорадки съ тифознымъ характеромъ („Synochus“). Такимъ же путемъ воспаленіе объясняется спазмомъ мельчайшихъ артерій, вызывающимъ застой, вслѣдствіе котораго является возбужденіе большихъ сосудовъ и т. д. Односторонность и произвольность этихъ ученій нѣсколько сглаживаются разумной терапіей Cullen'а, въ которой главную роль играютъ растительныя кислоты, холодная вода, опій, вино и камфора.

Замѣчательнѣйшими сторонниками Cullen'а являются Iames Gregory, преемникъ его каѳедры,—David Macbride (1726—1778), профессоръ въ Дублинѣ,—Samuel Musgrave, врачъ въ Экцетерѣ, авторъ знаменитаго сочиненія о подагрѣ.—Въ Германіи взглядамъ Cullen'а болѣе или менѣе сочувствовали Albrecht Thaer, врачъ въ Целле, впослѣдствіи Staatsrath (статскій совѣтникъ) въ Берлинѣ, знаменитый основатель научнаго сельскаго хозяйства; Ioh. Ulr. Gottlieb Schäffer (1753—1826) въ Регенсбургѣ, одинъ изъ самыхъ авторитетныхъ практиковъ своего времени,—и нѣкот. др.

Далеко большее значеніе пріобрѣла система шотландца Iohn Brown'а, связанная во многихъ отношеніяхъ съ ученіемъ Cullen'а.

Brown'овская система.

---

171. John Brown, сынъ бѣдной крестьянской семьи (род. въ концѣ 1735 или нач. 1736 г.), послѣ юности, проведенной въ ужасной нуждѣ, посвятилъ себя въ Эдинбургѣ сначала изученію теологіи, потомъ медицины. Легкомысленный бракъ, наклонность къ пьянству и т. д. ввели его въ долги. Первоначальныя дружескія отношенія къ Cullen'у перешли скоро въ открытую вражду. Въ 1779 г. Brown, которому было уже 44 г., получилъ степень доктора въ маленькомъ шотландскомъ университетѣ St. Andrews. Годъ спустя, вышли его *Elementa medicinae*. Такъ какъ внѣшнее положеніе Brown'а все болѣе и болѣе ухудшалось, то онъ въ 1786 г. рѣшился

промѣнять свое прежнее мѣстожительство въ Эдинбургѣ на Лондонъ. Но и здѣсь ему не удалось выдвинуться. Чрезъ два года онъ умеръ отъ апоплектическаго удара. О личномъ характерѣ Brown'а его противники даютъ очень неблагопріятный отзывъ. Безъ сомнѣнія его блестящія способности были въ высокой степени омрачены непомѣрнымъ честолюбіемъ и послѣдствіями его неумѣреннаго образа жизни.

Главное произведеніе Brown'a, *Elementa medicinae*, появилось въ Эдинбургѣ, 1780. 12. 2-ое издан. Лондонъ 1787. 8. 2 т.—Mediol. 1792. 8. По англійски, переведено самимъ Brown'омъ: Лондонъ 1788. 8 и слѣд. Далѣе нѣмецкіе, французскіе и итальянскіе переводы.—*Works*. London 1804. 8. 3 т. съ біографіей Brown'a, написанной его сыномъ.

Система Brown'a основана на положеніи, что одушевленныя тѣла отличаются отъ неодушевленныхъ лишь способностью возбуждаться „раздражителями"; эту способность онъ назвалъ „возбуждаемостью" („Excitabilitas"). — Жизнь, поэтому, есть лишь результатъ вліяній раздражителей на „возбуждаемость" и тѣмъ самымъ является какъ-бы вынужденнымъ, искусственно вызваннымъ состояніемъ. Мѣстомъ „возбуждаемости",—которую Brown, какъ кажется, считалъ матеріей, подобной „невѣсомымъ",—у животныхъ существъ служатъ главнымъ образомъ мускулы и нервы. Раздражители дѣлятся на внѣшніе и внутренніе. Къ послѣднимъ принадлежатъ кровь, душевная дѣятельность и т. д. Такъ какъ все сводится къ возбуждаемости, раздражителямъ и возбужденію, то знаніе строенія и отправленій органическихъ тѣлъ имѣетъ лишь второстепенное значеніе.

Здоровье обусловливается средней степенью возбуждаемости и среднимъ же количествомъ и силой раздражителей (раздраженій). Увеличеніе и уменьшеніе одного или обоихъ факторовъ причиняетъ болѣзнь. Между здоровьемъ и болѣзнью по ту и другую сторону лежитъ состояніе „оппортунитета", т. е. болѣзненное предрасположеніе. Смерть происходитъ отъ совершеннаго отсутствія раздраженій и обусловленнаго этимъ отсутствіемъ чрезмѣрнаго накопленія возбуждаемости или, наоборотъ,—вслѣдствіе истощенія послѣдней отъ

избытка раздраженій. Недостатокъ раздраженій вызываетъ „стенію" [усиленіе возбудимости], излишество ихъ — „астенію" [уменьшеніе возбудимости]. Свойство раздраженій не принимается во вниманіе, а лишь степень ихъ силы. Важнѣйшіе раздражители суть: теплота, у человѣка—мясная пища, пряности, алкоголь, опій и т. д. Уменьшаютъ возбужденіе—холодъ, голодъ, потери крови и т. д. Эти вліянія вызываютъ „прямую астенію". „Непрямая астенія" происходитъ отъ истощенія возбуждаемости вслѣдствіе чрезмѣрнаго возбужденія.

Задача діагностики заключается въ томъ, чтобы рѣшить, представляется ли данная болѣзнь мѣстнымъ или общимъ страданіемъ, имѣетъ ли она стеническій или астеническій характеръ. Въ послѣднемъ случаѣ нужно опредѣлить какъ качество характера пораженія (прямая или непрямая астенія), такъ и степень данной стеніи или астеніи. Стеническія состоянія требуютъ примѣненія уменьшающихъ возбужденіе средствъ, астеническія—возбуждающихъ вліяній. При прямой астеніи послѣднія нужно примѣнять крайне осторожно и въ постепенно восходящихъ дозахъ. Наоборотъ, непрямая астенія требуетъ немедленнаго примѣненія раздраженій, которыя должны быть лишь немного слабѣе раздражителей, вызвавшихъ данное состояніе. Выборъ раздражителей не имѣетъ особаго значенія, такъ какъ послѣдніе различаются между собою лишь количественно, и все сводится къ нахожденію соотвѣтствующей дозы (степени) раздраженія.

Система Броуна представляетъ блестящее доказательство геніальности ея автора. Она является первой медицинской системой, построенной на основныхъ свойствахъ животнаго тѣла. Съ другой стороны „возбуждаемость" (возбудимость) Brovn'a есть ничто иное, какъ ничѣмъ неоправдываемое обобщеніе Haller'овской „раздражительности", а состоянія „стеніи" и „астеніи" въ сущности тожественны съ выставленными Hoffmann'омъ и другими категоріями „гипертоніи" и „атоніи" и, слѣдовательно,—съ древними „общностями" („коммунитетами") методиковъ.

Основная ошибка Brown'a заключается въ утвержденіи,

что жизнь есть состоянiе, обусловленное лишь „раздраженiями“ и, слѣдовательно, вынужденное, насильственное. Видя, какъ этому утвержденiю противорѣчитъ положенiе, что каждый органъ обладаетъ врожденнымъ количествомъ возбуждаемости, Brown, дабы не признать произвольности жизни, причисляетъ къ „раздражителямъ“ цѣлый рядъ физiологическихъ процессовъ (наприм., движенiе, душевную дѣятельность, аффекты) не спрашивая, чѣмъ же вызываются послѣднiе. Особеннаго упрека заслуживаетъ Brown за то, что онъ разсматриваетъ органическiе процессы исключительно лишь по ихъ количественнымъ различiямъ и, соотвѣтственно этому, онъ принимаетъ во вниманiе въ болѣзняхъ лишь степень существующей „стенiи“ и „астенiи.“ И такъ какъ всѣ раздражители и лѣкарственныя средства отличаются лишь количественно, то вполнѣ послѣдовательно высказывается положенiе, что достаточно—для цѣлей терапiи—по одному только средству противъ астенiи и стенiи; такими средствами могутъ быть приняты, напр., холодъ и опiй [Большинство болѣзней, по Бровну, астеническаго характера; поэтому практиковавшiйся имъ методъ лѣченiя—возбуждающiй—является противоположнымъ и контростимулизму Разори и „физiологической медицинѣ“ Бруссэ]. Хотя Brown и отрицаетъ совершенно цѣлительную силу природы, однако—въ противуположность положенiю, согласно которому жизнь представляется состоянiемъ, лишеннымъ всякой произвольности, —и онъ бываетъ вынужденъ то тутъ, то здѣсь признать влiянiе цѣлебной силы природы.

Сторонники и противники *Brown*'а.

172. Многiя обстоятельства способствовали тому, что ученiе Brown'а получило значительное, хотя и кратковременное, распространенiе. Открытiе раздражительности снова возбудило желанiе врачей создать медицинскую „систему,“ болѣе удачную, чѣмъ прежнiя попытки iатрофизиковъ, iатрохимиковъ, механиковъ и анимистовъ. Въ ученiи Brown'а до такой степени соединились простота, удобопонятность и прак-

тичность, что непреложность этой системы многимъ казалась выше всякаго сомнѣнія, и даже такіе люди, какъ Peter Frank и Kant, отнеслись къ ней сочувственно.—Въ выводахъ броуніанизма весьма ясно обнаруживается разрушительный духъ французской революціи, не малое участіе принимаетъ „чувствительность,“ получившая преобладаніе въ нѣмецкой литературѣ того періода.

На своей родинѣ ученіе Brown'а нашло лишь немногихъ сторонниковъ: къ нимъ принадлежитъ, напр., Rob Jones и Samuel Lynch. На континентѣ Европы оно сдѣлалось извѣстнымъ, благодаря Christoph Girtanner'у изъ St. Gallen (1760—1800), врачу въ Геттингенѣ и родномъ городѣ. Girtanner изложилъ это ученіе въ одномъ французскомъ журналѣ, какъ свое собственное, позабывъ назвать имя автора. Впослѣдствіи Girtanner сталъ на сторону противниковъ системы Броуна.—Вслѣдъ затѣмъ въ 1793 г. одинъ извѣстный американскій врачъ Benj. Rush (1745—1813), высказался за новое ученіе.

Самое значительное распространеніе броуніанизмъ встрѣтилъ въ Италіи и Германіи. Въ Италіи впервые высказались за ученіе шотландскаго реформатора Pietro Moscati въ предпринятомъ имъ изданіи *Elementa*, и одновременно съ нимъ Rasori въ своемъ переводѣ одного изъ небольшихъ сочиненій Brown'а (*Observations*); вскорѣ ихъ примѣру послѣдовали многіе другіе, особенно молодые врачи, главнымъ образомъ Ios. Frank, сынъ Peter Frank'а, * бывшій тогда профессоромъ въ Павіи, распространявшій новое ученіе посредствомъ собственныхъ—и переводовъ чужихъ сочиненій. Впослѣдствіи, впрочемъ, и Ios. Frank высказывалъ сожалѣніе о томъ, что способствовалъ распространенію ученія Броуна.

Въ Германіи оно скоро нашло фанатическаго приверженца въ Melchior Adam Weikard'ѣ изъ Фульда (1742—1803), бывщаго долгое время лейбъ-медикомъ русской императрицы Екатерины.—Весьма существенную услугу оказали распространенію броуніанизма многіе, сочувствующіе ему клиницисты особенно Adalbert Friedr. Markus изъ Ароль-

---

* См. ниже стр. 282.

зена, директоръ бамбергской больницы —Во Франціи, гдѣ какъ разъ тогда господствовалъ витализмъ, броуніанизмъ былъ оставленъ почти совершенно безъ вниманія.

Значительный толчокъ данъ былъ ученію Brown'а въ Германіи, благодаря Ioh Andreas Röschlaub изъ Лихтенфельза, близь Бамберга (1768—1835), профессору въ Бамбергѣ, Ландсгутѣ и Мюнхенѣ. Видоизмѣненіемъ броуніанизма въ „теорію возбужденія" Röschlaub далъ ученію шотландскаго реформатора то, въ чемъ оно, по мнѣнію нѣмцевъ эпохи Канта, особенно нуждалось: „философскій" видъ. Совершенно иначе, чѣмъ Brown, Röschlaub полагаетъ, что жизнь зависитъ, какъ отъ тѣлесной организаціи, такъ и отъ нематеріальнаго принципа: различной въ каждомъ отдѣльномъ органѣ „возбудимости", которая даетъ возможность тканямъ (органическимъ образованіямъ) не только возбуждаться раздражителями, но и сопротивляться послѣднимъ. Соотвѣтственно этому, болѣзнь происходитъ не только отъ пассивнаго усиленія [стенія] и уменьшенія [астенія] возбудимости, но и отъ ненормальныхъ отношеній послѣдней и исходящаго изъ нея противодѣйствія внѣшнимъ раздраженіямъ.—Не смотря на несомнѣнный шагъ впередъ и въ ученіи Röschlaub'а жизнь остается непроизвольнымъ, имѣющимъ лишь количественное значеніе состояніемъ, понятіемъ, числомъ. Позднѣе, послѣ открытія кислорода, Röschlaub, который въ ревностномъ пропагандированіи своего ученія не замѣчалъ даже предосудительности средствъ его распространенія, сталъ разсматривать перемѣны въ состояніи возбудимости, какъ окисленія и раскисленія. Еще позже онъ связалъ свое ученіе съ натурфилософіей, мистицизмомъ и и теософіей. пока, наконецъ, не дошелъ до того, что призналъ свою доктрину ошибочной.

Противниками броуніанизма, не считая нѣкоторыхъ мало извѣстныхъ англичанъ, выступили впервые итальянскіе врачи Gaetano Strambio и Bassanio Carminati, профессоръ въ Павіи.—Къ самымъ раннимъ сочиненіямъ, направленнымъ противъ броуніанизма, принадлежатъ три іенскихъ диссертаціи, изъ которыхъ одна англичанина Latrobe (Iена. 1795. 8.) принадлежитъ къ лучшему изъ всего того, что пи-

салось о системѣ Brown'a.—Мастерскую по формѣ и содержанію критику *Elementa* написалъ, извѣстный такъ-же, какъ физикъ, Christoph Heinr. Pfaff изъ Штутгарта (1773—1852), воспитанникъ карлской школы, профессоръ въ Килѣ. Съ теоріей возбужденія Röschlaub'a главнымъ образомъ боролись Ioh. Stieglitz въ Ганноверѣ, Alex. von Humboldt (въ своемъ сочиненіи *О раздраженіи нервныхъ и мускульныхъ волоконъ*), успѣшнѣе же всего Christian Wilh. Hufeland* въ Берлинѣ.

Дальнѣйшее видоизмѣненіе ученія Brown'a было сдѣлано Giov. Rasori изъ Пармы (1766—1837), профессоромъ въ Павіи и Миланѣ, авторомъ „контрастимулистической" системы. Послѣдняя основана на положеніи, что кромѣ раздражающихъ и уменьшающихъ раздраженіе вліяній Brown'a существуютъ еще другія, обнаруживающія діаметрально противоположное дѣйствіе раздраженію, тѣмъ, что они прямо понижаютъ возбуждаемость. Эти вліянія, соотвѣтствующія математическимъ отрицательнымъ величинамъ, Rasori называетъ „Contra—stimulantia". Основныя формы болѣзни состоятъ, такимъ образомъ, въ „Diathesis di stimolo [стенія] и—contrastimolo" [астенія] цѣлебныя средства—изъ „стимулирующихъ" и „контрастимулирующихъ". Самыми частыми болѣзнями Rasori, въ противоположность Brown'y, считаетъ тѣ, которыя происходятъ отъ „діатеза раздраженія". Самыми важными цѣлебными средствами въ такихъ страданіяхъ служатъ кровоизвлеченія и очень большія дозы „контрастимулирующихъ" лѣкарствъ: рвотный камень, селитра, дигиталисъ, ялаппа, гуммигуттъ и т. д.—Но такъ какъ состоянія „stimolo" и „contra-stimolo" часто мѣняются, и эта перемѣна не выражается никакими симптомами, то необходимо иногда примѣнить въ видѣ опыта энергичное лечебное [контрастимулирующее] средство, напр. пробное кровопусканіе, чтобы выяснить характеръ страданія по дѣйствію этого средства.

Ученіе Rasori даже въ Италіи могло держаться лишь короткое время. Замѣчательнѣйшій изъ приверженцевъ этой

---

* См. ниже § 190.

системы—Giacomo Tommasini, профессоръ въ Падуѣ и Болоньѣ.

Витализмъ.

Франція.

173. Основателями французскаго витализма считаются Bordeu и Barthez. Они вышли изъ школы Монпелье бывшей съ древнихъ временъ главнымъ разсадникомъ гиппократизма.

Ученіе Theophile de Bordeu (1722—1776) изъ Iseste (Нижнія Пиринеи), жившаго въ качествѣ врача въ Парижѣ съ 1752 г., коренится несомнѣнно въ Сталевскомъ анимизмѣ, нашедшемъ уже раньше послѣдователя въ другомъ Монпельевскомъ воспитанникѣ, Sauvages.* Ибо „природа" Bordeu, сообщающая организму порядокъ и гармонію, ничѣмъ не отличается отъ „души" Сталя.—Bordeu приведенъ былъ къ теоріи витализма, благодаря главнымъ образомъ изслѣдованіямъ строенія и отправленій желѣзъ. На основаніи этихъ изслѣдованій онъ пришелъ къ заключенію, что отдѣленіе желѣзъ не можетъ быть обусловлено ни механическими или анатомическими, ни химическими причинами, а должно основываться на способности этихъ органовъ возбуждаться кровью и приготовлять изъ нея отдѣляемыя вещества, благодаря жизненному притяженію и „элабораціи". Обобщая это положеніе, Bordeu пришелъ къ заключенію, лежащему въ основѣ общей анатоміи Bichat** и новѣйшей целлюлярной теоріи, что каждая часть организма обладаетъ своеобразной жизнью.***

Подобно Haller'у Bordeu считаетъ „чувствительность" и „сократительность" основными качествами, свойственными всѣмъ животнымъ тканямъ, хотя въ весьма различной степе-

---

* См. выше стр. 319.

** См. ниже § 182.

*** Ранѣе Bordeu эти идеи о самостоятельной жизни отдѣльныхъ органовъ были высказаны, хотя и въ довольно туманной формѣ, Ванъ-Гельмонтомъ (см. стр. 279). Ред.

ни.—Весьма большую роль въ патологіи Bordeu играютъ железы, такъ какъ многія „кахексіи“ объясняются недостаточной дѣятельностью тѣхъ или другихъ отдѣлительныхъ органовъ (желчная, молочная, мочевая и слюнная—кахексіи). Предположеніемъ, что каждому органу соотвѣтствуетъ отдѣльный участокъ мозга, Bordeu сталъ сторонникомъ надѣлавшаго тогда шуму ученія о пульсѣ испанца Francisco Solano de Lucque, который по различнымъ аномаліямъ пульса предсказывалъ носовое кровотеченіе, поносъ, потъ и т. д.*

Дальнѣйшаго развитія доктрины Bordeu достигли, благодаря его ученику Paul Ios. Barthez изъ Монпелье (1734—1806). Важнѣйшія его сочиненія: *Nouveaux élémens de la science de l'homme* (Montp. 1778. 8. Позже—Парижъ, 1858. 8. 2 т). *Nouvelle mécanique des mouvemens de l'homme et des animaux* (Carcassonne, 1798. 4) и *Traité des maladies goutteuses* (Парижъ, 1802. 8. 2 т.). Согласно господствовавшей тогда во Франціи философіи Condillac'a,** Barthez считаетъ важнѣйшей задачей медицины выяснить помощью „анализа“ „элементы“ нормальныхъ и патологическихъ процессовъ, выдѣлить все разнородное,—а все однородное связать помощью „синтеза“. Этимъ путемъ онъ дошелъ до ученія, что душа и отличный отъ нея „жизненный принципъ“, котораго нельзя точнѣе опредѣлить,*** составляютъ конечную причину всѣхъ процессовъ

* И по мнѣнію Bordeu каждый органъ при своемъ заболѣваніи характеризуется особымъ пульсомъ: pulsus nasalis, gutturalis, renalis и т. д. Ред.

** См. выше стр. 304.

*** Во всѣхъ вопросахъ, рѣшаемыхъ путемъ вѣры или спиритуалистической философіи—Бартецъ обнаруживалъ абсолютный скептицизмъ. Самая лучшая философія совершенствующая нашъ умъ, говорилъ онъ, есть та, которая, пренебрегая сущностью предметовъ, старается уразумѣть отношенія явленій... Все, что волнуетъ человѣчество въ качествѣ причинъ вещей—заключается въ открытіи различій и аналогій ..

Признавая „жизненный принципъ“—Б. сознавалъ, однакоже, что принципъ этотъ не можетъ быть представленъ нашимъ разумомъ ни въ

человѣческой жизни. Основныя качества „жизненнаго принципа“ суть чувствительность и подвижность, свойственныя всѣмъ частямъ тѣла, въ томъ числѣ и крови.—Особенное значеніе Barthez придаетъ силѣ, свойственной всѣмъ элементарнымъ образованіямъ, но отличающейся отъ сократительности— „Force de situation fixe“, т. е. способности элементарныхъ образованій сохранять свою первоначальную форму и возстановлять ее, если бы она испытала какое-либо измѣненіе. Отсюда, главную роль въ патологіи Barthez'а играютъ элементы болѣзни („Elémens morbides“), заимствованныя у методиковъ „констрикція“ и „реляксація“ элементарныхъ образованій, „слабость“ нервной системы и „симпатіи“. Ученіе о жизненномъ принципѣ и Force de situation fixe необходимо вело къ взгляду на болѣзнь, какъ на процессъ, направленный на исцѣленіе, и къ установленію трехъ терапевтическихъ методовъ: 1) регулированіе цѣлительной силы природы („Methode naturelle“), 2) лѣченіе „элементовъ болѣзни“ (Methode analytique) и 3) эмпирическій методъ (выдѣленія, specifica и т. д.).

Гораздо одностороннѣе витализмъ проявляется въ сложной системѣ ученика Barthez'а—Guill. de Grimaud изъ Нанта (1750—1799), профессора въ Парижѣ.—Видными представителями витализма были, далѣе, Louis Dumas изъ Ліона (1765—1813), преемникъ каѳедры Barthez'а въ Монпелье, и Anselme Richerand, профессоръ хирургіи въ Парижѣ. Рѣшительнымъ защитникомъ витализма выступилъ англійскій врачъ Erasmus Darwin (1731—1802) дѣдъ Чарльса Дарвина (*Zoonomia or the laws of organiclife.* Лондонъ, 1794. 4. и слѣд. изд. Также во многихъ переводахъ).

Витализмъ и аналитическій методъ вступили въ тѣснѣйшую связь, благодаря лучшему ученику Barthez'а—Philippe Pinel'ю (1755—1826), профессору въ Парижѣ, врачу, выдававшемуся своимъ общимъ научнымъ образованіемъ и прак-

формѣ конкретнаго образа, ни въ формѣ духовной идеи. „Намъ остается узнать, каково происхожденіе жизненнаго принципа, какой его конецъ. Но священная завѣса скрываетъ въ одно и тоже время и конецъ и сущность этого принципа“. Ред.

тическою опытностью, оказавшему большія услуги психіатріи. Pinel въ своемъ главномъ сочиненіи *Nosographie philosophique* (Парижъ, 1789 8. 2 т. и слѣд. изд.; также въ нѣмецкихъ переводахъ) исходитъ изъ той мысли, что медицина, какъ отрасль естествознанія, должна разработываться согласно аналитическому методу, данному Кондилльякомъ. Примѣняя этотъ методъ къ патологіи, Pinel пришелъ къ заключенію (приведшему Bichat къ его великимъ работамъ), что органы, представляющіе аналогичныя явленія въ больномъ и здоровомъ состояніи, должны быть одинаковы и по своему элементарному строенію. Этимъ путемъ Pinel необходимо пришелъ къ принципу локализаціи; къ этому его привело, однако, не анатомическое изслѣдованіе, значеніе котораго было выяснено лишь Bichat, а симптоматическая аналогія. У постели больнаго Pinel держался началъ гиппократизма; подобно Сталю онъ былъ большимъ поклонникомъ тоническаго метода лѣченія.

Въ позднѣйшее время какъ сторонниковъ витализма между французами слѣдуетъ упомянуть: Franç. Chaussier (1746—1828), профессора въ Дижонѣ и Парижѣ, оказавшаго значительныя услуги реорганизаціи медицинскаго преподаванія которое пришло въ упадокъ во время революціи;—I. Lordat, бывшаго въ теченіи 50 лѣтъ главой монпельевской школы;—P. E Chauffard (1823—1879), профессора въ Парижѣ.

Витализмъ въ Германіи.

174. Почти независимо отъ этихъ французскихъ предшественниковъ, работы которыхъ въ періодѣ революціи и наполеоновскихъ завоеваній въ Германіи были оставлены почти безъ вниманія, развился витализмъ въ нашемъ отечествѣ. И здѣсь онъ возникъ изъ анимизма Сталя и ученія о раздражительности Haller'а.

Одинъ изъ самыхъ раннихъ представителей витализма— Ioh. Friedr. Blumenbach изъ Готы (1752—1840), профессоръ въ Геттингенѣ —изслѣдователь, оказавшій значительныя услуги зоологіи, сравнительной анатоміи и положившій основаніе научной антропологіи. Важнѣйшее изъ его физіо-

логическихъ сочиненій называется *О стремленіи къ образованію* —Ueber den Bildungstrieb—(Геттингенъ, 1781. 8. и слѣдующ.). Подъ этимъ стремленіемъ онъ подразумѣваетъ, соотвѣтственно „Force de situation fixe“ Barthez'a, свойство живыхъ тѣлъ развиваться въ опредѣленныя формы, согласно врожденному плану, сохранять эти формы и возстановлять ихъ послѣ повреждений, болѣзней и т. д.

Болѣе близкое отношеніе къ практической медицинѣ имѣютъ работы Ioh. Christian Reil'я изъ Rhaude въ Фрисландѣ (1759—1813), профессора въ Галле и Берлинѣ, у котораго геніальность и настойчивость соединились съ рѣдкими свѣденіями по всѣмъ отраслямъ теоретической медицины. Изъ его анатомическихъ работъ достаточно указать на руководящія изслѣдованія мозга. Стремленія Рейля были направлены на то, чтобы положить научное основаніе практической медицинѣ посредствомъ тѣснаго соединенія ея съ физіологіей. Въ знаменитой статьѣ *О жизненной силѣ*, которой онъ открылъ въ 1796 г. основанный имъ *Archiv für Physiologie*, и въ которой ясно обнаруживается вліяніе вновь оживленнаго Кантомъ философскаго изслѣдованія, Рейль исходитъ изъ положенія, что всѣ явленія суть или матерія, или представленія. На сколько можно судить по чувственному воспріятію, всѣ явленія, происходящія въ животныхъ тѣлахъ, зависятъ отъ развитія основныхъ животныхъ веществъ и отъ способа смѣшенія и формы послѣднихъ. „Сила есть отношеніе явленій къ свойствамъ матеріи, посредствомъ которой они (явленія) производятся.“ Проявленія „жизненной силы“ основаны также на матеріальныхъ состояніяхъ, которыя, впрочемъ, не воспринимаются чувственно, благодаря лишь несовершенству органической химіи и ученія о невѣсомыхъ. Такъ какъ каждый органъ, даже каждая ткань представляетъ явленія, свойственныя только имъ собственно, то всякій органъ обладаетъ своей отдѣльной жизненной силой, раздражительностью, наклонностью къ заболѣванію и т. д. Вслѣдствіе желанія дать этимъ положеніямъ философскую основу, и Рейль попалъ въ сѣти натурфилософіи и дошелъ до того, что считалъ жизнь „потенцированнымъ гальваническимъ процессомъ“.

Авторитетъ Рейля и многихъ другихъ согласныхъ съ нимъ врачей, напр. Hufeland'a,* доставилъ витализму въ Германіи почти неоспоримое господство, тѣмъ болѣе, что всѣ соглашались пользоваться „жизненной силой", хоть въ томъ смыслѣ, въ какомъ физики употребляютъ понятіе о „силѣ,"— для условнаго выраженія конечной причины органическихъ процессовъ.**

---

* См. ниже § 190

** То обстоятельство, что родиной витализма явилась школа Монпелье, ревниво охранявшая традиціи гиппократизма, представляется явленіемъ не случайнымъ; ученіе о жизненной силѣ—представляетъ лишь доказательство и выраженіе исторической послѣдовательности въ развитіи медицинскихъ идей. Natura Гиппократа, Археи В. Гельмонта, Душа Сталя и т. д. все это были выраженныя лишь иными словами „метафизическія" представленія о жизненной силѣ, о началѣ жизненномъ, управляющемъ явленіями, происходящими въ живыхъ существахъ.

Эта „сила"—въ умахъ старыхъ метафизиковъ представлялась чѣмъ-то совершенно постороннимъ, существующимъ отдѣльно отъ тѣла, считалась, какъ говорятъ, метафизической „сущностью".

Ученіе Броуна, который сдѣлалъ жизненную силу извѣстной подъ именемъ возбуждаемости, уже отличается отъ взглядовъ предшественниковъ тѣмъ, что въ немъ (ученіи) замѣтно стремленіе поставить жизненную силу въ болѣе близкую связь съ организмомъ.

Стремленіе это опредѣленнѣе выражено было Рёшлаубомъ, который училъ, что первое условіе жизни выражается въ организаціи, —и Гуфеландомъ, доказывавшимъ, на основаніи законовъ проявленія жизненной силы, ея отличіе отъ общеизвѣстныхъ физико-химическихъ силъ, но совершенно не признававшимъ ее за метафизическую сущность.

Bordeu и Bartez—также весьма опредѣленно высказались за связь жизненной силы съ организаціей; особенно первый, развившій научно идеи В. Гельмонта о самостоятельности жизни отдѣльныхъ органовъ,—ученіе, достигшее наивысшаго развитія въ работахъ Биша, который нанесъ могучій ударъ жизненной силѣ, какъ метафизической сущности, поставивъ всѣ физіологическія и патологи-

Своей крайней степени достигли динамистическія и виталистическія ученія въ животномъ магнетизмѣ и гомеопатіи.

Животный магнетизмъ.

175. Вѣра въ свойственныя нѣкоторымъ отдѣльнымъ личностямъ таинственныя силы, помощью которыхъ обладатели ихъ могутъ вліять на другихъ, даже заглазно, встрѣчается уже въ глубокой древности. Сюда принадлежатъ, помимо чудесъ ветхаго и новаго завѣта, исцѣленія, совершенныя Веспасіаномъ, сказанія о норвежскихъ, французскихъ и англійскихъ короляхъ, исцѣлявшихъ посредствомъ возложенія рукъ— золотуху и зобъ и т. д. Вѣра въ подобныя сверхъестественныя силы чаще всего встрѣчается въ такіе періоды и при такихъ обстоятельствахъ, когда обнаруживается пере-

---

ческія явленія, совершающіяся въ организмѣ, въ зависимость отъ особыхъ свойствъ тканей, въ которыхъ эти явленія и совершаются.

Такимъ образомъ Б и ш а уже почти былъ свободенъ отъ того промаха, который—въ ученіи витализма—дѣлали его знаменитые предшественники, не замѣчавшіе, что то, что они называли силами жизненными, были только формы, въ которыхъ жизнь проявлялась или, вѣрнѣе сказать, законы, управляющіе физіологическими явленіями.—Окончательный ударъ жизненной силѣ нанесенъ былъ целуллярной теоріей. Загадка жизни кроется въ элементарномъ организмѣ, малѣйшей клѣткѣ Изучая законы проявленія и просостоянія жизни клѣтки мы изучаемъ жизнь—силы и матерію—организмовъ.—Но если понятіе о метафизической жизненной силѣ представляетъ для насъ лишь доказательство мрака, когда то господствовавшаго въ физіологіи,—то вопросъ, возможно ли свести всѣ явленія жизни на законы физики и химіи, а жизненную силу отожествить съ химическими или физическими актами, проще сказать—возможно ли витализмъ замѣнить механизмомъ,—вопросъ этотъ нельзя, оказывается, считать рѣшеннымъ и понынѣ: въ самое недавнее время Б у н г е высказался противникомъ взгляда, утверждающаго, что въ живущихъ существахъ, кромѣ однихъ только силъ и веществъ неодушевленной природы никакіе другіе факторы не дѣятельны (см. стр. 408, 415, примѣчанія). Ред.

возбужденное состояніе нервной системы. Проявленію этихъ анормальныхъ условій всего больше способствуетъ суевѣріе низшихъ и высшихъ слоевъ общества и доведенное до болѣзненнаго напряженія—состояніе религіозной жизни. Никогда еще эти условія не были такъ сильно выражены, какъ въ послѣднемъ періодѣ „вѣка просвѣщенія,“ когда заклинатели и чудодѣи, какъ Гасснеръ, Шрёпферъ, Каліостро и друг. открыто занимались своимъ ремесломъ.*

Явленія, приписывавшіяся прежними врачами „животному магнетизму,“ получили особый интересъ послѣ новѣйшихъ наблюденій надъ „гипнотизмомъ.“

Friedrich Anton Mesmer, изъ Ицнанга близь Радольфцелла на Боденскомъ озерѣ (1734—1815), разбиралъ уже въ своей диссертаціи, написанной имъ на 34 году жизни (Вѣна, 1766), вліяніе планетъ на человѣческое тѣло. Вскорѣ затѣмъ онъ занялся опытами надъ цѣлебной силой естественныхъ и искусственныхъ магнитовъ. По истеченіи короткаго времени онъ пришелъ къ заключенію, что магнитизмъ есть общее свойство всѣхъ тѣлъ и связующее звено всего мірозданія, — конечная причина всѣхъ проявленій жизни, особенно нервной дѣятельности, и важнѣйшее изъ всѣхъ цѣлебныхъ средствъ.** Такимъ образомъ мѣсто минеральнаго магнетизма заняла передача свойственной человѣку „магнетической силы“ помощью прикосновенія, поглаживанія, даже одной волей.***

---

* Священникъ I. Гасснеръ началъ выдавать себя за заклинателя злыхъ духовъ и привлекъ къ себѣ массу не только простаго люда, но и интеллигенціи. Заклинатель показывалъ свое искусство въ Регенсбургѣ, гдѣ онъ уничтожалъ зобы „чрезъ возложеніе рукъ“.—Наконецъ, самъ папа воспретилъ Гасснеру ремесло чудодѣя и въ награду далъ большой приходъ.—Похожденія и судьба Каліостро—общеизвѣстны.

Ред.

** Примѣненіе магнита для лѣченія болѣзней не было новостью для этого времени, ибо еще Парацельсъ употреблялъ этотъ терапевтическій методъ. Ред.

*** Эта передача магнетической силы совершалась помощью „магнетическаго сосуда,“—большой лохани, наполненной водой и толченымъ

—Вслѣдствіе возбужденныхъ противъ него подозрѣній въ шарлатанствѣ (не совсѣмъ неосновательныхъ) Mesmer былъ вынужденъ въ 1777 г. покинуть Вѣну и удалиться въ Парижъ. Но и тамъ ему не удалось заручиться сочувствіемъ къ своему ученію, особенно когда медицинскій факультетъ высказалъ относительно послѣдняго очень неблагопріятное мнѣніе. Дальнѣйшія усилія Месмера были также безъуспѣшны, главнымъ образомъ вслѣдствіе вспыхнувшей революціи, и онъ поэтому навсегда удалился въ Швейцарію.

E. A. Mesmer, *Mémoire sur la découverte du magnétisme animal*. Par. 1779. 8.—*Précis historique des faits relatifs au magnetisme animal*. Par. 1781. 8.—*Mémoire sur mes découvertes*. Par. 1799. 8.

Между тѣмъ ученіе Mesmer'а, благодаря его послѣдователямъ, было различнымъ образомъ видоизмѣнено. Такъ, братья Puysegur, открыли, что магнетическое состояніе можетъ усилиться до степени „ясновидѣнія" (clairvoyance) * Месмеризму очень вредило то, что онъ довольно часто служилъ мантіей для грубыхъ обмановъ и разврата **

Съ 1788 года, въ которомъ животный магнетизмъ сталъ извѣстенъ въ Германіи, начинаются попытки его научнаго обоснованія. Въ 1812 году прусское правительство поручило одному врачу, Wolfart'у, познакомиться подъ руководствомъ самого Mesmer'а съ его ученіемъ. Многіе ученики Шеллинга

стекломъ. Сюда вѣрующіе—большею частью члены высшаго круга общества—погружали свои руки или желѣзныя палочки, чрезъ которыя въ тѣло ихъ струился изъ чана, заряженнаго Месмеромъ, магнетизмъ. Ред.

* Когда этотъ „искусственный сомнамбулизмъ" вошелъ въ моду—Пюисегюръ началъ погружать въ магнетическій сонъ не только женщинъ и дѣвушекъ, но даже и деревья. Ред.

** „Гармоническія общества", поставившія себѣ задачей примѣнять месмеризмъ на практикѣ, — сдѣлались притонами этого разврата, отличавшимися отъ настоящихъ учрежденій подобнаго рода лишь тѣмъ, что участницами тамъ были преимущественно женщины высшаго сословія. Ред.

съ особеннымъ рвеніемъ занялись изученіемъ животнаго магнетизма, который—въ качествѣ нагляднѣйшаго примѣра вліянія органическихъ полярностей—легко вязался съ возрѣніями натурфилософіи. Нѣкоторые изъ этихъ учениковъ, наприм., Eschenmayer, говорившій о духовномъ совокупленіи и зачатіи, впали въ крайній мистицизмъ. Другіе, напр. Friedr. Nasse, Kieser, подвергли болѣе или менѣе точному изслѣдованію факты, приводившіеся въ пользу животнаго магнетизма, и старались объяснить ихъ съ точки зрѣнія тогдашней физіологіи.—Наоборотъ, не мало видныхъ врачей, напр. Stieglitz, Pfaff и Hufeland, признали въ особыхъ сочиненіяхъ данныя магнетическаго ясновидѣнія и т. д обманомъ и мошенничествомъ.

Совершенно мистическій видъ месмеризмъ получилъ, благодаря прославленному поэту Iustinus Kerner'у (1786—1862), врачу въ Вейнсбергѣ, связавшему месмеризмъ съ вліяніемъ „міра духовъ, проникающихъ въ земную жизнь". Передовые бойцы „христіанско-германской медицины": Schubert, Baader, Ennemoser, Windischmann и Ringseis—пошли еще дальше этихъ умозаключеній.—Они считали болѣзнь послѣдствіемъ грѣховъ и, соотвѣтственно этому, какъ главное средство для ея устраненія, совѣтовали прикосновеніе къ больнымъ или руки истинно-вѣрующихъ избранниковъ, или различныхъ церковныхъ предметовъ, обладающихъ цѣлительной силой, молитву и заклинаніе.

Самое ничтожное распространеніе животный магнетизмъ нашелъ среди трезвыхъ англичанъ и подъ яснымъ небомъ Италіи.

Дальнѣйшія видоизмѣненія месмеризма, напримѣръ ученіе Reichenbach'a объ „одѣ" и „спиритизмъ", не могутъ претендовать на вниманіе науки.

Гомеопатія.

176. Воззрѣнія витализма, доведенныя до крайности, послужили основаніемъ для возникновенія другого ученія—гомеопатіи. Samuel Hahnemann (1755—1844), сынъ рисо-

вальщика на фарфорѣ, въ Мейссенѣ, послѣ очень многочисленныхъ скитаній по бѣлу свѣту, выступилъ въ 1810 г. со своимъ извѣстнымъ *Organon der rationellen Heilkunde* (Дрезденъ, 1810. 8. Посл. изд.: Köthen, 1866. 8), а въ слѣдующемъ году явилось его *Reine Arzneimittellehre* (Дрезденъ, 1811 ff. 8.), Раньше онъ былъ нѣсколько извѣстенъ кое какими незначительными химическими изслѣдованіями и многочисленными переводами произведеній по всѣмъ отраслямъ знанія. Съ самомнѣніемъ, обычнымъ у всѣхъ „реформаторовъ", а у Hahnemann'а достигшимъ крайней степени, онъ, непростительно глумясь надъ „старой медициной", объявляетъ въ *Organon*'ѣ „гомеопатію" единственной вѣрной медицинской системой.

Важнѣйшія изъ начальныхъ основаній, изложенныхъ въ *Organon*'ѣ,—слѣдующія:

1) Болѣзнь зависитъ отъ разстройства жизненной силы, имѣетъ, слѣдовательно, чисто духовный, нематеріальный характеръ.—2) Такъ какъ внутренняя сущность болѣзни намъ недоступна, то дѣятельность врача можетъ ограничиваться однимъ лишь устраненіемъ симптомовъ.—3) Излѣченіе болѣзней совершается не посредствомъ жизненной (цѣлительной) силы, а либо путемъ самостоятельно возникающаго страданія, сходнаго съ прежней болѣзнью, но превосходящаго ее по своей силѣ, либо вслѣдствіе гомеопатическихъ дѣйствій, вызывающихъ подобный же процессъ: приведеніе данной болѣзни въ состояніе, аналогичное прежнему, но сильнѣйшее, способствующее „потуханію" первоначальной болѣзни.—4) Послѣднее состояніе вызывается лекарствами, производящими у здоровыхъ лицъ страданіе, подобное („ähnliches Leiden", ὅμοιον πάθος) болѣзни, которую нужно устранить: „similia similibus curantur".—5) Правильно выбраннымъ гемеопатическимъ средствомъ болѣзнь „тушится" безслѣдно. Жизненная сила при этомъ не принимается во вниманіе. „Жалкія усилія самопомощи [природы] представляютъ часто зрѣлище, достойное сожалѣнія". Сила природы служитъ лишь для устраненія болѣзни, произведенной лѣкарствомъ („Arzneikrankheit") и остающейся по прекращеніи пер-

воначальнаго страданія. Впрочемъ, „очень многіе симптомы, свойственные гомеопатическому лѣкарству, не находящіе примѣненія въ данной болѣзни, при этомъ вовсе не проявляются“. 6) Для лѣченія каждой болѣзни всегда достаточно лишь одного простаго лѣкарства Дѣйствіе послѣдняго тѣмъ сильнѣе, чѣмъ меньше доза. Однако, чтобы быть увѣреннѣе— цѣлесообразнѣе давать болѣе сильные [т. е. меньшіе] пріемы лѣкарства, чѣмъ требуется. Возникающее вслѣдствіе этого „гомеопатическое ухудшеніе“ болѣзни скоро проходитъ или легко устраняется соотвѣтствующими лѣкарствами.—7) Дѣленіе болѣзней на мѣстныя и общія не можетъ быть допустимо. Каждая, повидимому, мѣстная болѣзнь является лишь симптомомъ общаго состоянія. Поэтому при всѣхъ болѣзняхъ должны примѣняться лишь внутреннія средства, обладающія общимъ дѣйствіемъ. 8) Лѣкарства дѣйствуютъ не своимъ вещественнымъ составомъ (Substanz), а заключающимися въ нихъ нематеріальными силами. Послѣднія проявляются тѣмъ сильнѣе, чѣмъ менѣе выражена тѣлесность, матерія. Полное развитіе „чистой силы“ („lautere Kraft“) лѣкарствъ достигается всего лучше разжиженіемъ и „потенцированіемъ“ ихъ Двѣ капли свѣжихъ соковъ или первичныхъ тинктуръ растительныхъ лѣкарствъ смѣшиваются съ 98 каплями спирта (несчитающагося лѣкарственнымъ веществомъ), „потенцируются“ нѣсколькими сильными встряхиваніями руки; это—первое разведеніе. Одна капля этой смѣси съ 99 каплями спирта составляетъ второе разведеніе и т. д. до тридцатаго, заключающаго одну децилліонную часть первоначальнаго вещества * Точно также поступаютъ съ растворимыми (и нерастворимыми) неорганическими веществами (поваренной солью, металлическими солями и т д.), приготовляемыми въ формѣ крупинокъ - вмѣсто спирта—съ молочнымъ сахаромъ (тоже не считаю-

* Уже въ 12-мъ разведеніи одна капля лѣкарства приходится на 83 300 куб. миль воды (=масса воды въ Атлантическомъ океанѣ до экватора).. Въ 30-мъ же разведеніи эта масса воды заняла бы пространство 33 квинтилліоновъ земныхъ шаровъ, чрезъ которое лучъ свѣта прошелъ-бы только въ 28 лѣтъ!.. Ред.

щимся лѣкарствомъ). При этомъ Hahnemann оповѣщаетъ міру „открытіе", что вещества считавшіяся до того времени нерастворимыми въ водѣ или спиртѣ (уголь, золото и т. д.), „растворяются" помощью описаннаго метода потенцированія. —9) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ достаточно—для обнаруженія дѣйствія—понюхать потенцированные растворы и шарики. —10) Съ гомеопатическимъ способомъ леченія слѣдуетъ всегда соединять возможно нераздражающую нелѣкарственную діэту.—11) Въ состояніяхъ, угрожающихъ жизни, мнимой смерти, отравленіи и т. д. гемеопатія недостаточна, а сначала слѣдуетъ возбудить жизненный принципъ „палліативными" средствами старой школы, такъ какъ въ этомъ случаѣ имѣетъ мѣсто не болѣзнь, а лишь угнетеніе жизненной силы.

То обстоятельство, что гомеопатія оказывается несостоятельной при многихъ болѣзняхъ, особенно хроническихъ, Hahnemann объясняетъ въ сочиненіи, вышедшемъ гораздо позже—*Хроничгскія болѣзни, ихъ своеобразная природа и гомеопатическое лѣченіе* (Дрезденъ, 1828—1839. 8.)—либо возникновеніемъ „болѣзней отъ лекарствъ" („Arzneisiechthümer"), допущеннымъ „старой школой", либо присутствіемъ извѣстныхъ основныхъ болѣзней: „Psora" (чесоточная дискразія), „сифилисъ" и „Sykosis". Въ подобныхъ случаяхъ лѣченіе, основанное на совокупности симптомовъ, недостаточно, а требуются соотвѣтствующія лѣкарственныя средства [«старой школы»] противъ указанныхъ основныхъ страданій.

177. Подробный разборъ или опроверженіе* гомеопатіи не входитъ въ планъ этого сочиненія. Ученіе Hahnemann'а такъ исключительно направлено на терапію, что о какомъ-либо отношеніи къ естественнымъ наукамъ, къ анатоміи и физіологіи, не можетъ быть и рѣчи. Самое ничтожное значеніе Hahnemann придаетъ патологической анатоміи; онъ даже не стѣсняется возложить отвѣтственность за измѣненія, нахо-

---

* Въ настоящее время гомеопатія не можетъ считаться даже научнымъ заблужденіемъ, какъ не считается таковымъ предположеніе, что земля стоитъ на трехъ китахъ. Оба эти утвержденія не могутъ и служить предметомъ серьезнаго, научнаго опроверженія. Ред.

димыя на трупахъ, на „старую медицину". Впрочемъ, гомеопатическіе врачи не встрѣчались съ патолого-анатомическими измѣненіями, потому что гомеопаты и вскрытій-то никогда не производили.

Въ самомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ положеніемъ, что здоровье поддерживается жизненной силой, стоитъ утвержденіе, что-то „духоподобная", то „грубая и неразумная" жизненная сила ничего не можетъ подѣлать противъ болѣзни. Конечно, объяснять успѣхи гомеопатіи цѣлительной силой природы въ собственномъ смыслѣ этого слова—не входило въ разсчеты Hahnemann'a. А все-таки жизненная сила должна служить хоть для устраненія „лѣкарственной болѣзни", остающейся по выздоровленіи!

Hahnemann является особенно непослѣдовательнымъ (конечно, по необходимости), когда онъ, пренебрегая „causis proximis", сводитъ большинство хроническихъ и много острыхъ болѣзней, противъ которыхъ [гомеопатическія] лѣкарства, выбранныя по свойству симптомовъ, не приносятъ пользы, къ извѣстнымъ основнымъ дискразіямъ, и лѣчитъ ихъ соотвѣтственными средствами [научной терапіи]. Тоже самое относится къ хорошо обдуманному положенію, что эпидемическія и контагіозныя болѣзни должны лѣчиться испытанными средствами [„старой школы"], даже когда ихъ характеристическіе симптомы не имѣются еще на лицо.

Произвольнѣе всего утвержденіе, что лѣкарства, приготовленныя гомеопатически, вызываютъ у здоровыхъ тѣмъ многочисленнѣйшіе и сильнѣйшіе симптомы, чѣмъ больше средства „потенцированы". Уже одно число симптомовъ, указываемыхъ гомеопатами для большинства лѣкарствъ (для sepia, напр., свыше тысячи, у позднѣйшихъ гомеопатовъ—часто по нѣскольку тысячъ), возбуждаетъ справедливое недовѣріе.—Самымъ сильнымъ возраженіямъ подверглось ученіе о дѣйствительности „потенцировокъ", противорѣчащее и здравому смыслу, и ежедневному опыту. Къ довершенію всего, многочисленные опыты непредубѣжденныхъ наблюдателей показали полную недѣйствительность „потенцій" и „высшихъ потенцій".

Гомеопатія, какъ ни отрицаетъ это ея инициаторъ, стоитъ въ тѣсной связи съ предшествовавшими направленіями медицины. Прежде всего гомеопатія имѣетъ нѣкоторое сходство съ броуніанизмомъ — въ пренебреженіи вспомогательными медицинскими науками и съ динамизмомъ, который проявляется у Brown'а въ патологической, у Hahnemann'а — въ терапевтической части ученія. Оба автора придаютъ важное значеніе симптомамъ; Brown, конечно, въ интересахъ діагностики, Hahnemann — въ видахъ терапіи. Оба отрицаютъ вліяніе дѣятельности природы въ процессѣ выздоровленія. Но въ то время, какъ Brown исходитъ изъ неоспоримаго факта, хотя и ложно истолковываемаго — „раздражительности", ученіе Hahnemann'а основано исключительно на заблужденіи и произвольныхъ предположеніяхъ. Ученіемъ о развитіи „чистой силы" и „воодушевленіи" лѣкарствъ помощью „потенцированія" — Hahnemann вступилъ въ такую область, въ которой онъ болѣе всего могъ надѣяться на удовлетвореніе проявляющагося всегда въ необразованной части общества стремленія къ сверхъестественному и чудесному.

Приверженцы *Hahnemann*'а.

178. Первыми сторонниками новаго ученія выступили въ 1810 г. **Moritz Müller** въ Лейпцигѣ, **Gross** въ Jüterbogk'ѣ и **Stapf** въ Наумбургѣ, основатели *Архива для гомеопатическаго лечебнаго искусства*. Новое ученіе распространилось съ значительной быстротой. Особенное сочувствіе оно встрѣтило у дамъ высшаго сословія, которымъ приписывалась особая чувствительность къ „высшимъ потенціямъ."* Многія правительства поручали изслѣдовать гомеопатію, но эти изслѣдованія не говорили въ пользу послѣдней. Впрочемъ распространенію ея не ставили никакихъ препятствій.

Первоначальные приверженцы Hahnemann'а примыкали къ новому ученію либо безусловно, либо они старались его даже превзойти. Ветеринарный врачъ **Lux**, въ Лейпцигѣ, до-

* Вѣроятно, по этой же причинѣ и до сихъ поръ гомеопатія находитъ ревностныхъ распространительницъ среди женщинъ. Ред.

велъ принципъ „similia similibus" до „aequalia aequalibus" и гомеопатію — до „изопатіи;" онъ лѣчилъ чесотку потенцированнымъ чесоточнымъ гноемъ, оспу — „variolin"'омъ. Другіе рекомендовали противъ печеночныхъ и легочныхъ болѣзней потенцированное печеночное и легочное вещество („hepatin" и „pulmonin"). Болѣе благоразумные, напр. Schrön, смотрѣли на гомеопатію, какъ на родъ „специфическаго" терапевтическаго метода; другіе основой ученія дѣлали жизненную силу и вызываемыя ею реакціи; нѣкоторые, напр. Rau, въ Берлинѣ, требовали вмѣсто „симптомо-комплекса" точнаго діагноза, высказывались противъ „потенцій" и т. д. — Trinks и Griesselich, газета котораго *Hygiea* рѣшительно боролась съ догматизмомъ Hahnemann'а, отвергали даже малыя дозы и пользовались одними начальными тинктурами. Въ новѣйшее время многіе „гомеопаты" отказались и отъ „similia similibus" и отличаются отъ врачей старой школы лишь прописываніемъ лѣкарствъ то въ болѣе слабыхъ, то сильныхъ потенцировкахъ. Для оправданія послѣднихъ они ссылаются на доказанную спектральнымъ анализомъ безконечную дѣлимость матеріи, не принимая во вниманіе, что изъ дѣлимости вовсе не слѣдуетъ, что и физіологическое дѣйствіе матеріи тоже безгранично. Весьма похвально то, что новѣйшіе сторонники Hahnemann'а отдаютъ должное физической діагностикѣ, патологической анатоміи, діэтетикѣ, но и всего этого недостаточно, чтобы внушить довѣріе къ ихъ „наблюденіямъ" надъ дѣйствительностью потенцировокъ.

Число приверженцевъ гомеопатіи между врачами и публикой отнюдь не такъ велико, какъ это утверждаютъ ея защитники. Распространенію гомеопатіи способствуютъ: постоянно во всѣ времена существующее легковѣріе публики, господствующее особенно среди высшаго сословія стремленіе къ чудесному и, особенно, корыстолюбивые помыслы иныхъ врачей извлекать посредствомъ гомеопатіи — не гомеопатическіе барыши. Благодаря внутренней связи гомеопатіи съ животнымъ магнитизмомъ, піэтизмомъ, спиритизмомъ и т. д., она дѣлается ареной для мечтателей, шарлатановъ и мошенниковъ всякаго разбора.

Опытное ученіе о медицинѣ *Rademacher'a.*

179. Въ нѣкоторомъ отношеніи къ гомеопатіи приближается *„Verstandesrechte Erfahrungs-Heillehre“* Ioh. Gottfried Rademacher'a (Берлинъ 1841. 8. 2 т. и слѣд.), врача въ Гохѣ, прусскомъ городкѣ близь голландской границы. Это ученіе въ сущности представляетъ достойную сожалѣнія попытку снова воскресить идеи объ „arcana'хъ.“ Rademacher, подобно Парацельсу и Hahnemann'у, считаетъ важнѣйшей или, скорѣе, единственной задачей медицины—отыскиваніе специфическихъ лѣкарствъ. Болѣзни дѣлятся на „первичныя страданія“ всего тѣла и отдѣльныхъ органовъ; каждой болѣзни соотвѣтствуетъ извѣстное специфическое лѣкарство. Діагнозъ основывается, главнымъ образомъ, на успѣшномъ или неуспѣшномъ дѣйствіи терапевтическаго средства, и болѣзни какъ у Парацельса, называются именемъ излѣчивающихъ ихъ лѣкарствъ: страданія печени, селезенки, почекъ, излѣчивающіяся желѣзомъ,—мѣдью,—сѣменами cardui benedicti и т. д. Важнѣйшимъ вспомогательнымъ средствомъ для діагноза служитъ наблюденіе надъ эпидемической конституціей. О цѣлительной силѣ природы у Rademacher'a также мало говорится, какъ у Hahnemann'a. Выжидательный методъ отвергается даже, какъ „безнравственный.“ Лѣкарства, приготовлявшіяся самымъ грубымъ образомъ и отпускавшіяся далеко не въ изящной формѣ, давались въ огромныхъ дозахъ.

Возникновеніе „здравомыслящей терапіи“ слѣдуетъ объяснять главнымъ образомъ тѣмъ, что Rademacher, нужно сказать—человѣкъ незапятнанной чистоты характера, жилъ больше пятидесяти лѣтъ въ отдаленномъ захолустьѣ среди здороваго населенія; успѣхи научной медицины, особенно патологической анатоміи и діагностики, вовсе не доходили до гохскаго врача, по крайней мѣрѣ въ его сочиненіяхъ нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы онъ былъ знакомъ съ этими науками. Тѣмъ не менѣе и это ученіе долгое время не имѣло недостатка въ открытыхъ и тайныхъ послѣдователяхъ среди нѣмецкихъ врачей.

Девятнадцатый вѣкъ.

Натурфилософія.

180. Новый періодъ философіи, начатый Кантомъ, оказалъ сравнительно небольшое вліяніе на развитіе естественныхъ наукъ и медицины Дѣятельность Канта была направлена не столько на содержаніе философіи, сколько на критическое изслѣдованіе основныхъ условій мышленія. Изъ его пріемниковъ одинъ лишь Friedr. Wil. Jos. Schelling изъ Леонберга въ Вюртембергѣ (1775—1854), профессоръ въ Іенѣ, Эрлангенѣ, Мюнхенѣ и Берлинѣ, главнымъ предметомъ своихъ изслѣдованій сдѣлалъ естествознаніе и медицину. Основанная имъ „натурфилософія" оказывала долгое время, особенно въ Германіи, весьма большое вліяніе на развитіе медицины.

F. W. I. Schelling, *Ideen zu einer Philosophie der Natur*, Лейпц. 1797. 8. Ландсгутъ, 1803 8.—*Erster Entwurf eines Systems der Naturphilosophie*. Іена, 1799. 8.—*Sämmtliche Werke* Штуттгартъ, 1860. 8. 6 т.

Кантъ отдѣлилъ реальный, познаваемый міръ отъ отвлеченнаго, идеальнаго. Фихте разсматривалъ „Ego", какъ созидающаго Бога, міръ—какъ его отраженіе. Въ противоположность обоимъ, Шеллингъ считаетъ все существующее, поскольку оно существуетъ, абсолютнымъ бытіемъ. Все только едино: абсолютное тожество. Если абсолютное тожество разсматривается, какъ существующее, то оно называется абсолютнымъ разумомъ; какъ возникающее (werdendes) оно называется природой или основой всего бытія. Такимъ путемъ Шеллингъ пришелъ къ положенію „законы природы должны быть доказаны въ сознаніи, какъ законы сознанія, и наоборотъ—эти послѣдніе—въ объективной природѣ должны быть доказаны, какъ законы природы".

Такимъ образомъ, признавая, что мировое „Я" лежитъ внутри и внѣ индивидуума—Шеллингъ отожествляетъ мышленіе и бытіе. Природа міра, образуя и

развивая изъ себя все, достигаетъ самосознанія въ человѣкѣ. Законы природы и сознанія тожественны.

Сочувствіе, которое натурфилософія встрѣтила у многочисленныхъ нѣмецкихъ изслѣдователей и врачей, легко объясняется тѣми условіями, при которыхъ она возникла. Въ этомъ отношеніи прежде всего нужно указать на значительный подъемъ естественныхъ наукъ, особенно физики и химіи, гдѣ преимущественно интересъ изслѣдователей сосредоточивался на ученіи о полярности. Не меньшее вліяніе на развитіе натурфилософіи оказывало тогдашнее состояніе общественной жизни въ Германіи. Натурфилософія совпала съ такимъ періодомъ, когда лучшіе умы нашей націи въ разработкѣ высшихъ интересовъ человѣчества и въ одушевленіи его для всего высокаго и благороднаго искали удовлетворенія за политическое униженіе народа, и, благодаря этимъ стремленіямъ, лишь въ войнѣ за освобожденіе продолжительный позоръ былъ искупленъ

Самъ Шеллингъ былъ очень далекъ отъ пагубныхъ по послѣдствіямъ заблужденій многихъ его преемниковъ, которые, полагаясь на „тожество природы и духа", думали познать міровые законы помощью философскаго умозрѣнія. Сторонники Шеллинга могутъ поэтому быть раздѣлены на два класса: приверженцевъ преимущественно эмпирическаго изслѣдованія и сторонниковъ умозрѣнія (спекуляціи).* Между первыми встрѣчаются люди, которые обезпечены отъ забвенія важными научными заслугами и своимъ нравственнымъ достоинствомъ.

---

* Это раздѣленіе умозрѣнія отъ опыта, натурфилософіи отъ естественныхъ наукъ,—въ которомъ повинны ученики Шеллинга,—было роковымъ и для философіи и для науки.—Мѣсто фантазій и поэтическихъ грезъ—въ наукѣ заняло „точное изслѣдованіе", опытъ, который касался преимущественно частностей. Пренебреженіе же натурфилософіей—повело къ тому, что цѣлое мало по малу затемнялось этими частностями, и на самой, повидимому, высшей точкѣ естествознанія, былъ замѣтенъ упадокъ философскаго воззрѣнія на природу. Ред.

Выдающееся мѣсто среди нихъ занимаетъ Karl Friedrich Kielmeyer изъ Бебенгаузена, близь Тюбингена (1765—1844), школьный товарищъ Кювье по карльской школѣ въ Штуттгартѣ, впослѣдствіи профессоръ въ Тюбингенѣ. Kielmeyer, оказывавшій большое вліяніе преимущественно своими лекціями, высказалъ положеніе, развитое позднѣе Oken'омъ, а въ новѣйшее время, благодаря Дарвину, получившее такое громадное значеніе, а именно, что классы животнаго царства представляютъ постепенное осуществленіе одной общей основной идеи. *Ueber die Verhältnisse der organischen Kräfte unter einander in der Reihe der verschiedenen Organisationen* u. s. w. Штуттгартъ, 1793. 8. Тюбингенъ, 1814 8.). Однимъ изъ важнѣйшихъ сторонниковъ Шеллинга является Oken (первоначально Okenfuss) изъ Ортенау въ Брейсгау (1779—1841), профессоръ въ Іенѣ, Базелѣ, Мюнхенѣ и Цюрихѣ, основатель ежегодныхъ съѣздовъ нѣмецкихъ естествоиспытателей и врачей, извѣстный по тѣмъ преслѣдованіямъ, которыя обрушились на него за его политическую дѣятельность. Освободившись отъ перваго, исключительно мистическаго періода своего развитія, Oken считалъ своей главной задачей доказать единство природы и постепенное развитіе высшаго изъ низшаго. Основной формой органическихъ тѣлъ онъ впервые считаетъ „пузырекъ". Независимо отъ Гёте онъ описываетъ черепъ, какъ сочетаніе болѣе развитыхъ позвонковъ.—(*Ueber die Bedeutung der Schädelknochen.* Іена и Бамбергъ. 1807. 4. *Lehrbuch der Naturphilosophie.* Іена 1809—1811. 8. 3 т. 1831. 8. Цюрихъ 1843. 8.—*Lehrbuch der Zoologie* Іена, 1815—1816. 8).— Болѣе свободнымъ отъ искушенія—жертвовать опытнымъ изслѣдованіемъ научной конструкціи—держался Ignaz Döllinger изъ Бамберга (1170—1841). профессоръ въ Бамбергѣ, Вюрцбургѣ и Мюнхенѣ;—рядомъ съ von Baer и Pander'омъ онъ считается однимъ изъ главныхъ основателей новѣйшей исторіи развитія (*Grundzüge der Physiologie.* Ландсгутъ, 1835. 8. 2 т.).

Гораздо значительнѣе, конечно, было число тѣхъ сторонниковъ Шеллинга, которые старались скрыть недостатокъ положительныхъ знаній фантазіей и пустой игрой словъ. Глав-

ную роль въ ихъ сочиненіяхъ играла „полярность", къ которой они сводили почти каждое явленіе природы и жизни. Такъ, мозгъ, какъ полюсъ, соотвѣтствующій дню,—противуполагался другому полюсу—солнечному сплетенію, соотвѣтствующему „ночной жизни". Подобныя разсужденія отдали многихъ изъ этихъ натурфилософовъ въ руки животнаго магнетизма.

Представителями этого направленія служатъ, наприм. Joh. Jacob Wagner изъ Ульма, профессоръ въ Вюрцбургѣ, и извѣстный также какъ беллетристъ Henrik Steffens изъ Stawanger, въ Норвегіи (1773—1845), профессоръ въ Бреславлѣ и Берлинѣ.

Изъ тѣхъ, которые разработывали медицину въ духѣ натурфилософіи, заслуживаютъ вниманія Ignaz Troxler изъ Беро-Мюнстера въ кантонѣ Люцернѣ (1780—1866), профессоръ въ Бернѣ, и Dietrich Georg Kieser изъ Гаарбурга (1779—1862), профессоръ въ Іенѣ. Работы послѣдняго по анатоміи растеній (Іена, 1815. 8) и развитію кишечнаго канала имѣютъ прочно укоренившееся значеніе.

Попытка натурфилософіи вывести мировые законы изъ законовъ человѣческаго мышленія потерпѣла крушеніе. „Благодаря крайнему стремленію къ систематизированію, натурфилософія, по словамъ Наmаnn'а, изъ общей науки о возможномъ сдѣлалась общимъ невѣжествомъ дѣйствительности".

Исторія произнесла суровый приговоръ надъ заблужденіями натурфилософіи; но не нужно забывать, при какихъ условіяхъ она возникла и развилась. Не нужно забывать, что лучшіе изъ приверженцевъ натурфилософіи много способствовали тому, что въ области естествознанія и медицины не терялись изъ виду общія воззрѣнія. Сочиненія натурфилософовъ составляютъ одинъ изъ главныхъ источниковъ, изъ которыхъ возникли новѣйшіе взгляды на развитіе неорганическаго и органическаго міра.

Естественныя науки.

181. Никогда еще успѣхи естествознанія не оказывали такого благотворнаго вліянія на медицину, какъ въ нашемъ

вѣкѣ,—частью вслѣдствіе непосредственнаго примѣненія ихъ къ врачебной наукѣ, больше же всего благодаря спасительному примѣру точнаго изслѣдованія, которое въ естествознаніи давно достигло права гражданства. Физика и химія, вслѣдствіе ихъ связи съ математикой, пріобрѣтали все болѣе строгій, научный характеръ. За доказательствомъ тожества магнетизма и электричества (Фарадэемъ и Эрштедомъ) слѣдовали открытіе закона постоянства силы и механическая теорія теплоты, начавшая оказывать вліяніе и въ области физіологіи. Химія въ теченіе XIX вѣка достигла цвѣтущаго состоянія, благодаря открытому Richter'омъ закону кратныхъ отношеній и основанному на немъ атомизму Дальтона, открытію электрохимизма Гумфри Дэви, основанію ученія о сродствѣ Берцеліусомъ, открытію органическихъ радикаловъ. Усовершенствованіе техническихъ аппаратовъ, введеніе волюмиметріи и спектроскопа довели аналитическую химію до того совершенства, плоды котораго проявляются во всей полнотѣ во всѣхъ областяхъ естествознанія и практической жизни. Химія, которая долгое время была связана съ медициной лишь фармакологіей и токсикологіей, сдѣлалась однимъ изъ важнѣйшихъ вспомогательныхъ средствъ для физіологіи. Въ этомъ отношеніи достаточно указать на работы Либиха (1803—1873) о питаніи и обмѣнѣ веществъ. За то прежняя тѣсная связь между медициной и ботаникой становилась слабѣе, пока послѣдняя въ самое недавнее время снова не стала въ болѣе близкія отношенія къ медицинѣ, благодаря открытію болѣзнетворныхъ паразитовъ.

Анатомія.

Общая анатомія. *Bichat.*

182. Важнѣйшей изъ причинъ, вызвавшихъ въ наше время почти полный переворотъ въ большинствѣ отдѣловъ терапіи, является основаніе общей анатоміи Bichat,—представлявшее собой доказательство величайшаго успѣха медицинской науки со времени открытія кровообращенія.

François Xavier Bichat (1771—1802), сынъ врача въ Туареттѣ (Юра), учился въ Монпелье и работалъ долгое время въ качествѣ врача при осадѣ Ліона и въ Hôtel-Dieu этого города. Въ теченіе 1791—1793 г.г. онъ занимался въ Парижѣ хирургіей и физіологіей подъ руководствомъ своего благодѣтеля и друга Desault. Свою преподавательскую дѣятельность Bichat открылъ частными курсами по анатоміи. Чрезмѣрныя напряженія (въ теченіе одной зимы онъ произвелъ 600 вскрытій и жилъ и спалъ долгое время въ секціонной залѣ) до того разстроили его здоровье что онъ умеръ уже на 32 г. жизни.

F. X. Bichat, *Traité des membranes*. Paris, 1800. 8.—*De la vie et la mort*. Paris, 1800, 8.—*Anatomie générale*. Paris, 1801. 8.

Корнемъ общей анатоміи является витализмъ Монпелье Bichat поставилъ себѣ задачу доказать, что жизненные процессы суть непосредственное выраженіе строенія органическихъ образованій. [*Similis organorum textura similis functio, similes morbi, similis morborum exitus, similis therapia*]. Средствомъ для этой цѣли онъ считалъ соединеніе экспериментальнаго метода Haller'a и Spallanzani съ аналитическими пріемами Bordeu. Bichat, однако до такой степени твердо держался витализма,* что рѣшительно отклоняетъ всякую попытку объяснить жизненные процессы физическими и химическими свойствами органическихъ образованій.**

---

* Общее положеніе, которое можетъ быть проведено чрезъ всю систему Биша и служитъ ея краеугольнымъ камнемъ—можетъ быть формулировано въ слѣдующихъ немногихъ словахъ: Всѣ ткани, лежащія въ основѣ строенія нашихъ органовъ, одарены жизненною силою и самобытнымъ существованіемъ, независимымъ отъ силъ и жизни самихъ органовъ.—Геніальность этой основной идеи легко будетъ оцѣнена нами, если ее только выразить языкомъ целлюлярной теоріи,—и на мѣсто тканей—поставить клѣтку, элементарный организмъ! Ред.

** Главное отличіе жизненныхъ силъ отъ законовъ физическихъ —Биша находитъ въ неизмѣнности послѣднихъ и въ чрезвычайной измѣнчивости первыхъ. „Можно вычислить, говоритъ онъ, возвращеніе кометы, скорость полета снаряда и т. д., но вычислить, подобно Бо-

Свои основныя воззрѣнія Bichat излагаетъ главнымъ образомъ въ сочиненіи *De la vie et la mort*. Онъ разсматриваетъ жизнь, какъ нѣчто самостоятельное и самодѣятельное. Странно, однако, что опредѣленіе жизни у Bichat чисто отрицательное. Не жизнь, а смерть выступаетъ въ этомъ опредѣленіи на первый планъ: *„La vie est l'ensemble des fonctions, qui resistent à la mort“*.

Общими свойствами жизни служатъ „чувствительность“ и „сокращаемость“. Въ растеніяхъ онѣ являются какъ „Sensibilité et Contractilité organique“; у животныхъ—sensibilité et contractilité animale“. И у животныхъ жизнь многихъ образованій ограничивается „органической“ ступенью, чтобы въ цѣломъ рядѣ градацій подняться до самыхъ совершенныхъ формъ сознательнаго ощущенія и произвольнаго движенія.

Но заслуги Bichat заключаются не въ его физіологическихъ теоріяхъ, а въ его анатомическихъ работахъ. Съ безпримѣрнымъ прилежаніемъ изслѣдовалъ онъ отношеніе всѣхъ образованій тѣла помощью анатомическаго ножа, мацерацій, варенія, гніенія, дѣйствія кислотъ и щелочей и проч., и опытовъ на животныхъ. Страннымъ образомъ, Bichat пренебрегалъ тѣмъ инструментомъ, господство котораго утвердилось всего болѣе доктриной Bichat: микроскопомъ. Онъ ссылается на то, что микроскопъ часто ведетъ къ ошибкамъ, и что желаніе проникнуть до анатомическихъ элементовъ органовъ такъ же опасно, какъ попытка разгадать конечныя причины физіологическихъ процессовъ.

Анатомическія и физіологическія работы Bichat изложены главнымъ образомъ въ *Traité des membranes* и *Anatomie générale*. Онъ дѣлитъ ткани [21] на общія, встрѣчающіяся во всѣхъ органахъ: клѣточная ткань, животные (церебро-спинальные) и органическіе (симпатическіе) нервы, артеріи, вены, капил-

---

релли, силу мускула, или, подобно Кейлю, скорость обращенія крови,—подобно Лавоазье, количество воздуха, входящее въ легкое,—это тоже, что на зыбкомъ пескѣ строить зданіе, прочное само по себѣ, но падающее немедленно вслѣдствіе отсутствія прочнаго фундамента“. Не отказался-ли бы теперь Биша отъ этихъ заключеній? Ред.

ляры, выдыхающіе (exhalirende) сосуды, лимфатическіе сосуды, и особыя: кости, костный мозгъ, хрящъ, волокнистая система, волокнистый хрящъ, слизистыя, серозныя, синовіальныя оболочки, желѣзы, кожа, кожица, ткань волоса и рога Свойствами этихъ тканей являются—эластичность, способность (нѣкоторыхъ тканей) при извѣстныхъ вліяніяхъ сморщиваться и складываться въ складки, чувствительность и сокращаемость Bichat изслѣдовалъ всѣ ткани относительно ихъ физіологическихъ и патологическихъ свойствъ. 1) Клѣточная ткань: образованіе рубца, значеніе клѣточной ткани для образованія опухолей, полиповъ, кистъ и т д. 2) Нервы: возрожденіе перерѣзанныхъ нервовъ изъ неврилемы. Симпатическіе нервы не обнаруживаютъ послѣ раздраженія ни чувствительности, ни движенія. 3) Сосуды: отношеніе интимы при раненіяхъ, перевязкѣ и воспаленіи. Причина послѣдняго—раздраженіе тканей; гиперемія есть лишь слѣдствіе этого раздраженія. 4) Кости: описаніе суставовъ, образованіе костной мозоли. Надкостница не имѣетъ никакого вліянія на питаніе костей. 5) Мускулы: удивительное разнообразіе опытовъ, особенно съ вліяніемъ нервовъ на дѣятельность мышцъ. Относительно раздражительности Bichat исключительно высказывается за ученіе Haller'а. Опыты надъ вліяніемъ перерѣзки блуждающаго нерва. — Сочиненіе *De la vie et la mort* содержитъ многочисленные опыты надъ процессами при сердечной, легочной и мозговой смерти.

Важнѣйшіе выводы, къ которымъ Bichat приходитъ на основаніи своихъ изслѣдованій,—слѣдующіе: 1) Каждая ткань можетъ заболѣвать самостоятельно. 2) Измѣненія, претерпѣваемыя тканями, одинаковы во всѣхъ органахъ, заключающихъ эти ткани. 3) „Симпатіи“* зависятъ не столько отъ сродства органовъ, сколько отъ сходства тканей.

---

* Въ *Общей анатоміи въ приложеніи къ физіологіи и медицинѣ* Биша слѣдующими словами характеризуетъ „симпатію“: „Неорганическое тѣло не имѣетъ сообщеній между различными частями своими. Если какая нибудь часть камня или куска металла будетъ раздражена какимъ бы

Работы Bichat представляютъ непосредственное продолженіе и дополненіе къ работамъ Haller'а. Биша стоитъ ниже Hallera тѣмъ, что онъ смотрѣлъ на свою задачу съ виталистической точки зрѣнія, что онъ выводитъ обратно заключенія о строеніи тканей по ихъ виталистическимъ свойствамъ, и тѣмъ, что онъ пренебрегалъ микроскопомъ. Но, благодаря тому, что онъ по отношенію ко всѣмъ тканямъ тѣла старался рѣшить такую задачу, какую Haller ограничилъ лишь одними мускулами, и дѣйствительно рѣшилъ макроскопическую часть ея, Биша является творцомъ науки, лежащей въ основѣ физіологіи и патологіи настоящаго и будущаго: ученія о тканяхъ.

Описательная анатомія.

Италія. Франція. Англія. Германія.

183. Въ области описательной анатоміи въ первыя десятилѣтія нашего вѣка въ Италіи и Германіи замѣчается значительное уменьшеніе прежняго рвенія. Оно объясняется отчасти тѣмъ, что анатомическими работами непосредственно предшествовавшаго періода, напр. трудами Sömmerring'a*, надолго удовлетворены были всѣ потребности; главнымъ же образомъ тѣмъ, что въ этихъ странахъ преобладалъ интересъ

то ни было способомъ: химически, механически и т. д.,—то это возбужденіе не отразится на другихъ частяхъ; для этого на нихъ надо дѣйствовать непосредственно. Въ живыхъ же тѣлахъ—все связано до такой степени тѣсно, что нарушеніе дѣятельности какой нибудь части непремѣнно отражается на функціи всѣхъ другихъ. Эта симпатія, существующая между всѣми нашими органами въ здоровомъ состояніи, особенно рельефно выражается въ болѣзняхъ, и нерѣдко даже затрудняетъ точное изученіе послѣднихъ: явленія симпатическихъ движеній не рѣдко преобладаютъ надъ явленіями, вызываемыми непосредственнымъ пораженіемъ больнаго органа. Ред.

* См. выше стр. 325.

къ теоретическимъ вопросамъ, особенно къ брауніанизму и возникшимъ изъ него системамъ.

Тѣмъ болѣе блестяще было развитіе анатоміи въ слѣдующія десятилѣтія подъ вліяніемъ микроскопическихъ изслѣдованій. Для микроскопа тогда настала новая эпоха, благодаря значительному усовершенствованію его Fraunhofer'омъ (въ Мюнхенѣ), устранившимъ хроматизмъ. Съ этого изобрѣтенія [ахроматическихъ линзъ] микроскопъ начинаетъ все болѣе и болѣе совершенствоваться, благодаря, главнымъ образомъ, нѣмецкимъ мастерамъ.

Изъ итальянскихъ анатомовъ послѣднихъ десятилѣтій XVIII и первыхъ—XIX-го столѣтія особенно выдается своими почтенными трудами о лимфатическихъ сосудахъ и сравнительной анатоміи, Paolo Mascagni (1752—1815), профессоръ во Флоренціи. Далеко неудовлетворительныя инъекціи и недостатки микроскоповъ привели его, однакожъ, къ заключенію, что всѣ органы состоятъ изъ лимфатическихъ сосудовъ. Величайшимъ итальянскимъ анатомомъ этого періода, однимъ изъ величайшихъ анатомовъ новѣйшаго времени вообще—является Antonio Scarpa изъ Мотты, въ округѣ Treviso (1747—1832), ученикъ Morgagni, профессоръ въ Моденѣ и Павіи. Анатомическія работы Scarpa касаются главнымъ образомъ костей, нервовъ и органовъ чувствъ, и по тщательности описанія и рисунковъ еще теперь могутъ считаться образцовыми.

Изъ французскихъ анатомовъ этого періода слѣдуетъ прежде всего упомянуть Gilbert Breschet (1784—1845), профессора въ Парижѣ, за отличныя работы о венозной системѣ, слуховомъ органѣ и исторіи развитія.—Знаменитыя работы Geoffroy St. Hilaire (1772—1844) касаются главнымъ образомъ сравнительной анатоміи и развитія уродствъ.

Высокое положеніе въ этомъ періодѣ занимаютъ анатомическія изслѣдованія англичанъ. Вслѣдствіе того, что большинство англійскихъ анатомовъ были въ тоже время выдающимися хирургами и часто занимали обѣ каѳедры, сочиненія ихъ имѣютъ близкое отношеніе къ практической медицинѣ.

Первое мѣсто между англійскими анатомами этого періода принадлежитъ братьямъ Ioh. и Charles Bell. Работы перваго (1763—1820), профессора и врача въ Эдинбургѣ, касаются главнымъ образомъ хирургіи. Его знаменитый братъ Charles, профессоръ и врачъ въ Лондонѣ, впослѣдствіи профессоръ въ Эдинбургѣ, послѣ борьбы съ различными препятствіями достигъ высшей степени анатомическаго и физіологическаго совершенства; онъ извѣстенъ своимъ открытіемъ различнаго анатомическаго происхожденія чувствительныхъ и двигательныхъ нервовъ.*

Замѣчательнѣйшіе нѣмецкіе анатомы первыхъ десятилѣтій нашего вѣка суть Ioh Fr. Meckel изъ Галле (1781—1833), внукъ любимаго ученика Haller'а и сынъ Philipp Fr. Theodor Meckel'я, профессоръ въ Галле, одинъ изъ знаменитѣйшихъ изслѣдователей и писателей своего времени въ области нормальной, сравнительной и патологической анатоміи. Почетнѣйшимъ памятникомъ семейства Meckel служитъ носящій это имя анатомическій музей въ Галле. Далѣе, сюда принадлежатъ—знаменитый главнымъ образомъ какъ окулистъ Ioseph Beer, инъекціонные препараты котораго до сихъ поръ возбуждаютъ удивленіе,—Christian Ioseph Berres, профессоръ въ Львовѣ и Вѣнѣ, авторъ неоцѣненнаго до сихъ поръ сочиненія по общей анатоміи, въ которомъ особенно выдаются отдѣлы о распредѣленіи сосудовъ въ различныхъ тканяхъ; — далѣе сюда же относятся Gall, основатель краніоскопіи, работы котораго о мозгѣ разбираются ниже,—Friedrich Tiedemann, профессоръ въ Гейдельбергѣ (1781—1856), извѣстенъ своимъ великолѣпнымъ произведеніемъ объ артеріяхъ человѣческаго тѣла (1822);—Vincenz Fohmann (1794—1837), профессоръ въ Люттихѣ, авторъ прекрасныхъ произведеній о лимфатическихъ сосудахъ.—Изъ руководствъ къ анатоміи, изданныхъ въ этомъ періодѣ Hildebrandt'омъ, Hempel'емъ, Conrad Martin Langenbeck'омъ, Rosenmüller'омъ и Krause, первое мѣсто принадлежитъ сочиненію послѣдняго (Ганноверъ, 1833 ff.).

---

* См. ниже стр. 420.

Особаго упоминанія заслуживаютъ основатели „краніоскопіи, френологіи“ или „ученія о черепѣ:“ Franz Ioseph Gall (1758—1828) и Ioh. Christoph Spurzheim (1776—1834), оба оказавшіе значительныя услуги анатоміи мозга. Они утверждали, что отдѣльныя душевныя силы связаны съ опредѣленными, особо развитыми мѣстами мозговой поверхности, и что этимъ мѣстамъ соотвѣтствуютъ особыя возвышенія („Organe“) на черепной крышкѣ. Это ученіе, основанное на совершенно произвольныхъ предположеніяхъ, имѣло весьма непродолжительный успѣхъ, не смотря на старанія его основателей и приверженцевъ, напр. Karl Gustav Carus'a въ Дрезденѣ (1789—1869), не говоря уже о безразсудныхъ профанахъ. Въ Германіи противъ этого ученія особенно выступали Iacob Fidelis Ackermann, профессоръ анатоміи въ Майнцѣ, Іенѣ и Гейдельбергѣ, и Rudolphi.*

Новѣйшему и блестящему періоду нѣмецкой анатоміи принадлежатъ: Emill Huschke (1797—1858). профессоръ въ Іенѣ, Benedikt Stilling (1810—1879), врачъ въ Касселѣ, H. Luschka, профессоръ въ Тюбингенѣ, Heinrich Müller 1820—1864) профессоръ въ Вюрцбургѣ, и Max Schultze изъ Фрейбурга въ Брейгау (1825—1874), профессоръ въ Боннѣ, оказавшій значительныя услуги микроскопической анатоміи сѣтчатки, кортіевскаго органа и ученію о клѣткѣ.

Физіологія.

184. Въ замѣчательно быстромъ развитіи физіологіи въ

* Френологія является намъ самой грубой формой теоріи мозговой локализаціи. Принадлежа къ области, допускавшей примѣненіе во всей строгости точныхъ наукъ, френологія, не смотря на это, разработывалась съ полнѣйшимъ пренебреженіемъ къ требованіямъ научныхъ методовъ (подобно гомеопатіи) и явилась прекраснымъ плодомъ тѣхъ призрачныхъ наукъ, по выраженію Ланге, которыя еще и нынѣ составляютъ главную массу того, чѣмъ обыкновенно блистаютъ юристы, медики, теологи и философы. Ред

теченіе настоящаго вѣка, особенно второй его половины, приняли одинаковое участіе всѣ образованныя націи.—Изъ итальянцевъ заслуживаютъ вниманія Stefano Gallini (1756—1836), профессоръ въ Падуѣ, Bartolommeo Panizza, профессоръ въ Павіи; изъ англичанъ — Charles Bell* и Marschall Hall въ Лондонѣ (1790—1857). Работы Legallois въ Парижѣ (ум. въ 1814 г.) касаются главнымъ образомъ значенія продолговатаго мозга для движеній сердца и дыхательныхъ органовъ; работами Du Trochet (1776—1847) основано ученіе о диффузіонной способности животныхъ тканей.— Изслѣдованія нижепоименованныхъ французскихъ физіологовъ относятся главнымъ образомъ къ нервной системѣ. François Magendie (1783—1855), профессоръ въ Парижѣ является рѣшительнѣйшимъ противникомъ витализма** и главнымъ представителемъ экспериментальнаго метода.—Его соперникъ, превосходившій Magendie многосторонней образованностью, блестящимъ слогомъ и превосходными преподавательскими способностями, Marie Jean Pierre Flourens (1794—1867), профессоръ въ Парижѣ, постоянный секретарь академіи наукъ и пэръ Франціи, открылъ „жизненный узелъ“ „Point vital“.*** Duchenne—отецъ (1806—1875) является однимъ изъ основателей ученія объ отношеніи нервовъ и мускуловъ къ электричеству и примѣненія

---

* См. стр. 413.

** Мажанди совершенно опредѣленно высказываетъ мысль, что полагать, будто каждое живое существо, растеніе или животное, все равно, подчинено законамъ, независимымъ отъ законовъ, управляющихъ другими тѣлами природы, значитъ—распространять одинъ изъ печальнѣйшихъ предразсудковъ, когда либо преобладавшихъ и теперь преобладающихъ въ медицинѣ,—думать все это,—значитъ—противиться научному прогрессу. (См. примѣч. стр. 392, 408). Ред.

*** Этотъ „узелъ“ есть то, что современные физіологи называютъ „дыхательнымъ центромъ“, существованіе котораго можно теперь считать доказаннымъ ad oculos. Ред.

электричества къ врачебной практикѣ. Всѣхъ ихъ превосходитъ одинъ изъ величайшихъ физіологовъ всѣхъ временъ: Claud Bernard (1813–1878), ученикъ и преемникъ каѳедры Magendie, приступившій къ изученію медицины уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ, послѣ непродолжительной карьеры драматурга. Изъ его изслѣдованій, обнимающихъ всѣ отдѣлы физіологіи, также фармакологію и токсикологію, мы укажемъ здѣсь лишь на слѣдующія: о роли поджелудочной желѣзы для переваривація жировъ, о вазомоторной функціи симпатическаго нерва; объ образованіи сахара въ печени [„уколъ"], о сосудорасширяющихъ нервахъ и ихъ участіи въ отдѣленіи желѣзъ и, наконецъ, о дѣйствіяхъ многочисленныхъ лѣкарственныхъ веществъ и ядовъ.*

Изъ нѣмецкихъ физіологовъ многіе выдаются прежде всего какъ авторы дѣльныхъ руководствъ: Georg Prochaska (1749—1820), профессоръ въ Прагѣ и Вѣнѣ; Karl Asmund Rudolphi (1771—1832), профессоръ въ Грейфсвальдѣ и Берлинѣ, неоконченное произведеніе котораго за-

---

* Клодъ-Бернаръ занимаетъ въ физіологіи особенное мѣсто Въ то время какъ наука о жизни въ Германіи, благодаря изслѣдованіямъ бр. Веберъ, Мюллера и ихъ знаменитыхъ учениковъ (Гельмгольцъ, Дюбуа—Реймонъ, Людвигъ, Брюкке), достигла совершенства и въ теченіе десятилѣтій занимала почетнѣйшее мѣсто въ ряду точныхъ наукъ, французская физіологія вращалась въ границахъ, начертанныхъ Флурансомъ, Мажендии Лонже. И вотъ К. Бернаръ, работавшій, подобно своимъ предшественникамъ, съ самыми ограниченными средствами (о которыхъ современныя богато обставленныя физіологическія лабораторіи имѣютъ смутное представленіе),—далъ рядъ геніальныхъ изслѣдованій, которыя будутъ руководящими еще въ теченіе долгаго времени. Ціонъ указываетъ на мало извѣстный фактъ, свидѣтельствующій о геніальности К. Бернара какъ вивисектора и экспериментатора: всѣ, производившія эпоху, открытія Бернара, были сдѣланы имъ на демонстраціяхъ, въ теченіи курсовъ.—Опредѣленіе ближайшихъ причинностей явленій—детерминизмъ—составляетъ существенную основу изслѣдованій Бернара. Ред.

мѣчательно какъ по своему ясному, точному направленію, такъ и потому, что рѣшительно отрицаетъ значеніе вивисекціи. Въ тоже время Rudolphi является однимъ изъ основателей ученія объ энтозоахъ.—Karl Friedrich Burdach (1776—1847), профессоръ въ Кёнигсбергѣ, достоинъ упоминанія, какъ издатель большаго руководства, разработывавшагося нѣсколькими физіологами.—Хорошіе учебники писали также Gottfr. Reinhard Treviranus (1776—1837), врачъ въ своемъ родномъ городѣ Бременѣ, и Arnold Adolph Berthold (1803—1861), профессоръ въ Геттингенѣ.

Весьма большое вліяніе на дальнѣйшее развитіе физіологіи оказали многіе врачи, вышедшіе изъ школы Döllinger'a. На первомъ планѣ стоятъ два главныхъ основателя новѣйшей исторіи развитія: Christian Pander изъ Риги (1773—1865), академикъ въ Петербургѣ, и Karl Ernst von Baer изъ Эстляндіи (1792—1876), профессоръ въ Кенигсбергѣ и Дерптѣ, впослѣдствіи также академикъ въ Петербургѣ.

Важныя изслѣдованія въ упомянутой области и другихъ отдѣлахъ физіологіи произведены Joh. Evangelista Purkinje (1787—1869), профессоромъ въ Бреславлѣ и Прагѣ. Наука обязана ему, кромѣ многочисленныхъ важныхъ наблюденій и открытій въ микроскопической анатоміи и физіологіи органовъ чувствъ, особенно открытіемъ зародышеваго пузырька въ яйцѣ высшихъ животныхъ и очерками новѣйшей теоріи о клѣткѣ.—Рядомъ съ этими изслѣдователями можетъ стоять Ernst Heinrich Weber (1795—1878), профессоръ въ Лейпцигѣ, важныя изслѣдованія котораго, произведенныя отчасти вмѣстѣ съ его братомъ Вильгельмомъ, профессоромъ въ Лейпцигѣ, относятся главнымъ образомъ къ примѣненію ученія о механическомъ волнообразномъ движеніи къ движенію крови; далѣе имъ-же разработаны физіологія чувства осязанія и механика слуховыхъ косточекъ. Wilhelm и Eduard Weber (младшій изъ братьевъ)—авторы знаменитаго произведенія: *Mechanik der menschlichen Gehwerkzeuge*. (Геттингенъ, 1836).

Весьма плодотворное вліяніе на развитіе физіологіи въ

XIX вѣкѣ оказалъ Iohannes Müller изъ Кобленца (1801—1858), профессоръ въ Боннѣ и (какъ преемникъ Rudolphi) Берлинѣ. Müller былъ послѣднимъ изъ тѣхъ изслѣдователей, профессоровъ и писателей, которые обнимали всю анатомію и физіологію человѣка и животныхъ. Но центромъ всѣхъ его работъ, даже, повидимому, совершенно постороннихъ, была физіологія. Его первоначальная наклонность къ натурфилософіи скоро исчезла подъ вліяніемъ школы Rudolphi; но Müller, по своимъ духовнымъ и нравственнымъ свойствамъ, можетъ быть также по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ, неуклонно держался витализма* и цѣлесообразности природы. Его стремленія были направлены на то, чтобы возвысить физіологію до степени науки о законахъ жизни. Этого онъ думалъ достигнуть твердымъ установленіемъ фактовъ, примѣненіемъ всѣхъ вспомогательныхъ средствъ точнаго изслѣдованія, главнымъ образомъ микроскопа и строго-логической оцѣнки пріобрѣтенныхъ данныхъ.—Совокупность физіологическихъ работъ Müller'а составляетъ его руководство, которое послѣ *Элементовъ* Haller'а представляетъ безспорно лучшее произведеніе этой науки. (Кобленцъ. 1833—1844. 8. 2. т.). Подобно послѣднему сочиненію оно обнимаетъ всю физіологію и всюду обнаруживаетъ въ авторѣ основательнѣйшее знакомство съ предшествующими работами и тщательность собственныхъ изслѣдованій. Выдающееся значеніе имѣетъ изслѣдованіе Müller'а о крови и образованіи голоса, особенно о значеніи голосовыхъ связокъ, какъ перепончатаго языкообразнаго аппарата (*Ueber die Compensation*

* Несостоятельность гипотезы о жизненной силѣ Мюллеръ доказалъ, точно формулируя функціи жизненной силы. При этомъ оказалось, что, судя по одной части атрибутовъ, жизненная сила есть отрицаніе понятія о силѣ, а судя по другимъ признакамъ, олицетворение въ одно, сознательно дѣйствующее и одаренное познаніями существо суммы неизвѣстныхъ намъ факторовъ. И не смотря на такую ясную формулировку, Мюллеръ всю жизнь оставался виталистомъ. Такова сила традиціи!.. (См. И. О. Ковалевскій, *Какъ смотритъ физіологія на жизнь и т. д.* Казань, 1875). Ред.

der physikalischen Kräfte am menschlichen Stimmorgan Берлинъ, 1839. 8);—далѣе,—о нервной системѣ, особенно объ открытіи Charles Bell'я, которое было оцѣнено только благодаря Müller'у; о воспріятіяхъ органовъ чувствъ и ихъ отношеніи къ душевной дѣятельности.

Рядъ анатомическихъ работъ Müller'а открывается образцовымъ произведеніемъ, написаннымъ имъ еще въ юности, о болѣе тонкомъ строеніи желѣзъ (*De glandularum secernentium structura penitiori* Lips. 1830. f.). Это сочиненіе отмѣчаетъ собою новый періодъ въ развитіи ученія о тканяхъ и сдѣлалось исходнымъ пунктомъ теоріи о клѣткѣ,—теоріи, созданной учениками Müller'а Шлейденомъ и Шванномъ.* Великая заслуга Müllera заключается еще и въ томъ, что при всѣхъ своихъ физіологическихъ работахъ онъ имѣлъ въ виду патологическое отношеніе изслѣдуемыхъ тканей. Его произведеніе—*Ueber den feineren Bau und die Formen der krankhaften Geschwülste* (Berlin, 1838. f.) начинаетъ собою новый отдѣлъ въ исторіи патологической анатоміи, въ которомъ исходной точкой изслѣдованія сдѣлалась исторія развитія патологическихъ образованій. Работы Müller'а въ области сравнительной морфологіи, принадлежащія главнымъ образомъ позднѣйшему періоду его жизни, тоже произвели эпоху. Большаго значенія достигъ основанный Reil'емъ и продолженный Meckel'емъ и Müller'омъ *Archiv für Anatomie, Physiologie und wissenschaftliche Medicin* (Berlin, 1834. ff.), который существуетъ и теперь.

Какъ извѣстныхъ въ этомъ періодѣ физіологовъ, оказавшихъ услуги исторіи развитія, слѣдуетъ упомянуть: Burkard Wilhelm Seiler'а изъ Эрлангена (1778—1843),

---

* Начала ученія о клѣткѣ связаны съ натурфилософской школой. Въ концѣ XVII в. уже были дѣланы наблюденія надъ строеніемъ растеній и высказана мысль, что клѣтка составляетъ элементъ растеній. Затѣмъ Корти (1772), Тревиранусъ (1805), Броунъ (1834), Шлейденъ (1838), Шваннъ (1839), Моль (1846) и мн. друг. развили это ученіе, которое въ 1860 г. Р. Вирховъ формулировалъ въ патологіи: omnis cellula e cellula. Ред.

директора медико-хирургической академіи въ Дрезденѣ;— Heinrich Rathke изъ Данцига (1793—1860), профессора въ Дерптѣ и Кенигсбергѣ;—Rudolph Wagner'а изъ Baireuth (1805—1864), профессора въ Эрлангенѣ и Геттингенѣ, открывшаго зародышевое пятно въ человѣческомъ яйцѣ; von Bischoff'а (ум. 5 дек. 1882 г.), профессора въ Мюнхенѣ.—Тщательныя работы Richard Volkmann'а изъ Лейпцига (1801—1877), бывшаго профессоромъ въ Лейпцигѣ, Дерптѣ и Галле, относятся главнымъ образомъ къ нервной системѣ, физіологіи глаза и движенію крови —Robert Remak изъ Позена (1815—1865) извѣстенъ своимъ открытіемъ осеваго нервнаго цилиндра и нервныхъ волоконъ, носящихъ его имя; онъ оказалъ также услуги теоріи о клѣткѣ и терапевтическому примѣненію электричества.

Пріобрѣтенія физіологіи въ первой половинѣ XIX вѣка.

185. Ученіе о пищевареніи обогатилось главнымъ образомъ опытами, произведенными Tiedemann'омъ и Gmelin'омъ, открытіемъ Joh. Nepomuk Eberle (1798—1834), врача въ Вюрцбургѣ, значенія поджелудочной железы для перевариванія жировъ и крахмала,—далѣе, наблюденіями Beaumont'а надъ однимъ канадцемъ, страдавшимъ желудочной фистулой; ученіе о питаніи развилось, благодаря изслѣдованіямъ Liebig'а о значеніи альбуминатовъ и углеводовъ.—Большіе успѣхи сдѣлало ученіе о дыханіи и образованіи крови послѣ открытія кислорода, физическихъ свойствъ газовъ, анализа крови и т. д., благодаря Andral'ю и Gavarret, Becquerel и Rodier, Nasse младшему, Scherer, Franz Simon'у и многимъ другимъ. Важное значеніе имѣли также работы E. H. Weber'а и Volkmann'а о движеніи крови, Legallois, Charles Bell'я о различныхъ функціяхъ переднихъ и заднихъ корешковъ спинно-мозговыхъ нервовъ; Белль былъ приведенъ къ этому открытію главнымъ образомъ изслѣдованіемъ различныхъ свойствъ отдѣльныхъ вѣтвей тройничнаго и личнаго нервовъ (*The nervous sys-*

tem of the human body. London. 1830. 8. По нѣмецки Romberg'омъ, Berlin, 1836. 8);—Marschall Hall'я и Magendie о рефлекторной дѣятельности; (начало этихъ изслѣдованій встрѣчается уже у Descartes, Unzer'a и Prochaska);—Flourens'a о вазомоторныхъ центрахъ и функціяхъ блуждающаго нерва и т. д.

Блестящіе успѣхи оказала въ XIX вѣкѣ исторія развитія. Во главѣ этой научной области, открытой безсмертными работами Caspar Friedrich Wolff'a*, въ первой половинѣ вѣка стоятъ Pander и von Baer. *Beiträge zur Entwickelungsgeschichte* (1817) Пандера представляютъ также диссертацію, подобно сочиненію Wolff'a Главная заслуга Pander'a состоитъ въ доказательствѣ образованія серознаго и слизисто листка въ первой стадіи эмбріональной жизни, что уже предполагалъ Wolff. Еще болѣе точныя изслѣдованія зародышевыхъ листковъ и ихъ видоизмѣненій произведены V. Baer'омъ, который собственно и открылъ яйцо млекопитающихъ (1827).—Въ этомъ же году послѣдовало открытіе зародышеваго пятнышка въ кроличьемъ яйцѣ Coste и Wharton Iones, пятнышка въ человѣческомъ яйцѣ Rudolph Wagner'омъ (1835). -Изъ дальнѣйшихъ работъ слѣдуетъ упомянуть объ изслѣдованіяхъ Remak'a, положившихъ начало ученію о составѣ зародышевой кожицы изъ внутренняго, наружнаго и средняго слоя.

Большія услуги физіологіи оказали четыре недавно умершихъ физіолога: Gabriel Gust. Valentin изъ Берлина, профессоръ въ Бернѣ (ум. 24-го мая 1883 г., 73-хъ лѣтъ); Theodor Schwann изъ Neuss'a (7 дек. 1810—11 января 1882), профессоръ въ Люттихѣ, создавшій вмѣстѣ съ Шлейденомъ ученіе о клѣткѣ,—и умершій въ цвѣтѣ лѣтъ Boll изъ Новаго Бранденбурга (20-го февраля 1849—1879), профессоръ въ Римѣ, одинъ изъ ученыхъ, открывшихъ зрительный пурпуръ (который будто-бы былъ уже извѣстенъ Musitano, профессору въ Неаполѣ [1635—1714]).

---

* См. выше стр. 336.

«Физіологическая медицина».

Broussais.

186. Началомъ прогрессивнаго развитія практической медицины XIX вѣка является Франція, гдѣ работы Bichat дали толчекъ этому развитію. Значительное вліяніе, которое существующія доктрины оказывали на врачей еще въ первыхъ десятилѣтіяхъ нашего вѣка, обнаруживается тѣмъ, что новопріобрѣтенные факты служили для основанія медицинской теоріи прежде, чѣмъ они могли претендовать на самостоятельное значеніе.

François Jos. Victor Broussais (1772—1838) изъ Мало, въ Бретани, геркулессъ съ блестящими духовными дарованіями, былъ сперва солдатомъ, затѣмъ флотскимъ врачемъ, старшимъ врачемъ при Val de Grace въ Парижѣ и, наконецъ, тамъ же профессоромъ общей патологіи.

Ученіе Broussais ясно носитъ на себѣ печать революціи, въ теченіе которой оно возникло. Прежняя медицина кажется Broussais ничтожной, болѣзненныя формы школы—фантастическими образами („Entités factices") и „онтологіями"; прежняя терапія безполезной и губительной. Но какъ Broussais ни претендуетъ на самостоятельность своего ученія, тѣмъ не менѣе очевидно, что оно имѣетъ своимъ источникомъ витализмъ и броуніанизмъ.* Вмѣстѣ съ шотландскимъ реформа-

* Подобно тому какъ Бровнъ разсматривалъ возбуждаемость какъ силу, дѣйствующую и существующую въ организмѣ сама по себѣ, какъ причину жизни,—Бруссэ назвалъ эту силу—раздражаемостью. Раздраженіе, какъ проявленіе жизни, есть результатъ дѣйствія различныхъ раздражителей на эту основную способность (силу). Физіологическое состояніе организма (здоровье) есть результатъ нормальнаго, правильнаго дѣйствія раздражителей; но при уклоненіи этого дѣйствія отъ нормы въ сторону maximum'a или minimum'a—являются два состоянія организма собственно раздраженіе и разслабленіе (asthenia). Такимъ образомъ, подобно Бровну, и Бруссэ раздѣляетъ всѣ болѣзни на ирритаціи (стенія) и абирритаціи (астенія). Но въ

торомъ Broussais считаетъ жизнь продуктомъ дѣйствующихъ на послѣднюю внѣшнихъ раздраженій, болѣзнь—слѣдствіемъ избытка или недостаточности раздраженій („Irritation" и „Ab-irritation"). Вліяніе на Broussais его учителя Bichat обнаруживается въ томъ, что первый подъискиваетъ для „раздраженія" анатомическую и физіологическую подкладку. Мѣстныя болѣзни въ этомъ отношеніи не представляютъ особыхъ затрудненій; но за то очень трудно было объяснить „эссенціальныя лихорадки", получившія новое значеніе благодаря Pinel'ю. Но въ трупахъ тифозныхъ, очень часто встрѣчавшихся въ военныхъ госпиталяхъ Парижа, постоянно находились явленія „Irritation gastrointestinale". Broussais поспѣшилъ воспользоваться этимъ для объясненія причины „эссенціальныхъ лихорадокъ" и считалъ это раздраженіе источникомъ другихъ „симпатическихъ" явленій. Вскорѣ „раздраженіе" превратилось въ „воспаленіе" („Gastro-entérite") и, наконецъ,

---

то время какъ первый, считая недостатокъ возбуждаемости за главнѣйшую—почти единственную—причину болѣзней, утверждаетъ, что почти всѣ болѣзни—астеническаго характера,—Бруссэ, принимая за причину болѣзней слишкомъ сильное вліяніе раздражителей на раздражаемость, заключаетъ, что въ 97 случаяхъ изъ 100 болѣзни суть ирритативнаго, воспалительнаго (стеническаго) характера. Въ то время какъ Броунъ настаивалъ на употребленіи тоническихъ и возбуждающихъ, леченіе Бруссэ заключалось въ назначеніи средствъ ослабляющихъ (кровопусканія, противовоспалительный методъ леченія)... Громадный авторитетъ Бруссэ, кажущаяся пустота и ясность его доктрины—послужили причинами ея быстраго успѣха. Благодаря этой доктринѣ во всѣхъ образованныхъ странахъ свѣта были пролиты потоки крови, и не даромъ R. Volz сказалъ, что нельзя рѣшить, кто Франціи стоилъ больше крови: Наполеонъ или Бруссэ.

Бруссэ былъ, подобно Броуну, однимъ изъ послѣднихъ могиканъ метафизическаго періода нашей науки. Будучи виталистами, вслѣдствіе невозможности отрѣшиться отъ господствующихъ идей своего времени, они создали теоріи, послужившія, особенно послѣдняя, при перенесеніи ихъ на практическую почву, источникомъ ложныхъ воззрѣній, отъ которыхъ не безъ труда освободилась современная медицина. Ред.

всѣ, какъ острыя, такъ и хроническія болѣзни: нервныя страданія, дискразіи, холера, желтая лихорадка, кровотеченія и т. д. стали объясняться вліяніемъ „gastroentérite“ и вызываемымъ послѣднимъ симпатическимъ раздраженіемъ Весьма естественно было желаніе побороть корень всѣхъ этихъ страданій неимовѣрнымъ количествомъ піявокъ (венозное кровопусканіе Broussais впослѣдствіи совсѣмъ отвергъ), теплыми припарками и слизистыми отварами. Въ отдѣленіи Broussais въ Val de Grace въ теченіе одного 1819-го года было употреблено ровно 100,000 піявокъ Въ 1824 г. число ввезенныхъ во Францію піявокъ равнялось 300,000, въ 1827 году, въ цвѣтущемъ періодѣ физіологической медицины,—33 милліонамъ!

Физіологическая медицина пользовалась въ теченіе болѣе 20 лѣтъ громаднымъ распространеніемъ во Франціи и нашла не мало сторонниковъ въ Бельгіи и Италіи. Она, безъ сомнѣнія, играла не малую роль въ ученіи, высказанномъ тогда многими нѣмецкими врачами, что прежнія „астеническая и нервная“ болѣзненныя конституціи превратились въ „воспалительную“. Ученіе Бруссэ породило вампиризмъ, представлявшій рѣзкій контрастъ съ непосредственно предшествовавшимъ злоупотребленіемъ раздражающими лѣкарствами (вино, камфора, мускусъ, валеріана и т. д.).

Самымъ рѣшительнымъ приверженцемъ Broussais между многочисленными его учениками — былъ Jean Jacques Bouillaud (1796—1881), врачъ при Charité и профессоръ въ Парижѣ, оказавшій, между прочимъ, значительныя услуги ученію о сердечныхъ заболѣваніяхъ и остромъ сочленовномъ ревматизмѣ. Bouillaud думалъ, что онъ нашелъ анатомическій источникъ „эссенціальныхъ лихорадокъ“, тщетно разыскиваемый до него, въ воспаленіи внутренней оболочки сердца и сосудовъ: „Endocardite“ и „Endartérite“; эти страданія онъ лѣчилъ быстро слѣдующими другъ за другомъ кровопусканіями („saignées coup sur coup“).

Главной причиной паденія „физіологической медицины“ была ея внутренняя непрочность, особенно-же тотъ могучій подъемъ, который испытала патологическая анатомія и физи-

ческая діагностика, благодаря цѣлому ряду врачей, тоже вышедшихъ изъ школы Bichat, но болѣе проникнутыхъ духомъ своего учителя.

Практическая медицина.

Патологическая анатомія.

187) Самымъ непосредственнымъ вліяніемъ, оказаннымъ работами Bichat на французскихъ врачей, было блестящее развитіе патологической анатоміи, вызвавшее неожиданные успѣхи діагностики, и какъ послѣдствіе всего этого—полнѣйшій переворотъ въ важнѣйшихъ частяхъ практической медицины.— Однимъ изъ важнѣйшихъ произведеній, подготовившихъ этотъ переворотъ, была обширная *Morbid anatomy*, появившаяся во многихъ изданіяхъ и обработанная Sömmerring'омъ по-нѣмецки; она принадлежала перу Matthew Baillie, врача въ Лондонѣ; къ ней приложены шестьдесятъ отличныхъ рисунковъ, приготовленныхъ Clift'омъ (London, 1793.8. 1799—1802.4).

Рядомъ съ упомянутымъ авторомъ занимаетъ почетное мѣсто нѣмецкій врачъ, оцѣненный по достоинству гораздо позже: Alois Rud. Vetter. (род. въ 1765 г.) въ Вѣнѣ, впослѣдствіи профессоръ физіологіи въ Краковѣ. Его *Aphorismen aus der pathologischen Anatomie* (Вѣна, 1802.8), основанные на богатомъ матеріалѣ общей вѣнской больницы, представляютъ собою первое нѣмецкое сочиненіе по этому предмету, которое основано на собственныхъ изслѣдованіяхъ автора и интересно, какъ опытъ систематическаго изложенія.

Гораздо больше, чѣмъ это превосходное сочиненіе, обратили тогда на себя вниманія многіе нѣмецкіе компендіи по патологической анатоміи. Изъ нихъ слѣдуетъ отмѣтить компендій Joh. Friedr. Meckel въ Галле, потому что онъ заключаетъ въ себѣ основныя черты современнаго ученія о порокахъ развитія.

Далѣе достойно вниманія руководство, написанное на французскомъ языкѣ Joh. Friedr. Lobstein (1777—1835),

профессоромъ въ Страсбургѣ, основателемъ тамошняго патолого-анатомическаго музея (Paris et Strasbourg, 1829—1833 8.). Рядомъ съ обширной опытностью, особенно относительно болѣзней костей, сочиненіе это заключаетъ въ себѣ достоинства нѣмецкой и французской школъ: основательность и изящное изложеніе.

Сюда же принадлежитъ, далѣе, Ioh. Friedr. Herm. Albers (1805—1867), профессоръ въ Боннѣ, извѣстный своимъ *Atlas der pathologischen Anatomie* (Bonn. 1832—1867. f.), первымъ произведеніемъ такого характера въ Германіи.

Физическая діагностика

188. Патологическая анатомія имѣла даже для Morgagni лишь значеніе дополненія и объясненія болѣзненныхъ явленій, наблюдаемыхъ при жизни. Corvisart и Laënnec возвысили послѣднія до степени ученія объ исторіи развитія болѣзни и привели ихъ въ тѣсную связь съ важнѣйшей задачей практики—діагностикой. Предвѣстниками этихъ двухъ врачей были Prost, врачъ въ Парижѣ, и A. Petit и Serres, основатели новаго періода ученія о брюшномъ тифѣ.

Jean Nicolas Corvisart des Marest изъ Vouzier (Шампань) (1755—1821), профессоръ въ Парижѣ, впослѣдствіи лейбъ-медикъ Наполеона, шефъ французскаго врачебнаго дѣла при реставраціи, занимаетъ первое мѣсто въ исторіи нашей науки своими большими заслугами въ ученіи о болѣзняхъ сердца, главнымъ же образомъ изданіемъ открытаго имъ сочиненія Auenbrugger'а о перкуссіи.* Corvisart обратилъ вниманіе на это произведеніе, благодаря переводу, изданному въ 1770 г. Rozière de la Chassagne (который никогда, впрочемъ, не испыталъ перкуссіи у постели больнаго) и многимъ мѣстамъ въ *Афоризмахъ* Stoll'я. Въ 1808 г. Corvisart, послѣ того какъ онъ въ теченіе 20 лѣтъ производилъ изслѣдованія перкуссіи, издалъ новый французскій переводъ сочиненія Auenbrugger'а. Онъ приложилъ къ переводу многочис-

---

* См. выше стр. 349.

ленныя исторіи болѣзней, которыми онъ многократно, хотя не всегда удачно, дополнялъ выводы Auenbrugger'а, основанные лишь на семилѣтнихъ наблюденіяхъ. Въ 1818 г. онъ къ послѣднему изданію своего сочиненія о болѣзняхъ сердца приложилъ статью о перкуссіи; изъ этой статьи видно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ съ перкуссіей соединялъ аускультацію (приложеніе уха къ сердечной области). Первое усовершенствованіе перкуссіи произведено было введеніемъ плессиметра Piorry (1794—1879).—Полнаго значенія она достигла, однако, лишь благодаря Laënnec'у, создавшему аускультацію.

René Théophile Hyacinthe Laënnec (17 февр. 1781—13 авг. 1826 г.), изъ Quimper въ Бретани, былъ въ 1806 г. врачемъ при госпиталѣ Beaujon, въ 1816 г. при неккеровскомъ госпиталѣ; въ послѣдніе три года его жизни онъ занималъ каѳедру медицинской клиники при университетѣ. Laënnec, подобно своему другу Bayle, погибъ отъ болѣзни, для уразумѣнія которой онъ такъ много сдѣлалъ,—чахотки. Мысль объ аускультаціи, какъ разсказываетъ самъ Laënnec, пришла ему въ голову, когда онъ однажды наблюдалъ, какъ игравшія дѣти прикладывали конецъ деревянной палочки къ уху, чтобы выслушивать шумъ, который они производили царапаніемъ иголками на противоположномъ концѣ. Уже на другой день онъ изслѣдовалъ связаннымъ сверткомъ бумаги сердце больнаго. Однако Laënnec и раньше, безспорно, обратилъ вниманіе на аускультацію, читая извѣстныя мѣста у Гиппократа.* Уже въ 1815 г. онъ демонстрировалъ свое открытіе предъ медицинской академіей на больномъ, страдавшемъ hydrothorax. Его безсмертное произведеніе *De l'auscultation médiate* появилось въ Парижѣ въ 1819 г. 8. 2 т. Новѣйшее изданіе 1880. 8.—Перкуссіи Laënnec приписывалъ лишь второстепенное значеніе.

Аускультація, подобно перкуссіи, въ началѣ была принята холодно. Но уже скоро ея значеніе было признано французскими, англійскими, нѣсколько позже и нѣмецкими вра-

---

* См. выше стр. 30.

чами. Въ 1824 и 1825 гг. два изъ извѣстнѣйшихъ англійскихъ практиковъ, Forbes въ Лондонѣ и Stokes въ Дублинѣ, выступили уже съ самостоятельными произведеніями о перкуссіи и аускультаціи. Еще раньше (1822) послѣдняя была примѣнена ученикомъ Laënnec'a, Legumeau de Kergaradec, для изслѣдованія сердечнаго пульса плода.

Французская патолого-анатомическая школа.

189. Изъ многочисленныхъ учениковъ основанной Corvisart'омъ школы слѣдуетъ упомянуть прежде всего Gaspard Laurent Bayle (1774—1816), врача при Charité въ Парижѣ, знаменитое сочиненіе котораго о чахоткѣ (Paris, 1810. 8.), благодаря указанію на конституціональную природу туберкуловъ, сдѣлалось основой всѣхъ новѣйшихъ изслѣдованій по этому предмету. Ученикъ Bayle'я, Aug. Franç. Chomel (1788—1858) преемникъ Laennec'a въ клиникѣ Charité, бывшій съ 1830 г. профессоромъ клиники въ Hôtel-Dieu и лейбъ-медикомъ Людовика XVIII, оказалъ весьма благотворное вліяніе какъ своей превосходной преподавательской дѣятельностью, такъ и своей борьбой противъ ученій Broussais и отличными сочиненіями, особенно своей *Pathologie générale* (Парижъ, 1817. 8, послѣдн. изд. Парижъ, 1863. 8.)

Однимъ изъ знаменитѣйшихъ врачей этого періода является Pierre Charles Alexandre Louis (1787—1872). Послѣ многолѣтняго пребыванія въ Россіи Louis подъ руководствомъ Chomel'я посвятилъ себя въ теченіе 7 лѣтъ обширнымъ клиническимъ и патолого-анатомическимъ изслѣдованіямъ. Плодомъ послѣднихъ являются знаменитыя сочиненія *О тифозной лихорадкѣ*—(Парижъ, 1829. 8. 1841. 8 2 т.) и *О чахоткѣ*—(Парижъ, 1829. 8. 1843. 8.), нанесшія смертельный ударъ системѣ Broussais, и послужившія основаніемъ статистическаго метода.

Къ парижской патолого-анатомической школѣ принадлежитъ также Paul Bretonneau (1771—1862), врачъ въ Турѣ, авторъ знаменитыхъ сочиненій о дифтеритѣ и „Dothienenterie“ (брюшномъ тифѣ [Paris, 1826—1827]), также весьма много способствовавшихъ паденію „физіологической медицины“.—

Jean Baptiste Cruveilhier (1791—1874), профессоръ въ Монпелье и Парижѣ, извѣстный всего болѣе своимъ обширнымъ патолого-анатомическимъ атласомъ (Парижъ и Лондонъ, 1829--1842. f).--Léon Rostan (1790—1866), профессоръ въ Парижѣ, является основателемъ ученія о размягченіи мозга. (Парижъ, 1820. 8. 1823. 8.)—Самымъ выдающимся французскимъ клиницистомъ новѣйшаго періода, несомнѣнно слѣдуетъ считать Gabriel Andral'я (1797—1876) въ Парижѣ.—Кромѣ его главнаго произведенія—*Clinique médicale* (4 изданія: Парижъ, 1840. 8. 5 т.)—достойны вниманія его изслѣдованія по патологической химіи крови, произведенныя совмѣстно съ Gavarret.—Armand Trousseau (1801—1866), профессоръ въ Парижѣ, авторъ превосходнаго сочиненія о болѣзняхъ гортани, изданнаго при участіи Bellocq'а, и знаменитыхъ клиническихъ лекцій (4-ое изданіе—Парижъ, 1872. 8. 3 т.). Trousseau принадлежитъ къ немногимъ французскимъ врачамъ, въ сочиненіяхъ которыхъ замѣтно знакомство съ нѣмецкой медициной.—Слѣдуетъ упомянуть также Valleix (1807—1855) и Grisolle (1811—1869), какъ авторовъ дѣльныхъ клиническихъ руководствъ.

Jean Louis d'Alibert (1766—1837), Laurent Biett (ум. въ 1840) и Pierre Rayer (1793—1867) оказали значительныя услуги главнымъ образомъ симптоматологіи кожныхъ болѣзней; послѣдній авторъ извѣстенъ также своими важными работами о болѣзняхъ почекъ (Парижъ, 1839—1841. 8. 3 т. съ атласомъ in f.).

Италія. Германія.

---

190. Гораздо позже, чѣмъ во Франціи, обнаружилось вліяніе переворота, произведеннаго Bichat, Corvisart, Laennec'омъ и т. д. въ Италіи и Германіи. Въ Италіи въ первой половинѣ XIX вѣка преобладали броуніанизмъ и происшедшее изъ него ученіе Rasori. Достаточно отмѣтить въ этомъ періодѣ двухъ клиницистовъ: Maurizio Bufalini

(1787--1867), профессора въ Флоренціи, и Giacomo Tommasini.*

Въ нашемъ отечествѣ важнѣйшими причинами застоя были также броуніанизмъ и теорія возбужденія,—а впослѣдствіи витализмъ и натурфилософія. Не меньшее вліяніе оказывали на ослабленіе научной жизни политическія неурядицы и вкоренившаяся ненависть къ французамъ.

Извѣстнымъ представителемъ нѣмецкой медицины этого періода является Christian Wilh. Hufeland (1762—1836), профессоръ въ Іенѣ и Берлинѣ,—главная опора витализма** и миролюбиваго эклектицизма, отдавшаго справедливость каждому мнѣнію. Изъ сочиненія Hufeland'а извѣстнѣе всего—*Искусство продолжить человѣческую жизнь*—*Die Kunst das menschliche Leben zu verlängern* (Berlin, 1796. 8 и слѣд.),—*System der praktischen Medicin* (Іена, 1818. 8. 1828. 8. 3 ч.), *Enchiridion medicum* (Берлинъ, 1836. 8 и сл.) и издававшійся имъ *Journal* (86 т.) и *Bibliothek der praktischen Heilkunde* (98 т.).—Рядомъ съ Hufeland'омъ стояли извѣстный своею оригинальной личностью и популярностью Ernst Ludw. Heim (1747—1834), лейбъ-медикъ, Ioh. Ludw. Formey (1766—1823), Karl Aug Berends (1759—1826) и Ernst Horn (1772—1848); послѣдніе три были профессорами въ Берлинѣ.

Кромѣ этого берлинскаго кружка особенно выступали Friedr. Ludw. Kreysig (1770—1839), профессоръ въ Дрезденѣ, извѣстный своимъ произведеніемъ о болѣзняхъ сердца (Берлинъ, 1814—1817. 8. 3 т.), и Ioh. Stieglitz (1767—1840), лейбъ-медикъ въ Ганноверѣ, авторъ цѣнныхъ *Pathologische Untersuchungen* (Ганноверъ, 1832. 8.) и прево-

---

* См. выше стр. 386.

** „Сущность жизненной силы намъ неизвѣстна, какъ неизвѣстна и сущность другихъ силъ; но явленія, сопровождающія ея дѣйствія—совершенно отличны отъ явленій, обнаруживающихъ дѣйствія другихъ силъ. Отсюда можно заключить, что сила жизненная существенно отличается отъ другихъ силъ". Такими словами резюмируетъ ученіе Гуфеланда Дядьковскій. (Разсужденіе объ образѣ дѣйствія лекарствъ и т. д. Москва 1845). Ред.

сходныхъ сочиненій, направленныхъ противъ броуніанизма, животнаго магнетизма и гомеопатіи.*

Предвѣстникомъ точнаго періода нѣмецкой медицины слѣдуетъ считать Ioh. Heinr. Ferd. Autenrieth (1772—1835), профессора въ Тюбингенѣ, ученика P. Frank'a: доктрины этого врача оказали несомнѣнное вліяніе на Schönlein'a. Лекціи Autenrieth'a послужили основаніемъ изданной Reinhard'омъ *Specielle Nosologie und Therapie eines berühmten deutschen Arztes* (Вюрцбургъ, 1834. 1836. 8.).

Представителями нѣмецкой медицины въ Австріи въ этомъ періодѣ слѣдуетъ считать: Ioh. Valentin von Hildenbrand'a (1763—1818), профессора въ Вѣнѣ, автора выдающагося сочиненія—*Ueber den ansteckenden Typhus* (Вѣна, 1810. 8.), Phil. Karl Hartmann'a, извѣстнаго своимъ превосходнымъ *Glückseligkeitslehre* (Лейпцигъ, 1804. 8. и слѣд.),—Ernst von Feuchtersleben'a (1806—1849), автора не менѣе извѣстной *Diätetik der Seele* (Вѣна, 1838. 8. и слѣд.).

Введенію въ Германіи точнаго метода, господствовавшаго въ парижской патолого-анатомической школѣ, главнымъ образомъ способствовали три выдающихся клинициста: Nasse, Krukenberg и Schönlein.—Christ. Friedr. Nasse (1778—1851), профессоръ въ Галле и Боннѣ, является, повидимому, первымъ нѣмецкимъ профессоромъ, въ клиникѣ котораго стала примѣняться физическая діагностика: съ 1820 г.—перкуссія, съ 1821 г.—аускультація. Кромѣ того Nasse оказалъ большія услуги психіатріи**. Еще большее вліяніе на распространеніе физической діагностики въ Германіи оказалъ Peter Krukenberg (1787—1865), профессоръ въ Галле, представляющій собою образецъ вѣрнаго своему долгу наставника и преподавателя; вліяніе его распространялось многочисленными учениками, которые большею частью выдавались, какъ отличные практики.

Несравненно большимъ авторитетомъ пользовался Ioh.

---

* См. выше стр. 385. 395

** См. ниже § 205

Lukas Schönlein изъ Бамберга (1793—1864), профессоръ въ Вюрцбургѣ, Цюрихѣ и Берлинѣ. Его воззрѣнія, не говоря о лекціяхъ, изданныхъ какими-то непрошенными и невѣжественными слушателями, знакомы намъ почти исключительно изъ сочиненій его учениковъ. Безспорно, въ ученіяхъ Schönlein'а значительно обнаруживается вліяніе Шеллинга. Но натурфилософскій формализмъ, особенно въ позднѣйшее время, отступаетъ на задній планъ предъ точнымъ методомъ. Стремленія Schönlein'а были въ сущности направлены на то, чтобы возвысить медицину до точной науки по образцу другихъ естественныхъ наукъ. Одаренный геніальными способностями, блестящимъ преподавательскимъ талантомъ, тщательнымъ естественно-научнымъ образованіемъ основательнымъ знаніемъ литературы и исторіи медицины и рѣдкой практическою опытностью, онъ основалъ клиническое преподаваніе на обширныхъ физическихъ, микроскопическихъ, химическихъ и патолого-анатомическихъ изслѣдованіяхъ состоянія больнаго. Терапія Schönlein'а была обыкновенно весьма энергична: кровопусканія, наперстянка, селитра находили обширное примѣненіе при воспалительныхъ и лихорадочныхъ болѣзняхъ.

Работы врачей, вышедшихъ изъ „естественно-исторической" школы Schönlein'а, отличаются разнообразнымъ направленіемъ. То въ нихъ преобладаетъ элементъ доктрины: дѣленіе болѣзней на „классы, семейства, роды и виды", то — сравненіе, даже отождествленіе болѣзней съ самостоятельными формами растительной и животной жизни: „паразитизмъ", то—точное клиническое направленіе. Главнымъ представителемъ первой категоріи являются: Conrad Heinr. Fuchs (1803—1855), профессоръ въ Вюрцбургѣ и Геттингенѣ, авторъ обширнаго и цѣннаго сочиненія по кожнымъ болѣзнямъ (Гетт. 1840. 1841. 8. 2 т) и *Lehrbuch der Nosologie und Therapie* (Гетт. 1845. 1848. 8. 2 т.), и Gottfried Eisenmann ([1795—1867] — *Die Krankheitsfamilie Pyra, — Typhus, — Rheuma, — Typhosis* и т. д.). — Сторонниками паразитизма, кромѣ Karl Wilh. Stark'а въ Іенѣ, не принадлежащаго къ непосредственнымъ ученикамъ Schönlein'а (*Allgemeine Naturlehre*

der Krankheit. Лейпцигъ, 1838. 8. 1844. 8. 2 т.), особенно являются Ferd. Jahn (род. въ 1804 г.), лейбъ-медикъ въ Мейнингенѣ, и „идеальный патологъ“ Karl Rich. Hoffmann, профессоръ въ Вюрцбургѣ, считавшій болѣзни возвращеніемъ человѣческаго организма къ степени низшихъ животныхъ (моллюсковъ, насѣкомыхъ и т. д.).

Болѣе свободными отъ доктринерской схематизаціи остались Karl von Pfeufer (1806—1869), профессоръ въ Цюрихѣ, Гейдельбергѣ и Мюнхенѣ, Karl Canstatt (1807, 1850), профессоръ въ Эрлангенѣ (авторъ *Handbuch der medicinischen Klinik,* Эрлангенъ, 1843—1849. 8. 4 т.) и August Siebert (1805—1855), профессоръ въ Іенѣ — (*Technik der medicinischen Diagnostik.* Эрлангенъ, 1843—1855. 8.).

„Естественно-историческая“ школа уже скоро подверглась нападеніямъ со многихъ сторонъ. Самымъ наглымъ образомъ противъ нея выступили ультрамонтаны сторонники „христіанско-германской медицины“, и во главѣ ихъ von Ringseis, профессоръ въ Мюнхенѣ. Весьма рѣшительнаго, не всегда безпристрастнаго противника естественно-историческая школа встрѣтила въ лицѣ Wunderlich'а*, главнаго представителя вышедшей изъ Тюбингена „физіологической школы“.

„Естественно-историческая школа“ является существеннымъ звеномъ въ развитіи новѣйшаго періода нѣмецкой медицины. Она представляетъ переходъ отъ натурфилософскаго къ естественно-научному взгляду на медицину. Значительная доля заслуги точной разработки медицины, особенно патологической анатоміи и діагностики, принадлежитъ Schönlein'у и многимъ его ученикамъ. Эта школа весьма много содѣйствовала тому, что врачи сознали важность естественно научнаго и медико-историческаго образованія.

---

* См. стр. 435.

Вѣнская школа. Важнѣйшія клиники новѣйшаго періода въ Германіи.

192. Одновременно съ прогрессивнымъ движеніемъ, имѣвшимъ своимъ источникомъ Боннъ, Галле и Вюрцбургъ, вѣнскій медицинскій факультетъ послѣ продолжительнаго застоя достигъ блестящаго и плодотворнаго развитія. Имена виновниковъ этого прогресса извѣстны всѣмъ Karl Rokitansky (1804—1874), профессоръ патологической анатоміи, получилъ господство надъ всѣми отдѣлами этой области, благодаря необычайному богатству матеріала, неутомимому прилежанію, совершенству въ техникѣ и замѣчательной тонкости сужденія; его лекціи и сочиненія, особенно *Handbuch der pathologischen Anatomie* (1842—1846. 8. 2 изданія. 3-е изданіе—1855—1861. 8. 3 т.) получили всемірную извѣстность. Изъ непосредственныхъ учениковъ Rokitansk'аго особенно заслуживаютъ вниманія Jakob Kolletschka (1803—1847) и Franz Schuh, впослѣдствіи извѣстный хирургъ.

Рядомъ съ Rokitansk'имъ стоялъ Josef Skoda (1805—1881), знаменитый авторъ *Abhandlung über Auscultation und Percussion* (Вѣна, 1839. 8. 6-ое изданіе: Вѣна, 1864). Въ этомъ сочиненіи, основанномъ на собственныхъ изслѣдованіяхъ, Skoda поставилъ себѣ задачу изслѣдовать помощью разнообразныхъ опытовъ на живыхъ и трупахъ физическія условія акустическихъ явленій, чтобы впослѣдствіи воспользоваться послѣдними съ діагностической цѣлью. Однимъ изъ важнѣйшихъ выводовъ было доказательство, что далеко не при всѣхъ болѣзняхъ дыхательнаго аппарата и органовъ кровообращенія существуютъ, какъ это думалъ Laennec, специфическіе акустическіе симптомы. Впослѣдствіи многія изъ теоретическихъ объясненій Skoda подтвердились; его описаніе и діагностическая оцѣнка акустическихъ явленій не претерпѣли существенныхъ измѣненій въ наше время.

Важнѣйшіе изъ клиницистовъ, вышедшіе изъ вѣнской школы, суть: Johann Oppolzer (1808—1871), профессоръ въ Прагѣ, Лейпцигѣ и Вѣнѣ, и Franz Dittrich (1815—1859), профессоръ въ Эрлангенѣ.

Внѣ Вѣны представителями патологической анатоміи выступили особенно August Förster изъ Веймара (1822—1865), профессоръ въ Геттингенѣ и Вюрцбургѣ, Benno Reinhardt, Otto Beckmann профессоръ въ Геттингенѣ, и Meckel von Hemsbach; всѣ были рано похищены смертью.

Изъ значительнаго числа врачей, способствовавшихъ введенію естественно-научнаго метода въ медицину, одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ Hermann Lotze (ум. въ 1881 г.), профессору въ Геттингенѣ и Берлинѣ, одному изъ самыхъ выдающихся философовъ нашего времени; его *Allgemeine Pathologie und Therapie als mechanische Naturwissenschaften* (Лейпцигъ, 1842. 8.) произвела эпоху.

Важнѣйшіе нѣмецкіе клиницисты этого новѣйшаго періода суть: Moritz Heinrich Romberg (1795–1873), профессоръ въ Берлинѣ, извѣстный всего болѣе своимъ классическимъ—*Lehrbuch der Nervenkrankheiten* (Берлинъ, 1840–1846 4-ое изданіе 1857. 8.; неокончено);—Hermann Lebert (1813–1878), профессоръ въ Цюрихѣ и Бреславлѣ, многочисленныя сочиненія котораго значительно способствовали соглашенію французскихъ и нѣмецкихъ воззрѣній.—Wilhelm Griesinger (1817—1868), профессоръ въ Цюрихѣ и Берлинѣ, авторъ превосходныхъ сочиненій объ инфекціонныхъ болѣзняхъ и психіатріи*;—Karl Wunderlich (1815—1878), профессоръ въ Тюбингенѣ и Лейпцигѣ, извѣстенъ, благодаря основанному имъ и Griesinger'омъ *Archiv der physilogischen Heilkunde*, и слишкомъ мало оцѣненному *Handbuch der Pathologie* (Штуттгартъ, 1846—1854. 8. 3 т.) и сочиненію *Ueber die Eigenwärme in Krankheit* (Штуттгартъ, 1870. 8)—Ludwig Traube (1818—1878), профессоръ въ Берлинѣ, извѣстный своими славными работами о связи между заболѣваніями сердца и почекъ и какъ главный основатель новѣйшей діагностической термометріи;—Felix Niemeyer (1820—1871), ученикъ Krukenberg'a, профессоръ въ Грейфсвальдѣ и Тюбингенѣ, извѣстенъ своимъ широкора-

---

* См. ниже § 205.

спространеннымъ *Handbuch der speciellen Pathologie und Therapie* (10-е изданіе: Берлинъ, 1879. 8.);—Karl Heinrich Christian Bartels (1822-1878), профессоръ въ Килѣ, авторъ отличнаго сочиненія о болѣзняхъ мочеваго аппарата;—Nicol. Friedreich (1825—1882), профессоръ въ Вюрцбургѣ и Гейдельбергѣ.

Какъ на отличныхъ клиницистовъ нидерландцы могутъ указать на Schröder van der Kolk'а (1797—1862), профессора въ Утрехтѣ, шведы—на Magnus Huss'а (род. въ 1807 г.).

Изъ длиннаго ряда выдающихся писателей по практической медицинѣ, выступающихъ въ XIX вѣкѣ въ Англіи, слѣдуетъ особенно отмѣтить слѣдующихъ: Will. Alison (род. въ 1790 г.) въ Эдинбургѣ, Henry Clutterbuck (ум. въ 1870 г. 86-ти лѣтъ), John Armstrong (1784—1829), John Elliotson'а, отличнаго клинициста, Anthony Todd Thomson'а (1778—1849), извѣстнаго своимъ руководствомъ къ фармакологіи; всѣ они жили въ Лондонѣ. Главнымъ же образомъ достойны вниманія два знаменитыхъ клинициста въ Дублинѣ: Rob. James Graves (1800—1853) и William Stokes (1804—1878).—Ученіе о болѣзняхъ сердца было главнымъ образомъ разработано Jos. Hodgson, врачемъ въ Бирмингамѣ, съ 1794 г. въ Лондонѣ и James Hope въ Лондонѣ; болѣзни мочевыхъ органовъ—Golding Bird'омъ и знаменитымъ Rich. Bright'омъ въ Лондонѣ, впервые описавшимъ болѣзнь почекъ, носящую его имя. Болѣзни нервной системы—John Abercrombie (род около 1780 г.) въ Эдинбургѣ и James Copland'омъ въ Лондонѣ; болѣзни кожи—Robert Willan'омъ (1757—1812) и Thomas Bateman'омъ (1778—1821), также въ Лондонѣ. Этотъ рядъ замыкается Charles Murchison'омъ въ Лондонѣ (1830—1879), авторомъ общеизвѣстнаго, произведшаго эпоху, сочиненія, въ которомъ различныя формы тифозныхъ заболѣваній считаются за результатъ дѣйствія различныхъ специфическихъ ядовъ.

Пріобрѣтенія практической медицины въ первой половинѣ XIX вѣка.

Патологическая химія. Ларингоскопія. Термометрія.

193) Химія, послѣ того какъ Berzelius положилъ основанія къ изученію органическихъ соединеній, сдѣлалась одной изъ важнѣйшихъ основъ физіологіи и патологіи. Она обязана своимъ положеніемъ прежде всего работамъ о крови Andral'я,* Gavarret, A. Becquerel'я и Rodier въ Парижѣ; въ Германіи—трудамъ Joh. Franz Simon'a, Florian Heller (1813—1871), профессора въ Вѣнѣ, Ioh. Jos. Scherer'a, профессора въ Вюрцбургѣ, Karl Gotthelf Lehmann'a; профессора въ Іенѣ и Лейпцигѣ, и нѣкот. др.—Блестящее пріобрѣтеніе химіи, спектральный анализъ, вызванный къ жизни нѣмецкими изслѣдователями тоже получилъ громадное значеніе для физіологіи, діагностики и судебной медицины.

Болѣе непосредственнымъ пріобрѣтеніемъ для діагностики было изобрѣтеніе ларингоскопіи и медицинская термометрія. Первые шаги въ области ларингоскопіи были сдѣланы въ 1807 г. Bozzini, врачемъ въ Франкфуртѣ на Майнѣ, изобрѣвшимъ „рефлекторъ" для освѣщенія полости зѣва.—Лишь въ 1825 г. Cagniard de la Tour началъ производить опыты съ этой цѣлью.—Изобрѣтенный въ 1829 г. Babington'омъ „Glottiskop", похожій въ общемъ на гортанное зеркало, такъ же мало обратилъ на себя вниманіе какъ многіе другіе аппараты, устроенные французскими и англійскими врачами. Гораздо совершеннѣе было приспособленіе, изобрѣтенное Manuel Garcia, учителемъ пѣнія въ Лондонѣ, состоявшее изъ двухъ зеркалъ, изъ которыхъ одно вводилось въ зѣвъ, а другое служило для отраженія солнечнаго свѣта.

* См. выше стр. 429.

Въ 1860 году, почти одновременно (обстоятельство, поведшее къ оживленнымъ спорамъ изъ-за первенства) опубликовали описаніе изобрѣтенныхъ гортанныхъ зеркалъ Ludwig Tuerck (1810—1868), врачъ при общей больницѣ въ Вѣнѣ, и Ioh. Nep. Czermak (1828—1873), впослѣдствіи профессоръ въ Лейпцигѣ. Во всякомъ случаѣ аппаратъ Чермака имѣлъ то преимущество, что въ немъ вмѣсто солнечнаго свѣта, которымъ пользовался Тюркъ, примѣнялся свѣтъ отъ лампы. Дальнѣйшему развитію ляригоскопіи оба ученые оказали одинаковыя услуги. Всѣмъ извѣстны значительныя пріобрѣтенія, которыя сдѣлала, благодаря ихъ аппаратамъ, не только діагностика, но и терапія болѣзней гортани; на первомъ планѣ стоитъ оперативное удаленіе гортанныхъ полиповъ, выполненное впервые Victor von Bruns'омъ профессоромъ въ Тюбингенѣ.

Начало измѣреній температуры тѣла у здоровыхъ и больныхъ встрѣчается уже у Sanctorius'a.* Методическое примѣненіе термометра у больныхъ было основано лишь de Haën'омъ,**который, не смотря на неудовлетворительность его инструментовъ и его пріемовъ, достигъ уже важныхъ результатовъ, напр. вывода, что при перемежающейся лихорадкѣ температура повышена какъ во время зноба, такъ и въ свободное отъ лихорадочнаго состоянія время. Однако полное значеніе термометріи для діагностики было впервые доказано ученикомъ Krukenberg'a, Felix von Bärensprung'омъ (1822—1864), профессоромъ въ Берлинѣ и вскорѣ затѣмъ Traube и Wunderlich'омъ.

Ученіе о цѣлебныхъ средствахъ.

194. Въ занимающемъ насъ періодѣ и ученіе о цѣлебныхъ средствахъ сдѣлало весьма важныя пріобрѣтенія. Прежде всего возобновленіе внутренняго и наружнаго употребле-

* См. выше стр. 264.

** См. выше стр. 342.

нія холодной воды, высоко цѣнившейся уже въ древности и снова предложенной въ XVIII вѣкѣ.*

За сочиненіями Fröhlich von Fröhlilhsthal'я, (1818) и Reuss'а (1822), написанными на премію берлинскаго медицинскаго факультета, послѣдовало настоящее наводненіе литературы сочиненіями о водѣ, написанными большею частью фанатиками-профанами, часто съ яснымъ отпечаткомъ шарлатанства. Замѣчательнѣйшими представителями лѣченія холодной водой являются Oertel, профессоръ въ Ансбахѣ, главнымъ-же образомъ знаменитый Vincenz Priessnitz (1799—1851) въ Грейфенбергѣ, въ австрійской Силезіи, геніальный мужикъ, основатель тамошняго гидротерапевтическаго учрежденія, по образцу котораго было устроено безчисленное множество другихъ. Въ новѣйшее время и этотъ предметъ перешелъ изъ эмпирической стадіи въ періодъ научной разработки. Всѣмъ извѣстны значительныя усовершенствованія, введенныя въ терапію тифозныхъ заболѣваній раціональнымъ примѣненіемъ холодной воды.

Къ физическимъ агентамъ, воспринятымъ въ кругъ ученія о цѣлебныхъ средствахъ, принадлежитъ гимнастика, также введенная вновь профаномъ, шведомъ Ling'омъ (1775—1839). — Тоже относится къ электричеству, получившему значительное діагностическое и терапевтическое значеніе, благодаря научнымъ и техническимъ усовершенствованіямъ; большія заслуги въ этомъ отношеніи принадлежатъ прежде всего Carlo Matteucci, профессору въ Пизѣ, G. B. Duchenne (1805—1875) и Rob. Remak'у.**

Этому же періоду принадлежитъ значительное распространеніе пользованія цѣлебными источниками. Этому распространенію способствовали улучшенія путей сообщенія и болѣе совершенные способы искусственнаго приготовленія источниковъ; послѣдняя заслуга принадлежитъ Struve (1781—1840), врачу въ Дрезденѣ.

---

* См. выше стр. 351.

** См. выше стр. 420.

Не менѣе важны пріобрѣтенія, выпавшія на долю фармакологіи, благодаря успѣхамъ химіи, расширенію и улучшенію физіологическихъ, патологическихъ и клиническихъ учрежденій. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ упомянуть открытый Courtois и введенный во врачебную практику Coindet, въ Женевѣ, и Lugol'емъ, въ Парижѣ, іодъ и іодистый калій, далѣе алкалоиды наркотическихъ веществъ и хинной коры. Относительно алкалоидовъ первый шагъ былъ сдѣланъ Sertürner'омъ (1783—1841), аптекаремъ и врачемъ въ Гамельнѣ, открывшимъ въ 1805 году морфій, но обнародовавшимъ свое открытіе лишь въ 1817 г. Вскорѣ затѣмъ Pelletier и Caventou добыли стрихнинъ (1818) и хининъ (1820), Meissner добылъ вератринъ (1818) и т. д. Наконецъ, къ новѣйшему періоду относится введеніе подкожнаго впрыскиванія Pravaz'емъ и ингаляцій Salès—Giron'омъ.

Хирургія.

Италія. Франція.

195. Хирургія болѣе всѣхъ отраслей медицины развилась до непредвидѣнной высоты. Это произошло вслѣдствіе устраненія во всѣхъ культурныхъ странахъ особаго сословія полуобразованныхъ хирурговъ и соединенія хирургіи съ остальными отдѣлами медицины. Кромѣ великихъ успѣховъ научной медицины вообще, хирургія въ собственной области получила многочисленныя истинно великія пріобрѣтенія и усовершенствованія въ терапевтической методикѣ и техникѣ.

Италія въ первыя десятилѣтія можетъ указать на первостатейнаго хирурга: Antonio Scarpa.* Изъ его многочисленныхъ произведеній слѣдуетъ особенно отмѣтить работы о косолапости (Павіа, 1803), объ аневризмахъ (Павіа, 1804), грыжахъ (Миланъ, 1809) и о перевязкѣ сосудовъ (Парижъ, 1817).

Новѣйшій періодъ французской хирургіи начинается

* См. выше стр. 412.

основаніемъ клинико-хирургическаго преподаванія Desault.* Къ началу этого періода относится большое руководство къ хирургіи Boyer'a (1757—1833), профессора въ Парижѣ и перваго хирурга Наполеона, пользовавшееся вниманіемъ вплоть до новѣйшаго времени. (Парижъ, 1814—1826. 11 т. 8. и слѣд.). — Значительный рядъ хорошихъ французскихъ хирурговъ вышелъ изъ войнъ республики и наполеоновскаго времени, напр., Pierre Franc. Percy (1754—1825),— Jean Dominique Larrey (1766—1842), спутникъ Наполеона во всѣхъ его походахъ. Богатый опытный матеріалъ Larrey'я изложенъ главнымъ образомъ въ его *Clinique chirurgicale* (Парижъ, 1829—1836. 8. 5 т.).

Во главѣ основаннаго Desault анатомическаго направленія парижской школы стоитъ Guill. Dupuytren (1777—1835), первый хирургъ Hôtel—Dieu, выдававшійся своей искусной техникой. Изъ сочиненій его заслуживаютъ вниманія *Leçons orales* (Парижъ, 1839. 8. 6 т.)—Его сопернику и преемнику Philibert Jos. Roux (1780—1854) принадлежитъ заслуга, что онъ указалъ французамъ на оставляемую ими до того времени въ пренебреженіи англійскую хирургію.

Къ этому же времени относятся два профессора монпельевской школы: Jacq. Mathurin Delpech (1777—1832), авторъ (сообща съ Brugmans)** превосходнаго сочиненія о госпитальной гангренѣ и основатель новѣйшей ортопедіи (имъ введена тенотомія)—и Lallemand (1790—1853)-авторъ знаменитаго сочиненія о непроизвольныхъ потеряхъ сѣмени (Парижъ, 1836—1842. 8. 2 т.).

Послѣ смерти Dupuytren'a французская хирургія обнаруживаетъ несомнѣнные слѣды упадка, главнымъ образомъ вслѣдствіе отмѣны конкурса на занятіе освободившихся каѳедръ,—постановленія, которое, не смотря на нѣкоторыя темныя стороны, существенно способствовало цвѣтущему состоянію французской медицины въ первыхъ десятилѣтіяхъ нашего вѣка. Такимъ образомъ случилось, что гегемонія нахо-

---

* См. выше стр. 355.

** См. ниже § 207.

дившаяся раньше у французовъ, перешла къ англичанамъ, затѣмъ къ нѣмцамъ и американцамъ.

Главнѣйшими представителями французской хирургіи въ этомъ позднѣйшемъ періодѣ являются: Jacques Lisfranc (1790—1847);—Alfred Velpeau (1795—1868), преемникъ Boyer'a, извѣстнѣе всего многими основными произведеніями по хирургической анатоміи;—Jobert de Lamballe (1799—1867), усовершенствовавшій операцію пузырно-влагалищныхъ фистулъ;—Aug. Vidal de Cassis (1803—1856), авторъ превосходнаго учебника по хирургіи (Парижъ, 1839. 1840. 8. 3 т.);—Ios. François Malgaigne (1806—1865), выдающійся преподаватель, въ тоже время авторитетный представитель исторіи хирургіи;—Aug. Nélaton (1807—1873) особенно замѣчателенъ, какъ діагностъ;—E. Chassaignac (1805—1879), изобрѣтатель Ecrasement linéaire и хирургическаго дренажа.

Изъ хирурговъ, жившихъ внѣ Парижа, слѣдуетъ особенно отмѣтить Amédés Bonnet (1809—1858), въ Ліонѣ, работы котораго относятся главнымъ образомъ къ болѣзнямъ суставовъ, и Jean Bapt. Baudens (1804—1857), главнаго врача французской арміи и главнаго представителя консервативной хирургіи.

Англія.

196. Англійская хирургія и въ новѣйшее время съумѣла сохранить прежнюю славу самобытности, являющейся плодомъ основательнаго анатомическаго и физіологическаго образованія и трезваго наблюденія. Изъ эдинбургской школы въ началѣ столѣтія вышли двое врачей, оказавшихъ услуги различнымъ отдѣламъ медицины: John и Charles Bell. Изъ работъ перваго сюда относятся изслѣдованія объ образованіи коллятеральнаго кровообращенія послѣ перевязки. Его братъ Charles открылъ различное происхожденіе чувствительныхъ и двигательныхъ нервовъ спиннаго мозга*.—

* См. выше стр. 419.

Къ этимъ шотландцамъ относятся, далѣе, John Lizars (род. около 1783 г.), ученикъ John Bell'я, профессоръ въ Эдинбургѣ, Allan Burns въ Глазговѣ, братъ акушера John Burns'a, и особенно развившій ученіе о резекціяхъ Robert Liston, въ Лондонѣ.

Изъ хирурговъ, работавшихъ въ этотъ періодъ въ Лондонѣ, слѣдуетъ прежде всего отмѣтить John Abérnethy (ум. въ 1831 г.), извѣстнаго по произведенной имъ впервые (въ 1798 г.) перевязкѣ arteria iliaca.—Работы I. F. T. Jones касаются главнымъ образомъ процессовъ при произвольной остановкѣ кровотеченія, работы John Thomson'a—воспаленія.—Самымъ большимъ уваженіемъ среди британскихъ хирурговъ начала нынѣшняго вѣка пользовался Astley Patson Cooper въ Лондонѣ (1768—1841), „самый популярный человѣкъ въ Англіи послѣ Веллингтона.“ Изъ его многочисленныхъ сочиненій заслуживаютъ вниманія *First lines of the practice of surgery* (Лондонъ, 1813. 8.), занимавшее долгое время первое мѣсто среди хирургическихъ руководствъ.—Послѣ его смерти лучшимъ англійскимъ хирургомъ считался Benjamin Collins Brodie (1783—1862), ученикъ Abérnethy; ему физіологія также обязана превосходными работами. Хирургическія работы Brodie относятся главнымъ образомъ къ болѣзнямъ костей и суставовъ.—Большимъ авторитетомъ пользовались также John Lawrence (1785—1867), извѣстный какъ хирургъ и окулистъ;*—George James Guthrie, бывшій сначала военнымъ врачемъ, необразованный, но хорошій операторъ;—James Syme (ум. въ 1869 г.), профессоръ въ Эдинбургѣ, извѣстный своимъ методомъ ампутаціи въ голенно-стопномъ сочлененіи.

До блестящаго состоянія развилась въ началѣ нашего вѣка хирургія въ Америкѣ. Знаменитѣйшими хирургами этого ранняго періода являются John Warren (1753—1815), главный хирургъ сѣверо-американской арміи въ войнѣ за независимость, и Valentin Mott (1785—1865), произведшій впервые перевязку безъимянной артеріи.

---

* См. ниже § 201.

Позже, чѣмъ въ другихъ странахъ, но за то ужъ гораздо сильнѣе, развилась хирургія въ нашемъ отечествѣ. Прежде всего слѣдуетъ упомянуть о важнѣйшихъ хирургахъ, вышедшихъ изъ вѣнской школы: основателѣ тамошней оперативной школы (1807) Vincenz von Kern (1760—1829), стремленія котораго главнымъ образомъ были направлены къ освобожденію нѣмецкой хирургіи изъ-подъ вліянія французской и на упрощеніе хирургической терапіи обширнымъ примѣненіемъ холодной воды.— Къ извѣстнѣйшимъ ученикамъ Kern'а принадлежатъ Ios. von Wattmann (ум. въ 1866 г.), одинъ изъ опытнѣйшихъ литотомистовъ новѣйшаго времени, и уже упомянутый Franz Schuh.*

Многочисленные и дѣльные хирурги вышли также изъ школы Karl Caspar von Syebold въ Вюрцбургѣ и Philipp Franz von Walther (1781—1849), профессора въ Боннѣ, Ландсгутѣ и Мюнхенѣ. Къ ихъ ученикамъ принадлежатъ Cajetan von Textor (1782—1860), профессоръ въ Вюрцбургѣ, и Max Ioseph von Chelius (1794—1876), профессоръ въ Гейдельбергѣ, авторъ широко распространеннаго руководства къ хирургіи;—Adam Caspar Hesselbach, профессоръ въ Вюрцбургѣ, и Michael Jaeger (1795—1838), профессоръ въ Эрлангенѣ; первый, подобно своему отцу, Franz Caspar H. (1759—1816), развилъ ученіе о грыжахъ, послѣдній усовершенствовалъ резекціи.

Къ ученикамъ геттингенской школы, основанной Aug. Gottlob Richter, принадлежатъ Conrad Ioh. Martin Langenbeck,** одинаково знаменитый, какъ анатомъ, хирургъ и офтальмологъ, и относящійся къ новѣйшему періоду Louis Stromeyer (1804—1876), профессоръ въ Эрлангенѣ, Мюнхенѣ и Фрейбургѣ, впослѣдствіи главный врачъ ганноверской арміи, извѣстный своими обширными изслѣдованіями по вопросу о міо—и тенотоміи и разработкой военной медицины.

---

* См. выше стр. 434.

** См. выше стр. 413.

Берлинская хирургическая школа, возникшая съ основаніемъ тамошняго университета, тѣсно связана съ вѣнской школой посредствомъ ея перваго представителя Ioh. Nepomuk Rust (1775—1840), бывшаго прежде профессоромъ въ Ольмютцѣ и Краковѣ, затѣмъ главнымъ врачемъ въ Вѣнѣ. Всего извѣстнѣе сталъ Rust благодаря своей *Helkologie* (Вѣна, 1841. 1842. f.), и неудачному предложенію раздѣленія хирурговъ на первоклассныхъ и второклассныхъ.—Karl Ferdinand von Graefe (1787—1840), первый профессоръ хирургіи при берлинскомъ университетѣ, одинаково знаменитъ, какъ преподаватель и какъ операторъ. Ему принадлежитъ заслуга возобновленія пластическихъ операцій. (*Rhinoplastik*. Берлинъ, 1818. 4.) —Первое мѣсто между нѣмецкими хирургами новѣйшаго времени, по общему признанію, принадлежитъ геніальному Lorenz Dieffenbach'у (1794—1847); между многочисленными его заслугами первое мѣсто занимаетъ подкожная тенотомія и пластическія операціи.—Къ извѣстнымъ хирургамъ этого періода принадлежатъ, далѣе, Karl Wilh. Wutzer (1789—1858), впослѣдствіи профессоръ въ Боннѣ, Traugott Wilh. Gust. Benedict (1785—1860), профессоръ въ Бреславлѣ, Ernst Blasius (1802—1875), Gust. Biedermann Günther (1801—1866), профессоръ въ Килѣ и Лейпцигѣ, Ioh. Ferd. Mart. Ernst Heyfelder (1798—1869), профессоръ въ Эрлангенѣ и Петербургѣ, I. C. G. Fricke (1790—1841), врачъ въ Гамбургѣ, Bernhard Heine (1800—1846), изобрѣтатель остеотома.

Новѣйшему періоду принадлежатъ три профессора хирургіи, умершихъ въ полномъ цвѣтѣ силъ: Albert Theodor Middeldorpf (1824—1868) въ Бреславлѣ, ученикъ Dieffenbach'a, заслуга его состоитъ въ введеніи гальванокаустики,—Albert Wagner (1827—1870), въ Кенигсбергѣ,—Otto Weber (1827—1867) въ Гейдельбергѣ,—Victor von Bruns, профессоръ въ Тюбингенѣ*, и Rob. Friedr. Wilms (1824—1882), врачъ больницы Bethanien въ Берлинѣ.

---

* См. выше стр. 438.

Къ новѣйшимъ хирургамъ вѣнской школы принадлежатъ Franz von Pitha (1810—1875), профессоръ въ Прагѣ и Вѣнѣ,—W. von Linhart (1821—1877), профессоръ въ Вюрцбургѣ.

Россія также можетъ гордиться первостепенными хирургами въ лицѣ Пирогова [10 ноября 1810 г.—23 ноября 1818 г.], главнаго врача русской арміи въ крымскую войну, и Юлія фонъ-Шимановскаго (1829—1868), профессора въ Гельсингфорсѣ и Кіевѣ.

Пріобрѣтенія хирургіи въ первой половинѣ XIX вѣка.

Анэстезирующія вдыханія.

197. Консервативный характеръ, господствующій въ современной медицинѣ, проявляется всего яснѣе въ области хирургіи истекающаго XIX вѣка. Исторія этой спеціальности за этотъ періодъ распадается на три, рѣзко очерченные отдѣла. Первый и второй обнимаютъ періоды до и послѣ открытія анэстезирующихъ вдыханій; третій отдѣлъ начинается съ введенія антисептическаго метода лѣченія ранъ.

Первыя четыре десятилѣтія XIX вѣка отмѣчены ревностнымъ изученіемъ хирургической анатоміи и патологіи, благодаря которымъ стало возможнымъ производить такія операціи, о которыхъ до того времени не думали даже самые смѣлые хирурги: перевязка крупнѣйшихъ сосудистыхъ стволовъ тѣла, вылущеніе суставовъ и резекціи, и литотрипсія.

Употребленіе оглушающихъ напитковъ при болѣзненныхъ операціяхъ теряется въ глубокой древности. Но и примѣненіе наркотическихъ вдыханій (Mandragora, Hyoscyamus, опій и т. д.) встрѣчается уже въ *Antidotarium*'ѣ салерница Nicolaus Praepositius'a.* Опасныя явленія, наступающія при обоихъ методахъ, объясняютъ достаточно, почему они скоро пришли въ забвеніе. Великій англійскій химикъ Humphry Davy въ новѣйшее время впервые (въ

* См. выше стр. 152.

1800 г.) указалъ на анэстезирующее дѣйствіе извѣстныхъ газовъ, прежде всего на открытую въ 1776 г. Priestley'емъ закись азота (веселящій газъ). Однако, попытки ввести этотъ газъ въ хирургическую практику, произведенныя частью самимъ Davy, частью американскими врачами, имѣли лишь ничтожный успѣхъ.

Анэстезирующее дѣйствіе вдыханій эѳира не было также неизвѣстно уже въ началѣ нашего вѣка; эѳиръ примѣнялся американскими врачами, какъ при внутреннихъ болѣзняхъ, такъ и при операціяхъ, не встрѣтивъ однако общаго сочувствія.

Многократные, повторяющіеся еще въ новѣйшее время споры, кому принадлежитъ честь открытія анэстезирующихъ вдыханій, до сихъ поръ не привели къ окончательнымъ заключеніямъ, и, вѣроятно, никогда къ таковымъ не приведутъ.

Прежде всего нельзя приписать этой чести зубному врачу Horace Wells'у въ Гардфордѣ (Коннектикутъ), такъ какъ онъ оперировалъ (въ 1844 г.) съ давно извѣстнымъ веселящимъ газомъ и отвергалъ эфиръ, какъ неподходящее средство. Вѣроятнѣе всего, что вдыханіе сѣрнаго эфира съ анэстезирующей цѣлью впервые примѣнено было въ 1841 году Jackson'омъ, врачемъ въ Бостонѣ, что онъ уже сообщилъ это открытіе своему ученику Morton'у, зубному врачу въ Бостонѣ. Первыя большія операціи подъ эфирнымъ наркозомъ были произведены по иниціативѣ Jackson'а 17-го декабря 1846 г. Boot'омъ въ Бостонѣ, нѣсколько дней спустя —Liston'омъ въ Парижѣ. Хотя Long, англійскій врачъ въ Аѳинахъ, пользовался эфиромъ при хирургическихъ операціяхъ уже въ 1842 г., но онъ опубликовалъ свои наблюденія позже. Достойно замѣчанія, что судьба всѣхъ трехъ врачей, претендовавшихъ на честь открытія, имѣла трагическій характеръ. Jackson (которому Парижская академія присудила Monthyon'овскую премію) сошелъ съ ума, Morton умеръ въ нищетѣ, Wells покончилъ жизнь самоубійствомъ.

Заслуга всеобщаго введенія анэстезирующихъ вдыханій принадлежитъ несомнѣнно знаменитому гинекологу Simp-

son'у въ Эдинбургѣ.* Уже въ ноябрѣ 1847 года онъ доложилъ обществу врачей въ Эдинбургѣ результаты болѣе, чѣмъ 50 опытовъ съ вдыханіями хлороформа, произведенныхъ надъ самимъ собой, ассистентами своими и больными; впрочемъ, не за долго предъ тѣмъ хлороформъ примѣнялся Charles Bell'емъ и Flourens'омъ для наркотизаціи животныхъ. Послѣ того Simpson опубликовалъ еще цѣлый рядъ важныхъ изслѣдованій о хлороформѣ и дѣйствующихъ подобно ему веществахъ. - Изложеніе дальнѣйшихъ разъясненій по этому предмету не входитъ въ нашу задачу.

Кровотеченія. Переломы. Вывихи. Гальванокаустика. Ампутація. Резекція. Міо—и тенотомія.

198. Значительныя усовершенствованія введены были въ теченіе занимающаго насъ періода—въ ученіе о ранахъ, прежде всего благодаря изслѣдованіямъ Jones'а о способѣ дѣйствія лигатуры.* Далѣе, нѣкоторые недостатки перевязки повели къ предложенію торсіи, примѣнявшейся уже Heliodor'омъ*** и нашедшей горячихъ защитниковъ въ J. Z. Amussat въ Парижѣ и Fricke въ Гамбургѣ.****

Ученіе о переломахъ и вывихахъ значительно подвинулось впередъ, благодаря примѣненію неподвижной повязки. Изобрѣтателемъ послѣдней слѣдуетъ считать Seutin'а (1793—1863), профессора въ Брюсселѣ, предложившаго въ 1834 г. клеевую повязку, которую голландскіе врачи въ 1852 г. замѣнили гипсовою.

Далѣе слѣдуетъ упомянуть о методахъ къ исправленію неправильно зажившихъ переломовъ помощью разламыванія, распиливанія,—о соединеніи подвижныхъ костей (ложныхъ суставовъ) посредствомъ вколачиванія штифтовъ изъ слоно-

---

* См. ниже § 203.

** См. выше стр. 443.

*** См. выше стр. 105.

**** См. выше стр. 445.

вой кости (Dieffenbach),—о костномъ швѣ (Rodgers, Mott и др.).

Солиднѣйшими успѣхами сопровождались опыты надъ удаленіемъ больныхъ частей тѣла безкровнымъ путемъ. Гальванокаустика заняла мѣсто употреблявшихся съ давнихъ поръ фармацевтическихъ прижигающихъ средствъ и каленаго желѣза. Въ 1845 г. ее примѣнилъ Heider, зубной врачъ въ Вѣнѣ, для разрушенія нервовъ зубной пульпы; въ слѣдующіе затѣмъ годы гальванокаустика находила все болѣе и болѣе обширное примѣненіе въ средѣ, главнымъ образомъ, французскихъ хирурговъ. Однако, истиннымъ творцомъ гальванокаустики слѣдуетъ считать Middeldorpfa,* который придалъ ей такой видъ, что позднѣйшимъ врачамъ оставалось дѣлать лишь незначительныя усовершенствованія. Важнѣйшая часть гальванокаустическаго аппарата—„рѣжущая петля" Миддельдорфа—сдѣлалась существеннымъ вспомогательнымъ средствомъ консервативной хирургіи, благодаря безболѣзненности этой операціи и почти полному отсутствію кровотеченія. Подобные же результаты достигнуты помощью „ecrasement linéaire", изобрѣтеннаго Chassaignac'омъ.—Однако всѣ подобные аппараты послужили лишь къ тому, чтобы яснѣе оттѣнить преимущества хирургическаго ножа. Хирургъ обладаетъ въ хлороформѣ, искуственномъ обезкровливаніи и антисептической повязкѣ такими средствами, которыя даютъ ему возможность достигнуть всѣхъ выгодъ упомянутыхъ методовъ безъ употребленія сложныхъ аппаратовъ. [„Безъ боли, безъ крови и безъ особенно вредныхъ послѣдствій для организма"].

Главнымъ предметомъ дебатовъ служилъ, начиная съ XVI вѣка, вопросъ о показаніяхъ къ первичной и вторичной ампутаціи.** Тоже относится къ вылущенію суставовъ, производившемуся отдѣльными хирургами еще въ XVI вѣкѣ; но эта операція сравнительно съ ампутаціей находилась въ пренебреженіи. Она была усовершенствована

* См. выше стр. 445.

** См. выше стр. 227, 299. Объ экзартикуляціи, стр. 364.

Velpeau, Chopart'омъ и Lisfranc'омъ. Заслуга возобновленія резекцій, доведенныхъ еще въ древности до удивительнаго техническаго совершенства, принадлежитъ нѣмецкимъ врачамъ, особенно Michael Jäger'у, Textor'у, Heyfelder'у и Stromeyer'у.* Къ самымъ смѣлымъ и благотворнѣйшимъ операціямъ этого рода принадлежатъ резекціи большихъ суставовъ, произведенныя уже около средины XVIII вѣка Filkin'омъ, въ Норвичѣ, и White'омъ (колѣннаго сустава), Vigarous, въ Монпелье, и Park'омъ (плечеваго сустава). Особенно усовершенствована была резекція около конца прошлаго столѣтія Moreau-отцемъ и сыномъ, изъ Bar sur Ornain. Удивительные успѣхи достигнуты были въ этой области, благодаря введенію клиновидной резекціи анкилозовъ и образованію искусственныхъ суставовъ Rhea-Barton'омъ въ Филадельфіи (1827 г.). Резекція всей нижней челюсти, считавшаяся древними невозможной, была впервые произведена въ 1842 г. Signoroni въ Падуѣ. Резекцію и удаленіе верхней челюсти, какъ подготовительную операцію при экстирпаціяхъ опухолей полости рта и зѣва особенно развили Gensoul, въ Ліонѣ (1827 г), Heyfelder (1844), Syme (1832) и Regnoli (1838).

Анкилозы вслѣдствіе стягиванія кожи устранялись уже Antyllus'омъ помощью разрѣза заболѣвшихъ частей кожи. Разсѣченіе сухожилія грудино-сосковой мышцы при caput obstipum производилось уже около средины XVII вѣка многими голландскими врачами; разрѣзъ ахиллова сухожилія при косолапости — около конца XVIII вѣка нѣкоторыми нѣмецкими хирургами. Подкожная перерѣзка ахиллова сухожилія была впервые выполнена въ 1816 г. Delpech'омъ ** Его методъ, однако, долгое время примѣнялся одними ветеринарами. — Первый подкожный разрѣзъ Sternocleidomastoidei былъ произведенъ въ 1822 г. Dupuytren'омъ въ присутствіи Dieffenbach'а, опубликовавшаго въ 1830 г рядъ такихъ операцій, сдѣланныхъ имъ самимъ. — Подкожная міо – и

---

* См. выше стр. 444.

** См. выше стр. 441.

тенотомія получила прочное право гражданства въ хирургіи лишь въ 1831 г., благодаря Stromeyer'у. Не мало хирурговъ злоупотребляли даже, хотя и неумышленно, этой операціей; Guerin, напр. при контрактурахъ, сколіозахъ и т. д. перерѣзывалъ почти всѣ (пораженные) мускулы конечностей и туловища.—Мысль Stromeyer'а воспользоваться тенотоміей для лѣченія косоглазія была впервые осуществлена Dieffenbach'омъ въ 1842 г.

Аневризмы. Грыжи. Литотрипсія. Стриктуры. Пластическія операціи. Трансфузія. Общее лѣченіе ранъ. Ортопедія.

199. Патологія аневризмъ весьма мало развилась послѣ работъ Scarpa*. Тѣмъ ревностнѣе занимались лѣченіемъ аневризмъ. Полагаясь на изслѣдованія John Hunter'a, Scarpa, Jones'а и др. о наступленіи коллятеральнаго кровообращенія, многіе англійскіе и американскіе хирурги стали производить перевязку самыхъ большихъ артеріальныхъ стволовъ тѣла; такъ были перевязаны—сначала ilaca externa (Abernethy 1796), ilaca interna (Stevens въ Веракруцѣ), arteria subclavia (Astley Cooper, 1806, Colles). Въ 1817 г. Astley Cooper перевязалъ даже брюшную аорту—слишкомъ смѣлый пріемъ, нашедшій подражателей впослѣдствіи еще шесть разъ и постоянно со смертельнымъ исходомъ. Общую сонную артерію перевязали еще въ 1775 г. Warner и Else, truncus anonymus—Mott въ 1818 г.

Важнѣе, чѣмъ различныя попытки лѣченія аневризматическихъ сосудовъ гальванопунктурой или инъекціей свертывающихъ веществъ, было недавно введенное пальцевое прижатіе и, въ случаѣ аневризмъ вблизи суставовъ, постоянное сгибаніе пораженныхъ членовъ.

Значительныя пріобрѣтенія, сдѣланныя въ самое послѣднее время хирургіей глотки, гортани, пищевода, желуд-

---

* См. выше стр. 440.

ка и кишечнаго канала, не входятъ въ кругъ нашей задачи.

Патологія грыжъ была главнымъ образомъ разработана обѣими Hesselbach'ами и Cloquet. Усовершенствованія въ радикальной операціи грыжъ относятся къ новѣйшему времени.

Къ самымъ блестящимъ успѣхамъ новѣйшей хирургіи принадлежитъ введеніе литотрипсіи; операція эта практиковалась уже византійцами*, встрѣчалась изрѣдка и послѣ, и настоятельно предлагалась Ciucci въ XVIII вѣкѣ.** Еще въ 1819 г. Gruithuisen въ Мюнхенѣ обнародовалъ инструментъ для раздробленія и извлеченія пузырныхъ камней, который, хотя и не примѣнялся на живыхъ, тѣмъ не менѣе сдѣлался основой всѣхъ послѣдующихъ аппаратовъ.—Цѣлесообразные инструменты для литотрипсіи были введены Leroy d'Etiolles въ Парижѣ (1798—1860), Jean Civiale (1795—1867) и Heurteloup-сыномъ (ум. въ 1864 г.). Одновременно съ послѣднимъ Jacobson изъ Кенигсберга, лейбъ-медикъ въ Копенгагенѣ (1783—1846), опубликовалъ свой камнедробитель, сдѣланный по образцу экразера Chassaignac'a.

Первый шагъ къ раціональному лѣченію стриктуръ мочевого канала былъ сдѣланъ еще въ XVIII вѣкѣ— примѣненіемъ бужей, введенныхъ Daran'омъ.*** John Hunter старался замѣнить послѣдніе мѣстнымъ примѣненіемъ ляписа и подалъ мысль о соединеніи прижиганія съ механическимъ расширеніемъ.—Наружная и внутренняя уретротомія и экстирпація одной почки, произведенная впервые Gustav Simon'омъ въ Гейдельбергѣ, принадлежатъ новѣйшему періоду.

Къ самымъ отраднымъ пріобрѣтеніямъ новѣйшей хирургіи принадлежитъ возобновленіе пластическихъ операцій,**** преданныхъ забвенію со времени Tagliacozzi.—

---

* См. выше стр. 107.

** См. выше стр. 301.

*** См. выше стр. 363.

**** См. выше стр. 229.

Съ 1794 г. въ Европу доходили отдѣльныя извѣстія о пластическихъ операціяхъ, практиковавшихся въ Индіи съ древнихъ временъ, однако эти операціи потому не встрѣтили сочувствія, что попытки многихъ англійскихъ врачей относительно искусственнаго образованія губъ не достигли цѣли. Лишь двѣ хейлопластическія операціи, произведенныя въ 1814 г. Carpue, имѣли счастливый исходъ, а ринопластика, выполненная C. F. Graefe-отцомъ* въ мартѣ 1816 г. по методу Tagliacozzi—сомнительный, такая же операція въ 1817 г. окончилась успѣшно. Вслѣдъ за тѣмъ Graefe, Werneck, Fricke, Delpech, I. D. Larrey и др. стали дѣлать пластическое возстановленіе вѣкъ, губъ. Всеобщаго признанія пластическія операціи достигли лишь съ 1834 г., благодаря главнымъ образомъ Dieffenbach'у.

Между первыми попытками трансфузіи крови въ XVII в.** и возобновленіемъ этой операціи въ XVIII вѣкѣ Michele Rosa, профессоромъ въ Моденѣ (1783), Benj. Harwood'омъ, профессоромъ въ Кембриджѣ, на животныхъ, и англійскимъ врачемъ Russel'емъ на человѣкѣ (1792), лежитъ также болѣе, чѣмъ столѣтній промежутокъ. Правда, переливаніе крови служило съ того времени темой для многихъ сочиненій, но опыты на животныхъ были возобновлены лишь съ 1818 г. Blundell, Milne Edwards, Prevost и Dumas, Burdach'омъ, Ioh. Müller'омъ, Claude Bernard'омъ и др. Съ терапевтической цѣлью у человѣка трансфузія впервые стала примѣняться англійскими врачами, но особенно Dieffenbach'омъ.

Первый шагъ къ улучшенію терапіи ранъ, достигшей въ наше время изумительнаго совершенства, былъ сдѣланъ Kern'омъ и др., благодаря главнымъ образомъ примѣненію холодной воды,*** не говоря уже объ усовершенствованіяхъ непосредственнаго соединенія краевъ раны серфинами (Vidal 1849), металлическими нитками и т. д. Губительныхъ

---

* См. выше стр. 445.

** См. выше стр. 292.

*** См. выше стр. 445.

послѣдствій всасыванія гноя, ихора и т д. хирурги съ древнихъ временъ старались избѣгать посредствомъ примѣненія бальзамическихъ раневыхъ средствъ, особенно содержащихъ терпентинъ и камфору. Въ новѣйшее время съ этой цѣлью предлагались древесный уголь, хлористая известь, углекислыя щелочи, древесный уксусъ, марганцево-кислый калій, алкоголь и др. вещества.

Самыя благотворныя послѣдствія имѣли изслѣдованія новѣйшаго времени объ участіи микроскопическихъ организмовъ въ дурномъ теченіи ранъ. Эти изслѣдованія повели къ ватной повязкѣ и затѣмъ къ антисептическому методу лѣченія ранъ, съ котораго начинается новѣйшій періодъ хирургіи.

Виновниками успѣховъ, обнаруженныхъ въ настоящемъ столѣтіи ортопедіей, являются главнымъ образомъ швейцарецъ Venel и Ioh. Georg Heine въ Вюрцбургѣ, бывшій первоначально слесаремъ. По ихъ образцу врачи и профаны основали во всѣхъ странахъ ортопедическія заведенія, въ которыхъ, на ряду съ болѣе или менѣе грубыми механическими аппаратами, господствовала эмпирическая лѣчебная гимнастика. Научный видъ ортопедія приняла послѣ появленія сочиненія Scarpa о косолапости и введенія тенотоміи Delpech'омъ.*

Глазныя болѣзни.

200. Въ теченіе XIX вѣка офталміатрія развилась до небывалой высоты. Нигдѣ слава нѣмецкихъ врачей не сіяетъ такъ ярко, какъ здѣсь.

Новѣйшая исторія офталміатріи дѣлится введеніемъ офтальмоскопа на два рѣзко разграниченныхъ періода. Авторъ этого изобрѣтенія извѣстенъ всѣмъ; полное преобразованіе офталмологіи, вызванное офтальмоскопомъ, есть почти всецѣло работа одного человѣка: Albrecht'a von Graefe.

Начало самостоятельнаго развитія офталміатріи восхо-

* См. выше стр. 442.

дитъ до Boerhaeve, читавшаго особыя лекціи по этому предмету. Однако несомнѣнно, что отдѣльные профессора хирургіи и раньше читали клиническія лекціи на больныхъ глазами. Но отдѣльныя учрежденія для обученія офталмологіи возникли ранѣе всего въ двухъ нѣмецкихъ университетахъ, Геттингенѣ и Вѣнѣ, медицинскіе факультеты которыхъ обязаны были своимъ расцвѣтомъ двумъ ученикамъ великаго нидерландца. Въ Геттингенѣ A. G. Richter впервые соединилъ со своимъ клинико-хирургическимъ преподаваніемъ офтальмологическія упражненія. Въ берлинскомъ университетѣ, основанномъ въ 1810 г., они были введены Graefe—отцомъ. Въ Вѣнѣ, гдѣ уже съ 1796 г. существовала офтальмологическая каѳедра, занятая Ioh. Adam Schmidt'омъ, была открыта Beer'омъ въ 1812 г. офтальмологическая клиника, развившаяся въ одинъ изъ важнѣйшихъ разсадниковъ этой спеціальности. Вскорѣ затѣмъ Прага, Бреславль, Пештъ, Гейдельбергъ, Боннъ и Фрейбургъ получили офтальмологическіе институты. — Рядъ знаменитыхъ окулистовъ вышелъ изъ офтальміатрическаго института, основаннаго въ Дрезденѣ въ 1812 г.—Во многихъ англійскихъ городахъ, напримѣръ, Лондонѣ, Ливерпулѣ, Эдинбургѣ, Глазговѣ основаны были офтальмологическіе институты съ 1808 г.—Тоже самое имѣло мѣсто подъ вліяніемъ вѣнской школы въ Италіи, напримѣръ въ Неаполѣ (1815), Павіи (1819) и Падуѣ (1819).

Блестящій подъемъ, который офтальміатрія обнаруживаетъ въ XIX вѣкѣ, зависитъ главнымъ образомъ отъ слѣдующихъ причинъ: успѣховъ анатоміи, физики и физіологіи глаза, толчекъ къ которымъ данъ былъ Sömmerring'омъ, главнымъ же образомъ отъ изобрѣтенія офтальмоскопа.

201. Основателями вѣнской офтальмологической школы являются Josef Barth, изъ Мальты (1745—1818), который въ литературѣ извѣстенъ только по маленькому сочиненію объ извлеченіи катаракты, и его ученикъ Ioh. Adam Schmidt (1758—1809), профессоръ въ Josephs-Akademie, изъ сочиненій котораго заслуживаютъ вниманія *Ueber Nach-Staar und Jritis nach Staar-Operationen* (Вѣна, 1801. 4.) и *Ueber die Krankheiten der Thränenorgane* (Вѣна, 1803. 8.). — Развитію офтальміатріи

особенно способствовалъ своими превосходными сочиненіями и какъ преподаватель, образовавшій многочисленныхъ учениковъ Georg Jos. Beer, изъ Вѣны, профессоръ въ тамошнемъ университетѣ,—(*Lehre von den Augenkankheiten*. Вѣна, 1813. 1817. 8 и многія другія сочиненія).—Нѣсколько позднѣйшему періоду принадлежатъ Friedr. Jaeger, изъ Кирхберга въ Вюртембергѣ (1784—1871), ученикъ Beer'а, который мало выступалъ какъ писатель, но за то благотворно работалъ, какъ преподаватель.—Anton von Rosas, изъ Фюнфкирхена въ Венгріи (1791—1855), профессоръ въ Падуѣ, впослѣдствіи преемникъ своего учителя Beer'а, авторъ обширнаго—*Handbuch der Augenheilkunde*. (Вѣна, 1830. 8. 3 т.).—Къ этимъ профессорамъ вѣнской школы примыкаютъ Ioh Nep. Fischer, профессоръ въ Прагѣ, Franz Reisinger въ Аугсбургѣ, Fabini, профессоръ въ Пештѣ, Werneck въ Зальцбургѣ и Piringer, профессоръ въ Грацѣ.

Изъ остальныхъ нѣмецкихъ офталмологовъ болѣе ранняго періода заслуживаютъ вниманія Karl Himly, изъ Брауншвейга (1772—1837), профессоръ въ своемъ родномъ городѣ, въ Геттингенѣ, Іенѣ, впослѣдствіи снова въ Геттингенѣ (*Die Krankheiten und Missbildungen des menschlichen Auges*. Берлинъ, 1842. 1843. 4. 2 т.); Konr. Ioh. Martin Langenbeck, Rust, Graefe—отецъ и Ioh. Christ. Jüngken изъ Бурга, близь Магдебурга (1793—1875) профессоръ въ Берлинѣ (*Die Lehre von den Augenkrankheiten* Берлинъ 1832. 8. 3-е изданіе: 1842. 8.).

Изъ представителей дрезденской офталмологической школы слѣдуетъ упомянуть Karl Heinr. Weller изъ Галле (род. въ 1794 г.), автора общеизвѣстнаго— *Handbuch der Augenheilkunde* (Берлинъ, 1819. 8. 4-е изданіе: 1830. 8 и многіе переводы),—и Friedr. Aug. von Ammon изъ Геттингена (1799 —1861), лейбъ-медика въ Дрезденѣ, автора монографіи объ иритѣ (Лат. Lips. 1838 f., по нѣмецки: Берлинъ 1843. 4.) и большаго произведенія, снабженнаго гравюрами: *Ueber die Krankheiten und Bildungsfehler des Auges* (Берлинъ, 1838 - 1847 f.).

Въ переходномъ времени къ новому періоду, начинающемуся съ изобрѣтеніемъ офтальмоскопа, заслуживаютъ вни-

манія Christ. Georg Theod. Ruete изъ Шармбека близъ Бремена (1810—1857),, профессоръ въ Геттингенѣ и Лейпцигѣ—(*Lehrbuch der Ophthalmologie*. Брауншвейгъ, 1845. 8. 1853. 54 8. 2 т. — *Bildliche Darstellung der Krankheiten des menschlichen Auges*. Лейпцигъ, 1854—60 f.).

Всѣхъ ихъ превосходитъ выдающійся, какъ блестящими геніальными способностями, неутомимымъ прилежаніемъ, такъ и благороднѣйшими качествами характера, безсмертный основатель новѣйшаго періода офтальмологіи: Albrecht von Graefe (22 мая 1822—20 іюля 1870). Его работы преимущественно изложены въ издававшемся имъ *Archiv für Ophthalmologie*.

Представители офтальмологіи этого періода въ Италіи вышли главнымъ образомъ изъ школы Scarpa* и вѣнскихъ офтальмологовъ. Важнѣйшіе изъ нихъ суть Paolo Assalini и Giov. Batt. Quadri, профессора въ Неаполѣ, Franc. Flarer, профессоръ въ Павіи, и извѣстный также какъ хирургъ Aless. Riberi въ Туринѣ.

Замѣчательнѣйшими офтальмологами въ этомъ періодѣ въ Англіи являются Thom. Wardrop, авторъ превосходнаго сочиненія по патологической анатоміи глаза (Лондонъ, 1808 1818. 8. 1838. 2 т.), John Cunningham, Saunders (1773—1810), William Lawrence, Benj. Travers, авторъ перваго обширнаго англійскаго руководства къ офтальмологіи, главнымъ же образомъ William Mackenzie (1791—1868), профессоръ въ Глазговѣ, сочиненіе котораго *Treatise on the diseases of the eye* (Лондонъ, 1830. 8. и слѣд.) занимаетъ первое мѣсто между произведеніями подобнаго рода.

Офтальмологія всего менѣе занимаетъ умы въ той именно странѣ, изъ которой начался въ началѣ настоящаго столѣтія подъемъ этой науки, во Франціи. Это зависѣло отчасти отъ тогдашнихъ военныхъ событій, вслѣдствіе которыхъ интересъ французскихъ врачей преимущественно склонялся къ хирургіи, отчасти отъ теоретическихъ споровъ о вита-

* См. выше стр. 440.

лизмѣ, физіологической медицинѣ и т. д., отъ успѣховъ патологической анатоміи и діагностики, вызванныхъ Corvisart'омъ и Laënnec'омъ. Не менѣе этому способствовало искони свойственное французамъ пренебреженіе нѣмецкой и англійской литературой, доведенное до крайности политическими событіями. Такимъ образомъ становится понятнымъ, почему кромѣ главнаго представителя прежняго, преимущественно оперативнаго періода офтальмологіи во Франціи— Ant. Pierre Demours'a (1762—1836), сына Pierre Demours'a, - новѣйшій періодъ офтальміатріи у нашихъ зарейнскихъ сосѣдей былъ основанъ нѣмецкими врачами. Самое большее участіе въ этомъ принялъ Victor Stoeber (1803—1871), авторъ отличнаго руководства (Парижъ, 1834. 8), занимавшій въ теченіе сорока лѣтъ каѳедру офтальмологіи въ своемъ родномъ городѣ Страссбургѣ,—затѣмъ Julius Fichel изъ Франкфурта на М. (1802—1868), ученикъ Friedr. Jaeger'a (*Iconographie ophthalmologique.* Paris, 1852—59. 4. 2 т.); успѣхъ Sichel'я возбудилъ соревнованіе Carron du Villards, профессора въ École ophthalmologique въ Парижѣ, *Руководство*—котораго (Парижъ, 1838. 8. 2 т.) принадлежитъ къ лучшимъ изъ составленныхъ въ то время.

Отличныхъ представителей офтальміатріи могутъ до настоящаго времени выставить Нидерланды и Бельгія. Сюда принадлежитъ многосторонне образованный Schröder van der Kolk*,—Anton Gerhard van Onsenoort изъ Утрехта (1782—1841), главный врачъ голландской арміи, и его ученикъ Florent Cunier (1812—1853), профессоръ въ Брюсселѣ.

Успѣхи офтальміатріи въ теченіе первой половины XIX вѣка.

202. Общая патологія глаза, отражавшая всегда господствующія теоретическія воззрѣнія, въ началѣ нашего вѣка особенно находилась подъ вліяніемъ послѣднихъ. Самую важную роль играли вездѣсущее „воспаленіе“ и лежащія въ ос-

---

* См. выше стр. 436.

новѣ послѣдняго „остроты". Въ этомъ смыслѣ разработывалась патологія въ Германіи врачами-натурфилософами, которые разсматривали глазъ, какъ повторяющій въ болѣе высокой степени всѣ системы тѣла—микрокосмъ въ макрокосмѣ человѣка

Научный періодъ офтальмологіи начинается работами Wardrop'a, Saunders'a*, Schoen'a въ Гамбургѣ—*Handbuch der pathologischen Anatomie des menschlichen Auges*—(Гамбургъ, 1828. 8.), Walther'a, Gescheidt'a, Seiler'a*, von Ammon'a** и др., благодаря которымъ патологическая анатомія достигла господства и въ этой области.

Діагностика болѣзней глаза расширилась въ собственномъ смыслѣ этого слова, благодаря Himly, открывшему въ 1800 г. расширяющія зрачекъ свойства бѣлены и красавки (hyoscyamus, belladonna) которыя, какъ кажется, не были неизвѣстны въ древности и примѣнялись уже многими врачами XVIII вѣка при экстракціи катаракты.

Изъ успѣховъ, касающихся страданій наружныхъ образованій глаза, слѣдуетъ отмѣтить лѣченіе косоглазія міотоміей, производившейся также, вѣроятно, въ отдѣльныхъ случаяхъ и прежними окулистами, напр John Taylor'омъ. Позднѣе на эту операцію указалъ Stromeyer (1838), а заслуга перваго ея выполненія принадлежитъ Dieffenbach'у и Cunier (26-го и 29-го октября 1839 г.).

Господствующимъ методомъ операціи катаракты еще долго оставалось,—благодаря громадному авторитету Скарпы и Дюпюитрена,—Sklerotikonyxis. - Scarpa пытался усовершенствовать эту операцію предварительнымъ разсѣченіемъ линзы. Langenbeck рекомендовалъ вмѣсто упомянутой операціи предложенную Buchhorn'омъ, въ Магдебургѣ, keratonyxis.

Новая глава въ исторіи операціи катаракты начинается съ введенія Friedr. Jaeger'омъ экстракціи помощью верхняго разрѣза роговицы; изъ этой операціи впослѣдствіи

---

* См. выше стр. 378.

** См. выше стр. 377.

развилась линейная экстракція, предложенная Albrecht'омъ von Graefe.

Изъ сочиненій, относящихся къ болѣзнямъ радужной оболочки, первое мѣсто принадлежитъ произведеніямъ Beer'a.*—Къ самымъ блестящимъ заслугамъ Albrecht'a von Graefe принадлежитъ усовершенствованіе иридектоміи, операціи, вытѣснившей не только всѣ остальные методы искусственнаго образованія зрачка, но нашедшей обширнѣйшее примѣненіе при многихъ другихъ внутриглазныхъ болѣзняхъ, главнымъ же образомъ при глявкомѣ.—Изобрѣтеніе офтальмоскопа въ высокой степени послужило къ разсѣянію того мрака, которымъ въ теченіе тысячелѣтій были покрыты всѣ болѣзни, обозначавшіяся общимъ именемъ „амаврозовъ".

Акушерство.

203. Тѣсная связь между различными отраслями нашей науки, обнаружившаяся въ новѣйшемъ періодѣ, проявляется и въ области акушерства. Расширеніе послѣдняго до гинекологіи главнымъ образомъ сдѣлано было нѣмецкими врачами.

Взглядъ на родовой актъ, какъ на физіологическій процессъ, установился еще въ концѣ XVIII вѣка, благодаря Solayrés de Renhac и Baudelocque,** но инструментальное родовспоможеніе все же преобладало, благодаря авторитету Smellie, Levret'a и ихъ учениковъ.—Изъ врачей, положившихъ конецъ этому состоянію, первое мѣсто занимаетъ Lucas Joh. Boër (1751—1825) изъ Оффенгейма близь Анспаха, авторъ знаменитаго *Septem libri de obstetricia naturali* (Vienn 1802. 8. 1830. 8. По нѣмецки: Вѣна, 1834. 8). —Какъ медленно, однако, прививались взгляды Boër'a, указываетъ вліяніе, которое оказывалъ Benj. Osiander изъ Цейля, въ Вюртембергѣ (1759—1822), профессоръ въ Геттингенѣ, рѣшительный сторонникъ инструментальнаго родо-

* См. выше стр. 376.

** См. выше стр. 374.

вспоможенія, своимъ *Handbuch der Entbindungskunst* (Тюб. 1819—21. 8. 1829.—33. 8. 3 т.).*

Извѣстными акушерами и писателями начала нашего вѣка являются, далѣе: Iust. Heinr. Wigand изъ Ревеля (1769—1817), врачъ въ Гамбургѣ,—Wilh. Jos. Schmitt изъ Лорха на Рейнѣ (1760—1827), профессоръ въ Вѣнѣ,—Franz Karl Naegele изъ Дюссельдорфа (1778—1851), профессоръ въ Гейдельбергѣ, оказавшій какъ своими лекціями, такъ и своими сочиненіями, пользующимися еще и теперь уваженіемъ, благотворнѣйшее вліяніе на развитіе акушерства. Далѣе слѣдуетъ отмѣтить: Georg Wilh. Stein'a (1773—1870), профессора въ Марбургѣ и Боннѣ, племянника вышеупомянутаго акушера—Ios. d'Outrepont изъ Мальмеди, профессора въ Вюрцбургѣ,—Herm. Fried. Kilian (1800 1863) изъ Лейпцига, профессора въ Боннѣ,—Ed. Kasp. Jacob von Siebold (1801—1861) автора классическаго сочиненія по исторіи акушерства,**—Ioh. Christ. Gottfr. Joerg (1779—1856), профессора въ Лейпцигѣ,—Dietrich Wilh. Heinr. Busch (1788—1858), профессора въ Марбургѣ и Берлинѣ,—Ferd. Franz Aug. von Ritgen (1787—1867), Gust. Ad. Michaëlis (1798—1848), профессора въ Килѣ, автора мастерскаго произведенія:—*Das schräg verengte Becken* (Киль, 1865. 8.), — Otto Spiegelberg'a (1830—1881), профессора въ Фрейбургѣ, Кенигсбергѣ и Бреславлѣ, автора превосходнаго учебника акушерства (Lahr, 1877 8. 1882. 8); онъ одинаково извѣстенъ, какъ преподаватель и какъ практикъ.

Основателями гинекологіи въ настоящемъ смыслѣ слова слѣдуетъ считать среди нѣмцевъ главнымъ образомъ Karl Wilh. Mayer'a (1795—1868), врача въ Берлинѣ, и Kiwisch von Rotterau (1814—1851), профессора въ Вюрцбургѣ.—Прочный памятникъ воздвигъ себѣ Ignaz Philipp Semmelweis, профессоръ въ Пештѣ (ум. въ 1865 г.), благодаря, его долго не признаваемому открытію, что одной изъ

---

* См. ниже § 211.

** См. ниже § 211.

важнѣйшихъ причинъ послѣродовой лихорадки является инфекція трупнымъ ядомъ (*Die Aetiologie, der Begriff und die Profilaxe des* **Kindbettfiebers**. Pest, 1861. 8).

Такую же утѣшительную картину представляетъ акушерство XIX вѣка въ другихъ странахъ. Важнѣйшимъ разсадникомъ этой науки во Франціи была Maternité. Первыми профессорами въ послѣдней были Alphonse Leroy (1742—1816) и Jean Louis Baudelocque; впослѣдствіи Ant. Dubois, его сынъ Paul D. (1795—1871) и нѣк. др.,—затѣмъ сюда относятся знаменитыя акушерки, извѣстныя также, какъ писательницы, Marie Lachapelle (1769—1821) и Marie Boivin (1773—1841).

Къ виднѣйшимъ англійскимъ акушерамъ новѣйшаго періода принадлежатъ John Burns въ Глазговѣ,*—Samuel Merriman (1771—1852), Francis Ramsbotham, оба въ Лондонѣ,—Iames Hamilton (1767—1840), профессоръ въ Эдинбургѣ,—главнымъ же образомъ его преемникъ James Yourley Simpson (1811—1870), многосторонне образованный врачъ, знаменитѣйшій практикъ своего времени въ Англіи, заслужившій славу введеніемъ хлороформа.** Изъ американскихъ гинекологовъ первое мѣсто занимаетъ недавно умершій Marion Sims въ Нью-Іоркѣ (25 янв. 1813—13 нояб. 1883).

Высокое цвѣтущее состояніе, котораго гинекологія достигла въ сравнительно короткое время, въ значительной долѣ обязано введенію маточнаго зеркала,*** которое, впрочемъ, было извѣстно уже по крайней мѣрѣ въ періодѣ римской имперіи. Récamier пользовался съ 1801 г. при операціяхъ во влагалищѣ и т. д. конической металлической трубкой. Двустворчатое зеркало „изобрѣтено" госпожей Boivin.

Изъ неожиданныхъ успѣховъ, которыми можетъ похвастать новѣйшій періодъ оперативной гинекологіи, достаточно указать на ампутацію шейки матки, произведенную

---

* См. выше § 196.

** См. выше стр. 448.

*** См. выше стр. 66.

впервые въ 1801 г. Osiander'омъ, потомъ особенно французскими врачами: Récamier, Dupuytren и Lisfranc'омъ. Экстирпація вполнѣ выпавшей матки получила право гражданства, благодаря Sauter'у, врачу въ Констанцѣ, и, какъ извѣстно, въ самое послѣднее время доведена до экстирпаціи внутреннихъ женскихъ половыхъ органовъ вообще.

Самымъ блестящимъ и благотворнымъ пріобрѣтеніемъ оперативной гинекологіи является оваріотомія. Эта операція, которую de la Porte и Morand считали выполнимой еще въ XVIII вѣкѣ, была произведена впервые въ 1809 г. Mac Dowell'емъ въ Кентукки, затѣмъ въ 1825 г. Lizars'омъ,* если не считать ранѣе сдѣланныхъ экстирпацій болѣе или менѣе больныхъ яичниковъ. Изложеніе дальнѣйшаго развитія этой операціи не входитъ въ нашу задачу.

Ученіе о дѣтскихъ болѣзняхъ получило свой теперешній видъ тоже лишь во второй половинѣ нашего столѣтія. Особенно благопріятствовало развитію этого отдѣла устройство дѣтскихъ госпиталей, возникшихъ сперва въ Англіи, затѣмъ въ Петербургѣ, Вѣнѣ, Гамбургѣ Штетинѣ,** Прагѣ и многихъ другихъ мѣстахъ.

Зубныя и ушныя болѣзни.

204 На начала зубоврачеванія, встрѣчающіяся въ древности, было указано выше.*** Въ теченіе среднихъ вѣковъ и еще гораздо позже этотъ отдѣлъ находился почти исключительно въ рукахъ цирюльниковъ и шарлатановъ „зубныхъ рвачей“. — Научный періодъ зубоврачеванія начинается съ появленіемъ превосходнаго руководства Pierre Fauchard'a (ум. въ 1762 г.), хирурга въ Парижѣ; за этой книгой вскорѣ послѣдовали работы Pierre Mouton, Lecluse, Anselme Jourdain'a. Важную главу въ исторіи зубоврачеванія составляютъ оба сочиненія John Hunter'a о структурѣ и бо-

---

* См. выше стр. 443.

** См. выше стр. 375.

*** См. выше стр. 111.

лѣзняхъ зубовъ.*—Къ этому же времени относятся сочиненія Thomas Berdmore и Spence; къ началу XIX вѣка — произведенія англичанина John Fox и французовъ La Forgue, Gariot, Maury и нѣк. др.

Гораздо позже на зубоврачеваніе было обращено должное вниманіе въ Германіи; развитіемъ этого отдѣла мы обязаны прежде всего многимъ вѣнскимъ врачамъ, напримѣръ Serre, въ Берлинѣ (ум. въ 1830 г.); Georg Carabelli (род въ 1787 г.) и Moritz Heider'у (1816—1866).

Знаніе болѣзней слуховаго органа еще долго было покрыто глубокимъ мракомъ, не смотря на огромные успѣхи, которые сдѣлала анатомія этого аппарата со временъ du Verney, Valsalva и др.** Даже ученіе о болѣзняхъ барабанной перепонки едва ли пошло впередъ послѣ изобрѣтенія ушнаго зеркала Fabry*** и искусственной барабанной перепонки (изготовлявшейся изъ куска свинаго пузыря, натянутаго на короткую трубочку) Marcus Banzer'омъ (1640).

Первымъ шагомъ къ болѣе точному изученію болѣзней внутренняго уха было изобрѣтеніе катетеризаціи евстахіевой трубы Guyot, почтмейстеромъ въ Версали (1724) и Archibald Cleland'омъ (1741), изъ которыхъ первый вводилъ инструментъ чрезъ ротъ, второй же, отъ котораго беретъ начало искусственное освѣщеніе барабанной перепонки,— чрезъ носъ.

Болѣе тщательная разработка отіатріи начинается Jean Marie Gaspard Itard'омъ, въ Парижѣ. Къ введенной послѣднимъ катетеризаціи евстахіевой трубы для діагностики и терапіи болѣзней барабанной полости — Leon Deleau, врачъ, усовершенствовавшій обученіе глухо-нѣмыхъ, прибавилъ примѣненіе воздушнаго душа. Изъ другихъ ученыхъ, работавшихъ въ этой области, слѣдуетъ отмѣтить Karl Ios. Beck (1804—1844), профессора въ Фрейбургѣ, и Wilh. Kra-

---

* См. выше стр. 357.

** См. выше стр. 259, 320.

*** См. выше стр. 297.

mer въ Берлинѣ (1801—1875), основателя аускультаціи внутренняго уха,—въ новѣйшее время — Wilde въ Дублинѣ и Jos. Toynbee (ум. въ 1876 г.) въ Лондонѣ.

Психіатрія.

205. Никакая область медицины не пала такъ въ среднихъ вѣкахъ, какъ психіатрія, достигшая уже въ древности высокаго развитія. Лишь у Stahl'я снова встрѣчаются начала научной постановки психіатріи. Сталь дѣлитъ всѣ „бреды" (подъ которыми онъ разумѣетъ всѣ формы душевнаго разстройства) на простые [первичные], сложные („pathetica et simpathetica" [вторичные]) и на комбинаціи этихъ двухъ формъ. Отсутствіе подходящихъ заведеній для пріема и лѣченія душевно-больныхъ—было причиной, что всѣ старанія Сталя и его учениковъ остались безъ практическаго результата.

Англичанамъ принадлежитъ слава, что они опередили всѣ остальныя націи въ гуманномъ обращеніи съ душевнобольными. Уже въ 1547 г. въ Ирландіи былъ устроенъ пріютъ для сумашедшихъ въ бывшемъ монастырѣ въ Виѳлеемѣ (Bedlam). Но оффиціальное заведеніе для душевно-больныхъ — госпиталь св. Луки—Лондонъ получилъ лишь двумя вѣками позже (1751). Гораздо успѣшнѣе разработывалась психіатрія представителями многочисленныхъ частныхъ сумасшедшихъ домовъ, устроенныхъ большею частью учениками Cullen'a,* напримѣръ, Tomas Arnold'омъ (ум. въ 1816 г.) въ Лейчестерѣ, William Perfect'омъ (род. въ 1740), въ Вестмаллинѣ, въ графствѣ Кентъ, указавшимъ главнымъ образомъ на соматическое происхожденіе и наслѣдственность душевныхъ болѣзней, — шотландцемъ Alexander Crichton'омъ (род. около 1760 г.), лейбъ-медикомъ въ Петербургѣ и главно-управляющимъ медицинской частью въ Россіи, впослѣдствіи профессоромъ въ Лондонѣ, считавшимъ душевныя болѣзни послѣдствіемъ соматическихъ и психическихъ причинъ, и нѣк. др.

---

* См. выше стр. 378.

Гораздо дольше психіатрія находилась въ печальномъ положеніи у французовъ. Лишь благодаря революціи и признанію „правъ человѣка“ несчастные душевно больные были освобождены изъ ихъ темницъ. Толчекъ къ этому далъ благородный Joseph Pinel, который, пренебрегая личной безопасностью, добился отъ конвента разрѣшенія освободить сумашедшихъ отъ сообщества преступниковъ (Pinel, *Traité medico-philosophique sur l'aliénation mentale* etc. Парижъ, 1801. 8. 1809. 8.). Достойнаго преемника Pinel нашелъ въ своемъ ученикѣ Jean Etienne Dominique Esquirol изъ Тулузы (1772—1840), бывшемъ съ 1811 г. директоромъ Salpetrière съ 1823 г. генералъ-инспекторомъ медицинскаго образованія, съ 1826 г. директоромъ сумашедшаго дома Charenton. Esquirol посвятилъ всю свою жизнь исключительно изученію душевныхъ разстройствъ. Самая большая заслуга его заключается въ основаніи первой психіатрической клиники въ Парижѣ (въ 1817 г.). (*Les maladies mentales*. Paris, 1838. 8. 2 т. съ атласомъ). Самый уважаемый изъ французскихъ врачей, подражавшихъ примѣру Pinel'я и Esquirol'я, — Guillaume Ferrus, былъ съ 1818 г. вмѣстѣ съ Pinel'емъ врачемъ при Salpetrière, съ 1826 г. главнымъ врачемъ Bicêtre, впослѣдствіи инспекторомъ домовъ для умалишенныхъ во Франціи, въ которыхъ онъ ввелъ занятія больныхъ полевыми работами.

Изъ представителей психіатріи въ Италіи достоинъ вниманія Vincenzo Chiarugi (род. въ 1759 г., умеръ около 1823 г.), врачъ при госпиталѣ San Bonifazio во Флоренціи, авторъ превосходнаго руководства, въ которомъ находится описаніе 62-хъ вскрытій душевно-больныхъ (*Della pazzia*. Firenze, 1793 и 1794. 8. 3 т. Torino, 1808. 8.).

Самое живое сочувствіе встрѣтили великодушныя стремленія англійскихъ и французскихъ психіатровъ въ нашемъ отечествѣ, гдѣ, начиная съ XVII столѣтія, продолжительныя войны, голодъ и эпидеміи вызвали къ жизни многочисленныя благотворительныя учрежденія. Значительный импульсъ былъ данъ психіатріи поднятымъ Kant'омъ философскимъ движеніемъ, въ которомъ приняли участіе не мало выдающихся врачей.

Основателями новѣйшаго періода психіатріи въ Германіи являются Reil* и Langermann; первый главнымъ образомъ въ теоретическомъ второй въ практическомъ отношеніи. Reil'я, подобно Pinel'ю, побудило заняться психіатріей жалкое состояніе нѣмецкихъ заведеній для душевнобольныхъ; впослѣдствіи его влеченіе къ психіатріи поддерживалось его изслѣдованіями структуры мозга Неблагопріятныя политическія условія и ранняя смерть Рейля—послужили причиной тому, что его старанія объ основаніи въ Галле и Берлинѣ лѣчебницъ для душевно-больныхъ потерпѣли неудачу. Ревностнаго товарища онъ нашелъ въ философѣ Hoffbauer въ Галле (1766—1827), который, понятно, разсматривалъ душевныя болѣзни съ чисто психологической стороны.— Одностороннѣе всего была точка зрѣнія Ioh. Christ. Aug. Heinroth (1773—1843), профессора въ Лейпцигѣ, который, хотя и считалъ всѣ душевныя болѣзни послѣдствіемъ грѣховъ, однако не впалъ въ мистицизмъ христіанско-германской школы.**

На практическое развитіе психіатріи особенно благотворно вліяли труды Ioh. Gottfr. Langermann (1768—1832) изъ Максенъ, близь Дрездена, директора психіатрической лѣчебницы въ St. Georg, близь Baireuth, впослѣдствіи управляющаго прусской медицинской частью, которой онъ оказалъ значительныя услуги.

Самыми важными представителями психіатріи, вышедшими изъ школы Reil'я, являются Horn въ Берлинѣ и Nasse въ Боннѣ.***—Лишь послѣ того, какъ первое условіе для дальнѣйшаго развитія психіатріи—учрежденіе цѣлесообразныхъ лѣчебницъ—было исполнено, психіатрія могла найти мѣсто и почву для научной разработки. Большое вліяніе въ этомъ отношеніи оказывалъ исходившій изъ Франціи прогрессъ патологической анатоміи и восторжествовавшій

---

* См. выше стр. 390.

** См. выше стр 395.

*** См. выше стр. 430 431.

принципъ локализаціи. Spurzheim* въ своихъ работахъ, произведенныхъ сообща съ Gall'емъ, сталъ разсматривать душевныя разстройства, какъ болѣзни мозга. Изъ „церебристовъ“, вышедшихъ изъ школы Spurzheim'а, особенно заслуживаютъ вниманія Jean Etienne Georget (1795—1828), считавшій исходнымъ пунктомъ психическихъ болѣзней „alteration“, подобно „irritation“, Broussais, и Fel. Vóisin (1794—1872), врачъ въ Bicêtre, въ Парижѣ. Изъ учениковъ Esquirol'я, разработывавшихъ психіатрію, не увлекаясь теоретическими соображеніями, слѣдуетъ отмѣтить Achille Louis Foville (род. въ 1799 г.) и Juste Louis Calmeil (род. 1798 г.); оба состояли врачами въ заведеніи Charenton. Въ такомъ же направленіи психіатрія разработывалась Iean Pierrs Falret (род. въ 1794 г.), главнымъ врачемъ Salpetrière, его сыномъ Jules F. и отличнымъ ученикомъ перваго Aug. Bened Morel (1809—1872), директоромъ St. Yon. близъ Руэна, Alex. Brierre de Boismont 1797—1881), директоромъ заведенія въ St. Maude, и Ulysse Trelat (ум. въ 1879 г.).

Къ этому ряду нѣмецкихъ и французскихъ представителей психіатріи примыкаютъ виновники цвѣтущаго состоянія, въ которомъ эта спеціальность находится въ Нидерландахъ и Бельгіи—Schröder van der Kolk** и Ios Guislain (1797—1860), профессоръ въ Гентѣ и директоръ тамошняго заведенія для душевно-больныхъ.

Извѣстными представителями психіатріи въ Англіи являются шотландецъ John Conolly (ум. въ 1866 г.), впослѣдствіи директоръ сумасшедшаго дома въ Hanwell (Middlesex), инициаторъ системы Non—Restraint;—въ Германіи Heinr. Phil. Aug. Damerow (1791—1866), ученикъ Esquirol'я, профессоръ въ Грейфсвальдѣ и Галле, директоръ заведенія, открытаго въ Галле въ 1844 г.,—Karl Wigan Max Jacobi (1775—1858), впослѣдствіи директоръ заведенія, перенесеннаго недавно въ Дюренъ, въ Зигбургѣ близъ

---

* См. выше стр. 414.

** См. выше стр. 436.

Бонна, главный представитель соматической теоріи душевныхъ разстройствъ,—Peter Willers Jessen (1793—1875), директоръ дома для умалишенныхъ въ Шлезвигѣ и основаннаго имъ въ 1845 г. заведенія, названнаго въ честь его друзей Horn'а и Heim'а—Hornheim'омъ,—Karl Wilhelm Ideler (1795—1860), профессоръ въ Берлинѣ,—Karl Friedr Flemming (1799—1880), директоръ заведенія Саксенберга, въ Мекленбургѣ.—Самое большое участіе въ распространеніи на психіатрію физіологическаго метода и въ признаніи равноправія соматическихъ и психическихъ взглядовъ на душевное разстройство принадлежитъ сочиненіямъ Griesinger'а—(*Die Pathologie und Therapie der psychischen Krankheiten*. Штутгартъ, 1845. 8. 1861*).

Охраненіе общественнаго здравія.

206. Начала охраненія общественнаго здравія встрѣчаются уже въ глубокой древности. У грековъ, а еще болѣе у римлянъ, какъ доказываетъ открытая недавно въ Римѣ обширная канализація, охраненіе общественнаго здравія достигло высокой степени развитія. И въ теченіе среднихъ вѣковъ въ культурныхъ странахъ не было недостатка въ такомъ попеченіи.**

Исторія общественнаго здравохраненія въ болѣе тѣсномъ смыслѣ начинается съ началомъ гуманитарныхъ стремленій XVIII вѣка, именно работами Pringle*** и стараніями благороднаго человѣколюбца John Howard'а бывшаго первоначально купцомъ, сдѣлавшаго задачей своей жизни улучшеніе тюремъ и больницъ Онъ запечатлѣлъ свои благородныя заботы и труды смертью во время чумы въ Крыму, въ 1790 г.

Первое обширное сочиненіе по общественному здраво-

---

* См. выше стр. 435.

** См. выше стр. 176.

*** См. выше стр. 340.

храненію написано Joh. Peter Frank'омъ.* Вскорѣ затѣмъ слѣдовали работы Scherf'а (1750—1818), лейбъ-медика въ Детмольдѣ, Jean Noël Hallé (1754—1822), профессора въ École de santé въ Парижѣ.—Во Франціи государство признало себя обязаннымъ заботиться объ общественномъ здравіи въ 1822 г. учрежденіемъ „Conseil supérieur de santé", который преобразованъ былъ въ 1851 г. въ „Conseil consultatif d'hygiène publique". Къ этому новѣйшему періоду относится знаменитое произведеніе Parent du Chatelet (1790—1836) о проституціи (Парижъ, 1836. 8 2 т. 3 éd. 1757. 8. 3 т.).

Въ Англіи забота объ охраненіи общественнаго здравія до новѣйшаго времени лежала исключительно на обязанности общинъ и государство вмѣшивалось лишь тогда, когда нарушенія, гигіены, вредныя для большинства, доходили до суда. Государство взяло на себя обширное попеченіе лишь съ 1838 г., вслѣдствіе холерной и тифозной эпидемій, особенно изданіемъ „Nuisances removal act" 1847 г. и Public Health act "— Примѣру Англіи сперва послѣдовали Бельгія, Сардинія и Голландія, впослѣдствіи и другія страны; Германія—посредствомъ учрежденія Reichs-Gesundheits-Amtes.

Къ этимъ замѣчаніямъ слѣдуетъ, понятно, прибавить нѣсколько словъ о популярныхъ совѣтахъ для сохраненія здоровья, которые въ изобиліи насчитываетъ литература всѣхъ націй со времени открытія книгопечатанія, но лишь немногія изъ этихъ сочиненій, какъ напр *Regimen Salernitanum*, сочиненіе Cornaro**, и многія произведенія Tissot*** имѣютъ историческое значеніе.

Сюда же относятся сочиненія, явившіяся послѣ великихъ географическихъ открытій XV вѣка о болѣзняхъ жаркаго и холоднаго климатовъ; напр., произведенія англичанина Cockburn'a,**** Lind, Pringle,

---

* См. выше стр. 343.

** См. выше стр. 234.

*** См выше стр. 342.

**** См. выше стр. 339.

Jackson'a, Black'a, Annesley и нѣк. др. Обширное сочинение по этому предмету написано Mor. Hasper'омъ, профессоромъ въ Лейпцигѣ (*Ueber die Krankheitin der Tropenländer*. Лейпцигъ. 1831. 8. 2 т.).

Наконецъ слѣдуетъ упомянуть объ основаніи медицинской статистики, отдѣла, оцѣненнаго по достоинству лишь въ новѣйшее время, John Graunt'омъ, англійскимъ священникомъ (1662) и Ioh. Peter Süssmilch'омъ (1707—1767), пробстомъ въ Кельнѣ, на Шпрее. (*Göttliche Ordnung in den Veränderungen des menschlichen Geschlechts*. Берлинъ, 1741. 8 и слѣд. изд.).

Военно-санитарное дѣло.

207. На свѣдѣнія по военно-санитарному дѣлу, встрѣчающіяся въ древности и среднихъ вѣкахъ, было указано выше.* Новѣйшая исторія этого предмета начинается во всѣхъ странахъ Европы въ XVI вѣкѣ съ введеніемъ постояннаго войска. До того времени врачебную помощь на полѣ битвы могли получать одни лишь полководцы; въ отдѣльныхъ лишь случаяхъ врачи встрѣчаются при войскахъ и лазаретахъ. Болѣе высокаго развитія забота о больныхъ и раненыхъ солдатахъ достигла въ больницахъ духовныхъ рыцарскихъ орденовъ;** вслѣдъ за ними во Франціи. Но именно въ этой странѣ военно-санитарное дѣло до настоящаго времени отстало отъ прочихъ націй. Это обусловливается главнымъ образомъ враждой, существовавшей около конца прошлаго столѣтія между факультетомъ и хирургами; вслѣдствіе этого управленіе военно-санитарной частью было передано собранію, составленному исключительно или главнымъ образомъ изъ профановъ, такъ называемому „Intendanz," существующему и понынѣ. Поэтому и школы для военныхъ врачей, открытыя вслѣдствіе революціи въ Парижѣ, Монпелье и Страссбургѣ, далеко не были въ состояніи удовлетворить

---

* См. выше стр. 122. 185.

** См. выше стр. 186.

вообще значительную потребность арміи. Еще въ послѣднее время чрезмѣрная зависимость служебнаго положенія французскихъ военныхъ врачей повела къ тому, что лучшія силы стали избѣгать этого званія, и вкоренившееся въ лазаретномъ дѣлѣ зло сохранилось по прежнему.

Въ Англіи прогрессъ военно—санитарнаго дѣла начинается въ XVIII вѣкѣ, въ которомъ оно было руководимо такими людьми, какъ Pringle, Brocklesby, Donald, Monro. Настоящую организацію оно получило лишь въ 1796 году, однако недостатки послѣдней во время крымской компаніи выступили такъ ярко, что нужно было прибѣгнуть къ коренному преобразованію этой отрасли. Въ настоящее время санитарное дѣло англійской арміи находится въ образцовомъ во всѣхъ отношеніяхъ состояніи.

Въ Германіи правильная врачебная помощь для войска начинается въ 1571 году съ упорядоченіемъ воинскаго дѣла при императорѣ Максимиліанѣ. При каждой ротѣ („Fänhlein") состоялъ „фельдшеръ" (Feldscheer); надзоръ за послѣдними находился у „старшаго военнаго врача." (Feldarzt). Уходъ за ранеными и больными, находившимися въ лагерѣ и въ сосѣднихъ городахъ, возлагался на женщинъ, сопровождавшихъ армію въ значительномъ числѣ.

Дальнѣйшее развитіе нѣмецкаго военно-санитарнаго дѣла исходило большею частью изъ Пруссіи. Съ введеніемъ постояннаго войска, рядомъ съ фельдшерами являются „полковые фельдшера," „Garnison-Medici" и „гарнизонные фельдшера." Къ важнѣйшимъ обязанностямъ фельдшеровъ принадлежало бритье солдатъ; привиллегіи фельдшеровъ состояли въ томъ, что они наказывались не палкой, а плоской шашкой (фухтелемъ). Полковые фельдшера пользовались преимуществомъ брить штабъ-офицеровъ, но и они отнюдь не были обезпечены отъ оскорбленій со стороны командировъ.

Благородный Janus Abrahm von Gehema, принадлежавшій къ солдатскому званію, первый началъ бороться противъ этого состоянія. Въ своемъ сочиненіи *Der kranke Soldat*, вышедшемъ въ 1690 году, онъ считаетъ источникомъ большой смертности среди прусскихъ войскъ плохой составъ воен-

ныхъ врачей и „полевыхъ аптекъ," главнымъ же образомъ то обстоятельство, что лѣкарства отпускались полковыми командирами, взимавшими за это отъ солдатъ „Medicin-Groschen." Но настоятельныя требованія Gehema имѣли своимъ слѣдствіемъ только то, что при Фридрихѣ I назначеніе фельдшеровъ и отпускъ лѣкарствъ переданы были въ руки „полковаго фельдшера".—Значительный шагъ впередъ былъ сдѣланъ въ 1716 году, при Фридрихѣ Вильгельмѣ I, назначеніемъ въ генералъ-хирурги арміи, полковаго фельдшера Holtzendorf'а, въ руки котораго перешло начальство надъ военно-медицинскимъ персоналомъ, находившееся до того времени у офицеровъ. Однако большинство военныхъ врачей, какъ и прежде, состояло изъ цирюльниковъ, а двѣнадцать французскихъ хирурговъ, приглашенныхъ Фридрихомъ II, своей грубостью и невѣжествомъ возбуждали гнѣвъ самого короля. —Въ 1724 году Holtzendorf учредилъ „Collegium chirurgicum," при которой работали шесть профессоровъ въ качествѣ преподавателей и экзаменаторовъ. Два года спустя, „чумный домъ," устроенный въ Берлинѣ въ 1710 г., преобразованъ былъ въ Charité. Семилѣтняя война также не вызвала никакихъ существенныхъ улучшеній въ военно-санитарномъ состояніи.

Славную память въ исторіи санитарнаго состоянія прускаго войска оставилъ по себѣ J. G. Fritze, молодой военный врачъ, изложившій въ анонимномъ сочиненіи откровенно всѣ злоупотребленія, господствовавшія въ лазаретахъ. Fritze скоро былъ назначенъ директоромъ полевыхъ лазаретовъ, но умеръ уже спустя короткое время.—Продолжавшіе существовать недостатки повели къ основанію въ 1795 году Pépinière, преобразованной послѣ открытія университета въ существующій и теперь институтъ Фридрихъ-Вильгельма.— Во время войнъ за освобожденіе Stein сталъ во главѣ „центральнаго управленія лазаретами;" но и его дѣятельность встрѣтила значительныя препятствія со стороны участниковъ прежняго рейнскаго союза, неохотно соглашавшихся на жертвы,

* См. выше стр. 445.

и вслѣдствіе недостатка въ дѣльныхъ врачахъ. Печальный шагъ назадъ былъ сдѣланъ основаніемъ, по инниціативѣ Rust'a*, „хирургической школы,“ закрытой снова въ 1849 г — Всѣмъ извѣстенъ подъемъ санитарнаго дѣла, наступившій въ прусской и, слѣдовательно, во всей нѣмецкой арміи вслѣдствіе большихъ войнъ послѣднихъ десятилѣтій

Въ Австріи въ этой области тоже начинается новая эра приглашеніемъ van Swieten'a* и основаніемъ имъ военноврачебныхъ школъ въ Прагѣ, Тирнау, Клагенфуртѣ и Фрейбургѣ въ Брейсгау. — Дальнѣйшій шагъ впередъ былъ сдѣланъ въ 1784 г. основаніемъ медико-хирургическаго учебнаго заведенія въ Вѣнѣ, которое впослѣдствіи было расширено въ Iosephinum, нѣсколько разъ закрыто и затѣмъ снова возстановлено, не будучи въ состояніи измѣнить господствовавшихъ неудовлетворительныхъ условій. Лишь послѣ введенія всеобщей воинской повинности и уравненія врачей арміи въ правахъ съ офицерами, австрійское военно-санитарное дѣло могло сравниться съ этимъ же учрежденіемъ другихъ странъ.

Въ Саксоніи уже въ 1748 г. существовала „Collegium medico-chirurgicum“, позднѣе — „медико-хирургическая академія“ въ Дрезденѣ. Въ настоящее время для этой цѣли служитъ „военно-врачебная школа для дальнѣйшаго усовершенствованія“ врачей, выдержавшихъ уже установленный экзаменъ.

Значительныя услуги военно-санитарному дѣлу въ Голландіи, достигшему высокаго развитія уже въ XVI вѣкѣ, оказалъ Sebald Justinus Brugmans** изъ Франекера (1763—1819), профессоръ въ Лейденѣ и генералъ-инспекторъ санитарнаго управленія, авторъ знаменитаго сочиненія о госпитальной гангренѣ. Основанная въ 1822 г. въ Утрехтѣ военно-медицинская школа, перенесенная въ 1868 г. въ Амстердамъ, развилась въ одинъ изъ лучшихъ разсадниковъ этой спеціальности.

Швеція обладаетъ съ 1848 г. военно-медицинскимъ уч-

---

* См. выше стр. 307. 343.

** См. выше стр. 441.

режденіемъ, удовлетворяющимъ всѣмъ требованіямъ.—Данія своими превосходными учрежденіями слѣдовала примѣру германскихъ государствъ —Россія обладала уже въ началѣ XVIII вѣка въ Москвѣ и Петербургѣ военными лазаретами и школами для военныхъ врачей и съ 1785 г. медико-хирургической академіей въ Петербургѣ; во время крымской войны очень ясно обнаружились послѣдствія той неурядицы, которая господствовала и въ этой области. Въ настоящее время русское медицинское дѣло стоитъ на той же высотѣ, какъ и въ другихъ странахъ Европы. Тоже относится къ Испаніи, Швейцаріи, Италіи, Бельгіи и образцовымъ во многихъ отношеніяхъ учрежденіямъ Сѣверной Америки.

Къ самымъ лучшимъ результатамъ привели старанія „женевской конвенціи", направленныя къ охраненію и лѣченію раненыхъ и больныхъ солдатъ.—Договоры объ уходѣ за ранеными и больными непріятельскими солдатами встрѣчаются съ конца XVI вѣка во всѣхъ войнахъ, за исключеніемъ крымской, итальянской и сѣверо-американской междоусобной войнъ. Но лишь въ срединѣ XVIII вѣка неприкосновенность полевыхъ лазаретовъ была признана всѣми. Страннымъ образомъ, послѣдняя въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣковъ снова отступила на заднiй планъ, не смотря на неутомимые труды Bernh. Friedr. Faust'a, лейбъ-медика въ Бюккебургѣ.

Первый толчекъ къ женевской конвенціи данъ былъ въ 1861 г Palasciano, профессоромъ хирургіи въ Неаполѣ, и Henri Arrault, французскимъ военнымъ поставщикомъ, главнымъ же образомъ въ 1862г. Henri Dunant, женевскимъ гражданиномъ Дѣло это, благотворныя послѣдствія котораго испытали многія тысячи храбрыхъ солдатъ, было окончено международной конференціей, засѣдавшей въ Женевѣ, въ 1863 г.

Прививка человѣческой оспы.

208. Важнѣйшимъ изъ всѣхъ открытій въ области охраненія здравія является открытіе предохранительной силы

вакцины противъ натуральной оспы Edward'омъ Jenner'омъ, однимъ изъ величайшихъ благодѣтелей человѣческаго рода. Это открытіе было подготовлено прививкой человѣческой оспы, практиковавшейся, вѣроятно, очень давно въ различныхъ мѣстахъ Даніи, Франціи и Великобританіи; точно также инокуляція была, вѣроятно, извѣстна грузинамъ и черкесамъ, особенно заботившимся о красотѣ своихъ женщинъ. „Греческій" методъ (вколы въ подбородокъ, лобъ и обѣ щеки иголкой, покрытой оспеннымъ гноемъ), котораго они держались, былъ обнародованъ въ 1713 г. Timoni, греческимъ врачемъ, жившимъ въ Константинополѣ. Два года спустя, Pularini, венеціанскій консулъ въ Смирнѣ, опубликовалъ способъ прививки, практикуемый одной Өессаліанкой, у которой смертность привитыхъ едва доходила до 1 pro mille.

До всеобщаго свѣдѣнія инокуляція дошла съ 1721 г., благодаря супругѣ англійскаго посла въ Константинополѣ, лэди Wortley-Montague. Однако, небрежность при выборѣ прививной матеріи, въ выборѣ прививаемыхъ и времени прививки, главнымъ же образомъ сила предразсудка—были причиной, что противъ защитниковъ инокуляціи выступили многочисленные противники; мало того, отдѣльныя духовныя лица проклинали ее съ каѳедры, какъ навожденіе діавола. Лишь двадцать лѣтъ спустя, прививка была возобновлена въ Англіи епископомъ Isaak Maddox'омъ, въ Ворчестерѣ, который рекомендовалъ ее и въ сочиненіяхъ и проповѣдяхъ и устроилъ институты для прививокъ. Очень скоро въ защиту прививки выступили выдающіеся врачи, напр. Mead*, Tronchin въ Женевѣ, впослѣдствіи въ Парижѣ, знаменитѣйшій инокуляторъ своего времени, естествоиспытатель Condamine, математикъ d'Alembert, доказавшій статистически пользу прививки. Весьма много распространенію прививки способствовали трое англійскихъ врачей: Robert Sutton, его сынъ Daniel, который, хотя занимался прививкой чисто коммерчески, но существенно усовершенствовалъ ее, и Thomas

---

* См. выше стр. 339.

Dimsdale*; однако-же тамъ и сямъ, напр. въ Австріи, гдѣ старанія Ingenhousz нашли фанатическаго противника въ упрямомъ de Haën'ѣ**, инокуляціи пришлось бороться съ большими препятствіями. Но болѣе всякихъ рекомендацій признанію необходимости прививки способствовало обстоятельство, что Людовикъ XV умеръ въ 1774 г. отъ человѣческой оспы.

Вакцинація.

209. Въ предложеніяхъ вполнѣ искоренить человѣческую оспу уже и раньше не было недостатка. Boerhaave думалъ достигнуть этой цѣли употребленіемъ ртутныхъ и сурьмяныхъ препаратовъ, Rosén von Rosenstein***—смѣсью изъ каломеля, камфоры, сабура и гваяка, Medicus въ Маннгеймѣ—хиной. Эти старанія были возобновлены, когда убѣдились, что прививка при всѣхъ преимуществахъ сопряжена съ большими недостатками: напр., смертельный исходъ, хотя не частый, нѣкоторыхъ инокулированныхъ, отсутствіе абсолютной увѣренности въ предохранительномъ значеніи прививки главнымъ же образомъ опасность, возникшая при образованіи многочисленныхъ оспенныхъ очаговъ. Открытіе предохранительной силы вакцины обогатило человѣчество средствомъ, которое, при полной безопасности, доставляло почти абсолютную невоспріимчивость.—Уже до Jenner'а вакцинація была не безъизвѣстна во многихъ, занимающихся скотоводствомъ странахъ Персіи, Англіи и Германіи (напр.,

* Димсдаль—былъ приглашенъ въ Россію и привилъ оспу Императрицѣ Екатеринѣ II и (12 октября 1768 г.) великому князю Павлу Петровичу. Рѣшимость Императрицы подвергнуться этой операціи—считалась геройскимъ подвигомъ... Примѣръ, данный Императрицею произвелъ сильное впечатлѣніе. Сотни и тысячи лицъ вслѣдъ за Екатериною подвергли себя операціи оспопрививанія. (См. Брикнеръ, исторія царствованія Екатерины II). Ред.

** См. выше стр. 342.

*** См. выше стр. 344.

въ Ганноверской провинціи и Гольштиніи). Но никому иному, а Edward Jenner'у (17 мая 1749—26 янв. 1823) принадлежитъ вѣчная заслуга, что онъ сдѣлалъ вакцинацію собственностью человѣчества

Jenner, сынъ священника въ Берклеѣ, въ Шотландіи, началъ свою карьеру въ качествѣ ученика хирурга и аптекаря въ Sudbury, близъ Бристоля, учился затѣмъ въ Лондонѣ подъ руководствомъ великаго своего соотечественника John Hunter'а и жилъ затѣмъ въ качествѣ врача въ родномъ городѣ Превоначальная идея открытія возникла у Дженнера при разговорѣ съ крестьянкой, которая заявила, что предохранительная сила коровьей оспы извѣстна всѣмъ крестьянамъ этой мѣстности. Около 1775 года Jenner началъ свои изслѣдованія на фермахъ Gloucestershire; но лишь 14 мая 1796 г онъ предпринялъ первую прививку, перенесши вакцину съ руки доильщицы Sarah Nelmes на восьмилѣтняго ребенка James Phipps. Инокуляція, произведенная на послѣднемъ въ іюлѣ того же года, дала отрицательный результатъ. Теперь лишь, послѣ двадцати трехлѣтнихъ изслѣдованій, Jenner опубликовалъ свое первое сочиненіе: *An inquiry into the causes and effects of the Variolae vaccinae* и т д., за которымъ слѣдовали еще шесть другихъ.

Открытіе Jenner'а совпало съ періодомъ, весьма воспріимчивымъ къ реформамъ, и поэтому подверглось лишь небольшимъ нападкамъ. На континентѣ первая вакцинація была произведена 10-го мая 1799 года de Carro (1770—1857) врачемъ въ Вѣнѣ, впослѣдствіи въ Карлсбадѣ, вслѣдъ за тѣмъ въ Вѣнѣ—Çareno, въ Ганноверѣ первую прививку произвели Ballhorn и Christ. Friedr. Stromeyer; вскорѣ послѣ того вакцинація была введена во Францію, Бельгію и всѣ культурныя страны.—Англійскій народъ почтилъ заслугу Jenner'а въ 1802 г. національнымъ подаркомъ въ 10,000 ф. стерлинговъ, въ 1807 г.—другимъ подаркомъ въ 20,000 ф, а въ 1857 г. Jenner'у воздвигнута статуя въ Лондонѣ, въ Трюфальгарскомъ скверѣ.

Нападки, направленные въ новѣйшее время противъ вакцинаціи со стороны врачей и профановъ, служатъ лишь

доказательствомъ ослѣпленія и самомнѣнія ихъ авторовъ, ставящихъ въ вину открытію Jenner'а то, въ чемъ виновны лишь безпечность правительства и легкомысліе нѣкоторыхъ врачей.

Судебная медицина.

210. Развитіе судебной медицины начинается въ Италіи послѣ введенія „уголовнаго судопроизводства" Карломъ V, сочиненіемъ Fortunato Fedele (Fidelis), профессора въ Палермо [ум. въ 1630 г.] (*De relationibus medicorum*. Panormi, 1602. 4) и Paolo Zacchia (1584—1659), лейбъ-медикомъ Иннокентія IX (*Quaestiones medico-legales*. Rom. 1621—1635).

У французовъ до Ant. Louis* едва ли встрѣчается болѣе подробное изложеніе судебной медицины. Первыя нѣмецкія сочиненія по этому предмету написаны B. Suevus (Marpurg. 1629) и Pfeizer'омъ Нюрнбергѣ (2-ое издан. 1635). Научный періодъ судебной медицины начинается работами Joh Bohn'a** (*De renuntiatione vulnerum*. Lisp. 1689. 8 и слѣд.)—Извѣстными представителями этой отрасли въ позднѣйшее время являются Michael Alberti (1682—1757), профессоръ въ Галле;—Herm. Friedr. Teichmeyer (1685 - 1746), профессоръ въ Іенѣ;—Joh. Ernst Hebenstreit (1702—1757), профессоръ въ Лейпцигѣ;—многосторонній Ernst Platner;***—Ioh. Theodor Pyl (1749—1794) въ Берлинѣ и Ioh Daniel Metzger (1739—1805) въ Кенигсбергѣ.

Главнымъ виновникомъ цвѣтущаго состоянія, въ которомъ въ настоящее время находится судебная медицина въ Германіи, слѣдуетъ считать Adolph Henke изъ Брауншвейга (1775—1843), профессора въ Эрлангенѣ, автора классическаго руководства по этой спеціальности (Берлинъ, 1812.

---

* См. выше стр. 355.
** См. выше стр. 260.
*** См. выше стр. 319.

8. 11-ое 1852. 8.) — Обширныя руководства Mende, Tahner, Bernt и Wildberg'a тоже заслуживають должнаго вниманія.—Важнѣйшимъ изъ новѣйшихъ произведеній этого рода, по богатству заключающагося въ немъ фактическаго матеріала, является единственное въ своемъ родѣ сочиненіе Joh. Ludwig Casper'a (1796—1864), профессора въ своемъ родномъ городѣ Берлинѣ (Берлинъ, 1860 8 7 е изданіе 1880. 8.).

Извѣстными представителями судебной медицины у французовъ являются Henri Marc, изъ Амстердама, нѣмецъ по происхожденію, лейбъ-медикъ Луи - Филиппа,—Bonaventura Orfila—съ острова Минорки (1787—1853), работы котораго касаются главнымъ образомъ токсикологіи, — и Ambroise Tardieu (ум. въ 1879 г.), оба профессора въ Парижѣ.

Изъ новѣйшихъ представителей судебной медицины въ Англіи заслуживаетъ вниманія Robert Christison, профессоръ въ Эдинбургѣ, по его важному сочиненію объ отравленіяхъ (Эдинбургъ, 1830. 8. 4-ое изд.: Лондонъ; 1844. 8).

Исторія медицины и повальныхъ болѣзней.

211. Изъ многочисленныхъ медико-историческихъ сочиненій древности ни одно не сохранилось; арабская литература обладаетъ однимъ, написаннымъ Oseibia*;—у западныхъ средневѣковыхъ врачей, кромѣ отдѣльныхъ краткихъ обзоровъ, напр. у Guy de Chauliac'a**, ничего подобнаго не встрѣчается.—Въ теченіе XVI и XVII вѣковъ, въ період возобновленія изученія анатоміи и физіологіи, встрѣчаются лишь единичныя медико-историческія работы. Тѣмъ плодотворнѣе были слѣдующія два столѣтія Въ XVIII вѣкѣ сюда относится (доходящая лишь до Галена) *Histoire de la medicine* Daniel le Clerc'a, врача въ своемъ родномъ городѣ Женевѣ (Genève, 1696. 8 и слѣд.), и основательная

---

* См. выше стр. 139.

** См. выше стр. 169.

History of physik John Freind (Лондонъ, 1725. 1726. 8 и слѣд.) —Французская литература XVIII вѣка можетъ указать на *Исторію анатоміи и хирургіи*—Portal'я.*—Самымъ важнымъ представителемъ этого отдѣла въ теченіе упомянутаго періода среди итальянцевъ является Ant. Cocchi изъ Fumone, близь Флоренціи (1695—1751), профессоръ въ Флоренціи; его работы касаются преимущественно древности.

Главой длиннаго ряда превосходныхъ историковъ, выступающихъ въ теченіе XVIII вѣка въ Германіи, является Joh. Heinr. Schulze (1687—1744), профессоръ въ Галле,** основательная *Historia medicinae* (Lips. 1728. 4) котораго обнимаетъ лишь древнѣйшую греческую медицину.

Цѣнныя статьи по исторіи медицины написаны также Joh. Carl. Wilh. Moehsen'омъ (1722—1795), лейбъ-медикомъ въ Берлинѣ —Значительный толчекъ этимъ изслѣдованіямъ былъ данъ историческимъ направленіемъ, начатымъ Haller'омъ въ геттингенской школѣ; прежде всего работами самого Haller'а, затѣмъ главнымъ образомъ историко-литератературными сочиненіями Ernst Gottfr. Baldinger'a, изъ Gross-Vargula близь Эрфурта, и уже упомянутымъ авторомъ — *Geschichte der Entbindungskunst*—Friedr. Benj. Osiander'омъ ***

Значительныя услуги всѣмъ отраслямъ медико-историческаго изслѣдованія оказалъ Christian Gottfried Gruner изъ Сагана, въ Силезіи (1744—1815), профессоръ въ Іенѣ, именно своими незабвенными работами по исторіи оспы, сифилиса и англійскаго пота —Къ самымъ цѣннымъ работамъ въ этой области принадлежатъ, далѣе, *Institutiones historiae medicinae* (Norimb. 1792. 8.) Ioh. Christ. Gottl. Ackermann'a, изъ Цейленроды близь Геры (1756—1801), профессора въ Альторфѣ.

Основателемъ новѣйшей медицинской исторіографіи является Kurt Sprengel изъ Больдекова, въ Помераніи

* См. выше стр. 323.

** См. выше стр. 314.

*** См. выше § 203.

(1766—1833), профессоръ въ Галле, ученый, оказавшій значительныя услуги и ботаникѣ. Ни одна страна не можетъ указать сочиненія, сколько-нибудь напоминающаго его *Versuche einer pragmatischen Geschichte der Medicin* (3-е издан. Галле 1821—1828. 8. 5 т.).

Въ XIX вѣкѣ въ этой области работали Ioh. Gottl. Bernstein, изъ Заальборня близь Веймара (1747—1835), впослѣдствіи профессоръ въ Берлинѣ, авторъ *Geschichte der Chirurgie* (Лейпц. 1822. 1823. 8. 2 т.);—Wilh. Sprengel (ум. въ 1828) профессоръ въ Грейсфальдѣ, авторъ втораго тома *Geschichte der Chirurgie* своего брата Kurt'а,—Burkart Eble изъ Weil der Stadt въ Вюртембергѣ (1799—1839), профессоръ въ Вѣнѣ, продолжатель великаго произведенія Sprengel'я,—Ioh Ludwig Choulant изъ Дрездена (1791—1861), директоръ тамошней медико-хирургической академіи, авторъ библіографическихъ сочиненій, отличающихся полнотой и точностью, — Aug. Wilh. Ed. Theod. Henschel изъ Бреславля (1790—1821), тамъ же профессоръ, извѣстнѣе всего, какъ издатель медико-исторической газеты *Janus* и своимъ изданіемъ *Compendium Salernitanum*,—Ed. Casp. Jac. von Siebold, авторъ классической *Geschichte der Geburtshülfe**,—главнымъ же образомъ Just. Friedr. Karl Hecker изъ Эрфурта (1795—1850), профессоръ въ Берлинѣ, авторъ великолѣпно начатаго, къ сожалѣнію неоконченнаго, медико-историческаго сочиненія; онъ извѣстенъ также, какъ основатель новѣйшей исторической патологіи,—Jul. Rosenbaum, изъ Бурга, близь Магдебурга (1807—1874), авторъ *Geschilte der Lustseuche im Alterthume* (Halle 1839. 8).

Имя автора этой книги—профессора Heinrich Haeser'а (1811—1885) также принадлежитъ уже исторіи. Гезеръ родился 15 октября 1811 г. въ Римѣ. Въ 1834 г. онъ получилъ степень доктора медицины (въ Іенѣ) за диссертацію *De influentia epidemica*. Отрѣшившись отъ воззрѣній натурфилософской школы—Г. интересо-

---

* См. выше § 203.

вался болѣе всего физіологическими работами І. Мюллера и его школы—и историческими изслѣдованіями.

Въ 1846 г. Гезеръ получилъ званіе профессора. Изъ многочисленныхъ трудовъ его укажемъ здѣсь: *Historisch—pathologische Untersuchungen* (2 т. Дрезд. и Лейпц. 1839—41); *De Serano Ephesio etc.* (Іена, 1840, 4); *Lehrbuch der Geschichte der Medicin und der Volkskrankheiten* Іена, (1845 и мн. изд); *Grundriss der Geschichte der Medicin* (Іена 1884), которое въ настоящемъ переводѣ предлагается вниманію читателя,—и мн. друг.—Въ 1884 г. онъ праздновалъ 50 лѣт. юбилей полученія докторской степени. Умеръ 13 сентября 1885 г., въ Бреславлѣ. Гораздо менѣе занимались медико-историческими изслѣдованіями въ остальныхъ странахъ Европы; въ Италіи этому посвятили себя Salvatore de Renzi (ум. въ 1872 г., 72 лѣтъ отъ роду), профессоръ въ Неаполѣ, авторъ обширной *Storia della medicina italiana* (Nap. 1845—1848. 8. 5 т.) и издатель *Collectio Salernitana* (Nap. 1852. 8. 5 т.).—обнимающей всѣ важнѣйшіе источники исторіи салернской медицины,—Franc. Puccinotti (1794—1872), профессоръ въ Пизѣ, авторъ ***Исторіи медицины***—достоинство которой, къ сожалѣнію, умаляется ультрамонтанской точкой зрѣнія автора.

Изъ французовъ въ теченіе XIX вѣка выступали главнымъ образомъ Jean Eugène Dezeimeris (1799—1852) въ Парижѣ, издатель *Dictionnaire historique de la medicine*,—E. Pariset и E. Fréd. Dubois изъ Амьена, оба состояли секретарями медицинской академіи и написали превосходныя *Éloges* по случаю смерти членовъ академіи,—главнымъ же образомъ Emile Littré, академикъ въ Парижѣ, знаменитый своимъ изданіемъ Гиппократа и словаремъ французскаго языка,—Charles Daremberg изъ Дижона (1816—1882), профессоръ въ Парижѣ, издатель многихъ, открытыхъ имъ, большею частью крайне важныхъ древнихъ греческихъ врачей, и авторъ многихъ общихъ медико-историческихъ произведеній.

Во главѣ представителелей этой области въ Нидерландахъ стоятъ C. Broeckx (1807—1869), врачъ въ Антверпе-

нѣ,—Franz Zach. Ermerins изъ Миддельбурга (1808—1871), издатель Гиппократа, Аретея и Сорана.—U. Cats. Russemaker изъ Амстердама (ум. въ 1865 г.), издавшій сообща съ Daremberg'омъ Орибазія;—J. Banga (ум. въ 1877 г.), врачъ въ Франекерѣ, авторъ превосходной исторіи медицины въ Нидерландахъ, опубликованной имъ на 82-мъ году жизни. A. H. Israëls (ум. 27-го января 1883 г.), профессоръ въ Амстердамѣ, авторъ превосходныхъ монографій для исторіи медицины въ Нидерландахъ.

Испанія въ этой области можетъ указать на заслуженнаго автора *Bibliotheca medica espanola* Ant. Hernandes Morejon (1774—1836), главнаго врача испанской арміи, впослѣдствіи профессора въ Мадридѣ.

Въ заключеніе слѣдуетъ въ нѣсколькихъ словахъ упомянуть объ исторической патологіи, разработанной почти исключительно нѣмецкими врачами. Основателемъ ея слѣдуетъ считать Joh. Kanold'a, врача въ Бреславлѣ (1679—1729), работы котораго относятся главнымъ образомъ къ большимъ эпидеміямъ 1700—1716—гг. Еще важнѣе сочиненія Phil. Gabr. Hensler, автора классическихъ монографій по исторіи проказы, сифилиса и оспы, и упомянутыя уже работы Gruner'a и Kurt Sprengel'я.—Настоящимъ основателемъ названной имъ самимъ исторической патологіи слѣдуетъ считать Iust. Friedr. Karl Hecker'a, автора классическихъ монографій объ антонинской чумѣ, черной смерти, виттовой пляскѣ, крестовыхъ походахъ дѣтей, англійскомъ потѣ. Рядомъ съ этими работами занимаютъ почетное мѣсто изслѣдованія C. H. Euchs'a* объ исторіи рафаніи angina maligna и сифилисѣ.

Изъ исторіи русской медицины.

Систематическое изученіе медицины въ Россіи начинается въ XVIII столѣтіи. До этого времени практи-

---

* См. выше стр. 432.

ковавшіе въ Россіи врачи были иностранцы, приглашавшіеся исключительно для придворной службы и принимавшіе поэтому въ политической жизни нашего отечества едва-ли меньшее участіе, чѣмъ въ области своей спеціальности.

Самымъ древнѣйшимъ изъ нихъ былъ, кажется, Іоаннъ Смеръ, врачъ великаго князя Владиміра. Смеръ былъ въ числѣ тѣхъ лицъ, которыя были посланы Владиміромъ въ иностранныя земли.

Борисъ Годуновъ, намѣревавшійся устроить въ Россіи высшія школы по образцу германскихъ университетовъ, въ 1600 г. отправилъ за границу І. Крамера и Р. Бекмана, съ повелѣніемъ, призвать въ Россію профессоровъ и опытныхъ медиковъ.—При царѣ Михаилѣ Феодоровичѣ состоялось назначеніе врачей при арміи (1615), когда была учреждена и первая полевая аптека. Придворная аптека учреждена была еще при Іоаннѣ Васильевичѣ.

Въ 1620 г. былъ учрежденъ Аптекарскій Приказъ, переименованный впослѣдствіи (1707) въ Аптек. Канцелярію и еще позже въ Медицинскую Канцелярію (1725), когда, собственно, Россія и увидѣла у себя настоящее центральное медицинское управленіе.

Петръ Великій еще до своего путешествія выписывалъ изъ-за-границы—чрезъ Лефорта—въ числѣ разныхъ спеціалистовъ—и врачей.

Во время пребыванія за границей—Петръ знакомился съ выдающимися авторитетами медицинской науки. Такъ, онъ весьма часто посѣщалъ анатомическій театръ и лекціи Рюйша, въ сопровожденіи котораго бывалъ и въ больницѣ, слушалъ лекціи у знаменитаго Бёргаве, учился даже микроскопіи у Лейвенгёка. Любовь и способности царя къ занятіямъ медициной иллюстрируются слѣдующимъ фактомъ: 26 апрѣля 1723 года царь совершилъ „брюшную операцію“ (punctio abdominis)—надъ женою голландскаго купца Борета,—къ удивленію присутствующихъ при этой операціи врачей.

До эпохи Петра русскіе отправлялись за границу для ученія въ рѣдкихъ случаяхъ; чаще для этой цѣли посылались проживающіе въ Москвѣ иностранцы Въ 1692 г. сынъ подъячаго Петръ Постниковъ былъ отправленъ за границу для изученія медицины; въ Падуѣ онъ пріобрѣлъ степень доктора медицины (1696).

Въ 1702 г. прибылъ въ Россію докторъ—знаменитый Николай Бидлоо, которому вскорѣ было поручено завѣдываніе устроеннымъ (1706 г.) въ Москвѣ „гофшпиталемъ", при которомъ находился и анатомическій театръ. Это былъ первый госпиталь не только по спеціальности назначенія „для лѣченія болящихъ людей", но и по другой цѣли, тѣсно связанной съ первою: онъ былъ первою медицинскою школою или медико-хирургическимъ училищемъ въ Россіи,—и уже въ 1712 г. Бидлоо доносилъ царю, что было у него всего 50 учениковъ и что многіе изъ нихъ пріобрѣли основательныя познанія въ хирургіи. Кромѣ послѣдней —главными предметами преподаванія въ школѣ служили анатомія и „аптекарская наука".

Докторъ Н. Бидлоо умеръ 23 марта 1835 г. Со смертію его кончился первый періодъ Московскаго госпитальнаго медицинскаго училища. „Это былъ періодъ элементарный, зародышный; но тѣмъ не менѣе имъ рѣшенъ вопросъ—способны-ли мы учиться и выйдетъ-ли прокъ изъ нашихъ попытокъ посѣять и выростить самостоятельную медицину на невоздѣланной русской почвѣ".

Николай Бидлоо и его ближайшіе сотрудники (Кланке, Репкенъ, Эйхлеръ и Маакъ) являются первыми нашими медицинскими учителями и первыми работниками „при возведеніи величественнаго нынѣ зданія русской медицины".

Въ 1716 г. Петръ учредилъ въ С. Петербургѣ генеральный адмиралтейскій (морской) госпиталь, а въ слѣдующемъ 1717 г.—„генеральный сухопутный госпиталь", въ которыхъ также введено было - по образцу

Московской школы—систематическое преподаваніе медицинскихъ наукъ; около этого же времени учреждаются полевые лазареты въ различныхъ частяхъ Имперіи Въ 1737 г. является указъ о назначеніи гражданскихъ врачей во многіе города внутри Имперіи —для оказыванія помощи жителямъ (городскіе врачи?) Большинство этихъ врачей были воспитанники собственныхъ, русскихъ медицинскихъ училищъ и вполнѣ удовлятворяли тогда потребностямъ государственной медицинской службы.

Въ 1755 году—12 января—послѣдовалъ указъ объ учрежденіи въ Москѣ „новаго и болѣе обширнаго, разносторонняго и могущественнаго разсадника наукъ"— Императорскаго Московскаго университета съ медицинскимъ въ немъ факультетомъ, а въ 1758 г. послѣдовалъ уже указъ о томъ, „чтобы неученые въ медико-хирургической практикѣ, не свидѣтельствованные и неудостоенные въ оной отъ медицинскаго вѣдомства люди—никого не лечили; и кто о таковыхъ донесетъ медицинскому начальству, того награждать"...

Императоръ Павелъ Петровичъ уважалъ медицину и медиковъ, часто и охотно посѣщалъ госпитали и заботился о благоустройствѣ ихъ. 18 декабря 1798 г. главному директору Медицинской Коллегіи* д. т. с. барону Васильеву былъ данъ Высочайшій именной указъ о постройкѣ зданія медико-хирургической академіи, а 12 февраля 1799 г. медико-хирургическія училища—Московское и Петербургское—преобразованы въ медико-хирургическія академіи.

Еще въ царствованіе Екатерины II неоднократно возникалъ вопросъ объ учрежденіи университетовъ въ различныхъ мѣстахъ нашего отечества, но эти благія намѣренія не были приведены въ исполненіе, и лишь въ XIX столѣтіи мы видимъ, какъ одинъ за другимъ возникаютъ университеты и медицинскіе фа-

* Учреждена была при самомъ началѣ царствованія Екатерины II, 1767 г.

культеты: въ Казани (1804), Харьковѣ (1805), Варшавѣ (1816), Петербургѣ* (1819), Кіевѣ (1842), Одессѣ* (1864)—и наконецъ, въ наше время открытъ университетъ (медицинскій факультетъ) въ Томскѣ (1888) Кромѣ того университетъ въ Дерптѣ (открытый еще въ 1632) возобновленъ въ 1802, въ Гельсинфорсѣ—1813. Виленская медицинская академія (основанная еще въ 1576 г.) была закрыта въ 1831.—Медико хирургическая академія преобразована нынѣ въ Военно медицинскую.—Начало XIX вѣка является уже новымъ шагомъ самостоятельнаго, научнаго развитія русской медицины, которая въ наше время имѣетъ выдающихся представителей и составляютъ предметъ ревностнаго изученія многихъ западныхъ врачей...

Русская медицина XIX вѣка еще не нашла себѣ историка.**

---

* Безъ медицинскихъ факультетовъ.

** См. Брикнеръ, l. c. Кромѣ того—Исторія царствованіи Петра Великаго. Чистовичъ, Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи. Перфильевъ, Матеріалы для исторіи медицинской журналистики въ Россіи.

Указатель именъ*).

*) Составленъ нѣсколько подробнѣе, чѣмъ въ оригиналѣ. *Ред.*

*

ВАЖНѢЙШІЕ ПРОПУСКИ И ОПЕЧАТКИ.

Стр. 58, строка 17 сверху—читай: различнѣйшіе, естественные

Стр. 112, строка 13 снизу — — : меланхоліи

Стр. 188, строка 19 сверху— — : поставившее

Стр. 190: Примѣчаніе, обозначенное ** нужно поставить прежде примѣчанія, стоящаго подъ знакокъ *.

Стр. 241, строка 15 сверху—читай: законамъ, которые самъ Богъ, ихъ Источникъ, не могъ бы измѣнить.

Стр. 242, строка 3 сверху (въ примѣчаніи) читай: *и* (а не *о*) физіологіи.

Стр. 288, строка 13 снизу—читай: кровопусканія, каждое около....

Стр. 324, строка 5 снизу—читай: *Zinn* (вмѣсто Finn)

Стр. 383, Примѣчаніе, читай: * См. выше стр. 343.

Стр. 420, строка 13 снизу—читай: фистулой и *Blondlot'a*—надъ животными съ искуственными желудочными фистулами.

Стр. 423, строка 11, снизу—читай: простота (вмѣсто: пустота):

Стр. 477, Примѣчаніе. Строка 1, читай Димсдаль; стр. 2—читай: Екатеринѣ II (12 Октября 1768 г.) и великому....

Стр. 479, строка 11 сверху—читай: лейбъ-медика....

Стр. — — 17 — — — : судебной медицины въ Германіи....

Стр. 480, строка 1 сверху—читай: Fahner (вмѣсто Tahner).